50
ЗНАМЕНИТЫХ
УБИЙСТВ
FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эдуард V и Карл Либкнехт, Улоф Пальме и Григорий Распутин, Джон Кеннеди и Павлик Морозов, Лев Троцкий и Владислав Листьев… Что связывает этих людей? Что общего в их судьбах? Они жили в разные исторические эпохи, в разных странах, но закончили свою жизнь одинаково — все они были убиты. Именно об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и об убийствах знаменитых людей пойдет речь в этой книге.

На ее страницах вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Информация, предложенная авторами, беспристрастна и правдива, и если существует несколько версий совершения того или иного убийства, то приводятся они все, а уж какой из них придерживаться — дело читателей…

- Александр Фомин, Владислав Миленький
  - От авторов
  - ДРЕВНИЙ РИМ. ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ
    - ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН (106-48 до н. э.)
    - ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ (100 или 102-44 до н. э.)
    - ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА (12–41)
    - БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ (10 до н. э. — 54 н. э.)
  - АНГЛИЯ
    - БЕКЕТ ТОМАС (1118–1170)
    - ЭДУАРД II ПЛАНТАГЕНЕТ (1284–1327)
    - ЭДУАРД ПЯТЫЙ (1471–1483)
    - БЕКИНГЭМ ДЖОРДЖ (1592-1628)
  - ФРАНЦИЯ. В ЖЕРТВУ ВЕРЕ
    - КОЛИНЬИ ГАСПАР ДЕ ШАТИЙОН (1519–1572)
    - ГЕНРИХ III ВАЛУА (1551–1589)
    - ГЕНРИХ IV БУРБОН (1553–1610)
    - В ЖЕРТВУ ИДЕЕ. МАРАТ ЖАН ПОЛЬ (1743–1793)
  - НАЧАЛО КАТАСТРОФЫ. ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД (1863–1914)
  - …И УМЕРЛИ В ОДИН ДЕНЬ
  - ЗА ЧТО? ПАЛЬМЕ УЛОФ (1927-1986)
  - УБИЙСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ
    - БОРИС, КНЯЗЬ ЯРОСЛАВСКИЙ, И ГЛЕБ, КНЯЗЬ МУРОМСКИЙ (около 988-1015, 984-1015)

- МАМАЙ (? -1380)
- ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО «НАСЛЕДНИКИ»
  - ИВАН ИВАНОВИЧ (1554–1581)
  - ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
  - ЛЖЕДМИТРИЙ I (? —1606)
  - ЛЖЕДМИТРИЙ II (?-1610)

○ ОТЕЦ И СЫН, ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В РОССИИ
- ПЕТР III
- ПАВЕЛ I (1754–1801)

○ ГРИБОЕДОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (1790 или 1795-1829)

○ ЖЕРТВЫ ТЕРРОРА
- АЛЕКСАНДР II (1818–1881)
- ПЛЕВЕ ВЯЧЕСЛАВ КОНСТАНТИНОВИЧ (1846-1904)
- СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857-1905)
- ГАПОН ГЕОРГИЙ (1870–1906)
- СТОЛЫПИН ПЕТР АРКАДИЕВИЧ (1862–1911)
- РАСПУТИН ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ (?-191б)

○ УБИЙСТВА В ИСТОРИИ США
- ЗА ЧТО УМИРАЮТ ПРЕЗИДЕНТЫ
  - ЛИНКОЛЬН АВРААМ (1809–1865)
  - КЕННЕДИ ДЖОН ФИТЦДЖЕРАЛЬД
- КИНГ МАРТИН ЛЮТЕР (1929-1968)

○ В АМЕРИКУ НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ
- ЛЕННОН ДЖОН УИНСТОН (1940–1980)
- Джанни Версаче (1946-1997)

○ ИНДИЯ
- ГАНДИ МОХАНДАС КАРАМЧАНД (МАХАТМА) (1869–1948)
- ГАНДИ ИНДИРА (1917-1984)
- ГАНДИ РАДЖИВ (1944–1991)

○ АФРИКА
- ЛУМУМБА ПАТРИС ЭМЕРИ (1925–1961)

○ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАДЫ
- АЛЬ-САДАТ МОХАММЕД АНВАР (1918–1981)
- РАБИН ИЦХАК

○ СССР
- УБИЙСТВО КАК ПРОПАГАНДА. СОЗДАНИЕ КУЛЬТА
- КИРОВ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ (1886-1934)
- У НАС ДЛИННЫЕ РУКИ. ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ ДАВИДОВИЧ (1879-1940)
- БАНДЕРА СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ (1909–1959)

- МЕНЬ АЛЕКСАНДР (1935-1990)
- ПОСЛЕ РАСПАДА. ЛИСТЬЕВ ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ (1957-1995)

○ А БЫЛО ЛИ УБИЙСТВО?
- МОЦАРТ ВОЛЬФГАНГ АМАДЕЙ (1756–1791)
- СКОБЕЛЕВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (1843–1882)
- ЩОРС НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895-1919)

Александр Фомин, Владислав Миленький
50 знаменитых убийств

От авторов

> Смерть — самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни.
>
> Н.А. Бердяев.

Как часто в наших повседневных разговорах, ссорах и дрязгах мы подчеркиваем негативные качества человека, используя «зоологические» эпитеты! Не реже подобные сравнения мы встречаем и в литературе. Хитрость лисы, коварство змеи, жестокость волка, подлость шакала… Между тем мы забываем об общеизвестном факте: убийство себе подобных, как массовое явление, не характерно для всех этих «нехороших» животных. Незнакомые с человеческой моралью представители животного мира крайне редко убивают особей своего вида. Большинство конфликтов среди животных, будь то ссора из-за места проживания, драка за добычу или брачный поединок, крайне редко заканчиваются гибелью проигравшего. Напротив, в моральных устоях большинства человеческих сообществ убийство считается одним из самых тяжелых преступлений. И тем не менее, люди убивают друг друга сплошь и рядом. Из-за денег или в борьбе за власть, в приступе гнева, из мести или для собственного удовольствия. Даже в тех случаях, когда основным мотивом убийства является высокая идея, «моральность» такого поступка не может не вызывать сомнений.

На страницах этой книги вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Мы не станем потакать сознательному или подсознательному желанию прославиться, характерному для многих из этих психически больных людей. В основном здесь собрана информация об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и убийствах знаменитых людей. Не удивительно, что большинство статей посвящено гибели государственных деятелей разных времен: от Древнего Рима и до наших дней. Шведский политик 17 века граф Аксель Оксеншерна писал: «Подвергаться смертельной опасности для того, чтобы остаться в истории — значит заплатить жизнью за каплю чернил». Но во все времена хватало людей, которые считали иначе. Мы внесем свою скромную лепту в ту каплю чернил, за которую они отдали жизнь.

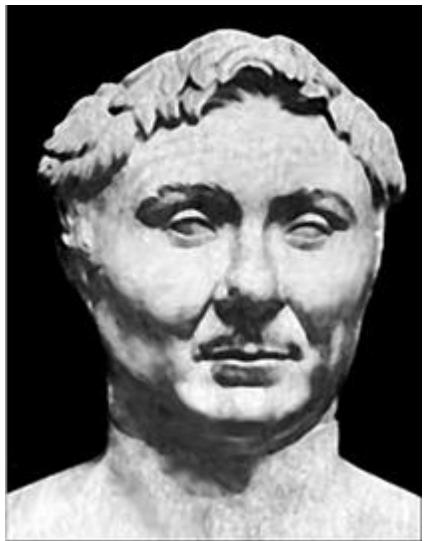
Практически в каждой статье мы старались не только рассказать о самом убийстве, но и кратко изложить биографию

героя, по возможности описать политическую ситуацию, и роль, которую играли в ней упоминающиеся лица, изложить возможные мотивы преступления, рассказать о последствиях убийства и дальнейшей судьбе преступников. Кроме того, во всех случаях, по поводу которых среди исследователей (когда речь идет о преступлениях далекого прошлого) или следователей (если рассказывается о современных событиях) нет единого мнения, мы старались беспристрастно рассматривать все обнаруженные нами точки зрения.

Большинство статей собрано в разделы. В ряде случаев мы хотели не только описать отдельных людей и обстоятельства их смерти, но и дать краткую характеристику какой-либо эпохи в истории некоторых стран. Поэтому мы рекомендуем последовательно читать статьи, входящие в один раздел. Особенно сильно связаны между собой статьи из следующих разделов: «Франция. В жертву вере» (описаны события во Франции в эпоху религиозных войн), «Иван Грозный и его «наследники» (обстоятельства жизни и смерти Ивана Грозного, Ивана и Дмитрия — его сыновей, Лжедмитрия I и II), «Жертвы террора» (посвящен деятельности революционных террористических организаций в России), «Индия».

ДРЕВНИЙ РИМ. ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН (106-48 до н. э.)



Римский полководец и политик. После отказа сената утвердить его мероприятия на Востоке и наделить его солдат землей в 60 г. до н. э. вошел в соглашение с Крассом и Цезарем (1-й триумвират). После распада триумвирата (53) воевал против Цезаря. В 48 г. до н. э. победил его при Диррахии (Эпир), но затем был сам разбит Цезарем при Фарсале (Фессалия). Бежал в Египет, где был убит приближенными царя Птолемея Диониса.

Окончательный разгром Карфагена в 146 г. до н. э. сделал Рим крупнейшей средиземноморской державой, владевшей множеством колоний, число которых увеличивалось в результате новых военных успехов. Воины промышляли грабежом захваченных территорий. Большая же часть гражданских лиц вела праздный образ жизни, пользуясь результатами труда рабов и жителей многочисленных колоний. В связи с этим политика была одним из любимых занятий среднестатистического гражданина: материальные блага нужно было как-то делить. На политической арене Рима сформировались две противоборствующие политические партии: оптиматы, защищавшие интересы патрициев, и популяры, действующие в интересах плебеев.

«Политика — самое грязное дело» — эту или похожие по смыслу фразы можно постоянно слышать от людей самых разных возрастов, убеждений и профессий, в том числе, как это ни странно, и от самих политиков. Политическая борьба в Древнем Риме была, пожалуй, даже более острой, беспринципной и жестокой, чем в настоящее время. Интриги, клевета, подкуп

избирателей и государственных деятелей всех уровней, запугивание оппонентов и, наконец, политические убийства — не изобретение наших дней. Все эти способы политической борьбы процветали в Древнем Риме.

При этом следует помнить, что моральные нормы Древнего Рима сильно отличались от современных. Поэтому давайте попытаемся смотреть на Помпея и его современников с беспристрастностью, право на которую дали нам века, прошедшие с тех пор, и не будем делить персонажей на положительных и отрицательных.

Гней Помпей Магн по праву считается одним из величайших полководцев в истории человечества. За свою жизнь он выиграл более десятка различных войн, а проиграл только одну. Нежелание смириться с этим поражением и стало для него роковым.

К отцу Помпея, Страбону, римляне не питали теплых чувств. Он был прекрасным воином и полководцем, но его ненасытное корыстолюбие вызвало такую сильную ненависть со стороны народа, что после смерти его тело было сброшено толпой с погребального ложа и осквернено. Тем удивительней отношение сограждан к Помпею. С юных лет и до самой смерти он пользовался любовью и уважением народа. В молодости его привлекательная внешность (окружающие находили, что юноша похож на изображения Александра Македонского) располагала еще до того, как Помпей начинал говорить. Окружающие также с симпатией относились к его скромности и простоте в быту — качеству, которому Помпей не изменил до конца своих дней.

В возрасте девятнадцати лет Помпей участвовал вместе со своим отцом, Страбоном, в гражданской войне. Многочисленные гражданские войны — еще одна не самая привлекательная черта отношений между политическими лидерами того времени. Уже тогда молодой Помпей проявил отвагу и умение общаться с солдатами. Однажды ночью воины, недовольные действиями Страбона, подняли мятеж и хотели покинуть своего полководца. Страбон, напуганный происходящим, побоялся выходить из палатки. Но Помпей, который сам только что едва избежал покушения, вышел к воинам и сумел уговорить большинство из них не покидать отца.

После смерти Страбона Помпея привлекли, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Помпей смог выяснить и доказать, что большая часть денег похищена вольноотпущенником его отца Александром. Вещи же и книги, присвоенные Страбоном в походе и доставшиеся Помпею, были похищены при следующих обстоятельствах: после того как в Рим

вернулся Цинна, его телохранители ворвались в дом к Помпею и разграбили его (что тоже было вполне нормальным явлением). Во время судебного разбирательства Помпей продемонстрировал сообразительность и ум, вызвавшие восхищение претора Антистия, который был судьей на процессе. Антистий предложил в жены Помпею свою дочь, Антистию, и тот принял это предложение. Стоит ли говорить о том, что приговор был оправдательным.

В это время к власти в Риме пришли популяры. Помпей собирался стать на их сторону, но подвело происхождение. Популяры не очень-то доверяли представителю знатной семьи. Поэтому Помпей покинул Рим и поселился в италийской области Пицене, где у него имелись обширные земельные владения.

Вскоре разгорелась новая гражданская война. Два знаменитых полководца того времени — Марий, происходивший из небогатой семьи и опиравшийся на поддержку популяров, и Луций Корнелий Сулла, потомок разорившегося аристократического рода, поддерживаемый оптиматами, — оспаривали право возглавлять римские войска в войне с понтийскимй! царем Митридатом VI Евпатором. Война эта обещала славу и богатство. Сулла был моложе и занимал должность консула. Кроме того, в нескольких последних войнах он снискал себе громкую славу и популярность среди воинов. Поэтому именно ему, скорее всего, должно было достаться руководство этой многообещающей кампанией. Понимая это, популяры устроили вооруженный мятеж, и Сулла, загнанный погоней в дом Мария, был вынужден пойти на ряд уступок, в том числе и перепоручить поход против Митридата Марию. Однако амбициозный Сулла не собирался сдаваться. Усыпив бдительность Мария, он бежал из Рима и сумел добраться до Нолы, места дислокации войск, раньше направленных туда военных трибунов, которые должны были принять войско и привести его к Марию. Узнав о случившемся, воины отказались подчиниться военным трибунам. В это время сторонники Мария в Риме начали преследовать и грабить друзей Суллы. Появились беглецы. Часть бежала из города в лагерь, часть — наоборот. Сулла поднял войска и повел их на Рим, чего в истории «вечного города» еще никогда не случалось.

В это время на арене и появился наш герой. Помпей наблюдал за происходящей борьбой и видел, что в лагерь Суллы бежит все больше знатных и богатых людей.

В конце концов он тоже решил примкнуть к оптиматам. Но предпочел явиться к Сулле, оказав ему важную услугу. Опираясь на связи своего отца с зажиточными гражданами Пицен, Помпей

убедил их не подчиняться находящемуся тогда у власти Карбону, лидеру популяров, и перейти на сторону Суллы. Собрав три полных легиона, Помпей двинулся на встречу с Суллой, по пути постоянно вступая в сражения с превосходящими его силами популяров и выходя из них победителем.

При воссоединении войск произошел интересный эпизод. Приветствуя Суллу, Помпей по обычаю назвал его императором, а Сулла, в свою очередь, наградил Помпея этим же титулом, за который он, собственно, и сражался с Марием. Учитывая молодость Помпея (ему в это время по разным источникам было 20–23 года) и то, что он даже не был сенатором, этот случай можно назвать беспрецедентным.

Став по окончанию войны диктатором, Сулла предложил Помпею развестись с женой и жениться на своей падчерице Эмилии. Эмилия, к слову, на тот момент была уже замужем и находилась «в положении». Скорее всего, Помпей просто не мог отказаться от подобной «чести», чем сам стремился к этому браку. Но, так или иначе, брак был заключен.

Через некоторое время популяры во главе с Карбоном и Перпеной снова смогли собрать войска и укрепиться в Сицилии. Против них во главе большого войска был послан Помпей. Практически без боя овладев Сицилией, Помпей, возможно, боясь быть заподозренным в симпатии к популярам, казнил самых известных противников Суллы, при этом не мешая, а той помогая скрыться остальным. После этого Помпей получил приказ отправиться в Африку, где, проявив незаурядный тактический талант, разбил двадцатитысячное войско, собранное еще одним популяром Домецием. Победой над Домецием военные подвиги Помпея не ограничились, и он предпринял поход в Нумидию, чем расширил владения империи и укрепил власть римлян в Африке. В это время Помпею было двадцать четыре года.

Возвратившись с войском на родину, Помпей получил от Суллы приказ распустить войско. Воины, несмотря на уговоры Помпея, отказывались его покинуть. В конце концов Помпею даже пришлось пригрозить, что он покончит с собой, если войско не перестанет бунтовать. После этого Сулла, уже было испугавшийся, что молодой полководец использует свою популярность в войске для захвата власти, устроил ему пышный прием и прибавил к его имени прозвище Магн (Великий). Первое время Сулла, правда, не позволял Помпею отпраздновать триумф, но потом, возможно, испугавшись влияния, которое оказывал молодой полководец на войско, согласился. Такв двадцать четыре года Помпей удостоился триумфа. Еще один уникальный эпизод в его судьбе.

После смерти Суллы (в 78 г. до н. э.), один из консулов, Лепид, собрал вокруг себя бывших сторонников Мария и поднял восстание против сената. Помпей был назначен главнокомандующим и легко расправился с повстанцами. После победы Помпей отказался распускать войска и добился разрешения отправиться в Испанию, чтобы принять участие в подавлении антиримского восстания, возглавленного Серторием. Получив такое разрешение и прибыв в Испанию, Помпей принял активное участие в военных действиях. Но тут его чуть было не подвели собственные амбиции. На реке Сурконе Помпей поспешил вступить в сражение с основными силами Сертория, не дожидаясь прибытия войск второго римского полководца Метелла, с которым не хотел делить славу. К концу дня победитель не определился, но ближе к победе были войска Сертория. Сам Помпей чуть было не погиб в этой битве. А на следующий день прибыли войска Метелла и Серторий отступил.

Восстание с переменным успехом продолжалось, пока Серторий не был убит предателями, во главе которых стоял Перпена. Тот самый Перпена, который уступил в свое время Помпею Сицилию. Возглавив повстанцев, Перпена повел дела не так умело, как его предшественник, и вскоре был разбит Помпеем, опять проявившим свой стратегический талант. В решающем сражении Помпей выслал вперед десять когортШ в качестве приманки, а когда Перпена напал на них и стал преследовать, подвел основные войска.

Возвращение Помпея в Италию совпало с восстанием рабов. Римский полководец Марк Красе разбил повстанцев, а остатки войска попали в руки Помпея, который распял более пяти тысяч пленных на крестах и написал в сенат, что Красе разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем.

Римляне опасались, что Помпей пойдет по стопам Суллы и, воспользовавшись войском, захватит власть, но Помпей объявил, что распустит войска сразу после триумфа.

В 71 году до н. э. был отпразднован второй триумф Помпея, а в 70-м Помпей и Красе были избраны консулами. Во время консульства Помпей изменил свои политические взгляды и перешел на сторону популяров. Он восстановил должность народных трибунов, отмененную Суллой, что увеличило его и без того большую популярность в народе. За время консульства отношения между Помпеем и Крассом, которые никогда не были гладкими, стали еще напряженнее.

Но политические таланты Помпея сильно уступали его талантам полководца. Поэтому после окончания срока

консульства Помпей был назначен командующим в войне с пиратами.

Обосновавшись на Юго-Восточном побережье Малой Азии, пираты воспользовались гражданскими войнами в самой Италии и, захватив господство на море, стали грабить прибрежные города. Подобное ремесло стало настолько выгодным, что многие знатные и состоятельные люди становились пиратами. Морская торговля на Средиземном море стала невозможной, и Рим столкнулся с недостатком продовольствия. Поэтому был принят законопроект, предоставлявший Помпею командование флотом, неограниченные полномочия в провинциях, возможность брать любое количество денег из казначейства.

Вера римлян в Помпея была настолько большой, что, когда законопроект был обнародован, упали цены на продовольствие. Помпей собрал флотилию из пятисот кораблей. Затем, разделив все Средиземное море на тринадцать участков, он расположил в каждом из них определенное количество кораблей с начальником во главе. Таким образом было захвачено много пиратских кораблей. Некоторые пираты сдались Помпею. Он забрал их корабли, не причинив вреда команде, что послужило примером для многих других. Главная битва с пиратским флотом состоялась у крепости Коракесия в Малой Азии. Потерпев поражение в морском сражении, пираты укрылись в крепости, были осаждены и вскоре сдались. Удивительно, что Помпей не покарал пиратов, а расселил их в отдаленных от моря местах.

В это время произошли события, сыгравшие в дальнейшей жизни Помпея негативную роль. Один из народных трибунов, Манилий, предложил закон, согласно которому Помпею передаются все провинции и войска, во главе которых стоял Лукулл — полководец, который уже восемь лет вел войну с Митридатом. Знатные римляне понимали, что такие меры незаслуженно обидят Лукулла, добившегося в войне многих успехов и сделавшего окончательную победу над Митридатом делом времени, но, опасаясь гнева народа, уклонились от обсуждения законопроекта. В результате закон был принят. Прибыв в провинции, Помпей принялся демонстрировать, «кто в доме хозяин», всюду отменяя указы Лукулла. Кроме того, он открыто издевался над подвигами Лукулла, нажив в лице последнего опасного противника.

После отъезда Лукулла Помпей выступил против Митридата. Эта война оказалась достаточно продолжительной. Несколько раз Помпей разбивал войска Митридата, но тот собирал все новые силы. Преследуя Митридата, Помпей вторгся в Армению, царь которой, Тигран, предпочел подчиниться римлянам.

Преследование Митридата продолжалось через Албанию и Иберию, находящиеся на территории современного Азербайджана и Грузии. Попутно Помпей разбил в сражениях и альбанов, и иберов. Но Митридат укрылся на Киммерийском Боспоре, современном Керченском полуострове.

Вернувшись в Малую Азию, Помпей покорил Сирию и Иудею. Но, не разбив окончательно Митридата, нельзя было считать войну законченной. А захватить понтийского царя на Керченском полуострове было бы непросто. Тут Помпею помог случай: сын Митридата Фарнак поднял восстание против своего отца, армия приняла стороны восставших и, после того, как столица Пантикапей (современная Керчь), была захвачена повстанцами, Митридат покончил с собой. Эти события позволили Помпею вернуться в Италию.

В Риме поползли слухи о том, что Помпей собирается использовать войска для установления единовластия. Многие богатые граждане, в том числе и Красе, стали покидать столицу. Но Помпей сразу по прибытии в Италию приказал воинам разойтись до празднования триумфа по домам. Узнав об этом, жители городов выходили навстречу Помпею, и когда полководец входил в Рим, его сопровождала восторженная толпа, превышавшая по численности распущенное войско. Так что, задумай Помпей совершить государственный переворот, он мог бы сделать это и без помощи войска.

Третий триумф Помпея, длившийся два дня, был грандиозен. Впереди шествия несли таблицы, на которых обозначались страны, покоренные полководцем: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, Иберия, Альбания, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия. Далее было написано, что Помпей захватил не менее тысячи крепостей, девятьсот городов, восемьсот кораблей у пиратов. Также указывалось, что до похода доходы от податей составляли пятьдесят миллионов драхм, а захваченные Помпеем земли принесут восемьдесят пять миллионов. Больше же всего славы Помпею принесло то, что свой третий триумф он праздновал как бы уже за победу над третьей частью света: первый был за победу над Африкой, второй — над Европой и третий — над Азией.

Казалось бы, имея громадную популярность во всех слоях общества, Помпей был просто обречен на блистательную политическую карьеру. Но еще раз приходится признать, что Помпей-полководец и Помпей-политик — фигуры разного масштаба. Именно в это время, когда Помпей, казалось, находился на вершине славы и могущества, и начались события, приведшие через некоторое время к его убийству.

У Помпея начались политические неприятности. Сенат устроил Лукуллу торжественный прием в Риме и стал побуждать полководца, оскорбленного Помпеем, к политической деятельности. Таким образом сенаторы собирались ограничить влияние Помпея. После возвращения Помпея в Рим Лукулл стал отстаивать правильность своих указов в Азии, отмененных Помпеем, и сенат во всем признал его правоту. Не имея поддержки в сенате, Помпей был вынужден искать сторонников среди народных трибунов и очень быстро попал в зависимость от некоего Клодия, который стал активно пользоваться популярностью Помпея в своих целях, а затем предал его.

В это время в политическую жизнь Рима активно вмешался Гай Юлий Цезарь. Он смог примирить старинных противников — Помпея и Красса — и заключил с ними в 60 году до н. э. тайный союз, триумвират. Для укрепления союза Помпей женился на дочери Цезаря — Юлии. Деньги Красса, влияние, которое оказывал на армию Помпей, и расположение простолюдинов, которое уже успел завоевать щедрыми подачками Цезарь, — все это вместе было политической силой, противостоять которой было практически невозможно. Согласно замыслам триумвиров, Цезарь был избран консулом на 59 год до н. э.

Став консулом, он тотчас же предложил законопроект об основании колоний и раздаче земель, призванный улучшить положение «бедняков и неимущих». «Бедняками и неимущими» в основном почему-то оказались 20 тысяч ветеранов Помпея. Против этого законопроекта выступил второй консул 59 года — Бибул, но Помпей выступил в защиту законопроекта и даже пообещал защищать его с мечом в руках. Через некоторое время воины Помпея напали на Бибула, когда тот спускался на форум вместе с Лукуллом и Катоном. Катон — человек, всегда стоящий на стороне закона, пытался оказать хоть какое-то сопротивление триумвирату. В результате нападения было ранено двое народных трибунов, а запуганный Бибул на восемь месяцев заперся у себя в доме и не появлялся для выполнения своих обязанностей консула.

После этого Цезарь и Помпей уже без помех провели законопроект, вызвавший, надо заметить, одобрение народа. Воспользовавшись этим, Цезарь смог, что называется «под шумок», добиться принятия еще нескольких, более сомнительных, решений. Так, например, были утверждены спорные распоряжения, сделанные Помпеем в Азии, когда тот пришел на смену Лукуллу. По окончании консульства Цезарь получил в управление на пять лет провинцию Галлию. Консулами на следующий год были избраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний,

ставленник Помпея.

Цезарь, уезжая в свою провинцию, позаботился о том, чтобы Помпей не стал единоличным властителем Рима. Он поручил Клодию всячески мешать Помпею. Клодий с азартом взялся за дело. Он затеял несколько судебных процессов против сторонников Помпея. Когда же тот пожелал лично выступить на одном из процессов, подкупленная Клодием толпа не дала Помпею говорить, крича и обвиняя его в тирании.

Дело дошло до вооруженных столкновений. Одного из рабов Клодия поймали, когда тот пытался подобраться к Помпею с мечом в руках. На улицах города то и дело происходили стычки между сторонниками Клодия и солдатами Помпея. Помпей смог добиться возвращения в Рим изгнанного Клодием Цицерона. Цицерону удалось примирить Помпея с сенатом. Сенат принял решение поручить Помпею снабжение хлебом Рима, страдавшего от недостатка продовольствия. Помпей блестяще справился с этой задачей, спас город от голода и снова сделался популярной фигурой в глазах римлян.

Тем временем Цезарь обогатился во время войн в Галлии. Большую часть военной добычи он отсылал в Рим для раздачи народу и подкупа политических деятелей. Он сумел, оставаясь за пределами Италии, незримо противостоять Помпею в политических играх.

В 56 году Цезарь пригласил Помпея и Красса в Луку (город в северной Италии), где стояли на зимовке его войска. Между триумвирами было заключено новое соглашение. Согласно ему, Помпей и Красе должны были добиваться консульства. Цезарь обещал послать в Рим большой отряд солдат для голосования. После этого Цезарь должен был получить в свое распоряжение Галлию еще на пять лет, чтобы завершить войну. Во время предвыборной борьбы произошел неприятный инцидент. Все претенденты, кроме некоего Луция Домиция, отказались от попыток составить триумвирам конкуренцию на выборах. На стороне Домиция выступил Катон, видя, что приход к власти триумвиров приведет к тирании.

Боясь, что Катон сможет настроить против них сенат и часть народа, Помпей подослал вооруженных людей, которые напали на свиту Домиция. В стычке получил ранение и сам Катон.

Получив таким способом должности консулов, Помпей и Красе добились продолжения полномочий Цезаря на следующие пять лет. Крассу была предоставлена для ведения войны против парфян Сирия. Помпею — Ливия, Испания и четыре легиона, два из которых он отправил Цезарю для участия в Галльской войне. По окончании срока консульства Красе отправился в Сирию.

Помпей же поручил управление провинциями легатам, а сам попытался увеличить свою популярность в Риме. Не так давно он дал Риму хлеб, дело оставалось за зрелищами. Помпей построил театр и провел в нем редкие по своему размаху игры. Например, во время травли диких зверей было убито пятьсот львов, а под конец была показана битва со слонами.

Как и следовало ожидать, триумвират оказался колоссом на глиняных ногах. В его основе лежал страх каждого из участников союза перед остальными. И вскоре произошли события, приведшие к падению колосса. В 53 году до н. э. Красе потерпел поражение в войне с парфянами, был приглашен их царем будто бы для заключения мира и вероломно убит. Незадолго до этого во время родов умерла жена Помпея (дочь Цезаря) Юлия. Ребенок тоже вскоре скончался. Более ничто не могло удержать Помпея и Цезаря от открытого противостояния. Здесь хочется процитировать Плутарха, который и без того является основным источником сведений об описываемых событиях, дословно: «Нет, для человеческой натуры любого счастья мало! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже такая огромная власть, распространявшаяся на столь обширное пространство, не могла утишить честолюбия этих двух людей… они считали, что для них двоих не хватает всей римской державы».

В Риме тем временем царил хаос. Постоянно происходили вооруженные стычки на политической почве. Даже сторонники республиканского строя, оптиматы, понимали, что для устранения беспорядков необходимо единовластие. Кроме того, возникла опасность, что Цезарь после окончания сроков его полномочий не распустит боготворившие его войска и попробует с их помощью захватить власть. В конце концов Помпей, вопреки обычаям, был избран единственным консулом. Удивительно, что за это решение активно выступал бывший противник Помпея Катон, лишний раз доказав, что общественные интересы для него важнее личных амбиций. Вступив в должность, Помпей начал судебные процессы о подкупах и взяточничестве, сам председательствовал на этих процессах под охраной войск и тем самым добился порядка в судах. Жертвами, впрочем, далеко не невинными, ряда из этих процессов стали многие сторонники Цезаря.

Через некоторое время порядок в Риме был восстановлен. По окончании консульства сенат продлил Помпею срок управления провинциями еще на четыре года и выделил ему по тысяче талантов в год на содержание войска. Таким образом, положение Помпея стало гораздо более выгодным, чем у Цезаря, срок полномочий которого в Галлии подходил к концу. Цезарь же

находился в затруднительном положении. Оптиматы грозили привлечь его к суду сразу после возвращения из провинций. Для того чтобы избежать суда, Цезарь должен был либо добиться продления своих полномочий, либо стать консулом. Но добиваться должности консула заочно он не мог, об этом позаботился Помпей, проведя соответствующий закон. Под предлогом продолжения войны с парфянами Помпей также потребовал у Цезаря вернуть данные ему на время легионы. Получив требование, Цезарь сразу отпустил эти войска, предварительно щедро наградив каждого воина. Бдительность Помпея усыпили также рассказы некоего Аппия, приведшего легионы от Цезаря. Он ввел Помпея в заблуждение, заявляя, что войска недовольны командованием Цезаря и готовы подчиниться Помпею. После этих событий Помпей окончательно успокоился, считая, что его противник побежден, он открыто издевался над теми, кто боялся войны. На вопрос же, где войско, которое будет сражаться против Цезаря, если тот пойдет на Рим, отвечал, что стоит ему только топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас из-под земли появится войско.

Но Цезарь не собирался сдаваться. Ему удалось подкупить многих должностных лиц, среди которых были консул Павел и народный трибун Курион и его друг Марк Антоний. Они старались оттянуть сроки рассмотрения сенатом вопроса о смене командования в Галлии. Кроме того, они внесли довольно разумное предложение: либо лишить Помпея командования вместе с Цезарем, либо не лишать командования обоих. Но оптиматы и Помпей добились того, что это предложение не прошло. Помпей начал набирать войско, но здесь не все пошло так гладко, как он предполагал. Гражданская война вряд ли могла бы принести солдатам славу и деньги. Большинство воинов стали требовать примирения соперников.

Цезарь тем самым выиграл время, успел подвести часть войск к границе, захватил город Аримин и, перейдя Рубикон, повел свои войска на Рим. Как только об этом стало известно в Риме, сенат обратился к Помпею. Но основные войска Помпея находились в Испании и Ливии, и защищать столицу было некому. Один из сенаторов, напомнив о бахвальстве Помпея, предложил ему «топнуть ногой». Помпею ничего не оставалось, как снести эту горькую насмешку. С подачи Катона Помпея назначили главнокомандующим с неограниченными полномочиями. К своему предложению Катон прибавил, что виновник случившихся несчастий сам должен положить им конец.

Тем временем по всей Италии и в самом Риме началась паника и беспорядки. Помпей не смог навести в городе порядок и

в конце концов, призвав сенаторов следовать за собой, покинул Рим. Через несколько дней в город вошел со своими войсками Цезарь. Надо отметить, что он, вопреки опасениям, повел себя достаточно мягко, чем вызвал расположение жителей Рима. Захватив государственную казну, Цезарь бросился преследовать Помпея, стремясь изгнать его из Италии до прибытия испанских войск.

Помпей захватил прибрежный город Брундизий, отправил своих доверенных лиц в Сирию собирать флот, а сам переправился в Грецию, где рассчитывал дождаться прибытия войск из Испании. Многие, в том числе и Цезарь, считают, что этот поступок Помпея был ошибкой. Имея в своем распоряжении укрепленный город и ожидая прибытия большого подкрепления из Испании, он все-таки решил покинуть Италию.

Не имея возможности преследовать Помпея из-за отсутствия флота, Цезарь двинулся в Испанию, чтобы воспрепятствовать присоединению пяти расположенных там легионов к армии противника. К чести Цезаря надо сказать, что с побежденными он вел себя вполне милосердно. Разбив войско Помпея в Испании, Цезарь отпустил военачальников на свободу, а солдат присоединил к своему войску. Из Испании Цезарь с войском двинулся в Брундизий, посетив по дороге Рим, где его провозгласили диктатором.

К тому времени Помпей сумел собрать большие силы: флот из пятисот кораблей, семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. К его лагерю примыкало все больше и больше знатных римлян, среди которых, например, был и такой заслуживающий внимания персонаж, как Марк Брут, один из основных героев нашей следующей главы.

После прибытия в Брундизий Цезарь допустил сразу несколько оплошностей, чуть было не ставших для него роковыми. Не имея достаточного количества кораблей, Цезарь вместе с частью своих войск переправился в Грецию.

Оставшиеся в Италии долгое время не могли последовать за своим полководцем, так как флот Помпея блокировал гавань Брундизия. Но Помпей упустил возможность и не напал на противника.

Однако даже после прибытия оставшегося войска положение Цезаря оставалось тяжелым. Флот Помпея господствовал на море, и за счет этого его армия была снабжена всем необходимым. Солдаты Цезаря начали испытывать недостаток продовольствия, поэтому он осадил приморский город Диррахия, через который к Помпею поступало продовольствие и подкрепление. У городских укреплений постоянно происходили стычки. Во время одной из

них Помпей снова имел все шансы окончательно разделаться с противником. Воины Помпея совершили вылазку, и Цезарь был разбит. Его солдаты, потеряв больше тысячи товарищей, бросились бежать. Но преследовавший их Помпей не решился ворваться в лагерь врага и отступил. По этому случаю Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить».

После этой схватки Цезарь принял решение двигаться в глубь Фессалии против сторонника Помпея Сципиона. Между сторонниками Помпея возникли разногласия. Часть из них считала, что Цезарь бежит, и предлагала его преследовать, часть считала, что пора возвращаться в Италию. Многие уже стали делить государственные должности. Сам Помпей медлил. Он опасался встретиться с многоопытными воинами Цезаря в открытом бою, надеясь на то, что армия противника будет истощена длительной войной, недостатком продовольствия и тяготами походной жизни и в конце концов распадется сама.

Но, уступив нажиму со стороны своих сторонников, Помпей начал преследование.

Между тем Цезарь захватил фессалийский город Гомфы и смог, тем самым, накормить свою армию.

5 июня 48 года до н. э. оба войска расположились лагерем на Фарсальской равнине. Силы были не равными. Под началом Помпея находились семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. Цезарь располагал всего одной тысячей всадников и двадцатью двумя тысячами пехотинцев. Единственным преимуществом Цезаря было то, что его войско состояло из опытных воинов, прошедших Галльскую войну.

Утром 6 июня Цезарь собирался двинуться дальше, но тут разведчики доложили, что войска Помпея строятся в боевом порядке. Цезарь, дабы его солдаты во время предстоящей битвы не надеялись на отступление в лагерь, приказал срыть укрепления.

Почти всех своих всадников Помпей сосредоточил на левом фланге, против прославленного десятого легиона, в рядах которого сражался сам Цезарь. Увидев это, Цезарь поставил позади десятого легиона три тысячи опытных воинов-пехотинцев. Конница Помпея представляла собой цвет аристократической римской молодежи. Зная об этом, Цезарь приказал пехотинцам метать копья не в ноги врагам, как поступали в таких случаях обычно, а в лицо. Расчет оказался верен. Когда конница Помпея пошла в атаку, по сигналу Цезаря его всадники неожиданно отступили, а пехотинцы двинулись на врага, бросая копья в лицо противнику. Молодые воины, особенно опасавшиеся за свою

внешность, не выдержали и бросились бежать. Не обращая внимания на бегущих, десятый легион двинулся против пехоты Помпея и тоже обратил ее в бегство.

Догадавшись по облаку пыли о поражении своей конницы, Помпей полностью потерял контроль над собой. Забыв о том, что он — Помпей Магн, он перестал отдавать распоряжения своим войскам и медленно побрел в лагерь. Там он молча сидел в своей палатке и только, когда вслед за бегущим войском в лагерь ворвались преследователи, произнес: «Неужели уже дошло до лагеря?» Затем он снял одежду полководца, вскочил на коня и вместе с небольшой группой друзей пустился в бегство. Тут надо отметить чрезмерную самоуверенность сторонников Помпея. Вступив в лагерь помпеянцев, солдаты Цезаря обнаружили, что там все уже готово для празднования победы. В этой битве погибло около шести тысяч солдат Помпея. Потери Цезаря были незначительными и составляли, по некоторым данным, только 200 человекубитыми.

В сопровождении небольшого количества спутников Помпей достиг Темпейской долины, находящейся невдалеке от Эгейского моря. На рассвете, переночевав в рыбачьей хижине, беглецы поднялись на борт небольшого речного судна, вышли в море и поплыли вдоль берега. Вскоре им повстречался большой торговый корабль, принадлежавший римлянину Петицию. Он не был сторонником Помпея, но в лицо полководца знал. Накануне Петицию якобы приснился Помпей, который явился в жалком виде и заговорил с ним. Матрос доложил о приближении речного судна как раз в тот момент, когда Петиций рассказывал спутникам об этом сне. По виду Помпея Петиций догадался о случившемся и без лишних слов пригласил беглецов подняться на борт.

Забрав жену, Корнелию, и сына с острова Лесбос, Помпей продолжил плавание и вскоре прибыл в памфилийскийЩгород Атталию. Здесь к Помпею присоединилось несколько триер и небольшое количество воинов. Помпей узнал, что Катон во главе большого войска переправился в Африку, а флот до сих пор находится в его распоряжении. Стало понятно, что еще не все потеряно. Но прежде чем собирать силы для продолжения борьбы, Помпею нужно было найти надежное убежище, так как было понятно, что Цезарь будет его преследовать. По поводу того, где именно стоит укрыться и начать сбор войск, среди спутников Помпея возник спор. Было рассмотрено несколько возможностей: Парфянское царство, Африка и Египет. Сначала было выбрано Парфянское царство, но по прибытии на Кипр выяснилось, что парфяне отказываются принимать Помпея, боясь мести со

стороны Цезаря. В Египте в это время шла гражданская война. Птолемей Дионис вел войну против Клеопатры, своей сестры. Их отцу, Птолемею Авлету, Помпей в свое время оказал серьезную услугу: в 58 году до н. э. в Египте вспыхнуло восстание и царь бежал в Рим. Помпей помог Птолемею Авлету вернуть трон. Рассчитывая на благодарность его сына, Помпей решил отправиться в Египет.

В это время Птолемей Дионис стоял с войском у Пелусия, города в дельте Нила. Помпей отправил к царю гонца с известием о своем прибытии и просьбой о помощи. Но от самого Птолемея, который был еще очень молод, ничего не зависело. Государством управляли его опекуны, и наибольшее влияние из них имели евнух Потин и военачальник Ахилла. Чтобы решить, как поступать с Помпеем, Потин собрал воспитателей и придворных царя на совет. Мнения разделились. Часть присутствующих считала, что надо отправить беглецов восвояси, часть — что их, наоборот, нужно принять и оказать содействие. Но тут слово взял некто Теодот, учитель риторики. Желая, по словам Плутарха, показать свою проницательность и красноречие, он высказался примерно таким образом: «Оба предложения представляют опасность: ведь приняв Помпея, мы сделаем Цезаря врагом, а Помпея своим владыкой; в случае отказа Помпей поставит нам в вину свое изгнание, а Цезарь — необходимость преследовать Помпея. Поэтому наилучшим выходом из положения было бы пригласить Помпея и затем убить его. В самом деле, этим мы окажем и Цезарю великую услугу, и Помпея нам уже не придется опасаться. Мертвец не кусается». Это решение было одобрено советниками. Выполнение замысла поручили Ахилле.

И вот наступил последний день Помпея. К Пелусию подошли корабли Помпея. Ахилла на небольшой лодке направился им навстречу. С ним плыли несколько слуг и двое римлян: Септимий, который служил когда-то военным трибуном у Помпея, и Сальвий, который был у него центурионом. Увидев, что прием не отличается пышностью и навстречу кораблю плывет только несколько человек в лодке, спутники стали советовать Помпею немедленно повернуть корабль и выйти в море. В это время на стоящие у берега египетские корабли начали подниматься воины. Стало ясно, что спастись бегством не удастся. Между тем лодка Ахиллы приблизилась и Септимий приветствовал Помпея, назвав его императором. Ахилла сказал, что в этом месте очень мелко и пройти на триере невозможно, и пригласил Помпея сойти в лодку. Простившись с женой и сыном, Помпей приказал двум центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу Скифу, спуститься в лодку. Последние слова, с

которыми Помпей, спускаясь в лодку, обратился к Корнелии и сыну, были отрывком из стихов Софокла:

«Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом».

Когда лодка отплыла от корабля, Помпей обратился к Септимию со словами: «Если не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника». Септимий только кивнул в ответ, но никаких дружеских чувств не продемонстрировал. По пути к берегу весь экипаж лодки соблюдал молчание, а Помпей читал свиток с текстом своего обращения к Птолемею. Когда лодка подплыла к берегу, к ней направилось большое количество придворных и воинов, как бы для торжественной встречи. Оставшихся на корабле спутников Помпея это ободрило. Собираясь подняться, Помпей оперся на руку Филиппа, и в этот момент Септимий ударил его мечом в спину. Сальвий и Ахилла тоже выхватили мечи. Помпей руками натянул на лицо тогу и, издав только стон, мужественно встретил смерть. Это произошло 28 сентября 48 года до н. э., на следующий день после того, как Помпею исполнилось 58 лет.

Увидев, что наихудшие опасения подтвердились, оставшиеся на кораблях подняли якоря и обратились в бегство. Уйти от погони им помог сильный попутный ветер.

Убийцы отрубили Помпею голову, а тело бросили в воду недалеко от берега. Филипп не покинул своего господина, он оставался возле трупа, пока не разошлись любопытные. Тогда он обмыл тело и обернул его своими одеждами. В качестве дров для погребального костра он использовал обломки старой лодки. Пока Филипп переносил и складывал обломки лодки, к нему подошел какой-то пожилой римлянин. «Кто ты такой, приятель, коли собираешься погребать Помпея Магна?» — спросил он. Филипп ответил, что он вольноотпущенник Помпея. «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! — сказал старик. — Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всем сетовать на свое пребывание на чужбине, которое после столь тяжких превратностей дает мне случай исполнить, по крайней мере, хоть одно благородное дело — коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян».

Через некоторое время в Египет прибыл Цезарь. Напрасно убийцы рассчитывали на его признательность. Цезарь отвернулся, когда Теодот принес ему голову Помпея. Взяв в руки кольцо с печатью бывшего соперника, Цезарь заплакал.

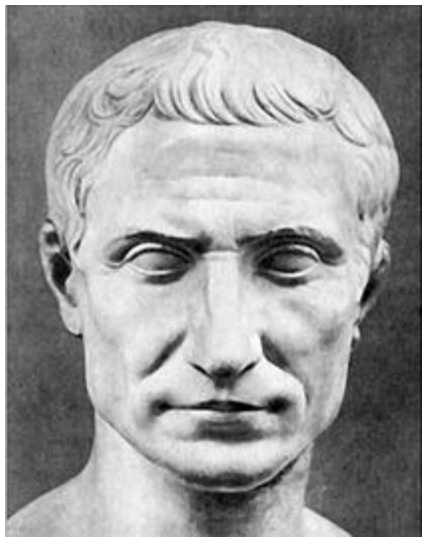
Тут Плутарх сообщает противоречивые сведения. В жизнеописании Помпея говорится, что Цезарь приказал казнить

Ахиллу и Потина. В главе, посвященной Цезарю, говорится, что, после того как Цезарь добился примирения Птолемея и Клеопатры, Ахилла и Потин подготовили заговор. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить залу, в которой проходило пиршество по случаю примирения. Потин был убит, а Ахилла смог бежать к войску и начал против Цезаря продолжительную войну. В конце концов, когда к Ахилле примкнул Птолемей, произошло сражение, в котором Цезарь одержал победу. Царь пропал без вести. О судьбе Ахиллы Плутарх больше не сообщает ничего.

Непонятно, какие сведения ближе к правде. Возможно, словами о том, что Цезарь приказал казнить убийц, Плутарх просто хотел подчеркнуть то, что смерть Помпея не вызвала радости его противника.

Больше известно о судьбе инициатора убийства. Теодот бежал из Египта и долго скитался, ведя нищенский образ жизни. Уже после убийства Цезаря Марк Юний Брут, находясь с войском в Азии, разыскал Теодота, привлек его к суду и казнил.

ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ (100 или 102-44 до н. э.)



Римский полководец и политический деятель. После победы в гражданской войне над Помпеем стал практически единовластным правителем Рима. Был убит в результате заговора, организованного республиканцами.

Пожалуй, трудно назвать более известное убийство античных времен, чем убийство Гая Юлия Цезаря.

Как мы уже убедились, практика политических убийств в Древнем Риме была вполне обычна. Почему же убийство именно этого человека так широко известно? Здесь, безусловно, дело в личности самого убитого.

Роль, которую сыграл в мировой истории этот человек, невозможно переоценить. Даже биографию Гая Юлия Цезаря нельзя начать, не используя косвенно его имени. «Родился 13 июля 100 года до нашей эры». Но дело в том, что в 100 году до нашей эры даже месяца такого, как июль, не было. Даже календарь, которым пользовалась вся Европа до конца XVI века, а Русская православная церковь — и по сей день, называется юлианским, так как его ввел Цезарь. До реформы календаря, проведенной Юлием, древнеримский календарь был крайне запутанным и сложным. Сначала в нем было десять основных месяцев. Первым месяцем дореформенного календаря был мартиус (март), названный в честь бога Марса. Второй месяц — априлис (апрель) по всей видимости, получил свое название от слова априкус — согреваемый солнцем. Далее следовал майюс

(май), названный в честь богини Майи, за ним — юниус (июнь) — в честь богини Юноны. Названия оставшихся шести месяцев образовывались от числительных. Квинтилис (пятый), секстилис (шестой), септембер (седьмой), октобер (восьмой), новембер (девятый) идецембер (десятый). Несколько позднее появилось еще два месяца. Одиннадцатый — януариус (январь) — в честь бога Януса и двенадцатый — фебруариус (февраль) — месяц «очищения». Новый календарь был составлен с помощью египетского математика и астронома Сосигена и введен с 1 января 45 года дон. э. Начало года было перенесено на январь, из-за чего «пятый» стал седьмым, «шестой» — восьмым и так далее. После реформы квинтилис был переименован в честь Юлия и стал называться юлиус (июль). Позднее примерно та же история произошла и с секстилисом, переименованным в честь Августа.

Но вернемся непосредственно к Гаю Юлию Цезарю.

Политическая деятельность нашего героя оказала громадное влияние на государственный строй Древнего Рима. Имя Цезаря стало позднее титулом римских императоров (знаменитая книга Светония так и называется «Жизнь двенадцати Цезарей» и начинается главой «Божественный Юлий»). В дальнейшем от этого титула произошли немецкое слово «кайзер» и русские «кесарь» и «царь».

Как полководец Юлий внес значительные изменения в карту современных ему Европы и Северной Африки. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха Цезарю соответствует сам Александр Македонский, из-за которого, как известно, немало стульев пострадало. В различных войнах и походах Цезарь провел большую часть своей жизни.

Гай Юлий Цезарь оставил след в истории не только как полководец и политический деятель. Он известен и как писатель, автор двух трудов: «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне». «Записки о Галльской войне» стали образчиком классической латыни. Многие поколения студентов изучали латынь по этому произведению.

Наряду с целым рядом выдающихся качеств Цезарь обладал и некоторыми чертами характера, вызывавшими недовольство современников и осуждение потомков. Чрезмерное властолюбие, тщеславие, пристрастие к чувственным наслаждениям — все это не могло не подвергнуться критике со стороны политических противников и в конце концов привело Цезаря к гибели.

До сих пор не известен точный год рождения Цезаря. Исследователи расходятся во мнении: 100 или 102 год до нашей эры. Род Юлиев, к которому принадлежал Цезарь, по легенде, происходил от Юла, сына Энея, а значит внука самой Венеры.

Тетка Цезаря была замужем за Гаем Марием, который являлся очень весомой политической фигурой тех времен. Сам Цезарь в возрасте шестнадцати лет женился на дочери Корнелия Цинны, ближайшего сподвижника Мария.

Казалось, что молодому человеку обеспечена легкая и быстрая политическая карьера. Но в это время к власти в результате гражданской войны пришел противник Мария Луций Корнелий Сулла. Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с женой. Тот отказался и был вынужден уехать в Малую Азию. Там он некоторое время служил в римской армии. Когда Цезарь возвращался из этой поездки, произошло событие, которое очень хорошо иллюстрирует его характер. Он был захвачен пиратами, и те потребовали выкуп в размере 20 талантов. Но Цезарь, сказав пиратам, что они не знают, кого захватили, сам предложил им увеличить выкуп до 50 талантов. Около сорока дней друзья собирали деньги для выкупа. Все это время Цезарь находился среди пиратов. При этом он держал себя гордо и независимо. Участвовал в гимнастических соревнованиях пиратов, запрещал им шуметь, когда отдыхал. Кроме того, он читал вслух свои речи и стихи, а когда пираты не высказывали уважения к его творчеству, называл их неучами, варварами и обещал повесить. Надо сказать, что свое обещание Цезарь выполнил. Когда после внесения выкупа пираты его отпустили, он собрал несколько военных кораблей, приплыл на остров, где его держали разбойники, и расквитался с обидчиками сполна: захватил их богатства, а самих приказал распять.

Вернувшись после смерти Суллы в Рим, Цезарь всерьез занялся своей политической карьерой и принялся с громадной энергией наверстывать упущенное время. Поскольку уже давно никто в роду Цезаря не занимал высоких должностей, рассчитывать на поддержку аристократии не приходилось. Оставалось полагаться на народ. Он завоевывал любовь народа, призывая к суду знатных людей. Устраивал роскошные, не по средствам, пиры и приемы, ради которых влез в громадные долги. Началась головокружительная карьера: в 73 году до н. э. Цезарь был избран военным трибуном. В 68 году — отправился в качестве квестора в Испанию. В 65, вернувшись в Рим, был выбран эдилом. На организацию празднеств, игр и различных зрелищ Цезарь также щедро тратил собственные средства. В 63 году Цезарь в трудной борьбе победил на выборах верховного жреца. Оптиматы были обеспокоены все возрастающей популярностью Цезаря в народе и решили противостоять его дальнейшему политическому росту.

В это время Цицероном был раскрыт заговор Каталины.

Каталина со своими сторонниками, опираясь на бедняков, которым пообещал отмену долгов и раздачу конфискованного у богачей имущества, пытался захватить власть. Цезарь был причастен к заговору, но, несмотря на имеющиеся доказательства, Цицерон не привлек его к суду. Слишком велика была популярность Цезаря в народе.

В 62 году до н. э. Цезарь стал претором. А на следующий год добился того, что его назначили наместником в Испании. Благодаря этой должности Цезарь надеялся поправить материальное положение, сильно подорванное политической борьбой. Отъезду Цезаря мешали многочисленные кредиторы, и ему пришлось обратиться за помощью к Крассу. Когда, по дороге в Испанию, Цезарь проезжал какой-то бедный городок, один из его спутников сказал со смехом: «Неужели и здесь есть борьба за должности, споры о первенстве, раздоры среди знати?», на что Цезарь вполне серьезно заявил: «Что касается меня, я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

Находящиеся в его подчинении войска Цезарь использовал для завоевания западных областей Испании, ранее Риму не принадлежавших. За счет этой войны Цезарь не только поправил свое финансовое положение, но и нажил солидное состояние. Выгодной оказалась эта война и для воинов. Войско провозгласило Цезаря императором. А следовательно, по прибытии в Рим его ожидал триумф.

Но от триумфа наш честолюбивый герой отказался. Дело в том, что, по традиции, до триумфального шествия полководец должен был находиться вне Рима. А Цезарь хотел добиваться должности консула, для чего требовалось его присутствие в столице.

Прибыв в Рим, Цезарь сумел примирить старинных противников, Помпея и Красса. Так образовался первый триумвират.

Теперь настало время познакомиться с организаторами антицезарианского заговора.

Можно сказать, что Марк Юний Брут был потомственным противником единовластия. Его легендарный предок по отцовской линии, Юний Брут, поднял восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого и изгнал его из Рима. Мать Брута, Сервилия, была сестрой философа и политического деятеля Катона, который, как мы уже отмечали, отличался своей честностью, прямотой и глубоким уважением к римским традициям и законам. С юных лет Брут старался во всем быть похожим на своего замечательного дядю. Позднее он женился на дочери Катона.

Брут получил прекрасное образование. Он был знатоком философии, искусным оратором, прекрасно владел не только родным языком, но и греческим.

Когда началась гражданская война между Помпеем и Цезарем, все были уверены, что Брут станет на сторону последнего, так как по приказу Помпея был в свое время убит отец Брута. Это произошло во время подавления Помпеем восстания против Суллы (см. предыдущую главу). Поэтому Брут никогда не приветствовал Помпея и не разговаривал с ним. Но, будучи по происхождению и воспитанию ярым сторонником республики, Брут присоединился к Помпею. Даже в разгар военной кампании Брут не оставлял своих занятий наукой.

О втором лидере будущего антицезарианского заговора, Гае Кассии Лонгине, сведения в основном отрывочны. Согласно Плутарху, Кассий был родственником Брута. Степень родства не указывается. Уже после осуществления заговора бывшие сторонники Цезаря приписывали все благородные начинания заговорщиков Бруту. Кассий же обвинялся в приземленных мотивах и личной ненависти к Цезарю. Цезарь во время гражданской войны захватил в городе Мегары львов, принадлежавших Кассию. Кассий готовил зверей для праздничных игр, посвященных его будущему вступлению в должность эдила. Во время взятия Мегар защитники города выпустили львов на свободу, надеясь, что те преградят дорогу наступающим. Звери не были посвящены в такие стратегические тонкости и бросились на самих защитников. Цезарь не вернул львов Кассию, и тот якобы затаил на него обиду. Но такая логика кажется странной. Ведь Кассий воевал в той войне на стороне противников Цезаря и был не только прощен последним, но и получил впоследствии высокую должность. Трудно поверить, что Кассий мог затаить обиду на человека, не вернувшего ему животных, захваченных при таких обстоятельствах.

Более того, еще в детстве Кассий проявил себя как противник тирании. Он обучался в школе вместе с Фавстом, сыном Суллы. Однажды, когда Фавст хвастался единовластием своего отца, Кассий вскочил и набросился на него. Опекуны Фавста хотели подать в суд, но вмешался Помпей. Пригласив к себе обоих мальчиков, он спросил, как началась ссора. Кассий воскликнул: «Ну, Фавст, только посмей повторить здесь эти слова, которые меня разозлили, — ия снова разобью тебе морду». Таким образом, трудно сказать, что на самом деле руководило Кассием, личная неприязнь к Цезарю или ненависть к тирании вообще.

Еще известно, что во время проигранной Крассом войны с парфянами Кассий показал себя как хороший полководец. Он

смог не только уцелеть сам, но и спас от гибели отряд, находящийся под его командованием.

К Бруту Цезарь относился с явной симпатией. Например, он приказал своим воинам не убивать во время битвы Брута и доставить к нему, если тот сдастся в плен, если же нет — отпустить, не причиняя вреда. Такое отношение, скорее всего, объясняется не только и не столько уважением к личным качествам Брута, сколько тем, что в молодые годы Цезарь был более чем близок с его матерью, Сервилией, и Брут по срокам как раз мог быть плодом этой связи.

После поражения при Фарсале Помпей бежал к морю. Брут спрятался от противников в зарослях камыша на каком-то болоте, а ночью смог добраться до фессалийского города Ларисса. Оттуда он написал Цезарю письмо, и тот, ни в чем не обвиняя Брута, ввел его в число своих приближенных. Позднее, по просьбе Брута, Цезарь простил и Кассия, который тоже участвовал в Фарсальской битве на стороне Помпея.

Цезарь должен был продолжить борьбу против остатков помпеянцев, которые под предводительством Катона и Сципиона находились в Африке. По воле Цезаря, Брут стал правителем Предальпийской Галлии (47 год до н. э.). За время своего правления в провинции Брут показал себя с самой лучшей стороны. В отличие от своих коллег, управляющих другими областями, он не поставил себе целью, как можно быстрее обогатиться за счет населения Галлии. Разбив противников, Цезарь возвратился в Италию и нашел, что города, которыми управлял Брут, процветают. Тогда Брут, благодаря помощи Цезаря, получил самую высокую из преторских должностей, городскую претуру. Интересно, что на эту же должность претендовал и Кассий. Тот остался обиженным, несмотря на то, что получил другую преторскую должность.

Брут стал фактически второй фигурой в государстве. Казалось, ему оставалось только дождаться того времени, когда могущество Цезаря сойдет на нет, а слава его подвигов несколько забудется. Этот факт подтверждает, что двигали Брутом не личные мотивы, а политические убеждения.

Нельзя сказать, что убийство Цезаря стало неожиданным событием. В том числе и для него самого. Практически неограниченная власть Цезаря не могла не вызвать недовольства среди оптиматов, и он это прекрасно понимал. Аристократы стали подстрекать Брута к заговору. Однажды утром судейское возвышение, на котором Брут исполнял свои преторские обязанности, оказалось заваленным табличками с надписями примерно такого содержания: «Ты спишь, Брут», «Ты не Брут» и

тому подобное. На статуе древнего Брута появлялись надписи подобного содержания: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут».

Кассия Цезарь открыто подозревал во враждебных намерениях и несколько раз высказывал эти подозрения вслух. Вот несколько примеров: однажды он сказал своему окружению: «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность». В другой раз Цезарь получил донос, в котором говорилось, что Марк Антоний и Долабелла готовят мятеж. Цезарь сказал: «Я не боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее бледных и тощих», имея в виду Брута и Кассия. Надо отметить, что доносы Цезарь получал с завидной регулярностью. Большинство из них были просто попытками убрать политического противника или ослабить его влияние. Скорее всего, именно поэтому Цезарь не отнесся серьезно к предупреждениям о реальном заговоре. Получив соответствующий донос на Брута, Цезарь, коснувшись рукой груди, сказал: «Неужели, по-вашему, Брут не повременит, пока это станет мертвой плотью!»

Между тем опасность была вполне реальна. Бороться против Цезаря политическими методами оптиматы не могли и очень желали его смерти. Друзья советовали Цезарю увеличить охрану, но тот ответил, что лучше один раз умереть, чем жить в постоянном страхе.

Гораздо серьезней Цезарь отнесся к предзнаменованиям. И это чуть было не спасло его. Тут следует вспомнить, какое большое значение придавали римляне разного рода знамениям. Громадное их число предшествовало смерти Цезаря. Вспышки света, одинокие птицы, прилетавшие на форум, раздававшийся по ночам шум непонятного происхождения, у животного, которого Цезарь должен был лично принести в жертву, не оказалось сердца. Какой-то прорицатель предупреждал Цезаря, что в мартовские дни его ожидает большая опасность.

Якобы в день смерти по дороге в сенат Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!», на что тот ответил: «Пришли, но не прошли».

Основным инициатором заговора все-таки можно назвать Кассия. В разговорах с друзьями он намекал на то, что нужны решительные действия против Цезаря. Многие соглашались, на том условии, что Брут тоже выступит на их стороне.

Кассий отправился к Бруту, рассказал ему, что скоро состоится заседание сената, на котором внесут предложение о том, чтобы облечь Цезаря царской властью. Затем он спросил, собирается ли Брут присутствовать на этом заседании. Брут

сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» — спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», — отвечал Брут. Тогда, поняв, что Брут на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из

римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судейское возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же — словно исполнения отеческого завета! — низвержения тирании. И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Таким образом Брут стал во главе заговорщиков. Он привлек на их сторону еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые антицезарианцы предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы и Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония. Но против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. Но Антоний был известен своей физической силой. Поэтому договорились, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет отвлечь его разговором перед входом в курию.

Несколько слов нужно уделить и жене Брута — Порции. На людях Брут ничем не выдавал своего беспокойства. Но дома он не смог скрыть свои волнения и заботы от Порции. Чтобы добиться доверия мужа, она отважилась на такой поступок: закрывшись в спальне, Порция сделала себе ножом глубокий надрез на бедре. Вскоре у нее начались сильные боли и лихорадка. Брут был огорчен и взволнован. Тогда Порция обратилась к нему с речью: «Я — дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я… чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я — дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что не подвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

Накануне, во время обеда, приближенные Цезаря завели беседу о том, какой вид смерти предпочтительней. Цезарь выкрикнул раньше всех: «Неожиданный». Ночью, когда Цезарь спал, все двери и окна в его спальне вдруг отворились. Проснувшись от шума, Цезарь увидел, что его супруга, Кальпурния, рыдает во сне. Ей приснилось, что она обнимает убитого мужа. Утром она стала просить мужа не идти в сенат и отложить заседание. Это встревожило Цезаря, так как раньше его жена особым суеверием не отличалась. Он послал к гадателю, и тот сообщил, что предзнаменования неблагоприятны.

Все эти «подробности» могли, конечно, появиться и позднее, уже после смерти Цезаря. Это еще раз говорит о том, что Цезарь стал для римлян не просто популярной, но даже легендарной личностью.

Узнав о неблагоприятных предзнаменованиях, Цезарь решил послать Марка Антония распустить сенат. Но тут вмешался еще один участник заговора, Децим Юний Брут Альбин (не нужно путать его с Марком Юнием Брутом, о котором шла речь раньше). Этот человек служил под командованием Цезаря еще в Галлии и теперь пользовался неограниченным доверием последнего. Даже был записан вторым наследником в завещании Цезаря. Он начал высмеивать гадателей и говорить, что сенаторы будут возмущены, если заседание не состоится. Ведь сенат был собран по предложению Цезаря, и его собирались провозгласить царем римских провинций. Если уже собравшемуся сенату объявить, что он должен разойтись и собраться вновь, когда Кальпурния увидит другие сны, то это будет расценено как издевательство. И даст лишний повод недоброжелателям обвинить Цезаря в тирании. Если же Цезарь действительно считает, что этот день неудачный из-за плохих предзнаменований, то он должен сам обратиться к сенаторам и попросить перенести заседание. Убежденный этими доводами,

Цезарь в сопровождении Децима Брута пошел в сенат.

По дороге с Цезарем пытался заговорить какой-то раб, видимо, имевший распоряжение предупредить его об опасности. Но из-за толпы, окружавшей Цезаря, не смог к нему пробиться.

Пока Цезарь медлил, волнение среди заговорщиков росло. Бруту и некоторым другим посвященным в заговор пришлось, скрывая волнение, исполнять свои преторские обязанности и разбирать судебные дела. Один раз заговор едва не был раскрыт по недоразумению. К одному из его участников, народному трибуну Сервилию Каске подошел знакомый и сказал: «Ты, Каска, скрыл от нас свою тайну, а Брут мне все рассказал». Каска чуть было не проболтался, но тут его собеседник продолжил: «С чего

же это ты, мой любезнейший, так быстро разбогател, что собираешься искать должности эдила?»

Нервное ожидание продолжалось. Кто-то из домашних Брута прибыл с известием, что Порция при смерти. Дело в том, что от волнения Порция потеряла сознание, но вскоре пришла в себя. До Брута же дошла только информация о первом из этих событий. Естественно, что это сообщение спокойствия Бруту не прибавило. Но тут объявили, что Цезарь уже близко.

У входа в сенат Цезарю стали подавать многочисленные свитки с прошениями. Цезарь брал свитки и передавал их рабам. В этот момент его еще раз пытались предупредить о нависшей угрозе. Один из сторонников Цезаря, знавший о заговоре, подошел к нему вплотную, подал свиток с подробностями готовившегося покушения и сказал: «Прочти это, Цезарь, сам, не показывая другим, — и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял свиток и даже несколько раз попытался улучить мгновение, чтобы его прочесть, но сделать этого не смог из-за большого количества обращавшихся к нему просителей. Он так и вошел в сенат, держа в руках этот свиток.

По воле рока заседание сената в тот раз происходило в одном из величественных зданий, построенных Помпеем. Кстати, это обстоятельство заговорщики посчитали благоприятным знамением. В зале стояла статуя ныне покойного противника Цезаря.

Кассий якобы посмотрел на изображение Помпея и безмолвно призвал его на помощь.

Децим Брут, как и было решено заранее, задержал Марка Антония снаружи, заведя с ним беседу. Часть заговорщиков расположилась за креслом Цезаря, часть двинулась ему навстречу. Один из них, Туллий Кимвр, стал просить вернуть из изгнания его брата, а остальные присоединились к просьбе. Заговорщики проводили Цезаря до кресла. Сев в кресло, Цезарь ответил на их просьбы отказом. Тогда Туллий Кимвр схватил и стащил с шеи тогу Цезаря. Это было сигналом. Тут же стоявший сзади Каска выхватил меч и ударил Цезаря в затылок. Удар оказался несильным, и Цезарь с криком «Негодяй, Каска, что ты делаешь?» схватил меч Каски. Сенаторы, не посвященные в заговор, от ужаса не могли двинуться с места. Заговорщики окружили свою жертву и принялись со всех сторон наносить удары мечами. Заранее было оговорено, что каждый нанесет минимум один удар. Брут нанес Цезарю удар в пах. Цезарь сначала пытался оказать сопротивление, метался и кричал, но при виде Брута с обнаженным мечом натянул на голову тогу и прекратил сопротивляться. Произошло это 15 марта 44 года до

н. э.

Произносил ли Цезарь на самом деле знаменитые слова «И ты, Брут» или «И ты, дитя мое» — неизвестно. Цезарь получил двадцать три ранения. В суматохе многие из нападавших ранили друг друга.

Сразу же после убийства заговорщики попытались успокоить присутствующих. Но Брут не смог произнести речь. В курии началась паника, сенаторы бросились бежать. Марк Антоний, переодевшись в одежду раба, скрылся. Заговорщики с обнаженными мечами и окровавленными руками двинулись на Капитолий. По пути они весело смеялись, призывали народ к свободе, приглашали встречных аристократов присоединиться к ним. На Капитолии Брут произнес речь, пытаясь объяснить народу мотивы убийства Цезаря. Речь эта была воспринята благосклонно. Тогда Брут в сопровождении цвета аристократии спустился на форум. Он произнес речь, которую собравшаяся к тому времени толпа выслушала молча. Народ жалел о смерти Цезаря, но с уважением относился к Бруту. Когда же еще один из заговорщиков выступил с обвинительной речью против убитого, раздались гневные крики. Недовольство толпы быстро росло, и Бруту вместе с его сторонниками пришлось снова подняться на Капитолий.

Узнав о том, что заговорщики больше никому не причинили вреда, Антоний убедил их спуститься с Капитолия и дал в заложники собственного сына. Уже вечером он принимал у себя Кассия, а другой цезарианец, Лепид, — Брута.

На следующий день был созван сенат. Марк Антоний выступил с предложением решить дело полюбовно: заговорщиков ни в чем не обвинять, Бруту, Кассию и некоторым другим — назначить в управление провинции, ноив распоряжениях Цезаря ничего не отменять, а его самого похоронить с почестями. Предложение это при поддержке Цицерона было принято. Все превозносили на разные голоса мудрость Антония, который уничтожил в зародыше междоусобную войну. Но славы мудрого государственного мужа ему оказалось мало. На похоронах Цезаря, когда Антоний произносил хвалебную речь, толпа начала волноваться. Угадав настроение народа, он назвал заговорщиков подлыми убийцами и душегубами.

Толпа пришла в ярость. Она прямо на форуме, из скамей и столов сложила для убитого погребальный костер, а затем, с горящими головнями кинулась к домам заговорщиков. Брут, Кассий и многие их сторонники были вынуждены бежать из столицы.

После бегства Брута, Кассия и их сторонников из Рима вокруг

Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова убитого передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на то, что такова была воля покойного.

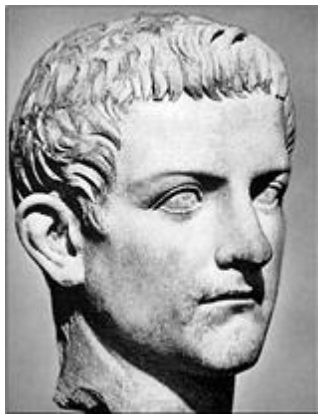
Но через некоторое время в Рим прибыл наследник Цезаря, Гай Юлий Цезарь Октавиан. Сначала между ним и Антонием возникли разногласия (последний не спешил отдать Октавиану его наследство). Дело даже дошло до войны. Но потом Октавиан и Антоний примирились, образовав так называемый второй триумвират (к их союзу присоединился и Лепид).

За это время Брут и Кассий смогли собрать внушительные войска. Антоний и Октавиан выступили им навстречу. Через два с половиной года после смерти Цезаря в Македонии на Филиппских полях состоялись две битвы. Первая (в октябре 42 года до н. э.) победителя не выявила. Но она стоила жизни Кассию. Войска Брута сражались с Октавианом, Кассия — с Антонием. Солдаты Кассия обратились в бегство. Сам полководец геройски сражался, но был вынужден отступить. С небольшой группой воинов он поднялся на холм. Оттуда Кассий заметил большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий из-за своего слабого зрения принял их за вражескую погоню. Решив, что и Брут проиграл битву, Кассий покончил с собой.

После поражения во второй битве при Филиппах (середина ноября 42 года до н. э) Брут также покончил жизнь самоубийством.

Убийцы Цезаря в борьбе за дело республики своей цели не достигли. После поражения войск Брута и Кассия уже никто не мог противостоять установлению единовластия в Риме. В 31 году до н. э. в гражданской войне Октавиан победил Антония и стал единовластным правителем государства. Рим превратился в империю.

ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА (12–41)



Римский император. Стремление Калигулы к неограниченной власти и требование почестей себе как богу вызывали недовольство сената и преторианцев. Убит преторианцами.

Итак, место действия не меняется. Меняется время. Гая Юлия Цезаря Калигулу убили в 41 году н. э., через 80 с лишним лет после убийства Цезаря (героя предыдущей главы). Обрисовать сложившуюся в Риме ситуацию легче всего, вкратце описав события, произошедшие в этот временной промежуток. В 31 году до н. э., победив в гражданской войне МаркаАнтония, фактически единоличным правителем государства становится Октавиан. Формально Рим остается республикой. В 27 году до н. э. Октавиан заявил в сенате, что передает власть сенату и народу Рима. Но на деле отказываться от власти он не собирался. Заранее подготовленный к этому событию сенат — неугодные были изгнаны из числа сенаторов — «отставку» не принял. Сенат «приказал» Октавиану остаться у власти. Он получил титул принцепса: в сенаторском списке его имя шло первым (государственный строй в Риме I–III веков нашей эры историки так и называют «принципат»), имя-титул Августа (священный, божественный) — этот титул предоставлялся до этого только богам, назначался главой всех провинций, в которых были легионы, то есть становился верховным главнокомандующим или императором. Впоследствии «император» из главнокомандующего превратился в главу государства. Несколько позднее Октавиан Август был «выбран» главным жрецом (понтификом), получил еще один титул — «отца отечества» и был приравнен к богам: в честь него был назван месяц, а в провинциях ему даже воздвигали храмы. Таким образом, он сосредоточил в своих руках все ключевые должности государства. Сенат продолжал

существовать: проходили заседания, на которых принимались какие-то решения, в том числе и важные. Но как принцепс Октавиан всегда первым высказывал свое мнение, а спорить с ним было, мягко говоря, не принято.

Октавиан Август проявил себя как осторожный, умеренный, мудрый и дальновидный правитель, чего в большинстве случаев нельзя сказать о его преемниках. Он сумел прожить долгую жизнь, умереть своей смертью и передать власть своему наследнику. Более того, удержать власть Август стремился не только, а может, и не столько из властолюбия или корыстолюбия. Он и его сторонники были идейными противниками демократии. Вот слова его приближенного Гая Цильния Мецената (того самого покровителя поэтов, имя которого стало нарицательным): «Свобода и демократия — благо только тогда, когда принадлежат людям благоразумным. Гражданские войны показали, что римляне неразумны. Давать свободу таким людям — все равно, что давать меч в руки ребенка или сумасшедшего».

Но к концу правления власть отравила Октавиана. Он все больше превращался в тирана. Например, изгнал знаменитого поэта Овидия, отменял выборы, если их результаты казались ему неудачными, и сам назначал угодных ему людей на различные должности, подписывал без меры смертные приговоры. Приближенные, в том числе и Меценат, зачастую вынуждены были сдерживать его во время вспышек гнева. Однажды, когда Август собирался подписать большое количество смертных приговоров, Меценат остановил его фразой: «Да полно же тебе, мясник!»

Вообще складывается впечатление, что римляне, воспитанные на идеях республики, просто психологически не были готовы к единовластию. Как многие представители народов, не знавших в своей истории виноделия, спиваются, буквально несколько раз попробовав спиртное, так и несколько последовавших за Октавианом принцепсов, отведав единожды верховной власти, вскоре начинали «пить этот напиток запоем» и зачастую теряли человеческий облик.

В 14 году н. э. Октавиан Август умер. К власти пришел его пасынок Тиберий. В начале своего правления он вел себя очень скромно: был равнодушен к различным почестям и даже запрещал их оказывать, непритворно злился, почуяв лесть в словах собеседника, был вежлив с сенаторами, консулами и другими должностными лицами, даже сносил упреки и насмешки сограждан, говоря, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык. Однажды, когда кто-то обратился к нему «государь», Тиберий сказал, чтобы больше его так не

оскорбляли, и добавил: «Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных».

Но позднее стиль правления Тиберия изменился. Это хорошо описывают его же слова: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались». Тиберий мог приказать казнить любого человека в любой момент: за малейшую провинность или подозрение в ней. Более того, он считал, что смерть — не самое страшное наказание. Приговоренных пытали, некоторые изощренные пытки Тиберий придумал самолично. Вскоре никто из римлян не мог чувствовать себя в безопасности. Особенно приближенные. В связи с этим хочется несколько отвлечься и рассказать о том, каким хитроумным способом обеспечил себе безопасность один придворный предсказатель. Он «предсказал» Тиберию, что тот переживет его самого на десять лет.

Все жестокости и злодеяния, совершенные Тиберием или по его приказу, могли бы стать предметом отдельной книги. Не меньше Тиберий прославился и своими развлечениями: чревоугодием, пьянством и, особенно, разнообразнейшим развратом. На острове Капри, где он долго жил, постоянно находилось большое количество юношей и девушек, удовлетворявших любые фантазии Тиберия. Он даже ввел специальную должность: распорядитель наслаждений.

Умер Тиберий в 37 году н. э. в результате болезни, но по некоторым свидетельствам, это событие тем или иным способом ускорил герой нашей статьи Калигула. Известие о смерти Тиберия римляне встретили с радостью.

Гай Калигула родился в 12 году нашей эры. Его отец, Германии, был полководцем и приходился племянником Тиберию. По настоянию Августа он был даже усыновлен Тиберием. Когда умер Октавиан, Германии находился во главе большого войска в Германии. Воины отказались признать наследником Тиберия и предлагали своему императору восстать и захватить власть. Это предложение Германии отверг. Вообще Германии был очень популярной личностью. Из Германии он вернулся с триумфом. В 19 году он при загадочных обстоятельствах скончался: предполагают, что его отравили по приказуТиберия. Народ был крайне взволнован смертью прославленного полководца: толпы забрасывали камнями храмы и опрокидывали алтари богов за то, что те дали Германику умереть. Некоторые подкидывали детей, родившихся в этот «несчастливый день». Когда пронеслись слухи, впрочем неверные, о том, что полководец жив, толпа радостно бросилась на улицу. Люди пели: «Жив, здоров, спасен Германию Рим спасен и мир спасен!» Всего у Германика было девять детей, но трое из них

умерли в раннем возрасте.

Место рождения Гая точно не известно. Свое прозвище «Калигула» (сапожок) он получил потому, что воспитывался в военных лагерях среди солдат и носил солдатскую одежду, в том числе и сапоги. После смерти Германика мать Калигулы, Агриппина, прибыла в Рим и обвинила Тиберия в смерти мужа. За это она была сослана и в ссылке покончила с собой. После этого Гай жил сначала в доме своей прабабки, а затем, после ее смерти, перешел к бабке Антонии. Его старшие братья (Нерон и Друз) были осуждены Тиберием по сфабрикованному обвинению и умерщвлены. В девятнадцать лет Калигула был приглашен Тиберием на Капри, где надел тогу совершеннолетнего (надо отметить, что обычно юноши надевали такую тогу в 14–16 лет). Таким образом, обстановку, в которой воспитывался Гай, трудно назвать спокойной. Уже на Капри проявились его наклонности: он ходил по кабакам, плясал и пел на сцене, что не соответствовало понятиям о приличии, с явным удовольствием присутствовал при пытках и казнях. О том, что вырастет позднее из этого юноши, Тиберий догадывался. Однажды, когда Калигула нелестно отзывался о диктаторе Сулле, Тиберий сказал, что сам он будет иметь все пороки Суллы и ни одного его достоинства.

Как внук Тиберия, Калигула мог надеяться на наследство. Для того чтобы увеличить свои шансы, он соблазнил жену начальника преторианских когорт Макрона и через нее вкрался в доверие к самому Макрону. По другим источникам, Макрон сам устроил связь своей жены с Калигулой. Как мы уже писали, сведения о причинах смерти Тиберия противоречивы, но есть предположение, что он был отравлен этим самым Макроном. Якобы, когда

Тиберий умирал, Калигула приказал снять с его пальца перстень. Тиберий еще сопротивлялся, и Калигула задушил его собственными руками. Также передают, что позднее Калигула сам рассказывал о том, что однажды вошел в покои Тиберия с мечом, желая отомстить за смерть матери и братьев. Но из жалости не решился прикончить старика.

В своем завещании Тиберий называл своими наследниками Калигулу и своего несовершеннолетнего внука. Но народ и войско были полностью на стороне Калигулы: еще свежа была память о его отце. На подступах к Риму его встречали ликующие толпы. Завещание было оглашено в сенате и объявлено недействительным. Сенат посчитал, что Тиберий составлял его, находясь не в своем уме: как можно было назначить в качестве одного из наследников мальчика, который еще не мог заседать в сенате.

На первых порах Калигула сделал все, чтобы оправдать всеобщую радость и показать себя достойным возлагаемых на него надежд. С большими почестями он похоронил Тиберия. Чтобы продемонстрировать свою сыновью и братскую любовь, во время бури отправился в плавание за прахом своей матери и братьев и перевез их останки в Рим. Месяц сентябрь он переименовал в честь своего отца Германиком. Помиловал и вернул из изгнания многих осужденных, сжег публично все бумаги, касающиеся осуждения его матери и братьев (на самом деле были сожжены копии). Людей, участвовавших в сексуальных развлечениях Тиберия, Калигула хотел казнить, и только приближенные смогли уговорить его ограничиться изгнанием. Восстановил народные собрания и выборы должностных лиц. Разрешил судьям принимать решения без его согласия. Несмотря на то что завещание Тиберия было объявлено недействительным, Калигула раздал все упоминавшиеся там подарки. Отменил полупроцентный налог на продажу. Устраивал всенародные раздачи денег, угощения для сенаторов и их семей, многочисленные и роскошные игры. Отстраивал храмы и дворцы.

Но очень скоро римляне поняли, какой достойный преемник пришел на смену Тиберию. Светоний, закончив перечисления поступков Калигулы, заслуживающих уважения, пишет: «До сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище». Калигула собирался принять царскую власть. Его остановили только доводы приближенных о том, что он и так выше всех царей и принцепсов. Тогда Калигула решил, что его должны почитать как бога. Он приказал привезти из Греции статуи богов и заменить их головы изображением своей. Себе, как божеству, он посвятил особый храм. Жрецами этого храма по очереди были самые именитые римляне. Они зачастую платили громадные суммы за право быть жрецами этого храма и польстить тем самым Калигуле.

Иной оборот приняли и теплые семейные чувства. Свою бабку, Антонию, неуважением и унижениями он свел в могилу и даже после смерти не отдал ей должных почестей. По некоторым предположениям, он даже отравил ее. Его тесть Силан был обвинен в том, что отказался сопровождать Калигулу в опасном плавании за прахом матери и братьев. Согласно обвинению, он надеялся захватить власть в случае гибели Калигулы. Силана вынудили покончить с собой. Брат Калигулы, Тиберий, был казнен по не менее вздорному обвинению. Он постоянно принимал лекарства от кашля. Калигула обвинил Тиберия в том, что тот принимает противоядие, боясь быть отравленным братом.

В личной жизни Калигула тоже не отличался особой

сдержанностью: даже не скрывал своих кровосмесительных связей с сестрами. Он же считал себя богом и брал пример с самого Юпитера. Кроме простых связей с замужними и незамужними римлянками, довольно распространенной практикой было отнять жену у кого-нибудь из сограждан, заключить с ней брак, а через некоторое время развестись. Гомосексуальные отношения тоже входили в число его развлечений.

Вскоре правление Калигулы стало проходить под девизом, который он любил повторять: «Пускай ненавидят, лишь бы боялись». Вообще своей патологической жестокостью Калигула если не превзошел, то, по крайней мере, не отстал от Тиберия.

Далее перечислены только некоторые примеры его вздорных, преступных и жестоких поступков. Макрон и его жена, которые помогли Калигуле прийти к власти, поплатились жизнями за эту услугу. Когда выросли цены на скот, которым кормили хищников, он приказал скормить зверям преступников, заключенных в тюрьмах, вне зависимости от тяжести их преступлений. Он с большой охотой издевался и над простолюдинами, и над аристократами. Во время представлений он иногда приказывал убрать навес, а зрителей не выпускать со своих мест, чтобы они мучались от жары. Закрывал житницы, обрекая народ на голод. Сенаторов он заставлял бежать за его колесницей по несколько миль и прислуживать ему за обедом в одежде слуг. Утверждают, что только смерть помешала ему сделать своего любимого коня консулом.

Многим тайно убитым по его приказу Калигула, как ни в чем не бывало, продолжал присылать приглашения на обеды, а затем объявлял, что они покончили с собой. Одного человека, который поклялся отдать за него жизнь, Калигула приказал провести по городу в венках, а затем убить. Некоторых он приказал казнить просто из зависти, только за то, что они в каком-то своем качестве — красоте, силе или роскоши одеяния его превосходили. Многих ссылал на каторгу и казнил по абсолютно пустяковым или невероятным обвинениям. Принуждал отцов присутствовать при казнях их сыновей. Отправил на многие острова солдат, чтобы они перебили изгнанников. На основании «сожженных» писем своей матери он обвинил в причастности к ее ссылке многих знатных римлян. Прямо во время обедов при нем проводили расследования, допросы и пытки.

Свои преступления и кровожадность Калигула даже не скрывал. Однажды, обедая с двумя консулами, он вдруг ни с того ни с сего расхохотался. Консулы заискивающе спросили, чему он смеется. На что Калигула ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим перережут глотки!» Часто, целуя очередную

жену или любовницу в шею, он говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!»

Страсть к роскоши и мотовству очень быстро привела к тому, что Калигула растратил свое громадное наследство. Для того чтобы поправить собственное финансовое положение, он казнил многих богатых людей, конфисковав их имущество. Кроме того, он объявил недействительными все завещания, в которых он или его предшественник Тиберий не были включены как сонаследники. Более того, он просто находил «свидетелей», что тот или иной человек объявлял о своем желании завещать имущество Цезарю, после чего объявлял реальное завещание недействительным. Это привело к тому, что многие богатые римляне стали во всеуслышание заявлять о том, что включают Калигулу в свои сонаследники. Он сам же считал издевательством со стороны таких людей после этого оставаться в живых и часто посылал им отравленные угощения.

Незадолго до смерти Калигула осуществил «военный поход». Это мероприятие осуществлялось с невиданными приготовлениями: было собрано громадное войско и сделаны грандиозные запасы продовольствия. Но сам поход был больше похож на детскую игру в «войну». Сражаться в тех регионах Германии, куда отправился Калигула, было не с кем. Он устраивал фальшивые тревоги, бился с несуществующими неприятелями, отправлял вперед по пути следования сыновей германских царей, живших в Италии как заложники, а затем преследовал и ловил их, как беглецов.

Но повод для будущего триумфа Калигула все-таки получил. Сын одного из британских царей, изгнанный отцом, присоединился к войскам Калигулы. После чего Калигула послал гонцов в Рим. Гонцы должны были сообщить, что ему покорился весь остров.

Естественно, что такое «правление» не могло не вызвать недовольства. До нас дошли сведения о нескольких раскрытых заговорах против Калигулы, состоявшихся в 39 и 40 годах н. э. Наконец в 41 году был составлен очень широко и тщательно подготовленный заговор. На случай, если убить Калигулу сразу не удастся, было подготовлено два других покушения. Во главе заговора стояла группа сенаторов. Покушение возглавил трибун преторианской когорты Кассий Херея. Этот человек, несмотря на почтенный возраст, часто подвергался со стороны Калигулы жестоким насмешкам. Его главным сообщником был трибун Корнелий Сабин.

Как обычно, большое внимание при описании этих событий отводится предзнаменованиям, которые предшествовали

убийству. Из Олимпии Калигула велел перевезти статую Юпитера. Когда статую попытались разобрать, она якобы разразилась хохотом. В мартовские иды молния ударила в Капитолий, это толковали так: грядет новое убийство, как некогда в этот же день (см. предыдущую главу). Один астролог якобы предсказал Калигуле скорую и неминуемую смерть. Оракул богини Фортуны сказал, что нужно опасаться Кассия. Калигула ошибся и послал убить Кассия Лонгина, который был тогда проконсулом Азии. Накануне убийства Калигула видел сон, в котором он стоял на небе у трона Юпитера и бог низверг его на землю толчком ноги. Наконец уже в сам день убийства, принося жертву, Гай был забрызган кровью жертвенного фламинго. Правда, по другим источникам, кровью был забрызган не Калигула, а один из его спутников — сенатор. Он не имел отношения к заговору, но из-за крови был принят германцами-телохранителями за одного из покушавшихся и убит.

Покушение состоялось 24 января 41 года. В это время проходили трехдневные Палатинские игры, посвященные Августу. Калигулу должны были убить при выходе с представления. Он шел по узкому подземному коридору, остановился посмотреть на готовящихся к выступлению азиатских мальчиков и похвалил их. Дальнейшие события описываются по-разному. По одной из версий, Кассий Херея подошел к Калигуле сзади и с криком «Делай свое дело!», ударил его мечом по затылку. В это время Корнелий Сабин пронзил Калигуле грудь. По другим источникам, посвященные в заговор воины оттеснили спутников Калигулы в сторону. Когда, по традиции, Корнелий Сабин спросил у него пароль, тот ответил: «Юпитер». В этот момент Кассий Херея крикнул «Получай свое!» и ударил повернувшегося на крик Калигулув подбородок. Гай с криком «Я жив!» повалился на землю. Но на крик помощь не подоспела: остальные заговорщики добили свою жертву, нанеся ей около тридцати ударов. Есть также сведения, что первым ударом Херея рассек императору шею. Тот встретил смерть достойно: не кричал, но пытался спастись бегством.

На шум прибежали вооруженные шестами носильщики и телохранители-германцы. Некоторые из заговорщиков были убиты на месте, с ними и несколько невиновных, другим удалось скрыться. Стража оцепила театр, на алтарь были брошены головы убитых. Разносились различные слухи, в том числе, что Калигула жив и окровавленный выступает на форуме перед народом. Многие не верили в убийство. Калигула так запугал римлян, что покушение посчитали очередной его выдумкой: способом выяснить, что о нем думают в народе, и предлогом для резни.

Наконец было объявлено о его смерти, стража удалилась, и народ бросился из театра. Во время заговора были также убиты жена Калигулы, Цезония, и его дочь.

Калигула был убит на тридцатом году жизни, проведя у власти меньше четырех лет. В его вещах был найден громадный ларь с различными ядами и две тетради со списками имен: одна называлась «Меч», другая — «Кинжал». О значении этих списков легко догадаться. Тело его было сожжено только наполовинуи похоронено без почестей. Только вернувшиеся из изгнания сестры перезахоронили его останки, соблюдая все обряды.

Заговорщики не пытались передать власть кому-либо. Сенат стремился к свободе и восстановлению республики. Первое его заседание было назначено на Капитолии, а не в Юлиевой курии, построенной в честь Юлия Цезаря. Многие призывали разрушить храмы, построенные в честь Юлия Цезаря и Августа. Но восстановить республику не удалось. О дальнейшем развитии событий будет сказано в следующей главе.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ (10 до н. э. — 54 н. э.)

Дядя Калигулы. Римский император. Был отравлен собственной женой, которая стремилась передать власть своему сыну Нерону.

Тиберий Клавдий Друз родился в 10 годудо н. э. Предыдущему принцепсу, Калигуле, Клавдий приходился дядей со стороны отца. Достоинствами своего брата, Германика, он не обладал. В детстве Клавдий перенес много болезней, в результате которых «так ослабел душой и телом», что позднее, несмотря на происхождение, долго считался неспособным ни к какой государственной деятельности. С детства он подвергался всевозможным унижениям и насмешкам. Его мать, Антония, не скрывала своего презрения к сыну. Она считала, что природа начала его и не доделала. Желая подчеркнуть чью-то недалекость, Антония часто говорила: «Глупее моего Клавдия». Не лучше относились к юноше бабка и сестра. А вот что в своих письмах к жене говорил о нем Октавиан Август: «По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Тиберием… И оба мы согласились, что надо раз навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, полноценный и у него все на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат? Если же мы чувствуем, что он поврежден и телом и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придется вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности или нет». Просветления же, которые иногда с Клавдием случались, вызывали у окружающих скорее удивление, чем радость и надежду на полное его выздоровление. Вот еще один отрывок из писем Августа: «Хоть убей, я сам изумлен, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить все, что нужно, и так связно, когда обычно говорит столь бессвязно».

В правление Тиберия Клавдий попробовал добиться должности консула. Но получил только знаки консульского достоинства, а реально должности не занимал. Отчаявшись сделать политическую карьеру, Клавдий переселился в загородный дом и проводил там время в пьянстве и азартных

играх.

Удивительно, но такое отношение со стороны окружающих и, прежде всего, родственников в конце концов сыграло положительную роль в жизни Клавдия. Когда к власти пришел его племянник Калигула, Клавдий стал получать различные должности. Дважды был консулом, несколько раз заменял Калигулу при проведении зрелищ. Народ встречал его в таких случаях хорошо. Его приветствовали криками: «Да здравствует дядя императора!», «Да здравствует брат Германика!».

Тут следует сказать, что Калигула вовсе не питал никаких теплых чувств к своему «слабоумному» дяде. Просто в начале своего правления он пытался продемонстрировать себя лояльным по отношению к родственникам, а конкуренции со стороны Клавдия принцепс не опасался. Кроме того, дядя был постоянной мишенью для жестоких и унизительных шуток, которые доставляли Калигуле столько удовольствия. Например, когда Клавдий опаздывал на обед, то, несмотря на свое происхождение, долго не мог найти себе места. Если он, выпив на пиру, засыпал, что случалось нередко, шуты бросали в него косточками от фиников. Иногда его «в шутку» будили ударом хлыста или прутьями, или надевали ему спящему на руки сандалии, чтобы потом, когда его будили, он, еще не до конца проснувшись, тер ими лицо. Позже, уже придя к власти, Клавдий говорил, что при Калигуле он во многом специально притворялся глупцом, иначе вряд ли бы выжил. Последнее утверждение очень правдоподобно. Стоит вспомнить, как беспощадно Гай Калигула разделывался со своими родственниками и приближенными.

К власти Клавдий пришел во многом благодаря случаю. После убийства Калигулы Клавдий в испуге спрятался за занавесом в одной из галерей. Его ноги заметил пробегавший мимо солдат-преторианец. Обнаруженный Клавдий в ужасе бросился в ноги солдату, но тот поднял его и приветствовал как императора.

Затем преторианцы, не зная, как поступить, посадили Клавдия в носилки и отнесли в свой лагерь. В страхе Клавдий провел ночь, но увидев, что ему не угрожает опасность, стал думать о том, какую выгоду можно извлечь из сложившегося положения. На следующий день в сенате начался дележ власти между двумя лидерами заговора: Валерием Азиатиком и Марком Виницием.

Сенат никак не мог прийти к согласию. Между тем толпа, боясь междоусобиц, требовала единовластия, и уже называли имя Клавдия. Боясь такого противника, сенаторы отправили к нему послов с требованием прийти в курию. Но Клавдий к тому

времени принял присягу от воинов и пообещал каждому из них солидную награду. Тогда сенаторы, увидев, что войско на стороне Клавдия, стали просить хотя бы принять власть из рук сената.

Надо сказать, что, придя к власти, Клавдий вел себя на удивление скромно. По крайней мере, в сравнении со своими предшественниками. Он отказался от большинства почестей, решение многих государственных дел отдал на рассмотрение сенату, на судах часто присутствовал в качестве простого советника, был вежлив и предупредителен с различными должностными лицами. В государственных делах он отличался непостоянством. Часть его поступков можно назвать достаточно разумными, часть — легкомысленными. В суде он иногда принимал мудрые и справедливые решения, иногда — спорные, а подчас и парадоксальные. Светоний приводит по этому поводу массу примеров.

За время правления Клавдия, а находился он у власти 14 неполных лет, улучшилось финансовое положение империи, была упорядочена система налогообложения, осуществлены многие грандиозные и полезные проекты: закончено строительство водопровода, осушено Фуцинское озеро, построена гавань в пригороде Рима Остии, отстроены многие пришедшие в негодность постройки.

Большое внимание Клавдий уделял снабжению Рима продовольствием. Часто устраивал раздачи народу денег, грандиозные игры и зрелища.

Но своим вредным привычкам Клавдий стал предаваться с большим азартом. На пьянство, игру в кости, роскошные пиры и чувственные наслаждения он тратил много времени и средств. Подобно Калигуле и Тиберию, не чужд был Клавдий и болезненного интереса к казням и пыткам.

Несмотря на в общем-то спокойное правление, на Клавдия было совершено несколько неудачных покушений. Один раз даже вспыхнула междоусобная война, которая, правда, была пресечена в зародыше самими восставшими. Они, раскаявшись, убили своего предводителя.

Но настоящим горем и источником опасности для Клавдия стали его жены. Женат он был четыре раза. С первой женой он развелся из-за ее развратного поведения. Со второй — по причине мелких разногласий. После этого он вступил в брак с Валерией Мессалиной. Но та не только оказалась ему неверна, но и попыталась вместе со своим любовником захватить власть. Разоблачив заговор, Клавдий приказал казнить Мессалину, а сам поклялся перед своими преторианцами, что отныне в брак не вступит, а если не устоит, то пусть они сами заколют его. На свою

беду, Клавдий не устоял. Но отнюдь не преторы стали причиной его смерти. Роковым для него стал четвертый брак с Агриппиной Младшей.

Этой личности, как основному «действующему» лицу главы, следует уделить больше внимания. Агриппина Младшая была дочерью Германика и Агриппины Старшей и родной сестрой Калигулы. Следовательно, Клавдию она приходилась племянницей. От первого брака Агриппина имела сына Луция Домиция Агенобарба (будущего императора Нерона). По легенде, после рождения сына астролог сказал ей, что мальчик будет царем, но убьет свою мать. На что Агриппина ответила: «Пусть убьет меня, лишь бы царствовал». Отец мальчика, Гней Домиций Агенобарб, умер, когда ему было только три года, в 40 году н. э. После его смерти Калигула отправил Агриппину в ссылку. Но вскоре он был убит, к власти пришел Клавдий и вернул племянницу в Рим. После смерти Мессалины Агриппина поняла, что такой шанс добиться власти для себя и своего сына упускать нельзя. Она обольстила падкого на женские прелести дядю ив 49 году н. э. вышла за него замуж. Для того чтобы этот кровосмесительный брак стал возможен, Клавдию понадобилось специальное решение сената.

В 50 году н. э. Клавдий усыновил сына Агриппины и дал ему имя Тиберий Клавдий Нерон. Достаточно быстро, однако, Клавдий понял, что и этот брак не принесет ему счастья. Новая жена изменяла ему и занималась у него за спиной различными политическими интригами, в основном направленными на обеспечение своему сыну наследства.

Вскоре Клавдий стал явно тяготиться своим браком и жалеть о том, что усыновил Нерона. Агриппина забеспокоилась. И было отчего. Многое свидетельствовало о том, что Клавдий может лишить Нерона наследства и передать его Британику, своему сыну от брака с Мессалиной. Например, однажды встретив Британика, Клавдий очень тепло его приветствовал, крепко обнял и пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах. Клавдий спешил поскорее надеть на Британика тогу совершеннолетнего и говорил при этом: «Пусть наконец у римского народа будет настоящий Цезарь!»

Но особенно насторожили Агриппину слова, которые обронил однажды Клавдий. Он сказал, что такова его судьба — выносить беспутство своих жен, а затем обрушивать на них кару. Решение было принято. Все приготовления Агриппина сделала с чувством, с толком, с расстановкой. Она долго размышляла, какой именно яд нужно применить. Слишком быстродействующий яд мог бы вызвать подозрения, если же воспользоваться медленным — то

Клавдий, почувствовав приближение смерти, мог бы успеть изменить завещание. Тут предпочтительней был бы яд, вызывающий сперва помутнение рассудка, а затем — медленную смерть. Без специалиста было не обойтись. Агриппина обратилась к некоей Локусте, известной отравительнице того времени. Яд, приготовленный Локустой, был подан, по одной версии, евнухом Галотом, в обязанности которого входило пробовать блюда, перед тем как их ел Клавдий. По другой версии, яд подала сама Агриппина в блюде с белыми грибами — излюбленном лакомстве Клавдия.

Дальнейшие события тоже описываются по-разному. Светоний приводит два варианта этих событий. Согласно одному из них, после принятия яда у Клавдия отнялся язык. Промучившись всю ночь, уже под утро он умер. Согласно другому — сперва Клавдий впал в беспамятство. Но затем от обилия принятой пищи его вырвало. После чего яд дали повторно: то ли в каше, которую ему предложили, чтобы укрепить силы после рвоты, то ли вместе с промыванием, которое применили для «очистки» желудка. Несколько иначе и к тому же подробнее описывает эти события Тацит. По изложенной им версии, то, что Клавдий отравлен, непосвященные присутствующие поняли не сразу. Клавдий был пьян и беспечен. Затем с ним случился приступ поноса, что принесло явное облегчение. Тогда Агриппина в панике бросилась к врачу Ксенофонту — еще одному участнику заговора. Ксенофонт, якобы для того чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия перо, смазанное уже быстродействующим ядом.

О смерти Клавдия сообщили не сразу, нужно было приготовить все для вручения Нерону верховной власти. Более того, произносились молитвы о его здоровье, уже мертвого принцепса обложили припарками и покрывалами, во дворец приглашались комедианты, якобы для того, чтобы развлечь больного. Как бы находясь в глубочайшем горе и ища утешения, Агриппина бросилась в покои Британика, заключила его в свои объятия, называла точной копией отца и под разными предлогами не выпускала из покоев. Так же взаперти она держала его сестер — Антонию и Октавию. Время от времени Агриппина объявляла, что самочувствие Клавдия улучшилось.

Когда, наконец, о кончине Клавдия было объявлено, на ступенях дворца воины приветствовали семнадцатилетнего Нерона как императора. Затем его на носилках отнесли в лагерь преторианцев, где он произнес короткую речь перед солдатами. Отсюда Нерон последовал в сенат, где был буквально осыпан всевозможными почестями. Завещание Клавдия всенародно объявлено не было. Агриппина, Нерон и их сторонники

опасались, как бы несправедливость этого завещания не вызвала гнев народа: ведь Клавдий, имея родного сына, основным наследником сделал пасынка. Позже, уже по приказу самого Нерона Британии был отравлен.

Агриппина отнюдь не собиралась, предоставив власть сыну, уйти на покой. Первое время она настойчиво принимала участие во всех делах Нерона и государства. Но характер нового принцепса проявился очень быстро. Он ни с кем не желал делиться властью. Между Агриппиной и Нероном произошел разлад. Яблочко от яблони недалеко падает. В 59 году, через пять лет после прихода к власти, Нерон с величайшей изобретательностью подготовил и осуществил убийство матери. Легендарное предсказание сбылось.

Архиепископ Кентерберийский с 1162 г. Политический деятель. Выступал против политики Генриха II, направленной на подчинение английской церкви светской власти. Убит по распоряжению короля. Канонизирован в 1173 г.

АНГЛИЯ

БЕКЕТ ТОМАС (1118–1170)

История не всегда справедлива к тем или иным выдающимся личностям. Немногие английские монархи могут сравниться по величине вклада в становление и развитие английского государства с правившим тридцать пять лет королем Генрихом II Плантагенетом. До Генриха II английские короли, бывшие одновременно правителями различных областей на территории современной Франции, практически не уделяли внимания своим островным владениям, считая их второстепенными. Придя к власти в возрасте двадцати одного года, Генрих II своими решительными действиями сумел быстро усмирить баронскую смуту, многие годы терзавшую Англию, и распустил бесчисленные отряды наемников, чинивших насилие над простыми людьми. Именно при Генрихе II впервые в Европе появился суд присяжных, были отменены испытания подсудимого «божьим судом» (когда подозреваемые в преступлении люди подвергались испытанию огнем, раскаленным железом, водой). К Англии были присоединены Уэльс и Ирландия. Генрих II провел весьма успешную военную реформу, ослабившую зависимость короля от феодальных баронов в военной области. Военная служба могла быть заменена взносом в казну так называемых «щитовых денег», на которые король мог нанимать рыцарей, служивших ему определенное время, тогда как служба вассалов короля ограничивалась сорока днями в году.

Англия стала превращаться в могущественное государство.

И тем не менее, Генрих II вошел в историю прежде всего как организатор и вдохновитель убийства архиепископа Кентерберийского Томаса (Фомы) Бекета.

Попытаемся же разобраться в причинах, толкнувших столь выдающегося государя на это преступление, омрачившее все его царствование.

В 1135 году умирает король Генрих I, младший сын Вильгельма I Завоевателя. От двух официальных браков Генрих I имел сына Вильяма и дочь Матильду (по свидетельству историков, число незаконных детей Генриха I достигало двадцати). Но в 1120 году Вильям утонул во время кораблекрушения, и, поскольку других прямых наследников мужского пола у короля не было, он просил совет баронов принять после его смерти дочь Матильду как новую королеву Англии. Но бароны не сдержали данного Генриху I обещания.

Власть в Англии захватила баронская клика во главе с племянником Генриха I Стефаном (Стивеном) Блуасским. Вскоре

Матильда подняла мятеж, намереваясь добиться своего законного права на трон. После нескольких крупных стычек победа оказалась на стороне королевы. Стефан Блуасский отнюдь не был идеальным монархом, скорее наоборот. Однако правление Матильды было столь безобразным, что буквально через несколько месяцев Англия взбунтовалась. Поддерживаемые народом бароны опять вернули на трон Стефана. Все же победители пошли на некоторые уступки — Матильде было обещано, что после смерти Стефана Блуасского королем станет ее сын Генрих Анжуйский.

Стефан Блуасский скончался в 1154 году. К этому времени под властью Генриха Анжуйского находились обширные владения во Франции: Нормандия и Анжу, перешедшие к нему после смерти отца, графа Джеффри Анжуйского, а также Аквитания, Гасконь, Пуату, доставшиеся Генриху благодаря женитьбе в 1152 году на бывшей жене французского короля Людовика VII Элеоноре Аквитанской.

Генрих II был коронован 19 декабря 1154 года в Вестминстерском аббатстве. Для проведения задуманных преобразований молодому королю нужны были способные и надежные помощники. В те времена вторым человеком в Англии считался глава Церкви архиепископ Кентерберийский. Именно к архиепископу Кентерберийскому Теобальду и обратился Генрих II, когда ему понадобилась кандидатура на пост канцлера.

Теобальд порекомендовал королю своего помощника архидьякона Томаса Бекета. Тогда-то и состоялась встреча двух выдающихся людей своего времени, бывших поначалу лучшими друзьями и соратниками, а затем ставших заклятыми врагами.

История происхождения Томаса Бекета до конца не ясна. Достоверно известны лишь время и место рождения будущего архиепископа Кентерберийского — Лондон, 1118 год. По поводу же родителей Бекета исторические документы дают весьма противоречивую информацию. Согласно одним источникам, отец Бекета был мелким торговцем. По другим данным, Томас Бекет был сыном богатого купца, некоторое время занимавшего высокий пост шерифа Лондона.

На этом фоне весьма романтично выглядит версия происхождения Бекета, выдвинутая английским историком Голдсмитом. По этой версии, будущий второй человек Англии был сыном простого английского солдата и дочери. предводителя одного из сарацинских племен. Принимая участие в очередном крестовом походе, отец Томаса Бекета, Гилберт Бекет, якобы попал в плен к одному из сарацинских вождей. Однако провидению было угодно, чтобы в пленника отчаянно влюбилась

дочь вождя племени, которая вскоре помогла Гилберту бежать. Через некоторое время прекрасная сарацинка, будучи не в силах пережить разлуку с любимым, решается на отчаянный шаг и покидает родной дом. На английском языке она знала всего два слова — «Лондон» и «Гилберт». Первое слово помогло ей попасть на борт английского торгового корабля. Оказавшись в Лондоне, молодая девушка несколько дней ходила по улицам незнакомого города, пока, наконец, совершенно случайно не встретила любимого человека. Вскоре Гилберт Бекет и его возлюбленная, после обряда крещения получившая имя Матильда, поженились.

Несмотря на свое саксонское происхождение (в те времена привилегированным классом были норманны, саксонцы же считались людьми второго сорта), Томас Бекет получил прекрасное образование, обучаясь сначала в Англии, а затем и во Франции и Италии. В 1143 году, после участия в поездке архиепископа Теобальда в Рим, Томас Бекет был отправлен в Болонью и Оксерр для изучения канонического права. Бекет еще тогда обратил на себя внимание окружающих живым темпераментом, необыкновенной памятью и глубокими знаниями. Располагала к себе и внешность высокого и стройного молодого брюнета. Товарищи Бекета считали его в высшей степени приятным, стремящимся нравиться людям и весьма честолюбивым человеком.

Постепенно влияние Бекета в окружении Теобальда росло. Вскоре Теобальд стал поручать своему выдвиженцу важные дипломатические миссии. В 1152 году Бекет проявил себя, действуя в качестве представителя архиепископа Кентерберийского в Риме, где ему удалось получить папский эдикт, запрещающий коронацию сына короля Стефана Блуасского.

Находясь на посту канцлера Англии, Бекет с каждым днем приобретал все больший политический вес в жизни Англии. Стареющий архиепископ Теобальд уже не влиял на происходящее, и Томас Бекет вскоре стал доверенным лицом короля Генриха II, помогая королю, а иногда и заменяя монарха в государственных делах. Бекет преданно проводит в жизнь политику Генриха II, бескомпромиссно и ревностно защищая интересы своего короля. В 1158 году Бекет возглавил английскую миссию, отправившуюся в Париж, и там провел успешные переговоры о браке принца Генриха и старшей дочери французского короля Людовика VII.

Между королем и канцлером сложились не только деловые, но и дружественные отношения. Они вели весьма свободный, с точки зрения морали, образ жизни, оба любили хорошее вино и дорогие кушанья. Совместные пиры проходили чуть ли не

ежедневно.

В 1161 году умирает глава Церкви архиепископ Кентерберийский Теобальд. Отношения между Генрихом II и Церковью были очень натянутыми, поскольку амбициозный король всеми способами пытался ограничить власть «слуг Божьих». Кроме того, Генрих II, стремясь укрепить мощь государства и армии, неоднократно пытался обложить налогами непомерные доходы Церкви. Надеясь, что верный соратник поможет обуздать аппетиты церковников и ограничить власть Церкви, Генрих II добивается назначения в 1162 году Томаса Бекета архиепископом Кентерберийским. Это назначение вызвало вполне понятное недовольство высших церковных иерархов, поскольку Бекет был человеком светским и до этого всегда поддерживал инициативы короля по серьезным ограничениям прав Церкви. Однако ни Генрих II, ни церковные деятели, никто в Англии не предполагал, какая разительная перемена произойдет с Томасом Бекетом после назначения его архиепископом Кентерберийским.

Став не только де-факто, но и де-юре вторым человеком в иерархии английской власти, из абсолютно не религиозного человека Бекет в одночасье превратился в фанатичного святошу, всем своим видом и деяниями демонстрируя невероятный аскетизм и радость наконец-то представившейся возможности служить Богу, а не королю и государству. Всегда любивший хорошую и модную одежду, новый архиепископ Кентерберийский вдруг облачился в холщовую монашескую рясу, которую не менял по несколько месяцев.

Бекет спал на холодном каменном полу, ел только хлеб и пил воду, вкус которой специально отравлял горькими травами и кореньями. Каждое утро перед Кентерберийским аббатством стали собираться нищие и калеки, которым глава Церкви лично мыл ноги, кормил и раздавал подаяние. Более того, вскоре перед лондонцами предстала и вовсе невообразимая картина. Каждое утро, и в жару и в холод, горожане видели медленно бредущего по улицам архиепископа Кентерберийского, за которым шли несколько монахов, хлеставших бичами главу Церкви. Такую епитимью Бекет наложил на себя сам в наказание за свои прошлые грехи. При этом Бекет стал всячески противодействовать Генриху II в его стремлении подчинить себе Церковь.

Такое не могло присниться Генриху II даже в самых страшных снах. Человек, которого он, король, поставил на одну ступень рядом с собой, вознеся из полной безвестности к вершинам власти; человек, обязанный ему, Генриху II, своим положением,

богатством и славой, человек, который должен был на посту главы Церкви помочь королю обуздать непомерные амбиции церковников, наконец, просто его лучший друг совершает такую подлую и абсолютно неожиданную измену! Этот удар в спину Генрих II, до того практически не знавший серьезных поражений, перенес с большим трудом.

По прошествии веков сложно судить о мотивах и поступках того или иного человека. Что же стало причиной такой резкой перемены в характере Томаса Бекета? Какое-то вдруг снизошедшее свыше озарение, после которого он стал понимать всю греховность и суетность мирской жизни? Возможно. Однако обращает на себя внимание следующий факт. В 1164 году Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского во многих преступлениях. В частности король обвинил Бекета в краже государственных денег в весьма крупных размерах во время пребывания его на посту канцлера. Естественно, в открытом суде Бекет громогласно отвергал все выдвинутые против него обвинения, однако вскоре тайно договорился с представителями короля о возврате денег в казну, причем в требуемых королем размерах. Не была ли резко наступившая святость Бекета попыткой скрыть свои преступления и уйти от ответственности?

Первое открытое столкновение короля и архиепископа Кентерберийского произошло в 1164 году. Несмотря на переход Бекета в лагерь противников, Генрих II все же не отказался от своих намерений преобразовать отношения государства и Церкви. Вскоре Генриху II представился удобный случай для проведения своих реформ в жизнь. В 1163 году некий священник изнасиловал дочь одного джентльмена, а затем, чтобы скрыть свое преступление, убил несчастную девушку и ее отца. По существовавшим тогда законам, гражданский суд не мог судить человека, имеющего духовный сан, какое бы тяжелое преступление тот ни совершил. Такое право имел только церковный суд. По сути дела для любого человека, даже не имеющего звания священника, но так или иначе работающего на Церковь (например, церковного писца или сторожа), церковный суд был надежной лазейкой, позволяющей избежать справедливого наказания за содеянные преступления. Так случилось и на этот раз. Священника судил церковный суд, который, несмотря на наличие бесспорных доказательств, убийцу и насильника оправдал. Тяжесть преступления и оправдательный вердикт суда вызвали бурю возмущения в народе. Узнав об этом, король потребовал судить убийцу гражданским судом и вообще изменить порядок судопроизводства в Англии.

Для разбирательства этого дела в январе 1164 года Генрих II

созвал в Кларендоне Генеральный Совет представителей знати и духовенства. Генриху II удалось заставить всех собравшихся поставить подпись под шестнадцатью пунктами соглашения междукоролевской властью и Церковью. Эти соглашения стали известны как «Кларендонская Конституция». Главными пунктами этой конституции были требования об обязательном присутствии королевских юристов на заседаниях церковных судов и немедленном переводе дел осужденных духовных лиц под гражданскую юрисдикцию королевских судов.

Каким же образом Генриху II удалось заставить церковных иерархов подписать соглашения, существенно ограничивающие власть духовенства? Три дня король безуспешно уговаривал собравшихся в Кларендоне епископов, однако те ни на йоту не хотели лишаться своих привилегий. И тут на помощь королю приходит… главный защитник интересов Церкви архиепископ Кентерберийский Томас Бекет. Именно он дает указание епископам подписать «Кларендонскую Конституцию». Неужели Бекет вновь занял позицию короля? Отнюдь. Бекет прекрасно понимал, что в Риме никогда не одобрят подобный документ. Так и случилось. Папа Александр III в самых резких выражениях осудил подписанные соглашения, и тут же архиепископ Кентерберийский начал выступать с громогласными проповедями, обрушивая свой гнев на короля и всех подписавших «Кларендонскую Конституцию».

После этого обмана Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского в государственной измене. Понимая, что положение его становится с каждым днем все более опасным, Бекет решает бежать из Англии. В конце 1164 года глава английской Церкви оказывается во Франции, где два года живет в аббатстве Понтиньи, а затем перебирается в монастырь св. Коломба в Сансе.

Несмотря на то что Генриху II удалось изгнать из страны своего злейшего врага, он не чувствовал победы. За рубежами Англии Томас Бекет имел весьма благоприятную репутацию «святого, пострадавшего в борьбе с несправедливой властью» и множество друзей и покровителей, самым влиятельным из которых был Папа Римский Александр III. Именно Рим оказывал на английского короля сильнейшее давление. Папа в своих посланиях пытался добиться примирения короля и архиепископа, а также требовал от Генриха II вернуть Бекету конфискованные по решению королевского суда имущество и поместья.

Заочный спор между Бекетом и Генрихом II продолжался без малого шесть лет. 14 июня 1170 года в Лондоне состоялась коронация наследника престола Генриха — младшего

(формально Генрих II сделал своего сына соправителем Англии, однако никакой реальной властью наследник не обладал). В нарушение традиционных прав архиепископа Кентерберийского, обряд коронации совершил архиепископ Йоркский. Это вызвало гнев папы Александра III, который под угрозой наложения на Англию интердикта (запрета совершать на наказуемой территории богослужения и религиозные обряды) заставил Генриха II пойти на уступки архиепископу Кентерберийскому. 22 июля в нормандском городке Фретиваль состоялась встреча Генриха II и Томаса Бекета. Казалось, противоборствующим сторонам удалось достичь долгожданного компромисса: Генрих II отказывался от судебного преследования Бекета и разрешал тому вернуться в Англию, Бекет же согласился провести повторную коронацию наследника престола Генриха-младшего и обещал королю без особой надобности не вмешиваться в управление государством.

С большой помпой Томас Бекет 1 декабря 1170 года возвращается в Кентерберийское аббатство. И тотчас нарушает данные королю обещания. Он потребовал опубликовать папские послания, осуждающие кларендонские соглашения, и отстранить поддерживавших короля архиепископов Лондона, Йорка и Солсбери. Бекет также предал анафеме всех епископов, которых сам же и заставил подписать «Кларендонскую Конституцию»!

Безусловно, облеченные властью люди должны уметь сдерживать свои эмоции. И все же можно понять реакцию Генриха II — Бекет в очередной раз обманул его. В конце декабря в Нормандии состоялся Рождественский пир, на который были приглашены практически все преданные Генриху II рыцари. Однако мысли у короля были отнюдь не праздничные. Думая постоянно о ненавистном архиепископе Кентерберийском и будучи не в силах сдержать себя, он во всеуслышанье воскликнул: «Найдутся ли в моем королевстве смелые люди, которые избавят от этого предателя?!» К сожалению, летописи не сохранили абсолютно точный ход событий, а ведь от этого зависит очень многое — был ли Генрихом отдан четкий приказ убить Бекета или же слова короля были всего лишь криком души отчаявшегося человека. Как бы там ни было, четыре рыцаря — Реджинальд Фитц Урс, Вильям де Траси, Гуго де Морвиль и Ричард ла Брет — не остались равнодушными к словам своего короля. Тотчас же они отправились в Англию. 29 декабря 1170 года четверка рыцарей стояла у ворот Кентерберийского аббатства.

Дальнейший ход событий нам известен благодаря монаху Эдварду Гриму, который из потайного места за алтарем Кентерберийского аббатства наблюдал за убийством Томаса

Бекета. Основные моменты его показаний вполне достоверны, хотя при их изучении следует учитывать влияние на монаха ореола святости архиепископа Кентерберийского.

Итак, 29 декабря 1170 года слуга впустил четверых рыцарей в пределы Кентерберийского аббатства. Как приближенные короля, рыцари были приняты с должным почтением. Писарь архиепископа Кентерберийского провел их в личные покои своего владыки.

— Снимите анафему со всех слуг короля и верните их в лоно Церкви, а затем убирайтесь из Англии! — увидев Бекета, потребовали рыцари и обнажили мечи.

— Я никогда не сделаю этого! — отвечал им Бекет.

Да, рыцари угрожали Бекету. И все же отметим, что они не стали сразу убивать архиепископа, а попытались поначалу заставить Бекета подчиниться воле короля.

— С этого дня с вами не может быть никакого мира. Король устал от ваших обманов. Убирайтесь! — продолжали настаивать рыцари.

— Я не подчиняюсь ничьей воле, кроме воли Господа нашего! Таки передайте своему королю!

— Тогда вы умрете, проклятый предатель, и получите то, что заслуживаете!

— Король приказал вам убить меня? Что ж, подлые убийцы, делайте свое дело! Со мной Бог, я не боюсь смерти!

После этих слов взбешенные рыцари схватили Бекета и попытались вывести его из церкви. Бекет отчаянно сопротивлялся, и в пылу борьбы кто-то из рыцарей нанес ему первый удар мечом по голове.

Томас Бекет был еще жив, когда рыцари выволокли его на улицу. «Во имя Иисуса и святой Церкви я готов умереть», — слабым голосом бормотал Бекет. Убийц уже было не остановить: на голову архиепископа Кентерберийского один за другим посыпались удары. Кровь Бекета полилась на мостовую. Услышав крики, люди Бекета пытались спасти его, но безоружные монахи ничего не могли сделать с вооруженными опытными воинами. Видя, что дело сделано, убийцы оставили бездыханное тело на тротуаре и скрылись.

Сейчас трудно судить, было это притворством или нет, но, узнав об убийстве Бекета, Генрих II пришел в ярость и строго наказал убийц.

Это преступление сделало Генриха II изгоем во всем христианском мире и заставило его прекратить наступление на церковные привилегии. 21 мая 1172 года король вынужден был публично покаяться в своем грехе. Пытаясь спасти свою

репутацию, он торжественно пообещал:

— снарядить 200 рыцарей для нового крестового похода на Святую землю;

— не создавать трудностей духовенству при обращении к Папе Римскому;

— вернуть Церкви всю ее конфискованную собственность;

— отменить все старые и не вводить новых законов, ограничивающих права Церкви.

Но и этого было мало. На голову несчастного короля со всех сторон продолжали сыпаться проклятия. Поэтому, по требованию папы Александра III, Генрих II вынужден был еще раз публично покаяться и искупить свои грехи. Ни до ни после Генриха II в истории христианского мира не было подобных примеров. В июле 1174 года король прошел по Кентерберийскому аббатству сквозь ряды хлеставших его плетьми монахов, а затем целую ночь молился у могилы Бекета.

Усыпальница архиепископа Кентерберийского вскоре стала местом паломничества. В 1173 годуТомас Бекет был канонизирован и в церковном календаре день 29 декабря стал днем святого Фомы. Однако по прошествии веков потомки развенчали мнимую святость Бекета. При короле Генрихе VIII рака с мощами святого Фомы была вынесена из Кентерберийского аббатства, а имя Томаса Бекета перестало упоминаться в английских церквях.

ЭДУАРД II ПЛАНТАГЕНЕТ (1284–1327)

Король Англии с 1307 г. Находился в конфронтации с баронами. Во время одного из мятежей был свергнут и убит.

Английский король Эдуард II Плантагенет, четвертый сын короля Эдуарда I, родился 25 апреля 1284 года в Северном Уэльсе, в маленьком городке Кэрнаворон.

Его отец, по свидетельству историков и летописцев тех лет, был одним из самых выдающихся английских королей. Он был искусным воином и неплохим стратегом, участвовал в крестовом походе, где стойко переносил все тяготы и лишения. Но главным достоинством, выгодно отличавшим Эдуарда I от многих английских монархов, было умение управлять государством, руководствуясь не только личными интересами, но и интересами Англии и ее народа.

Именно при Эдуарде I существенно возросла роль парламента и окончательно сложилась традиция его созыва. Эдуард I создал палату общин, в которую входили менее родовитые, чем в палату лордов, граждане — рыцари, старшины городов, торговцы, небогатые землевладельцы. Неслучайно парламент созыва 1295 года вошел в английскую историю как «Образцовый парламент». Известно внимание и интерес Эдуарда I ко всем проблемам жизни страны, поскольку процесс подачи прошений королю очень поощрялся.

Хотя Эдуард I начал свое правление имея крупные долги, возникшие из-за крестового похода, ему удалось создать надежную финансовую базу для своего правления, прежде всего за счет сбора экспортных пошлин на шерсть и шкуры.

На военном поприще в первую половину правления Эдуарду I также поначалу сопутствовала удача. Он полностью подчинил своему влиянию Уэльс (кстати, именно с тех пор в Англии существует традиция, согласно которой наследник престола носит до восшествия на престол титул принца Уэльского — в 1301 году первым обладателем этого титула среди английских принцев стал будущий король Эдуард II), достаточно долго ему удавалось отбивать все попытки армии французского короля Филиппа IV захватить английские владения, в частности Гасконь, на французской земле.

Однако многочисленные и дорогостоящие войны подорвали английскую экономику. Эдуард I стал занимать огромные суммы у итальянских банкиров, но и эта мера не спасала положения. Естественно, что бедственное положение дел в экономике отрицательно сказалось и на английской военной мощи. В конце

XIII века французам удалось-таки отбить Гасконь. Неудачей закончилась попытка Эдуарда I подчинить себе Шотландию. В 1306 годушотландский престол захватил Роберт Брюс, человек, воевавший и на стороне англичан, и на стороне шотландцев.

Все эти нерешенные проблемы достались наследнику Эдуарда I, молодому королю Эдуарду II Плантагенету, который вступил на английский престол в 1307 году в возрасте неполных двадцати трех лет.

Пожалуй, единственными достоинствами Эдуарда II были приятная внешность и относительно мягкий характер. Никакими способностями, отличающими выдающегося государственного деятеля, молодой король не обладал. Способствовали этому и придворные: постоянная лесть в адрес принца Уэльского привела к тому, что Эдуард II не был склонен укреплять свою власть, а наслаждался ею в угоду себе и своим фаворитам. «Природа отдыхает на детях выдающихся родителей» — личность Эдуарда II представляла собой типичное подтверждение этого известного наблюдения.

Первой попыткой Эдуарда II проявить себя в качестве сильного короля был предпринятый в 1307 году, по предсмертному распоряжению его отца, очередной поход на Шотландию. Однако абсолютно не подготовленная ни в финансовом, ни в военном отношении экспедиция походила больше на парадное выступление, чем на серьезное военное мероприятие. Как и следовало ожидать, Англия потерпела поражение от войск шотландского короля Роберта Брюса.

Закономерно, что слабые монархи легко подпадают под влияние абсолютно неразборчивых в средствах фаворитов. Первым из череды таких фаворитов в жизни Эдуарда II стал лучший друг его юности гасконский дворянин Пьер Гавестон. Некоторые источники достаточно прозрачно намекают на то, что двух молодых людей связывала не просто крепкая мужская дружба, а гораздо более серьезные отношения, так как король просто физически не мог долго обходиться без своего любимца. Остроумный и внешне симпатичный, но при этом развратный и беспутный человек полностью отвечал вкусам молодого короля. Эдуард I пытался прекратить эту порочную дружбу, по его указу Пьер Гавестон был выслан из Англии, но как только королем стал Эдуард II, гасконец тотчас появился при дворе.

Некоторое время Гавестон, находясь под покровительством своего сюзерена, обладал практически королевской властью и почестями. С каждым днем своего пребывания при короле Гавестон все презрительнее и высокомернее относился к высшему кругу английских аристократов, абсолютно игнорируя их мнение.

Некоторое время придворная знать терпела выходки молодого короля и его фаворита. Вскоре Эдуард II стал отбирать земли и родовые замки у английских баронов и бросать их к ногам «дорогого Пьера». Было бы удивительным, если бы в этих условиях против ненавистного фаворита не созрел заговор. В 1311 году совет, в котором принимали участие около двадцати самых знатных людей тогдашней Англии, издал так называемые «Ордонансы». Этот документ требовал от короля согласования кандидатур, назначаемых на высшие должности в парламенте, с баронским советом, отмены практики обязательных поставок лендлордами провизии и фуража в королевскую армию, а также аннулирования всех земельных пожалований, сделанных Эдуардом II. Но главным стало требование об изгнании Гавестона из страны. Осознав серьезность ситуации, Эдуард II выслал Пьера Гавестона во Францию, но через несколько месяцев разрешил ему вернуться в Англию.

Терпение баронов лопнуло — всю Англию охватила смута. Вместо того чтобы устранить причину недовольства знати и договориться с баронами, Эдуард II переправил своего фаворита в хорошо укрепленную крепость Скарборо, а сам отправился в Йорк собирать армию для отпора зачинщикам заговора. Тем временем Гавестон со свитой были осаждены в Скарборо войском графа Пембрука. Гавестон быстро капитулировал, выторговав для себя условие, по которому он два месяца оставался бы под защитой графа Пембрука. Гасконец надеялся, что за эти два месяца король либо подавит смуту, либо сможет примириться со знатью. Однако граф Пембрук не собирался давать ненавистному королевскому фавориту шанс на спасение. Формально не нарушая условия капитуляции, «находчивый» граф Пембрукпереправил Гавестона в замок Дэддингтон, после чего покинул своего пленника, оставив в замке лишь небольшую охрану. Прекрасно осведомленный об этом граф Уорик, подойдя со значительными силами кДэддингтону, быстро захватил Гавестона в плен. Часы фаворита были сочтены. В Дэддингтоне состоялось собрание баронов, которое приговорило Гавестона к смерти. Чтобы не дать возможность королю отбить своего любимца, 19 июня 1312 года приговор был приведен в исполнение.

В 1314 году Эдуард II в очередной раз «отличился» на поприще борьбы с шотландцами. Несмотря на то что в поход отправилась самая многочисленная армия, до той поры не покидавшая пределы Англии, в битве при Баннокберне из-за глупости и стратегической бездарности английского командования это огромное войско было разбито шотландскими войсками под командованием короля Роберта Брюса. Интересно,

что подробности этой битвы известны благодаря кармелитскому монаху и поэту Вильяму Бастону, которого Эдуард II взял с собой, чтобы тот записал и восславил его победу над непокорными шотландцами. Однако все вышло наоборот — попав в плен к шотландцам, Вильям Бастон вынужден был прославлять их подвиги.

На смену же обезглавленному баронами Пьеру Гавестону приходит новый любимец — молодой человек знатного происхождения Хью де Спенсер. Немалое влияние на короля оказывал и де Спенсер-старший. И опять Эдуард II, забыв свои недавние ошибки, начал раздаривать отцу и сыну де Спенсерам конфискованные у некоторых лордов обширные земельные наделы.

Новый заговор не заставил себя долго ждать. На сей раз обиженную знать с благословения парламента возглавил граф Ланкастер, принимавший участие и в свержении Гавестона. Но на сей раз король и де Спенсеры опередили своих противников, воспользовавшись неподготовленностью мятежа и несогласованностью действий заговорщиков. Ланкастер и его сторонники не смогли собрать значительных сил, в то время как король и де Спенсеры, благодаря огромным денежным затратам, сумели собрать почти тридцатитысячную армию.

Преследуемый королевскими войсками граф Ланкастер пытался уйти в Шотландию, но вскоре был схвачен и с особой жестокостью казнен. Были убиты и многие другие участники заговора.

Опьяненные успешным подавлением мятежа, де Спенсеры продолжили свои бесчинства с еще большим размахом. Естественно, что все поместья казненных мятежников были конфискованы в пользу короля, который передал их в собственность де Спенсеров. Но де Спенсеры пошли еще дальше. Ради захвата приглянувшихся земель были убиты люди, не имевшие абсолютно никакого отношения к только что подавленному мятежу.

Вскоре у Эдуарда II и де Спенсеров появился новый противник, куда более опасный, чем граф Ланкастер и его сторонники.

Вернемся к началу царствования Эдуарда II. 25 января 1308 года во Франции, в Булони, состоялась свадьба Эдуарда II и дочери короля Франции Филиппа IV Изабеллы. Поначалу, в период влияния Пьера Гавестона, Изабелла Французская пыталась способствовать установлению прочного мира между королем и постоянно бунтующими баронами. Примириться же с безраздельным правлением де Спенсеров Изабелла, женщина с

властным и сильным характером, не захотела. В 1325 году, якобы с целью улаживания давнего спора между Францией и Англией по вопросу Гаскони, королева Изабелла отправилась с дипломатической миссией во Францию на переговоры со своим братом Карлом IV. Истинной же причиной отъезда Изабеллы на родину была подготовка к свержению де Спенсеров.

Изабелла отказывалась вернуться в Англию до тех пор, пока де Спенсеры не будут изгнаны из страны. Этот шаг сделал двор Изабеллы пристанищем всех англичан, изгнанных или сбежавших на континент за время правления Эдуарда II и его фаворитов. Одним из них был знатнейший человек Англии Роджер Мортимер, граф Уигмор. Не избалованная мужским вниманием королева быстро уступила ухаживаниям красивого и галантного любовника. И действительно, личность Мортимера заслуживала внимания. Еще в 1321 году он принял участие в мятеже баронов под руководством графа Ланкастера против короля и де Спенсеров.

Попав в плен, Мортимер, в отличие от большинства заговорщиков, сумел избежать казни, однако был заключен как государственный преступник в лондонский Тауэр. Такой смелый и решительный человек отнюдь не собирался провести остаток жизни в тюрьме в ожидании своей участи. В 1324 году Роджеру Мортимеру удалось сбежать из-под стражи, и через некоторое время он оказался в Париже.

В 1326 году три тысячи англичан, возглавляемые Изабеллой Французской и Роджером Мортимером, отплыли из Франции и вскоре без помех высадились на побережье в районе Суффолка, где не встретили абсолютно никакого сопротивления. Наоборот, по мере продвижения войск Изабеллы в глубь страны число противников де Спенсеров возрастало с каждым днем.

Давно известно, что «умные учатся на ошибках других, дураки — на своих». Однако Эдуард II не сделал правильных выводов даже из своих прошлых промахов — история с Пьером Гавестоном ничему не научила безвольного короля. В ответ на ультиматум восставших против него королевы и Мортимера, требовавших выдать де Спенсеров и предать их суду, король предпочел защищать своих обреченных на гибель фаворитов до конца. Вскоре борьба против отца и сына де Спенсеров переросла в борьбу против Эдуарда II.

Де Спенсеры попытались скрыться, однако их усилия были тщетны. Хью де Спенсера-старшего войска Изабеллы Французской настигли в Бристоле. Бристоль в то время был хорошо укрепленной крепостью, и, очевидно, де Спенсер-старший рассчитывал, что ему удастся некоторое время сдерживать атаки

противника. Однако ненависть к де Спенсерам в Англии была слишком сильна — почти сразу же после подхода к крепости основных сил Изабеллы Французской гарнизон Бристоля отказался подчиняться де Спенсеру, и он был выдан жаждущим крови баронам. Некогда всемогущего фаворита ждала ужасная расплата — под радостные крики толпы он был повешен, тело его было отдано на съедение собакам, а голова выставлена на шесте для всеобщего обозрения.

Видя безнадежность ситуации, де Спенсер-младший пытался скрыться в Уэльсе, но вскоре был схвачен. Жестокость порождает ответную жестокость. Казнь Хью де Спенсера-младшего была особенно изощренной, поскольку присутствовавшая на ней королева Изабелла приказала палачам как можно долее продлить мучения поверженного противника.

Смерти обоих де Спенсеров мятежникам было уже мало. Эдуард II был схвачен в Уэльсе, по одной из версий, из-за предательства сопровождавших его дворян, понявших, что власть уходит из рук короля к Изабелле и Мортимеру. Короля привезли в Тауэр, и вскоре решением парламента он был отстранен от власти. В вину Эдуарду II была поставлена подверженность влиянию неразборчивых в средствах фаворитов и полная неспособность управлять страной. В январе 1327 года четырнадцатилетний принц Уэльский, сын Эдуарда II и Изабеллы Французской, был коронован как Эдуард III, а регентшей до совершеннолетия короля была назначена королева-мать.

Поначалу победители обращались с низложенным королем вполне сносно, ему даже была назначена вполне приличная пенсия. Эдуард II пользовался относительной свободой действий, он находился в Тауэре, который в те времена еще был резиденцией английских королей, хотя в нем и содержались особо опасные преступники.

Однако вскоре в английском обществе стал проявляться известный феномен «жалости к слабым и униженным». Если в первые дни после отречения Эдуарда II и знать, и простолюдины радостно приветствовали это событие, то буквально через несколько месяцев в народе стали проявляться признаки сострадания к бывшему королю. Были даже раскрыты два заговора, целью которых было освобождение Эдуарда II из-под стражи. Правда, некоторые историки считают,

что эти заговоры были инсценировкой, подготовленной Роджером Мортимером, который хотел таким образом показать королеве Изабелле опасность сохранения жизни Эдуарду II.

Перед Изабеллой Французской и Мортимером встала серьезная проблема. С одной стороны, они не решались открыто

пролить королевскую кровь, с другой — живой Эдуард II с каждым днем становился для них все более опасным. Эдуарда II попытались умертвить естественным образом, переводя ослабленного невзгодами короля из тюрьмы в тюрьму, где условия его содержания становились все хуже и хуже. В конце концов Эдуард II оказался в руках приверженцев Роджера Мортимера лордов Баркли, Матревиса и Герни. Самыми ужасными для Эдуарда II были дни пребывания в родовом замке лордов Баркли в Глостершире. Вот как описывает страдания короля Кристофер Марло, известный английский драматург XVI века, соавтор ранних пьес Вильяма Шекспира, в своей трагедии «Эдуард II»:

Король Эдуард:

И в этой луже и грязи стою я
Уж десять дней. И, чтоб не мог я спать,
Они бьют непрерывно в барабан.
Мне, королю, лишь хлеб дают да воду.
Увы, от недостатка сна и пищи
Мой ум расстроен, тело онемело,
И есть ли ноги у меня, не знаю.
О, пусть бы кровь моя из каждой вены
По капле вытекла, как из одежды
Моей разодранной вода сочится!»

Несмотря на все старания тюремщиков, естественная смерть не наступала. И тогда Роджер Мортимер, с согласия королевы Изабеллы, дает приказ своим подручным убить короля. Чтобы обезопасить себя от возможных последствий, приказ был отдан в завуалированной форме. Обратимся еще раз к пьесе Кристофера Марло:

Мортимер

Король умрет иль Мортимер погибнет,
Народ жалеть уж начал Эдуарда.
И, раз виновник смерти короля
Окажется в ответе, без сомненья,
Как только подрастет его наследник.
Здесь надо действовать весьма искусно.

Вот как один наш друг приказ составил
О смерти и охране Эдуарда:
(Читает.)
«Edwardum occidere nolite timere, bonum est».
А можно прочитать совсем иначе,
И смысл получится как раз обратный:
«Edwardum occidere nolite, timere bonum est».
Написано без запятых. Когда
Он будет мертв и наш приказ найдут,
Матревис будет осужден с другими,
А мы, что были этому причиной,
Оправданы.

До сих пор среди историков нет единого мнения об обстоятельствах смерти Эдуарда II. Некоторые считают, что король умер естественной смертью еще до того, как был получен приказ Мортимера. Однако подавляющее большинство ученых полагает, что Эдуард II был убит в замке Баркли 21 сентября 1327 года. В изданных в 1586 году «ХроникахАнглии, Шотландии и Ирландии» Ральфа Холиншеда рассказывается, что убийцы придавили Эдуарда II тяжелой крышкой обеденного стола, а затем проткнули его раскаленным вертелом. Тело короля демонстрировалось с целью доказательства естественной смерти, дескать, на нем нет никаких ран, однако это могло обмануть лишь немногих, так как крики и вопли несчастного узника долго разносились по замку Баркли.

Так или иначе, Изабелла Французская и Роджер Мортимер избавились от мешавшего им короля. Но их триумф был недолгим. Уже через три года, в 1330-м, молодой, но рано окрепший король Эдуард III полностью утвердился на королевском троне и стал независимым от матери и ее любовника. Вскоре Мортимер был казнен. Лишить жизни свою мать Эдуард III все же не решился, хотя и открыто обвинял ее в убийстве отца. Изабелла Французская была отправлена в ссылку, а в старости она ушла в монастырь, где и провела остаток своих дней.

Интересно, что единственным положительным вкладом Эдуарда II в развитие английского государства можно считать… его сына, короля Эдуарда III, правление которого признано соотечественниками и историками одним из самых выдающихся в истории Англии. Сын был полной противоположностью отца — решительный и смелый Эдуард III смог за очень короткий срок создать вполне боеспособную армию, которая сумела подчинить английской короне Шотландию, а также нанести ряд существенных поражений в ходе Столетней войны французским

войскам, считавшимся до тех пор непобедимыми, в том числе и в знаменитых битвах при Креси и при Пуатье. Современники и потомки Эдуарда III сравнивали его с легендарным королем Артуром. Недаром собор германских князей в 1348 году предложил Эдуарду III занять трон императора Священной Римской империи. Однако король заявил, что не считает возможным владеть тем, что не предписано ему Богом, и отказался от почетного титула. Подобной мудрости государя можно только позавидовать.

ЭДУАРД ПЯТЫЙ (1471–1483)

Английский король с апреля по июнь 1483 г., из династии Йорков. Обстоятельства смерти Эдуарда Vи его брата Ричарда до конца не известны. Предположительно они были убиты не ранее сентября 1483 года в Тауэре.

Вторая половина XV века — один из самых смутных и печальных периодов в английской истории. В это время в Англии разразилась кровопролитная междоусобная война, известная как Война Алой и Белой розы. За престол сражались две боковые ветви династии дома Плантагенетов — Ланкастеры, в гербе которых была алая роза, и Йорки, символом которых была роза белая.

Историки считают началом войны Алой и Белой роз 1455 год, однако мы начнем свой рассказ с далекого 1422 года. В этом году королем Англии и Франции стал Генрих VI, сын английского короля Генриха V и принцессы Франции Екатерины Валуа. Отроду владыке двух самых могущественных держав того времени было… девять месяцев. Естественно, что управлять государствами до совершеннолетия короля должны были регенты. По воле умирающего Генриха V главой Франции был назначен его брат Джон Бедфорд, а Англии — Хамфри Глостер.

Возможно, правление Генриха VI стало бы одним из самых спокойных и благополучных в истории Англии, поскольку король был очень миролюбивым человеком, но. В 1453 году у Генриха VI случился припадок безумия, во время которого он был абсолютно неспособен управлять государством. И хотя через год на некоторое время психическое состояние короля улучшилось, вскоре припадки стали повторяться.

В 1454 году регентом при короле был назначен герцог Ричард Йоркский. Партия Ланкастеров во главе с волевой и решительной женой Генриха VI Маргаритой Анжуйской начала войну с целью отстранения Ричарда Йоркского от власти. Первой битвой в «войне роз» была битва при Сент-Олбансе в мае 1455 года, победа в которой была на стороне йоркцев. Эта победа позволила Ричарду Йоркскому вновь добиться должности лорда-протектора, с которой он был смещен в декабре 1454 года. Однако вскоре Маргарите Анжуйской опять удается взять бразды правления в свои руки, подчинив себе парламент и правительство.

До 1459 года в «войне роз» наступает относительное затишье. Обе стороны готовятся к решающим сражениям.

В июне 1460 года войска под предводительством графа Уорвика (переходивший несколько раз во время войны из лагеря

йоркцев в лагерь ланкастерцев и обратно граф Уорвик вошел в историю под прозвищем «делатель королей») и младшего сына Ричарда Йоркского графа Марча, будущего короля Эдуарда IV, захватывают Лондон. Генрих VI пытается скрыться в Нортхэмптоне, однако в июле 1460 года йоркцам удается его догнать, разбить королевскую армию и захватить Генриха VI в плен.

Осенью 1460 года Ричард Йоркский обращается с речью к парламенту и заявляет о своем желании занять трон вместо Генриха VI. Однако полной победы йоркцам добиться не удалось. Парламент назначил Ричарда Йоркского протектором до конца жизни Генриха VI, занять же трон Ричард Йоркский сможет лишь после смерти короля. Подобное решение не устроило ни одну из противоборствующих сторон. Борьба продолжилась с новой силой.

В конце 1460 года Ричард Йоркский решил окончательно разбить войска ланкастерцев и направился во главе своей армии на север страны. Он был полностью уверен в успехе своего похода, однако 30 декабря 1460 года в битве при Вэйкфилде армии ланкастерцев удалось нанести серьезное поражение сторонникам «Белой розы». В этом сражении Ричард Йоркский был убит. В те жестокие времена не было принято уважительно относиться к смерти врага — по приказу королевы Маргариты голова Ричарда Йоркского в бумажной короне была выставлена на крепостной стене Йорка. Англия окончательно была разделена на две абсолютно непримиримые партии.

Смерть главы йоркцев отнюдь не означала окончательной победы ланкастерцев. Йоркскую династию возглавил старший сын герцога Ричарда принц Эдуард. В уэльских владениях отца ему удается собрать весьма внушительные силы.

3 февраля 1461 года две армии сошлись на Мортимер-Кросс, в четырех километрах от Уигмора, родового замка Йорков. Разбив армию ланкастерцев, Эдуард Йоркский направился к Лондону.

Но и Маргарита Анжуйская времени зря не теряла. Через две недели после битвы на Мортимер-Кросс, 17 февраля 1461 года при Сент-Олбансе ее войска наголову разбили армию графа Уорвика. Генрих VI был освобожден из плена, в котором он провел полгода. Собрав все силы, армия ланкастерцев также двинулась к столице.

Началась гонка, главным призом в которой стала корона Англии. Первым был Эдуард — его войска при поддержке горожан 26 февраля заняли Лондон. 4 марта в Англии появился новый король — Эдуард IV. Однако времени на торжество у молодого короля не было — возле Лондона уже стояла армия

Ланкастеров. Эдуарду IV удалось отстоять Лондон и отбросить противника к городку Таутон, где и состоялась решающая битва первой половины «войны роз».

Точное число участников битвы при Таутоне неизвестно. Одни источники называют цифру 20 тысяч с каждой стороны, другие же считают, что в битве участвовало 120–130 тысяч человек.

Войска противников встретились на равнине в 10 милях от Йорка. Преследовавшие ланкастерцев войска Эдуарда IV с небольшими потерями форсировали реку Эйр. Ранним утром 29 марта 1461 года две армии встали друг против друга. Внезапно испортилась погода: небо затянуло тучами, и началась сильная метель. И здесь везение оказалось на стороне йоркцев. Сильный ветер, дувший в сторону ланкастерцев, сильно облегчил задачу Йоркским лучникам. Пользуясь снежной завесой, они подобрались вплотную к позициям ланкастерцев. Попутный ветер помогал йоркцам практически без промаха поражать цели, в то время как бивший в лицо лучникам-ланкастерцам ветер и снег сделали их действия абсолютно неэффективными.

Однако к полудню на левом фланге атаки ланкастерцы стали теснить войска Эдуарда IV. И все же вовремя брошенный в бой Эдуардом IV резерв решил исход битвы в его пользу. Уставшие ланкастерцы стали беспорядочно отступать. Битва перешла в бойню — разъяренные йоркцы в тот день пленных не брали. За амбиции своих вождей обе стороны заплатили дорогой ценой. В битве при Таутоне погибло, по разным оценкам, от 20 до 30 тысяч человек.

После этого поражения Генрих VI бежал в Шотландию. Впервые за время «войны роз» наступил период, когда власть в стране полностью перешла в руки одной из враждующих партий. Подобное положение сохранялось восемь лет. Мелкие попытки ланкастерцев поднять мятеж легко подавлялись Эдуардом IV.

Но в 1469 году проявил себя в «лучших» качествах граф Уорвик — «делатель королей» объявляет войну Эдуарду IV. Чем же был недоволен могущественный граф? Во-первых, игнорированием его мнения по вопросам внешней и внутренней политики, а во-вторых, тайной женитьбой короля на Елизавете Вудвилл, дворянке из захудалого рода.

26 июля 1469 года Уорвик разбивает королевское войско в битве при Эджкоуте. Видя бесполезность сопротивления, 2 октября 1470 года Эдуард IV бежит в Голландию. 6 октября Уорвик входит в Лондон и освобождает сидевшего с 1465 года в Тауэре Генриха VI.

Очередное правление Ланкастеров продлилось всего пять

месяцев. А 2 марта 1471 года армия Эдуарда IV высаживается в районе Йоркшира. 14 апреля при Барнете Эдуард IV разбивает Уорвика (в этой битве Уорвик погиб), а 4 мая при Тьюксбери одерживает победу над войском Маргариты Анжуйской, которое высадилось в Англии при поддержке французского короля Людовика XI. В апреле 1471 года Генрих VI вновь был низложен и умер (скорее всего, убит) в Тауэре 21 мая 1471.

Эдуард IV окончательно расправился с ланкастерской династией. Теперь единственно опасными людьми в этот период для короля оставались его братья — Джордж, герцог Кларенс, и Ричард, герцог Глостер. Распри между братьями привели к тому, что в 1477 году герцог Кларенс был арестован по обвинению в… некромантии и стремлении навести на короля порчу. По этому нелепому обвинению в 1478 году герцог был осужден парламентом и погиб при невыясненных обстоятельствах (по распространенной версии — был утоплен в бочке с мальвазией).

Однако другой брат Эдуарда IV, Ричард Йоркский, герцог Глостер, сумел выжить в этой борьбе и стал к началу восьмидесятых годов XV века вторым по могуществу и степени влияния на политические процессы человеком в Англии.

9 апреля 1483 года Эдуард IV скончался. Трон должен был занять его сын, двенадцатилетний Эдуард V, а регентом, по воле умершего короля, назначается Ричард Йоркский. Этому пытались воспротивиться приближенные покойного короля во главе с королевой-матерью Елизаветой Вудвилл. Вновь завязалась борьба, исход которой был решен в битве у Стоуни Стратфорда, где Ричард Йоркский в союзе с герцогом Бекингемом разбили своих противников. В этой битве Ричарду Йоркскому удалось захватить в плен короля Эдуарда V. Вскоре в руки Ричарда Йоркского попал и брат Эдуарда V принц Ричард.

Амбиции Ричарда Йоркского простирались дальше поста регента при короле Эдуарде V, он хотел стать единоличным правителем Англии. Дабы придать вид законности своим действиям, регент выступает перед парламентом с речью, в которой утверждает, что тайный брак покойного Эдуарда IV с Елизаветой Вудвилл был заключен с помощью колдовства и его следует признать недействительным с точки зрения престолонаследия. Но раз брак короля является незаконным, то и дети от этого брака никак не могут претендовать на английский трон, следовательно, королем нужно признать его, Ричарда Йоркского. 26 июня парламент подтвердил законность полномочий Ричарда, а 6 июля 1483 года произошла церемония коронации нового короля Ричарда III.

Оставим пока в стороне вопрос о том, что же на самом деле

произошло с детьми Эдуарда IV. Осенью по Англии стало распространяться известие, что король Эдуард V и его младший брат Ричард были убиты в Тауэре по приказу Ричарда III. После этого известия один за другим стали возникать заговоры.

Первым неожиданно взбунтовался герцог Бекингэм, который до того был ревностным сторонником Ричарда Йоркского. Войско герцога стремительным маршем направилось к Глостеру, где Бекингэм намеревался форсировать реку Северн. Но как раз в это время река затопила обширное пространство по обоим берегам. Не найдя ни провианта, ни удобного места для ночлега, солдаты Бекингэма стали расходиться по домам. Бекингэм вынужден был спрятаться у некоего Бэнистера, своего приближенного, однако тот вскоре выдал герцога местному шерифу. Герцог был переправлен в Солсбери, где, после быстрого суда, 12 ноября был обезглавлен.

Ричард III пытался укрепить свою власть, но конфискациями и казнями восстановил против себя всю английскую знать. Оставшиеся в живых после тридцати лет «войны роз» Ланкастеры и Йорки объединились вокруг Генриха Тюдора, графа Ричмонда, потомка боковой ветви ланкастерской династии.

22 августа состоялась последняя битва в Войне Алой и Белой розы. Противники сошлись в Лестершире, на поле возле небольшого городка Босворт. Ричард III был уверен в своей победе — его войска по численности превосходили армию противника. Видя это, Ричард отдает приказ атаковать противника. После недолгого обмена пушечными ядрами и стрелами началась рукопашная схватка.

В ходе битвы Ричард III узнает об измене — на сторону противника перешел многочисленный отряд лорда Стэнли, отчима Генриха Тюдора. От своих разведчиков король узнает, что Генрих Тюдор находится под охраной небольшого отряда телохранителей. Пытаясь спасти положение, Ричард III решает самостоятельно убить своего противника. С копьем наперевес Ричард III бросается на охраняющих Генриха Тюдора солдат.

О храбрости и мужестве Ричарда III в битве при Босворте говорят абсолютно все свидетели и хроникеры тех событий, независимо от их симпатий и убеждений. Некоторые историки даже утверждают, что Ричарду III лично удалось несколько раз ранить копьем Генриха Тюдора. И все же беспримерная храбрость не помогла Ричарду Йоркскому. Вовремя подоспевший отряд лорда Стэнли быстро уничтожил окружавших короля солдат. Получивший множество ран Ричард III не смог сопротивляться и был убит. С его смертью закончилась битва при Босворте, а с ней тридцатилетняя кровавая «война роз». 30 ноября 1485 года был

коронован новый король Генрих VII. В Англии на долгие годы воцарилась династия Тюдоров.

В истории Войны Алой и Белой розы было немало странных смертей и исчезновений, однако главной загадкой остается судьба короля Эдуарда V и его брата принца Ричарда. Что же на самом деле произошло с малолетними детьми короля Эдуарда IV?

Рассмотрим четыре возможные версии событий. Версия первая, «классическая», известная нам благодаря трагедии Шекспира «Ричард III», сочинениям великого гуманиста и государственного деятеля, автора знаменитой «Утопии» Томаса Мора и других историков тюдоровской поры. По этой версии, король Эдуард V и его брат Ричард были убиты по приказу Ричарда III не позднее сентября 1483 года.

Версия вторая, «антитюдоровская». Согласно этой версии при Ричарде III принцы были еще живы, а убиты они были уже во время царствования Генриха VII Тюдора.

Версия третья. Эдуард V и принц Ричард были убиты по приказу великого констебля Англии герцога Бекингэма, а Ричард III, узнав о свершившемся факте, не стал разоблачать своего фаворита. Также возможно, что герцог Бекингэм организовал убийство по указанию находящегося за границей Генриха Тюдора.

И версия четвертая. Детям Эдуарда IV удалось выбраться из Тауэра и бежать из Англии за границу, где они скрывались под вымышленными именами.

Итак, вернемся в 1483 год. Новоявленный король-узурпатор прекрасно понимает шаткость своего положения. Все попытки придать законность праву Ричарда III на английский престол выглядят более чем сомнительными, и его противники отнюдь не собираются присягать на верность новому королю. Претендентов на трон много, но наиболее законным из них, по воле скончавшегося Эдуарда IV, является тринадцатилетний Эдуард V.

Поэтому сразу же после восшествия на престол Ричард III решает убить Эдуарда V и его брата Ричарда. Он предлагает совершить это преступление коменданту Тауэра Роберту Брекенбери, однако тот не соглашается обагрить свои руки королевской кровью.

Исполнить приказ Ричарда III взялся некий сэр Джеймс Тиррел со своими подручными Дайтоном, Форрестом и Слэйтером. Брекенбери передал убийцам на одну ночь ключи от Тауэра (кстати, в некоторых хрониках Брекенбери именуется «смелым и достойным человеком, отказавшимся выполнить страшный приказ тирана». Действительно, очень «благородно» — знать о готовящемся преступлении, способствовать ему, но в

решающий момент, оставаясь «чистеньким», уйти в сторону).

Ночью убийцы во главе с Тиррелом проникли в Тауэр и пробрались к покоям принцев. Тиррел открыл дверь своим помощникам, но сам входить не стал. Дайтон, Форрест и Слэйтер быстро вошли в комнату и задушили спящих принцев подушками, после чего Тиррел приказал отнести тела под лестницу и заложить их грудой камней.

Вскоре Тиррел перешел на сторону ланкастерской партии и верно служил Генриху VII, занимая пост коменданта крепости Гине во Франции. В 1502 году сэр Джеймс Тиррел был арестован и приговорен к смертной казни за участие в заговоре против короля. На исповеди перед казнью Джеймс Тиррел признался в убийстве короля Эдуарда V и его брата Ричарда.

Именно после этого признания Тиррела убийцей детей Эдуарда IV окончательно был объявлен Ричард III. Вплоть до XIX века эта версия убийства Эдуарда V и принца Ричарда безраздельно господствовала во всех исторических исследованиях времен Войны Алой и Белой розы. Робкие попытки более тщательно разобраться в этом деле разбивались об авторитет Шекспира, Томаса Мора и других исследователей той поры. Однако в XX веке маятник качнулся в обратную сторону. Появилась масса публикаций, в которых организатором убийства детей Эдуарда IV объявлялся Генрих VII, а Ричард III представал в роли жертвы оговора зависимых от династии Тюдоров историков. Не принимая ни ту, ни другую сторону, все же обратим внимание на странные факты и несовпадения в изложенной выше «классической» версии убийства принцев Эдуарда и Ричарда.

Прежде всего, отметим странную роль в этих событиях коменданта Тауэра Роберта Брекенбери. Казалось бы, Ричард III, жестокий и не останавливающийся ни перед чем человек, задумавший пролить кровь невинных детей, должен был немедленно уничтожить такую незначительную фигуру, как комендант Тауэра Роберт Брекенбери, причем по двум причинам. Во-первых, за отказ выполнить приказ короля, что однозначно трактовалось как измена королю и влекло немедленную казнь, во-вторых, за то, что Брекенбери узнал о такой страшной тайне, как намерение Ричарда III убить принцев. Однако ничего подобного не произошло. Брекенбери оставался до конца при Ричарде III и погиб вместе с ним в битве при Босворте.

Следующий момент. Вся версия строится на показаниях Джеймса Тиррела.

Однако можно ли безоговорочно верить признанию приговоренного к смерти человека? Вряд ли, особенно учитывая

тогдашние методы получения нужных показаний. Интересен и тот факт, что сын Тиррела, также обвиненный в подготовке заговора, был помилован Генрихом VII. Кроме того, был арестован и Джон Дайтон, единственный из оставшихся в живых к 1502 году непосредственных исполнителей убийства принцев. Вина Дайтона была доказана, и он был приговорен. к пожизненной ссылке во французский порт Кале. В те времена, когда практически каждый день с плахи летели головы представителей самых знатных фамилий Англии, такое сверхгуманное отношение к простолюдину, якобы собственными руками убившему принцев королевской крови, выглядит очень странным. Не было ли это платой за нужные властям показания?

В 1674 году при ремонте Тауэра под лестницей были обнаружены два детских скелета, которые были приняты за останки принцев Эдуарда и Ричарда и захоронены в Вестминстерском аббатстве. В 30-х годах XX века при исследовании этих останков было установлено, что они принадлежали мальчикам 12–13 и 9-10 лет, что примерно соответствует возрасту Эдуарда и Ричарда в 1483 году.

Казалось, вот оно — неопровержимое доказательство рассказа Тиррела! Однако сам Тиррел не смог показать могилу принцев, невнятно мотивируя свое незнание указанием Ричарда III перезахоронить тела принцев в другое место! Еще одно странное несовпадение фактов.

Странным и нелогичным выглядит и поведение Елизаветы Вудвилл, королевы-матери, во время правления Ричарда III. Поначалу Елизавета всецело заняла сторону ланкастерцев. Даже если не учитывать политические причины, как еще могла поступить женщина, братья которой были казнены, а двое детей, предположительно, убиты Ричардом III? Но в 1484 году позиция Елизаветы кардинальным образом меняется. Она переходит в лагерь сторонников Ричарда III и отказывается от своего обещания выдать свою дочь за Генриха Тюдора. Для Генриха это был серьезный удар — ведь женитьба на принцессе серьезно укрепляла его позиции в борьбе за трон.

Что же заставило Елизавету так резко изменить свою позицию? Некоторые историки полагают, что Елизавета могла так поступить, только наверняка зная, что Эдуард V и его брат живы и находятся в руках Ричарда III. Если же принцы все-таки были мертвы, то, возможно, Елизавета получила какие-то неоспоримые доказательства непричастности к убийству Ричарда III и виновности Генриха Тюдора, который, хотя и не находился в то время в Англии, мог спланировать убийство ее детей.

Эти и другие факты заставляют если и не опровергнуть

полностью «тюдоровскую» версию гибели принцев Эдуарда и Ричарда, то, по крайней мере, сильно в ней усомниться. Если не Ричард III, кто тогда мог организовать убийство короля Эдуарда V и его брата? Будем руководствоваться принципом «Кому выгодно?», которым пользовались еще древнеримские юристы. А возможную выгоду из этого преступления могли извлечь только два человека: Генрих Тюдор и фаворит Ричарда III герцог Бекингэм.

Историческая правда не всегда совпадает с художественными образами, пускай и гениально созданными великими писателями и поэтами. Благодаря Шекспиру для потомков Генрих VII остался в тени ужасного образа Ричарда III. А ведь по вероломству, коварству и жестокости первый Тюдор на английском престоле ничуть не уступал последнему представителю Йоркской династии.

Кто бы ни решился пойти на убийство малолетних принцев, в этот момент этот человек не думал о том, что совершает страшное преступление, а взвешивал политические аргументы «за» и «против» этого деяния. Были ли аргументы «за» у Ричарда III? Безусловно, были, и больше, чем аргументов «против». Но не меньше, чем Ричарду III, устранение принцев было необходимо и Генриху Тюдору, ведь его шансы законно занять престол при живом короле Эдуарде V были равны нулю.

Все же никаких прямых доказательств вины Генриха VII нет. Но их и не могло быть, ведь в случае своей причастности к убийству за 23 года своего правления Генрих VII имел все возможности уничтожить нежелательных свидетелей тех событий. А уж его придворные биографы свое дело знали: Ричард III — кровавый узурпатор и детоубийца, Генрих VII — благородный и наизаконнейший король, спасший Англию от тирана. Само собой, другие мнения не допускались.

Ранее мы уже упоминали о заговоре герцога Бекингэма против Йоркской династии. Однако до сих пор остаются не до конца ясными мотивы его поступка. «Протюдоровские» историки объясняют заговор Бекингэма отказом Ричарда III подарить герцогу обещанные конфискованные у ланкастерцев земли (Шекспир упоминает графство Херефорд). Да, человеческая жадность порой не знает границ, но идти на такой рискованный шаг ради присоединения к своим, и без того обширнейшим, владениям еще нескольких поместий?

Наиболее реалистично выглядят две возможные причины заговора герцога Бекингэма.

Причина первая: Бекингэм сам решил занять английский престол. На первый взгляд, предположение достаточно

фантастичное, однако вполне возможное, особенно если учесть все нарастающее недовольство Ричардом III и возможность Бекингэма достаточно быстро собрать под свои знамена значительные силы. В этом случае устранение законного короля Эдуарда V для Бекингэма было так же необходимо, как и для других претендентов на трон.

Причина вторая: видя шаткость положения Ричарда III, Бекингэм решил перейти на сторону ланкастерской династии. Одним из способов для Бекингэма доказать свою лояльность явилось бы убийство Эдуарда V. Отметим, что во время правления Ричарда III только два человека в Англии могли выполнить возможный приказ находящегося за границей Генриха Тюдора: комендант Тауэра Роберт Бреккенбери и герцог Бекингэм. Однако Бреккенбери, как мы знаем, до конца оставался сторонником Йоркской династии. В этом случае остается герцог Бекингэм, который, как великий констебль Англии, имел доступ ко всем помещениям Тауэра.

Остается вопрос: почему же в случае самостоятельного решения Бекингэма убить принцев ни Ричард III, ни Генрих VII никогда открыто не говорили об этом? Тому есть свои объяснения. Не в интересах Ричарда III было лишний раз привлекать внимание к персоне законного короля Англии Эдуарда V, тем более что даже при наличии бесспорных доказательств недовольные сограждане не поверили бы королю-узурпатору. А для Генриха VII Бекингэм был не интересен, ему гораздо выгоднее было представить детоубийцей Ричарда III, тем самым лишний раз очернив поверженного противника.

Как видим, устранение Эдуарда V было необходимо всем претендентам на престол, поэтому последняя версия судьбы детей Эдуарда IV, утверждающая, что принцам Эдуарду и Ричарду удалось живыми выбраться из бойни под названием «война Алой и Белой роз», выглядит наименее правдоподобной. И хотя первые самозванцы, утверждавшие, что именно они являются чудом спасшимися детьми Эдуарда IV, стали появляться уже через несколько месяцев после воцарения Генриха VII, никаких серьезных доказательств своей принадлежности к королевскому роду они представить не смогли. Но если таковые доказательства и были, потомки о них никогда не узнают, поскольку люди Генриха VII умели надежно сохранять секреты прихода своего короля к власти.

БЕКИНГЭМ ДЖОРДЖ (1592-1628)

Английский государственный деятель, фаворит Якова I и Карла I Стюартов. Деятельность Бекингэма вызывала недовольство в армии. Он был убит офицером Фельтоном.

28 августа 1592 года в семье провинциального дворянина Джорджа Вильерса и горничной Мэри Бимонт родился сын Джордж. Казалось, судьба была не очень благосклонна к юному Джорджу — родители не могли дать сыну ни особенно знатного происхождения, ни богатства, ни даже фамильного поместья. Единственным достоянием Джорджа была его внешность: мальчик был удивительно хорош собой. Однажды какая-то старуха-гадалка предсказала матери Джорджа, слепо верившей в астрологию и предопределенность судьбы, что ее обожаемого сына ждет блистательное будущее — сын будет равен королям. И мать тратила последние гроши на то, чтобы мальчик получил достойное образование, а также прилагала все возможные усилия, чтобы получить аудиенцию у короля Якова I Стюарта и представить ему свое чадо. Мэри Бимонт отлично знала: хорошей внешности и изящных манер может оказаться вполне достаточно, чтобы сделать карьеру при дворе Якова I.

В 1610–1613 годах, готовясь к карьере придворного, Джордж совершил путешествие во Францию, где совершенствовал свой французский язык и приобретал галантность и изящные манеры, так необходимые хорошему придворному. И наконец в августе 1614 года его мечта, а точнее, мечта его матери сбылась — юноша был представлен королю.

В качестве короля Яков I Стюарт не имел особенных недостатков — изощренным садизмом и чрезмерной жестокостью не отличался, политическими интригами не интересовался совершенно, религиозные споры предоставлял решать церковным

деятелям и теологам. Так что повидавшие всяких королей и королев англичане монарха, как положено, почитали, а двор тем временем жил своей собственной роскошной жизнью. Королевский двор XVII века был немыслим без фаворитов, которые постоянно сменяли друг друга: кто-то заканчивал свою жизнь на эшафоте, кто-то, обойденный более удачливым соперником, исчезал в безвестности.

И вот при дворе, заботливо опекаемый любящей матерью, появляется новый королевский виночерпий Джордж Вильерс — галантный молодой человек с прекрасными манерами, превосходный танцор, отличный наездник и охотник, талантливый актер. Именно актерское мастерство позволило Джорджу практически сразу приобрести расположение короля: в легкой комедии, игравшейся при дворе, Джордж очень удачно исполнил женскую роль.

Появление нового придворного, пользующегося расположением Якова I, вызвало гнев у его признанного фаворита, герцога Соммерсета. Но и тут судьба была благосклонна к Джорджу Вильерсу. К тому времени герцог Соммерсет успел перессориться со всеми влиятельными придворными, что сделало Джорджа притягательным для всех врагов герцога, поставивших своей целью заменить Соммерсета новым любимцем. При посредничестве королевы Анны Датской Вильерсу был присвоен ранг «джентльмена опочивальни», а в апреле 1615 года он был посвящен в рыцари. Правда, первоначально карьера фаворита Якова I стоила Джорджу немалых трудов и даже унижений. Да, для своих соперников-царедворцев он уже был грозен и опасен, но перед королем иногда приходилось пресмыкаться и паясничать хуже последнего шута. Но дело того стоило.

Падение герцога Соммерсета привело к головокружительному взлету карьеры Джорджа Вильерса. Уже в 1616 году он назначен королевским конюшим, получил орден Подвязки, титул виконта и обширные земельные владения. В 1617 году Джордж Вильерс становится графом Бекингэмом, в 1619 — маркизом, а еще через год получает титул герцога и фактически становится некоронованным королем Англии и Шотландии. Сбылось-таки предсказание старухи-гадалки!

В первые годы своего пребывания в роли королевского фаворита Бекингэм полностью поддерживал решения Якова I во внешней политике. Но с началом в 1618 году Тридцатилетней войны он, в отличие от короля, чутко уловил охватившее Англию настроение и стал высказываться за вмешательство Англии в войну на стороне протестантов с целью защиты владений зятя

английского короля, пфальцского курфюрста Фридриха. Вместе с будущим королем Карлом I, а тогда еще принцем Уэльским, Бекингэм выступал в парламенте с требованием выделения денег на войну и добился их получения.

С другой стороны, Бекингэм поддерживал курс короля на сближение с католической Испанией. К восстановлению мира и добрососедских отношений с католиками, кроме всего прочего, Бекингэма толкали и личные обстоятельства — в католицизм обратилась его мать, а сам он в 1620 году взял в жены католичку Кэтрин Мэннерс, дочь графа Рутланда. Кроме того, Бекингэм был сторонником брака принца Уэльского с испанской инфантой, что могло бы способствовать примирению воюющих сторон — благодаря давлению Испании. Но испанская сторона поставила заведомо неприемлемые условия: дети от планируемого брака должны были воспитываться в католической вере, и переговоры были прерваны.

Бекингэм поменял свою точку зрения. Вернувшись на родину, он начал настаивать на немедленном начале военных действий против Испании и ее союзников, однако натолкнулся на сопротивление короля и его ближайших советников. Но у Бекингэма был очень влиятельный союзник — парламент, резко выступавший против непопулярного в Англии проекта брака наследника престола с католичкой. И в результате Бекингэм одержал победу над королем. В 1624 году все переговоры с Испанией были прерваны и Англия начала усиленную подготовку к войне.

В 1625 году, в самый разгар военных приготовлений, Яков I Стюарт неожиданно умер. В те времена для любого приближенного ко двору неожиданная смерть короля могла стать страшным ударом. Новый король приводил новых жаждущих власти и богатства фаворитов, прежних же королевских избранников в лучшем случае ждала почетная ссылка в родовое поместье, в худшем — бесчестье и смерть на эшафоте.

Трудно сказать, что помогло молодому герцогу Бекингэму — расположение звезд, предсказание старухи-гадалки или же его великолепное умение точно ориентироваться в сложной системе интриг, подкупов, лицемерия и предательств, из которых состояла тогда жизнь английского королевского двора, но последний подарок Якова I был поистине королевским. Умирая, король завещал своему сыну и наследнику Карлу в качестве основного советника и наставника в государственных делах своего фаворита.

Остановимся немного на личности короля Карла I. В историческом смысле ему «повезло». Да, трудно назвать

«везением» мученическую смерть на эшафоте от руки палача. И, тем не менее, если бы не эта вошедшая в историю казнь, вряд ли потомки по прошествии веков помнили бы об этом заурядном английском короле. Как и его отец, Карл I не отличался качествами, которые делают королей историческими личностями. Примерный семьянин, добрый отец, не транжир, не мот, не игрок, не распутник. Кроме того, молодой король был абсолютно не сведущ в области государственных дел, они его просто не интересовали. Надо отдать должное Якову I — его выбор советника для сына был удачен: как политик герцог Бекингэм был, безусловно, талантлив. Но именно с этого момента началось тесное переплетение судеб этих двух людей, приведшее обоих к ужасному и трагическому концу.

Незадолго до смерти Якова I Англия, для скорейшего достижения победы, заключила союз с Францией, давним соперником Испании. Закреплением этого союза стала свадьба принца Уэльского с сестрой французского короля Людовика XIII Генриеттой-Марией. Именно на свадьбе будущего короля Карла I Бекингэм увидел Анну Австрийскую.

«Роман века» между английским герцогом и французской королевой прекрасно известен читателю благодаря бессмертному произведению Дюма «Три мушкетера». Конечно, Александр Дюма был писателем-беллетристом, а не историком, и многое в этом романе, в соответствии с законами жанра, приукрасил и романтизировал. Но была действительно всепоглощающая страсть, были и

украденные алмазные подвески, не было только роковой леди Винтер, соблазнившей бедного английского офицера ради убийства Бекингэма.

Но обо всем по порядку. Почти сразу же после своего восшествия на престол Карл I защитил Бекингэма от обвинений в коррупции и заговоре с целью обращения Англии в католицизм, выдвинутых парламентом. Способствовали этим обвинениям прежде всего неудачи Англии в военных действиях на континенте, вызванные нежеланием французского правительства, возглавляемого кардиналом Ришелье, выполнять условия союзного договора. Пытаясь спасти положение и заставить союзников выполнять условия договора, герцог Бекингэм лично отправляется в Париж на переговоры с королем Людовиком XIII Бурбоном и кардиналом Ришелье. Переговоры закончились полным провалом, и раздосадованный Бекингэм отправился в Англию ни с чем. Это фактически означало начало войны между Францией и Англией. Кстати, некоторые историки полагают, что причиной ухаживаний за Анной Австрийской была не любовь

Бекингэма к французской королеве, а стремление уязвленного неудачами герцога таким образом отомстить Людовику XIII и кардиналу Ришелье.

Первым местом, где столкнулись английские и французские войска, стала знаменитая крепость Ла-Рошель. Большинству читателей этот исторический эпизод известен по уже упоминавшемуся роману «Три мушкетера». Дюма свел все к противостоянию двух сильных мужчин, Бекингэма и кардинала Ришелье, боровшихся за любовь французской королевы. Однако осада последнего оплота гугенотов на территории католической Франции имела совершенно иные, далекие от амурных дел, причины.

К середине XVI века небольшой рыбачий поселок благодаря своему удачному географическому положению превратился в большой и открытый для судов всего мира порт. В 1559 г. синод реформаторской церкви объявил, что жители Ла-Рошели целиком и полностью переходят в кальвинистское вероучение. В результате к началу XVII века этот хорошо вооруженный город-порт стал настоящей занозой для французских королей-католиков. К тому же гугенотское население Ла-Рошели поддерживало очень хорошие отношения с Англией, а значит, представляло реальную угрозу государственности Франции. Через эти ворота на французскую землю могли в любой момент высадиться военные силы англичан.

Все это прекрасно понимал кардинал Арман Жан дю Плесси Ришелье — истинный правитель Франции времен Людовика XIII. Строптивая крепость была обречена, поскольку человек, посвятивший жизнь созданию сильной, единой и католической Франции, не мог оставить в покое гугенотский и британский оплот на территории Франции. Население Ла-Рошели составляло 28 тысяч человек и могло в одночасье выставить до десяти тысяч весьма опытных бойцов. Бескомпромиссный сторонник единого государства, Ришелье не мог позволить существовать на территории Франции фактически параллельной армии.

В голове гениального стратега, коим был кардинал Ришелье, созрел хитроумный план. С моря к Ла-Рошели вел достаточно узкий проход, и Ришелье решил перекрыть бухту Ла-Рошели с помощью дамбы. Именно эта дамба должна была перекрыть проход к крепости любым кораблям, то есть закрыть возможный канал помощи гугенотам со стороны англичан.

Пытаясь опередить противника и понимая, что время уходит, герцог Бекингэм сделал первый шаг. В конце июля 1627 года у входа в гавань Ла-Рошели появились английские корабли. Они высадили десант на близлежащий остров Ре с целью захватить

форт Сен-Мартен. Однако Ришелье по всем параметрам стратегически переиграл Бекингэма. Он высадил свой десант, снял осаду с форта Сен-Мартен и окружил Ла-Рошель мощной двадцатитысячной армией.

Несколько раз англичане пытались помочь осажденной крепости, но подойти к ней так и не смогли. Все их попытки разбивались о выстроенную хитроумным Ришелье дамбу. Она надежно блокировала все подходы к городу. И даже разрушить ее прямым тараном тяжелых кораблей англичанам не удалось.

Неудачи под Ла-Рошелью лишили герцога Бекингэма остатков популярности в Англии. Английский парламент вновь выступил против первого министра. Член парламента Элиот разразился пламенной речью, назвав Бекингэма «врагом королевства», и речь эта была опубликована. Однако, несмотря на очередные попытки парламента обвинить герцога в предательстве национальных интересов, Карл I поставил своего фаворита во главе новой экспедиции, которая должна была отправиться из английского порта Портсмут к французским берегам летом 1628 года.

Обстановка в армии и флоте была очень нервной. Копии протеста парламента и речи Элиота ходили по рукам солдат и моряков. Командовать ими должен был «враг королевства и английского народа». Можно ли было доверить такому человеку свою жизнь и жизнь королевства?

Многие из солдат были похожи на бродяг, поскольку не имели ни оружия, ни приличной одежды и обуви. В Огспорте были убиты четверо взбунтовавшихся солдат. В городке Спитхэд какой-то матрос оскорбил герцога Бекингэма, который приказал его арестовать и велел повесить. Товарищи матроса окружили тюрьму, но потом отступили, чтобы избежать обвинений в подготовке мятежа. Однако мятеж назревал.

Наутро 23 августа 1628 года в стоящем на главной улице Портсмута доме капитана Мэйсона было назначено совещание герцога Бекингэма с приближенными и командованием армии и флота. От короля приехал его посланец лорд Дорчестер. После беседы с лордом Дорчестером герцог вышел к собравшимся в прекрасном расположении духа и объявил, что получены хорошие вести о снятии осады Ла-Рошели, следовательно, отпадает всякая необходимость отправляться в новый поход к французским берегам. Но командование флота, прекрасно знавшее истинное положение вещей и знавшее цену подобным вестям, требовало немедленного отплытия английского флота, если Англия хотела спасти Ла-Рошель.

Пока шли эти жаркие споры, в порту и на улицах Портсмута

происходили массовые беспорядки. Товарищи повешенного по приказу Бекингэма матроса требовали расправы над герцогом, называя его «тираном и убийцей». На их усмирение был послан отряд солдат, а сам Бекингэм во главе кавалерийского отряда бросился на мятежников и отбросил их в гавань, где они пытались спастись на своих кораблях. Портсмут превратился в кровавое поле битвы.

Бекингэм очень хорошо понимал, что в данный момент ему угрожает серьезная опасность: отправляться на корабли и вообще выходить из дому ему сейчас не стоит. Тем не менее экипаж его был готов, а свита садилась на коней. Бекингэм даже не надел предложенную кем-то из друзей легкую кольчугу. Герцог пошел на улицу, но, проходя по узкому коридору дома капитана Мэйсона, вдруг резко остановился и закачался. Бывший рядом лорд Кливленд услыхал глухой удар и зловещие слова, произнесенные кем-то тихим шепотом: «Упокой, Господи, его душу!» Герцог снова пошатнулся, пробормотал чуть слышно «разбойник», вырвал из груди нож и упал на землю. Глаза герцога закатились, лицо побледнело, сердце перестало биться. Звезда герцога Бекингэма, всесильного первого министра Англии, закатилась.

Естественно, что свита Бекингэма подумала, что его убил какой-то фанатик-гугенот или подосланный французами шпион. Однако, когда они в растерянности стояли над телом убитого герцога, во двор вышел английский офицер, небольшого роста, смуглый, в запыленной одежде и со шпагой в руке. «Это я убил его», — спокойно сказал этот человек и отдал свою шпагу.

Офицер назвался Джоном Фельтоном. На допросе он рассказал, что честно служил королю и Англии, участвовал во многих битвах во Фландрии, на Рейне и под Ла-Рошелью. Ему вовремя не заплатили положенное жалованье и не повысили в звании, но убить герцога он задумал вовсе не из меркантильных личных интересов. Фельтон объяснил, что лично он не держал зла на герцога, но прикончил его потому, что считал Бекингэма проклятием для страны. Он прочел протест палаты и знаменитую речь Элиота, провозглашавшие главнокомандующего общественным врагом, и понял, что должен исполнить приговор тирану. Никто его не подстрекал, и сообщников у него не было.

Слабого сложения, со взглядом исподлобья, бледным лицом и тяжелой поступью, Джон Фельтон был типичным фанатиком. Когда на допросе его спросили, почему у него отрублен кончик пальца, Фельтон рассказал историю, точно характеризующую его характер и железную волю. Однажды какой-то сосед нанес ему тяжкое оскорбление, он потребовал удовлетворения, и когда

сосед усомнился в его искренности, то он отрубил себе палец и послал его своему сопернику в знак готовности драться с ним на дуэли. Фельтон был способен на все, а тем более когда он считал себя призванным небом на какое-нибудь особое и праведное дело. Убив Бекингэма, говорил Фельтон, он исполнил лишь свой долг, надеясь снискать мученический венец и умереть за Англию.

Во время допроса кто-то из следователей решил испытать характер Фельтона, сказав, что Бекингэм не убит, а только тяжело ранен, но жизнь его вне опасности. «Я опытный воин и умею убивать. Этот удар убил бы любого даже сквозь кольчугу», — сказал Фельтон, и на его мрачном лице появилась торжествующая улыбка. Вскоре была найдена шляпа Фельтона, и в ней оказалась написанная им записка, в которой он сообщал, что не имел никаких личных обид против герцога, что он только выполняет решение высшего суда Англии — парламента, — объявившего герцога Бекингэма врагом страны.

Узнав об убийстве своего фаворита, Карл I приказал привезти Фельтона в Лондон и поместить в Тауэр. Расследованием дела занялся новый фаворит короля сэр Лод.

Когда весть о смерти ненавистного фаворита достигла Лондона, горожане с трудом сдерживали ликование. Смерть фактического правителя Англии оплакивали лишь несколько влюбленных в него женщин. Большинство же горожан благословляли руку убийцы, в тавернах открыто пили за здоровье до тех пор никому не известного офицера Джона Фельтона. Даже знать была довольна смертью герцога Бекингэма. Кто-то рассчитывал после смерти фаворита приблизиться к королевскому двору, люди здравомыслящие понимали, что смерть Бекингэма может способствовать установлению мира в Англии и примирению с Францией и Испанией.

Вряд ли скромный подданный английской короны Джон Фельтон рассчитывал на такой триумф, когда принимал решение об убийстве Бекингэма. Когда Фельтона привезли в Лондон, встречать его вышли толпы восторженных людей. По дороге в мрачный лондонский Тауэр Фельтон слышал приветственные крики в свой адрес и молитвы, благословлявшие его подвиг. И умудренные опытом дамы, и юные девицы восторгались им. «Какой очаровательный юноша!» — шептали они, хотя красивой внешностью Фельтон, в отличие от своей жертвы, Бекингема, не отличался.

Так Англия, а точнее, английский народ встречал своего Давида, убившего ненавистного Голиафа.

Следствие же шло обычным путем. Как и во все времена, властям проще было обнаружить заговор каких-то «темных сил»,

чем разбираться в истинных причинах произошедшей трагедии и пытаться исправить положение дел к лучшему. Руководитель следствия по «делу об убийстве его светлости герцога Бекингэма», сэр Лод, всеми силами пытался выбить из Фельтона признание в том, что действовал он не в одиночку, а убил Бекингэма по указанию влиятельных деятелей английского парламента. По одним данным, для получения признания от арестованного в существовании заговора следствие применяло жестокие пытки, другие же источники утверждают, что Фельтона, как заслуженного офицера, пощадили. Как бы там ни было, Фельтон стойко держался и ни разу во время следствия не пытался свалить вину за убийство с себя на кого-либо другого.

В общем-то, признание Фельтона следствию было не очень нужно. По указанию короля Карла I, «виновные» в «страшном заговоре против Англии» были быстро найдены. Прежде всего им оказался тот самый член парламента Элиот, речь которого побудила Фельтона совершить свой поступок. Кроме того, были арестованы несколько не в меру свободолюбивых поэтов, сочинивших восторженные оды во славу подвига Джона Фельтона.

Суд над убийцей прошел по заранее запланированному сценарию. Прокурор выступил с пламенной речью, в которой особенно напирал на ту невосполнимую потерю, которую понесла Англия со смертью такого великого человека, как герцог Бекингэм. Естественно, что Джон Фельтон был приговорен к смертной казни, которую он встретил, как подобает человеку, прекрасно понимавшему все последствия своего поступка.

Можно по-разному относиться к личности герцога Бекингэма. Для кого-то он навсегда останется благородным романтиком, сумевшим добиться любви королевы, и талантливым политиком, сумевшим пробиться из безвестности к вершинам королевской власти. Для других же он был коварным интриганом, как, например, для Чарльза Диккенса, который написал: «Хотя любое убийство не имеет никакого оправдания, Фельтон освободил Англию от одного из самых распутных, презренных и жалких придворных фаворитов, каких ей приходилось терпеть».

Тем не менее Джордж Вильерс, герцог Бекингэм, навсегда вошел в историю. Как и его убийца — маленький тихий офицер Джон Фельтон, совершивший одно из самых громких политических убийств в истории.

ФРАНЦИЯ. В ЖЕРТВУ ВЕРЕ

КОЛИНЬИ ГАСПАР ДЕ ШАТИЙОН (1519–1572)

Французский военный и политический деятель, адмирал. Участникрелигиозных войн. Один из вождей гугенотов. Его убийство послужило началом резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Невозможно писать о знаменитых убийствах и не упомянуть при этом Варфоломеевскую ночь. В одну эту ночь было убито примерно в 40 раз больше людей, чем фигурирует в заглавии нашей книги. Поэтому мы решили описать эти события в главе, посвященной человеку, который стал первой жертвой резни.

Процесс распространения протестантизма в Европе получил название Реформации. Она началась в первой четверти XVI века в Германии. Затем охватила целый ряд европейских стран. Практически с самого момента своего возникновения протестантизм стал проникать на территорию Франции. Поначалу он находил своих приверженцев среди средней прослойки населения крупных городов. Но в сороковых годах XVI века в стране стали распространяться идеи Жана Кальвина. Этот реформатор был вынужден бежать в Швейцарию и продолжал там вести активную религиозно-политическую деятельность. Направление протестантизма, кальвинизм, было названо в его честь.

Швейцарские сторонники Реформации, обращаясь друг к другу, использовали немецкое слово «Eidgenossen» — товарищи, союзники. От искажения этого слова и получили свое название французские кальвинисты — гугеноты.

В 1547 году королем Франции стал Генрих II Валуа. Большое влияние при нем приобрело семейство Гизов, герцогов Лотарингских. Генрих II отличался нетерпимостью к протестантам. К этому времени Франция уже на протяжении пятидесяти с лишним лет с переменным успехом вела многочисленные войны с Испанией. Сторонником Генриха II стал сам Папа Римский. Стоит ли говорить, что в результате Генрих стал еще более ярым преследователем протестантов. Для борьбы с «еретиками», а на самом деле — для борьбы с гугенотами, при Парижском парламенте был создан чрезвычайный трибунал «Огненная палата». Но, несмотря на это, число гугенотов росло. К ним примыкали все более влиятельные люди.

В 1552 году Генрих II заключил соглашение с немецкими протестантами о совместной войне против Испании.

Межрелигиозные отношения временно стали менее напряженными.

В 1559 году, потерпев несколько военных неудач, Франция, из-за недостатка средств, была вынуждена прекратить войну с Испанией. Это вызвало серьезное недовольство со стороны многих аристократов. Часть из них стали присоединяться к гугенотам, которые уже давно были не только религиозной, но и политической оппозицией. Генрих II, закончив войну в Италии, собирался обрушить свой гнев на протестантов, но случайная смерть помешала ему это сделать: во время турнира, посвященного свадьбе дочери, он был ранен в глаз обломком копья и через две недели умер.

После смерти Генриха II к власти пришел его пятнадцатилетний сын Франциск II. В его недолгое правление у власти фактически находились Гизы: он был женат на знаменитой Марии Стюарт, которая происходила из семейства Гизов. В 1560 году гугеноты серьезно заявили о себе как о политической силе. Был раскрыт заговор дворян-гугенотов, направленный против могущества Гизов. Франсуа Гиз жестоко расправился с заговорщиками. Но через год Франциск II умер.

На трон был посажен десятилетний Карл IX. Регентом при малолетнем короле стала его мать Екатерина Медичи, которая оказывала на него большое влияние и позднее. Она пыталась избежать открытых столкновений между католиками и гугенотами. Ею даже был издан «Эдикт терпимости», который разрешал протестантам производить богослужения за пределами города. Но ее усилия ни к чему не привели. В регионах, где преобладали католики, преследовались гугеноты. В тех же местах, где протестантов было больше, — гонениям подвергались католики. В 1562–1563 году состоялась так называемая «первая религиозная война». Войсками католиков руководил Франсуа Гиз. Войсками гугенотов — принц Луи I Конде. В 1563 году Франсуа Гиз нанес гугенотам достаточно серьезное поражение. Однако вскоре гугенотам удалось организовать его убийство. Таким образом, ни одна из враждующих сторон полной победы не добилась.

«Первая религиозная война» положила начало целой эпохе религиозных войн, которая закончилась только в 1594 году. Поведение враждующих сторон было необычайно жестоким. Пленных на этих войнах практически не брали, всех побежденных безжалостно убивали. Неоднократно дело доходило до резни по религиозному признаку. При этом не щадили ни женщин, ни детей.

Уничтожались целые поселения религиозных оппонентов. И

католики, и гугеноты неоднократно одерживали верх в отдельных сражениях, но окончательную победу по-прежнему не мог одержать никто.

В 1570 году была осуществлена попытка примирения. Согласно мирному договору, протестанты получали целый ряд уступок. Им были переданы несколько крепостей, в том числе и Ла-Рошель. Было разрешено справлять религиозные обряды в предместьях больших городов. Героя нашей статьи, одного из предводителей гугенотов, Колиньи ввели в королевский совет. Для закрепления мира Екатерина Медичи предложила Карлу IX выдать его сестру, Маргариту, за самого знатного из гугенотов, молодого короля Наварры Генриха Бурбона. Празднование этой свадьбы и обернулось трагедией.

Теперь немного отвлечемся для того, чтобы рассказать, какую роль в происходящем играл Колиньи.

Гаспар де Шатийон де Колиньи родился в 1517 году. В возрасте двадцати лет он появился при дворе. Королем тогда был Франциск I. При дворе Колиньи сблизился с Франсуа Гизом. Долгое время они были дружны. Вскоре друзья отправились вместе с королем на войну с Испанией. Колиньи быстро проявил себя как талантливый солдат, военачальник и политик. Уже в 1547 году он был назначен начальником французской пехоты, а в 1552 получил звание адмирала Франции. В основном благодаря энергии и талантам Колиньи французскими войсками было одержано несколько серьезных побед. Однако одна из этих побед привела к ссоре с Гизом — Франсуа захотел незаслуженно присвоить себе часть славы, и добрые друзья стали злейшими врагами.

В 1557 году Колиньи участвовал в обороне города Сент-Кантена. В битве он попал в плен к испанцам, где провел два года. Находясь в плену, он вел активную переписку со своим братом, который к тому времени уже стал протестантом. Результатом стало решение сменить вероисповедание. В 1559 году Колиньи был освобожден и вернулся во Францию. Уже в 1560 году он открыто объявил себя протестантом и от имени гугенотов подал Генриху II прошение выделить им несколько церквей для богослужения.

В первой религиозной войне Колиньи принял активное участие и фактически стал вторым лицом в лагере гугенотов. После того как в 1569 году предводитель протестантов Луи I Конде был захвачен в плен и убит, адмирал возглавил движение. За время религиозных войн одно имя Колиньи стало вызывать ненависть у католиков. Ему удалось избежать целого ряда покушений, в основном организованных Гизами. У них были не

только идейные противоречия с адмиралом. Речь шла еще и о мести. Дело в том, что убийца Франсуа Гиза признался под пытками, что его послал Колиньи. Адмирал заявлял, что отправил фанатика только следить за герцогом, но особого доверия это заявление у Гизов не вызвало.

К гугенотам относилась большая часть французских дворян. Колиньи был сторонником объединения протестантов и католиков в борьбе против общего врага — Испании. Во многом благодаря деятельности Колиньи между католиками и протестантами в 1570 году был заключен мир. Сам адмирал вошел в королевский совет при Карле IX. Влияние гугенота быстро росло. Связи Колиньи с протестантами ряда европейских стран, в которых эта религия уже стала государственной, сделали его незаменимым лицом при ведении политических переговоров. Хочешь не хочешь, но адмирала приходилось держать при короле. Кроме того, Колиньи предлагал Карлу IX вести более агрессивную внешнюю политику. Адмирал предлагал отправить колонизационные экспедиции в Америку, продолжать войну с Испанией, поддержать Нидерландскую революцию, направленную на освобождение от испанского господства. Здесь король возлагал на Колиньи особые надежды: лидерами революции были кальвинисты. Король надеялся, используя связи адмирала, впоследствии присоединить Нидерланды к Франции.

Рост влияния Колиньи на Карла IX вызывал обеспокоенность и недовольство Екатерины Медичи и Генриха Гиза. Они были противниками войны с Испанией. Кроме того, Генрих Гиз был сыном Франсуа Гиза, убитого якобы по поручению Колиньи. Помимо религиозных и политических противоречий, простой конкуренции за королевское расположение, Генрихом де Гизом руководила личная ненависть к Колиньи и еще одно, возможно, не менее сильное чувство, о котором немного ниже.

Итак, вернемся к предпринятому Карлом IX и Екатериной Медичи шагу. К тому времени Генрих Наваррский был самым знатным из лидеров гугенотов. Свадьба между Маргаритой Валуа и Генрихом Наваррским должна был закрепить мир между католиками и протестантами. Формально Генрих и Маргарита были обручены еще в раннем детстве. Но Генрих стал гугенотом, и о возможности такой свадьбы не могло быть и речи. Предполагалось также, что мужем Маргариты может стать Генрих Гиз.

Подготовка к бракосочетанию заняла немало времени. Во-первых, необходимо было согласие матери Генриха, убежденной протестантки. Во-вторых, получить разрешение на подобный брак от Папы Римского было практически невозможно. Здесь не

обошлось без подлога: было подделано письмо, которое якобы отправил из Рима французский посол. В нем говорилось, что папа дал разрешение на брак и скоро пришлет соответствующее письменное подтверждение. Несколько задержала свадьбу и смерть матери Генриха. Но в конце концов торжество было назначено на 18 августа 1572 года.

К свадьбе Генриха и Маргариты в Париж прибыло большое количество гугенотов. Они ехали в столицу как на праздник, с женами и детьми, радуясь тому, что наконец-то достигнут «твердый» мир и протестанты смогут свободно и открыто проводить свои богослужения. Возглавлял гугенотов весь цвет протестантского дворянства. Но парижане, а основная их масса была католиками, встретили протестантов враждебно.

Позаботился о народном недовольстве и Генрих Гиз. Свадьба нарушила его планы. Ведь он сам собирался стать мужем Маргариты. Неизвестно, что именно руководило им: стремление к власти, любовь к Маргарите или оба этих фактора, но он старался помешать свадьбе. Подкупленные им католические священники называли готовящееся бракосочетание противоестественным. Ползли распространяемые Гизами слухи о том, что гугеноты прибыли в Париж с целью предательски убить короля и захватить власть. Кроме того, активно передавались из уст в уста сведения о богатствах, привезенных протестантской знатью, что должно было соблазнить нищих жителей города на избиение гугенотов. Но поднять среди парижан бунт до свадьбы Гизы не смогли.

Еще большую враждебность среди горожан вызвала пышность состоявшейся церемонии: Франция была истощена внешними и внутренними войнами, и это привело к обнищанию народа. Виновниками своих многочисленных бед парижане считали гугенотов. На фоне общей нищеты роскошная церемония выглядела чуть ли не вызовом.

Однако, несмотря на недовольство горожан, само бракосочетание прошло без происшествий. Интересной деталью церемонии было то, что Маргарита венчалась в одиночестве в Нотр-Дам, а Генрих дожидался ее снаружи.

Но через четыре дня, 22 августа произошло событие, нарушившее неустойчивое равновесие. Направляясь из Лувра в свою резиденцию, Колиньи подвергся нападению. Неизвестного, который стрелял в адмирала из аркебузы, задержать не удалось. В момент выстрела Колиньи наклонился для того, чтобы поправить обувь. Это его и спасло. Но все-таки адмирал был ранен. Выстрел оторвал ему палец и покалечил руку. По описанию, стрелявший был похож на человека, входившего в окружение Гизов. Да и стрелял он из окна дома вдовы Франсуа Гиза. До сих пор не

известно, стояла ли за этим покушением семья мстительных герцогов Гизов или Екатерина Медичи. Дело в том, что к тому времени политика Колиньи, направленная на развязывание войны с Испанией, совершенно не устраивала Екатерину. Этой войны королева-мать боялась, а альтернативой ей, благодаря деятельности Колиньи, могла стать новая гражданская война. Впрочем, второй опасности избежать так и не удалось.

После покушения вся верхушка гугенотской знати собралась в доме Колиньи и обсуждала, как поступить дальше. Одни предлагали обратиться к королю с требованием провести расследование. Другие считали, что к попытке покушения был причастен сам король и необходимо срочно покинуть Париж и отплатить Гизам своими силами. Положение становилось все более взрывоопасным. Карл IX и Екатерина Медичи прибыли навестить больного. Они то ли искренне желали примирения, то ли, уже приняв решение, старались задержать гугенотов в Париже. Король выразил сожаление по поводу случившегося, прислал к раненому лучшего врача и гарантировал королевскую защиту дворянам-гугенотам. Кроме того, он обещал найти и наказать виновных. Но обещать это Карл IX мог, а вот осуществить на деле — нет. Дело в том, что если бы Гизы понесли наказание за случившееся, это вызвало бы бурю протестов со стороны всего католического населения Парижа, которое в лице Колиньи видело врага и иноверца, а в лице Гизов — преданных борцов за истинную веру. Генрих Гиз был временно удален за пределы города.

23 августа гугеноты продолжали настойчиво требовать возмездия. Стало понятно, что новой войны не избежать. Состоялся королевский совет, на котором присутствовали Екатерина Медичи, герцог Анжуйский (брат короля) и еще несколько влиятельных лиц. Было принято решение: раз уж возобновление войны неотвратимо, воспользоваться сложившимся положением и следующей ночью организованно уничтожить лидеров гугенотов, находящихся в Париже.

Неизвестно, случайно ли, но операция по уничтожению отдельных лиц превратилась в поголовную резню протестантов. Приготовления к ночным событиям были осуществлены широко и вместе с тем оперативно. Вечером 23 августа в Лувр был вызван бывший глава муниципалитета Марсель, имевший большой вес среди парижан. Под предлогом опасности гугенотского заговора ему тайно поручили собрать группы людей, готовых к вооруженным действиям. Эти группы получили списки домов, в которых остановились гугеноты. Сведения о том, что такие дома были помечены крестами, скорее всего, являются более поздними

домыслами. Еще позже по приказу короля в Лувр прибыл преемник Марселя на посту главы муниципалитета Жан Ле Шаррон. Екатерина сообщила ему о «раскрытом» заговоре гугенотов. Согласно ее распоряжениям нужно было этот заговор предотвратить. Для этого следовало закрыть городские ворота, поднять городскую стражу, мобилизовать и вооружить всех граждан, способных носить оружие. Группы вооруженных людей должны были занять позиции на улицах города. Но каковы были изначальные задачи таких крупных сил: уничтожение всех гугенотов, подавление возможного сопротивления с их стороны или пресечение беспорядков? Этот вопрос до сих пор остается предметом споров между историками. В любом случае за порядком банды вооруженных парижан смотреть не стали.

Сигналом к началу расправы послужил удар в колокол на колокольне церкви Сен-Жермен-Л'Оксерруа. По этому сигналу отряд, состоявший из приближенных Генриха Гиза и королевской охраны, двинулся к дому, в котором жил Колиньи. Руководил отрядом сам Гиз, вернувшийся в Париж. Отряд ворвался в дом. Колиньи был зарублен, а его уже бездыханное тело выброшено из окна. Затем ему отрубили голову. Есть сведения о том, что последними словами Колиньи были: «Гиз, проклятый убийца!» Расправившись с Колиньи, отряды Генриха Гиза и герцога Анжуйского двинулись дальше. Они врывались в дома, где остановились лидеры гугенотов, и осуществляли расправу. Часть гугенотов смогла выбраться из Парижа и бежать. За ними в погоню бросился Гиз, что уже совсем не походило на попытку предотвращения заговора. Истребили и гугенотов, находившихся в Лувре. В живых, правда, остались Генрих Наваррский и принц Конде, но свита была перебита, а их самих принудили перейти в католическую веру.

Ближе к утру происходящее превратилось в повальное избиение протестантов. К организованным отрядам присоединились толпы «добровольцев». Истреблялись все подозреваемые в приверженности к протестантству, их семьи, слуги, часто жертвы перед смертью подвергались жестоким истязаниям. Многие воспользовались «благоприятной» ситуацией для сведения личных счетов: для этого стоило только крикнуть толпе, что какой-либо твой недруг гугенот. Более того, достаточной причиной, для того чтобы тебя признали «гугенотом», было наличие денег. Толпы нищих парижан почувствовали наживу. Ведь убитых можно было ограбить. Вскоре в число «гугенотов» попали многие зажиточные парижане-католики.

Не отличалась толпа и повышенной деликатностью по

отношению к трупам погибших. Их выбрасывали на улицы, сбрасывали в Сену, многие тела уже после смерти были изуродованы. Тело Колиньи толпа всю ночь таскала по городу, и к утру оно было изуродовано до неузнаваемости.

Между тем ситуация явно вышла из-под контроля. Из Лувра поступали распоряжения короля о прекращении резни, но остановить безумствующую толпу было невозможно. Варфоломеевская ночь на самом деле продлилась не один день. Еще шесть дней в Париже то и дело происходили убийства. Всего за несколько дней в городе, по разным подсчетам, было убито от 2 до 4 тысяч человек.

Несправедливым, однако, будет сказать, что все парижане-католики как один участвовали в резне. Многие из них сочувствовали гугенотам. Так, глава муниципалитета Жан Ле Шаррон много раз пытался остановить резню. Он призывал толпу сложить оружие и разойтись по домам, пытался защитить от опасности своего знакомого протестанта и его семью. Многих гугенотов он даже заключил в тюрьму для обеспечения их же безопасности. Некто Сьер де Перрез укрыл у себя в доме больше сорока протестантов. И эти примеры не единичны.

Резня вышла за пределы города, охватила провинции и многие города: Бордо, Орлеан, Руан, Тулузу. Вне стен Парижа Варфоломеевская ночь продолжалась несколько недель. За это время было убито по разным подсчетам 30–50 тысяч человек. По некоторым свидетельствам, во многих провинциях, где резня была особенно жестокой, несколько месяцев вода в реках и озерах была непригодна для питья из-за крови убитых.

Сперва Карл IX все-таки старался избежать новой войны. Он собирался выдать случившееся за происки мстительных Гизов. Но дело приняло слишком широкий оборот. Тогда король решил повернуть дело другой стороной. В своем письме папе он описал случившееся как попытку предупредить заговор гугенотов. Хорошо иллюстрирует взаимную ненависть, которую друг к другу питали католики и протестанты, такой факт: получив известие о Варфоломеевской ночи, папа Григорий XIII сказал, что это событие стоит пятидесяти таких побед, как при Лепанто. Кроме того, Карл IX отдал официальный приказ о казни Колиньи. Его уже не имевшее головы тело было повешено за ноги. На это зрелище были приглашены посмотреть новообращенные католики Генрих Наваррский и принц Конде. Но, по некоторым сведениям, Карла IX мучили угрызения совести, ему снились жертвы резни, и он часто повторял: «Ккакому зловещему совету я прислушался! О Боже мой, прости меня!»

ГЕНРИХ III ВАЛУА (1551–1589)

Герцог Анжуйский до 1574 года, король Речи Посполитой в 1573–1574. Король Франции с 1574 г., последний представитель династии Валуа. Третий сын Генриха II Валуа и Екатерины Медичи. Убит во время одной из религиозных войн фанатиком, подосланным Католической Лигой.

Историки по-разному оценивают фигуру Генриха III. Долгое время основным был образ короля — прожигателя жизни, обладавшего громадным количеством всевозможных недостатков и пороков. Но поздние исследователи рисуют и более умеренные, и даже диаметрально противоположные портреты — мудрого и прогрессивного правителя. Не принимая какой-то определенной точки зрения, мы попробуем коротко изложить имеющиеся у нас факты.

В ночь с 18 на 19 сентября 1551 года Екатерина Медичи, жена Генриха II, произвела на свет очередного потомка, будущего короля Франции Генриха III. Ребенок был окрещен как Эдуард-Александр. Изначально шансы на то, что молодой герцог Анжуйский (такой титул получил мальчик при рождении) станет королем, казались призрачными. У него было два старших брата, и очередь наследования вряд ли могла бы дойти до Генриха (чтобы не создавать путаницу, мы сразу будем называть нашего героя этим именем)Ез1. Но дети из королевской семьи завидным здоровьем не отличались, и это обстоятельство в конце концов привело Генриха на престол. Но не будем торопить события.

Как и все потомки Екатерины Медичи и Генриха II, в детстве Генрих был болезненным ребенком. Но мальчик отличался любовью к подвижным играм, занятиям фехтованием и танцами. Благодаря подобным физическим нагрузкам Генрих окреп. Возможно, это помогло ему в дальнейшем не стать жертвой

болезней (в основном — туберкулеза), которые уносили жизни его братьев и сестер одну за другой. К слову сказать, из десяти детей Екатерины Медичи только Генрих и его младшая сестра Маргарита (королева Марго) пережили свою мать.

В детстве и юности Генрих проявлял также большой интерес к чтению. Изучал итальянский язык, занимался риторикой, прекрасно разбирался в античной литературе. Сообразительность, элегантность, подвижный характер — все эти качества отличали Генриха от его братьев, и очень скоро он сделался любимцем Екатерины. Она часто называла его «мое все» и «мой маленький орел».

В 1560 году, после случайной гибели Генриха II на рыцарском турнире, королем ненадолго стал его старший сын Франциск II. А после его смерти — второй сын, десятилетний Карл IX. В начале его правления страной, на правах регента, управляла Екатерина Медичи. Она не скрывала того, что испытывает гораздо более теплые чувства к Генриху, чем к Карлу. Это стало причиной достаточно натянутых отношений между братьями.

В 1564–1566 году вместе со всем королевским двором Генрих больше двух лет путешествовал по Франции. В этой поездке он подружился со своим двоюродным братом, Генрихом Наваррским.

В 1566 году Генрих получил в свое управление три герцогства. А в 1567 году началась вторая религиозная война, и шестнадцатилетний герцог Анжуйский был назначен генерал-лейтенантом и стал главнокомандующим королевских войск. Естественно, юноша не сам руководил войсками: Генрихупомогали советы опытных военачальников, но он не стал марионеткой в их руках. Начало военной карьеры принесло Генриху славумудрого полководца. Королевские войска под его командованием одержали, во многом благодаря его энергии, уму и таланту, несколько значительных побед над силами гугенотов.

Но Генриха, несмотря на его молодость, личные качества и несомненные успехи в ратном деле, вовсе не прельщала военная деятельность. Как и его мать, он был сторонником поиска мирных путей разрешения конфликтов. Поэтому войне он предпочитал занятие политикой. Несмотря на это, военные таланты ему пришлось применить еще не раз.

По настоянию Екатерины, специально для Генриха была учреждена новая должность: генерал-интендант короля. Таким образом, Генрих фактически разделил со своим братом и матерью власть.

Но в 1570 году Карл IX стал проявлять признаки политической самостоятельности. В его совете, благодаря

заключенному миру между католиками и гугенотами, появился лидер протестантов адмирал Колиньи. Карлу очень импонировали идеи Колиньи о возобновлении противостояния с Испанией. Влияние адмирала на короля на время ограничило политический вес Екатерины Медичи и Генриха. Колиньи занимал очень твердые позиции. Он стал незаменимым посредником между преимущественно католической Францией и протестантскими государствами Европы, особенно Англией. Основной идеей Колиньи было противостояние объединенных сил Франции и Англии могуществу Испании. Колиньи вел свою политику таким образом, что перед Екатериной Медичи и Генрихом стала альтернатива: война против Испании или новая гражданская война с гугенотами.

Военные советники заявляли, что из новой испанской кампании Франция победителем не выйдет. Возобновление религиозных распрей для страны, и без того истощенной войнами, тоже было крайне нежелательно. Таким образом, если первое покушение на адмирала Колиньи и было делом рук Екатерины и Генриха, то можно сказать, что ими руководили высокие государственные интересы. Кроме того, следует учесть, что в Европе того времени большой популярностью пользовались идеи Макиавелли. Екатерина Медичи разделяла идеи Макиавелли и воспитала своих детей в духе его морали. Возможно, что именно подобные взгляды и проявились во всей своей красе в Варфоломеевскую ночь.

За две недели до Варфоломеевской ночи состоялось событие, которое принесло Генриху много горя. В рамках провалившейся программы упрочения связей между католиками и протестантами состоялась не одна, а две свадьбы. За восемь дней до свадьбы Генриха Наваррского и Маргариты Валуа состоялось бракосочетание принца Конде (еще одного лидера гугенотов) с Марией Киевской. Мария Киевская была воспитана в протестантской вере, но уже три года находилась при дворе Карла IX. В эту девушку Генрих был страстно влюблен. Он даже собирался на ней жениться, но этому помешала королева-мать: во-первых, Мария происходила из недостаточно знатного рода, во-вторых, ей уже была отведена роль невесты принца Конде. Генрих был вынужден подчиниться воле матери и соображениям государственной необходимости. Он отказался от возлюбленной.

После событий Варфоломеевской ночи избежать новой религиозной войны не удалось. Оплотом гугенотов был юг Франции, и в частности — крепость Ла-Рошель. Генриху пришлось снова вернуться к военному делу. В феврале 1573 года он прибыл под стены Ла-Рошели и возглавил королевскую армию.

Ни попытки штурма, ни осада крепости результатов не дали. А в июне пришли известия, которые требовали отбытия короля из-под Ла-Рошели. Буквально «на скорую руку» был подписан мирный договор, и Генрих отбыл из расположения войск.

Что же потребовало такого спешного отъезда Генриха? Пришло известие о том, что он был избран королем Польши. Его предшественник на польском престоле король Сигизмунд II Август умер, не оставив наследников. Выбирать короля в таком случае имело право польское дворянство. Баллотировались на выборах двое претендентов: эрцгерцог Эрнест из династии Габсбургов и Генрих Валуа. Екатерина Медичи посчитала, что трон польского короля ее сыну не помешает. С целью повлиять на результаты выборов в Польшу был отправлен епископ Жан де Монлюк. Недавние события Варфоломеевской ночи не могли способствовать популярности Генриха Валуа в Польше: многие поляки были протестантами. Но, несмотря на это, посол смог разными правдами и неправдами добиться избрания на польский престол Генриха.

Генрих прибыл в Париж. Здесь оказалось, что условия, на которых польские дворяне выбрали его своим королем, оставляют ему практически только номинальную власть. Это никоим образом не устраивало амбициозного Генриха и Екатерину. Начались длительные переговоры. Вскоре у Генриха появилась еще одна причина для сомнений относительно принятия польского престола. В августе 1573 года Карл IX, здоровье которого ухудшалось, вынужден был назначить своего младшего брата Генриха наследником французской короны: единственный сын короля был незаконнорожденным, а от официального брака он имел только дочь. В конце концов решение все же было принято, и в начале декабре 1573 года Генрих отправился в Польшу. Перемещался он не спеша, сопровождая свое путешествие многочисленными приемами и встречами.

Только в конце января 1574 года новоявленный король прибыл в Польшу. Здесь произошла пышная коронация. Вскоре Генрих столкнулся с целым рядом внутриполитических проблем Польши. Оставаться только номинальным королем, не имеющим власти, ему не позволяло самолюбие. Но парламент и сенат старались держать власть в своих руках. Кроме того, Генриха пытались женить на сестре покойного короля, 48-летней принцессе Анне. Это привело к тому, что новый король был вынужден пуститься на хитрость. Он стал одеваться на польский манер, заигрывал с польскими дворянами, обещал научиться пить пиво и танцевать полонез, даже оказывал знаки внимания Анне. Успокоив тем самым своих новых подданных, Генрих добился

некоторой передышки. Но как сложилось бы дальнейшее правление Генриха, короля Польши, можно только предполагать.

4 июня 1574 года Генрих получает известие о смерти Карла IX и, несколько позднее, письмо от матери. В письме Екатерина сообщает, что она приняла за сына регентство и просит его возвратиться во Францию. Через четыре дня с небольшой свитой Генрих тайно покидает Польшу. Весь срок пребывания Генриха в Польше составил 146 дней.

3 сентября, предприняв по дороге немало важных встреч и переговоров, Генрих III прибыл во Францию. Между тем принц Конде бежал в Германию, его жена, Мария Киевская, возлюбленная Генриха III, не пожелала сопровождать законного мужа и осталась в Париже. В Генрихе вновь вспыхнула прежняя страсть. Теперь он собирался расторгнуть брак Марии с принцем Конде и самому жениться на ней. Не желая этого, Екатерина Медичи всячески старалась удержать сына вне Парижа. Ав конце октября 1574 года проблема «благополучно» разрешилась сама собой: Мария умерла во время родов. Известие о ее смерти потрясло Генриха. Он очень болезненно переживал эту трагедию и надолго уединился в своих покоях. Такая искренность и глубина чувств была не «в моде». Привыкшие к вольным нравам французского двора придворные практически открыто насмехались над горем Генриха.

13 февраля 1575 года состоялась коронация. Через два дня Генрих вступил в брак с Луизой де Водсмон. Луиза происходила из не очень знатного рода. Возможно, этим браком Генрих хотел продемонстрировать свою независимость от воли матери. Екатерина Медичи подыскивала сыну невесту, руководствуясь прежде всего политическими мотивами. В любом случае, Генрих не прогадал — Луиза всю жизнь оставалась верной и преданной женой. Брак омрачало только отсутствие потомства. По всей видимости, бесплодной была Луиза, но французы того времени подозревали, что виноват король. Во-первых, он не имел внебрачных детей, что было «не принято». На самом деле глубоко религиозный Генрих III был убежден, что бесплодие — Божья кара за прошлые «случайные связи», и дал обет воздерживаться от подобных поступков впредь. Во-вторых, из-за элегантности Генриха, его любви к всевозможным нарядам, ношению серег, употреблению благовоний его считали гомосексуалистом. Это мнение «подтверждалось» тем, что при дворе большой вес имела группа из четырех талантливых молодых дворян, которые пользовались особой благосклонностью Генриха. Непонятно, личные заслуги этих фаворитов или их сексуальные отношения с Генрихом стали причиной этой благосклонности. Известно, что

фавориты вели себя вызывающе по отношению к другим дворянам. Возможно, что распространение слухов об их «близости» с Генрихом — не что иное, как обыкновенная придворная месть. Но слухи эти привели к тому, что на протяжении веков нестандартность сексуальной ориентации короля под сомнение не ставилась. Только позднее многие историки пришли к мнению, что ответ на вопрос «был ли Генрих III гомосексуалистом?», по меньшей мере, не однозначен.

Придя к власти, Генрих начал проводить целый ряд прогрессивных реформ в различных сферах: налогообложение, церемониал, законодательство, армия, этикет. Но большинству из этих реформ было не суждено воплотиться в жизнь. Положение в стране оставалось очень напряженным, и вскоре у короля просто не осталось времени и возможностей заниматься своими нововведениями.

В 1576 году Генрих III подписал во время переговоров с гугенотами эдикт, объявляющий свободу вероисповедания на всей территории Франции. Этот шаг привел к созданию Католической Лиги, в которую вошли представители радикально настроенной католической знати. Лига поставила себе цель продолжать борьбу против гугенотов. Возглавил Лигу Генрих Гиз. Лига смогла добиться от Генриха III отмены эдикта и продолжения гражданской войны. В ходе военных действий католики одержали несколько побед, и в сентябре 1577 года был заключен мир на невыгодных для гугенотов условиях.

В 1580 году началась еще одна война, в которой, впрочем, победитель не определился. Вслед за этим наступил период относительного спокойствия. В это время Генрих III стал очень много внимания уделять религии. В ней он мог найти утешение и отдых от личных неприятностей и проблем государства. Генрих и раньше был глубоко верующим человеком, сейчас же его религиозность достигла апогея. Недоброжелатели даже обвиняли короля в том, что он выставляет свою религиозность напоказ, стараясь прикрыть таким образом собственные пороки.

Он организовал «Братство кающихся грешников Благовещенской Богоматери», сам участвовал в шествиях членов этого братства. Для него и его свиты было построено несколько келий в одном из монастырей в Венсенском лесу. Незадолго до возобновления гражданских войн он организовал еще одно братство:

«Братство смерти и страстей Господа нашего Иисуса Христа». В эту группу входили приближенные Генриха. По пятницам они собирались в Лувре, пели псалмы, молились, даже укрепляли дух самоистязаниями. За это пристрастие к отправлению

религиозных культов Генрих III получил прозвище король-монах.

Через четыре года шаткое равновесие было нарушено непредвиденным происшествием: неожиданно умер младший брат Генриха III, Франциск. Напомним, что детей у Генриха не было. Таким образом, наследником французской короны становился Генрих Наваррский (с этого момента, чтобы не запутаться в Генрихах, мы будем называть его Наваррой, как принято во многих источниках). Генрих III долго колебался и в конце концов признал Наварру своим преемником. Но тот давно вернулся к протестантской вере и был лидером гугенотов. Такой наследник категорически не устраивал Католическую Лигу. Для того чтобы не допустить его на трон, Гизы были готовы на все. Они даже заручились поддержкой Испании. В 1585 году Екатерина Медичи и Генрих III под двойной (внешней и внутренней) угрозой были вынуждены подписать эдикт, запрещающий совершение религиозных обрядов протестантизма под страхом смертной казни. Таким образом, Наварра теперь автоматически не мог быть наследником престола. Папа Римский отлучил его от церкви, а преемником Генриха III был объявлен кардинал Шарль Бурбон.

Тогда Наварра развязал войну, получившую название войны трех Генрихов: Валуа, Наваррского и Гиза. Король оказался между двух огней. С одной стороны, последний эдикт сделал его врагом гугенотов, с другой — Генрих Гиз практически подчинил его своей воле. Особенно ухудшилось положение короля после того, как 20 октября 1587 года Наварра одержал победу при Котрэ. Только хитрость Генриха III спасла католиков от гораздо более серьезного разгрома. Он подкупил вражеских наемников, итев решающий момент отступили. Но после поражения при Котрэ король снова был вынужден искать мира с гугенотами и подписал эдикт о свободе вероисповедания.

Это вызвало протест среди населения Парижа. Горожане и так были недовольны Генрихом III. Короля считали виноватым во всех бедах: от военных неудач до недостатка продовольствия. Генриха Гиза жители города, наоборот, боготворили и называли «королем Парижа». Опасаясь мятежа, король запретил Гизу появляться в городе. Но 12 мая 1588 года Генрих Гиз прибыл в Париж и поднял восстание. Позже этот день был назван «днем баррикад». В очередной раз политический талант продемонстрировала королева-мать. Она стала вести длительные переговоры с мятежниками. Гизы потребовали отречения Генриха III от престола. Но Екатерина выиграла сыну время для того, чтобы тот покинул Париж.

После Екатерина стала вести переговоры о том, чтобы Генрих

III усыновил сына своей сестры, который в то же время приходился племянником Генриху Гизу. Это должно было привести к патовой ситуации в противодействии Гизов и Валуа и объединить их интересы.

Генрих III был вынужден во всем подчиняться Католической Лиге: опять признать гугенотов вне закона и сделать Генриха Гиза генерал-лейтенантом. Гизы подвергали короля все новым и новым унижениям. Они открыто заявляли, что королю лучше уйти в монастырь. Герцогиня Монпансье, сестра Генриха Гиза, повсюду носила при себе ножницы, говоря, что готова выстричь Генриху Валуа тонзуру. Казалось, что ничто не может помешать Гизам прийти к власти.

Но, несмотря на внешнюю покорность, Генрих III не собирался сдаваться. Он только ждал удачного момента, чтобы нанести ответный удар. Такой момент представился в августе 1588 года. Испанская «Непобедимая армада» потерпела поражение от английского флота. Таким образом, Испания была вынуждена отвлечься от помощи Католической Лиге Франции. Генрих не упустил своего шанса вырваться из-под власти Гизов. В ночь на 24 августа 1588 года по его приказу были убиты как бунтовщики Генрих Гиз и его брат, кардинал Лотарингский Луи Гиз. Это неминуемо должно было привести и привело к мятежу. Католическая Лига объявила об отречении Генриха Валуа от престола и взяла власть в Париже в свои руки. Королю или экс-королю ничего не оставалось, как искать союза с Наваррой. Два Генриха совместно выступили против Парижа и других мятежных городов. Генрих Валуа при этом тоже был отлучен папой от церкви.

После смерти Генриха и Луи Гизов Католическую Лигу возглавил их младший брат, герцог Майенский. Он и его сестра герцогиня Монпансье стремились отплатить Генриху Валуа за смерть своих братьев. Католические священники призывали своих прихожан отомстить. Среди католиков было немало фанатиков, так что подобрать подходящую кандидатуру на роль «руки божественного правосудия» оказалось несложно. Роль эта досталась 22-летнему монаху-доминиканцу Жаку Клеману. Молодой фанатик был убежденным и активным сторонником Гизов. После нескольких бесед настоятель монастыря на улице Святого Якова в Париже смог убедить Жака Клемана не только в необходимости убить «еретика» Генриха Валуа, ноив том, что благодаря божественному вмешательству юноша станет неуязвимым и даже невидимым для врагов. Кроме того, помимо «божественного провидения» гарантией «безопасности» Клемана должны были стать заложники. По распоряжению герцогини

Монпансье в Париже было арестовано триста сторонников Генриха III.

Меж тем войска Генрихов осадили Париж. Лагерь короля располагался в предместье Сен-Клу. Клеман прибыл в Сен-Клу 31 августа 1589 года. Он назвал себя послом от Католической Лиги и попросил аудиенции уГенриха III. Король, как мы знаем, не любивший военных действий и стремившийся к урегулированию конфликта путем переговоров, решил принять молодого монаха. 1 августа аудиенция была предоставлена. Кинжал Клеман смог пронести в складках рясы. Встретившись с Генрихом III, молодой фанатик подошел к королю и передал ему письмо, якобы являющееся посланием от Католической Лиги. В этот же момент убийца выхватил нож и нанес своей жертве несколько ударов кинжалом в живот. Генрих упал с криком: «Проклятый монах, он убил меня!» Интересно, что Клеман даже не пытался спастись бегством, настолько глубока была его вера в божественную защиту. Но, видимо, человек, только что нарушивший заповедь «не убий!», на подобное покровительство рассчитывать не должен, что бы ни говорил настоятель монастыря на улице Святого Якова. Вбежавшая на крик короля охрана прикончила убийцу на месте.

Генрих III умер только на следующий день. Перед этим он успел призвать к себе Наварру, подтвердить его права на престол и приказать присутствующим присягнуть на верность новому королю. Умирающий Генрих также посоветовал своему преемнику прекратить межрелигиозные распри, приняв католическую веру. Совету этому Наварра внял только через четыре года. Но подробнее судьба Генриха Наваррского, а впоследствии — Генриха IX Французского изложена в следующей статье.

ГЕНРИХ IV БУРБОН (1553–1610)

Сын Антуана Бурбона. Король Наварры с 1562 года (Генрих Наваррский). Во времярелигиозных войн был одним из лидеров гугенотов. Французский король с 1589 года. Убит католиком-фанатиком.

Будущий король Франции родился 13 декабря 1553 года. Его отцом был Антуан Бурбонский, матерью — Жанна д'Альбре. Это семейство владело независимой от Франции Наваррой и Бурбонне. Кроме того что Генрих был наследником таких обширных владений, у него была еще одна перспектива. В случае пресечения династии Валуа Бурбоны наследовали французскую корону. Но Генрих II Валуа и Екатерина Медичи уже к моменту рождения Генриха Наваррского имели троих сыновей, и эта возможность казалась чисто теоретической.

Детство Генриха никак нельзя назвать спокойным. Вражда между протестантами и католиками, охватившая Францию, непосредственно коснулась его семьи. Более того, в самой семье процветали религиозные противоречия. Жанна д'Альбре в 1555 году приняла протестантскую веру и всю жизнь оставалась убежденной кальвинисткой. Естественно, что и из сына она старалась вырастить приверженца «новой» веры. Антуан Бурбонский также принял протестантство, но вскоре вернулся в лоно католической церкви. Религиозная принадлежность могла помешать его карьере: Екатерина Медичи сделала его генерал-лейтенантом королевских войск. Это привело к тому, что отношения между супругами сильно испортились.

Сам Генрих уже в детстве несколько раз менял религию. Первый раз — по настоянию матери он стал протестантом. Позже, во время путешествия по Франции вместе с королевским двором (см. предыдущую статью), мальчик по примеру отца вернулся к

католицизму. После смерти отца, в 1562 году, Генрих унаследовал корону Наварры и снова вернулся к протестантизму. Таким образом, к подобным переменам наш герой был подготовлен еще в детстве. Во время упомянутого вояжа Генрих близко познакомился с придворной жизнью, а также со своими двоюродными братьями и сестрами, Валуа. Особенно подружился он с Маргаритой Валуа и со своим тезкой — Генрихом.

В 1562 году отец Генриха умер и мальчик стал королем Наварры. После первой религиозной войны (1562–1564 гг.) наступило временное перемирие. Но к 1567 г. отношения между католиками и гугенотами снова ухудшились, и Екатерина Медичи, возможно предвидя начало новой войны, отпустила Жанну д'Альбре и ее сына от двора.

Вскоре юноша впервые непосредственно столкнулся с войной. Уже в 1569 году, после смерти принца Луи I Конде, он стал предводителем гугенотов и возглавил их войска. В 1570 году был заключен мир и стала обсуждаться идея женитьбы Генриха Наваррского на Маргарите Валуа. Незадолго до свадьбы умерла мать Генриха. Некоторые данные позволяют предположить, что она была отравлена. Возможно, Екатерина Медичи боялась, что Жанна д'Альбре повлияет на сына и расстроит свадьбу. Впрочем, версия об отравлении королевы Наваррской Екатериной Медичи имеет слабые места. Так, известно, что Маргарита Валуа произвела на мать своего будущего жениха хорошее впечатление. Кроме того, Жанна д'Альбре не могла не понимать важность такого брака для будущего ее сына и Франции и вряд ли стала бы возражать.

После резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь (см. главу об адмирале Колиньи) Генрих Наваррский и его кузен, принц Конде, стали пленниками Карла IX. Их принудили перейти в католицизм. Генрих, уже привыкший к процедуре смены конфессии, отнесся к этой необходимости довольно спокойно. Конде проявил гораздо большее упорство.

На протяжении нескольких последующих лет Генрих Наваррский находился при дворе. Его положение в это время трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, он был пленником, с другой — Генриху были доступны все радости придворной жизни. Политикой он не интересовался, во всяком случае, не выказывал такого интереса открыто. Он проводил время в развлечениях, особое внимание уделяя охоте. Такое безбедное и безоблачное существование, на правах привилегированного пленника, длилось до 1576 года.

В 1576 году гугеноты организовали бегство короля Наварры из Парижа. Генрих снова, уже в который раз, сменил религию. Но

лидеры протестантской партии относились к нему без доверия. Еще бы, ведь Генрих так легко отказался от их религии после резни в Париже. Поэтому король Наварры, самый титулованный протестант Франции, далеко не сразу смог стать фактическим лидером гугенотов. Кроме того, верхушка протестантской знати была настроена на решительные и агрессивные действия, в то время как Генрих был сторонником поиска мирного решения конфликтов. Следует отметить, что такой линии он старался придерживаться до конца своих дней.

На протяжении ближайших восьми лет официальное положение гугенотов во Франции неоднократно менялось. Поочередно выходили эдикты, то разрешающие свободу вероисповедания, то запрещающие кальвинизм. Сторонниками первой позиции были Екатерина Медичи и Генрих III, а второй — Католическая Лига и, прежде всего, ее лидеры Генрих де Гизи его брат кардинал Лотарингский. Военные действия на религиозной почве то вспыхивали, то угасали. Несколько раз был заключен мир. Не последнюю роль в подписании мирных договоров сыграл Генрих Наваррский. При этом он искал практически любые возможности для примирения, иногда не требуя никаких уступок для своих товарищей по вере.

Но в 1584 году умер наследник трона Франсуа, младший брат Генриха Валуа. Теперь наследником французского трона стал король Наварры. Дальнейшие события вплоть до убийства Генриха III в 1589 году описаны в предыдущей главе.

После смерти своего кузена, Генриха III, король Наварры формально стал королем Франции Генрихом IV. Но на деле прийти к власти в государстве он не мог еще на протяжении четырех с лишним лет. Париж и еще несколько городов находились в руках Католической Лиги, во главе которой теперь стоял младший брат убитых Гизов герцог Майенский. Католики не собирались признавать королем Франции «еретика».

Военные действия, которые Генрих IV вел против войск Католической Лиги, не привели к решительному успеху. Во главе протестантских войск Генрих IV, подчас за счет личного героизма в сражениях, одержал несколько побед над войсками Лиги, локализованными в некоторых городах Франции, но его главной целью был Париж. И цели этой военным путем достигнуть не удалось. Дело в том, что с 1590 года Париж, помимо войск Католической Лиги и городского населения, враждебно настроенного по отношению к гугенотам, охранялся еще и сильным испанским гарнизоном. Несколько лет Генрих IV колебался. Но в 1593 году начались процессы, которые заставили короля принять решение. На стороне Генриха IV, помимо

протестантов, находились и многие католики, бывшие приверженцы Генриха Валуа. Они стали постепенно отдаляться от короля-гугенота. Возникла опасность, что на политической арене появится третья партия, в которую войдут менее радикальные члены Католической Лиги и католики — бывшие сторонники Генриха IV. Эта сила, поддерживаемая испанцами, могла предложить трон другому Бурбону, католику. 25 июля 1593 года Генрих опять отрекся от кальвинизма и вернулся к «старой» вере, на сей раз — окончательно. По легенде, приняв решение об очередной смене религии, он сказал знаменитую фразу: «Париж стоит мессы. Но многое указывает на то, что это крылатое выражение было приписано Генриху в последствии.

Таким образом, у католиков не осталось главной претензии к Генриху, как к претенденту на престол. Католическая Лига сопротивления не прекратила, но теперь от нее откололись многие не слишком радикальные приверженцы. В начале 1594 года в Шартре состоялась коронация, и уже в марте новоиспеченного короля-католика приветствовали на улицах города измученные непрекращающимися войнами парижане. Король вошел в город без кровопролития и так же мирно, путем переговоров добился вывода испанского гарнизона. Через некоторое время он испросил у Папы Римского Климента VIII отпущения грехов. Это выбило из рук Католической Лиги последний козырь. Но напряженность существовала еще три года, пока Генрих IV исключительно мирно, путем переговоров и подкупа не перетянул на свою сторону большинство лидеров Лиги.

Естественно, что о своих бывших товарищах по вере Генрих не забыл. В 1598 году в Нанте был издан эдикт, позже получивший название «Нантский». Согласно ему, государственной религией Франции оставался католицизм, но практически на всей территории страны объявлялась свобода вероисповедания. Также гугеноты получали право занимать государственные должности. При парламенте Парижа создавались палаты, рассматривающие дела гугенотов. В эдикте имелась и секретная часть, согласно которой гугеноты получали право на содержание армии. В их распоряжение переходило также около ста укрепленных замков и крепостей. Немного позднее в том же 1598 году Генрих смог добиться заключения мира с Испанией.

Нантский эдикт был враждебно принят многими католиками. Популярность же Генриха среди радикально настроенных гугенотов после очередной смены религии тоже сильно покачнулась. Кроме того, и с той и с другой стороны уже давно

сформировалась прослойка людей, для которых религиозные войны стали своеобразным промыслом. Но, тем не менее, король понимал, что лучший, а может быть, и единственный путь выхода Франции из кризиса — заключение прочного межконфессионального мира. Вынужденный балансировать между интересами католиков и протестантов, при жизни Генрих IV так и не стал популярным королем. Но впоследствии его политику часто использовали в качестве образчика дальновидности и государственной мудрости.

Когда речь идет о Генрихе IV, трудно не упомянуть о его приключениях на амурном фронте. Слабость Генриха по отношению к противоположному полу стала притчей во языцех и вызывала нарекания даже у французов, отнюдь не привыкших к ханжеским нравам своих королей. Сейчас трудно сказать, насколько справедливы все слухи о сексуальных похождениях Генриха, но то, что женщины играли в его жизни немаловажную роль, пожалуй, неоспоримо.

Отношения между Генрихом и Марго были достаточно теплыми. Но оказалось, что Маргарита Валуа не в состоянии произвести потомство. Это, а также обстоятельства, при которых был заключен брак, не способствовало созданию прочных семейных уз. Да и трудно назвать жизнь в браке Маргариты и Генриха семейной. Супруги лишь иногда проводили вместе какие-то промежутки времени, надолго расставаясь и в силу обстоятельств, и по собственной воле. Но неизбежный развод произошел только в 1600 году: то ли раньше было просто не до того, то ли у Генриха не было подходящей кандидатуры для нового брака. Но к новой жене короля мы вернемся несколько позднее.

Что касается любовных приключений Генриха во время вынужденного нахождения при королевском дворе после событий Варфоломеевской ночи, то непонятно, какая часть сведений о них была достоверной. Последующие сведения о похождениях Генриха во время религиозных войн также трудно разделить на достоверные и ложные. Широкую известность, однако, получила связь Генриха с графиней Дианой д’Андуен. Их переписка, относящаяся к периоду с 1582 по 1584 год, стала настоящей находкой для историков. По письмам удалось восстановить многие подробности деятельности Генриха в этот период.

Громадную роль сыграла в жизни Генриха Габриель д’Эстре. Пожалуй, эта женщина стала самым серьезным «увлечением» Генриха. Связь с ней началась в 1592 году и продолжалась на протяжении семи лет. За это время Генрих сделал свою любовницу маркизой. Отношения с Габриель д’Эстре, пожалуй,

походили на брак больше, чем отношения с Маргаритой. Кстати, только эта связь Генриха с фавориткой вызывала протест у Маргариты, которая в остальных случаях придерживалась достаточно «современных» взглядов. Любовница родила королю троих детей, что он особо ценил. В дальнейшем детей признали законными.

Также она активно участвовала в политических делах Генриха. Но новоявленной маркизе этого было недостаточно. Она стремилась к тому, чтобы стать официальной королевой. Неизвестно, как сложились бы эти отношения дальше. Вполне возможно, что Генрих и женился бы на Габриель, но в 1599 году она внезапно скончалась.

В это время финансовое положение страны было крайне тяжелым. Казна не просто истощилась во время войны и последовавших за ней мирных процессов (громадные суммы ушли на подкуп лидеров Католической Лиги). И король, и вся страна по уши находились в долгах. Одним из путей разрешения этой проблемы мог стать брак с Марией Медичи, флорентийской принцессой. Для этого необходимо было осуществить развод с Маргаритой. Сама Маргарита была согласна, но еще был необходим и какой-то повод. Не сразу, но предлог нашелся. Дело в том, что крестным отцом Генриха IV был Генрих II, отец Маргариты. Это обстоятельство было «сочтено» Папой Римским достаточным для того, чтобы Маргариту и Генриха IV признали родственниками, хотя бы духовными. На основании такого «родства» брак был признан недействительным.

Вскоре Генрих вступил в брак с Марией Медичи. Приданое, полученное при этом, смогло вывести страну из финансового кризиса. Кроме того, благодаря такому браку у Франции появились финансовые и политические интересы в Италии, а в 1601 году на свет появился Людовик, первый официальный ребенок Генриха и наследник трона. Таким образом, новый брак обещал быть прочным.

Это обстоятельство, однако, никоим образом не мешало Генриху «ходить на сторону» и, более того, заводить достаточно серьезные отношения с некоторыми фаворитками. Одной из самых примечательных фигур среди них стала Генриетта д’Антраг. Семейство девушки буквально «подсунуло» Генриетту королю. Вскоре Генрих сделал новую фавориткумаркизой. Вообще методы, которыми действовала Генриетта и ее семья, отличались прямолинейностью. У них имелся подписанный Генрихом документ, в котором король обещал жениться на Генриетте. Эта бумага служила инструментом для вымогательства и шантажа. Король вынужден был удовлетворить

ряд требований нечистого на руку семейства. Но этого Генриетте и ее алчным родственникам оказалось мало. В 1604 году они составили заговор. Целью его было настроить аристократию, которая и так не питала к королю теплых чувств, против Генриха, свергнуть его и посадить на трон, основываясь на упомянутом выше брачном обязательстве, сына Генриетты от Генриха. Заговор этот был раскрыт, но самих заговорщиков король пощадил.

Помимо изменений в статусе протестантов, Генрих провел целый ряд реформ, коснувшихся всевозможных сфер государственной деятельности. Из-за постоянных войн сельское хозяйство, основа экономики Франции, пришло в запустение. Чтобы восстановить его, Генрих отменил долги крестьян и снизил личные и имущественные налоги. При этом для пополнения казны пришлось поднять налоги на некоторые товары, например соль и вино. Кроме того, Генрих стремился развивать и поддерживать ремесленничество и внешнюю торговлю, особенно с североамериканскими колониями.

В стиле своего правления Генрих был авторитарен. Период его нахождения на троне считают началом Французского абсолютизма. Он перестал созывать Генеральные штаты. Во всех существенных делах король старался разобраться и принять решение лично. На откуп королевскому совету он отдал мелкие и не имеющие кардинального значения задачи. Принимая же решения по важным вопросам внутренней и внешней политики, Генрих IV в основном прислушивался к мнению небольшого числа приближенных. При этом он отбирал этих людей, руководствуясь не их происхождением, а только личными качествами, что по тем временам было, по меньшей мере, ново. Таким образом Генрих уменьшил роль дворянства в государственной политике, что не могло не вызвать недовольства.

Среди ближайших советников короля следует уделить внимание Сюлли, человеку, с мнением которого король считался больше, чем с чьим-либо еще. Старинный соратник Генриха по гугенотским войнам после его восшествия на престол, Сюлли получил должность министра финансов. Можно сказать, что Сюлли быстро разобрался в новом для себя деле, заменил целый ряд нерадивых и нечистых на руку чиновников и ввел много полезных новшеств. Этим он немало способствовал выходу государства из финансового кризиса. Однако многие современники и более поздние авторы часто обвиняли Сюлли, и скорее всего обоснованно, в использовании служебного положения в целях личного обогащения.

Стремясь пополнить казну, Генрих ввел закон, согласно которомучиновники могли передавать по наследству или

продавать государственные должности при условии уплаты полетты — специального налога. Дворяне же привыкли, что руководящие должности достаются им автоматически и бесплатно. Кроме того, благодаря возможности покупки должностей чиновничьи места стали доставаться так называемым «новым людям» — разбогатевшим простолюдинам, что открывало им путь в дворянское сословие. Тем самым неизбежно должны были пошатнуться позиции родовой знати. Естественно, что подобные изменения особого восторга среди аристократов не вызвали.

Таким образом, правление Генриха породило целый ряд недовольных из числа дворян и духовенства. Стали зреть заговоры. Один из первых был составлен гугенотом герцогом де Бироном и герцогом Савойским. Заговор был раскрыт, Генрих объявил Савойе войну и казнил герцога де Бирона. Кстати, возможно, из-за привитого матерью уважения к гуманным ценностям, а возможно — опасаясь мести и не желая давать поводов для новых заговоров, Генрих выносил смертные приговоры крайне осторожно и неохотно. В этом отношении казнь Бирона, скорей, исключение. Слишком вопиющим было предательство: после восшествия на престол Генрих удостоил Бирона всевозможных почестей.

Со времени победы над Католической Лигой на Генриха IV был совершен целый ряд покушений. И первое из них состоялось непосредственно на праздновании победы. Когда Генрих принимал поздравления, католик-фанатикЖан Шатель, посланный несколькими священниками-иезуитами, смог нанести ему удар кинжалом. Генриха спасла традиция: он должен был поднять с колен одного из придворных. Шатель ударил короля кинжалом как раз в тот момент, когда тот наклонился. Из-за этого удар пришелся по зубам, а не в грудь или живот. Генрих отделался потерей зуба.

В дальнейшем Генрих успешно избежал опасности еще нескольких заговоров и покушений.

В последние годы своего правления Генрих вел подготовку к войне с Австрией — союзницей Испании. С этой целью он вступил в союз с протестантами Германии. Также была проведена реформа французской армии. 13 мая 1610 года состоялась коронация Марии Медичи в качестве регентши. Она должна была управлять государством во время отсутствия короля — Генрих собирался лично возглавить французские войска в предстоящей войне. Но его планам так и не суждено было сбыться.

14 мая 1610 года Генрих IV выехал из Лувра с целью навестить захворавшего Сюлли. День был солнечный, и король

ехал в открытой коляске. На улице Ла Ферронри дорогу королевскому экипажу преградила пробка из повозок и телег. После того как коляска остановилась, к ней подскочил убийца и нанес королю три удара кинжалом в грудь.

Убийца, чиновник из Ангулема Франсуа Равальяк, утверждал, что сообщников у него не было и действовал он самостоятельно и по собственным убеждениям. Трудно сказать, так ли это на самом деле. Очень многим политическим и религиозным деятелям и группировкам была выгодна смерть Генриха IV. Подозрение вызывает и так «удачно» появившийся на улице Ла Ферронри затор, без которого Равальяк не имел бы никаких шансов добраться до короля. Но с другой стороны, у многих рядовых французов, особенно ортодоксальных католиков, сама фигура короля — бывшего протестанта, ранее неоднократно возвращавшегося к гугенотской «ереси», и его политика вызывали недовольство. Поэтому Равальяк действительно мог быть фанатиком-одиночкой. Есть сведения, что еще после принятия в 1598 году Нантского эдикта, узаконивавшего протестантизм, Равальяк пытался попасть на прием к королю, чтобы убедить отменить эдикт. Вполне естественно, что аудиенции он удостоен не был. Тогда Равальяк очень тщательно подготовил орудие убийства и долгое время искал возможность приблизиться к своему несостоявшемуся оппоненту по религиозной дискуссии.

В ЖЕРТВУ ИДЕЕ. МАРАТ ЖАН ПОЛЬ (1743–1793)

Деятель Великой Французской революции. Один из лидеров якобинцев. С1789 издавал газету «Друг народа». Вместе с Робеспьером руководил подготовкой восстания 31 мая — 2 июня 1793, отнявшего власть у жирондистов. Убит Шарлоттой Корде, дворянкой по происхождению, разделявшей взгляды жирондистов.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

А.С. Пушкин. «Кинжал»

80-е годы XVIII века во Франции были неспокойными. Конечно, политическая жизнь этой страны всегда отличалась обилием событий, но сейчас это было волнение некоего нового типа. Страна находилась на грани банкротства. Казна была должна крупным буржуа громадные суммы. Виной тому были неурожаи последних лет, торгово-промышленный кризис, противоречия между капиталистическим способом производства и феодальным строем. Причиной этих противоречий были древние родовые привилегии знати. Со стороны королевского правительства предпринимались попытки пересмотреть межсословные взаимоотношения, но они ни к чему не привели. Волнение росло.

Король Людовик XVI был вынужден пойти на чрезвычайные меры. 5 мая 1789 года были созваны Генеральные штаты, которые до этого не собирались более 170 лет. Но вместо того чтобы

обсуждать отдельные проблемы государства, 17 июня депутаты провозгласили себя Национальным собранием. Королевскому указу о роспуске Генеральных штатов Национальное собрание подчиниться отказалось.

9 июля депутаты приняли решение называть собрание Учредительным и начали работать над созданием конституционных основ государства. 14 июля 1789 года на угрозы разогнать Учредительное собрание парижане ответили восстанием. В этот день была штурмом взята Бастилия. Так началась Великая Французская революция, длившаяся около десяти лет и называемая «крупнейшим социальным переворотом нового времени».

Некоторое время Франция пыталась идти по пути конституционной монархии. Создавались выборные органы местного управления, была собрана национальная гвардия. Между тем в сельских областях начались крестьянские восстания.

4 августа Учредительное собрание объявило о «полном» уничтожении феодального порядка, но для выхода из феодальной зависимости крестьянам нужно было внести выкуп, сумма которого для большинства была непосильна. 26 августа собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина». После этого до сентября 1791 года депутаты работали над составлением конституции. Параллельно было осуществлено немало административных и финансовых реформ.

Формально Людовик XVI оставался на троне. Но фактически его положение было положением заложника. 21 июня 1791 года король попытался бежать вместе с семьей в Нидерланды, но был опознан, задержан и возвращен в Париж. Между тем волнения не утихали. 17 июля на Марсовом поле состоялась демонстрация, требовавшая отречения короля. Она была разогнана с применением огнестрельного оружия. Учредительное собрание попыталось спасти идею конституционной монархии. Оно подало на подписание Людовику принятую конституцию, после чего, выполнив свои функции, было распущено.

Первые два года у власти находились представители крупной буржуазии и либерально настроенного дворянства. Но за это время в стране сформировалось немало политических группировок. Одной из самых весомых из них стал Якобинский клуб, названный так по месту заседания в бывшем монастыре доминиканцев (во Франции их называли якобинцами). Через сеть филиалов во всех уголках страны якобинцы поддерживали в народе революционные настроения. В октябре 1792 года от якобинцев отделились так называемые жирондисты. Эта группа получила свое название от департамента Жиронда, откуда

происходили многие ее члены.

На смену Учредительному собранию пришло Законодательное. В нем главенствующую позицию заняли радикально настроенные жирондисты. Жирондисты приняли законы, избавившие крестьян от выкупа феодальных прав, боролись за отделение церкви от государства. 20 апреля Людовик XVI по инициативе жирондистов объявил войну Австрии, на сторону которой скоро стала союзная ей Пруссия. Неудачное начало этой войны, инфляция, разруха, рост цен — все это вызывало новые волнения. 10 августа опять вспыхнуло восстание, возглавленное Парижской коммуной — революционным органом парижского самоуправления. Результатом этого восстания стало свержение монархии. Людовик и его семья были арестованы. 21 сентября Законодательное собрание провозгласило Францию республикой. Одновременно вся власть была передана Конвенту. Людовик превратился в рядового гражданина. Позже (21 января 1793) он был казнен по обвинению в «заговоре против свободы нации и покушении на национальную безопасность». Основанием стали найденная ранее переписка короля с эмигрантами-контрреволюционерами, Австрией, Пруссией.

Конвент фактически состоял из депутатов трех типов: жирондисты, монтаньяры и «болото». Лево настроенная группа монтаньяров (Гора) в основном состояла из якобинцев. Такое название она получила еще в Учредительном собрании: монтаньяры располагались на самых верхних местах. До весны 1793 года главенствующее положение занимали жирондисты. Но новый призыв в армию в феврале 1793 года вызвал крестьянские восстания. Страна не могла выйти из экономического кризиса, в марте генерал Дюмурье, ставленник жирондистов, потерпел поражение в битве при Неервиндене и перешел на сторону австрийцев. Это окончательно подорвало престиж партии. 31 мая — 2 июня в Париже вспыхнуло очередное восстание, в результате которого жирондисты были изгнаны, а к власти пришли якобинцы во главе с Робеспьером.

Придя к власти, якобинцы пошли по пути террора. Власть почти полностью сосредоточилась в руках двух комитетов Конвента: Комитета общественной безопасности и Комитета общественного спасения. Фактически была установлена диктатура. Все стороны общественной и личной жизни французов подвергались жесткой регламентации. Полетели головы. Гильотины работали не переставая. Жертвами якобинского террора становились не только сторонники старых порядков, но и многие революционеры, чье мнение расходилось с точкой зрения якобинцев.

Дальнейшие события Великой Французской революции сейчас нас интересовать не будут. 13 июля 1793 года Жан Поль Марат был убит. Какую же роль сыграл этот человек в описанных событиях?

Жан Поль Марат родился 24 мая 1743 года в небольшом швейцарском городке Будри. За три года до рождения Жана Поля его родители, сменив католическое вероисповедание на кальвинизм, поселились в Будри. Отец Марата был человеком образованным. Он был художником, но ранее сменил еще несколько занятий (врач, преподаватель иностранных языков). Он смог дать детям достойное образование.

Марат избрал профессию врача. Образование он получал в Тулузе, Бордо, Париже, в Голландии и Англии. В Англии же Жан Поль увлекся философией и политикой. Его перу принадлежат произведения «Философский опыт человека» и антимонархический трактат «Цепи рабства». Сам Вольтер был знаком с этими работами Марата, правда, отзывался о них не лучшим образом. Позже Марат, помимо медицинской практики, занимался физическими экспериментами, в основном в области оптики. В своих работах Марат проявлял чрезмерную самоуверенность и презрение к существующим авторитетам. Авторитеты, да и весь научный мир, платили ему той же монетой. В результате Марат разочаровался в перспективах научной карьеры в Англии. В 1776 году он едет во Францию.

На «исторической родине» Марат получает должность врача гвардейцев графа д'Артуа (будущего короля Карла X). Но занятие медициной не принесло ни славы, ни приличных доходов. Попытки продолжить научные изыскания тоже были безуспешными. Жан Поль также пытается сделать политическую карьеру. В 1777 году он принимает участие в конкурсе на лучший проект реформы уголовного права. В 1782 публикует «План уголовного законодательства». Эти работы тоже не принесли Марату желанной известности и карьерного роста.

С началом Великой Французской революции Марат решает сменить теоретические изыскания в области политики на практическую деятельность. С сентября 1789 года он начинает выпуск ставшей впоследствии знаменитой газеты «Друг народа». С этого времени и до конца жизни газета стала основным делом его жизни. Можно сказать, что в своей деятельности Марат избрал столь популярный в наше время путь скандальной известности. На страницах своей газеты он бесстрашно разоблачал врагов революции, не особенно заботясь о справедливости тех или иных обвинений. Кроме того, он призывал народ к решительным насильственным действиям.

Благодаря подобной позиции Марат очень быстро заработал громкую популярность среди простолюдинов и нажил себе большое количество врагов самых разных политических убеждений. Много раз ему приходилось прекращать выпуск газеты и скрываться. После расстрела антимонархической манифестации 17 июля 1791 года «Другу народа» (так теперь зачастую называли самого Марата) даже пришлось бежать в Англию.

Выпуск газеты был возобновлен в апреле 1792 года. После первых неудач военной кампании против Австрии и Пруссии, голос «Друга народа», призывавший к резким и жестоким мерам против врагов революции, стал пользоваться еще большей популярностью. Во многом благодаря пропаганде Марата, в сентябре 1792 года произошли массовые избиения политических заключенных в тюрьмах Парижа. Таким образом, можно сказать, что Марат стал предтечей будущего якобинского террора и одним из основных его идеологов.

Марат был избран депутатом только что созданного Конвента. Он примкнул к монтаньярам. Даже среди крайне левых товарищей по группировке он выглядел радикалом. Он произносил неистовые речи, в которых обличал «врагов революции», требовал казни Людовика, проклинал предателя революции генерала Дюмурье и его бывших покровителей жирондистов. После того как Марат подписал воззвание об истреблении жирондистов, последние добились того, что «Друг народа» был привлечен к суду. Обвиняли его в раздувании вражды между депутатами Конвента, подстрекательствах к убийствам и мятежу. Суд над Маратом стал его триумфом. 24 апреля 1793 года он был оправдан революционным трибуналом и в сопровождении толпы восторженных почитателей вернулся в Конвент. В восстании, начавшемся 31 мая, и свержении жирондистов Марат сыграл роль, пожалуй, сравнимую с ролью Робеспьера.

Жирондисты были вынуждены покинуть Париж, жители которого, во многом благодаря деятельности «Друга народа», были настроены против них. Но в провинции жирондисты могли рассчитывать на поддержку самых разнообразных слоев населения. Там они стали собираться в группы и готовить мятеж против якобинцев. Группы жирондистов собирались во многих французских городах. Была такая группа и в Кане. Скорее всего, именно она и стала косвенной причиной смерти Марата.

В Кане проживала 24-летняя Шарлотта Корде. Женщина эта принадлежала к древнему, но обедневшему дворянскому роду, была правнучатой племянницей знаменитого драматурга Пьера

Корнеля. Она получила прекрасное образование, много читала, увлекалась философией. После событий 1789 года мнения в ее семье разделились. Два брата эмигрировали и присоединились к армии роялистов. Но Шарлотта отличалась независимостью своих суждений и не одобряла выбор братьев. Ее симпатии завоевали жирондисты, со многими видными представителями которых она была знакома лично. Когда после восстания в Париже некоторые лидеры жирондистов прибыли в Кан, их рассказы произвели на Шарлотту неизгладимое впечатление. В это время в Париже Марат призывал народ к истреблению жирондистов. Шарлотта Корде решила спасти их от преследований «Друга народа». Она отправилась в Париж.

В столицу Шарлотта прибыла 11 июля 1793 года. Она остановилась в гостинице и весь следующий день провела за чтением. Утром 13 июля Шарлотта купила нож и отправилась на квартиру к Марату. В первый раз ее не пустила привратница, сказав, что Марат болен и не принимает посетителей. Марат был действительно очень болен. Его мучила какая-то кожная болезнь. Исследователи не могут однозначно ответить на вопрос, какую природу имело это заболевание. Одни считают, что это была экзема психогенного происхождения, другие — что Марат страдал от какого-то лишая. В любом случае, болезнь была очень тяжелой. Последние недели Жан Поль старался как можно больше времени проводить в ванне. Только она избавляла его от мучительного зуда.

Не попав к Марату, Шарлотта отправила ему письмо следующего содержания:

«Гражданин, я приехала из Кана. Ваша любовь к отечеству заставляет меня предположить, что вы с интересом узнаете о несчастных событиях в этой части республики. Я приду к вам около часа. Будьте добры, примите меня и уделите мне минуту для беседы. Я предоставлю вам возможность оказать большую услугу отечеству.

Шарлотта Корде».

Вечером Шарлотта пришла вновь. Марат сидел в ванне и просматривал корректуру очередного номера «Друга народа». Привратница опять не пускала Шарлотту, и тогда она стала нарочито громко говорить: «Как неприятно! Как отвратительно, что я не буду принята!», и так же громко поинтересовалась, получил ли Марат ее письмо. «Друг народа» услышал голоса на лестнице и попросил Симонну Эврар — женщину, с которой он состоял в гражданском браке, пригласить посетительницу войти.

Шарлотта Корде вошла в комнату, где в ванной, накрытой простыней, лежал Марат. Беседа их длилась около десяти минут.

Позже, во время следствия, Шарлотта Корде не пересказывала все ее содержание, а рассказала только о кульминационном моменте. Вот ее показания:

«Он спросил меня о характере волнений в Кане. Я ответила ему, что восемнадцать депутатов Конвента правят там в согласии с департаментом; что все мобилизуются для освобождения Парижа от анархистов; что четыре члена департамента повели часть армии в Эвре. Он записал фамилии депутатов, находящихся в Кане, и четырех должностных лиц департамента Кальвадос».

Следователи спросили, что сказал Марат относительно названных ею людей. Шарлотта ответила:

«Он сказал, что в скором времени заставит всех их гильотинировать в Париже… Это были его последние слова. В тот момент я его убила».

Шарлотта Корде все рассчитала точно. Марат держал в руках письменные принадлежности, с помощью которых записывал названные ею фамилии. Естественно, что на посетительницу он в это время не смотрел. Она выхватила нож и ударила свою жертву в грудь. Нож вошел в тело Марата чуть ниже правой ключицы, пробил легкое и дошел до сердца. Марат только успел крикнуть: «Ко мне, мой друг! Ко мне!» и потерял сознание. Через пять минут «Друга народа» не стало. Шарлотта Корде была задержана на месте преступления. Бежать она даже не пыталась.

В тюрьму убийцу удалось доставить с большим трудом: собравшаяся у дома Марата толпа горела желанием устроить самосуд. Как оказалось, Шарлотта была готова и к тому, что ее снова не пустят к намеченной жертве. Перед тем, как второй раз идти к Марату, она заготовила письмо следующего содержания:

«Я послала вам, Марат, письмо сегодня утром. Получили ли вы его? Я не верю этому, так как меня не пустили к вам. Я надеюсь, что завтра вы примете меня. Я повторяю вам, что прибыла из Кана. Я должна открыть вам тайны, чрезвычайно важные для спасения республики. Кроме того, меня преследуют за дело свободы. Я несчастна, и этого достаточно, чтобы я имела право на вашу защиту».

Но и к «благоприятному» исходу своего предприятия Шарлотта тоже была готова. При ней было обнаружено еще одно, написанное заранее, письмо — «Обращение к французам, друзьям законов и мира»:

«О моя родина! Твои несчастья разрывают мне сердце. Я могу отдать тебе только свою жизнь и благодарю Небо за то, что свободна располагать ею».

О мотивах своего поступка Корде говорила следующее: «Это он устроил сентябрьские убийства, он поддерживал огонь

гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором, он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая арестовать и заключить в тюрьму депутатов Конвента». Кроме того, она утверждала, что «убила одного человека для спасения ста тысяч других».

Конечно, следователи подозревали, что у преступницы были сообщники:

— Столь жестокий поступок не мог быть совершен женщиной вашего возраста без чьего-либо подстрекательства.

— Я никому не говорила о своем замысле. Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов.

Большинство исследователей склонны верить этому заявлению и считают Корде убийцей-одиночкой.

Суд приговорил Шарлотту Корде к смертной казни. 17 июля 1793 года приговор был приведен в исполнение. На эшафот женщину вывели в алом платье — одежде, в которой было принято казнить отцеубийц. До самого конца она сохранила самообладание. После того как равнодушная к человеческим страстям гильотина сделала свое дело, палач поднял отрубленную голову и на глазах у толпы нанес ей пощечину. Согласно некоторым источникам, по толпе прокатился одобрительный гул, в других реакция толпы охарактеризована как ропот возмущения.

14 июля Конвент постановил в полном составе присутствовать на похоронах Марата. Такое же решение принял клуб Якобинцев. Еще до того, как войти в клуб Якобинцев, Марат стал членом клуба Кордельеров — «Общества прав человека и гражданина». Свое название этот клуб получил по месту заседаний в бывшем монастыре кордельеров, так во Франции называли францисканцев. Тело Марата было выставлено в церкви Кордельеров. «Дизайнером» траурной обстановки стал художник Давид. В церкви была сооружена сорокафутовая эстрада. На ней стояло траурное ложе, а рядом — ванна, в которой Марат работал последнее время. Тело было обнажено по пояс, чтобы зрители могли видеть рану. Церемония прощания народа с его «Другом» длилась два дня.

Вечером 16 июля началась погребальная церемония. За гробом, как и было постановлено, шли в полном составе депутаты Конвента, за ним клуб Якобинцев и клуб Кордельеров. Процессия сделала круг по Парижу и вернулась к саду Кордельеров, где уже ближе к ночи состоялось погребение. Марата похоронили в гранитном гроте. Наверху временно установили урну с его сердцем. Позже она была передана в «Общество прав человека и

гражданина». Сбоку была сделана надпись: «Здесь покоится Марат, Друг народа, убитый 13 июля 1793 года врагами народа».

Память Марата попытались увековечить примерно таким же способом, как после 1924 года увековечивали память Ленина. В честь него переименовывали улицы, площади, клубы (клуб Кордельеров) и даже около сорока провинциальных городов. Ванна, в которой лежал Марат во время убийства, была вмонтирована в его памятник. Но безусловно бессмертный памятник Марату создал художник Давид. Кработе над своей знаменитой картиной «Смерть Марата» он приступил уже через два часа после смерти «Друга народа». Давид был сторонником и другом Марата. Поэтому его полотно, при всех художественных достоинствах, отличается некоторой тенденциозностью. Например, на нем можно рассмотреть две бумаги. Одна только что написана Маратом: «Вы передадите эту пятифранковую ассигнацию матери пятерых детей, муж которой умер, защищая отечество». На второй, которую Марат держит в руках, — цитата из письма Шарлотты Корде: «13 июля 1793 года Анна-Мари Корде гражданину Марату. Достаточно того, что я несчастна, чтобы иметь право на Вашу благожелательность». Давид специально выбрал цитату из второго, не врученного письма, чтобы подчеркнуть великодушие Марата и вероломство преступницы.

Сейчас личность и деятельность Марата оценивают по-разному, кто-то считает его пламенным патриотом и борцом, отдавшим свою жизнь за свободу. Кто-то — жестоким чудовищем, обрекшим на смерть сотни людей. Мнения о Шарлотте Корде тоже неоднозначны: от легко внушаемой фанатички до героини, избавившей свою родину от тирана. Вот что писал о себе самом Марат примерно за полгода до смерти:

«…С ранних лет меня пожирала любовь к славе, страсть, в различные периоды моей жизни менявшая цель, но ни на минуту меня не покидавшая. В пять лет я хотел стать школьным учителем, в пятнадцать лет — профессором, писателем — в восемнадцать, творческим гением — в двадцать, тогда как сейчас я жажду славы принести себя в жертву отечеству. Я хорошо знаю, что мои произведения не созданы для успокоения врагов отечества: мошенники и изменники ничего так не боятся, как разоблачения. Поэтому число злодеев, поклявшихся погубить меня, огромно. Вынужденные скрывать свою вражду, свою низкую мстительность, жажду моей крови под покровом любви к человечеству, уважения к законам, они с утра до вечера извергают против меня тысячу жалких и отвратительных небылиц. Из них единственная обманувшая некоторых и беспрестанно ими распространяемая состоит в том, что я —

сумасброд, желчный безумец, кровожадное чудовище или подкупленный злодей. Они считают преступлением, что я потребовал голов изменников и заговорщиков. Но требовал ли я когда-либо народной расправы для этих злодеев до того, как они стали безнаказанно выражать презрение к мечу правосудия, а законодатели занялись обеспечением их безнаказанности? И затем, так ли уж велико преступление потребовать пятьсот преступных голов, чтобы сохранить пятьсот тысяч невинных? Уже самый расчет не свидетельствует ли о мудрости и человечности?»

Удивительно, насколько арифметические доводы Марата напоминают математику Шарлотты Корде, утверждавшей, что «убила одного человека для спасения ста тысяч других».

НАЧАЛО КАТАСТРОФЫ. ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД (1863–1914)

Австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца-Иосифа I, наследник престола. Один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины. Убит членами организации «Молодая Босния». Его убийство стало причиной нападения Австро-Венгрии на Сербию и, тем самым, развязало Первую мировую войну.

«Миру, вероятно, никогда не будет сказано все о подлинной стороне убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда. Судя по всему, мы никогда не будем иметь ни одного человека, который знал бы все, что надо было бы знать». Так сказал сэр Эдуард Грей — министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 годах.

Историки до сих пор спорят об истинных причинах начала Первой мировой войны. Мнения высказываются самые разные. Некоторые считают, что к 1914 году война назрела и необходим был только детонатор, который приведет к взрыву. Другие считают, что война должна была состояться на несколько лет позже. Часть историков придерживаются того мнения, что войны можно было избежать. Наконец, даже существует точка зрения, согласно которой Первая мировая война началась случайно. Разную роль отводят и убийству эрцгерцога Фердинанда: от случайности, приведшей к неизбежному, до непосредственной причины катастрофы. В любом случае, случайно или закономерно это убийство, именно его последствия вовлекли мир в самую страшную из всех происходивших до этого войн.

Поскольку убийство эрцгерцога Фердинанда было политическим, мы начнем эту главу с краткого описания ситуации на Балканах, предшествующей этому событию. Сразу нужно оговориться, что существуют различные, в том числе и диаметрально противоположные мнения об участниках описываемых в дальнейшем событий. Согласно официальной советской истории: Австро-Венгрия — «тюрьма народов», Франц-Фердинанд — захватчик, а Таврило Принцип — борец за свободу и национальный герой Боснии. Такого же мнения в основном придерживались и югославские историки. Существуют более нейтральные суждения. В них речь идет о борьбе между двумя государствами за спорную территорию. Наконец есть точка зрения, в рамках которой Франц-Фердинанд рассматривается как мудрый и стремящийся к миру политик, а его убийцы — марионетки в руках Сербских спецслужб, старавшихся расшатать и без того балансирующую на грани войны Европу. Не являясь

специалистами в данном вопросе, мы будем стремиться к беспристрастному изложению фактов.

Сараево — столица Боснии и Герцеговины. В VI–VII веках территорию Сербии, Боснии и Герцеговины заселили славяне. В XII веке появилось Боснийское княжество, а в XIV — королевство, включающее и Герцеговину. С середины пятнадцатого Босния и Герцеговина вошли в состав Османской империи. 400 лет не прошли даром. Большая часть населения приняла ислам. В 1875 году в Боснии и Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание, которое поддержали многие европейские страны. В 1878 году Босния и Герцеговина ненадолго получили независимость. Но состоявшийся в этом же году Берлинский конгресс решил: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгриею». Формально Босния и Герцеговина продолжали принадлежать Турции. В 1908 году Австро-Венгрия воспользовалась ослаблением позиций России после русско-японской войны и аннексировала Боснию и Герцеговину.

В XII веке Сербия превратилась в довольно крупное государство. После поражения сербских и боснийских войск в битве на Косовом поле (в 1389 году) — вошла в состав Османской империи. Первое сербское восстание (1804–1813) поначалу достигло успеха: восставших поддержала Россия. После завершения Русско-турецкой войны 1806–1812 годов Сербия получила право на внутреннее самоуправление. Но уже в 1813 году Турция напала на Сербию и власть в стране снова перешла к туркам. В результате второго сербского восстания (в 1815 году) Сербия получила частичную внутреннюю автономию. В 1830-33 годах, опять же при содействии России, Сербия стала автономным княжеством, а после Берлинского конгресса (1878 год) — самостоятельным государством.

Впрочем, страной продолжал править князь, а после 1882 года король, Милан Обренович (династия Обреновичей управляла Сербией и при турках). В 1889 году из-за многочисленных скандалов, связанных с растратой государственной казны, он был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Александра. Но мало что изменилось. Государственные деньги продолжали тратиться в основном на удовлетворение нужд короля, его жены, королевы Драги, и ее многочисленных родственников. В период с 1878 по 1903 год Сербия, не без участия Обреновичей, постепенно попала в серьезную финансовую зависимость от Австро-Венгрии. В 1903 году в Белграде произошел дворцовый переворот, в результате которого Александр (последний из Обреновичей) и Драга были жестоко убиты. На престол взошел Петр Карагеоргиевич. Для Австро-Венгрии такие перемены были не

очень выгодны: лакомый кусочек выпадал прямо изо рта. Но ничего не поделаешь, Сербию с Карагеоргиевичем во главе поддерживали Россия и Франция.

Теперь власть в стране принадлежала бывшим заговорщикам, военной элите Сербии, приведшей Карагеоргиевичей на трон. Эта группа, под эгидой идей объединения славянских народов, стремилась к расширению территории государства. В частности они имели виды на территорию Боснии и Герцеговины. Во главе бывших заговорщиков стоял руководитель военной разведки Сербии Драгутин Дмитриевич, известный еще под псевдонимом Апис. Первая мировая война могла разгореться и в 1908 году, когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. В Сербии была объявлена мобилизация. Но Россия дала согласие Австро-Венгрии на аннексию. А самостоятельно Сербия, естественно, не могла противостоять могучей империи. Однако амбиции правящих кругов Сербии не ослабевали. Их целью было создание на основе Сербии единого государства южных славян. Была организована целая сеть тайных обществ, так или иначе связанных с «Черной рукой» — законспирированной террористической организацией, во главе которой стоял все тот же Драгутин Дмитриевич. Дмитриевич и его соратники не оставляли надежд на присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины.

В 1912–1913 годах состоялись две балканские войны. Первая — между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. В ее результате Турция потеряла почти все свои европейские владения. Во второй войне между собой схлестнулись победители первой. Мирно поделить вышедшие из-под контроля Турции земли не удалось. Во второй войне Болгария воевала против Греции, Сербии и Черногории, к которым позже присоединились Румыния и, как это ни странно, Турция. К Сербии в результате этой войны отошли территории Северной Македонии.

Франц-Фердинанд-Карл-Луис-Мария Габсбург-Лотарингский д'Эсте родился в 1863 году. Он был сыном эрцгерцога Карла-Людвига — младшего брата Франца-Иосифа, императора Австро-Венгрии. В молодости служил в армии. Затем много путешествовал. В 1889 году его кузен, сын Франца-Иосифа, покончил с собой. Формальным наследником австро-венгерского престола стал Карл-Людвиг, но было понятно, что он вряд ли переживет своего правящего брата. И действительно: в 1896 году отец Франца-Фердинанда скончался, сделав тем самым сына наследником престола. В 1898 годуФранц-Фердинанд был назначен заместителем главнокомандующего австрийской армии.

Главнокомандующим был сам император. В 1900 году, вопреки возражениям Франца-Иосифа, Фердинанд сочетался морганатическим браком с графиней Софией Хотек, которую страстно любил. Так как София Хотек не принадлежала ни к какой из королевских династий, брак был заключен на том условии, что дети супругов не смогут претендовать на престол.

В 1908 году Франц-Фердинанд, к тому времени значительная политическая фигура, стал одним из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины. Одной из основных политических идей Франца-Фердинанда было создание триединого австро-венгро-южнославянского государства. Планы эти можно рассматривать по-разному. С одной стороны, подобный проект выглядел как попытка захвата новых земель. Но приводят и иные мотивы. Франц-Фердинанд считал, что в правящих кругах Австро-Венгрии слишком большую роль играло венгерское дворянство. Создание триединого государства должно было ограничить его политический вес. Кроме того, славянские народы были серьезной центробежной силой империи. Образование третьей, славянской, части государства, входящей в империю на равных с Австрией и Венгрией, могло предотвратить развал страны. Интересно, что при этом Франц-Фердинанд резко возражал против развязывания войны с Сербией. Он не без основания опасался вмешательства поддерживающей «братьев славян» России.

Теперь несколько слов об убийцах. В 1912 годув Сараево образовалась организация «Молодая Босния». В организацию входили сторонники выхода Боснии и Герцеговины из состава Австро-Венгрии и объединения ее с Сербией.

Эта организация имела тесные связи, а по многим источникам, даже находилась под руководством упоминавшейся ранее «Черной руки». Участники будущего убийства студенты Гаврило Принцип, Неделько Габринович, Трифко Грабеца и некоторые другие были членами «Молодой Боснии». Зная заранее о визите эрцгерцога в Сараево, они составили план покушения.

Гаврило Принцип, Трифко Грабец и Неделько Габринович поехали в Сербию. Там под руководством Дмитриевича они прошли специальную подготовку: их обучали стрельбе, способам прорыва через линию охраны, метанию бомб. Затем заговорщики получили оружие (бомбы, гранаты и пистолеты) и яд, чтобы покончить с собой в случае поимки. Ночью с 1-го на 2 июня 1914 года они перешли границу с Боснией. Здесь их ждали сообщники: молодой преподаватель Данил о Илич и студент Цветко Попович.

25 июня в Боснии начинались военные маневры, на которых должен был присутствовать Франц-Фердинанд. Сроки маневров и

день визита были выбраны достаточно странно. 28 июня — в день битвы на Косовом поле появление в Сараево наследника австрийского престола могло вызвать недовольство сторонников независимости и просербски настроенной части населения. Более того, информация о готовившемся покушении дошла до сербского посла в Вене Иовановича, и он предупреждал об этом представителей австрийских властей, но Франц-Фердинанд от поездки не отказался.

25 июня на военном корабле Франц-Фердинанд вместе с женой Софией прибыл в боснийский город Илиджа. Эрцгерцог должен был присутствовать на военных маневрах австрийской армии. Также есть сведения, что 25 июня вместе с Софией Фердинанд инкогнито посетил Сараево. На улицах супругов часто узнавали, так как портретами эрцгерцога накануне визита в Сараево пестрели все газеты. Жители города вроде бы радушно принимали высоких гостей и не выражали враждебности.

Маневры прошли благополучно. 28 июня должна была состояться официальная часть визита: проезд эрцгерцога по Сараево, посещение мэрии, музея и арсенала. Облегчало задачу заговорщиков то, что маршрут движения кортежа был опубликован в газетах заранее.

Утром 28 июня эрцгерцог Франц-Фердинанд и София побывали на утренней мессе. Затем кортеж из четырех автомобилей медленно двинулся по набережной Аппель реки Милячка. Встреча была торжественной. Вдоль улицы стояли толпы проавстрийски настроенных жителей города и просто любопытных. Несмотря на предупреждения, австрийцы уделили охране мало внимания: солдат на улицах не было. За порядком следили только полицейские, да и тех было не много, всего 150 человек. По настоянию эрцгерцога верх машины был открыт, для того чтобы он мог отвечать на приветствие встречающих. Машина эрцгерцога ехала в кортеже второй.

Заговорщики распределились таким образом: на первом по пути следования кортежа мосту Цумурья занял позицию Неделько Габринович, остальные участники покушения (не меньше шести человек) расположились вдоль дальнейшего пути следования эрцгерцога и были готовы завершить начатое, если Габриновичу удача не улыбнется.

Когда кортеж подъехал к мосту — Неделько Габринович обратился к стоявшему рядом полицейскому с просьбой показать автомобиль эрцгерцога. Пока полицейский отвечал на вопрос «любопытного молодого человека», тот бросил в машину бомбу. От первого в этот день покушения эрцгерцога спас шофер. Он успел нажать на педаль газа, бомба отскочила от брезентового

верха автомобиля и взорвалась под колесами следующей машины. Правда, по свидетельствам некоторых очевидцев, эрцгерцог сам отбил рукой летящую бомбу. «Мне всегда казалось, что может произойти нечто подобное», — спокойно произнес Франц-Фердинанд. Взрыв был сильным. В окнах близлежащих домов посыпались стекла. Кроме того, бомба была начинена проволокой и гвоздями. В результате взрыва были ранены два офицера и около двадцати человек из толпы. Софии Хотек слегка оцарапало шею. Габринович прыгнул с моста в реку, но его вытащили и арестовали. Эрцгерцог приказал остановиться, распорядился, чтобы раненым оказали первую помощь, после чего кортеж продолжил путь.

Без дальнейших происшествий эрцгерцог прибыл в мэрию. Мэр Сараево Фехим Чурчич, еще не знавший о случившемся, обратился к Францу-Фердинанду с приветственной речью, но эрцгерцог резко прервал его: «Господин мэр, к чему ваши речи?! Я прибыл в Сараево с дружественным визитом, а в меня кто-то бросил бомбу. Это возмутительно!»

Казалось бы, шансов осуществить задуманное у заговорщиков почти не оставалось. Было понятно, что теперь бдительность охраны усилится и эрцгерцог больше не станет медленно разъезжать по городу, приветствуя его жителей. Но судьба решила иначе. Уже отчаявшись добиться успеха, Таврило Принцип зашел в магазин «Мориц Шиллер деликатессен», на углу набережной и улицы Франца-Иосифа.

Маршрут дальнейшего движения кортежа действительно был изменен. После приема в мэрии Франц-Фердинанд и София Хотек решили ехать в больницу, чтобы навестить раненого. Если несколькими часами раньше бдительность водителя спасла эрцгерцогу жизнь, то теперь все произошло с точностью до наоборот. Кортеж на большой скорости, чтобы избежать нового покушения, ехал по набережной Аппель. Но водитель переднего автомобиля, придерживаясь старого плана визита, свернул на улицу Франца-Иосифа. За ним повернул и автомобиль эрцгерцога. Находящийся в автомобиле вместе с Францем-Фердинандом и Софией боснийский губернатор генерал Оскар Потиорек закричал: «Что ты делаешь? Мы же хотели ехать по набережной. Разворачивайся!» Водитель остановился и дал задний ход. Буквально случайно в пяти метрах от автомобиля оказался Таврило Принцип.

Принцип понял, что бросить находившуюся при нем бомбу он не успеет. Тут и пригодились занятия стрельбой. Вот что рассказывала о дальнейших событиях одна из свидетельниц: «В нескольких шагах от нас юноша в темной одежде вынул из

кармана револьвер и начал стрелять в направлении автомобиля. Наступило общее замешательство, люди с криками побежали в разные стороны. Никогда не забуду все увеличивавшегося кровавого пятна на белом платье жены эрцгерцога». Одна пуля попала в шею эрцгерцогу, пробила артерию и застряла в позвоночнике. Еще одна, правда, поразила Софию Хотек, что вряд ли входило в замыслы заговорщиков. Есть мнение, что Принцип пытался попасть в генерала Потиорека. Эрцгерцог еще успел обратиться к жене со словами: «София, София, не умирай. Останься жить ради наших детей». На, казалось бы, неуместный вопрос генерала Потиорека: «Не больно ли ему», Фердинанд ответил: «Это чепуха». Супруги скончались через несколько минут по дороге в больницу. Охранники схватили Принципа и повалили на землю. Проглотить яд или застрелиться он не успел. Заговорщику нанесли несколько ударов, в том числе и сабельных. Позже уже в тюрьме ему ампутировали руку.

Суд над заговорщиками состоялся 28 октября 1914 года. К суду было привлечено более двадцати человек. На суде заговорщики принесли свои извинения детям Франца-Фердинанда и Софии Хотек, которых оставили сиротами. Признанный судом организатором покушения Данило Илич был осужден на смертную казнь. Таврило Принцип, Неделько Габринович и Трифко Грабец, как несовершеннолетние (Принципу было 19, а двоим другим — по 18 лет), приговорены к двадцати годам каторжных работ. Цветко Попович — к тридцати годам тюрьмы. Кроме последнего, все заговорщики умерли в тюрьме от туберкулеза и постоянного недоедания. Габринович и Грабец — через два года. Принцип — через четыре.

Пару слов необходимо сказать о последовавших после убийства событиях. Известие об убийстве было встречено мощными антисербскими манифестациями проавстрийски настроенной части населения Сараево. Дело дошло до погромов и грабежа сербских магазинов, школ и даже церквей. 4 июля Франц-Фердинанд и София Хотек были торжественно похоронены в Вене. Для австрийских властей было очевидно, что в организации убийства участвовали сербы. Но война разгорелась не сразу. 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум. Из десяти пунктов этого ультиматума два были абсолютно не приемлемы для Сербии: проведение австрийскими властями расследования на территории Сербии и введение ограниченного контингента войск на ее территорию. 24 июля Россия приняла решение о частичной мобилизации. 25 июля Сербия заявила Австро-Венгрии о своем желании разрешить конфликт мирным путем, но при этом указала на невозможность выполнения некоторых

требований ультиматума. В ответ на это 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и начала военные действия на границе. 30 июля, после долгих колебаний, Николай Второй подписал указ о всеобщей мобилизации. В ночь на 1 августа союзная Австро-Венгрии Германия предъявила России ультиматум с требованием отменить мобилизацию. Вечером 1 августа, получив отказ на предъявленный ультиматум, Германия объявила войну России. 3 августа в войну вступила союзница России Франция. Первая мировая война охватила Европу.

Ну и закончить эту главу хочется новостями наших дней. Недавно в Сараево был восстановлен уничтоженный во время военных действий девяностых годов мемориал. На том самом месте, с которого стрелял Гаврил о Принцип, можно видеть в мостовой отпечатки его ног. Горожане относятся к восстановлению памятника по-разному. И по сей день часть из них считает Принципа национальным героем, а часть — жестоким террористом.

…И УМЕРЛИ В ОДИН ДЕНЬ
ЛИБКНЕХТ КАРЛ ЛЮКСЕМБУРГ РОЗА (1871-1919)

Карл Либкнехт — основатель Коммунистической партии Германии. Призывал к свержению правительства, ведущего войну. Вместе с Розой Люксембург основал газету «Rote Fahne». Зверски убит.

Роза Люксембург — одна из лидеров польской социал-демократии, леворадикального течения в германской социал-демократии и 2-м Интернационале. Одна из основателей Коммунистической партии Германии. Выступала против милитаризма. Зверски убита.

«Они жили долго и счастливо и умерли в один день» — так представлял себе идеал семейного счастья писатель Александр Грин. Его слова вполне можно отнести к одной из знаменитейших супружеских пар XX века — Карлу Либкнехту и Розе Люксембург.

Впрочем, вряд ли романтик Грин счел бы двойную смерть от руки убийц приемлемым сюжетом для какого-нибудь из своих творений… Равно как и супружество, основанное на революционной борьбе, — а ведь Карл и Роза были не просто супругами, но и соратниками, «горячо преданными делу революции и лучшим силам германского пролетариата».

Карл Либкнехт и Красная Роза прошли тюрьмы, долгое время находились на нелегальном положении — и стали лидерами левого крыла германской социал-демократии, основали Коммунистическую партию Германии. Они возглавили Германскую революцию 9 ноября 1918 г. — и вскоре демократическое правительство объявило награду за их головы в 100 000 марок. 15 января 1919 года Карл и Роза были схвачены и расстреляны, причем руководил убийцами будущий глава нацистской разведки Канарис. Труп Розы бросили в канал и выловили только месяц спустя. В Советском Союзе ее именем называли заводы, улицы, пароходы; ивто же время ее работы не издавались, а «люксембургианство» было объявлено одной из партийных ересей. Лишь в 1923 г. появились первые переводы трудов революционерки на русский язык.

Вот как отзывался о Либкнехте и Люксембург Лев Троцкий:

«…Эти два борца, столь различные по натуре и столь близкие в то же время, дополняли друг друга, шли неуклонно к общей цели, нашли одновременно смерть и совместно входят в историю. Карл Либкнехт представлял собой воплощение несгибаемого революционера. Вокруг его имени создавались. неисчислимые легенды. В личной жизни Карл Либкнехт был воплощением доброты, простоты и братства. Это был обаятельный человек, внимательный и участливый. Можно сказать, что его характеру свойственна была почти женственная мягкость, а наряду с ней его отличал исключительный закал революционной воли, способность бороться во имя того, что он считал правдой, до последней капли крови.

Имя Розы Люксембург менее известно. Но это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт. Маленького роста, хрупкая, болезненная, с благородными чертами лица, с прекрасными глазами, излучавшими ум, она поражала мужеством своей мысли. У нее было много врагов! Силой своей логики, могуществом своего сарказма она заставляла молчать самых заклятых своих противников. Силою теоретической мысли, способностью обобщения Роза Люксембург на целую голову превосходила не только противников, но и соратников. Это была гениальная женщина. Ее стиль — напряженный, точный, сверкающий, беспощадный — был и останется навсегда верным

зеркалом ее мысли.

Либкнехт не был теоретиком. Это был человек непосредственного действия. Натура импульсивная, страстная, он обладал исключительной политической интуицией, чутьем массы и обстановки, наконец, несравненным мужеством революционной инициативы. Анализа внутренней и международной обстановки. можно и должно было ждать прежде всего от Розы Люксембург. Призыв к непосредственному действию. к вооруженному восстанию исходил бы. отЛибкнехта».

Карл Либкнехт не мог не стать социалистом — у него не было ни малейшего шанса избежать политической стези. Отец Карла, Вильгельм Либкнехт, был известнейшим политическим деятелем Германии, социалистом. В 1848 г. он за свои взгляды попал в тюрьму, откуда через год бежал и нелегально пересек границу. Тогда он сблизился с К. Марксом и, вернувшись в Германию в 1862 г., занялся активной пропагандой марксизма, стал одним из основателей Социал-демократической партии Германии и даже депутатом рейхстага. В 1872 г. Вильгельм Либкнехт снова был осужден по обвинению в государственной измене, а после выхода из заключения продолжил свою политическую деятельность.

В 1871 г. у Вильгельма родился сын, получивший имя в честь Карла Маркса. Именно «Д-р Карл Маркс из Лондона, Фридрих Энгельс, рантье в Лондоне» значатся в приходской книге «восприемниками» новорожденного. Маркс и в самом деле стал духовным отцом Либкнехта-младшего, жизненный путь которого был определен уже с колыбели. Карл Либкнехт во многом повторил судьбу отца — сидел в тюрьмах, обвинялся в государственной измене, воглавлял партию.

Карл учился в университетах Лейпцига и Берлина, получил юридическое образование и стал адвокатом. В возрасте 29 лет он вступил в ряды Социал-демократической партии Германии, ав 1904 г. отстаивал в суде интересы русских и немецких социал-демократов, обвинявшихся в нелегальном ввозе в страну запрещенной партийной литературы. В своей судебной речи, которая стала его первым политическим выступлением, Карл обличал репрессивную политику Германии и России в отношении революционеров. В дальнейшем он последовательно выступал против идеи постепенных реформ, выдвигаемой правыми социал-демократами, уделяя большое внимание антивоенной агитации, политической работе с молодежью и продвижению революционной идеологии.

Верный своим взглядам, Либкнехт с энтузиазмом принял российскую революцию 1905-07 гг. и призывал германский пролетариат последовать примеру русских рабочих. Вместе с Р.

Люксембург он возглавил левое течение германской социал-демократии, оформившееся именно в эти годы.

К. Либкнехт стал одним из основателей Социалистического интернационала молодежи (1907) и возглавлял его до 1910 г. В 1907 г. прошла первая международная конференция молодежных социалистических организаций, где К. Либкнехт выступил с докладом о борьбе с милитаризмом, за что был приговорен к тюремному заключению. Тем не менее в 1908 г. его избрали депутатом прусской палаты депутатов, ав 1912 — депутатом германского рейхстага. И даже там Либкнехт продолжал вести антивоенную политику, открыто обвиняя хозяев монополий во главе с Круппом в разжигании войны.

Кульминацией довоенной политической деятельности Либкнехта стало парламентское голосование по предоставлению военных кредитов Германии. II Интернационал (международное объединение рабочих партий, основанное в 1889 г.) 30 июня 1914 г. принял постановление об усилении антивоенной деятельности. Германская социал-демократическая партия, одна из основных сил II Интернационала, в воззвании, опубликованном 25 июля 1914 г., призывала рабочих к протесту против милитаризма. Однако 31 июля, в день объявления военного положения и фактического начала военных действий, комитет партии призвал рабочих «терпеливо ждать до конца», а социал-демократическая фракция рейхстага решила «голосовать за требуемые правительством кредиты».

4 августа Либкнехт, будучи членом социал-демократической фракции и подчиняясь партийной дисциплине, проголосовал за военные кредиты вопреки своим принципам. Однако 2 декабря, во время повторного голосования, он стал единственным депутатом рейхстага, проголосовавшим против этого законопроекта.

В письменном заявлении, объясняющем причину такого поступка, Либкнехт назвал войну захватнической и напомнил знаменитый лозунг своего отца, лидера немецкой социал-демократии: «Никаких парламентских компромиссов!» Карл обвинил однопартийцев в измене интересам пролетариата, ведь II Интернационал принял решение проводить антивоенную политику. Заявление Либкнехта было распространено в виде нелегальной листовки под названием «Главный враг в собственной стране!».

Позднее Джон Рид так писал о декабрьских событиях:

«Против кайзеровской Германии с ее дисциплинированной промышленностью, железными армиями и феодальной аристократией, против тщательно насаждаемого ура-патриотизма, против трусости и нерешительности популярных в

стране лидеров —. выступил этот человек, бывший в рейхстаге единственным представителем самой обездоленной, самой угнетенной, самой бесправной части населения. Либкнехт находился на виду у всех. — и выступил против официальной мощи самой высокоорганизованной державы на земле. Услышали его немецкие социал-демократы большинства, кайзеровские социалисты и исключили Либкнехта из своих рядов. Но его услышали и массы немецкого народа, немецкие солдаты в окопах, немецкие рабочие на военных заводах, безземельные крестьяне Саксонии. Его голос был услышан и по другую сторону фронта; и французские солдаты. от глубины души сказали — «Либкнехт — самый отважный человек на земле».

Карла Либкнехта травили, третировали как «труса» и «изменника отечества», дважды арестовывали и наконец в 1915 г. отправили на фронт рядовым рабочего батальона. В 1916 г. Либкнехта исключили из социал-демократической фракции рейхстага, и он принял участие в создании группы «Спартак». В том же году во время первомайской демонстрации он призывал к свержению правительства, был арестован и приговорен к 49 месяцам заключения. Находясь в тюрьме, Карл восторженно встретил известие о победе революции в России. Выйдя из заключения в октябре 1918 г., Либкнехт продолжил революционную деятельность.

Он снова призывал к свержению правительства. 7 октября 1918 состоялась конференция группы «Спартак», на которой была принята программа народной революции. Конференция призвала рабочих к свержению правительства, к борьбе за отчуждение собственности крупных землевладельцев, банковского капитала, шахт и домен, установление минимума заработной платы, немедленную отмену осадного положения и освобождение политических заключенных.

9 ноября 1918 г. группа «Спартак» призвала к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. В тот же день кайзер Германии отрекся от престола. К. Либкнехт около 4 часов дня провозгласил Социалистическую республику. Шейдеман в ответ выдвинул лозунг создания «свободной Германской республики». 11 ноября группа «Спартак» была преобразована в «Союз Спартака» («Spartakusbund») — революционную организацию левых социал-демократов, но «Союз Спартака» не обладал достаточной силой, чтобы завоевать большинство в Советах.

Лев Троцкий так писал об этих событиях:

«…Поражение германской армии и тяжелое экономическое положение страны вызвали мощное революционное движение. Непосредственным толчком к событиям 9 ноября 1918 г.

послужило восстание матросов в Киле, начавшееся 2 ноября. Восставшие матросы отказались принимать участие в атаке на британский флот и организовали свой совет. Восстание быстро распространилось по всей стране. Во всех городах стали стихийно возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. Особенно крупного размаха движение достигло в Берлине, где с 5 ноября начинается и быстро разрастается забастовка рабочих. 9 ноября бастовал уже весь берлинский пролетариат. В этот день рабочими была послана делегация. к Вильгельму II, который, видя, что армия присоединилась к рабочим, отрекся от престола. На месте низложенного гогенцоллернского правительства был образован «Совет НародныхУполномоченных», в состав которого вошло 6 человек: 3 социал-демократа — Эберт, Шейдеман и Ландсберг и 3 независимых — Гаазе, Дитман и Барт. Карл Либкнехт отказался войти в состав Совета Народных Уполномоченных, мотивируя свой отказ нежеланием сотрудничать с реформистами».

Новое правительство отменило осадное положение, провозгласило свободу союзов и амнистию политическим заключенным, установило 8-часовой рабочий день. Одновременно оно заключило союз со стоявшим во главе армии монархистом П. Гинденбургом с целью погашения революционных беспорядков.

16 декабря 1918 г. «Союз Спартака» организовал 250-тысячную демонстрацию трудящихся, основным требованием которой была передача полноты власти рабочим и солдатским Советам. В конце декабря была создана Коммунистическая партия Германии и Либкнехт стал ее председателем. Ему оставалось жить около двух недель — руководство Социал-демократической партии открыто требовало его смерти.

Что касается жены Карла Либкнехта, то Роза Люксембург родилась в польском г. Замосць (Замостье), относившемся тогда к Российской империи. Один из исследователей жизни Красной Розы отмечал, что «…судьба обездолила ее трижды: как женщину в обществе, где главенствуют мужчины, как еврейку в антисемитском окружении и как калеку. Она была слишком маленького роста, хромала, видимо, вследствие врожденного дефекта.»

Роза была младшим ребенком в семье небогатого коммерсанта. В гимназии она проявила себя как блестящая ученица — девочка была очень умна, отличалась сильным характером и неуемной энергией, даром убеждения и пылкостью чувств. Уже в гимназии она участвовала в нелегальной революционной работе, примыкая к партии «Пролетариат».

В 18 лет девушка отправилась в Швейцарию учиться философии, ив 1897 г. окончила университет в Цюрихе. В

студенческие годы она изучала марксистскую литературу и входила в кружок польских политэмигрантов.

Выйдя замуж за адвоката Густава Любека, Роза получила немецкое гражданство и в 1898 г. переехала в Германию, где включилась в работу германской социал-демократии. Вскоре она развелась со своим первым мужем. Как и Карл Либкнехт, Роза стояла на крайне левых позициях и была ярой приверженкой революции. Она с головой ушла в политику: писала статьи, произносила речи, строила польскую и германскую социал-демократические партии, участвовала в работе II Интернационала, дискутировала с Плехановым, Бебелем, Каутским, Жоресом, Лениным. Л.Троцкий писал о ней: «Роза Люксембург. прекрасно говорила по-русски, глубоко знала русскую литературу, следила за русской политической жизнью, связана была с русскими революционерами и любовно освещала в немецкой печати революционные шаги русского пролетариата».

Люксембург стала видным теоретиком коммунизма, хотя часто спорила с Лениным, называя его «авантюристом» и «красным Бонапартом». В 1904 г. Люксембург активно критиковала большевиков, но в 1905-07 гг. сблизилась с ними по многим вопросам стратегии и тактики революционной борьбы. Опираясь на опыт революции в России, Красная Роза вместе с К. Либкнехтом и К. Цеткин выступала за развитие внепарламентской борьбы, в том числе за массовые политические стачки и уличные выступления.

В декабре 1905 г. Люксембург нелегально прибыла в Варшаву, развернула там революционную деятельность, была арестована, но вскоре освобождена под залог. Она уехала в Финляндию, а в сентябре 1906 г. вернулась в Германию, где за антивоенную агитацию подверглась преследованиям и репрессиям. В общей сложности она провела в тюрьмах около 4 лет.

Красная Роза была основательницей «Союза Спартака», а потом и Компартии Германии. Она горячо приветствовала Октябрьскую революцию в России. На Учредительном съезде КПГ в конце декабря 1918 г. Люксембург делала доклад о программе партии. Жить ей оставалось всего две недели.

15 января 1919 г. Карл Либкнехт и Роза Люксембург были арестованы и зверски убиты. В это время в России оставшиеся в живых члены династии Романовых стали заложниками, схваченными в качестве живого залога за арестованных немецких коммунистов. Их расстреляли в Санкт-Петербурге в отместку за смерть лидеров германской компартии. Этот расстрел стал последним этапом в уничтожении династии Романовых после

убийства в 1918 году членов царской семьи в Екатеринбурге и Алапаевске.

Официальные германские источники представляли убийство Либкнехта и Люксембург как случайность, уличное «недоразумение», обусловленное недостаточной бдительностью караула перед лицом разъяренной толпы. Впрочем, этим утверждениям мало кто верил, слишком уж яркими фигурами были супруги Либкнехт — Люксембург.

Согласно второй версии в первые дни ноябрьской революции 1918 г. лидер социал-демократов Шейдеман противился свержению монархии, однако подчинился ходу событий и перешел на сторону восставших. Тем не менее после победы революции вся его деятельность была ориентирована на удушение рабочего движения. Каждое выступление рабочих жестоко подавлялось карательными отрядами, и апогеем стало уничтожение Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

8-14 мая 1919 г. в Берлине прошел военно-полевой суд над участниками убийства Либкнехта и Люксембург. Документы этого процесса долгие годы считались потерянными и были найдены только в 60-е годы XX века, а в 1969 г. бывший капитан кавалерийского дивизиона охраны Пабст, руководивший арестом и убийством Либкнехта и Люксембург, признался, что всю правду о событиях 15 января 1919 г. знали только два офицера — Пабст и Канарис.

Результаты суда не удовлетворили общественность, и следствие продолжилось. Летом и осенью 1919 г. состоялись допросы Шейдемана и Канариса — будущего главы германской военной разведки и контрразведки, тогда еще капитан-лейтенанта. В ходе следствия выяснилось, что подготовка покушения началась, видимо, в ноябре или первых числах декабря 1918 года В 1920 г. заместитель военного коменданта Берлина дал письменные показания о том, что его ведомство с ноября вело «круглосуточный поиск и преследование Либкнехта и Люксембург, чтобы не дать им заниматься агитационной и организаторской деятельностью». В ночь с 9 на 10 декабря 1918 г. солдаты ворвались в редакцию газеты «Rote Fahne», чтобы убить Либкнехта и Люксембург. Но их не оказалось на месте. Позже свидетели показали, что уже тогда за головы Либкнехта и Люксембург было назначено вознаграждение в 100 000 марок.

С разрешения городского Совета в январе 1919 г. гвардейский кавалерийский дивизион защиты, участвовавший в аресте и убийстве Либкнехта и Люксембург, занял отель «Эден». Именно там должна была располагаться «Секция 14» — служба помощи социал-демократии, которой руководили Шейдеман и Г. Скларц

(это выяснилось в 1922 г.).

Приказ об убийстве Либкнехта и Люксембург был отдан устно — они должны были быть доставлены в «Эден» живыми или мертвыми. Сыщики гонялись за революционерами, а человек, координировавший их действия, сидел в городской комендатуре. Это был прокурор Вайсман, получивший в январе 1919 г. назначение на должность государственного секретаря.

Заговор против Либкнехта и Люксембург организовали трое: будущий глава германского правительства Шейдеман, агент германского императорского правительства Парвус и его сотрудник — революционер и бизнесмен Георг Скларц, причем именно он должен был выплатить вознаграждение в 50 000 марок за каждого убитого. Итак, Г. Скларц играл важную роль в подготовке убийства, хотя формально доказать его причастность к преступлению не удалось.

В 1922 г. правительство Веймарской республики создало очередную следственную комиссию по расследованию обстоятельств убийства. Тогда же Берлинский земельный суд осудил за участие в убийстве морского лейтенанта Г.-В. Зоухона (он вышел из тюрьмы по амнистии в 1932 году). Наконец в 1929 г. состоялся процесс против прокурора Иорнса, бывшего защитником одного из участников убийства Либкнехта и Люксембург, — Рунге. Однако и это разбирательство ничем не кончилось — доказать причастность Иорнса не удалось. Больше следственные действия не возобновлялись — к власти пришли нацисты, и смерть коммунистических лидеров перестала быть важной общественно-политической темой на долгие годы.

В постсоветский период возникла еще одна версия, которую озвучил историк Юрий Фельштинский в 1997 году. По его мнению, убийство Либкнехта и Люксембург было секретной акцией, выгодной для Советской России и лично В.И. Ленина (этой точки зрения придерживается и О. Гордиевский, бежавший на Запад офицер КГБ).

Предпосылки к физическому уничтожению революционеров возникли еще в марте 1918 г., когда был заключен Брестский мир. Этот договор стал ударом в спину германской революции, поскольку перемирие России с кайзеровским правительством уменьшало и без того призрачные шансы на успех коммунистического восстания в Германии и, как следствие, пан-европейской революции. Р. Люксембург считала, что рабочий класс других европейских стран не имеет сил инициировать революцию, а поэтому поражение Германии увеличивает шансы революционного взрыва в Европе. Любая же военная победа германской армии «означает новый политический и социальный

триумф реакции внутри государства».

Именно с вопросом о мире были связаны первые серьезные расхождения между Люксембург и правительством Ленина. «Ее надежды на то, что русская революция призовет международный пролетариат к борьбе, быстро угасли, — писал Пауль Фрелих. — Больше всего Роза боялась, что большевики могут игрой с немецкими дипломатами заключить опасный мир». И ее опасения оказались не напрасными.

Либкнехт и Люксембург подвергли брестскую политику суровой критике, называя ее «вероломством по отношению к международному пролетариату». Впрочем, Р. Люксембург не ограничивала критику Ленина вопросом о Брестском мире. Она обрушивалась и на аграрную политику Совнаркома («То, что делают большевики, должно работать прямо противоположно, ибо раздел земли среди крестьян отрицает путь к социалистическим реформам»), и на красный террор и разгон Учредительного собрания, нарушение демократических норм, свободы слова и свободы печати («Русский террор — это только выражение слабости европейского пролетариата»).

После Октябрьской революции 1917 г. значительная часть большевистского руководства находилась в ожидании того, что революция распространится сначала на Европу, а потом и на весь земной шар — падение центральноевропейских империй вселяло такую надежду. 1 октября 1918 г. В. И. Ленин писал: «Мировая революция подошла настолько близко., что мы можем рассчитывать на ее начало в ближайшие несколько дней. Мы должны. помочь немецким рабочим ускорить революцию, которая вот-вот должна начаться в Германии». Однако на самом деле победа революции в индустриальной Германии была не в интересах Ленина, так как в этом случае Россия отступала на второй план, а во главе зарождающегося III Интернационала становились Либкнехт и Люксембург.

«Теоретически Коммунистический Интернационал считался братским союзом равных партий, но на практике В. И. Ленин стремился сделать его инструментом советской внешней политики», — пишет Ю. Фельштинский. Замаскировать эти планы было трудно, и лидеры мирового коммунистического движения выступили против поспешной организации III Интернационала. «Особенно на этом настаивала Роза Люксембург, которая не хотела допустить превращения Коминтерна в приложение к ленинскому ЦК», — писал историк Николаевский.

Ради удержания власти Ленин даже пошел на саботаж германской революции, открыто объявив кайзеровскому правительству и немецким коммунистам, что Красная армия по

крайней мере до марта 1919 г. не будет вмешиваться в уже начавшуюся германскую революцию. Тогда Роза Люксембург встала во главе марксистов, критикующих большевистский режим и обвиняющих Ленина в создании не диктатуры пролетариата, а диктатуры над пролетариатом. Она была, пожалуй, единственным иностранным коммунистом, способным оказать серьезное сопротивление попыткам превратить Коминтерн в инструмент советской внешней политики.

Поэтому, когда в январе 1919 года восстание в Берлине было подавлено и «убийцы из числа военных офицеров правоэкстремистского толка заставили замолчать» Карла Либкнехта и Розу Люксембург, Москва получила возможность диктовать свою волю немецким коммунистам. А еще через полтора месяца в столицу России прибыли участники Учредительного конгресса III Коминтерна, который был образован 2 марта 1919 года. Коминтерн стал инструментом, помогавшим держать в повиновении немецких коммунистов.

Современникам тех событий заинтересованность советского правительства в устранении Люксембург и Либкнехта была очевидна. Некоторые исследователи усматривали в их устранении спланированную акцию, организованную германским и советским правительствами через немецкую военную разведку. Эта, казалось бы, фантастическая теория нашла подтверждение в воспоминаниях Вильгельма Пика о последних днях и часах жизни Люксембург.

Он рассказывал, что Карл и Роза сначала снимали квартиру в районе Новокельна, но через два дня квартиру пришлось менять. Переезд состоялся вечером 14 января и был крайне рискован, потому что солдаты останавливали любой транспорт (именно по этой причине Люксембург и Либкнехт не могли выехать из Берлина). Однако, пишет Пик, «из-за одного еще не раскрытого предательства Белая гвардия уже на следующий день знала новое место пребывания Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Когда я вечером 15 января. хотел занести на квартиру и передать обоим товарищам необходимые удостоверения личности на случай проверки их дома, квартира была уже занята военными, а Карл Либкнехт арестован и увезен. Роза Люксембург находилась еще в квартире и охранялась большим количеством солдат. Через некоторое время меня и РозуЛюксембург доставили в «Эден-отель».

Что же это за «нераскрытое предательство»? Ю. Фельштинский пишет, что к организации убийства Либкнехта и Люксембург был, видимо, причастен Карл Радек. К такому выводу пришел брат Карла Либкнехта — Теодор, известный германский

социал-демократ, адвокат, занимавшийся многие годы неофициальным расследованием убийства. Собранные Теодором материалы погибли во время бомбардировки в ноябре 1943 года. Возвращаться к этому вопросуТеодор не собирался, но в 1947 годуисторик Б. Николаевский обратился к нему с просьбой рассказать о деятельности швейцарского революционера Карла Моора, который был агентом германского правительства. В ответ Теодор Либкнехт поведал Николаевскому о роли Радека в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Конечно, Николаевский не сразу поверил рассказу Теодора Либкнехта.

О личной нелюбви Радека к Розе Люксембург, в свое время настоявшей на исключении его из польской и германской социал-демократических партий, Б. Николаевский знал. Но Радек считался жертвой режима Сталина, к тому же у Теодора не было доказательств — только рассказ скрывавшегося от преследований брата. В конце концов, Карл Либкнехт мог ошибаться и предательство Радека ему только мерещилось.

Лишь после смерти самого Теодора, после смерти Сталина, после XX съезда, наконец после публикаций в 1956–1958 гг. документов, раскрывающих связи большевиков (в том числе Радека) с кайзеровским правительством и его агентами (прежде всего Парвусом), Николаевский стал упоминать о выводах Т. Либкнехта. Он писал: «О Радеке нужно говорить особо. Теодор Либкнехт рассказывал, что Карл Либкнехт в их последнюю встречу (накануне ареста Карла) говорил, что узнал о Радеке. «чудовищные вещи», о которых обещал рассказать во время следующей встречи. Этой встречи не было, и Теодор считал, что Радек предал Карла!»

Итак, по прошествии десятилетий становится очевидно, что подоплека смерти немецких революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург вовсе не так прозрачна, как это представлялось. Они пали жертвами сложнейших хитросплетений внутренней и внешней политики Германии и России, причем их смерть была выгодна обоим государствам — и тому, что противостояло коммунистам, и тому, что неуклонно претворяло коммунистические идеалы в жизнь.

ЗА ЧТО? ПАЛЬМЕ УЛОФ (1927-1986)

Премьер-министр Швеции, глава Социал-демократической рабочей партии. Борец за мир и права человека. Убит. Мотивы не известны.

Если вам предложат назвать известных шведов, живших в последние 30 лет, имя Улофа Пальме наверняка придет вам в голову одним из первых. Энергичный и одаренный богатым воображением политик, премьер-министр Улоф Пальме представлял Швецию на международной арене и посвятил себя, как сам он говорил, отстаиванию идей социализма, мира и гуманизма. Он не был скован мышлением «холодной войны», выступал против войны во Вьетнаме, был сторонником освобождения угнетенных в странах третьего мира. Однако считается, что именно столь активная позиция Пальме в конце концов и привела его к гибели. Убийство Пальме, произошедшее тихим безветренным вечером 28 февраля 1986 года, повергло в шок Швецию и вызвало широкий резонанс в остальном мире. Это было первым политическим убийством в Швеции с 1810 года, когда был убит Аксель фон Ферсен, шведский политический деятель и дипломат, и первым убийством главы правительства с 1792 года, когда был убит король Карл III Густав.

Улоф Пальме родился в Швеции 30 января 1927 года. Его семья принадлежала к высшему шведскому обществу. Впечатления детства и юности Пальме сыграли значительную роль в формировании его постоянного стремления к общественной справедливости. Ребенком ему довелось побывать в Латвии в гостях у бабушки, и увиденные там картины бедности и нищеты прочно врезались в его память. Когда Пальме исполнилось шесть лет, умер его отец, и матери пришлось воспитывать детей одной. Улоф закончил школу в 17 лет,

отслужил в армии, после чего отправился в Америку, где проучился два семестра в Кеньонском колледже (штат Огайо), получив степень бакалавра политологии и экономики.

Жизненный опыт, приобретенный Пальме после окончания школы, оказывал значительное влияние на его политические взгляды на протяжении всей его жизни. В 1948 году Пальме проехал автостопом через все Соединенные Штаты в Мексику, практически не имея ни гроша в кармане. Наблюдая американские реалии во время путешествия, Пальме пришел к убеждению, что шведская модель «государства всеобщего благополучия» может стать наилучшим путем к достижению процветания общества, в отличие от американского капитализма и социалистического строя, реализуемого в Советском Союзе.

В 1963 году Улоф Пальме стал членом кабинета министров Швеции, который возглавлял Эрландер. Работая в правительстве, Пальме курировал переход Швеции на правостороннее движение, который был осуществлен в 1967 году, решительно выступал против демонстрации насилия на экранах кино и телевидения, а также принимал участие в проведении образовательной реформы. В 1968 году Пальме принял участие в демонстрации в Стокгольме, выступающей против продолжающейся войны во Вьетнаме.

Благодаря своей репутации радикала Пальме стал быстро популярен в среде молодых сторонников левых партий. Можно сказать, что именно благодаря радикальным убеждениям и поступкам ему удалось пробиться в большую политику.

После того как премьер-министр Эрландер ушел в отставку в 1969 году, его преемником стал Улоф Пальме. Став премьер-министром, Пальме увидел всю политическую опасность своей репутации радикала и попытался слегка подретушировать свой имидж, одеваясь более консервативно и «усмирив», по его собственным словам, свою улыбку, с которой он часто появлялся перед журналистами и которую многие считали издевательской. Заняв кабинет премьер-министра, Пальме сказал: «Необязательно есть суп таким же горячим, каким он был сварен», и этой метафорой он показал, что его политика не будет столь радикальной, какой от него ожидали многие.

Будучи премьером, Пальме вывел Швецию из ее исторической самоизоляции и беспринципного нейтралитета (согласно мнению некоторых исследователей, шведские власти времен Второй мировой войны могли быть замешаны в продаже оружия нацистской Германии и даже предоставляли свои железные дороги для переброски немецкой техники в Норвегию). Пальме был откровенен в осуждении войны Соединенных Штатов во

Вьетнаме и советского вторжения в Чехословакию, он искренне сопереживал освободительным движениям в странах Африки. В 1969 году шведское правительство начало оказывать прямую помощь африканским освободительным движениям, оставаясь на протяжении нескольких лет единственной западной страной, которая пошла на такой шаг.

Правительство Пальме предоставило убежище для многих политических эмигрантов из самых разных стран, включая даже американцев, уклонявшихся от службы во Вьетнаме. Пальме вообще предпринял весьма резкий ивто же время смелый выпад против Соединенных Штатов, сравнив американские бомбардировки Ханоя с уничтожением Герники нацистами. В 1970 году члены одной из шведских молодежных левацких группировок забросали яйцами Джерома Холланда, посла США в Швеции. Этот эпизод, по всей видимости, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения президента США Ричарда Никсона, который в ответ выслал шведского посла. Отношения между двумя странами нормализовались лишь после вывода американских войск из Вьетнама.

В 1976 году социал-демократы вынуждены были уступить власть правоцентристской партии, возглавляемой Торбьорном Фельдином. Оставаясь три года в оппозиции к действующему правительству, Улоф Пальме был, тем не менее, весьма активным участником международной политической жизни. Он участвовал в работе международной комиссии Вилли Брандта по проблемам взаимоотношений Севера и Юга, учредил и возглавил комитет общественной безопасности, был наблюдателем ООН в военном конфликте между Ираном и Ираком. В эти годы Пальме неоднократно выступал по проблемам освобождения Африки на различных международных форумах, он возглавлял миссию Социалистического Интернационала в Южной Африке. В 1978 году Пальме был награжден золотой медалью ООН за вклад в международную кампанию, направленную против апартеида.

В 1982 году партия социал-демократов во главе с Улофом Пальме снова оказалась у власти. Пальме прокомментировал победу на выборах, заявив, что его партия выиграла сражение за государство всеобщего благоденствия. Он продолжал руководить Швецией, инициировал проведение нескольких бурно оспариваемых оппозицией экономических реформ.

Холодным февральским вечером 28 февраля 1986 года Пальме возвращался вместе с женой и сыном из столичного кинотеатра «Гранд», где они смотрели фильм «Братья Моцарты». Темноволосый мужчина, одетый в синюю лыжную куртку, выстрелил в него трижды с близкого расстояния. Глава

правительства Швеции погиб на месте, его жена была ранена.

В отличие от лидеров многих стран, постоянно окруженных охраной, Пальме от нее категорически отказывался. Он говорил, что наслаждается возможностью свободно прогуляться по столичным улицам. Убийство стало настоящим шоком для шведского общества. «Словно завороженные и не верящие в произошедшее, целую неделю шведы собирались посмотреть на небольшую лужицу крови на снегу, они плакали не только от горя утраты лидера нации, но и от предчувствия наступления незваной эры политического терроризма», — написала в те дни газета «Тайм».

Убийство премьер-министра стало тяжелым ударом для всей страны, поскольку шведы долгое время гордились, что являются моделью идеального общества, свободного от политического насилия и терроризма, присущего другим странам. Шведы приносили красные розы и свечи к месту убийства, там появился даже большой плакат с риторическим вопросом: «Зачем убивать настоящего демократа?» Соболезнования поступали в Швецию со всего мира, не только от правительств, но и от простых людей, осознававших, личность какого масштаба они потеряли.

Смерть Пальме стала настоящим ударом по той сказке о государстве всеобщего благоденствия, которую он так долго стремился сделать былью. До убийства Пальме шведы были твердо убеждены, что их стране, в отличие от других, присуща «чистая» политика, свободная от массовой коррупции, заговоров, провокаций и политических убийств. В старой доброй Швеции, уже почти 200 лет не воевавшей «во имя блага своих подданных», по мнению общественности, все решалось мирно, на основе «общественного договора».

Убийство Пальме и последовавшее за ним расследование вывели из тени совсем другую Швецию. Шведы вдруг осознали, что живут в стране, гигантские концерны которой не останавливаются ни перед чем ради получения крупного заказа, в стране, ставшей плацдармом для деятельности иностранных спецслужб и международных террористических организаций, в стране, часть населения которой ненавидит столь превозносимое официальными властями общество всеобщего благоденствия, поскольку это общество не приняло их.

Убийство Улофа Пальме остается нераскрытым до сегодняшнего дня, хотя в течение уже почти двух десятков лет, прошедших со дня его гибели, было проведено не одно расследование. Как не раз подчеркивали полицейские из следственной группы, ни одна из выдвинутых версий убийства окончательно не отброшена, однако и ни одна из них на сегодня

не подтвердилась.

Первоначально доминирующей версией убийства Пальме стала «курдская». Считалось, что Курдская рабочая партия (КРП) отомстила Улофу Пальме за то, что возглавляемое им правительство объявило КРП террористической организацией и выслало из Швеции восьмерых находившихся там курдских активистов. Дополнительным возможным мотивом этой версии был «иранский» — Пальме блокировал поставки шведского оружия Ирану из опасений, что это оружие попадет к поддерживаемым официальным Тегераном курдским партизанам, сражавшимся на территории Турции и Ирака.

Следственную группу, расследовавшую убийство Пальме, возглавил Ханс Хольмер. Он почему-то сразу был уверен в курдском следе преступления. Его уверенность привела к тому, что уже через несколько месяцев после убийства прочие версии, а их уже тогда было немало, попросту не отрабатывались полицией! Курдская версия неожиданно быстро нашла немало сторонников среди официальных чиновников и руководителей силовых структур Швеции. Глава отдела по борьбе с терроризмом службы безопасности Швеции Альф Карлссон еще за полгода до убийства предупреждал о подготовке покушения на Пальме силами КРП. Поэтому сразу после убийства внимание следствия привлекло курдское кафе, расположенное неподалеку от места преступления. Версию о причастности КРП к убийству Пальме активно поддерживало правительство Турции, заинтересованное в создании негативного образа курдов в глазах мировой общественности. Сразу же после убийства одна из турецких газет назвала имена шести курдов, якобы причастных к организации убийства. Была арестована группа курдских активистов, однако доказать их причастность к организации убийства шведской полиции не удалось.

Свен Анер, шведский независимый журналист, утверждал, что в убийстве Пальме были замешаны шведские высшие должностные лица. Он, в частности, обратил внимание на следующий факт: Ханс Хольмер лгал, утверждая, что ответственность за убийство лежит на курдах, так как он изначально знал, что курды здесь наверняка ни при чем. Хольмер соврал даже тогда, когда дело касалось лично его, в частности предъявил фальшивое алиби, утверждая, что находился в ночь убийства в городе Борленге. Более того, местная полиция это алиби подтвердила! Все эти факты дали основание Анеру обвинить шведское правительство в непосредственной причастности к убийству. Когда общественности стало известно, что Хальмер фактически заморозил расследование версий

убийства, не связанных с курдами, тому пришлось уйти в отставку. Его деятельность дала лишь один непосредственный результат — в течение нескольких лет после убийства Пальме практически все курдские беженцы вынуждены были покинуть Швецию.

Впоследствии курдская версия всплывала неоднократно, однако это было связано не с деятельностью шведской полиции, а с борьбой турецкого правительства против КРП. После того как в 1998 году турецкими властями был арестован один из лидеров КРП Земдин Сакик, он заявил на допросе, что убийство Пальме было местью курдов за депортацию лидеров КРП из Швеции. Однако это заявление, так же как и последующие признания лидера курдов Абдуллы Оджалана, сделанные им тоже после ареста, не произвели достаточного впечатления на шведскую общественность и полицию. Всем было прекрасно известно умение турецких спецслужб получать от пленных диссидентов «нужные» показания.

Основным источником уверенности Ханса Хольмера в курдском следе убийства Пальме была информация, полученная им от некоего Бертиля Ведина, известного ультраправого шведского радикала, также являвшегося платным агентом спецслужб Южной Африки. Сразу же после убийства Ведин сообщил, что Пальме был устранен силами КРП. Однако вскоре уже сам южноафриканский режим оказался в числе главных подозреваемых.

В ночь после убийства в квартире пожилой семейной пары в Стокгольме раздался звонок и таинственный голос сообщил, что задание выполнено и Пальме устранен. Полиция впоследствии выяснила, что звонивший перепутал телефонный код и на самом деле звонок был адресован проживавшему в городе Упсала шведу южноафриканского происхождения Хайне Хюману, чей телефонный номер совпадал с номером стокгольмских пенсионеров. Сразу же после убийства Хюман покинул Швецию, позже он был замешан в убийстве представительницы Африканского Национального Конгресса (АНК) в Париже Дульчи Септембер.

Уже через несколько часов после убийства британская разведка сообщила шведам о причастности к нему спецслужб ЮАР. Организатором устранения Пальме был назван бывший резидент южноафриканской разведки в Стокгольме Крейг Уильямсон, который позднее, в 1982 году, был назван организатором взрыва штаб-квартиры Африканского Национального Конгресса в Лондоне. Однако эти данные были проигнорированы шведской полицией. Позднее возможной

причиной столь странного поведения шведских чиновников, руководивших расследованием, были названы их симпатии к южноафриканским врагам Пальме. Аихв ЮАР Пальме успел нажить немало. При его правлении Швеция стала первой в мире страной, запретившей своим предприятиям поддерживать любые контакты с ЮАР. Проживавший в Швеции в эмиграции один из лидеров АНК Оливер Табмо получал постоянную финансовую помощь от шведских властей. За неделю до покушения Пальме выступал на форуме международной организации «Шведский народный парламент против апартеида», где, среди прочего, заявил: «Мы все несем ответственность за апартеид. Если международное сообщество захочет с ним покончить, это можно сделать хоть завтра, просто отказав в поддержке этому режиму. Не слушайте бессмысленные речи президента Боты. Апартеид не может быть реформирован — его можно только уничтожить». Однако этой версии не придавали особого значения до 1996 года, когда были опубликованы слова Эжена де Кока, главы подразделения секретной полиции ЮАР по борьбе с АНК. Он сообщил Южноафриканской комиссии правды и примирения, которая расследовала преступления режима апартеида, детали того, как его агенты с особой жестокостью уничтожали борцов с апартеидом и их семьи. Также он показал, что убийство Улофа Пальме было частью секретной операции «Длинные руки», санкционированной лично президентом ЮАР Питером Ботой и осуществленной специальным подразделением южноафриканских спецслужб. В операции участвовало 15 агентов под руководством Уильямсона. Показания де Кока были подтверждены и руководителем так называемых «эскадронов смерти» Дирком Котзее, который даже назвал имена убийц — стрелявшего Джеймса Энтони Уайта из Южной Родезии и ассистировавшего ему британского морского пехотинца Майкла Ирвина. Впрочем, следует отметить, что многие из собранных комиссией материалов, в том числе и свидетельства де Кока по другим, не связанным с убийством Пальме вопросам, в дальнейшем не подтвердились, названные им свидетели все отрицали и перекладывали ответственность друг на друга.

Весьма близкой к южноафриканской версии убийства является версия о причастности к убийству шведских ультраправых. Ведь Улофа Пальме в Швеции ненавидели многие. Видимо, похожие чувства вызывает к себе любой яркий политик в любой стране мира. Праворадикалы терпеть не могли Пальме за его непрекращающуюся борьбу за социальное равенство и национальную терпимость. Дополнительной причиной ненависти стало то, что Пальме, выходец из богатой шведской семьи, в

молодости порвал со своим окружением и стал проповедовать социал-демократические идеи, чуждые своему кругу. Для того чтобы понять, насколько сильно часть шведского общества ненавидела Пальме, достаточно привести такой факт: шведский актер Бу Бертиль Линдквист, внешне весьма похожий на Пальме и даже сыгравший впоследствии роль в фильме об убийстве премьера, жаловался на постоянные оскорбления в свой адрес от случайных встречных на улицах, принимавших его за премьер-министра.

Возможный заговор шведских правых мог быть связан и с намечавшимся на весну 1986 года визитом Пальме в СССР. Правые круги шведского общества опасались сближения с ненавистным им коммунистическим режимом на фоне постоянной критики со стороны Пальме в адрес Соединенных Штатов. Особенно сильными антисоветские настроения стали после того, как в 1981 году советская подводная лодка села на мель у берегов Швеции. Это дало лишний повод шведским «правым» утверждать, что Швеция постоянно находится перед лицом «угрозы с востока». Таким образом, подозрения в том, что Улоф Пальме готовится «сдать» Швецию Советскому Союзу, могли в то время овладеть умами достаточного числа людей.

Наиболее последовательную версию внутреннего заговора предложил Андерс Ларссон, бывший генеральный секретарь европейской секции Всемирной лиги антикоммунистов (ВЛА). Он утверждал, что убийство было организовано Управлением тайных операций ЦРУ, действовавшим через ВЛА и внушившим шведской армейской элите мысль о возможном союзе Пальме с Москвой. ВЛА также поддерживала связь с ультраправыми и фашистскими группировками, которые постоянно действовали в Швеции с начала 30-х годов, имели покровителей в спецслужбах и были связаны, в том числе, с режимом апартеида как с «последним защитником христианства и белой расы». Ларссон утверждал, что пытался предупредить Пальме о готовившемся покушении и даже отправил ему за неделю до убийства вырезку из газеты 1918 года, гласившую: «Умер Улоф Пальме» (речь шла о старшем родственнике премьер-министра). После убийства Ларссон изложил свою версию в радиоинтервью и вскоре после этого умер, а его архив сгорел при загадочных обстоятельствах.

Версия ультраправого заговора с участием полиции и спецслужб имела и другие подтверждения. Выше уже была упомянута ложь главы следственной группы Хольмера о месте его пребывания в ночь убийства. Один из шведских журналистов, фотокорреспондент Оке Мальстрем утверждал, что, еще не зная об убийстве, услышал случайно разговор двух полицейских на

служебной радиочастоте: «Жутко холодно». — «Ауже все кончено. Можно уходить. Премьер мертв».

Вскоре после ареста на основе показаний свидетелей был задержан по подозрению в убийстве некий Виктор Гуннарссон, член ультраправой Европейской рабочей партии, активист нескольких тоталитарных христианских сект. Однако вскоре он был освобожден по неясным причинам. В 1993 году ведший дело Гуннарссона следователь Берье Вингрен опубликовал книгу «Он убил Улофа Пальме», где доказывал его виновность. Через несколько месяцев после этого Гуннарссон был убит в США.

Еще одно ответвление версии о внутреннем заговоре против Пальме связано с именем Джорджа Буша-старшего, в то время вице-президента США. В середине 80-х Буш, бывший до того директором ЦРУ, руководил вместе со своими бывшими коллегами секретной операцией «Иран-контрас». Эта операция заключалась в нелегальной продаже оружия Ирану, который в то время был и по сей день остается одним из злейших врагов США. На вырученные деньги американские спецслужбы финансировали борьбу никарагуанских «контрас» с просоветским сандинистским режимом президента Даниэля Ортеги. Пальме, как уже упоминалось выше, запретил экспорт в Иран шведского оружия, которое также направлялось туда в рамках операции «Иран-контрас». Узнав о всех деталях операции, Пальме разругался с Бушем и с 1985 года не поддерживал никаких отношений ни с ним, ни с ЦРУ. Журналистка Барбара Хонеггер, близкая к администрациям Рейгана и Буша, утверждала, что в 1986 году Пальме собирался предать огласке сведения о махинациях команды Буша, или, как их тогда называли, «бушменов». Хонеггер утверждала, что располагала текстом телеграммы, направленной главой одной из масонских лож Личо Джелли влиятельному функционеру республиканской партии США Филиппу Гуарино. В телеграмме Джелли писал, что «шведское дерево надо срубить», и передавал «лучшие пожелания другу Бушу». Телеграмма была отправлена 25 февраля 1986 года. Гуарино был близким другом Буша, однако перед началом его президентской кампании ушел в отставку, так как прессе стало известно о его нацистском прошлом. Еще одним близким другом Буша и Гуарино был генерал Джон Сингл об, руководитель спецподразделения ЦРУ, занимавшегося устранением лидеров коммунистических режимов, возглавлявший ранее Всемирную лигу антикоммунистов, которую также подозревали в убийстве Пальме.

В 1997 году бывший американский спецназовец Джин Тейтум, входивший, по его словам, в секретную ударную группу

«Пегас», сообщил в интервью, что Буш якобы лично приказал командиру «Пегаса» устранить Улофа Пальме. По словам Тейтума, полковник Оливер Норт, бывший ключевой фигурой в «Иран-контрас», приезжал в начале 1986 года в Швецию и пытался уговорить Пальме дать «добро» на оформление поставок американского оружия в Иран от имени шведских компаний, а точнее — концерна Bofors. Пальме категорически отказался и через несколько недель был убит.

С концерном Bofors связана еще одна версия убийства Пальме — «индийская». В середине 80-х годов индийские власти решили закупить за границей партию гаубиц с возможностью их последующего лицензионного производства в Индии. Поначалу в борьбе за выгодный контракт лидировала французская фирма Sofma, однако после личной встречи индийского премьера Раджива Ганди и Улофа Пальме выбор индийцев пал на Bofors. Предполагается, что на позицию индийского правительства повлияло активное лоббирование представителями Bofors среди высокопоставленных индийских военных и членов правительства, а попросту говоря — раздача крупных взяток. В частности, называется имя одного из управляющих верхнего звена Bofors Мартина Ардмо, который в начале 1986 года побывал в Индии. В его записях фигурируют имена индийских чиновников, с которыми он встречался, а также инициалы Р. и П., в которых нетрудно угадать Раджива Ганди и Улофа Пальме. После убийства Пальме контракт с Bofors был заключен в рекордные сроки, и уже 24 марта 1986 года Индия приобрела у Bofors 410 гаубиц на общую сумму свыше 1 миллиарда долларов. Однако через год шведской прессе стало известно о фактах взяток, которые были розданы Bofors в Индии, называлась даже сумма в 60 миллионов долларов. Раджив Ганди до самой смерти в 1991 году утверждал, что он к взяткам отношения не имеет и что шведы пообещали не раздавать взятки при заключении контракта. Однако некоторые источники утверждают, что часть денег была переведена через один из английских банков на счет семьи Ганди. Возможны две версии того, как контракт с индийской армией мог привести к убийству Пальме. Возможно, Пальме узнал о фактах взяток индийским властям со стороны Bofors и пригрозил срывом контракта, ведь до того Пальме лично пообещал Ганди, что конкурс будет проведен чисто. Также не исключено, что к убийству могли быть причастны французские конкуренты Bofors, так как контракт стал во многом возможен благодаря личному влиянию Пальме.

Лишь одна из версий убийства Улофа Пальме была доведена до суда. Человек по имени Кристоф Петерссон был арестован по

обвинению в убийстве Улофа Пальме в 1988 году. Рецидивист, алкоголик, наркоман и психопат выглядел идеальной фигурой, на которую можно было повесить смерть премьер-министра. Впервые 41-летний Петерссон был допрошен спустя 2 месяца после убийства. Свидетели сообщили, что видели его в вечер убийства вблизи места преступления. Петерссон все отрицал, утверждая, что всегда голосовал за социал-демократов и даже повесил у себя дома портрет Улофа Пальме. Однако его опознала жена Пальме, Лисбет, главный свидетель, выжившая после покушения. Она твердо заявила, что узнала Петерссона и именно его видела на месте преступления. На основании этого заявления вдовы Пальме и ряда косвенных улик суд приговорил Петерссона к пожизненному заключению. Однако спустя некоторое время Верховный суд оправдал Петерссона за недостатком улик и даже присудил ему компенсацию за понесенный ущерб в размере 300 тысяч шведских крон.

Однако в 1997 году имя Петерссона вновь привлекло внимание следователей и прессы. Адвокат Пелле Свенссон заявил, что располагает документами, свидетельствующими, что убийцей действительно является Петерссон. По словам Свенссона, заказчиком убийства был его клиент, известный шведский преступник Ларе Тингстрем, умерший в 1993 году и завещавший раскрыть тайну убийства Пальме не ранее 1996 года, т. е. через 10 лет после смерти премьера. Тингстрем якобы пытался отомстить за свою сломанную судьбу. Когда он в 1977 году впервые попал на скамью подсудимых по обвинению в угрозах бывшему деловому партнеру, прокурор, который расследовал дело, соблазнил невесту Тингстрема. За это Тингстрем поклялся отомстить, но не прокурору, а всему шведскому государству. Каждое его последующее преступление носило характер террора против шведского общества. Во время одной из отсидок Тингстрем познакомился с Петерссоном и они составили обоюдный план «мести обществу». Эта версия подтверждалась также показаниями покойного владельца сети казино и торговца наркотиками Сигге Седергрена, который перед смертью признался, что продал Петтерссону иТингстремуревольвер «Магнум». Пальме был убит именно из такого револьвера.

Однако шведских следователей снова ждало разочарование. Обещанное «завещание» Тингстрема обнаружить не удалось, равно как и пистолета в указанном им месте. Все, что смог предоставить Свенссон, — это свои собственные записи, сделанные якобы со слов Тингстрема. Полиция попыталась предоставить эти улики в суд, однако этого оказалось

недостаточно для выдвижения повторного обвинения против Петерссона. Сам же Петерссон все категорически отрицал.

И вот в конце октября 2001 года в выпуске популярного шведского издания «Expressen» появилась статья журналиста Терта Фюльчинга, заверенная подписью самого Петерссона. В статье утверждалось, что версия вдовы Пальме, опознавшей Петерссона как убийцу, полностью соответствует действительности. Фюльчинг, старый знакомый Петерссона, пишет, что тот неоднократно признавался ему в убийстве Пальме. Петерссон полностью подтвердил историю, рассказанную адвокатом Тингстрема. Он заявил, что не планировал убить именно премьера Улофа Пальме. Однако в тот роковой день случайно встретил семейство Пальме по пути в кинотеатр, после чего раздобыл оружие, вернулся к кинотеатру, дождался конца фильма и выстрелил в премьер-министра.

По версии Герта Фюльчинга, на признание Петерссона подвигло первое с момента убийства интервью Лисбет Пальме, опубликованное незадолго до этого в газете «Dagens Nyheter». Вдова политика утверждала, что для нее было тяжелым ударом то, что суд ей не поверил, хотя она абсолютно уверена — Улофа Пальме убил Петерссон. Именно эти слова якобы растрогали убийцу, и он решился сказать наконец правду. «Expressen» сама предложила Петерссону ответить на интервью Лисбет Пальме, но никто в газете не мог даже предположить, что реакция будет такой.

Сенсация застала страну врасплох. Казалось бы, у следствия, которое за 15 лет не приблизилось к разгадке, появляется очередной шанс. Однако в правовом государстве признания не достаточно, а кроме этого никаких новых доказательств у следствия так и не появилось. С 1986 года в убийстве призналось более сотни человек, все оказались психически нездоровыми, а психическое здоровье Петерссона, хронического алкоголика и наркомана, также вызывает немало вопросов. По мнению Агнеты Бильдберг, назначенной в начале 2001 года главой следственной комиссии по «делу Пальме», сдвинуть расследование с мертвой точки сможет только обнаружение орудия убийства. Однако, по версии Фюльчинга, Петерссон выбросил пистолет в море с борта парома, на котором он направлялся в Финляндию.

Помимо перечисленных выше версий, героями публикаций в связи с убийством Улофа Пальме оказывались также хорватские националисты, западно-германские террористические группировки и другие радикальные организации. В действительности желать смерти Пальме могли многие в мире, поскольку по ряду вопросов он занимал весьма принципиальную

и, можно даже сказать, самоотверженную позицию.

Свен Улоф Иоахим Пальме был выдающимся и наиболее узнаваемым в мире шведским политическим деятелем современности. Вероятнее всего, его убийство так и останется нераскрытым. Как и в случаях с Джоном Кеннеди и Мартином Лютером Кингом, наследие Пальме — одаренного лидера, оратора и борца за мир будет сохранено на долгие годы. Возможно, трагическая гибель Улофа Пальме внесла в дело мира больший вклад, чем даже его жизнь.

УБИЙСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ

БОРИС, КНЯЗЬ ЯРОСЛАВСКИЙ, И ГЛЕБ, КНЯЗЬ МУРОМСКИЙ (около 988-1015, 984-1015)

Сыновья князя Владимира I Святославовича. Согласно русским летописям, убиты братом Святополком после смерти Владимира.

В этой главе будут рассматриваться обстоятельства не одного, а нескольких братоубийств, совершенных при разделе земли сыновьями и внуками великого князя киевского Святослава Игоревича.

Святослав предположительно родился в 942 году. Отец Святослава, князь Игорь, был убит восставшими древлянами во время сбора дани. В это время Святославу было около двух лет. Вместо малолетнего князя правила его мать Ольга. Она жестоко отомстила древлянам за смерть мужа. В 957 году, на тридцать с лишним лет раньше Владимира Ольга приняла крещение, став Еленой.

Достигнув совершеннолетия, Святослав начал править самостоятельно. Его часто называют самым воинственным из русских князей. Основным занятием Святослава стали многочисленные военные походы. За годы своего правления он возглавлял военные экспедиции в Поволжье, на Оку, Северный Кавказ, Балканы, в Болгарию. Сначала Византия поддерживала поход в Болгарию. Участвовали в нем и печенеги. Святослав взял большое количество болгарских городов и вскоре мог бы захватить всю страну. Это не входило в планы византийцев. Ведь изначально они стремились избавиться от беспокойных соседей — болгар, а в результате могли обзавестись еще более опасным соседством. Византийский император предал Святослава. Он направил печенегов на Киев. Это заставило Святослава прервать болгарский поход и вернуться на родину. Но вскоре (в 971 году) Святослав снова отправился в Болгарию, оставив управлять Русью своих сыновей. К тому времени Византия заключила с Болгарией мир. Святославу вскоре пришлось прекратить поход против двух противников и вернуться в пределы своих земель. На лодках Святослав и его войско благополучно добрались до днепровских порогов. Но подняться выше было невозможно: пороги заняли печенеги. Весной 972 года в стычке с печенегами Святослав погиб. В отличие от матери Святослав не стал христианином.

У Святослава было три сына: Ярополк, Олег и Владимир. Перед тем как отправиться в свой последний поход, Святослав

оставил Ярополка править в Киеве, Олег получил в свое управление древлян, а Владимир — Новгород. Вскоре после смерти отца между братьями вспыхнула междоусобная вражда. По легенде, ее начало было случайным. Олег убил на охоте сына Свенельда, воеводы и главного советника Ярополка. Подстрекаемый Свенельдом, Ярополк начал войну против брата. В 977 году войска Олега были побеждены, а сам он убит. Но, скорее всего, легенда стремится несколько скрасить поведение наследников Святослава и привести его в соответствие с какой-то моралью. На самом деле, вполне вероятно, что братья просто не поделили власть.

Узнав о смерти Олега, Владимир бежал из Новгорода. Он переправился через Балтийское море (в те времена — Варяжское) к варягам. Это тоже не очень соответствует летописному варианту о «личных» причинах войны между Ярополком и Олегом. Ведь если война между последними началась из-за убийства сына Свенельда, то чего было опасаться Владимиру. Так или иначе, но на короткое время Ярополк стал единоличным правителем Руси.

Но уступать власть брату Владимир не собирался. Через два года он вернулся во главе большого войска, состоявшего из наемников-варягов. Он пошел на Ярополка войной ив 980 году одержал победу. Оставив Киев, Ярополк укрепился в городе Родне. Владимир осадил город. Вскоре из-за начавшегося голода Ярополк был вынужден пойти на переговоры. Тогда и случилось первое из «обещанных» нами братоубийств. Ярополк направился к лагерю Владимира, но перед входом был предательски убит из засады двумя варягами, подосланными братом.

Владимир стал правителем всей Руси. Княжил он в Киеве. После прихода к власти Владимир, подобно отцу, предпринял целый ряд военных походов, в основном успешных. Самым известным его деянием является принятие христианства и крещение Руси. Достоверные сведения об этом, дошедшие до нас из летописей, щедро перемешаны с целым рядом легенд. Вот как летопись описывает эти события (здесь и дальше цитаты из летописи будут выделены курсивом):

«Пришли к Владимиру (в 986 году) сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от Римского Папы, затем хазарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира к своей вере. Он же выслушал их и всех отослал прочь, кроме грека. С греком он беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего

его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть: «кто как служит Богу?» Побывав и на востоке, и на западе, послы попали в Царьград и были поражены там несказанным благолепием греческого богослужения. Они так и сказали Владимиру, прибавив, что сами не хотят оставаться более в язычестве, познав православие. Это испытание вер через послов решило дело. Владимир прямо спросил своих советников: «Где крещение примем?» А они согласно ответили: «Где тебе любо». И вот в следующем 988 году Владимир пошел с войском на Корсунь и осадил его. Город упорно сопротивлялся. Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунъ, и действительно взял его. Не крестясь еще, он послал в Царьград к царям-братьям Василию и Константину, грозя идти на них и требуя за себя замуж их сестру Анну. Цари сказали ему, что не могут выдать царевну замуж за «поганого», т. е. за язычника. Владимир ответил, что готов креститься.

Тогда цари прислали в Корсунь сестру свою и с ней духовенство, которое крестилорусского князя и венчало его с царевной. Перед крещением Владимир заболел и ослеп, но чудесно исцелился во время самого таинства крещения. Помирясъ с греками, он возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру».

Трудно определить, какие сведения из летописи являются достоверными. Но вот поход Владимира на Корсунь — событие, скорее всего, реальное. В 987 году византийский император Константин обратился к Владимиру за помощью в подавлении внутреннего восстания. Владимир согласился, но за помощь потребовал руку сестры Константина Анны. А для того, чтобы брак стал возможным, обещал принять христианство. Для властителя полудикой Руси брак с принцессой просвещенной и могучей Византийской империи был очень перспективным. Константина же не очень устраивал брак его сестры с «дикарем», да еще и бывшим язычником, при котором происходили человеческие жертвоприношения. Но другого выхода не было, внутренняя угроза была велика, а больше помощи ждать неоткуда, и византийский император согласился. В 988 году восстание было подавлено, но выполнить условия договора Константин отказался. Тогда Владимир осадил и через некоторое время захватил Корсунь. Теперь он настоял на выполнении Константином условий соглашения. Точное место крещения Владимира не известно, но большинство источников свидетельствуют о том, что обряд прошел в Корсуни. При крещении Владимир получил имя Василий.

После Владимир занялся крещением Руси. Во многих случаях приходилось действовать силой. Но во всеобщем принятии христианства Владимир видел способ объединить населяющие Русь племена и избежать распада единой страны. Вообще неправильным будет сказать, что «Владимир крестил Русь». Да, он где силой, где убеждением, где — личным примером распространял христианство. Но языческие верования на Руси сохранялись еще на протяжении нескольких веков, а некоторые их проявления и поныне встречаются в самых распространенных суевериях.

Но мы несколько отвлеклись от основной линии нашего повествования.

До нас дошли сведения об одиннадцати родных сыновьях Владимира. Двенадцатым, приемным, был Святополк. Сразу после смерти Ярополка Владимир взял в жены его вдову и усыновил Святополка, своего племянника (вообще, до принятия христианства у Владимира было несколько жен и большое количество наложниц). Именно Святополк и стал центральной фигурой событий, которым посвящена эта глава. В 994–996 годах состоялся так называемый «второй раздел земель» (первый состоялся раньше). В результате этого раздела каждый из сыновей получил в свое управление какую-то область Руси.

Владимир отдал в управление Святополку Туров. В 1013 году Святополк женился на дочери польского князя Болеслава Храброго. Вместе с невестой из Польши прибыл и немецкий епископ Реинберн. По некоторым сведениям, его задачей, в том числе, было добиться перехода Русской церкви из-под влияния Византии к Риму. Вместе с Реинберном Святополк стал готовить восстание против отчима. Но Владимир узнал о готовящемся заговоре. Он заточил Святополка, его жену и Реинберна в тюрьму.

Не только приемный сын, Святополк, доставил неприятности отцу. В 1013 году умер старший сын Владимира и князь новгородский Вышеслав. По идее его место в Новгороде должен был занять второй по старшинству Святополк. Но он к тому времени уже попал в немилость. Поэтому новым князем новгородским стал Ярослав (будущий Ярослав Мудрый). Он, что называется, не оправдал доверия: «отложился» от отца и стал править независимо. В 1015 году Владимир собирался пойти на сына войной, но внезапно заболел и 15 июля умер. По некоторым сведениям, перед самой смертью Владимир освободил Святополка и дал ему в управление Вышгород — город на Днепре, в 18 километрах от Киева. Во время смерти отца Святополк находился в Киеве. Как старший из оставшихся в живых сыновей Владимира, он мог претендовать на киевский

престол. Приближенные Владимира даже пытались скрыть от него смерть отчима, с тем чтобы передать власть кому-либо из родных сыновей. Но сведения о кончине Владимира дошли до Святополка, и он занял киевский престол. В его руки попала казна, и он смог щедрыми подарками расположить к себе киевлян. Теперь больше всего Святополка беспокоили возможные претензии сводных братьев на власть. И в первую очередь любимого сына Владимира, Бориса.

Сведения о жизни Бориса (после крещения — Роман), дошедшие до нас, весьма скудны. Родился он около 988 года. Во время второго раздела земель Борису достался Ростов (прежде он владел Муромом). С того времени и до 1015 года о судьбе Бориса ничего не известно. Незадолго до своей смерти уже заболевший Владимир призвал Бориса в Киев. В Киеве Бориса застали слухи о вторжении печенегов. Отец поставил его во главе своей дружины и отправил отразить нашествие. Сведения о вторжении оказались недостоверными. Не встретив противников, Борис в конце концов принял решение возвращаться в Киев. Пока он находился в походе, Владимир умер. От Святополка Борис получил известие о смерти отца. В это время он стоял лагерем у реки Альты. В своем послании Святополк заявлял о дружеских намерениях по отношению к Борису и обещал увеличить его владения.

Согласно летописи «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу», Борис сразу заподозрил Святополка в недобрых намерениях. Вот как летопись передает его слова: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своимируками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать твои прекрасные седины. О, блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мояразум смущает, и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство моерешится, буду мучеником перед господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

После того как в лагере стало известно о смерти Владимира, дружина предложила Борису двинуться на Киев и завладеть престолом.

«Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все

воины в твоих руках». Борис отказался.

«Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого чту я как отца».

После этого войско Владимира покинуло Бориса. При нем осталась только немногочисленная собственная дружина.

Между тем, послав гонца с известием к Борису, Святополк отправился в Вышгород, собрал отряд из своих бояр и поручил им убить Бориса. Ночью на 24 июля они ворвались в лагерь Бориса и напали на него. Князя храбро защищал преданный слуга «угрин» (венгр). Он пытался прикрыть господина собственным телом и погиб. Борис был поражен ударами копий, но еще дышал. Убийцы завернули его в полотно от шатра и повезли в Киев. Но Святополк опасался появления раненого Бориса в городе. Поэтому он послал двух наемников-варягов, и те добили раненого. Тело сводного брата Святополк приказал тайно перевезти в Вышгород и похоронить в церкви св. Василия.

Следующей жертвой коварности Святополка стал Глеб Владимирович (после крещения — Давид). Он родился приблизительно в 984 году. Уже после 15 июля 1015 года Святополк отправил в Муром, где княжил Глеб, известие о том, что Владимир тяжело болен и хочет его видеть. В сопровождении небольшой дружины Глеб отправился в Киев. Находясь недалеко от Смоленска, он получил от Ярослава предостерегающее послание, в котором говорилось о смерти Владимира и убийстве Святополком Бориса. Набожный Глеб стал оплакивал смерть отца и брата и молиться:

«О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О, милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

Пока Глеб молился и оплакивал убитых, прибыли посланные Святополком убийцы. Повинуясь их вожаку, Глеба зарезал его собственный кухарь. Тело убитого в 1019 году было найдено по приказуЯрослава Владимировича и похоронено рядом с останками Бориса.

В 1071 году Борис и Глеб были канонизированы Русской православной церковью и стали не просто первыми, но и самыми популярными русскими святыми, покровителями русских князей, заступниками Руси, символом братской любви. В 1115 годув Вышгороде была построена церковь Бориса и Глеба. Мощи святых братьев были снова перезахоронены. В 1240 году, во время нашествия Батыя, церковь Бориса и Глеба была разрушена, а их мощи утрачены.

Еще один сын Владимира, князь древлянский Святослав стал жертвой своего сводного брата. Узнав о судьбе Бориса и Глеба, Святослав намеревался укрыться в Венгрии. Святополк послал за ним погоню. «Близ гор Карпатских» беглец был настигнут и убит.

Правивший в Новгороде Ярослав собрал войско и двинулся на Киев. Во главе большой армии, состоявшей как из русских, так и из печенегов, Святополк вышел ему навстречу. Войска встретились на Днепре, близ города Любич. Лагеря противников располагались на разных берегах реки. Святополк при этом занимал не очень удобную позицию, между двумя озерами. Всю ночь он пировал с дружиной, не ожидая атаки неприятеля. Ранним утром воины Ярослава переправились через реку и начали наступать. Из-за озер печенеги не смогли вовремя включиться в битву. Войско Святополка было прижато к берегу озера. Поняв, что сражение проиграно, он пустился в бегство.

Спасшись с поля боя, он отправился в Польшу, к своему тестю Болеславу, а Ярослав занял киевский престол.

Через три года Святополк и Болеслав пошли против Ярослава во главе большого польского войска. Армия Ярослава, состоящая из русских и варягов-наемников, выступила навстречу. В битве на берегу Буга Ярослав потерпел сокрушительное поражение и был вынужден бежать в Новгород. Киев был захвачен поляками, и Русью стал править Болеслав. Святополк оказался не у дел. Через некоторое время он поднял восстание против своего недавнего союзника и «родственника». В короткие сроки люди Святополка перебили расквартированных по окрестностям Киева поляков. Болеслав, прихватив казну, бежал из Киева, а на престол вновь взошел его преступный зять.

Меж тем Ярослав вновь собрал большое войско, в основном из наемников-варягов. Лишенный поддержки поляков, Святополк ничего не мог противопоставить его силам и бежал к печенегам. В 1019 году собранное Святополком из печенегов войско встретилось с силами Ярослава на реке Альта.

После тяжелого и практически равного боя, длившегося целый день, Ярослав победил. Святополк бежал в Польшу, а оттуда, боясь мести Болеслава, в Чехию. В пути он умер.

За свои многочисленные преступления в русских летописях Святополк был прозван Окаянным, то есть подобным библейскому братоубийце Каину.

Но. Как люди, живущие в просвещенное время, мы знаем, что у всех обвиняемых должны быть свои защитники. Немало таких защитников есть и у Святополка. Часть современных историков придерживаются мнения, что описанные выше злодейства Святополк не совершал и они были приписаны ему позднее. Более того, согласно этим теориям, братоубийцей был не оклеветанный после смерти Святополк, а Ярослав. Доводы, которые приводят сторонники подобной точки зрения, разнообразны, и многие из них выглядят очень убедительно. Начнем с нескольких косвенных подтверждений невиновности Святополка.

Все сведения о преступлениях Святополка явно почерпнуты из одного источника, не сохранившегося до наших дней. Когда и кем был написан этот текст — не известно. Историю пишут победители. После того как Ярослав пришел к власти, либо он, либо его потомки могли повлиять, прямо или косвенно, на трактовку событий в каком-то литературном источнике, до наших дней не дошедшем.

Далеко не однозначно известно, был на самом деле Святополк приемным или родным сыном Владимира. Ребенок родился, когда его мать уже была замужем за Владимиром. Он якобы взял в жены беременную вдову Ярополка, причем насильно. Но летописи, указывающие на это, могут быть недостоверными. Дело еще и в том, что дохристианская жизнь Владимира в летописях умышленно описывается в основном черными красками, чтобы продемонстрировать, какие благотворные перемены произошли благодаря крещению. В любом случае, даже если Святополк и не был родным сыном Владимира, он был усыновлен. А следовательно, мог претендовать на престол и без братоубийства. В то же время Ярослав, как мы уже писали, отошел от отца. Только смерть помешала Владимиру пойти войной на мятежного сына. Естественно, что после этого путь на киевский престол был Ярославу заказан. Таким образом, убийство братьев было выгодно именно ему, а не Святополку.

Сам Ярослав никогда не обвинял Святополка в братоубийстве. Более того, еще при жизни Ярослава один из его внуков получил имя Святополк. Вполне убедительным кажется рассуждение о том, что дед едва ли согласился бы, чтобы его внука назвали именем его же заклятого врага и братоубийцы.

Помимо подобных умозаключений, у альтернативной точки зрения есть и более существенные подтверждения. Это несколько письменных источников. Первый — скандинавская сага об

Эймунде. Как мы уже писали, в те времена у русских (а особенно — новгородских) князей в качестве наемников служили варяги. Эймунд был одним из них. В саге в частности рассказывается, что два воина, Эймунд и Рагнар, были изгнаны из Норвегии и поступили в Холмгарде (Новгороде) на службу к конунгу Ярицлейфу, в котором нетрудно угадать Ярослава. Далее говорится, что Ярицлейф вел войну против своего брата. Бурицлава, который правил в Кенугарде (Киеве). По всей видимости, Бурицлав — не кто иной, как Борис (Борислав — полный славянский вариант этого имени). Далее говорится о том, что Ярицлейф одолел брата в сражении, тот бежал, через некоторое время вновь собрал войско, вернулся и опять потерпел поражение. А вот как в «саге об Эймунде» описывается гибель Бурицлава:

«Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идёт он сразу туда и убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга… И едет Эймунд к Ярицлейфу конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава».

Это убийство похоже на почерпнутое из русского источника описание смерти Бориса с точностью до подробностей, которые и в летописи не обязательно достоверны. В любом случае, Святополк, противник Ярослава в летописном источнике, точно умер иначе. Таким образом, получается, что после смерти Владимира киевский престол занял не Святополк, а Борис. Ярослав пошел на него войной. Борис дважды потерпел поражение и в конце концов был убит наемником-скандинавом. Косвенно подтверждает это мнение и описанный в летописи нелепый поход Бориса против печенегов, которых он так и не нашел. Кому-то понадобился повод, чтобы убрать Бориса из Киева на время, пока не умрет его отец и к власти не придет Святополк. Вполне возможно, что этим «кем-то» попросту был летописец.

О смерти Глеба в «саге об Эймунде» ничего не сказано. В рамках альтернативной теории есть несколько предположений о том, как он умер. Одна из них — тоже был убит по поручению Ярослава. Другая — погиб от рук своих же подчиненных (как это, в общем-то, и указано в летописи), но в результате бунта.

Второй источник, косвенно подтверждающий невиновность Святополка, — хроника Титмара Мерзебургского. Очень много внимания в этой хронике уделяется истории отношений между немцами и славянами. Этот источник по сравнению с «летописью» и «сагой» обладает одним несомненным достоинством: его автор жил непосредственно в одно время с описываемыми нами событиями. Вот цитата из хроники:

«Имея троих сыновей, он (речь идет о Владимире) дал в жёны одному из них дочь нашего притеснителя герцога Болеслава (Болеслав Храбрый), вместе с которой поляками был прислан Рейнберн, епископ Колобжегский….Упомянутый король, узнав, что сын его по наущению Болеславову намерен тайно выступить против него, схватил епископа вместе с сыном и его женой и заключил каждого в отдельную темницу….Названный король умер в преклонныхлетах, оставив всё своё наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю».

Естественно, что в этом документе ничего не сказано об убийстве Бориса и Глеба. Но в нем ясно сказано, что после смерти отца Святополк бежал в Польшу. О его пребывании на киевском престоле речь не идет. Это лишний раз говорит в пользу того, что после Владимира к власти пришел вызванный им еще перед смертью Борис. Что и естественно: не оставлять же киевский престол мятежному Святополку.

Что касается убийства еще одного брата, Святослава, то сторонники теорий о невиновности Святополка приписывают его организацию или тому же Ярославу, или самому Борису.

Кроме того, есть еще один источник, который, возможно, снимает с Святополка ответственность за другое преступление — предательство своего тестя и бунт против него. В хронике Галла Анонима говорится:

«Болеслав в течение десяти месяцев владел богатейшим городом и могущественнейшим королевствомрусских и непрерывно пересылал оттуда деньги в Польшу; а на одиннадцатый месяц, так как он владел очень большим королевством, а сына своего Мешко ещё не считал годным для управления им, поставил там в Киеве на своё место одногорусского, породнившегося с ним, а сам с оставшимися сокровищами стал собираться в Польшу».

Конечно, обстоятельства, при которых польский князь «поставил в Киеве на свое место» Святополка (а речь очевидно идет о нем), явно не указаны. Возможно, это был и бунт, поднятый зятем. Но здесь названа другая причина: молодость сына Болеслава.

В заключение хочется сказать, что собственного мнения по поводу истинных причин смерти Бориса, Глеба и Святослава авторы не имеют. По мере своих возможностей мы постарались изложить две точки зрения. На протяжении нескольких сотен лет русские ученые не ставили под сомнение вину Святополка в смерти братьев. Возникшие относительно недавно

альтернативные теории имеют и сильные, и слабые места. В научных дискуссиях переломано уже почти столько же копий, сколько сломали за свою жизнь люди, ставшие предметом этих дискуссий. Будем надеяться, что когда-нибудь новые исследования приведут к тому, что чаша весов склонится в сторону той или иной точки зрения. Возможно также, что смерть святых великомучеников Бориса и Глеба на самом деле произошла при каких-то иных обстоятельствах, не укладывающихся в рамки описанных теорий.

МАМАЙ (? -1380)

Татарский темник, фактический правитель Золотой Орды. Организовал походы врусские земли. Потерпел поражение от московского князяДмитрия Донского в битвах нареке Вожа в 1378 году и на Куликовом поле в 1380 году. Потеряв власть, бежал в Крым. Убит в Кафе.

Сложность описания какого-либо знаменитого убийства прямо пропорциональна его древности и географической удаленности от «просвещенной» Европы. Действительно, если в том же Древнем Риме были Светоний и Плиний, то в случае с Улугбеком или Мамаем приходится опираться в основном на русские летописи. А в летописи эти в основном записывали не то, что произошло на самом деле, а то, что было выгодно тому князю, у которого на службе состоял тот или иной летописец. Этот факт не раз с блеском использовали и академик Анатолий Фоменко, и известный писатель-фантаст Александр Бушков для своих исторических «открытий». Например, согласно тому же Бушкову, князь Дмитрий Донской и хан Тохтамыш — одно и то же лицо. Согласиться с этим, конечно, тяжеловато, но вот то, что эти двое не были такими уж врагами, какими их рисовал советский учебник истории, — факт. Более того, главный враг (по крайней мере на момент Куликовской битвы) у них был общий и им был Мамай.

Но это так — прелюдия, ставящая своей целью подготовить читателя к тому, что повествование о жизни и, особенно, о смерти Мамая является, строго говоря, собранием не столько фактов, сколько предположений, несколько отличающихся от приведенных в «собрании стереотипов» — школьном учебнике истории Древнего мира. Возьмем, например, два основных стереотипа, которые с детских лет, мы уверены, помнят многие читатели. Первый стереотип — Мамай был ханом Золотой Орды. Второй стереотип — на Куликовом поле русские войска сражались не столько против Мамая, сколько против войск Золотой Орды и, соответственно, против татаро-монгольского ига. Вот привычная трактовка Мамаева побоища из Большой Советской Энциклопедии: «…На Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад». Оба этих факта, мягко говоря, действительности не соответствуют. Но обо всем по порядку, и перед тем, как приступить к рассказу о Мамае, расскажем о ситуации, в которой оказались Русь и Орда к 1380 году, и о том, какие события привели к грандиозной битве возле впадения реки

Непрядвы в Дон.

Русь. Хотя, впрочем, какая Русь? Прежняя Киевская Русь канула в небытие уже в начале XIV века. Политического единства русских земель больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно. Сейчас основную роль в жизни Руси играли другие города, пришедшие на место старых городов Приднепровья. Наиболее важными из них были: располагающаяся на Волге Тверь; стоящая на границе со степью Рязань (и, соответственно, более других страдающая от набегов степных грабителей); Нижний Новгород — торговый город на границе с волжскими булгарами; Смоленск — фактически западный форпост Руси; Владимир, в котором с 1299 года находился престол митрополита; претендующая на роль столицы Суздаль; потихоньку набирающая авторитет и силу Москва. Столицей этой Руси был Владимир, и Русь, соответственно, называлась Владимирской.

Как мы видим — сильных городов, которые, объединившись, могли дать отпор завоевателям-татарам, хватало. Русские князья вместо того, чтобы объединиться против общего врага, с большим удовольствием воевали между собой за право быть первым «вассалом» на службе у татарского хана. Сразу после смерти своего князя Михаила Тверского Тверь сделалась противницей Москвы. Также тяготели к самостоятельности Суздаль и Нижний Новгород. Рязанцы, которые, ввиду своего географического положения, воевали больше других русских княжеств, также претендовали на независимость и более охотно воевали с москвичами, нежели с татарами.

Когда князь становился «великим князем Владимирским», получив ярлык на княжение от золотоордынского хана, он фактически приобретал в качестве подданных только население своего удела — москвичей, нижегородцев или тверичей. И если некоторым подданным не нравился этот князь или установленный им порядок, они могли беспрепятственно перейти в любое соседнее княжество и там чувствовать себя достаточно свободно и независимо.

Можно задаться вопросом: что же являлось связующей нитью для всех русских людей в XIV в. при всей разобщенности отдельных княжеств? Ответ прост и логичен — православная вера. Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, являлся русским. И именно православная церковь не дала состояться окончательному распаду Руси.

Начало подъема Москвы связывают с княжением (с 1325 года)

в Москве Ивана Калиты. Еще в первой половине XIV в. Иван Калита, опираясь на поддержку вначале хана Узбека, а затем его сына Джанибека, взял на себя функцию выплаты дани за всю Русь. Теперь Москва собирала дань как налог со всех русских княжеств и выплачивала в Орду то, что называлось «выход». И если, например, тверичи призывали против Москвы литовцев, то татарские отряды, приходившие с Волги, защищали источник доходов хана.

Поле смерти Ивана Калиты фактическим главой государства стал митрополит Алексий, сменивший на престоле митрополита Феогноста. Алексий происходил из знатного боярского рода Плещеевых и был умным и грамотным политиком. В качестве верховного главы Русской церкви Алексий обладал вполне реальной властью над всеми русскими князьями без исключения. В 1362 году Москва (с московским князем Дмитрием Ивановичем) победила Суздаль в войне за Владимир. Центром политической жизни Руси становится Москва. Но оставим на время дела русские и посмотрим на восток.

Орда. Хотя, опять же, — какая Орда? Еще в 40-х годах XIII века великое государство Чингисхана было разделено на три части — Белую Орду, находившуюся между Иртышом и хребтом Тарбагатай (район нынешнего Семипалатинска); Золотую (Большую) Орду, находившуюся на Волге, и Синюю Орду, кочевавшую от Тюмени до Арала. Нас, конечно, больше интересует Золотая Орда, как ближайшая к Руси. В 1345 году ханом Золотой Орды стал Джанибек — человек добрый, честный и дельный, который противостоял проникновению в Поволжье и в Причерноморье католиков-генуэзцев — союзников константинопольских императоров. Период царствования Джанибека ознаменовался хорошими отношениями с Русью и лично с митрополитом Алексием. Финал царствования «доброго царя» Джанибека был трагичен. Один из его многочисленных детей — Бердибек — стал (в 1357 году) отцеубийцей, захватил трон и казнил всех своих братьев, дабы упрочить свои права на престол. Но изверга-отцеубийцу никто не собирался поддерживать, и вскоре Бердибек был убит. После этого объявился целый ряд самозванцев. Кульпа, Навруз и другие называли себя уцелевшими детьми Джанибека. Все они претендовали на престол, а их истинным происхождением никто не интересовался. В результате стабильность в Орде была утрачена — за десять лет сменилось несколько десятков ханов, большинство из которых были чисто номинальными политическими фигурами. Русские летописцы очень точно назвали происходившее в Орде «Великой замятней».

В этот момент (наконец-то!) и выходит на политическую арену главный герой этой главы — Мамай, — муж дочери Бердибека. В. А. Чивилихин в своей книге «Память» отмечал следующие факты, касающиеся происхождения и характера Мамая: «До того как стать главой Золотой Орды, Мамай был «темником», т. е. начальником 10-тысячного воинского соединения («тумен»). По своим религиозно-общественным взглядам Мамай принадлежал к ордену «исмаилитов», возникшему первоначально как одна из сект шиитского течения ислама. Исмаилиты высших степеней, к числу которых принадлежал и Мамай, становились людьми, исповедующими эклектическую религиозную философию, замешанную на крайней беспринципности и цинизме, преследуя исключительно цели достижения богатства и власти, создавая тайные организации заговорщиков и интриганов, действующих с помощью банд наемных убийц. Исмаилиты действовали не только по всему мусульманскому миру, ноив Европе. Недаром в итальянском и французском языках название одной из исмаилитских сект — «ассасин» — стало словом, обозначающим убийство или убийцу». Сам Мамай происходил из монгольского рода Кыйан, который проиграл борьбу за власть роду Чингиза еще в XI веке. Мамай не был Чингизидом (т. е. не был из рода Чингиза) и не мог быть ханом, поэтому он возводил на престол Золотой Орды марионеточных ханов (которые во время «замятии» особо долго не жили), но при этом фактически главой государства был он сам. Историки считают Мамая храбрым полководцем, способным администратором и искусным политиком. В 1370 году Золотая Орда распалась на 7 независимых владений. Мамаю досталось Причерноморье, откуда он попытался наладить через генуэзские колонии в Крыму контакты с Западом.

Тут самое время сказать несколько слов и о генуэзцах. Контролируя в XIV и первой половине XV века бассейн Черного и Азовского морей с помощью своих колоний, генуэзские банкиры внимательно следили за странами, через которые шли основные торговые пути к Черному и Азовскому морям, и активно вмешивались в их внутренние дела и отношения между ними. В зону интересов генуэзцев попала и Русь, уже не Владимирская, а Московская. А в качестве инструмента влияния генуэзцами был выбран именно Мамай, который очень нуждался в деньгах, чтобы платить их своим солдатам. Так как волжские татары неохотно служили Мамаю, в его войске их было немного, поэтому Мамай привлек ясов, касогов (черкесов), крымских караимов и другие кочевые племена. Генуэзцы потребовали взамен концессии для добычи мехов и торговли на севере Руси, в районе Великого

Устюга.

Впрочем, о военном столкновении изначально речь не шла. До 1374 года Мамай не проявлял враждебности в отношении Москвы, напротив, по собственному почину, например, посылал князю Дмитрию Ивановичу «ярлык на великое княжение», хотя полагалось, чтобы русские князья сами обращались с просьбой об этом ярлыке. Так что же произошло в 1374 году?

Если бы Дмитрий согласился на сделку с итальянцами, Московская Русь в очень короткое время превратилась бы в торговую колонию генуэзцев. В этот момент свое веское слово сказала православная церковь. Преподобный Сергий Радонежский заявил, что с латинянами никаких дел быть не может: на Святую Русскую землю допускать иноземных купцов нельзя, ибо это грех. Преподобного Сергия поддержал митрополит Алексий, и предложение Мамая принято не было. Но ключевую роль в ссоре с Мамаем сыграл суздальский епископ Дионисий — приверженец Сергия и горячий сторонник войны с татарами. Так как Суздаль был маленьким городом, по существу крепостью, епископ Дионисий жил в богатом Нижнем Новгороде, принадлежавшем суздальским князьям. И когда Мамай в 1374 году прислал туда посольство — полторы тысяч человек, чтобы договориться о мире и союзе, епископ Дионисий настроил народ против татар. Нижегородская чернь накинулась на посольство, и все татары были умерщвлены самым жестоким образом: их, раздев донага, выгоняли на лед Волги и травили собаками. Самого посла (Сарай-аку), правда, Дионисий успел спрятать, но 31 марта 1375 года Сарай-ака умер — как считают исследователи, не без помощи политического врага Москвы, нижегородского князя Василия Кирдяпы. Любопытно, что митрополит Алексий знал о неистовой ненависти Дионисия к татарам, как знал и о готовящемся прибытии посольства в Нижний Новгород, поэтому и рукоположил Дионисия в епископы суздальские непосредственно перед прибытием Сарай-аки, тем самым фактически спровоцировав войну.

Мамай, придя в негодование от гибели своего посольства, послал на город царевича Арапшаха. Суздальские князья были не готовы к нападению, и на реке Пьяне их войска были вырублены воинами Арапшаха. После этого был взят Нижний Новгород и там учинена резня. Затем Мамай двинул войска дальше, чтобы окончательно подавить русских, но на реке Ворскле московские войска одержали полную победу над мурзой Бегичем, командовавшим войсками Мамая. В открытом бою русские сломили сопротивление татар и показали, что они по боеспособности не уступают татарам.

После всего происшедшего столкновение русских с Мамаем стало неизбежным. К томуже ситуация в Орде начала нормализоваться и времена «великой замятии» подходили к концу. Наконец-то нашелся человек, который благодаря своим талантам смог не только захватить власть, но и удержать ее. Этим человеком был Тохтамыш — сын эмира Мангашлыка Туй-ходжа-оглана, убитого правителем Белой Орды Урус-ханом. После казни отца Тохтамыш убежал к легендарному Железному Хромцу — Тамерлану — и предложил ему свои услуги. Тимур согласился и предоставил молодому Тохтамышу военную помощь. В 1375 году Урус-хан скончался, а его сын и наследник Токтакия умер через два месяца. На престол вступил брат — Тимур-Малик, который проявил исключительную бездарность и патологическую лень, поэтому неудивительно, что в 1376 году Тохтамыш без труда овладел Белой Ордой. А так как Синюю он получил по праву наследования, то для объединения Орды Тохтамышу оставалось лишь справиться с Мамаем и его Причерноморской Ордой. Инструментом для этого законный правитель Орды и избрал своего «вассала» — московского князя Дмитрия Ивановича.

Все эти события и привели к тому, что 8 сентября 1380 года на Куликовом поле сошлись две грандиозные по тем временам армии. Общее количество русских ратников, собравшихся под знаменами Дмитрия Московского, исчислялось 150 тысячами человек. Это войско состояло из княжеских конных и пеших дружин, а также ополчения, вооруженного копьями, рогатинами и топорами. Конница (около 20 тысяч дружинников) была сформирована из крещеных татар, перебежавших литовцев и обученных бою в татарском конном строю русских. В войсках Мамая была генуэзская пехота, а также аланы, касоги и половцы, мобилизованные на генуэзские деньги. В Европе для Мамая генуэзцы наняли 4 тысячи пехотинцев-копейщиков, которые должны были усилить конное войско Мамая. Этот отряд был доставлен из Европы на генуэзских кораблях через Средиземное, Черное, Азовское моря к устью Дона, откуда двинулся на соединение с войском Мамая. Численность войск грозного темника составляла приблизительно 200 тысяч человек.

И у Мамая, и у русских имелись союзники. На помощь темнику двигался литовский князь Ягайло, который давно строил планы завладеть Русью и обратить ее в католичество. Для этого литовский князь заключил мирный договор с Тевтонским Орденом, чтобы освободить все свои войска для похода на Дон.

Всего в литовском войске насчитывалось около 80 тысяч человек. А союзником Дмитрия Ивановича, естественно, выступал поддерживаемый Москвой хан Тохтамыш. Поскольку Тохтамыш с

войском из сибирских татар двигался к Сараю, Мамай задумал вначале разбить Дмитрия, предварительно соединившись с войсками Ягайла. В противовес этому князь Дмитрий принял решение выйти навстречу Мамаю и не дать ему соединиться с литовцами. Вот мы плавно подошли к разрушению и второго стереотипа: русские князья на Куликовом поле не против Золотой Орды, а против Мамая, который в это время считался в Орде изменником.

Одним из основных факторов, предопределившим судьбу битвы, стало опоздание войск Ягайла к месту битвы на один переход. По некоторым сведениям, Ягайло и не старался успеть, а хотел занять выжидательную позицию. Таким образом, литовцев на Куликовом поле не было. Про саму же Куликовскую битву написано очень много, и ее описание выходит за рамки данной статьи. Скажем только, что в решающий момент битвы в тыл армии Мамая пошел засадный полк — 10 тысяч свежих бойцов, которые с ходу ударили по уже потерявшей строй татарской коннице. Удар засадного полка вызвал панику в рядах врага; «мамайцы» (татар, как мы уже говорили, в войске Мамая практически не было) обратились в бегство, и на протяжении 20 верст русские преследовали их и рубили, не давая пощады никому.

Победа была одержана, но потери русских оказались очень большими: из 150 тысяч человек в строю оставалось 30 тысяч, 120 тысяч погибло или было ранено. Сколько людей потерял Мамай, неизвестно, — известно лишь то, что в скором времени Мамай собрал новую, довольно большую армию, во главе которой он спустя несколько месяцев на реке Калке сошелся с войсками Тохтамыша. Однако боя не было — воины Мамая присягнули на верность законному хану Чингизиду. Мамая, однако, при этом они не предали и разрешили ему уйти. Без армии, без денег, без охраны и без власти экс-темник возвращается в единственное место, где он может чувствовать себя в безопасности, — в генуэзскую крепость Кафу (современная Феодосия).

И тут мы наконец-то приступаем к описанию смерти Мамая — событию не менее, а то и более загадочному, чем его рождение и жизнь. К сожалению, в Кафе своего Светония или Плутарха не нашлось, поэтому смерть Мамая не описана так красочно, как, скажем, смерть Гая Юлия Цезаря. С другой стороны, Цезарь-то был императором, а Мамай был типичным неудачником, который к тому же потратил чужие деньги, а обещанного так и не выполнил. Судьба Мамая была предрешена.

В конце 1380 (по другим сведениям — в начале 1381) года он был убит в Кафе генуэзцами. Как? Мы вряд ли узнаем это

абсолютно точно и достоверно. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», «Мамай же прибеже пакы в Кафу… и ту убиен бысть фрязи».

Согласно Н. М. Карамзину, «оставленный верными мурзами, Мамай бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю (Тохтамышу) или завладеть Мамаевою казною».

Советский писатель Сергей Бородин в своем романе «Дмитрий Донской» так описал убийство Мамая:

«Ночью от Мамая вышла женщина. Бернаба [генуэзец, раб, советник Мамая] поспешил войти к хану [все тоже заблуждение], прежде чем он успел закрыть за женщиной дверь. Мамай отпрянул от Бернабы, но успокоился, видя, что вошел свой.

— Есть новости?

— Да! — ответил Бернаба. И воткнул в горло Мамая нож.

До рассвета Бернаба оставался у мертвеца. Он обшарил каждую щель, зная, как Мамай хитер, как осторожен. Он нашел мешочек алых лалов, запрятанных под порог. Нашел алмазы, вшитые в шов халата, завернул в пояс слитки золота. Заткнул за пояс тяжелые серебряные, изукрашенные драгоценными камнями рукояти мечей, отломанные от лезвий. Повесил на грудь мешочек с изумрудами».

Но откуда большие сокровища у дважды разбитого полководца? Скорее всего, Мамая убили не из-за денег, а или из желания угодить Тохтамышу, или из мести за погибших на Куликовом поле родичей. Вероятно, генуэзцы разочаровались в своем ставленнике. Он больше не был им нужен, более того, он мог быть опасен — как беглец от законного хана Золотой Орды. В благодарность за убийство Мамая генуэзцы получили от хана Тохтамыша спорные территории в Крыму.

Хан Тохтамыш через 2 года после сражения на Непрядве поверил в клевету суздальских князей о том, что Дмитрий Московский, уже ставший Донским, ведет переговоры с Литвой. Недолго думая, Тохтамыш подошел к владениям своего недавнего союзника и спалил Москву. Затем он вел долгую войну с еще одним своим недавним союзником — Тамерланом. Этот конфликт закончился кровопролитным сражением 15 апреля 1395 года на реке Терек, в котором более искусные и профессиональные воины Тамерлана одолели бившихся не на жизнь, а на смерть татар. Тохтамыш даже после этой битвы успел еще вдоволь повоевать. Пару раз осаждал Кафу, участвовал на стороне Витовта в проигранной битве на Ворскле и, наконец, погиб в 1406 году в низовьях Тобола при столкновении с ханом Шадибеком. Так завершил свою жизнь «последний паладин

степной культуры» (Л. Н. Гумилев).

Генуэзцы продержались в Крыму еще около 100 лет, но ничего не смогли сделать с начавшейся турецкой экспансией. Когда в 1475 году османы захватили Кафу, в городе было всего лишь 300 генуэзцев, остальное же население составляли греки и армяне.

А Русь. Междоусобицы, конечно, после Куликовской битвы не закончились, и до объединения страны надо было ждать еще не один десяток лет. Однако значение Куликовской битвы для русской истории, конечно, огромно. Во-первых, едва ли не впервые русские княжества сумели договориться и выступить единой военной силой против общего врага. Во-вторых, победа в Куликовской битве показала народу и князьям, что можно одолеть и такого грозного противника, как монголо-татары. Таким образом, ломалась вековая психология русичей — страх, робость перед могучим восточным пришельцем. Это был огромной силы моральный успех, который в конечном итоге и привел к становлению Московского государства, которое началось спустя век после Куликовской битвы во времена правления действительно великого государя — первого царя Всея Руси Ивана III Мудрого.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО «НАСЛЕДНИКИ»

ИВАН ИВАНОВИЧ (1554–1581)

Старший сын Ивана IV Грозного. Убит отцом во время ссоры.

Если в большинстве глав основное внимание мы уделяли личности убитого, то в данном случае нас будет больше интересовать убийца. Иван Грозный был прямо или косвенно виновен в большом количестве преступлений. Убийство им собственного сына стало апогеем правления жестокого царя. В наше время существует много работ, в которых исследуется, в том числе и с клинической точки зрения, поступки Ивана Грозного, его характер, обстоятельства и причины формирования «редких» качеств царя. Мы постараемся изложить факты биографии Ивана IV, в том числе, конечно же, и убийства Ивана.

25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенское родился мальчик Иван.

Его отцом был великий князь московский Василий III, матерью — Елена Глинская, происходившая из именитого рода литовских князей. 3 декабря 1533 года, когда мальчику было всего лишь три года, Василий III умер, а уже 4 декабря Иван стал великим князем московским. Начиная с этого момента, все его детство протекало на фоне постоянных придворных интриг.

Перед смертью Василий III распорядился, чтобы до достижения Иваном совершеннолетия государством за него управляла мать. Время правления Елены Глинской было неспокойным. Она старалась твердо держать власть в своих руках и не отдавать принятие государственных решений на откуп боярам. Сразу же после смерти Василия III в борьбу за право управлять страной вступили братья покойного, Юрий и Андрей. С этой угрозой великая княгиня смогла справиться, и оба мятежных «родственника» были взяты под стражу. Большого веса во время правления Елены Глинской добился ее фаворит боярин Иван Федорович Овчина-Оболенский-Телепнев. Это вызывало недовольство и ропот среди других бояр. Княгиня энергично пресекала мятежные настроения. Многие были заключены в темницы, в их число попал даже дядя Елены. Другие были вынуждены спасаться бегством за границу. Конечно же, такая неспокойная обстановка — постоянные интриги и угрозы заговоров — не могли благотворно повлиять на психику ребенка. В 1538 году, когда Ивану было всего 8 лет, Елена Глинская умерла. Дошедшие до нас сведения не могут полностью раскрыть

причины этой смерти. По некоторым предположениям, великая княгиня была отравлена.

Сразу же после ее смерти началась острая борьба за власть между двумя княжескими родами: Шуйских и Вельских. Уже через семь дней по инициативе князей Шуйских Овчина-Оболенский-Телепнев был заключен в темницу и вскоре заморен голодом. Высшую власть получил Василий Шуйский. Он также добился изгнания Ивана Вельского, своего основного противника. Но у власти ему пришлось находиться недолго. В том же 1538 году Василий Шуйский умер и его сменил младший брат Иван. После этого власть сменилась еще дважды: вернувшийся из ссылки Вельский смог отстранить противника и добиться власти (1540 год). Через год, однако, Иван Шуйский смог с помощью войска вернуть себе власть. Вельский был арестован и убит по его приказу.

Все эти подробности и имена могут, конечно, не вызывать большого интереса у читателей, не интересующихся специально данным вопросом, но они хорошо демонстрируют, в каком окружении и при каких обстоятельствах формировалась психика Ивана, названного его потомками Грозным. Постоянные заговоры, аресты, казни людей, которые еще вчера находились на вершине власти; пренебрежение, унижения и откровенные запугивания со стороны все новых и новых властителей (например, одного из неугодных им людей Шуйские убили прямо во дворце, на глазах у Ивана); в конце концов, постоянная угроза собственной жизни — все это наложило тягостный отпечаток на характер будущего Ивана Грозного. У него развилась маниакальная подозрительность, многие исследователи прямо называют его параноиком. Уже в детстве проявилась чрезвычайная жестокость. Мальчик любил мучить животных. В дальнейшем он смог перенести эту свою склонность и на людей. Вспыльчивость и неуравновешенность Ивана тоже были и остаются известнейшими чертами его характера, за которые он и получил позднее свое прозвище Грозный (интересно, что в некоторых исторических документах испанского происхождения Иван Грозный фигурирует как Хуан Безумный). Еще одной чертой его характера стала мстительность. И первой ее жертвой стал еще один Шуйский, Андрей.

Срок правления Шуйских, после того как они во второй раз оказались у власти, был недолгим. Вскоре молодой великий князь подрос и стал вникать в государственные дела. Времена, когда власть при Иване можно было «завоевать» силой, прошли. Теперь выгодней стало завоевывать расположение князя. Иван Шуйский, возможно почувствовав опасность, сам отказался от власти и

отошел от дел. Сменивший его Андрей Шуйский отличался своенравием и наглостью. Но в 1543 году власти этого семейства пришел конец. И здесь Иван проявил все те качества, которыми ему помогли обзавестись годы унижений и страха. По приказу великого князя Андрей Шуйский был отдан на растерзание псарям. После этого власть перешла к родственникам Ивана — Глинским. Они, правда, тоже не отличались щепетильностью по отношению к своим политическим противникам, но хотя бы относились уважительно к самому Ивану, видя в нем единственный залог своего благополучия.

Наряду с целым рядом отрицательных качеств Иван с детства проявлял незаурядный по тем временам талант. Он очень много читал, что уже было удивительно. При этом Иван отличался способностью прекрасно запоминать и цитировать прочитанное. Любовь к чтению сохранилась и в более зрелом возрасте. Ивана Грозного называют, и пожалуй по праву, одним из самых начитанных людей своего времени.

Как мы видим, несмотря на высокое происхождение, власть далась Ивану совсем не просто. Именно поэтому основным направлением его деятельности стало упрочение этой власти, возможно поэтому он был так беспощаден и жесток по отношению ко всем, кто мог ограничить эту власть или стать для нее угрозой. Причем угрозы эти зачастую были плодом его воображения.

С 1543 года большое влияние на молодого князя начинает оказывать митрополит московский Макарий. По некоторым предположениям, именно ему принадлежала идея о том, что великий князь Московский должен стать первым русским царем.

16 января 1547 года состоялась церемония венчания Ивана на царство. Через полмесяца он вступает в брак с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, происходившей из старого боярского рода. Забегая вперед, следует сказать, что из своих многочисленных жен, а женат был Иван около семи раз (точных данных нет), самые теплые чувства он испытывал именно к Анастасии. Она же и стала матерью Ивана, смерти которого, в частности, посвящена эта глава.

1547 год ознаменовался еще одним событием. В июне в Москве произошел сильнейший пожар. Размеры бедствия были настолько велики, что это вызвало серьезные волнения. Толпа бунтовщиков, возможно не без чьей-то помощи, «пришла к выводу», что в случившемся виноваты Глинские. Один из них, дядя Ивана, был убит, остальным удалось спастись, но влиянию Глинских пришел конец.

У царя появились новые приближенные. Одним из них стал

священник Благовещенского собора Сильвестр. По легенде, расположение Ивана этот человек заслужил после пожара и последовавшего за ним бунта. Он сыграл на набожности царя и смог убедить его, что случившееся несчастье — знак Божий.

Вторым «новичком» стал некто АлексейАдашев, человек невысокого происхождения, но отличавшийся своей честностью и преданностью. Вот что пишет о нем известный историк конца XIX — начала XX века Николай Петрович Лихачев: «Личность эта, может быть, и менее талантливая, чем некоторые из современных ему политических дельцов, сияет таким ярким светом доброты и непорочности, является таким образцом филантропа и гуманиста XVI века, что не трудно понять ее обаяние на все окружающее».

В конце сороковых годов была образована так называемая Избранная рада, в которую вошли ближайшие советники царя: Адашев, Сильвестр, Макарий, князь Курбский. Вместе с Избранной радой в пятидесятые годы Иван стал проводить прогрессивные реформы в государстве. В 1549–1551 годах была проведена Земская реформа, изменен и дополнен судебник Ивана III, созван первый Земский собор, Стоглавым собором был принят «Стоглав». В это же время царь лично участвует в походах против Казанского ханства, в результате которых к 1552 году к Московскому государству присоединилось Среднее Поволжье, а Казанское ханство практически прекратило свое существование.

В 1553 году Иван перенес тяжелую болезнь. Надежды на выздоровление было мало. Он составил духовную. Кроме того, царь призвал бояр и потребовал принести присягу его годовалому сыну Дмитрию (погиб в раннем детстве). Такое развитие событий многих не устраивало. Разгорелась острая борьба за власть в случае смерти царя. Многие выступали за то, чтобы на престол взошел князь Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат Ивана. Зачастую споры о том, кому достанется власть, происходили непосредственно у постели больного, что, естественно, не добавило царю доверия к окружающим и сделало его еще более подозрительным. Старицкий понадеялся на то, что царь не перенесет болезни, и отказался присягать на верность Дмитрию. Но надеждам властолюбивого царского родственника было не суждено сбыться. Иван поправился.

В 1555–1556 годах царь продолжает реформаторскую деятельность. Он отменяет так называемое «кормление» — систему, при которой должностные лица различных регионов содержатся за счет местного населения.

Отдельного разговора заслуживает внешняя политика Ивана IV. С 1553 года завязываются торговые отношения Русского государства с Англией. В 1555 году английские купцы получают

право беспошлинной торговли с Россией, а через два года один из московских купцов добивается в Англии таких же условий для своих русских коллег.

После успешных казанских походов Иван начинает борьбу с Астраханским ханством ив 1556 году присоединяет его к Московскому государству. Под влияние русского царя также попадают некоторые земли Сибири. Удовлетворив таким образом свои интересы на юге и востоке, Иван все чаще оглядывается на север и запад. В частности его очень интересует выход к Балтийскому морю. Обстоятельства складывались куда как удачно. В Ливонии, как и во многих странах Европы, начался процесс Реформации. Внутренние раздоры на религиозной почве создавали удобную возможность для нападения. В 1558 году Иван IV ввел в Ливонию войска. Вначале для России все складывалось самым благоприятным образом. За два года русские силы овладели почти всей территорией Ливонии и полностью уничтожили армию Ливонского ордена.

В 1562 году в войну вступила Польша, а в 1563 году русские войска завладели Полоцком. В начале 1564 года поляки одержали в сражении крупную победу. Иван начал мирные переговоры. Наступило временное затишье. Но в 1566 году Иван созвал Земский собор и огласил условия, на которых поляки были готовы заключить мир. Собор принял решение о продолжении войны с целью захвата всей территории Ливонии. Военные действия возобновились и протекали с переменным успехом до 1569 года, когда Польша и Литва объединились в единое государство — Речь Посполитую, с которой Иван вскоре заключил мир. В 1571 году на Россию напал, возможно, не без инициативы со стороны Польши, Крымский хан Девлет-Гирей. Вторжение его войск было так неожиданно, что им удалось дойти до Москвы и захватить столицу. Город был сожжен, а десятки тысяч его жителей — убиты или захвачены в плен. Сам царь бежал в Александровскую слободу (ныне — город Александров Владимирской области).

Отбить нападение крымского войска удалось в 1572 году. В этом же году умер, не оставив наследников, польский король Сигизмунд-Август. Многие европейские монархи предлагали себя или своих родственников на роль нового короля Польши. Свою кандидатуру выставлял и Иван Грозный, но польское дворянство предпочло ему принца Генриха Анжуйского, будущего короля Генриха III (статья на с. 91). После короткого (меньше полугода) пребывания Генриха на польском престоле его сменил Стефан Баторий, который в 1576 году возобновил войну с Россией. К 1577 году поляки освободили от русских войск все польские

города, а в 1581 году, при поддержке со стороны Швеции, вторглись уже на территорию Русского государства. В результате Ивану Грозному пришлось обратиться за помощью к Папе Римскому, и только при его посредничестве удалось в 1582 году заключить мир с Речью Посполитою.

Но вернемся на несколько лет назад. Еще в начале Ливонской войны начались трения между царем и Избранной радой. Сильвестр был противником войны с братьями по христианской вере немцами. Поддерживал его и Адашев. Возможно, они понимали, что успехи в Ливонии носят временный характер и закрепиться там не удастся. Такое серьезное расхождение во взглядах царя и его приближенных привело к тому, что последние к 1560 году оказались в опале. Сильвестр ушел в монастырь, а Адашев отправлен воеводой в Ливонский город Феллин (современный Вильянди) с глаз долой.

В августе того же года умерла Анастасия, горячо любимая жена Ивана. Еще при жизни царица и ее родственники вызывали ненависть бояр. Поэтому Иван заподозрил, что Анастасию отравили. С 1561 года он начинает проводить целый ряд мер, направленных против боярства.

Кроме того, Иван собирается судить Сильвестра и Адашева. По настоянию царя суд отправляет Сильвестра в ссылку в Соловецкий монастырь. Адашев был арестован и умер в заключении еще до суда. Его младший брат и двенадцатилетний племянник были казнены.

В 1564 году находящийся в Ливонии князь Курбский бежал в Литву. Он побоялся разделить судьбу своих бывших коллег по Избранной раде. Из Литвы Курбский написал Ивану письмо, в котором обвинил его в несправедливости и жестокости. Переписка Ивана Грозного с князем Курбским стала впоследствии очень интересным и важным для исследователей историческим документом.

3 декабря 1564 года Иван покинул Москву, посетил несколько монастырей и в конце концов расположился в Александровской слободе. Оттуда он направил в Москву два послания. В первом, направленном боярам, он обвинял последних в измене и сообщал, что удаляется от власти и поселяется где Бог указал. Второе послание адресовано было москвичам. В нем царь говорил, что на народ не держит зла. В Александровскую слободу отправились московские посланники во главе с митрополитом Московским Афанасием. На просьбу принять снова власть царь соглашается, но при условии, что он сам по своему разумению будет наказывать «ослушников» и «изменников». Кроме того, Иван объявил об учреждении опричнины — царского удела с

особой территорией, войском и собственной системой управления, который формально должен был финансово обеспечить «быт» царского двора и жалование служилых людей. Позже словом опричнина стали также называть и деяния, производимые войском опричнины: казни, убийства, конфискацию земель. Таким образом, вся территория государства делится на две части: опричнина, подчиненная лично царю, и земщина, управляющаяся Боярской думой. Даже Москва была поделена. Некоторые улицы и районы были включены в состав опричнины.

Войско опричнины, печально известные опричники, формально было собрано царем для борьбы с изменой. Символом опричников были метла и собачья голова, прикреплявшиеся к седлам. Метлой они «выметали измену», а собачья голова символизировала преданность царю и готовность «кусаться как собаки», заботясь о его благе. Иван отбирал земли бояр и передавал их опричникам. Опричники были освобождены от судебного преследования и отчитывались в свои действиях только перед царем. Естественно, что подавляющее большинство из них активно пользовалось «служебным положением» в личных целях. Вот, например, какой способ обогащения опричников описывает известный историк и писатель Николай Иванович Костомаров:

«Так, например, подошлет опричник своего холопа или молодца к какому-нибудь земскому дворянину или посадскому: подосланный определится к земскому хозяину в слуги и подкинет ему какую-нибудь ценную вещь; опричник нагрянет в дом с приставом, схватит своего мнимо беглого раба, отыщет подкинутую вещь и заявит, что его холоп вместе с этою вещью украл у него большую сумму. Обманутый хозяин безответен, потому что у него найдено поличное. Холоп опричника, которому для вида прежний господин обещает жизнь, если он искренно сознается, показывает, что он украл у своего господина столько-то и столько и передал новому хозяину. Суд изрекает приговор в пользу опричника; обвиненного ведут на правеж на площадь и бьют по ногам палкой до тех пор, пока не заплатит долга, или же, в противном случае, выдают головою опричнику».

Применялись и более простые методы, такие, как разбой, грабеж, говоря по-современному «рэкет». Все это сопровождалось насилием и убийствами. Одним из самых ярых опричников, их предводителем и ближайшим приближенным царя стал боярин Григорий Скуратов-Вельский по прозвищу Малюта.

В 1566 году московский митрополит Афанасий, протестуя против беспредела опричников, отказался от сана. Вскоре его сменил игумен Соловецкого монастыря Филипп. Этот человек,

как одна из самых известных жертв опричников, заслуживает внимания. В миру он был Федором Колычевым. Еще во времена Василия III служил при дворе. Во время правления Елены Глинской был участником одного из мятежей. После раскрытия мятежа бежал в Соловецкий монастырь и инкогнито поступил в послушники. Ведя суровую жизнь сначала послушника, а затем инока, через десять лет стал игуменом. В 1566 году царь фактически принудил Филиппа стать митрополитом Московским. Тот попытался поставить в качестве условия отмену опричнины. От мести царя Филиппа спасло только заступничество высшего духовенства, которое упросило Ивана сменить гнев на милость. Филипп при этом все-таки принял сан. Вряд ли он испугался, скорее, надеялся использовать власть митрополита для улучшения ситуации. Это подтверждается еще и тем, что после принятия сана Филипп часто ходатайствовал за многих преследуемых опричниками людей перед царем и пытался укротить его лютый нрав. Вот как Костомаров передает беседы митрополита с царем:

«Молчи, отче, — говорил Иван, — молчи, повторяю тебе, и только благословляй нас по нашему изволению!» — «Наше молчание, — отвечал Филипп, — ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои». — «Не прекословь державе нашей, — сказал царь, — а не то — гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!» — «Я, — отвечал Филипп, — не просил тебя о сане, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона, — твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига».

Вполне возможно, что Филипп и повлиял на Ивана благотворно. Первый год его нахождения в сане ознаменовался уменьшением числа убийств и ссылок. Но в 1567 году был раскрыт заговор. Опричники перехватили послания от польского короля некоторым боярам. Снова начались многочисленные казни без суда. Филипп старался умерить гнев царя, чем только навлек его на себя. Но лишить сана главу русской православной церкви было не во власти царя. Поэтому против Филиппа было сфабриковано обвинение, и он был привлечен к суду. Подвергнутый всевозможным унижениям и издевательствам, Филипп, тем не менее, не сдался. На суде он сказал Ивану: «Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде бывших царей. Те, которые творили добро, и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством, и теперь вспоминаются недобрым словом. Смерть не побоится твоего высокого сана: опомнись, и прежде ее немилостивого пришествия

принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется». Филипп был признан виновным в колдовстве.

После суда Филипп был отправлен в кандалах в Старониколаевский монастырь. В это время опричники расправлялись с его родственниками. Было убито около десяти Колычевых. Рассказывают, что царь лично приказал привезти Филиппу голову его племянника и передать слова: «Вот твой сродник, не помогли ему твои чары». Позже Филипп был сослан в Тверь в Отроч монастырь.

В 1569–1570 годах состоялось одно из самых страшных и постыдных деяний Ивана. До его сведения дошли слухи, что Новгород хочет отделиться от России и перейти к Литве. По некоторым сведениям, свидетельства о подобном желании новгородцев были подложными. Поход на Новгород Иван Грозный возглавил лично. Он ехал во главе войска из опричников и боярских детей. Многие города и деревни по пути от Москвы до Новгорода подверглись разграблению. Опричники избивали, пытали и убивали тысячи ни в чем не повинных людей.

Не забыл царь и про бывшего митрополита Московского. Когда войско ворвалось в Тверь, Малюта Скуратов, по приказу царя, отправился в Отроч монастырь и собственноручно задушил заключенного там Филиппа подушкой. Монахам монастыря Малюта сказал, что бывший митрополит угорел. Почти через сто лет, при царе Алексее Михайловиче, Филипп был причислен к лику святых.

Погром в самом Новгороде длился больше месяца. Помимо административной верхушки и духовенства было истреблено громадное количество простых горожан. Сведения о количестве жертв разнообразны и противоречивы. От «скромных» «2770 кроме женщин и простого народа» до 60 тысяч.

Псков избежал участи Новгорода. Жители города с трепетом ожидали приезда царя. Остановившись на ночь невдалеке от города, Иван услышал звон колоколов. Горожане готовились к смерти. Когда царь въехал в Псков, люди лежали ниц на земле. На улицах были расставлены столы с хлебом-солью. По легенде, город спас юродивый Никола. Он поднес царю кусок сырого мяса, а когда тот сказал, что он христианин и мясо в пост не ест, Никола ответил: «Ты хуже делаешь, ты ешь человеческое мясо». По другим «сведениям», Никола предсказал царю несчастье, если тот будет уничтожать псковитян, а после у Ивана, как бы в подтверждение предсказания, умер его любимый конь. Возможно, Иван просто был доволен покорностью горожан и решил, что для острастки и новгородского погрома хватит. Как бы там ни было, в

Пскове обошлось без кровопролития, хотя церковную казну Иван забрал и дома многих жителей были разграблены.

В результате похода на север пострадали и многие москвичи, в том числе и опричники, которых царь посчитал причастными к «заговору». Жертвой подозрительности царя стали его бывшие приближенные: князь Афанасий Вяземский, а также отец и сын Басмановы. Вяземский ранее был настолько близок к царю, что тот только от него соглашался принимать лекарства во время болезни. Тем не менее он был схвачен, его слуги и многие родственники перебиты, а сам Вяземский умер в тюрьме, не выдержав пыток. Что касается Басмановых, то они оба были казнены. По некоторым сведениям, Иван Грозный заставил сына убить своего отца. Кроме того, 25 июля 1570 года прямо на Красной площади различными изуверскими способами было казнено 120 человек.

Свое формальное существование опричнина прекратила в 1572 году, после того как ее войско годом раньше не смогло уберечь Москву от вторжения Девлет-Гирея. Но бывшие опричники еще долго оставались в распоряжении Ивана и продолжали выполнять свои карательные функции.

«Семейная» жизнь Ивана Грозного не отличалась постоянством. После смерти первой жены Анастасии он был женат еще примерно шесть раз (точное количество браков установить трудно, так как не всегда понятен статус очередной женщины, с которой жил царь). Жениться более трех раз запрещали церковные законы того времени, и царь вынужден был добиваться от церковного собора разрешения на очередной брак или благословения на сожительство. Последний раз Иван женился в 1580 году на Марии Федоровне Нагой. Все предыдущие жены либо умерли, либо были пострижены в монахини. От первого брака у Грозного, кроме Дмитрия, погибшего во младенчестве, было еще два сына, Иван и Федор (впоследствии — царь Федор Иоаннович).

Теперь следует рассказать непосредственно о сыне царя Иване. Он родился в 1554 году. Отец старался вырастить из царевича своего достойного преемника и хотел, чтобы тот во всем походил на него. Грозный посвящал Ивана в государственные дела, брал с собой в походы, принимал вместе с ним иностранных послов. Так, например, Иван участвовал в кровавом новгородском походе отца. Позже царь старался, чтобы сын присутствовал во время пыток и казней, участвовал в оргиях вместе с ним. Складывается впечатление, что Грозный специально старался привить сыну вкус к развлечениям такого рода, чтобы тот позже не мог упрекать в них отца. Царевич в своей неумеренности в

личной жизни, по-видимому, не отставал от отца. К моменту своей смерти он был женат уже в третий раз и, кроме того, имел большое количество наложниц.

Называют разные причины ссоры между отцом и сыном. Вот как описывает причины этой ссоры и смерть царевича Карамзин:

«Своевольно или в угодность родителю меняя жен, он [царевич] еще менял и наложниц, чтобы во всем ему уподобляться. Но, изъявляя страшное в юности ожесточение сердца и необузданность в любострастии, оказывал ум в делах и чувствительность ко славе или хотя к бесславию отечества. Во время переговоров о мире, страдая за Россию, читая горесть и на лицах бояр — слыша, может быть, и всеобщий ропот — царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее. Царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но Суд Небесный совершился!.. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъявлял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным.»

Другую версию этих событий излагает Антоний Поссевин, иезуит и ученый-богослов, которого Папа Римский прислал для содействия в ведении переговоров с Баторием. Прибыв в Москву через три месяца после смерти Ивана, Поссевин услышал и записал другой рассказ. Согласно ему, ни одна из жен царевича не нравилась Грозному. Поэтому первые две жены и были пострижены в монахини.

Однажды царь застал в дворцовых покоях свою третью невестку, Елену Шереметеву, лишь в одной рубахе. Это не соответствовало приличиям того времени, согласно которым женщина высокого происхождения должна была носить не менее трех одежд, одну поверх другой. Вспыльчивый Иван ударил невестку по лицу и стал избивать ее своим посохом. Елена была беременна. От побоев на следующую ночь у нее случился выкидыш. Царевич прибежал во время ссоры и пытался защитить жену. В запале царь ударил посохом и его. По другой, подобной, версии, младший Иван стал уже после упрекать отца: «Ты отнял

уже у меня двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвил в утробе ее моего ребенка». Эти слова и стали причиной новой вспышки ярости Грозного.

Наконец существует еще несколько версий, объясняющих ссору более низкими побуждениями. Согласно одной из них, ссора произошла из-за того, что отец и сын не поделили какую-то очередную красавицу. Согласно второй — Грозный питал страсть к Елене Шереметевой, и ссора возникла на этой почве. В конце концов, есть даже предположение, что царевич не был убит, а умер от какой-то болезни, а позже Поссевин или кто-то другой решили пополнить список злодеяний Ивана Грозного еще и сыноубийством.

Как бы там ни было, но все исследователи сходятся в том, что убийство (последняя версия кажется весьма спорной) не было преднамеренным. Все источники указывают на то, что царь был потрясен смертью сына. Похоже, что за всю свою жизнь он испытывал только две настоящие привязанности: к царевичу Ивану и его матери, Анастасии.

«Иоанн, обагренный сыновнею кровью, в оцепенении сидел неподвижно у трупа без пищи и сна несколько дней. 22 ноября вельможи, бояре, князья, все в одежде черной, понесли тело в Москву. Царь шел за гробом до самой церкви Св. Михаила Архангела, где указал ему место между памятниками своих предков. Погребение было великолепно и умилительно. Все оплакивали судьбу державного юноши, который мог бы жить для счастия и добродетели, если бы рука отцовская, назло природе, безвременно не ввергнула его и в разврат, и в могилу! Человечество торжествовало: оплакивали и самого Иоанна!.. Обнаженный всех знаков Царского сана, в ризе печальной, в виде простого, отчаянного грешника, он бился о гроб и землю с воплем пронзительным».

В дате смерти царевича Ивана источники расходятся. Скорее всего, это связано с тем, что неизвестно, сколько еще прожил Иван после удара, нанесенного отцом.

Но известно, что ссора между Грозным и его сыном и смерть царевича произошли в ноябре 1581 года.

Невозможно писать об убийстве Иваном Грозным своего сына и не упомянуть еще один «источник», благодаря которому этот эпизод русской истории получил широчайшую известность во всем мире. Речь, естественно, идет об известной всем с детства картине Ильи Ефимовича Репина «Иван Грозный и сын его Иван». В истории этого произведения есть много интересных и трагических моментов. Между судьбой полотна и его героев можно при желании даже проследить некоторую метафизическую

связь. Репин непреднамеренно чуть было не стал виновником гибели одного из своих знаменитейших творений, как стал Иван Грозный неумышленным убийцей сына. Картина эта была закончена в 1885 году. За более чем столетнее ее существование очень многие отмечали, что полотно производит гнетущее впечатление своей реалистичностью. 29 ноября 1913 года на картину, висевшую в Третьяковской галерее, бросился с ножом психически неуравновешенный иконописец-старообрядец А. Балашов. С криком «Довольно крови!» он несколько раз полоснул по холсту. Для восстановления картины был приглашен сам Репин. Но из-за старческих изменений зрения чуть было не испортил собственное произведение.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Сын Ивана IV Грозного и Марии Нагой. 1584 отправлен с матерью в Углич. Погиб при невыясненных обстоятельствах. Канонизирован Русской православной церковью.

То, что царевич Дмитрий был именно убит, — не единственное среди историков мнение. Особенно в последнее время появилось большое количество работ, авторы которых с этой точкой зрения не соглашаются. И дело вот в чем: далеко не ясно, была ли смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года результатом убийства. Вполне возможно, что царевич погиб в результате несчастного случая. Кроме того, если и убийство имело место, нет полной уверенности, что убит был именно Дмитрий. Авторы попытаются изложить несколько точек зрения, не отстаивая какой-то одной.

После смерти царевича Ивана у Грозного остался один наследник — сын от первого брака Федор. Но за два года до убийства сына царь женился на Марии Федоровне Нагой. В 1582 году она родила сына Дмитрия.

Иван Грозный продолжал неподдельно страдать из-за смерти сына.

«Несколько времени он тосковал ужасно; не знал мирного сна: ночью, как бы устрашаемый привидениями, вскакивал, падал с ложа, валялся среди комнаты, стенал, вопил; утихал только от изнурения сил; забывался в минутной дремоте, на полу, где клали для него тюфяк и изголовье; ждал и боялся утреннего света, боясь видеть людей и явить им на лице своем муку сыноубийцы».

Еще до сыноубийства Ивана посещали мысли о покаянии. После же отчаяние царя было так велико, что он призвал к себе бояр, объявил им, что царствовать больше не хочет, а собирается уйти в монастырь.

«В сем душевном волнении Иоанн призвал знатнейших мужей государственных и сказал торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богом, остается кончить дни в уединении монастырском; что меньший его сын, Феодор, неспособен управлять Россиею и не мог бы царствовать долго; что бояре должны избрать Государя достойного, коему он немедленно вручит державу и сдаст Царство. Все изумились: одни верили искренности Иоанновой и были тронуты до глубины сердца; другие опасались коварства, думая, что Государь желает только выведать их тайные мысли, и что ни им, ни тому, кого они признали бы достойным венца, не миновать лютой казни. Единодушным ответом было: «не оставляй нас; не хотим Царя, кроме Богом данного, тебя и твоего сына!» Иоанн как бы невольно согласился носить еще тягость правления; но удалил от глаз своих все предметы величия, богатства и пышности; отвергнул корону и скипетр; облек себя и двор в одежду скорби; служил Панихиды и каялся».

Со временем царь несколько успокоился, но все же часто со слезами на глазах вспоминал о сыне. Перед Годуновым, вступившимся за царевича и тоже пострадавшим, царь, насколько это было возможно, повинился. Он посылал богатые дары в различные монастыри, Константинополь, Иерусалим и другие святые места и просил молиться об успокоении души царевича. Кроме того, он составил списки казненных им людей и тоже отправлял по монастырям с просьбой молиться за их души.

Но, тем не менее, вновь взявшись вскоре за государственные дела, Иван Грозный стал проявлять прежнюю твердость. Заключив перемирие с Речью Посполитой, он продолжил войну со Швецией, оставшейся без союзника. Стефан Баторий тоже высказал сперва к бывшим союзникам территориальные претензии. Но сейм не поддержал его в желании развязать новую войну. Мир между

Речью Посполитою и Россией не был прочным. Кроме того, в самой России вспыхнул бунт. Восстали черемисы (современное название — марийцы) — народы Поволжья и Урала. Большие силы были отправлены туда для усмирения бунта. Поэтому Ивану IV тоже пришлось отказаться от войны со шведами и в 1583 году заключить с ними мир.

К тому времени Грозный уже давно ведет дружественную переписку с Елизаветой I Тюдор о сотрудничестве России с Англией. Еще в 1566 году он испросил у Елизаветы разрешения в случае мятежа бежать в Англию. Для укрепления отношений между Россией и Англией Иван, несмотря на то что у него на тот момент была жена, Мария Нагая, решает жениться на англичанке. По некоторым сведениям, даже обсуждался брак с самой королевой Елизаветой. И это вполне возможно. Ведение брачных переговоров для королевы-девственницы (такое прозвище получила Елизавета) было стандартным способом поддержания дружеских отношений со многими дворами Европы.

Елизавета отправляет Ивану своего лейб-медика Роберта Якоби. Королева пишет:

«Мужа искуснейшего в целении болезней уступаю тебе, моему брату кровному, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело вверить ему свое здравие. Посылаю с ним, в угодность твою, аптекарей и цирюльников, волею и неволею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях».

Иван много беседовал с Якоби и в частности расспрашивал его, нет ли среди англичаноквысокого происхождения невесты, «достойной Венценосца». Вполне возможно, что Якоби был заранее настроен на подобное развитие беседы. Он ответил, что подходящая кандидатура имеется. Это тридцатилетняя племянница королевы по материнской линии Мария Гастингс. После чего лейб-медик щедро расписал Ивану достоинства предполагаемой невесты.

В августе 1582 года Грозный отправляет в Англию посла, некоего Писемского. Перед ним Иван поставил такие задачи:

«1) Условиться о тесном государственном союзе между Англиею и Россиею.

2) Быть наедине у Королевы и за тайну открыть ей мысль Государеву в рассуждении женитьбы, если Мария Гастингс имеет качества, нужные для Царской невесты: для чего требовать свидания с нею и живописного образа ее (на доске или бумаге).

3) Заметить, высока ли она, дородна ли, бела ли, и каких лет?

4) Узнать сродство ее с Королевою и сан отца; имеет ли братьев, сестер? Разведать о ней все, что можно. Буде Королева

скажет, что у Государя есть супруга, то ответствовать: правда; но она не Царевна, не Княжна Владетельная, не угодна ему и будет оставлена для племянницы Королевиной.

5) Объявить, что Мария должна принять Веру Греческую, равно как и люди ее, которые захотят жить при дворе Московском; что наследником Государства будет Царевич Феодор, а сыновьям Княжны Английской дадутся особенные частные владения, или Уделы, как издревле водилось в России; что сии условия непременны, и что в случае Королевина несогласия тебе велено требовать отпуска».

Что касается первого пункта — договоренности вроде бы были достигнуты достаточно легко. По всем же остальным — вышла заминка. При этом вряд ли Елизавету смущало то, что у Ивана уже есть жена. Она была дочерью Генриха VIII, большое количество жен которого стало притчей во языцех. По всей видимости, Елизавета колебалась.

19 октября 1582 года Мария Нагая произвела на свет сына. Это нисколько не повлияло на решение Ивана избавиться от жены и вступить в брак с англичанкой. Посол в Англии никаких новых распоряжений не получил. Поэтому, когда до Англии дошли сведения о рождении ребенка, он заявил английским министрам: «Злые люди выдумали сию новость, чтобы препятствовать Государеву сватовству, благословенному для вашего и моего отечества. Королева должна верить единственно грамоте царя и мне, послу его».

И Елизавета, и сама Мария Гастингс поначалу склонялись к тому, чтобы дать согласие на предложение Ивана, но потом невеста все же испугалась вполне оправданных слухов о неуравновешенности Ивана и его злобном характере. Впрочем, послу об этом никто не сказал. Иван же полагал, что вопрос о его женитьбе практически решен.

В конце 1583 года Писемский вернулся в Россию вместе с английским послом. Неожиданно выяснилось, что по первому пункту поручений Писемскому возникали некоторые затруднения. Англия отказывалась «дружить против» Речи Посполитой и не поддерживала мысли Ивана возобновить против последней совместную войну. Кроме того, посол требовал серьезных торговых привилегий, а именно — чтобы только английские купцы могли входить в северные гавани России. Обсуждение этих противоречий заняло почти полтора месяца и не принесло результатов.

Затем посол был приглашен для тайного и более деликатного разговора о сватовстве Ивана к Марии Гастингс. Но и здесь царя ждало разочарование. Вот как передает этот разговор Карамзин:

«Дав знак рукою, чтобы Баус с толмачом своим, Юрьев, Вельский, Андрей Щелкалов к нему приближились, Иоанн рассказал всю историю английского сватовства, все слышанное им от медика Роберта и Писемского; изъявил добрую волю жениться на Марии Гастингс; хотел знать, желает ли Королева сего брака и согласна ли, чтобы невеста приняла нашу Веру? Баус ответствовал, что Христианство везде одно; что Мария едва ли решится переменить Закон; что она слабого здоровья и не хороша лицом; что у Королевы есть другие ближайшие и прелестнейшие свойственницы, хотя он, без ее ведома, и не смеет назвать их; что Царь может свататься за любую».

Таким образом, Иван не оставил своих надежд найти английскую невесту. Неудачу же первой части переговоров он приписывал упрямству английского посла. Для достижения своих целей Иван собирался отправить в Англию новое посольство, но его надеждам не суждено было сбыться. В феврале 1584 года царь тяжело заболел, а 18 марта — скончался. По свидетельству некоторых современников, он был отравлен. Недостоверность и бездоказательность этих свидетельств не позволила нам сделать Ивана IV Васильевича (Грозного) непосредственным героем нашей книги. Но обойти в ней фигуру человека, с которым связано такое количество кровавых преступлений, мы не могли.

Царевич Дмитрий родился и провел первые два года своей жизни не в самой благоприятной обстановке. Но после смерти отца все только ухудшилось. В ночь с 18 на 19 февраля на российский престол вступил старший сын Ивана Федор. Как и предполагал Грозный, Федор оказался человеком не очень приспособленным к управлению Россией. По крайней мере, не к такому управлению, к какому страна привыкла за годы правления Ивана. Федор был человеком мягким, незлобивым, чрезвычайно набожным. Многие также говорят о некотором слабоумии нового государя. Оставляя государство Федору, Иван велел принимать государственные решения своим приближенным боярам. Среди них были князь Иван Петрович Шуйский и Борис Годунов, на сестре которого, Ирине, был женат новый царь.

Сразу же после смерти Ивана Грозного Мария Нагая, царевич Дмитрий и их родственники были удалены в Углич. Приближенные царя опасались, что родственники царской вдовы поднимут мятеж с целью посадить на престол малолетнего Дмитрия. Вскоре приближенные царя разбились на две враждующие партии. Одну возглавлял Борис Годунов, другую — Иван Шуйский. Начались всевозможные интриги. Борьба за власть долго протекала при небольшом преимуществе Годунова. В 1587 году Шуйский и его сторонники решили сыграть ва-банк и

проиграли. Они, заручившись поддержкой митрополита Дионисия, подали Федору челобитную, в которой просили развестись с Ириной, сестрой Годунова, и вступить в новый брак. Мотивировали это тем, что Ирина якобы бесплодна и этого требует необходимость продолжения царского рода. Федор очень любил Ирину и отказался с ней развестись. Шуйские были сосланы, Дионисий лишен сана, а другие их сторонники попали в опалу. С этого момента царский шурин Борис Годунов, пользуясь мягкостью Федора и его равнодушием к государственным делам, стал безраздельно править страной.

На этом поприще Борис проявил себя как талантливый и мудрый правитель. Об этом говорят многие предложенные и проведенные им в жизнь государственные изменения, предпринятые как до, так и после смерти царевича Дмитрия.

Казалось бы, теперь ничто уже не могло поколебать могущества Бориса Годунова. Но, победив противников и утвердив свою власть в Москве, он стал задумываться о будущем. А будущее было, по меньшей мере, туманно. Наследника у царя Федора не было. Не было и гарантий, что он когда-нибудь появится. Сам Федор отличался плохим здоровьем, и на то, что он будет царствовать еще многие годы, рассчитывать не приходилось. После него на престол взойдет царевич Дмитрий, воспитываемый в данный момент своими родственниками в Угличе. Родственники эти к Годунову относятся крайне враждебно, и вряд ли в этом отношении что-то изменится — ссылку в Углич они не простят. Наверняка они смогут привить подобные чувства и царевичу. К тому же, говорили, что малолетний Дмитрий унаследовал многие черты характера от отца. Следовательно, лучшее, что ожидает Бориса, после того как на царский трон сядет Дмитрий, — опала. Но и этот вариант кажется вполне привлекательным по сравнению с другими, более вероятными: ссылка, пытки, казнь. Если руководствоваться знаменитым принципом криминалистики «ищи, кому выгодно», Борис Годунов явно имел все причины желать смерти Дмитрия. При этом даже не обязательно, что организация смерти царевича могла быть способом сохранить за собой власть. Речь для Годунова уже шла о жизни и смерти.

Вот что говорится о смерти царевича Дмитрия в летописных источниках. Сначала люди Годунова пытались отравить царевича. Яд добавлялся в пищу и в питье. Но царевич оставался здоров. Описанная в летописях «нечувствительность» к яду не должна вызывать удивления: после смерти царевич был канонизирован. Тогда Годунов собрал своих родственников и приближенных и сказал, что надо действовать другим способом. Найти людей,

согласившихся убить царевича, удалось не сразу. После обсуждения кандидатур и нескольких «самоотводов» выбор пал на дьяка Михаила Битяговского. В Углич отправилась группа, в которую помимо Битяговского вошли: его сын Данила, племянник Никита Качалов и Осип Волохов — сын мамки царевича. По официальной версии, они должны были управлять городом. Мария Нагая заподозрила приехавших в преступных намерениях и стала постоянно держать Дмитрия при себе. 15 мая 1591 года, в середине дня, Мария почему-то не стала сопровождать царевича. Кормилица Дмитрия Ирина Жданова и Василиса Волохова — его мамка, состоящая в заговоре, вывели царевича во двор. На крыльце уже поджидали убийцы. Осип Волохов взял Дмитрия за руку и, показав на его шею, спросил: «Это утебя, государь, новое ожерельице?» Мальчик ответил: «Нет, старое» и поднял голову, чтобы показать ожерелье собеседнику. Тогда Осип попытался ударить Дмитрия ножом в шею, но удар не удался, гортань осталась неповрежденной. Первый убийца бросился бежать, Дмитрий упал, а его кормилица с криком бросилась прикрыть царевича собственным телом. Но тут за дело взялись Данила Битяговский и Никита Качалов. Они оттащили кормилицу, избили ее, а ребенка «дорезали». Выбежала Мария Нагая и подняла крик. Поблизости никого не оказалось, но пономарь увидел с колокольни произошедшее и начал бить в колокола. На звон сбежался народ и, узнав о смерти царевича, учинил расправу над непосредственными убийцами, Михаилом Битяговским и еще несколькими людьми. К царю был отправлен гонец, но по прибытии в Москву его первым делом повели к Борису Годунову. Тот забрал у гонца грамоту и написал другую, в которой говорилось, что Дмитрий играл ножом и зарезался сам в приступе падучей (эпилепсии). Узнав о смерти сводного брата, Федор долго плакал.

Между тем самые разнообразные слухи о смерти Дмитрия распространяются по стране. Уже 19 мая в Углич прибывает «следственная комиссия», которую возглавляет князь Василий Шуйский (будущий царь Василий IV). Несколько слов следует сказать об этом человеке. Опала, в которую попали Шуйские, коснулась Василия в меньшей степени, чем большинства его родственников. Он, как и многие, был удален из Москвы, но вскоре возвращен в столицу. Возможно, возглавить комиссию ему поручили как раз из-за того, что Шуйские считались противниками Годунова. Это должно было сделать расследование беспристрастным, или. создать видимость этой беспристрастности. Вполне возможно, что «правильными» результатами расследования Василий Шуйский мог постараться

заполучить расположение стоявшего у власти Годунова. Также весомое положение в комиссии занимал Андрей Клешнин, которого летописные источники называют одним из основных организаторов покушения. Как бы то ни было, в Угличе они собрали массу свидетельств того, что смерть Дмитрия стала несчастным случаем. Более подробные сведения о расследовании и его деталях можно найти в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина или «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Но некоторые детали следует назвать. Присутствовавшие при смерти царевича заявили о том, что Дмитрий играл с детьми в «тычку» (игра с ножом), с ним случился эпилептический припадок и он несколько раз проколол себе горло. Но тут следует отметить, что подробные сведения дала только Василиса Волохова, мамка царевича, подозреваемая в соучастии. Две другие свидетельницы, кормилица Ирина и постельница Марья, только односложно подтверждали ее слова. Не исключено, что они были запуганы.

Дети, игравшие, или якобы игравшие, с царевичем, тоже кратко подтвердили слова женщин, но… когда их спросили, кто еще присутствовал при этом, они указали на Ирину и Марью, а Василису Волохову почему-то пропустили. «Следователи» не обратили на это противоречие внимания.

На смерти Дмитрия от рук убийцы настаивали практически все Нагие, кроме некоего Григория, который, возможно, был запуган или «прельщен». Но никто из них, включая Григория, не присутствовал на месте предполагаемого преступления. Подозрение вызывают и вопросы, которые задавали Михаилу Нагому: «Каким обычаем царевича Димитрия не стало? И что у него была за болезнь? Для чего он, Нагой, велел убить Михайлу Битяговского, сына его Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадских людей, слуг Битяговского и Волохова, и для чего он велел во вторник сбирать ножи, пищали, палицу железную, сабли и класть на убитых людей? Посадских и сельских многих людей для кого сбирал?» Во-первых, в вопросах невооруженным взглядом видна предвзятость. Во-вторых, непонятно, откуда «следователи», только что приехав в Углич (Михаил Нагой был допрошен первым), знают столько подробностей о произошедшем. После этого трудно назвать следствие беспристрастным.

Кроме того, с особой тщательностью Шуйский и его спутники собирали свидетельства о болезни Дмитрия. Было выяснено, что в приступах падучей царевич часто кусал руки находившихся рядом и старавшихся помочь людей, а однажды даже проколол своей матери руку большим гвоздем.

В общем, несмотря на целый ряд очень противоречивых свидетельств, следствие составило и отправило царю следующее заключение:

«Димитрий, в Среду Майя 12, занемог падучею болезнию; в Пятницу ему стало лучше: он ходил с Царицею к Обедне и гулял на дворе; в Субботу, также после Обедни, вышел гулять на двор с мамкою, кормилицею, Постельницею и с молодыми Жильцами; начал играть с ними ножом в тычку, и в новом припадке черного недуга проткнул себе горло ножом, долго бился о землю и скончался. Имея сию болезнь и прежде, Димитрий однажды уязвил свою мать, а в другой раз объел руку дочери Андрея Нагого. Узнав о несчастий сына, Царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский, из коих ни одного тут не было; но Царица и пьяный брат ее, Михайло Нагой, велели умертвить их и Дьяка Битяговского безвинно, единственно за то, что сей усердный Дьяк не удовлетворял корыстолюбию Нагих и не давал им денег сверх указа Государева. Сведав, что сановники Царские едут в Углич, Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу, — вымазать оные кровью и положить на теле убитых, в обличение их мнимого злодеяния».

После этого многие Нагие были взяты под стражу за поднятие мятежа, привезены в Москву и подвергнуты допросам и пыткам. От них добивались признания в том, что Дмитрий умер в результате несчастного случая. Позже Нагие были сосланы. Мария Нагая была пострижена в монахини и отправлена в отдаленный монастырь. За убиение царских людей были также наказаны жители Углича: около 200 человек казнены, многих заточили или сослали. По преданию, количество сосланных было так велико, что ранее большой 30-тысячный город Углич опустел, хотя на самом деле он был разрушен уже в начале XVII в. во время вторжения поляков. Уже во время правления Василия Шуйского прах Дмитрия был перенесен в Москву, а сам царевич канонизирован.

Несмотря на явную недобросовестность проведенного следствия, нельзя с уверенностью сказать, что оно сделало неправильные выводы. Современные врачи утверждают, что непреднамеренное самоубийство во время приступа эпилепсии вполне возможно и подобных случаев достаточно много. Скорее всего, нам вряд ли когда-нибудь удастся точно восстановить реальные события, произошедшие 15 мая 1591 года в Угличе.

В заключение следует коротко упомянуть о еще одной версии. По некоторым предположениям, в Угличе вместо царевича Дмитрия был убит какой-то другой ребенок. Более того,

некоторые также предполагают, что царевич был спрятан и после стал человеком, которого историки «ошибочно» называютЛжедмитрием I. Мария Нагая, например, признала Лжедмитрия своим сыном, но после отказалась от этого признания. Трудно сказать, в каком случае на нее было оказано более сильное давление. Но такая точка зрения находит немного сторонников и ее вряд ли можно назвать серьезной. Тем не менее имеется незначительная вероятность того, что и эта статья, и следующая посвящены одному и тому же лицу.

ЛЖЕДМИТРИЙ I (? —1606)

Самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия. Настоящее имя предположительно Григорий Отрепьев. С 1605 года был русским царем. Убит боярами-заговорщиками.

Пока на троне оставался царь Федор Иоаннович, Борис Годунов продолжал управлять государством, будучи царским шурином. Свою славу мудрого и прозорливого правителя он за это время не только подтвердил, но и приумножил. Примером его деяний, заслуживающих большого уважения, стало заключение мирного договора со Швецией на очень выгодных для России условиях. В 1595 году, воспользовавшись внутренними проблемами Швеции, Годунов так провел с ней переговоры, что Россия получила назад многие из утраченных ранее земель.

В 1598 году царь Федор умер. После этого подавляющее большинство бояр присягнуло на верность его вдове Ирине. Но через несколько дней после смерти мужа Ирина отказалась от власти и приняла постриг. Удалился в монастырь и Борис Годунов. Править страной стала Боярская дума и патриарх Иов. Этот человек полагал, и скорее всего справедливо, что лучшего правителя для России, чем Годунов, не найти. Бояре и патриарх обратились к Борису с просьбой занять пустующий престол, но тот ответил решительным отказом. Только собранный по

инициативе патриарха Земский собор смог уговорами и даже угрозой отлучения от церкви убедить Годунова принять царскую власть. Сейчас трудно сказать, было ли это упорство, так сказать, PR-акцией или Борис действительно не хотел занимать престол, но, скорее всего, ближе к истине первый вариант.

Во время церемонии венчания на царство Борис произнес: «Отче, великий патриарх Иов! Бог свидетель сему, никто же убо будет в моем царствии нищ или беден!» И взявшись за ворот рубахи, царь добавил: «И сию последнюю разделю со всеми». Этим словам Годунова не суждено было воплотиться в жизнь, но усилия, для того чтобы сдержать обещание, он честно прилагал. Придя к власти, Борис осуществил целый ряд популистских мер: устроил в честь своего воцарения угощение народа, освободил купцов на два года от уплаты пошлины, многих пожаловал чинами, служилым выдал двойное годовое жалование, выпустил на свободу многих заключенных, помогал сиротам и вдовам, на год освободил иностранцев от податей. В первые годы царствования Борис заслужил любовь народа. О Годунове энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона приводит такой отзыв современников:

«Он цвел благолепием, видом и умом всех людей превзошел; муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в Русском государстве достохвальных вещей, ненавидел мздоимство, старался искоренять разбои, воровство, корчемство, но не мог искоренить; был светлодушен и милостив и нищелюбив!»

Громадное значение Борис Годунов придавал связям с другими государствами, особенно европейскими. Он приглашал на службу иностранных врачей, ученых, мастеров, военных. Первым из русских властителей отправил группу молодых людей на учебу в Европу. Этот эксперимент, к сожалению, не очень удался, потому что большинство из юношей стали «невозвращенцами». Есть сведения, что Борис даже собирался пригласить из-за границы ученых-преподавателей и основать в Москве высшую школу, но духовенство воспрепятствовало этому. Вел брачные переговоры с различными европейскими дворами о том, чтобы выдать замуж свою дочь Ксению.

Но через три года вполне благополучного правления Борис Годунов столкнулся с серьезными проблемами. Сильные неурожаи 1601–1603 годов привели к тому, что в стране начался голод. Царь, как мог, пытался найти выход из угрожающей ситуации. Он установил верхний предел цен на хлеб, раздавал голодающим беднякам деньги, что только привело к инфляции. В конце концов Борис стал раздавать хлеб из царских амбаров. Узнав об этом, народ потянулся в Москву. Естественно, что на

всех запасов не хватало. Около 130 тысяч человек умерли в столице от голода. Для улучшения положения голодающих крестьян и лишенного возможности их прокормить дворянства Годунов также пытался частично восстановить Юрьев день". Из-за голода и перемещения большого количества людей по стране расцвел разбой. Имело место людоедство.

Суеверный народ пришел к выводу, что царствование Годунова противно Богу. Начались волнения и мятежи. Особенно крупным был бунт атамана Хлопка (1603–1604 годы), который со своими приверженцами двинулся на Москву, но был разбит царской армией. Однако полностью навести порядок в стране Годунову не удалось.

Этими осложнениями и воспользовался наш герой Лжедмитрий I. Но для начала мы попытаемся рассказать о его жизни до этого момента. Именно попытаемся, потому что, как это часто бывает с самозванцами, достоверных сведений о начале жизни Лжедмитрия I немного.

Предположительно Лжедмитрия I изначально звали Юрий Отрепьев. Он был сыном небогатого боярина. Отец будущего самозванца служил стрелецким сотником в Москве и был убит. После его смерти Юрий служил у бояр Романовых и князя Бориса Черкасского. Позже он решил стать монахом. Приняв постриг, Юрий сменил имя на Григорий. Некоторое время молодой монах скитался по различным монастырям, пока его не заметил патриарх Иов. Дело в том, что юноша был грамотным, хорошо переписывал тексты и даже сам составлял каноны", причем делал это лучше многих книжников того времени.

Патриарх был близок к Борису Годунову и часто посещал его дворец. Иногда он брал с собой и молодого писца. Роскошь и богатство дворцовой обстановки не оставили Григория равнодушным. Более того, он внимательно прислушивался ко всем разговорам, которые касались истории царей и их родственников, читал летописи. С особой жадностью молодой монах интересовался судьбой Дмитрия, обстоятельствами его смерти, родственниками царевича. Непонятно, что стало причиной дальнейшего поведения Григория — хитрость или болезненное воображение. Большинство историков считают, что Лжедмитрий I сам искренне верил в то, что является царевичем. Не раз Григорий как бы в шутку заявлял другим монахам: «Знаете ли, что я буду царем на Москве?» Также вполне вероятно, что Отрепьев действовал по наущению бояр, не любивших Годунова. Возможно, что его «наставниками» стали Романовы и (или) Борис Черкасский.

Слухи о сумасшедшем монахе, называющем себя царем,

дошли до Бориса Годунова. Он приказал отправить Григория в отдаленный монастырь для вечного покаяния. Узнав об этом, Григорий в сопровождении еще двух монахов бежал. Об этом событии, посчитав его недостойным царского внимания, Борису не сообщили. По этой же причине не была организована погоня.

Находясь в бегах, монахи был гостеприимно приняты архимандритом одной из обителей Новгорода Северского. Утром, когда беглецы уже покинули обитель, в кельи, где спал Григорий, нашли записку такого содержания: «Я царевич Димитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего». Это был первый случай, когда самозванец назвал себя Дмитрием.

Некоторое время Отрепьев жил в Киеве, в Печерском монастыре, а потом — еще в нескольких монастырях. За это время был распущен слух о том, что царевич Дмитрий жив: он якобы спасся от убийц в Угличе и был отвезен в Литву. Непонятно, какую роль в распространении этой молвы сыграл Отрепьев. Возможно, слухи поползли сами собой в результате голода, случившегося в России. Карамзин же пишет, что подобную почву для своего будущего воцарения распространял сам Григорий. Кроме того, как мы уже писали, есть версия, что Отрепьеву покровительствовали бояре. Они тоже могли распространить «нужные» слухи. В любом случае, Григорий основательно готовился к своей будущей роли. Он уговорил одного из иноков назваться своим именем, а сам тайно покинул монастырь. Позже, по некоторым сведениям, он учился у запорожцев владению оружием и верховой езде. Затем отправился в школу небольшого волынского городка, где изучил польский язык и латынь. По окончании учебы Григорий поступил на службу к польскому князю Адаму Вишневецкому.

Самозванец быстро заслужил внимание и расположение князя. После этого он «открыл» свою тайну. Причем сделал это с потрясающим изяществом: притворился сильно больным, попросил привести духовника и сказал ему: «Умираю. Предай мое тело земле с честию, как хоронят детей Царских. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навеки, ты найдешь у меня под ложем свиток и все узнаешь; но другим не сказывай. Бог судил мне умереть в злосчастии». Расчет оказался верным. Духовник поспешил поделиться тайной исповеди Григория с Вишневецким. Тот обыскал постель «больного» и обнаружил заранее написанную Григорием бумагу. В ней говорилось, что Отрепьев на самом деле не кто иной, как царевич Дмитрий. В Угличе его якобы спас преданный врач, вместо царевича был убит другой мальчик, а сам наследник был тайно отправлен в Литву.

Так Отрепьев как бы нехотя открыл свою «тайну».

Трудно сказать, вызвало ли «признание» слуги полное доверие у Вишневецкого. Возможно, им руководила не вера, а расчет. Но, так или иначе, в дальнейшем князь стал вести себя с Отрепьевым так, как будто действительно имел дело с законным претендентом на российский престол. Он был старательно «вылечен» и поселен в роскоши. Особое участие в дальнейшей судьбе Лжедмитрия принял родственник Вишневецкого Юрий Мнишек, на дочери которого самозванец позднее женился. Весть о том, что у князя Вишневецкого живет счастливо избежавший убийства в Угличе Дмитрий быстро облетела всю Речь Посполитую. Вскоре появились свидетельства, «подтверждающие» текст бумаги. Некоторые «узнавали» в бывшем слуге царевича Дмитрия.

Вишневецкий и Мнишек донесли королю Сигизмунду о том, что у них находится настоящий царевич Дмитрий. Для Польши, да и всего католического мира, подобное событие стало счастливой возможностью для распространения в России католицизма. Кроме того, даже если посадить Лжедмитрия на российский престол и не удастся, неизбежные беспорядки ослабят опасного для Польши соседа. Но открыто поддержать самозванца Сигизмунд не мог. Против этого выступил польский сейм. Однако король все же оказывал Лжедмитрию помощь: выделял ему деньги для того, чтобы нанять солдат и двинуться с ними на Москву и занять престол.

Теперь вернемся на время к Борису Годунову. С самого начала своего правления он столкнулся с неприязнью со стороны многих бояр. По некоторым предположениям, еще в 1600 годудо Бориса дошли сведения, что зреет заговор, целью которого является его свержение и вручение престола самозванцу, выдающему себя за царевича Дмитрия. В результате Годунов стал очень подозрительно относиться к своему окружению. Многие оказались в опале. 1604 год оказался урожайным, и голод прекратился. Но по всей стране царили беспорядки и разбой. Масло в огонь подливали и слухи о возвращении Дмитрия. Мудрое во многом правление Бориса Годунова было омрачено многочисленными ссылками, арестами и пытками по подозрениям в заговорах, зачастую, правда, небезосновательными. В результате царь быстро терял свою былую популярность.

Тем временем Лжедмитрий во главе небольшого войска вторгся на территорию России. Во многих районах он встретил поддержку населения. Народ был рад поверить самозванцу и с воодушевлением приветствовал чудесным образом вернувшегося

«законного» царя. Его армия пополнялась добровольцами. Самое неприятное для Бориса состояло в том, что симпатии к «возвратившемуся» Дмитрию не миновали и царского войска. В стычках с ним Лжедмитрий терпел поражения, но до разгрома дело не дошло. В январе 1605 года он был вынужден отступить в Путивль. Через некоторое время в Путивль пришли посланные Годуновым и патриархом Иовом монахи и попытались настроить жителей города против Лжедмитрия и уговорить их выдать самозванца царю. Этих монахов схватили люди Лжедмитрия, и один из них признался под пытками, что послан его отравить. В сапоге у него действительно нашли яд.

По некоторым сведениям, после этого Лжедмитрий отправил патриарху и Годунову письмо, в котором первого упрекал в злоупотреблении церковной власти, а второму предлагал добровольно оставить трон и принять постриг, взамен обещая свою милость.

В самой Москве тем временем было неспокойно. Бояре тоже, пока неявно, поддерживали «настоящего царя». Тем не менее свергнуть Бориса силой самозванец смог бы едва ли. Тут ему помог случай.

13 апреля 1605 года Борис Годунов неожиданно умер. С утра царь казался здоров и бодр, вел дела в думе. Позже он принимал иноземных гостей и обедал с ними. Не успел Борис встать из-за стола, как из ушей, носа и рта его полилась кровь. Врачи не могли остановить кровотечение. Уже теряя сознание, Борис смог все же благословить на царство сына Федора и принять монашество под именем Боголеп. Через два часа после этого Годунов скончался. Обстоятельства его смерти были таковы, что поползли слухи, будто царь от отчаяния покончил с собой, приняв тот самый яд, с которым он подсылал отравителей к своему противнику. Кроме того, многие восприняли неожиданную смерть Бориса как знак Божий.

Возможно, если бы у Бориса было больше времени подумать, он не стал бы передавать трон сыну, обрекая его тем самым практически на верную гибель. Федор находился на престоле всего около двух месяцев. Нельзя сказать, что он не был готов к управлению страной. Борис давно привлекал сына к государственным делам. Кроме того, Федор получил прекрасное по тем временам образование. Но ситуация в стране выходила из-под контроля еще до смерти Бориса. После же удержать власть Федор просто не имел шансов. Продолжались военные действия против войск самозванца, но ропот в царской армии усилился. Все время приходилось ожидать бунта среди солдат. В конце концов к войску был направлен новый воевода, Петр Басманов.

Но он предал Федора: 7 мая солдатам объявили, что истинный царь — Дмитрий. Войска перешли на сторону самозванца.

Сразу после смерти Бориса москвичи спокойно принесли присягу новому царю.

Но вскоре в город стали прибывать посланцы Лжедмитрия и зачитывать перед народом грамоту, в которой излагалась уже известная нам история о спасении царевича. Большинство этих посланников удавалось схватить. Но прибывали все новые и новые. В конце концов, Лжедмитрию удалось добиться нужного настроения в народе. После того как грамота была прочитана на Красной площади, народ, не зная, чему можно верить, обратился к Василию Шуйскому. Тот, несмотря на результаты своего расследования (см. предыдущую главу), объявил народу, что в Угличе действительно был убит не царевич Дмитрий, а другой ребенок.

Тогда толпа ворвалась в Кремль и насильно переселила Федора с семьей в дом, где он жил до воцарения. Многие бояре ехали навстречу Лжедмитрию и присоединялись к нему. Еще до приезда самозванца в Москву сторонник Годуновых патриарх Иов был с позором лишен сана и отправлен простым монахом в монастырь. Родственники Годунова были взяты под стражу, сам Федор, его сестра и мать находились под домашним арестом. Лжедмитрий не рискнул оставить свергнутого царя в живых. 10 июня в дом к Федору пришли князья Голицын и Мосальский в сопровождении нескольких стрельцов. Они развели семью по разным комнатам, удушили царицу Марию, вдову Годунова и Федора. При этом наделенный недюжинной силой Федор долго сопротивлялся четырем убийцам. Народу было объявлено, что бывший царь и его мать покончили с собой. Сестру Федора, Ксению, Лжедмитрий позже сделал своей любовницей.

20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно въехал в Москву. Послали в монастырь за Марфой (бывшей Марией) Нагой, матерью Дмитрия. Она «узнала» сына. Обстоятельства этого признания туманны. Вряд ли Марфа на самом деле посчитала Лжедмитрия своим сыном. Скорее, она либо была запугана, либо не избавилась еще от давней мечты побыть царской матерью. 30 июля Лжедмитрий был венчан на царствие, а в ноябре того же года состоялась его «заочная» свадьба с Марией Мнишек. Мария находилась в это время в Польше, и в свадебном обряде вместо жениха участвовал его посланец. 3 мая 1606 года, за две недели до смерти своего мужа, Мария в сопровождении отца и многочисленной свиты торжественно въехала в Москву.

О недолгом правлении Лжедмитрия I можно сказать немало положительного. Во многом Лжедмитрий показал себя как

просвещенный правитель. Он отличался энергичностью, живостью ума и независимостью суждений. Провел целый ряд полезных реформ. Преобразовал думу. Увеличил жалование служилым людям. Пытался облегчить положение крепостных крестьян. Задумывал наладить контакты с Западной Европой — посылать туда на учебу молодежь — и собирался составить антитурецкую коалицию из России, Германии, Франции, Польши, Венеции. Кроме того, вопреки ожиданиям Сигизмунда III, он не стал покорно подчиняться его влиянию и влиянию Папы Рримского. Лжедмитрий отказался вводить в России католицизм. Также Сигизмунд не получил ожидаемых территориальных уступок от нового царя. Лжедмитрий предложил заплатить за предоставленную в свое время помощь только деньгами.

Многим простолюдинам были неприятны его иностранные манеры, отход от многих старинных обычаев и непонятны затеянные им реформы. Тем не менее открытой неприязни к новому царю народ не выявлял и часто даже расправлялся с теми, кто распускал слухи о том, что он самозванец. Лжедмитрий не был свергнут народом, а потерял власть и жизнь в результате заговора.

Василий Шуйский начал первый заговор против нового царя еще до вступления его на престол. Для Шуйского Лжедмитрий был удобным способом избавиться от Годуновых. Но, выполнив это предназначение, он только мешал рвущемуся к власти князю. Василий начал подготовку заговора, но он был раскрыт. Шуйские и их сторонники отправились в ссылку, но очень скоро были прощены и вернулись в Москву. Как мы видим, Лжедмитрий не стремился избавиться от такого опасного свидетеля, как Василий Шуйский, и многие видят в этом одно из доказательств того, что сам он верил в свое царское происхождение.

Василий Шуйский стал готовить новый заговор, на сей раз более основательно. Он смог собрать много единомышленников, которым открыто рассказал, что объявил Лжедмитрия царевичем только для того, чтобы избавиться от Годунова. Он также смог убедить многих бояр в том, что власть нового царя ставит под угрозу русское православие, что царь во всем будет потакать иностранцам, и в частности полякам. Кроме того, Шуйский смог обзавестись поддержкой войска. В его распоряжение попал восемнадцатитысячный отряд, собранный для похода в Крым и находящийся под Москвой. Накануне мятежа состоялась тайная ночная встреча заговорщиков. Было принято решение по сигналу ворваться во дворец с криками «Поляки бьют государя!» (речь идет о многочисленной свите Марины Мнишек и ее отца). После следовало окружить царя, как бы стараясь защитить, и убить его.

Также нападению должны были подвергнуться дома, в которых останавливались приехавшие поляки.

В ночь с 16 на 17 мая верные Шуйскому войска проникли в город. Около четырех часов утра раздался условный сигнал — набат на многих колокольнях. Шум разбудил царя, и он отправил Басманова выяснить, что случилось. Встреченные Басмановым бояре отвечали, что не знают, в чем дело, возможно, где-то случился пожар. Шум усиливался, и Лжедмитрий опять послал Басманова выяснить, в чем дело. На этот раз уже собравшаяся толпа стала требовать, чтобы Басманов выдал самозванца. Стража была напугана. Один из заговорщиков смог ворваться в опочивальню Лжедмитрия и крикнул царю: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты? Зачем не выходишь к народу и не даешь ему отчета?» Он был убит Басмановым. Схватив меч у одного из охранников, царь вышел наружу и, потрясая мечом, закричал: «Я вам не Годунов!» Раздались выстрелы, и ему пришлось ретироваться. В это время пришли бояре-заговорщики. Басманов стал уговаривать их не выдавать царя толпе, но один из них выхватил нож и убил его.

Толпа стала напирать на стражу. Царь еще раз пытался выйти к мятежникам и урезонить их, но это ничего не дало. Тогда он бросился в покои жены и велел ей спасаться. Сам он после этого выпрыгнул из окна на подмостки, приготовленные для празднования свадьбы, попытался перепрыгнуть на соседние подмостки, но оступился, упал с большой высоты и сильно разбился: подвернул ногу и повредил грудь.

Толпа ворвалась во дворец и стала искать царя. Марине Мнишек случайно удалось спастись: полуодетую женщину не узнали, и она успела скрыться в своих покоях. Говорят, что ей даже пришлось спрятаться под юбку одной из своих приближенных. От неминуемой расправы Марину Мнишек спасли бояре, стоящие во главе заговора.

Тем временем разбившийся Лжедмитрий был найден стрельцами, привлеченными к мятежу. Придя в себя, он смог уговорить солдат принять его сторону, обещать в награду имения заговорщиков. Стрельцы внесли царя во дворец и отказались выдать Шуйскому и его сторонникам. Для мятежников ситуация стала критической. Они решились на крайность, объявили стрельцам, что отправятся в Стрелецкую слободу и перебьют семьи стрельцов. Это напугало новых сторонников Лжедмитрия. Они предложили еще раз позвать Марфу и спросить, действительно ли это ее сын. Пока ходили к Марфе, мятежники ругали и били царя, спрашивая, кто он такой. На все вопросы он отвечал: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича.

Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться».

Наконец пришел князь Иван Голицын. Он заявил, что был у Марфы и она сказала, что настоящий Дмитрий был убит в Угличе. Народу в это время было объявлено, что сам самозванец во всем сознался. Толпа пришла в ярость. С криками «Бей его! Руби его!» мятежники бросились на царя. Один из них, Григорий Валуев, со словами: «Что толковать с еретиком: вот я благословлю польского свистуна!», выстрелил. Остальные бросились на Лжедмитрия и добили его. После толпа схватила тела Басманова и Лжедмитрия, раздела обоих и понесла на Красную площадь. По дороге, у ворот Вознесенского монастыря к мятежникам вывели Марфу. По некоторым сведениям, на вопрос «Твой ли это сын?» она ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Во время бунта в общей сложности было убито около трех тысяч поляков и русских.

Три дня тело Лжедмитрия лежало на Красной площади на столе. На лице покойного была маска. После тело предали земле. Но и это не стало последним испытанием для праха покойного. Позже поползли слухи, что расстрига (так теперь стали часто называть Лжедмитрия, из-за того, что он вроде бы бывший монах) был колдуном. Из-за его ворожбы якобы стоят сильные морозы. Тогда труп был вырыт и сожжен. Оставшийся пепел смешали с порохом, зарядили в пушку и выстрелили в ту сторону, откуда пришел в Москву Лжедмитрий.

В заключение следует сказать, что изложенная здесь история Лжедмитрия I до его вторжения в Россию — не что иное, как официальная версия, принятая после его смерти новым царем Василием Шуйским. Есть целый ряд версий, которые сильно расходятся с этим вариантом. Многие историки считают, что Григорий Отрепьев и Лжедмитрий I — разные лица. При этом Отрепьев называется либо сторонником самозванца, либо человеком, игравшим роль Дмитрия до определенного времени, а потом, в Польше, подмененным. Вот что пишет сторонник этой теории Н. И. Костомаров:

1) Если бы названый Димитрий был беглый монах Отрепьев, убежавший из Москвы в 1602 году, то никак не мог бы в течение каких-нибудь двух лет усвоить приемы тогдашнего польского шляхтича. Мы знаем, что царствовавший под именем Димитрия превосходно ездил верхом, изящно танцевал, метко стрелял, ловко владел саблей и в совершенстве знал польский язык: даже в русской речи его слышен был не московский выговор. Наконец, в день своего прибытия в Москву, прикладываясь к образам, он

возбудил внимание своим неумением сделать это с такими приемами, какие были в обычае у природных москвичей.

2) Названый царь Димитрий привел с собою Григория Отрепьева и показывал его народу. Впоследствии говорили, что это не настоящий Григорий: одни объясняли, что это был инок Крыпецкого монастыря, Леонид, другие, что это был монах Пимен. Но Григорий Отрепьев был вовсе не такая малоизвестная личность, чтоб можно было подставлять на место его другого. Григорий Отрепьев был крестовый дьяк (секретарь) патриарха Иова, вместе с ним ходил с бумагами в царскую думу. Все бояре знали его в лицо. Григорий жил в Чудовом монастыре, в Кремле, где архимандритом был Пафнутий. Само собою разумеется, что если бы названый царь был Григорий Отрепьев, то он более всего должен был бы избегать этого Пафнутия и прежде всего постарался бы от него избавиться. Но чудовский архимандрит Пафнутий в продолжение всего царствования названого Димитрия был членом учрежденного им сената и, следовательно, виделся с царем почти каждый день.

3) В Загоровском монастыре (на Волыни) есть книга с собственноручною подписью Григория Отрепьева; подпись эта не имеет ни малейшего сходства с почерком названого царя Димитрия.

В конце концов, некоторые придерживаются мнения, что Лжедмитрий I был не самозванцем, а настоящим царевичем.

ЛЖЕДМИТРИЙ II (?-1610)

Самозванец. Выдавал себя за якобы спасшегося царя Дмитрия (Лжедмитрия I). В1608-1609 гг. занимал подмосковное Тушино (почему и вошел в историю под прозвищем «Тушинский вор»), безуспешно пытался захватить столицу. После начала польской интервенции бежал в Калугу, где был убит начальником

собственной охраны крещеным татарином Петром Урусовым.

После смерти Лжедмитрия I русский престол остался без наследника. Предстояло выбрать нового царя. На царство претендовали два князя: Василий Шуйский и Василий Голицын. 19 мая 1606 года Шуйский был избран царем. Еще до свержения Лжедмитрия I Шуйский обещал боярам — своим товарищам по заговору, что предоставит боярству большие полномочия. При венчании на царство Василий IV обещал также ограничить свою власть. Кроме того, он поклялся никого не казнить без боярского суда, не лишать имущества семьи осужденных, при ведении следствия требовать очного выступления обвинителя и, в случае, если вина не будет доказана, судить клеветников так же, как могли быть осуждены их жертвы.

Шуйский понимал, что далеко не все воспримут его венчание на царство как должное. Он помнил о судьбе Годуновых и отдавал себе отчет, что к «избранному» царю народ будет относиться гораздо настороженней, чем к царю «по крови». Кроме того, было понятно, что далеко не все поверят в то, что убитый царь Дмитрий был самозванцем. Поэтому, придя к власти, Шуйский сделал попытку, впрочем неудачную, предотвратить возможные народные волнения. От имени «бояр, окольничих, дворян и всяких людей московских» во все концы страны была разослана грамота следующего содержания:

«Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Димитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой с братьею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Димитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскою помощию, и людей всех прельстил чернокнижеством, и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от бога возмездие, скончал свой живот злою смертию. И после того, прося у бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, также и мы, бояре, окольничие, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем Московским государством, кому бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от великого государя князя Александра Ярославича

Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал».

Но эта мера не помогла. Скорее наоборот. Шуйский уже не вызывал доверия, слишком много раз он менял свои показания по делу царевича Дмитрия. Практически сразу после воцарения Василия IV поползли слухи, что «Дмитрий» и на этот раз смог спастись от заговорщиков. В возникновении и распространении этих слухов принимали самое активное участие бывшие сторонники Лжедмитрия I. Тут нам предстоит познакомиться с целым рядом новых персонажей.

Некто Михаил Андреевич Молчанов, приближенный бывшего царя, после мятежа смог бежать из Москвы в Польшу, по дороге рассказывая всем, что Дмитрий спасся, а иногда даже выдавая себя за царя. Через некоторое время в Польше с ним встретился некто Иван Болотников — личность крайне примечательная. Болотников был в свое время холопом князя Телявского — бывшего сторонника Бориса Годунова. Позже он попал в плен к татарам, был продан в рабство на турецкие галеры. После освобождения судьба забросила Болотникова в Венецию, и домой, в Россию, он возвращался через Польшу. Здесь он и встретил Молчанова.

Молчанов представился Болотникову как царь Дмитрий. Но сам он не хотел возглавлять мятеж против Шуйского, поэтому отправил своего нового сторонника к еще одному бывшему приближенному Лжедмитрия I князю Григорию Шаховскому. Как сторонник Лжедмитрия I, Шаховской по приказу Шуйского был отправлен воеводой в город Путивль. В то время Путивль был одним из самых беспокойных мест России. Новый царь хотел избавиться от врага, а вместо этого дал ему в руки оружие. Шаховской объявил жителям Путивля, что Дмитрий жив и в данный момент скрывается от недругов. Этим сообщением он взбунтовал горожан и войско.

Болотников получил у Шаховского 12-тысячное войско и двинулся с ним по стране, объявляя, что лично видел царя Дмитрия и тот назначил его главным воеводой. В основу агитации была положена классовая вражда. Лидеры мятежа распространяли так называемые «воровские листки», в которых призывали крестьян, холопов и казаков присоединиться к воеводе «царя Дмитрия». В качестве дополнительного поощрения будущим борцам за «правое» дело обещали деньги, чины, имения и жен бояр, дворян и богатеев. Василий IV выслал для подавления мятежа отряд царских войск, но вскоре они были вынуждены отступить. Это вызвало еще большее народное воодушевление, и

к Болотникову стали присоединяться все новые и новые силы. Помимо простолюдинов, к мятежникам примкнули со своим ополчением и некоторые дворянские предводители. Собрав таким образом большое войско, Болотников двинулся на Москву.

В декабре 1606 года возле подмосковной деревни Котлы состоялось сражение между мятежниками и царскими войсками. Незадолго до этого Болотникова предали ставшие ранее на его сторону дворяне. Это и стало причиной поражения повстанцев. Но до полного разгрома было далеко. Болотников отступил и укрылся в Калуге. Царская армия осадила город. Но повстанцы не сдавались, ожидая скорого прибытия царя Дмитрия с новыми силами. Оставим их пока в этом незавидном положении и познакомимся с еще одним «номинантом» на роль царя.

Правление «выборного» царя Василия IV привело к появлению целого ряда самозванцев. Одним из них стал некто Илейка. Этот человек служил казаком на Волге. После очередной долгосрочной задержки жалования казаки решили промышлять грабежом. Но превращаться в простых разбойников они не хотели. Поэтому объявили одного из своих товарищей, Илейку, Петром, сыном Федора Годунова. Шуйский якобы подменил младенца Петра на девочку Феодосию. Роль мифического Петра была поручена именно Илейке, потому что он ранее несколько месяцев служил в Москве. Во время своего правления Лжедмитрий I призвал «племянника» вместе с казаками к себе. Но дойти до столицы они не успели. Лжедмитрий I был свергнут. Казаки ушли за Дон, где их и разыскали посланцы Шаховского. Дело в том, что последний лихорадочно искал подходящего человека на роль Дмитрия. Отчаявшись найти подходящую кандидатуру, он уже был согласен и на лжесына Годунова.

Илейка был приглашен Шаховским в Путивль, а оттуда отправлен в Тулу. Вслед за ним двинулся и сам Шаховской. Вскоре они заняли город, куда сумел в результате вылазки добраться и Болотников. Но в конце июня к Туле со стотысячным войском подошел сам Василий IV. Осада города длилась больше трех месяцев. В конце концов царские войска запрудили протекавшую рядом с городом реку и затопили Тулу. Среди осажденных начался голод. Они были вынуждены пойти на переговоры. Василий Шуйский поклялся помиловать Болотникова и Шаховского. В октябре мятежники сдали город.

Болотников предстал перед царем и поклялся верно служить ему, если тот выполнит свою клятву. Но Василий распорядился отправить мятежника в Каргополь. Позднее Болотникова ослепили и убили. Илейка был повешен, а Шаховской сослан в монастырь на Кубенское озеро. Таковы были итоги первого

восстания в пользу еще не объявившего о себе Лжедмитрия II. Можно сказать, что почва для второго бунта была щедро удобрена кровью погибших в результате первого. И появление нового Лжедмитрия не заставило себя долго ждать.

О прошлом этого откровенного проходимца нет никаких достоверных сведений. Только косвенно, на том основании, что он хорошо разбирался в религиозных книгах, можно предположить, что он происходил из церковной семьи или сам в прошлом имел отношение к церкви. Вот что пишет о личности Лжедмитрия II Карамзин (в это время осажденные в Туле мятежники посылали гонцов, чтобы «разыскать» Дмитрия):

«Оба [Шаховской и Болотников] писали в Галицию, к ближним и друзьям Мнишковым, требуя от них какого-нибудь Димитрия или войска, предлагая даже Россию Ляхам, такими словами: «От границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте нас от Шуйского». С письмами и наказом послали в Литву Атамана Козаков Днепровских, Ивана Мартынова Заруцкого, смелого и лукавого: умев ночью пройти сквозь стан Московский, он не хотел ехать далее Стародуба, жил в сем городе безопасно и питал в гражданах ненависть к Василию. Послали другого вестника, который достиг Сендомира (город на реке Висла), не нашел там никакого Димитрия, но заставил ближних Мнишковых искать его: искали и нашли бродягу, жителя Украины, сына Поповского, Матвея Веревкина, как уверяют Летописцы, или Жида, как сказано в современных бумагах государственных. Сей самозванец и видом и свойствами отличался от расстриги: был груб, свиреп, корыстолюбив до низости: только, подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, Русским и Польским; знал твердо Св. Писание и Круг Церковный; разумел, если верить одному чужеземному Историку, и язык Еврейский, читал Тальмуд, книги Раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростию и предвидением будущего».

Но, как мы видим, сведения, изложенные выше, нельзя считать особенно достоверными. Карамзин указывает два возможных варианта, и при этом видно, что нельзя исключать и других.

А первые достоверные сведения о новом самозванце таковы: в небольшом, тогда еще польском городке Пропойске был задержан по подозрению в шпионаже неизвестный. Арестованный показал, что он — Андрей Андреевич Нагой, родственник царя Дмитрия, сказал, что скрывается от мести Василия Шуйского, и попросил отправить его в город Стародуб.

12 июня 1607 года «Андрей Нагой» и его товарищ, назвавшийся московским подьячим Алексеем (Александром) Букиным, прибыли в Стародуб. Здесь они принялись распространять слухи о спасении царя Дмитрия. Кроме того, «Нагой» послал Букина по городам, где тот объявлял народу, что государь жив, скрывается в Стародубе. В Путивле сторонники бывшего воеводы Шаховского заинтересовались этой информацией. Они отправили делегацию вместе с Букиным в Стародуб. В городе Букин указал на «Нагого». Тот сперва отказывался «сознаться», но, когда ему пригрозили пыткой и уже собирались схватить, закричал: «Ах вы б… дети, еще вы меня не знаете: я государь!» Таким образом, можно сделать предположение, что самозванец объявил себя царем непреднамеренно. Вполне возможно, что в его задачу входило только распространение слухов о спасении царя, а на роль Дмитрия предполагался кто-то другой.

Подобно казакам, которые для оправдания грабежей использовали невероятную историю о сыне Федора Годунова Петре, Лжедмитрий II служил «формальным» оправданием для противников Шуйского, других недовольных и просто сорвиголов, которыми всегда богата была земля русская. Но далеко не все относились к Лжедмитрию II так. Многие искренне верили в уже второе чудесное спасение царя. Так, один из стародубских бояр, поверив самозванцу, отправился под Тулу, в лагерь Василия IV с тем, чтобы спросить царя, зачем он «подыскался царства при прирожденном государе?». Легковерный боярин умер в пытках, но продолжал настаивать на своем.

Слухи о самозванце быстро распространялись по России и Польше. Кроме того, подобно своему предтече Болотникову, Лжедмитрий II отправлял по городам грамоты, призывавшие стать на защиту «законного» царя. Это приносило свои плоды. Вскоре самозванцу удалось собрать внушительное войско. При этом Лжедмитрий II стал выполнять практически только роль формального лидера повстанцев. Фактически распоряжались всем начальники собравшихся отрядов.

Вскоре войско двинулось к Оке, по всей видимости, желая помочь осажденным в Туле повстанцам. По дороге оно пополнялось все новыми «поборниками законности». Вскоре мятежники захватили Козельск. Но, как мы уже знаем, Шаховской и Болотников не дождались подкрепления. Получив известие о падении Тулы, Лжедмитрий поспешно отошел к городу Карачеву. Здесь случилось очень показательное происшествие. Между военачальниками произошла ссора из-за дележа захваченной в Козельске добычи.

В войске начались волнения. Опасаясь за свою жизнь, Лжедмитрий с небольшим отрядом преданных ему людей бежал в Орел. Здесь в одну из ночей на него было совершено покушение, что, естественно, не прибавило самозванцу смелости. Вскоре его нашли «приверженцы» и то ли уговорами, то ли угрозами заставили вернуться к войску.

Мятежники, опасаясь, что Василий Шуйский отправит свою армию, для того чтобы окончательно подавить восстание, проселочными дорогами двинулись от Карачева к польской границе. Но по пути их встречали все новые и новые отряды, направленные из Польши.

Между тем Василий IV, вместо того чтобы преследовать противников, пышно праздновал в Москве взятие Тулы. Пополнив свое войско, Лжедмитрий II вновь повернул в сторону столицы. Он предпринял осаду Брянска, но город захватить не смог. Тогда было принято решение отправиться на зимовку в Орел. Здесь к Лжедмитрию присоединялись все новые и новые силы. Особенно крупными были отряды, состоящие из 4000 поляков, 3000 запорожских и 5000 донских казаков. Вообще, эти времена отмечены появлением громадного числа всевозможных самозванцев. Вот что пишет знаменитый российский историк Сергей Михайлович Соловьев:

«Донцы привели к Лжедимитрию вместо казненного в Москве Лжепетра другого племянника, также сына царя Феодора; дядя велел убить его; козакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич, Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана; в степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Брошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — все сыновья царя Феодора Иоанновича».

Лжедмитрий тоже понемногу вживался в свою роль. Когда предводитель поляков, некто Рожинский, стал требовать плату за службу, он гордо ответил:

«Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне; но дали мне знать, что он хочет изменить мне: так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде бог на столице моей без Рожинского и теперь посадит; вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я еще ничего им не дал».

Из-за этого ответа разгорелась ссора, которая чуть было не стоила Лжедмитрию свободы и жизни. Но после, извинившись перед поляками, он смог добиться примирения.

Весной 1608 года часть войска Лжедмитрия, в основном —

казаки, была отправлена на восток, для того чтобы поднять бунт в украинских, польских и рязанских городах. Основные же силы двинулись к Москве. 10 и 11 мая близ города Волхова произошла битва между мятежниками и царским войском, в которой последнее потерпело поражение. Второе войско, посланное Василием IV навстречу повстанцам, пришлось отозвать обратно, во избежание повторения недавней истории с Лжедмитрием I. Дело в том, что в этой армии раскрыли заговор, целью которого было побудить солдат принять сторонуЛжедмитрия II.

К июню 1608 года самозванец достиг подмосковного села Тушино. Но, несмотря на прошлые успехи, он понимал, что взять Москву ему еще не под силу. Поэтому он расположился в Тушино лагерем (по названию села, где обосновался и долгое время находился Лжедмитрий II, он получил прозвище «Тушинский вор»).

Вскоре Тушино стало резиденцией «царя Дмитрия». Туда была доставлена Марина Мнишек, вдова Лжедмитрия I. С момента свержения мужа и до этого времени она вместе со своими родственниками жила в Ярославле. Теперь, поддавшись на уговоры родственников, она признала Лжедмитрия II своим мужем. Тут есть интересная деталь: Марина Мнишек могла соврать перед людьми, но не перед Богом. Поэтому она тайно обвенчалась с Лжедмитрием II.

Лжедмитрий во всем старался подражать настоящей царской власти. В Тушино образовался настоящий «царский» двор. Там была собрана Боярская дума, в которую входили не только низкородные приверженцы самозванца, но и некоторые бояре, перешедшие на сторону Лжедмитрия II. Кроме того, в Тушино были учреждены приказы, имелся свой патриарх. Из Тушино самозванец и его приближенные распоряжались находящимися под их контролем землями. Страна разделилась на три части. Население одних областей признало царем «Дмитрия», население других хранило верность Василию Шуйскому, наконец, в некоторых районах народ находился в недоумении и не знал, к кому примкнуть.

При том что в Подмосковье «тушинцы» в общем-то доминировали, совсем изолировать столицу и прекратить ее снабжение им не удавалось. Сами же мятежники, большинство из которых очевидно приняло участие в восстании вовсе не из патриотических чувств и желания восстановить справедливость, старались побыстрее набить себе карманы. Для этого они облагали подвластные им земли различными сборамидля пополнения «государевой» казны. Зачастую не гнушались они и открытым грабежом. Это вызвало сначала недовольство, а затем и

открытые выступления против власти Лжедмитрия II. В конце 1608 года во многих подвластных «Тушинскому вору» городах начались восстания. Теперь уже сторонники Лжедмитрия стали жертвой мятежа. В конце февраля 1609 года между посланником Василия IV, Скопиным-Шуйским, и королем Швеции Карлом IX был заключен договор, согласно которому Швеция обещала оказать помощь России в борьбе с самозванцем.

Теперь положение «тушинцев» осложнялось еще и тем, что из Новгорода на помощь к Василию IV выступил внушительный шведский отряд под предводительством Скопина-Шуйского. Отряды Лжедмитрия II терпели поражение за поражением и вынуждены были постоянно избегать встречи с противником. В октябре 1609 года Скопин-Шуйский занял Александровскую слободу.

Между тем король Речи Посполитой Сигизмунд III, ранее поддерживавший Лжедмитрия II, начал открытое вторжение в Россию и осадил Смоленск. Теперь, когда были начаты открытые военные действия, Сигизмунд нуждался в солдатах. Вскоре в Тушино стали прибывать посланники Сигизмунда и агитировать поляков и русских поступать к нему на службу. Лжедмитрий понял, что теперь, когда многого выжать из подвластных ему земель уже не удастся, большинство солдат его покинет и перейдет на более надежную службу.

В конце 1609 — начале 1610 года он переодетым бежал в Калугу. В Тушино осталась Марина Мнишек. Эта энергичная и смелая женщина все еще пыталась агитировать войско за «царя Дмитрия». Но вскоре ей тоже пришлось бежать. Теперь Лжедмитрий располагал только оставшимися верными ему казаками, да и многие из последних тоже перешли на службу к королю Сигизмунду.

К марту 1610 года Скопин-Шуйский, под командованием которого находились объединенные русско-шведские войска, очистил от тушинцев окрестности Москвы. Но столичные противники Василия IV попытались свергнуть царя. Они предложили корону «спасителю отечества» Скопину-Шуйскому. Последний был, по всей видимости, высокоморальным человеком, по меркам своего времени. От царской власти он отказался и с триумфом въехал в Москву. Но вскоре, 23 апреля, Скопин-Шуйский скоропостижно скончался при довольно загадочных обстоятельствах. Есть сведения, что он был отравлен на пиру женой своего дяди, Дмитрия Шуйского, который вынужден был уступить племяннику командование московским войском. Кроме того, подозревают, что в организации возможного убийства принял участие и сам Василий IV, опасаясь возросшего

влияния своего племянника.

Оставшиеся без талантливого полководца царские войска 24 июня 1610 года потерпели сокрушительное поражение от поляков под предводительством гетмана Жоклевского. В июле 1610 года Василий IV был низложен московскими боярами и насильно пострижен в монахи.

После поражения Василия IV Лжедмитрий решил, что у него снова появился шанс, и двинулся к Москве. Сложилась ситуация, когда царем мог стать либо самозванец, либо Владислав, сын Сигизмунда (договор об этом был заключен между польским королем и посольством Москвы еще в начале февраля 1610 года), либо кто-то из знатных москвичей. Некоторое время между тремя сторонами продолжались переговоры.

В конце концов между боярами Москвы и поляками было достигнуто соглашение, согласно которому на трон должен был сесть Владислав, при соблюдении им целого ряда условий. В связи с этим обе стороны ополчились на Лжедмитрия II, и тот, проиграв несколько сражений, был вынужден вернуться в Калугу. Завязалась сложная интрига. Официально Польша уже была противником Лжедмитрия, но старалась особо не мешать ему, понимая, что положение Владислава шатко.

Находясь в Калуге, Лжедмитрий продолжал контролировать довольно обширную территорию. Более того, на верность ему присягнули Казань и Вятка. В другие города были разосланы грамоты с призывами присоединиться к православному царю Дмитрию. Народ был недоволен, что Москву заняли поляки, и не хотел себе в цари польского королевича. Даже при условии принятия им православия. Лжедмитрий снова стал набирать силу. Но его новым планам и замыслам помешала смерть.

Среди сил, сторонников Лжедмитрия II было немало татар. Более того, после бегства в Калугу он возлагал на них все большие надежды. Ему даже приписывают следующие слова: «Христиане мне изменили: итак, обращусь к Магометанам; с ними завоюю Россию, или не оставлю в ней камня на камне: доколе я жив, ей не знать покоя». Когда самозванец бежал в Калугу, многие из его военачальников перешли на сторону противника. Был среди них и хан Ураз-Магмет. По одним источникам, он присоединился к Жоклевскому, а затем попросил разрешить ему навестить в Калуге сына, который остался при Лжедмитрии, и привлечь последнего на сторону поляков. По другим источникам, Ураз-Магмет остался верен самозванцу и прибыл к нему в Калугу, чтобы продолжить службу. Но здесь собственный сын донес Лжедмитрию на отца. Тот без всякого следствия повелел убить хана.

В то время начальником охраны самозванца был крещеный татарин Петр (Араслан) Урусов. После смерти Ураз-Магомета он попытался отомстить сыну последнего за донос и был взят под стражу. Но уже через несколько дней Лжедмитрий, на свою погибель, выпустил Урусова из темницы и восстановил в правах.

11 декабря 1610 года Урусов и его сообщники пригласили Лжедмитрия за город охотиться на зайцев. В уединенном месте Урусов со словами: «Я научу тебя топить Ханов и сажать Мурз в темницу», застрелил Лжедмитрия. Затем убийцы отрубили самозванцу голову и бежали.

Постоянный спутник Лжедмитрия, шут по фамилии Кошелев, присутствовал при убийстве. Он и принес в Калугу известие о смерти самозванца. Марина Мнишек, к тому времени находившаяся на последних днях беременности, бросилась бегать по городу и призывала отомстить убийцам, которых уже и след простыл. Тогда мишенью для мести стали оставшиеся в городе татары. Большинство из них было перебито казаками. Через несколько дней Марина Мнишек родила сына Ивана.

Сначала калужане объявили младенца царевичем, но вскоре были вынуждены выполнить требования московского правительства и присягнуть на верность Владиславу.

В заключение следует сказать, что «Тушинский вор» не стал последним, кто выдавал себя за царевича Дмитрия. 23 марта 1611 года объявился Лжедмитрий III, который утверждал, что вторично спасся от смерти. Почти год он с переменным успехом пытался собрать под свои знамена бывших сторонников Лжедмитрия II.

ОТЕЦ И СЫН, ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В РОССИИ

ПЕТР III

Немецкий принц Карл-Петр-Ульрих — сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. Переехал в Россию в 1742 году по настоянию Елизаветы Петровны. Российский император с 1761 года. Свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной. Убит в Ропше, загородном дворце, в который он был сослан Екатериной.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

А. С. Пушкин. «Моя биография»

В 1725 году дочь Петра I, Анна, была выдана замуж за племянника шведского короля Карла XII, герцога Карла-Фридриха. При заключении годом раньше брачного договора было оговорено, что дети от этого брака на российский престол претендовать не смогут, но при этом Петр I оставлял за собой право сделать своим преемником любого из будущих детей молодоженов. Через два года после свадьбы супруги, в результате интриг Меншикова, были вынуждены покинуть Россию и уехать в Гольштинию. В 1728 годуАнна родила мальчика и вскоре после родов умерла. Уже само появление на свет этого ребенка порождало определенную политическую напряженность: он был достаточно близким родственником двух враждовавших монархов

и, при определенных обстоятельствах, мог бы претендовать как на российский, так и на шведский престол. Даже в сложном имени мальчика отражалась связь и с русским императором, и с королем Швеции: ребенка назвали Карл-Петр-Ульрих.

Оставшись без матери, мальчик до 14 лет воспитывался в Гольштинии. Образование он получил некачественное и бессистемное. Главным воспитателем мальчика был гофмаршал Брюммер, педагогические методы которого больше подходили для солдат, чем для ребенка, к тому же с детства не отличавшегося хорошим здоровьем. Петра часто и жестоко наказывали, пичкали без разбора различными знаниями, ко многим из которых, например к латыни, привили устойчивую нелюбовь. Кроме того, в Гольштинии ребенка готовили к возможному восхождению на шведский престол, а следовательно, воспитывали его в лютеранской вере и в неприятии всего русского. В 11 лет мальчик потерял отца.

Все это привело к тому, что ребенок рос болезненным и нервным. По некоторым сведениям, уже в детстве Петр стал пить много вина. Но благодаря стараниям Брюммера или вопреки им, мальчик обожал воинскую службу, с благоговением относился ко всему с ней связанному и мечтал о военной карьере. Кроме того, он проявлял интерес к музыке и живописи.

В 1741 году мальчик стал наследником шведского престола, но уже через год Елизавета Петровна, его тетка, выбрала Петра своим преемником. Он был привезен в Россию и крещен православной церковью как Петр Федорович. Здесь его воспитанием занялся академик Штелин. Но, несмотря на все старания, доверительных отношений с воспитанником у него не возникло. Петр не любил и боялся Россию, считал, как оказалось — справедливо, что на новой родине его ждет смерть. Штелин писал о том, что его подопечный проявлял в учении некоторые способности, но был крайне ленив. Единственное, что его интересовало и занимало все свободное время, — это военные игры. Иногда Петр играл на скрипке. Штелин называет такие неприятные качества наследника, как трусость, хвастовство, жестокость по отношению к животным.

В 1745 году Петра женили на немецкой принцессе Софье Фредерике Августе Анхальт-Цербстской (будущей Екатерине II). Но этот брак не сложился с самого начала. Петр то ли в результате своей инфантильности, то ли по каким-то другим причинам мало интересовался своей женой. Екатерина была более развита в интеллектуальном смысле, чем ее муж, который рядом с ней выглядел просто ребенком. Более того, по-видимому, только через пять с лишним лет между супругами начались

половые отношения. Плодом этого супружества стал мальчик, родившийся в 1754 году (будущий император Павел I). Но Петр продолжал мало интересоваться женой. Он завел себе фаворитку — Елизавету Воронцову. Не оставлял наследник русского престола и своих военных забав. От императрицы Елизаветы Петровны он получил разрешение на содержание полка специально привезенных из Гольштинии солдат. Практически все свободное время он проводил, занимаясь с ними воинскими учениями и играми.

И у придворных, и у самой Елизаветы вызывали раздражение привычки Петра. Особенно те, которые были связаны с религией. Воспитанный в лютеранской вере, Петр принял православие только формально. При этом он довольно неаккуратно соблюдал обряды новой веры: не соблюдал пост, странно вел себя во время богослужений. Кроме того, он выражал открытое пренебрежение ко всему русскому. Вот какие высказывания Петра III передает известный историк Сергей Федорович Платонов:

«Определилось с течением времени и отношение Петра к России и русским делам. Он говорил своей жене, что «не рожден для России, что он непригоден русским и русские непригодны ему и убежден он, что погибнет в России». Когда освободился шведский престол и Петр не мог его занять, хотя имел право, он со злобой говорил вслух: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как, если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа».

Кроме того, Петр позволял себе довольно резко высказываться о тех или иных решениях власть имущих. Благодаря этому очень скоро Елизавета стала подумывать о том, чтобы отказаться от такого преемника. Обсуждались разные варианты. Один — минуя Петра, передать трон его сыну Павлу, назначив регентом до совершеннолетия последнего Екатерину. Второй — просто сделать Екатерину наследницей престола.

В 1756 году началась так называемая «Семилетняя война». В ней приняли участие практически все крупные страны Европы. Россия, Австрия, Франция, Испания, Саксония и Швеция объединились для того, чтобы противостоять Пруссии, Португалии и Великобритании. В это время безразличный ранее к политической жизни Петр открыто стал выражать свое недовольство вступлением России в войну. Прусский король и полководец Фридрих II Великий был кумиром Петра.

Между тем Россия добилась в войне значительных успехов. 1 августа 1759 года в сражении под Кунерсдорфом прусские войска потерпели сокрушительное поражение. Вот что писал после этой

битвы сам Фридрих II:

«Сегодня утром в 11 часов я совершил нападение на врага. Мы оттеснили его до еврейского кладбища под Франкфуртом; все мои войска совершили чудо, но эта победа стоила нам огромных потерь. Наши люди пришли в смятение, трижды я приказывал собрать их; в конце концов я уже считал себя погибшим и был вынужден оставить поле боя. Моя одежда продырявлена пулями, два коня подо мной были убиты, и то, что я остался жить, — это мое несчастье. Наши потери очень значительны. Из армии в 48 тыс. человек в настоящий момент, когда я пишу [эти строки], у меня не осталось и 3 тыс. Все бегут, и я больше не господин своего положения. В Берлине сделают хорошо, если позаботятся о своей безопасности. Это страшный удар, я не переживу его. Последствия этого события будут хуже, чем само событие. У меня нет больше запасных войск, и, если говорить правду, я считаю все потерянным.

Гибель своего отечества я не переживу. Прощайте навсегда!»

Действительно Пруссия была близка к полному поражению в войне. Спасти ее могло только чудо. И такое чудо произошло. В 1761 году Елизавета Петровна умерла, не успев сделать каких-либо новых распоряжений по поводу наследования престола. Таким образом императором России стал Петр Федорович — сторонник и горячий почитатель Фридриха II.

Долгое время среди отечественных историков было принято рассматривать правление Петра III отталкиваясь прежде всего от того, что он не любил Россию и даже предал ее, заключив скорый мир с Фридрихом II и вернув ему все захваченные ранее земли.

Тем не менее правление Петра ознаменовалось некоторыми прогрессивными реформами. С этим соглашаются также многие историки, в целом отзывающиеся о Петре нелестно. Часть специалистов, придерживающихся такого мнения, объясняют это так: новый император пытался продемонстрировать, что способен и достоин управлять страной. Другие пишут, что большинство разумных государственных решений были продиктованы Петру III различными советниками.

25 декабря 1761 года Петр III вступил на престол. 17 января он подписал указ о возвращении опальных людей. 18 февраля новый император издал манифест о дворянской вольности. Этот документ освобождал дворян от принудительной службы. Согласно манифесту, каждый дворянин, состоящий на службе, мог по своему разумению получить отставку или остаться при должности. Исключение делалось только для военных во время ведения войны. Кроме того, дворяне получали право отправляться служить за границу.

О создании этого манифеста существует исторический анекдот, скорее всего не имеющий ничего общего с действительностью, но долгое время считавшийся чуть ли не фактом. Согласно ему, император собирался предаться ночному кутежу. Чтобы не вызвать недовольство своей фаворитки Елизаветы Воронцовой, Петр при ней сказал своему секретарю, Волкову, что собирается всю ночь провести с ним, занимаясь государственными делами. Ночью император пошел развлекаться, а секретаря запер в комнате вместе со сторожевой собакой и повелел ему написать к утру какой-нибудь государственный указ. Так якобы и был создан манифест о вольности дворянской.

Еще одним прогрессивным шагом Петра было уничтожение Тайной канцелярии. Эта организация ведала политическими преступниками, и поэтому к ней негативно относились практически все слои общества.

Кроме того, за свое короткое правление Петр провел значительное количество реформ, улучшивших работу государственного аппарата. Также его правление отличалось религиозной терпимостью. Например, он прекратил преследование старообрядцев, издал указ о возвращении беглых раскольников.

Но заработать популярность новый император все-таки не смог. И прежде всего, из-за своей русофобии. Он стал проводить армейские реформы, перестраивая армию и изнуряя солдат ученьями по прусскому образцу. Этим император вызвал недовольство в военной среде. Но, пожалуй, самыми непопулярными мерами были попытки реформировать православную церковь. Петр запретил так называемые «домовые церкви» — небольшие церкви при крупных усадьбах. Император пошел и дальше: попытался запретить держать в церквах иконы, заставить духовенство одеваться в светскую одежду, принял крайне невыгодное для духовенства решение о церковном имуществе. Даже манифест о дворянской вольности дал в некотором роде отрицательный эффект. Крестьяне рассуждали просто: государство обязывает их работать на помещика, а помещик обязан служить государству. Раз была объявлена дворянская вольность, нужно объявить и крестьянскую. В разных точках страны начались крестьянские волнения.

Достаточно быстро Петр настроил против себя и придворных. Они осуждали его образ жизни, а особенно пристрастие к спиртному. Очень часто император начинал пить еще утром и уже к обеду находился в состоянии сильного опьянения. Нередки были также шумные ночные пирушки. Рассказывают даже, что Петр был в свое время недоволен смертью своей тетки Елизаветы,

потому что она умерла на святки и помешала ему пировать и веселиться. Он якобы приказал не убирать со стола и продолжил праздничный пир в то время, как в соседних покоях находилась недавно преставившаяся Елизавета. Большое неодобрение также вызывало отношение Петра к жене. Екатерину он не любил, неоднократно оскорблял ее прилюдно и не скрывал своего намерения избавиться от жены, с тем чтобы вступить в брак со своей фавориткой Воронцовой. Двор же относился к Екатерине хорошо. Вполне возможно, что грядущий заговор действительно стал для Екатерины средством спасения от опалы. Во всяком случае, она сама старалась придать делу такой вид.

Не меньшее возмущение народа и правящих кругов вызывала внешняя политика Петра. Казалось, что в войне с Пруссией Россия добилась решительных успехов. Теперь Петр заключил мир и союз с Фридрихом II, а войскам приказал прекратить войну и оставаться в северо-восточной части Германии для того, чтобы впоследствии выступить на стороне недавних врагов. При этом Петр вернул Пруссии все завоеванные у нее земли. Подобное поведение было непонятно и оскорбительно. При этом, несмотря на несогласие Фридриха II, Петр собирался развязать войну с Данией, с тем чтобы отнять у нее Шлезвиг и передать его Гольштинии. Народ мог согласиться с гибелью своих соотечественников, защищающих интересы России. Но почему русские солдаты должны платить своими жизнями во имя какой-то Гольштинии, в которой имел несчастье родиться Петр? Тем не менее император продолжал усиленно готовиться к походу на Данию.

Кроме того, Петр недостаточно серьезно отнесся к самой процедуре восшествия на престол. Здесь он даже не послушал совета своего кумира, Фридриха II, который рекомендовал Петру совершить обряд церковной коронации, прежде чем отправляться на войну с Данией. Вот что отвечал ему Петр: «Ваше величество пишете то, что, по вашему мнению, я должен короноваться прежде выступления в поход, именно по отношению к народу. Но я должен вам сказать, что так как война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно так же по отношению к народу; коронация должна быть великолепна по обычаю, ия не могу сделать великолепной коронации, не имея возможности ничего в скорости здесь найти, если бы русские хотели мне сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей, ходя пешком по улицам. Могу вас уверить, что когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет».

Следствием чего было подобное заявление:

легкомысленности, самоуверенности или попытки бравировать перед новым союзником — трудно сказать. Известно только, что Петр сильно ошибался, считая, что «русские» не питают к нему злых чувств. И вскоре ему пришлось очень дорого поплатиться за эту ошибку.

Одними из главных организаторов заговора стали братья Алексей и Григорий Орловы. Они смогли собрать вокруг себя группу единомышленников из числа гвардейских офицеров и вельмож. Очень многие придворные знали о готовящемся перевороте, не присоединялись к заговорщикам, но и не выдавали их. Среди них были, в том числе, и генерал-прокурор и начальник полиции.

Таким образом, заговорщики действовали при сознательном попустительстве правоохранительных органов. К моменту переворота заговорщики-офицеры обещали поддержку 10 тысяч солдат.

Подозрение от себя заговорщики отводили пьянством, кутежами и прочими проявлениями легкомысленности. Например, собирались они в доме Алексея Орлова якобы для того, чтобы играть в азартные игры.

Почти наверняка подготовкой переворота руководила сама Екатерина, но абсолютно точных сведений по этому поводу нет. Последнее время она жила в Петергофе. 29 июня туда на празднование своих именин должен был приехать Петр. Его поведение в последнее время давало повод предположить, что именно там он сообщит какое-то решение о судьбе своей нелюбимой жены. По его итогам и собирались действовать заговорщики. Но из-за нескромности одного из солдат информация просочилась. 27 июня один из заговорщиков, Пассек, был арестован. Опасаясь полного разоблачения, сторонники Екатерины решили действовать.

28 июня 1762 года в шесть часов утра в Петергоф прибыл Алексей Орлов. Он разбудил Екатерину, сообщил, что Пассек арестован, и сказал, что все готово для ее провозглашения. Екатерина быстро оделась и отправилась вместе с Орловым в казармы Измайловского полка. Заранее подготовленные солдаты полка принесли присягу Екатерине. Та же история повторилась у казарм Семеновского и Преображенского полков. Затем Екатерина отправляет отряд для ареста начальника конных гвардейцев принца Георгия (Жоржа). Последний приходился Петру III дядей. Вскоре к бунтовщикам присоединяется и артиллерия.

В сопровождении войска Екатерина отправляется в Казанский собор, где ее провозглашают «самодержавнейшей императрицей

всея России», а великого князя Павла Петровича — наследником престола. Затем новоявленная «самодержавнейшая императрица» отправляется в Зимний дворец, где ей приносят присягу сенат и синод.

Петр тем временем прибыл в Петергоф. Обнаружив отсутствие ее, вельможи, сопровождавшие Петра, предлагают отправить их в Петербург с тем, чтобы они нашли и образумили Екатерину. Впрочем, в столице они сразу перешли на сторону императрицы. Петр ожидал вестей из города и не мог решиться, что ему делать. В это время появился офицер, который привез фейерверк для празднования именин. Он сказал, что слышал в Петербурге шум и выстрелы. Убедившись, что случился переворот, Петр решил плыть в Кронштадт. Но посланник Екатерины адмирал Талызин уже прибыл туда и объявил о ее восшествии на престол. Талызин приказал не подпускать Петра к Кронштадту.

Теперь бывший император совсем утратил и без того скудный запас решительности. Один из советников предлагал ему плыть в Ревель, где были верные еще Петру войска. Оттуда можно было бы на военном корабле перебраться в Пруссию, где находились силы, подготовленные к вторжению в Данию. Вместе с этим войском Петр мог бы вернуться в Россию и попытаться вернуть себе престол. Но Петр отверг этот смелый план, решил двинуться в свою резиденцию в Ораниенбауме и там попытаться повести с Екатериной переговоры.

Утром 29 июня Екатерина прибыла в Петергоф, а в Ораниенбаум отправила авангард своего войска. Дворец был окружен, а Петр взят под стражу. Вскоре к нему прибыли посланники Екатерины и привезли текст отречения от престола. Петру ничего не оставалось, как безоговорочно подписать этот документ. После чего он был отвезен в Ропшу — загородный дворец в 27 километрах от Петергофа.

После благополучно завершившегося переворота состоялись бурные многодневные празднования. Непонятно, насколько сильно ликовал народ, но армия гуляла вовсю. О широте размаха красноречиво говорит следующий факт, приведенный Соловьевым:

«11 августа 1764 года Сенат слушал челобитную купца Дьяконова о возвращении ему за растащенные у него при благополучном ее и. в-ства на императорский престол восшествии в собственном его доме из погреба виноградные напитки солдатством и другими людьми по цене на 4044 рубля. Приказали: оную челобитную по примеру челобитной купца Мед ера о таком же растащении виноградных напитков отослать в

Камер-контору для рассмотрения. В конце года Камер-коллегия представила о поднесении ее и. в-ству вновь доклада о растащенных при благополучном восшествии ее и. в-ства на престол солдатством и другими людьми с кабаков напитках. Приказали: как уже о том был доклад 763 года июля 9-го, то вновь другого не подавать, а ожидать конфирмации на прежний. Но в июне 1765 года Сенат решил подать доклад о растащенных 28 июня 1762 года из погребов виноградных винах на 24331 рубль, сказать, что цены обозначены верно и что Сенат признает справедливым удовлетворить за растащенное из кабаков простое вино зачетом откупщикам в откупную сумму, а продавцам виноградного вина — в пошлинный сбор».

6 июля 1762 года был опубликован манифест, в котором говорилось о том, что правление Петра было не православным и не национальным. Поэтому Екатерина была «вынуждена» принять титул самодержавной императрицы. Текст этого документа был позднее уничтожен сыном Екатерины II и Петра III Павлом. В этот же день пришло сообщение о смерти Петра.

По поводу причин убийства специалисты расходятся во мнении. Предполагают разное — от непосредственного распоряжения императрицы Екатерины до непреднамеренного убийства в пьяной драке. Сведения, дошедшие до нас, очень скудны. На следующий день после смерти Петра III, 7 июля, Екатерина опубликовала следующий манифест:

«В седьмой день после принятия нашего престола всероссийского получили мы известие, что бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком гемороидическим впал в прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христианского и заповеди святой, которою мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было к предупреждению следств из того приключения, опасных в здравии его и к скорому вспоможению врачеванием. Но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею всевышнего Бога скончался. Чего ради мы повелели тело его привезти в монастырь Невский для погребения в том же монастыре, а между тем всех верноподданных возбуждаем и увещеваем нашим императорским и матерним словом, дабы без злопамятствия всего прошедшего с телом его последнее учинили прощание и о спасении души его усердные к Богу приносили молитвы. Сие же бы нечаянное в смерти его Божие определение принимали за промысл его божественный, который он судьбами своими неисповедимыми нам, престолу нашему и всему отечеству строит путем, его только

святой воле известным».

Эта версия о смерти Петра была единственной до смерти Екатерины. Естественно, что она подвергалась сомнению но других не существовало. Уже после смерти императрицы, Павел нашел в ее бумагах письмо, которое прислал из Ропши Алексей Орлов, и… уничтожил его. Вообще, забегая вперед нужно сказать, что в своем стремлении скрыть истинные отношения между Екатериной и Петром Павел сильно усложнил работу историкам.

До нас это письмо дошло лишь в копии и, скорее всего, сделанной по памяти. Кроме того, некоторые специалисты считают это письмо более поздней подделкой. Но все-таки — это единственный документ, проливающий хоть какой-то свет на обстоятельства смерти Петра III. Вот что говорилось в этом письме:

«Матушка Милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего.

Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневили тебя и погубили души навек».

Есть также серьезные основания предполагать, что Петр был убит на несколько дней раньше объявленной даты. Серьезным подтверждением этой версии являются два более ранних письма Алексея Орлова из Ропши. Вот цитаты из них:

«Матушка Милостивая Государыня здравствовать вам мы все желаем нещетные годы. Мы теперь по отпуск сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила Его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаюсь, чтоб не ожил. Первая опасность для того что он все вздор говорит и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен для того что он иногда так отзывается хотя в прежнем состоянии быть».

«Матушка наша, милостивая Государыня, не знаю, что теперь начать, боясь гнева от вашего величества, чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси также и закона нашего, а

теперь и тот приставленной к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспамятстве о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорей с наших рук убрался, и оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донесть, в каком он состоянии теперь ежели вы обо мне усумнится изволите писал сие раб ваш верны (подпись оторвана)».

В первом письме видны намеки Алексея Орлова на то, что от Петра следует избавиться. Вполне возможно, что Екатерины сделала такие же выводы и тайно приказала убить своего мужа. Но ее собственная переписка с Петром показывает, что бывший император вряд ли собирался снова бороться за власть. Из Ропши он писал императрице полные смирения письма:

«Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как Вам известно, что я всегда хожу по комнате и то от этого распухнут у меня ноги. Еще я Вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности — это невозможно для меня; в остальном я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мере, как с большим злодеем, не думая никогда его этим оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог ей заплатит непременно, Ваш нижайший слуга Петр.

P.S. Ваше Величество может быть уверенной во мне, что я ни подумаю ничего, ни сделаю ничего, что могло бы быть против ее особы или ее правления».

«Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человеку, который достаточно уже несчастен, имейте жалость ко мне и оставьте мне мое единственное утешение Елизавету Романовну. Вы этим сделаете большее милосердие Вашего царствования; если же Ваше Величество пожелало бы меня видеть, то я был бы совершенно счастлив. Ваш нижайший слуга Петр».

«Ваше Величество, Я еще прошу меня, которой Ваше воле исполнял во всем отпустить меня в чужие края с теми, которые я Ваше величество прежде просил и надеюсь на ваше великодушие, что вы не оставите без пропитания. Верный слуга Петр».

Несколько слов следует сказать и о посмертной коронации Петра III. Обряд, от которого он легкомысленно отказался при жизни, был произведен над его прахом через тридцать с лишним

лет после смерти.

После смерти Екатерины II император Павел I тотчас же приказал вырыть тело своего отца, тридцать пять лет тому назад погребенного в Александро-Невской лавре. Павел желал воздать останкам своего отца те же почести, что и Екатерине. Прах Петра положили в новый, приличествующие его сану гроб и на некоторое время выставили на парадное ложе в Лаврской церкви, где ему воздавали те же почести, какие воздавались его матери при ее гробе в Зимнем дворце. На гроб Петра император Павел возложил корону. Останки Петра затем торжественно перевезли из Невского монастыря в Зимний дворец и поставили возле гроба Екатерины. Дня за два до церемонии перенесения тела Петра III в Зимний дворец происходила церемония перевезения в Невский монастырь императорских регалий. Процессия началась в семь часов вечера, в декабре, при двадцати градусах мороза; шло в процессии более тридцати траурных карет и в каждой карете сидел кавалер в глубоком трауре и держал что-нибудь, относящееся к императорским регалиям. Граф Алексей Орлов, один из главных виновников свержения Петра III, по велению Павла, дежурил у его гроба и во время погребальной церемонии нес за гробом императора корону. При перенесении гробов императора и императрицы из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость гроб Петра III несли первым.

Справедливости ради следует сказать, что негативное отношение к Петру III, принятое еще со времен Екатерины II, много, если не большинство современных историков не разделяют. Дело в том, что значительная часть отрицательных качеств и предосудительных поступков, по всей видимости, были приписаны Петру при Екатерине и после подхвачены придворными историографами. Павел же пытался обелить память отца, но, возможно, просто не успел. Его правление тоже было недолгим, о чем мы подробней расскажем в следующей главе.

История Петра III имела еще одно существенное продолжение. В 1773 году покойный император «воскрес» с помощью Емельяна Пугачева. Восстание под предводительством бывшего донского казака, выдававшего себя за Петра III, длилось целый год и охватило большие территории. В конце концов Лжепетр потерпел несколько крупных поражений от правительственных войск и был выдан властям собственными сообщниками. 10 января 1775 года на Болотной площади Емельян Пугачев был четвертован.

ПАВЕЛ I (1754–1801)

Сын Петра III и Екатерины II. Российский император с 1796 года. Погиб в результате заговора, целью которого была передача власти его сыну Александру.

Павел Петрович, сын Петра III и Екатерины II, родился 20 сентября 1754 года. Он получил достаточно своеобразное воспитание. Дело в том, что практически сразу после рождения Павла императрица Елизавета забрала мальчика от матери и отдала на воспитание нянькам. Таким образом, ребенок с самого раннего детства был отдален от матери, что, возможно, стало в дальнейшем одной из причин прохладного отношения между ними.

В 1760 году заведовать воспитанием Павла стал Никита Иванович Панин — талантливый и известный дипломат. Единого мнения о том, насколько серьезно относился Панин к своим обязанностям, нет. Долгое время было принято считать, что к новой задаче Панин подошел спустя рукава. Но, по всей видимости, это не так. Бывший дипломат составил план воспитания своего подопечного и строго придерживался этого плана. Согласно ему, до 14 лет Павел должен был получить элементарное общее образование, а затем обучаться «государственной науке». Панин собирался вырастить из мальчика образованного, просвещенного и современного монарха.

Став воспитателем Павла, Панин сблизился с Екатериной и был сторонником переворота 1762 года. Правда, относился он к партии, стоявшей за восшествие на престол малолетнего Павла, что стало впоследствии причиной немилости Екатерины. Только благодаря должности воспитателя наследника он смог сохранить свое положение. По ее собственным словам, Екатерина опасалась

удалять Панина.

В 1762-65 годах образованием Павла также занимался писатель Семен Андреевич Порошин — один из самых просвещенных людей своего времени. В 1764–1765 годах он вел дневник, впоследствии ставший для историков основным источником, описывающим Павла I в детстве. Порошин обучал своего воспитанника самым разнообразным знаниям, вел с ним научные беседы, готовил для будущего императора сочинение под названием «Государственный механизм».

О том, насколько талантливым учеником был Павел, мнения тоже расходятся. В дальнейшем о нем как о свергнутом монархе было сказано немало плохого. В том числе ему приписывалась и нерадивость в учебе. Насколько справедлива такая оценка — сказать трудно. Свидетельством противоречивости суждений могут служить две цитаты:

«Но частью слабое здоровье и небогатые от природы способности Павла, частью неумение воспитателей не позволили великому князю извлечь большой пользы из дававшихся ему уроков: образование не выработало в нем привычки к упорному труду, не дало прочных знаний и не сообщило широких понятий» («Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1890–1907»).

«Ни Панин, ни Порошин, и решительно никто не замечал в мальчике ненормальных психических черт или несимпатичных сторон характера. Наоборот, читая дневник Порошина, мы видим перед собой Павла живым, способным мальчиком, интересующимся серьезными для его возраста вещами. Павел 10-12-ти лет охотно занимался с Порошиным математикой и любил читать. Во время обеда, когда обыкновенно приходил его воспитатель, Н. И. Панин, за столом шел интересный и часто серьезный для лет Павла разговор, умело поддерживаемый Паниным» (Сергей Федорович Платонов «Полный курс лекций по русской истории»).

Атмосферу, в которой формировалась психика Павла, трудно назвать благополучной. После смерти отца формально занять престол должен был именно он. Сперва Екатерина очень тепло относилась к сыну, но постепенно охладела к нему. Скорее всего, это было связано с тем, что Павел имел больше законных прав на престол, чем императрица. Со временем холодность Екатерины переросла в подозрительность. В силу врожденных особенностей характера и под влиянием пренебрежительного и даже подчас дерзкого отношения со стороны приближенных Екатерины Павел вырос нервным, впечатлительным и необыкновенно вспыльчивым человеком.

В 1773 году наследник вступил в брак с принцессой

Вильгельминой Гессен-Дармштадтской (после православного крещения — Наталья Алексеевна). Жену Павел полюбил, но в 1776 году во время родов она умерла. 26 сентября 1776 года Павел вновь вступил в брак. Его невестой стала София Доротея Вюртембергская, в православии — Мария Федоровна. Этот брак стал многодетным и вполне счастливым. Уже в 1777 году в семье родился первенец — будущий император Александр I. Правда, его, как и второго сына, Константина, Екатерина сразу же после рождения забрала от матери. Она решила сама руководить воспитанием внуков.

В момент заключения первого брака воспитание Павла объявили законченным, и Панин был удален. Но к ведению государственных дел Екатерина наследника не допустила. Имея законное право на российский престол, Павел был вынужден довольствоваться ролью стороннего наблюдателя во всех государственных делах и не имел абсолютно никакого политического веса. Это уязвляло самолюбие Павла и вызывало в нем озлобленность по отношению к матери. Подливало масла в огонь чувство обиды за отца. Обстоятельства смерти последнего заставляли предположить, что он был убит по приказу самой Екатерины. Вполне вероятно, что так и считал Павел до самой смерти матери, после которой ему в руки попали бумаги императрицы. Только из них он понял, что вина за смерть Петра на Екатерине, скорее всего, не лежит.

В 1781–1782 годах вместе с женой Павел совершил путешествие по многим европейским странам. Во время поездки он открыто критиковал правление своей матери, о чем Екатерине стало известно. По возвращении супруги были отправлены в гатчинское имение, которое им подарила Екатерина. Здесь Павел завел свои, во всем отличные от петербургских, порядки. Не имея возможности заниматься каким-либо более серьезным делом, Павел практически все время посвящал небольшой собственной армии (под его непосредственное начало было отдано несколько батальонов солдат). Он унаследовал от отца любовь к военному делу, и в Гатчине эта наклонность захватила его целиком. Павел с азартом занимался выучкой солдат, их обмундированием, организовывал многочисленные маневры, парады и смотры. Кроме того, в Гатчине он строил планы своих действий после будущего воцарения. Правление Екатерины наследник считал слишком либеральным и, напуганный примером Французской революции, собирался принять серьезные военные и полицейские меры по искоренению свободолюбивых настроений в народе. Здесь же, еще в 1788 году он вместе с Марией Федоровной составил текст указа о престолонаследии, опубликованный им

позже, непосредственно в день собственной коронации.

Между тем Екатерину все больше настораживал образ жизни и идеи Павла. Она считала, и вполне справедливо, что порядки, легко установленные в небольшом гатчинском имении, невозможно будет внедрить в масштабах целой страны. Все чаще императрица задумывалась о том, чтобы передать престол своему внуку Александру, минуя Павла. В 1794 году, за два года до своей смерти, Екатерина даже подала на рассмотрение совета проект соответствующего указа, но поддержки он не встретил. Екатерина не сразу отказалась от своей идеи. Она даже пыталась внушить ее Марии Федоровне и Александру, сыну Павла, но также безрезультатно. 6 ноября 1796 года Екатерина умерла, так и не сумев найти способ обойти Павла в вопросе престолонаследия.

С первых же дней своего правления Павел продемонстрировал стремление провести кардинальные изменения во всех сферах жизни государства. При этом зачастую его мотивом были реформы ради реформ — так раздражали его порядки, заведенные при Екатерине. Первым его действием была коронация останков Петра III, описанная в предыдущей статье.

Уже во время собственной коронации Павел обнародовал указ о престолонаследии. Для нового императора вопрос порядка передачи российской короны был принципиально важен. В свое время Петр I принял закон, согласно которому российские монархи сами выбирали себе наследника. Именно из-за отсутствия правил наследования престола Павел был столько времени лишен власти и вполне мог потерять ее совсем. «Новый» указ на самом деле восстанавливал допетровский порядок наследования, что, в общем-то, было оправданно. Меньше поводов оставалось для борьбы за власть после смерти очередного монарха. Этот порядок оставался в силе до самого падения российской монархии.

Далее Павел приложил все усилия, чтобы избавиться от бывших фаворитов и приближенных Екатерины. В этом вопросе, как и во многих других, его отличал максималистский подход, и скоро практически вся старая администрация была заменена. При этом Павел I руководствовался самыми лучшими побуждениями. Он искренне полагал, что существующее правительство работает плохо. Но для того чтобы поменять всю правящую верхушку, следовало, прежде всего, найти ей достойную замену. Талантливых людей не хватало, да и многие из них были у Павла не в чести. Дело было еще и в том, что Павел, по-видимому, слишком долго ждал власти и теперь упивался ею. Здесь нужно привести одно высказывание Павла. Однажды в разговоре о русской аристократии он сказал: «В России велик только тот, с

кем я говорю, и только пока я с ним говорю». От своих подданных император требовал чуть ли не казарменной дисциплины и солдатского повиновения. Естественно, что при таком правителе государственным деятелям было непросто иметь собственное мнение. Поэтому достаточно скоро подавляющее большинство важных должностей было занято людьми, единственными достоинствами которых были подобострастие и способность беспрекословно повиноваться.

О реформах государственных структур, проведенных Павлом, следует рассказать подробнее. Он восстановил коллегии, упраздненные при Екатерине. Резко ограничил и в ряде случаев упразднил структуры местного самоуправления. Увеличил полномочия генерал-прокурора сената, фактически сделав его главой правительства. Создал министерство уделов, курировавшее земли, принадлежащие царской семье, и министерство коммерции.

Много внимания Павел уделял сословной политике государства. Он ограничил дворянские вольности, особенно для лиц, не состоящих на государственной службе. Также отменил наложенный Екатериной запрет на применение к дворянам телесных наказаний. Кроме того, в 1797 году он объявил смотр всех офицеров, формально состоящих в полках. Не явившиеся были отправлены в отставку. Вполне естественно, что такие меры вызвали серьезное недовольство аристократии.

Положение крестьян Павел I, наоборот, пытался улучшить. Он принял закон, согласно которому крестьян нельзя было продавать с молотка без земли, издал манифест, настоятельно рекомендовавший помещикам ограничиваться тремя днями барщины в неделю и запрещавший трудовую повинность по воскресеньям. Но при этом, искренне желая облегчить положение крестьян, Павел часто исходил из, мягко говоря, спорных посылок. Он считал, что участь крепостного крестьянина, работающего на помещика, лучше жизни «казенного», принадлежащего государству, казне. Поэтому за четыре года своего правления он роздал в частные владения около 600 тысяч казенных крестьян.

Отдельного внимания заслуживают армейские реформы, проведенные Павлом. Живой интерес к военному делу, проявившийся еще в Гатчине, не угас после прихода к власти. Наоборот, получив в свое распоряжение все российские войска, Павел с азартом принялся проводить преобразования, взяв за образец прусскую армию. Было введено новое обмундирование, сильно изменились способы обучения солдат: очень много внимания теперь уделялось муштре. Меры наказания, введенные

Павлом, были непривычно суровы и жестоки. Например, очень скоро офицеры, участвовавшие в вахт-параде, начали брать с собой солидную сумму денег, так как достаточно часто их прямо с плаца могли отправить в ссылку, например за плохую выправку или строевой шаг. Помимо личной строгости, которую проявлял император, перемены в армии вызвали многочисленные «перегибы на местах». Солдаты и офицеры за малейшую провинность подвергались непомерный наказаниям, в том числе и телесным. При Екатерине армия не отличалась особой дисциплинированностью. Естественно, что такой резкий переход от относительно свободных нравов к строжайшей дисциплине вызвал большое недовольство среди военных. Многие роптали, появилось большое количество покинувших службу.

Но в своей любви к военщине Павел пошел еще дальше. Он попытался ввести порядки, близкие к военным, и в жизнь гражданского населения. Был запрещен целый ряд фасонов одежды (фраки, жилеты, круглые шляпы), многие прически и танцы, казавшиеся императору непристойными. Вот текст соответствующего императорского указа:

«Чтоб более было учтивостей на улицах, воспрещается всем ношение фраков, запрещается всем носить всякого рода жилеты, а вместо оных — немецкие камзолы. Запрещается танцевать вальс. Чтоб никто не имел бакенбард. Прошу сказать всем, кто ордена имеет, чтоб на сюртуках, шубах и прочем носили звезды».

Опасаясь проникновения в Россию революционных идей, Павел ввел заперт на ввоз книг и даже нот из-за границы. Отечественные издания подвергались жесточайшей цензуре. Например, запрещалось употреблять слова «гражданин» и «отечество». Также было запрещено получать образование за границей. Правда, для того чтобы не оставлять молодежь без возможности получить образование, был основан Дерптский университет. Особенно от перемен страдали жители Петербурга. На работу было необходимо выходить к пяти утра. С другой стороны, после восьми часов вечера, не имея специального разрешения, нельзя было появляться на улице. Время, когда жители столицы должны были гасить свет в домах, определялось полицейским приказом. По некоторым сведениям, Павел даже запретил называть домашних животных (коз и кошек) Машками, считая, что это оскорбляет его супругу, Марию Федоровну.

Для жителей столицы стала опасной даже случайная встреча с императором на улице — было абсолютно непонятно, чем можно было вызвать его гнев и подвергнуться порке или ссылке. Вот как описывает подобную ситуацию один из современников Павла:

«...желая избежать опасности, я успел заблаговременно укрыться за деревянным обветшалым забором. Когда, смотря в щель забора, я увидел проезжающего государя, то стоявший неподалеку от меня инвалид, один из сторожей, сказал:

«Вот ваш Пугачев едет». Я обратился к нему и спросил: «Как ты смеешь так отзываться о своем государе?» Он, поглядев на меня, без всякого смущения отвечал: «Что я? Ты, барин, видно, и сам так думаешь, ибо прячешься от него». Отвечать было нечего, я вышел из засады и продолжил свой путь, радуясь избавлению от опасной встречи».

Во внешней политике Павел не придерживался какой-либо четкой линии поведения. Изначально он заявил, что Россия хочет мира и не станет вмешиваться в военные конфликты. Была прекращена начатая Екатериной война с Персией. Россия вышла из антифранцузской коалиции. Но после того, как войска Наполеона разгромили Австрию, возникла новая коалиция, в которую вошли Австрия, Англия, Россия и Турция. Однако особой прочности новый союз не имел. В то время как Павел взял на себя роль спасителя и защитника монархий, Австрия, вступая в союз, лишь хотела укрепить свое положение в Италии.

Особого внимания достойны отношения между Россией и Мальтой. в 1798 году Мальту захватили войска Наполеона, и рыцари Мальтийского ордена были изгнаны. К тому времени у Мальты уже были налажены дипломатические отношения с Россией. В число рыцарей входило и большое количество россиян. После изгнания с Мальты члены ордена приняли решение провозгласить Великим Магистром Мальтийского ордена императора Павла. Павел согласился и взял орден под свое покровительство.

К 1800 году успехи русской армии в Италии и Средиземном море стали вызывать беспокойство Англии и Австрии. Отношения между союзниками стали более напряженными. В 1801 году Мальта перешла от французов к англичанам, а те, в свою очередь, не выказывали стремления вернуть остров Мальтийскому ордену. Это спровоцировало окончательный разрыв между Россией и Англией. Вместе с этим Россия стала сближаться со своими недавними противниками французами. Павел готовился вступить в войну с Англией. С Францией обсуждался проект совместной экспедиции в Индию, для нападения на английские колонии. Даже не дождавшись подписания соответствующего соглашения, Павел отправил в Индию 22 тысячи казаков. Поход был подготовлен крайне плохо. Войска выступили без припасов, обоза, даже не имея плана действий, и скорее всего, были обречены. Но смерть Павла избавила казаков от необходимости

продолжать экспедицию, а Россию — от возможности новой тяжелой и продолжительной войны.

Практически весь период своего пребывания на престоле Павел демонстрировал крайнюю подозрительность. Он даже отказался от услуг русского повара и пригласил повариху из Англии. Но избежать заговора и убийства Павлу не удалось.

В феврале 1801 император выписал из Германии 13-летнего принца вюртембергского Евгения, племянника Марии Федоровны. К мальчику он проявил сильное расположение, собирался усыновить его и даже якобы создать ему возможность занять российский престол, отстранив Александра. Возможно, именно это обстоятельство спровоцировало давно уже составленный заговор дворянской верхушки. В перевороте приняли участие многие люди, занимавшие важные государственные должности. Их лидерами, пожалуй, можно назвать князя Платона Зубова, последнего фаворита Екатерины II, и графа Палена, приближенного Павла. Наследник престола, Александр Павлович, был посвящен в готовящийся заговор, но активного участия в нем не принимал и дал свое согласие только на том условии, что его отца оставят в живых. Впоследствии Александр тяжело переживал кончину Павла и до конца своих дней испытывал чувство вины за его смерть.

11 марта 1801 года император, возможно, предчувствуя опасность, вызвал своих сыновей, Александра и Константина, и заставил их повторно принести присягу. Затем они вместе отужинали. Вставая из-за стола, Павел произнес: «Чему бывать, того не миновать», и удалился в свои покои.

Верный ему караул Павел по неизвестной причине сам удалил от своих апартаментов. Вполне возможно, что он знал о возможности мятежа, но неверно понял, с какой именно стороны следует ждать опасности. Ночью в Михайловский дворец при помощи полкового адъютанта Павла проникла группа заговорщиков. Изначально в их замыслы якобы входило только арестовать Павла и вынудить отречься от престола в пользу сына Александра.

По дороге к спальне императора заговорщикам повстречался лакей, который поднял крик. Услышав его, Павел попытался спастись бегством, но дверь, соединявшая его покои со спальней императрицы, оказалась закрыта. Тогда он укрылся за занавеской.

Войдя в спальню, мятежники сперва растерялись, не обнаружив в ней императора, ведь это могло означать, что заговор раскрыт, Павел предупрежден, а их самих заманили в ловушку. Но граф Пален сохранил хладнокровие. Он подошел к постели, прикоснулся к простыням и сказал: «Гнездо еще тепло,

птица не может быть далеко». Спальню обыскали, и убежище Павла было открыто. Между заговорщиками и Павлом произошел такой разговор:

— Государь, вы перестали царствовать. Император — Александр. По приказу императора мы вас арестуем, — произнес один из мятежников.

— Что вы делаете, Платон Александрович? — спросил Павел у Зубова.

Зубов не ответил, за ним пришли, чтобы он успокоил гвардию. В спальню вошли новые заговорщики.

— Вы арестованы, — повторил один из них.

— Арестован, что это значит — арестован? — растерянно спросил Павел.

После этого еще один из заговорщиков, бывший офицер, разжалованный Павлом, впервые проявил агрессию к императору. Он резко произнес:

— Еще четыре года назад с тобой следовало бы покончить!

— Что я сделал? — спросил император.

На что Зубов ответил, что деспотизм Павла стал настолько тяжел для страны, что они пришли требовать его отречения от престола.

Обстоятельства самого убийства передаются по-разному. Одни источники утверждают следующее: Павел вступил с Зубовым в продолжительный, около получаса, спор. Ближе к концу разговор стал чрезвычайно резким. К этому времени часть заговорщиков была в сильном подпитии — от шампанского, которым они отмечали свой успех. Они стали выражать нетерпение. Павел говорил все громче, и тогда граф Николай Зубов, брат Платона, отличавшийся недюжинной физической силой, ударил императора по руке и сказал: «Что ты так кричишь!» Император в возмущении оттолкнул левую руку Зубова. Тот схватил правой рукой тяжелую золотую табакерку и ударил Павла в левый висок. Жертва упала на пол. Один из заговорщиков прыгнул императору ногами на живот, а другой схватил висевший над кроватью шарф и задушил Павла.

По другой версии, участвовавший в заговоре граф Беннигсен вначале пытался успокоить Павла и повторял ему: «Оставайтесь спокойным, ваше величество, дело идет о вашей жизни!» Но потом он же взял шарф и подал его князю Яшвилю, человеку, которого Павел однажды ударил за что-то палкой во время парада. Он и задушил императора.

По еще одной версии, Зубов, находясь в состоянии сильного опьянения, запустил пальцы в табакерку, которую держал в руках император. Павел первым ударил Зубова, тем самым начав драку.

Зубов выхватил табакерку и сильным ударом сбил императора на пол. С одной стороны, эта версия вызывает сомнения: Павел явно был напуган; чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как он прятался за занавеской. С другой — помня о несдержанном характере Павла, можно поверить, что он настолько вышел из себя, что, забыв об опасности, ударил Зубова.

Наконец, есть и еще одна трактовка событий. Удар табакеркой был сигналом, по которому сразу несколько заговорщиков бросились на свою жертву. Павел успел схватить шпагу. Ее вырвали из рук императора. Павел отчаянно сопротивлялся, но его повалили на пол, стали бить и топтать ногами, пробили голову эфесом шпаги и задушили шарфом.

Всю ночь придворный медик провел в бесплодных попытках скрыть на лице и теле бывшего императора следы насилия. Несмотря на все старания, на лице покойного были видны синяки. Позже, во время похоронной процессии, на голову Павлу надели треуголку, сдвинув ее на лоб, чтобы прикрыть левый глаз и разбитый висок. Народу было объявлено, что Павел умер от апоплексического удара. Но в это никто не верил. Скоро стала гулять «черная» шутка о том, что «Павел умер от апоплексического удара табакеркой в висок».

Придя к власти, Александр I на деле показал, что смерти отца он не хотел. Всех людей, так или иначе причастных к гибели Павла, он попытался удалить. Наоборот, те, в чьей преданности бывшему императору сомневаться не приходилось, поднялись еще выше.

В конце хочется сказать несколько слов, подобными которым заканчиваются многие из наших статей. Далеко не все специалисты сходятся во мнении, что Павел был бездарным и самодурствующим властителем, а его правление — вредным для России. Некоторые оценивают Павла I гораздо позитивней и считают, что, как и в случае с Петром III, его отцом, многие из негативных качеств были чрезмерно раздуты уже после смерти императора.

ГРИБОЕДОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (1790 или 1795-1829)

Русский писатель и дипломат. В 1828 г. назначен послом в Персию, где был убит во время волнений персидскими фанатиками.

По поводу даты рождения Александра Сергеевича Грибоедова нет единого мнения. Причем расхождение составляет ни много ни мало 5 лет. По одним данным, он родился в 1790 году, по другим — в 1795. Скорее всего, ближе к истине первый вариант. На воспитание мальчика серьезное влияние оказала его мать, Анастасия Федоровна. Она, как и ее муж, Сергей Иванович, принадлежала к именитому дворянскому роду, предки которого в свое время приехали в Россию из Польши (Сергей Иванович приходился Анастасии Федоровне дальним родственником).

К моменту рождения Александра семья обеднела. Это обстоятельство входило в серьезные противоречия с амбициями матери. Любой ценой она старалась блюсти родовые традиции, вращаться в высоких кругах и обеспечить блестящее будущее своим детям. И хотя материнская забота часто принимала авторитарные формы (в воспитании сына мало внимания уделялось его природным наклонностям), Александр получил прекрасное образование. Этому способствовала и всесторонняя одаренность мальчика, и многочисленные учителя. Домашним обучением ребенка занимались педагоги-иностранцы, кроме того, для частных уроков приглашались университетские профессора.

В 1803 году Грибоедов был отдан на обучение в Московский университетский благородный пансион, а в 1806 поступил в Московский университет. Это одна из причин, по которым многие исследователи склоняются к версии о том, что Грибоедов родился

в 1790, а не в 1795 году. Конечно, встречаются вундеркинды, способные поступить в университет в возрасте 11 лет, но в те времена это было просто не принято.

В 1808 году, окончив словесное отделение университета, Александр Сергеевич продолжил обучение на этико-политическом. За время студенчества разносторонние таланты Грибоедова становились все более заметными. Он слушал различные курсы на других факультетах, интересовался разнообразнейшей литературой, принимал активное участие в студенческих спектаклях, некоторые преподаватели, заметив Грибоедова в общей массе студентов, занимались с ним дополнительно. Александр Сергеевич стал одним из самых образованных людей своего времени. Об этом свидетельствует хотя бы список языков, которыми он владел: латынь, греческий, французский, английский, немецкий, итальянский. Позже к ним присоединились арабский, персидский и турецкий. Грибоедов начинает писательскую деятельность (первые пробы пера, к сожалению, не сохранились), занимается сочинением музыки. Помимо литературных произведений Грибоедова до нашего времени дошли два написанных им вальса.

В 1812 году, с началом войны, Грибоедов оставляет университет и, не без противодействия со стороны родных, вступает в московский гусарский полк корнетом. Молодой человек был искренним патриотом, а кроме того, армейская служба сулила освобождение от назойливой опеки со стороны родственников. Но принять участие в военных действиях Грибоедов не успел. К тому моменту, как полк завершил свое формирование, Наполеон уже покинул Москву. Тем не менее молодой человек не оставил армию. Он продолжил службу сперва в кавалерийских частях в Белоруссии, а затем — в штабе резервов. На военной службе Грибоедов вместе с независимостью от своего семейства получил и еще одну возможность, которой, как это ни покажется странным нашим современникам, был лишен в годы студенчества. Первое время он страстно предавался стандартным для тогдашнего гусарства развлечениям. При этом, дорвавшись до подобной свободы, он принимал активнейшее участие в самых бурных затеях своих сослуживцев.

Но со временем тонкий интеллектуал пресытился низкопробными гусарскими развлечениями. Кутежи и проделки отошли на второй план, Грибоедов снова увлекся литературой. Большую роль в возвращении к более интеллектуальному времяпрепровождению сыграл и переход в штаб резервов, в котором Грибоедов состоял при генерале Кологривове, человеке образованном. Кроме того, в штабе Грибоедов познакомился и

подружился с братьями Бегичевыми, один из которых, Дмитрий, стал известным писателем. Бегичевым тоже приелись простенькие гусарские радости. Новые друзья, вместе с еще несколькими офицерами, стали проводить свободное время за сочинением и переводом стихов и театральных пьес. Именно во время службы в армии Грибоедов опубликовал свои первые произведения: статьи «О кавалерийских резервах» и «Описание праздника в честь Кологривова», перевод пьесы «Молодые супруги». Вместе с началом (или возобновлением, если считать студенческие произведения) писательской деятельности Грибоедов приходит к мысли о том, чтобы покинуть армию.

В марте 1816 г. он выходит в отставку, возвращается в Петербург и поступает в коллегию иностранных дел. Здесь Грибоедов продолжает писать и переводить для театра, в основном — в соавторстве. В 1816–1818 годах он участвует в создании нескольких пьес. Кроме того, в круг его знакомств входит большое количество молодых, образованных и свободомыслящих людей.

Но долго наслаждаться столичной жизнью Грибоедову не пришлось. По всей видимости, гусарское прошлое не прошло бесследно. Вскоре произошла одна скандальная история, в которой была замешана известная балерина Истомина. Грибоедов привез балерину на квартиру к своему другу графу Завадовскому, у которого он тогда жил. Истомина провела на квартире около двух суток. В это время любовник Истоминой, Шереметьев, был с ней в ссоре и, кроме того, отлучился из Петербурга. Вернувшись из поездки, Шереметьев вызвал Завадовского на дуэль. Секундантами были выбраны друг Шереметьева, Якубович (впоследствии известный декабрист) и Грибоедов. В те времена дуэлянты не так часто старались убить противника. Для восстановления чести обычно было достаточно самого факта дуэли или легкого ранения противника. Шереметьев выстрелил первым и попал Завадовскому в воротник. Последний понял, что у соперника были абсолютно серьезные намерения, и, будучи отличным стрелком, смертельно ранил Шереметьева в живот. Только необходимость срочно вести раненого домой помешала состояться дуэли между секундантами.

Мать Грибоедова опасалась, что скандал отрицательно скажется на карьере сына. Она хотела удалить его из Петербурга и, несмотря на протесты Грибоедова, добилась для него места секретаря посольства в Персии. Дуэль между секундантами все же состоялась — в Грузии. В это время Грибоедов нарочито медленно путешествовал по России и Закавказью, двигаясь в Персию (современный Иран), к месту своей «ссылки». Якубович в

это время находился в Грузии. Выстрелив первым, он попал Грибоедову в кисть левой руки. Последний не подошел к барьеру, хотя имел на это право, и ответил выстрелом издалека.

В начале 1819 года Грибоедов прибыл в Персию. Здесь он провел три года. Обязанности были несложными, подходящей сферы общения Александр Сергеевич себе не нашел, поэтому основное время он посвящал изучению восточных языков, чтению. Здесь же была начата комедия «Горе от ума», впоследствии прославившая автора.

После трех лет службы Грибоедов был переведен в Тифлис. В этом большую роль сыграл следующий случай. Еще служа в Персии, Грибоедов часто ездил в Тифлис с поручениями. Однажды он смог вывести на родину большую группу русских пленных, задержанных персидскими властями. Этим поступком молодой дипломат обратил на себя внимание генерала Ермолова, управляющего Грузией. Он-то и добился в феврале 1822 года перевода Грибоедова в Тифлис, назначив его на должность секретаря по иностранной части при главнокомандующем.

В Тифлисе были закончены и переписаны начисто два первых акта знаменитой комедии. Их первым слушателем и ценителем стал коллега Грибоедова В. К. Кюхельбекер, которому подобная роль была не в диковинку.

Весной 1823 года Грибоедов отправляется в отпуск. Сначала он живет в Москве, а затем в имении С. Бегичева, где к осени дописывает 3 и 4 акты «Горя от ума». Летом 1824 года комедия завершена. С рукописью Грибоедов отправляется в Москву. Казалось бы, он держал комедию в тайне, известив только сестру. Но вскоре, в результате случайности, произведение получило огласку. Теперь уже сохранить рукопись в тайне оставалось невозможным. Со всех сторон на Грибоедова посыпались похвалы, восторги, а также. упреки, брань и угрозы. В персонажах комедии многие вращавшиеся в свете люди с обидой узнавали себя. Вначале Грибоедов и не помышлял о том, чтобы его произведение было поставлено на сцене, понимая, что цензура комедию не пропустит. В лучшем случае он надеялся напечатать пьесу. Получив же столь неоднозначную, но всегда эмоциональную реакцию публики, автор отправляется в Петербург хлопотать о театральной постановке.

Грибоедов даже готов был внести в комедию существенные изменения, лишь бы обойти цензуру. По его собственным словам, в первоначальном виде «Горе от ума» было «гораздо великолепнее и высшего значения», чем теперь, в «суетном наряде, в который он принужден был облечь его». Несмотря на все эти старания, комедия не прошла цензуры. Грибоедов смог добиться только

разрешения на опубликование нескольких отрывков. О постановке «Горя от ума» на сцене не могло быть и речи. Запрет касался даже любительских театров. Тем не менее комедия распространялась. С нее делали рукописные списки, и число их вскоре было сравнимо с книжными тиражами тех времен. Среди друзей Грибоедова было немало будущих декабристов. В их кругах «Горе от ума» пользовалось особой популярностью.

Между тем пришло время возвращаться в Грузию. По дороге Грибоедов побывал в Киеве и Крыму, оставив об этой поездке путевые записки. Уже в Грузии до Грибоедова доходят сведения о восстании декабристов. Предупрежденный заранее Ермоловым, Грибоедов успел уничтожить компрометирующие его бумаги и письма. Вскоре из Петербурга прибыл военный курьер, передавший Грибоедову приказ явиться в столицу и предстать перед следственной комиссией. Над писателем нависла серьезная угроза. Несколько декабристов на допросах показали, что он входил в тайное общество.

С февраля 1825 по июнь 1826 года Грибоедов находился под следствием. Получить оправдательный приговор писателю в частности помогло то, что среди следователей нашлись почитатели его таланта. Они приняли участие в судьбе автора нашумевшей комедии, и Грибоедов получил «очистительный аттестат».

Осенью 1826 года Грибоедов возвращается на Кавказ, где принимает участие в боевых действиях возобновившейся русско-персидской войны. На дипломатическом поприще он добивается серьезных успехов. В частности участвует в подготовке и подписании Туркманчайского мира, выгодного для России. По словам одного из политических деятелей тех времен, Грибоедов «заменял единым своим лицом двадцатитысячную армию». После подписания мира, в марте 1828 года Александр Сергеевич возвращается в Петербург, привезя подписанные документы договора. Здесь он получает награды и. новую должность (25 апреля 1828 года). Теперь он должен отправиться в Персию в качестве полномочного министра (посла). По бумагам и черновикам было видно, что Грибоедов собирался посвятить себя литературной деятельности, но отказаться от новой должности он не смог. Большую роль в этом сыграла мать, которая приложила все усилия, чтобы уговорить сына.

Насколько опасна новая должность Грибоедов прекрасно понимал. Вот слова, которые он произнес в одной из бесед: «Не поздравляйте меня с этим назначением. Нас там всех перережут. Аллаяр-хан — мой личный враг и никогда не подарит он мне Туркманчайского договора».

По пути в Персию Грибоедов на несколько месяцев задержался в Тифлисе. Здесь он женился на 16-летней княжне Нине Чавчавадзе, дочери своего друга грузинского поэта Александра Чавчавадзе. Молодую жену Грибоедов взял с собой в Персию. Когда российская миссия перебиралась из Тавриза в Тегеран, новобрачным (к счастью для молодой невесты) пришлось расстаться. Грибоедов оставил жену в Тавризе, а сам отправился в Тегеран, чтобы приготовить все к ее переезду.

По прибытии на место Грибоедов снова повел в отношении Персии достаточно жесткую политику. Ему принадлежат следующие слова: «Уважение к России ик ее требованиям — вот мне что нужно». Но по некоторым данным, отношение Грибоедова к персидским политическим деятелям подчас было высокомерным.

Он вел себя вызывающе, нарушал местный придворный этикет, требовал немедленной выплаты контрибуции. Россия выиграла войну, и Грибоедов не давал персам забывать об этом. Все переговоры посол вел с позиции силы. Тем не менее персидский шах Каджар-Фатх-Али в отношениях с российским послом держал себя дружелюбно, оказывал последнему почести, дарил подарки, наградил орденом. Новой войны он не хотел. Так что вначале все складывалось вполне благополучно.

Но дело в том, что еще в Тифлисе, не будучи хорошо знакомым с местным обществом, Грибоедов набрал себе, мягко говоря, не очень благонадежных помощников. Особенной безнравственностью среди них отличались некто Рустем-бек и Дадаш-бек. В Тегеране они часто появлялись на улицах в сильном подпитии, дебоширили, угрожая оружием, оскорбляли местных жителей, развратничали.

Это вызывало недовольство и возмущение персов.

Сам Грибоедов, естественно, не принимал участия в подобных акциях. Но его политика вызывала среди местных жителей не менее серьезное недовольство, чем поведение его безнравственных подчиненных. Здесь камнем преткновения стал вопрос о возвращении на родину пленных российских подданных. Как и в прочих делах, Грибоедов снова проявил максималистский подход. Особое возмущение у персов вызывало возвращение в Россию женщин (в основном грузинских и армянских), которые попали в плен очень давно, находились замужем, приняли мусульманскую веру. Масла в огонь подливал и Рустем-бек. Он рыскал со своими людьми по городу, искал пленников и, особенно, пленниц, при этом постоянно провоцируя тегеранцев своим поведением.

Еще одной личностью, вокруг которой накалились страсти,

стал некто Мирза-Якуб, армянин по происхождению, более 15 лет прослуживший евнухом в гареме Каджар-Фатх-Али. Грибоедов собирался на время оставить миссию, поручив ее заботам своего секретаря Мальцова. Незадолго до назначенного отъезда к нему пришел Мирза-Якуб и заявил о своем желании вернуться на родину в Армению. Посол отдавал себе отчет в том, что возможны осложнения, пытался отговорить евнуха, но, не сумев сделать этого, оставил Мирзу-Якуба в доме миссии, планируя затем забрать его вместе с собой в Тавриз.

Евнух при шахском гареме — одно из самых приближенных к самому шаху лиц. Он посвящен во все секреты восточного двора. Неудивительно, что шах Каджар-Фатх-Али потребовал выдачи своего бывшего «работника». Его приближенные заявляли российскому послу, что евнух в гареме — все равно что шахская жена, и забрать его у шаха — все равно что забрать жену. Тем не менее на неоднократные требования шахских посланников вернуть евнуха Грибоедов ответил отказом. Тогда персы объявили, что Мирза-Якуб обокрал казнушаха. Это было вполне вероятно, учитывая, что он прожил в Персии двадцать лет, занимал высокую должность и до этого не проявлял желания уехать на родину. Грибоедов был вынужден согласиться на судебное разбирательство. В суде Мирза-Якуб стал ругать ислам и персидские законы, чем вызвал крайнее возмущение жителей города.

В это же время произошло еще одно событие, которое при прочих обстоятельствах могло бы остаться незамеченным. Но теперь оно переполнило чашу терпения персов. Здесь персидские источники и показания секретаря Мальцова (единственного представителя русской миссии, оставшегося в живых) расходятся. Персидские историки утверждают, что к Грибоедову привели двух грузинок, принявших мусульманство, и он против воли женщин задержал их в миссии. Сам шах подтверждал это, а также сообщал, что в тот роковой день сотрудники посольства на базаре обругали сеида, а ночью насильно затащили в миссию женщину. Мальцов утверждает, что к Грибоедову прибыли две пленные армянки, изъявившие свое желание вернуться на родину. Грибоедов оставил их в посольстве.

Руководителем восстания был муджштахид Месих. В организации мятежа также принимали участие улемьи и вельможи, среди которых активную роль, как и опасался Грибоедов, сыграл Аллаяр-хан.

По свидетельству Мальцова, 30 января (11 февраля по новому стилю) 1829 года с утра закрыли городской базар. Горожане собрались в центральной мечети. Здесь им было объявлено о том,

что изменник Мирза-Якуб скрывается в русской миссии. Кроме того, было сказано, что там же насильно удерживают нескольких женщин. Толпа, вооруженная чем попало, бросилась к посольству и осадила его. Осажденные были вынуждены выдать толпе Мирзу-Якуба. Его тотчас же зарубили. По некоторым версиям, также были выданы женщины, которых возвратили в гарем, но Мальцов опровергает эти сведения. В любом случае, толпа еще не утолила своей жажды крови. В сопровождении сотни воинов прибыл посланник шаха, но овладеть ситуацией он не смог и успокоить толпу не удалось. Горожане бросали в здание посольства камни и палки, охранники-казаки отвечали выстрелами. Наконец толпа ворвалась в дом. По некоторым сведениям, Грибоедов выбежал навстречу разъяренным персам с саблей в руках, но ему нанесли удар камнем по голове, повалили, закидали камнями и изрубили. Но Мальцов не описывает непосредственной гибели Грибоедова. При этом он говорит, что у дверей посланника оборонялось около пятнадцати человек.

Самого Мальцова якобы спас его друг — мусульманин, дом которого находился неподалеку. Он узнал об опасности и уговорил Мальцова перелезть в день нападения через ограду в его дом. Оттуда Мальцов и наблюдал за разгромом посольства. О том, пытался ли Мальцов предупредить об опасности Грибоедова и других сотрудников миссии, он не упоминает.

Целью заговорщиков, скорее всего, было напугать русских, но доводить дело до резни они вряд ли собирались. Персии вовсе не нужна была новая война. На практике же толпа вышла из-под контроля и сполна дала волю своей ненависти. Сам хан, напуганный разъяренной толпой, был вынужден укрыться в своей крепости. Весь состав российской миссии (37 человек) был перебит. По подсчетам Мальцова, погибло также 19 тегеранцев, но персидские историки утверждают, что число жертв среди горожан достигло 80 человек.

По некоторым предположениям, серьезную роль если не в подготовке восстания, то в подстрекательстве к нему, сыграли английские дипломаты и сотрудники Ост-Индской компании, обеспокоенные укреплением положения России на востоке.

Трупы убитых сотрудников российского посольства отвезли за город и кое-как похоронили в общей могиле. Но тело Грибоедова вскоре откопали и в простом гробу отправили в Тифлис. В Нахичевани останки переложили в другой гроб и украсили его. Во время этого скорбного путешествия гроб с телом Грибоедова встретил Пушкин. Вот как он описывал эту встречу.

«Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. На высоком берегу реки увидел против себя

крепость Гергеры. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, поднимались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что везете?» — спросил я их. — «Грибоеда». Это было тело Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

По дороге сотни людей встречали тело уже получившего известность писателя и дипломата, чтобы попрощаться с ним и отдать ему последние почести. Гроб вскрыли, но оказалось, что тело сильно изуродовано. Тогда решили проводить прощальные церемонии при закрытом гробе. Согласно его воле, Грибоедов был похоронен в тифлисской церкви Святого Давида. На его надгробии слова, принадлежащие молодой вдове: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Несколько слов следует сказать о Нине Грибоедовой. Во время своего пребывания в Персии она была беременна. Поэтому информацию о разыгравшейся в Тегеране трагедии (напоминаем, что Нина жила в Тавризе) от нее попытались скрыть. В конце концов ее уговорили поехать в Тифлис. Скорее всего, она уже догадывалась о том, что произошло несчастье. Когда ей, по возможности мягко, сообщили о случившемся, истерики не было. Нина только тихо плакала. Но через несколько дней она преждевременно разрешилась от бремени. Родившийся ребенок умер через несколько часов. Николай I позаботился о вдове Грибоедова и о его матери. Им обеим была назначена ежегодная пенсия в 5000 рублей, выплачена изначально сумма в 30 000 рублей каждой.

До конца своих дней Нина Грибоедова оставалась верна памяти супруга и более замуж не вышла. В 1857 году в Тифлисе началась эпидемия холеры. Нина отказалась покинуть город и осталась там, чтобы ухаживать за больными. 29 июня того же года она умерла от холеры и была похоронена рядом с мужем.

Ну и в заключение немного о том, как отреагировали на тегеранскую трагедию лидеры Персии и России. Сын шаха Хосров-Мирза был послан в Россию с тем, чтобы убедить Николая I в своей лояльности и в том, что погром российской миссии не был санкционирован им. Среди искупительных подарков российскому императору он привез знаменитый алмаз «Шах» (88 каратов, сейчас находится в Алмазном фонде России). Этот алмаз не только ценен сам по себе, но и является реликвией. Долгое время он висел над троном Великих Моголов в качестве талисмана. Скорее всего, понимая, насколько ценен для персов этот камень, император поверил в искренность их заверений, и новая война не началась. Но до сих пор Николая I часто обвиняют

в том, что он позволил персам откупиться и смерть великого поэта, писателя и дипломата осталась не отмщенной.

ЖЕРТВЫ ТЕРРОРА

АЛЕКСАНДР II (1818–1881)

Старший сын Николая I. Осуществил отмену крепостного права и ряд других реформ. После Польского восстания 1863–1864 гг. перешел к реакционному внутриполитическому курсу. Усилились репрессии против революционеров.

Был убит народовольцами.

Александр родился 17 апреля 1818 года в Москве. Его отец, Николай Павлович, в то время был великим князем. Старшие братья Николая, император Александр I и великий князь Константин Павлович, детей не имели. Поэтому мальчика с детства считали наследником престола и дали ему соответствующее воспитание.

Николай хотел сделать из сына прежде всего военного. С шести лет ему в воспитатели был выбран капитан Мердер, боевой офицер, ветеран и инвалид военных кампаний 1805 и 1807 годов, человек честный, разумный и гуманный. Руководить образованием мальчика был приглашен знаменитый поэт и академик Василий Андреевич Жуковский. Он составил для восьмилетнего наследника престола долгосрочный план образования. Взгляды Жуковского на воспитание Александра расходились с мнением Николая: поэт считал, что не следует злоупотреблять в воспитании военными мотивами, чтобы наследник не привык «видеть в народе только полк, в отечестве — казарму», предлагал по возможности оградить своего воспитанника от придворного влияния. Тем не менее поэт был приглашен на роль ведущего педагога. Надо сказать, что к этой обязанности Жуковский подошел чрезвычайно серьезно и справился с ней блестяще. Он старался сделать из своего подопечного разумного, гуманного и просвещенного монарха и весьма преуспел в этом стремлении.

Когда Александру исполнилось девятнадцать лет, основное его образование было закончено. К тому моменту юноша владел четырьмя иностранными языками (французским, английским, немецким и польским), разбирался в физике, естественной истории, географии, истории, политэкономии, статистике, правоведении, православном катехизисе и в военном деле. Последнюю дисциплину он изучал и теоретически, и практически, участвуя в лагерных сборах.

В 1837 году Александр в сопровождении Жуковского и еще нескольких своих педагогов совершил длительное путешествие по России. В частности он побывал в Тобольске, где встретил сосланных декабристов. Вернувшись в столицу,

Александр ходатайствовал перед отцом об облегчении их участи. В 1838 году наследник почти целый год провел в поездке по странам Западной Европы. Во время этого турне он посетил основные европейские достопримечательности, побывал практически при всех дворах и сам выбрал себе невесту. Ею стала тогда еще не достигшая 15-летнего возраста Мария, дочь герцога Гессен-Дармштадтского. Женитьба состоялась в апреле 1841 года. Брак оказался многодетным. За годы супружества уАлександра и Марии родилось восемь детей, из которых первые двое умерли в раннем возрасте: Александра (умерла в 1849 году), Николай (умер в 1865 году), Александр, Владимир, Мария, Алексей, Сергей, Павел.

С начала сороковых годов Александр стал принимать активное участие в государственных делах: входил в Государственный совет, Комитет министров, финансовый комитет. В 1842 году, покинув Петербург, Николай доверил сыну заменять его в течение месяца, принимая все решения по текущим вопросам. Аналогичная ситуация повторилась и в 1845 году, но в этот раз срок был еще больше. Во второй половине сороковых — начале пятидесятых годов Александр неоднократно возглавляет различные государственные комитеты, занимавшиеся решением важнейших государственных вопросов. В 1849 году он назначен главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами и начальником всех военно-учебных заведений.

Таким образом, вступив в 1855 году на российский престол, Александр II был уже вполне зрелым и опытным политиком со сформировавшимися взглядами и собственной политической линией. Тем не менее ему пришлось несколько изменить своим политическим идеалам. Будучи от природы человеком консервативным, император сделал это с удивительной легкостью. Дело в том, что революционные настроения, витавшие в Европе того времени, сформировали в Александре и его

приближенных твердый реакционный дух. Политическая ситуация в России в конце правления Николая была непростой. В стране не было разрешено несколько проблем очень серьезного масштаба: проблема крестьянства, отношения с Польшей, политика России на востоке — ни по одному из этих вопросов не было выработано четкого политического курса. Положение осложняли и военные неудачи — Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 годов. Придя к власти, Александр II столкнулся с необходимостью срочного проведения государственных реформ. И здесь он поступил как поистине мудрый политик. В последние годы правления Николая все более активно применялись силовые меры для предупреждения и пресечения народных волнений. Видя бесперспективность ужесточения полицейских мер для поддержания порядка в державе, Александр пошел по пути либерализации. С его приходом к власти наступил период оттепели.

Понимая, что к продолжению войны Россия не готова, Александр в марте 1856 года подписал, в общем-то на невыгодных для России условиях, Парижский трактат — мирный договор между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией. Уступки, сделанные Россией, император комментировал так:

«Сии уступки не важны в сравнении с тягостями продолжительной войны и с выгодами, которые обещает успокоение Державе, от Бога нам вверенной. Да будут сии выгоды вполне достигнуты совокупными стараниями нашими и всех верных наших подданных. При помощи небесного промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных».

В августе 1856 года, по случаю церемонии коронации, он объявил амнистию декабристам, петрашевцам, участникам антироссийского восстания в Польше 1830–1831 годов. Также был на три года приостановлен набор рекрутов.

В 1857 году Александр отменил институт военных поселений — особую форму организации российского войска, при которой служба в армии совмещалась с занятием сельским хозяйством (для уменьшения расходов на содержание военнослужащих). Строгий режим жизни в военных поселениях нередко вызывал восстания.

Но основную проблему государства Александр II видел в существовании крепостного права. Ликвидация крепостной зависимости четыре года (с 1857 по 19 февраля 1861 года) была основной государственной задачей императора. 19 февраля 1861 года был опубликован манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». И «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Именно отмену крепостного права принято считать основной заслугой Александра II. За этот шаг он и получил свое прозвище Освободитель.

Помимо такого серьезного и важного шага, как ликвидация крепостного права, Александр II провел еще несколько прогрессивных реформ. Принял Земское положение, новый Судебный устав, отменил телесные наказания, провел реформы городского самоуправления, армии, системы образования, цензуры.

Во внешней политике Александр II был вынужден подчиниться настроениям своего окружения и продолжил расширение империи. Первые годы его царствования ознаменовались важными победами в кавказской войне. Начиная с 1865 года осуществлялась активная экспансия Средней Азии. В 1877 году Александр II, после долгого сопротивления, согласился начать войну против Турции.

Отказ от полицейских мер и либеральные реформы в начале правления Александра II вызвали подъем патриотизма в стране. Вот как описывает этот процесс энциклопедия Брокгауза и Ефрона:

«Общество, освобожденное от гнета полицейских стеснений, с своей стороны, обнаружило стремление и способность к живой и широкой самодеятельности. Все зашевелилось, все заговорило и бросилось учиться и действовать: открылась масса новых торговых и промышленных предприятий, началась постройка новых путей сообщений, оживилась литература, основывались новые органы печати, и во всем обществе, наряду с надеждами, возлагаемыми на государя, явилось сознание необходимости дружной, соединенной работы, без разделения на партии, во имя всем понятных стремлений к общему благу, просвещению и прогрессу».

В чем же причины того, что такой либеральный и просвещенный монарх подвергся рекордному для российского императора числу покушений? Почему разнообразные политические силы левого толка с таким упорством пытались его убить?

Дело в том, что Александром постепенно овладевали все

более консервативные настроения. И причин для этого было немало. Во-первых, сам процесс освобождения крестьян прошел далеко не так гладко, как предполагалось. При обсуждении механизмов отмены крепостной зависимости происходили жаркие дебаты и споры среди всех слоев населения. Сперва пресса восторженно встретила инициативу императора, но вскоре стали появляться и критические статьи. После того как в «Современнике» была напечатана статья, доказывавшая необходимость передачи крестьянам их земельных наделов в собственность, при помощи выкупной операции, этот вопрос был запрещен к обсуждению в прессе. Стоит добавить, что в конце концов выкупная операция была все-таки признана необходимой.

В ожидании долгожданной свободы крестьяне приутихли. Теперь же, после принятия «положения» от 19 февраля, опять стали возникать народные волнения. Ведь многие крепостные надеялись вместе со свободой получить и землю. На деле же необходимость выкупать или отрабатывать земельные наделы стала для многих крестьян почти таким же тяжелым гнетом, как и само крепостное право. Волнения среди крестьян в ряде мест вызвали репрессивные меры со стороны властей. Это, в свою очередь, вызвало протест в просвещенных кругах. Первыми свое недовольство полицейскими мерами выразили студенты Москвы и Петербурга. Студенческие выступления вызвали чрезвычайно резкие ответные меры. В Петербурге университет был закрыт, а более 300 студентов попали под арест. В Москве местные полицейские власти спровоцировали уличное столкновение между студенческой демонстрацией и простолюдинами, среди которых был распущен слух о том, что бунтуют «господа», недовольные отменой крепостного права. Правда, такими радикальными мерами Александр, находившийся в Крыму, впоследствии оказался недоволен и сместил полицейских начальников Москвы и Петербурга.

В январе 1863 года в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине вспыхнуло восстание, подготовленное польским Центральным национальным комитетом. Восстание поддержал Комитет русских офицеров в Польше. После того как восстание было подавлено, правительство России вынуждено было провести в Польше целый ряд реформ, но вполне естественно, что сам факт восстания сильно поумерил либеральные стремления Александра.

Третьей, и скорее всего основной, причиной реакционных мер Александра II стало первое покушение на его жизнь. 4 апреля 1866 года у Летнего сада террорист Дмитрий Каракозов стрелял в императора, но промахнулся. Покушение произвело на

Александра очень сильно впечатление. Ответные меры были очень серьезными. Под следствие по делу Каракозова попали более 2 тысяч человек. 36 предстало перед судом. 8 из них были приговорены к каторге, 9 — к ссылке в Сибирь, а сам Каракозов приговорен к смерти и повешен. Либеральное правление Александра II на этом во многом закончилось, хотя некоторые государственные реформы все-таки имели место и в дальнейшем.

Второе покушение на жизнь Александра II произошло 25 мая 1867 года. В это время император находился на международной выставке в Париже. В него стрелял польский эмигрант и участник восстания 1863–1864 годов Антон Березовский. Пуля попала в лошадь, и император остался невредим. После этого события некая парижская гадалка якобы предсказала Александру II, что он счастливо избежит семь покушений. Ее прогноз, если считать две уже совершенных попытки убийства, вполне оправдался.

Следующее, третье, покушение на его жизнь состоялось более чем через 10 лет. В этот раз за дело взялись революционеры-народники, и подготовлены они были гораздо серьезней. 2 апреля 1879 года в него стрелял член организации «Земля и воля» Александр Соловьев. «Земля и воля» — тайное общество революционеров-народников. В конце семидесятых годов члены «Земли и воли» разочаровались в пропагандистской деятельности и «хождении в народ» и перешли к террористической деятельности. Ко времени покушения на Александра II на их счету было уже несколько политических убийств. Позже Соловьев сделал следующее признание:

«В субботу заходил на Дворцовую площадь, чтобы видеть, в каком направлении гуляет государь. В воскресенье совсем не приходил, а в понедельник произвел покушение. Ночь на второе гулял по Невскому, встретился с проституткой и ночевал где-то у нее на Невском. С родителями я простился в пятницу, сказав, что на другое утро уезжаю в Москву. Форменную фуражку купил в Гостином дворе; револьвер мне уже давно подарил один мой знакомый… Я, как нелегальный человек, держал при себе револьвер, чтобы, в случае попытки задержать меня, было чем обороняться. Платье купил в Петербурге разновременно — в январе и феврале. Яд цианистый калий я достал в Нижнем Новгороде года полтора тому назад и держал его в стеклянном пузыре; приготовил его в ореховую скорлупу накануне покушения.

Я признаю себя виновным в том, что 2 апреля 1879 года стрелял в государя императора с целью его убить. Мысль покуситься на жизнь его величества зародилась у меня под влиянием социально-революционных учений; я принадлежу к

русской социально-революционной партии, которая признает крайнею несправедливостью то, что большинство народа трудится, а меньшинство пользуется результатами народного труда и всеми благами цивилизации, недоступными для большинства.

Ночь с пятницы на субботу провел я у одной проститутки, но где она живет, подробно указать не могу; утром в субботу ушел от нее, надев на себя чистую накрахмаленную сорочку, бывшую у меня, другую же, грязную, бросил на панель.

Я не прошел еще ворот штаба, как, увидя государя в близком от меня расстоянии, схватил револьвер, впрочем, хотел было отказаться от исполнения своего намерения в этот день, но государь заметил движение моей руки, я понял это и, выхватив револьвер, выстрелил в его величество, находясь от него в 5–6 шагах; потом, преследуя его, я выстрелил в государя все заряды, почти не целясь. Только когда сделал 4 выстрела, жандармский офицер подбежал и сбил ударом по голове с ног. Народ погнался за мной, и, когда меня задержали, я раскусил орех с ядом, который положил себе в рот, идя навстречу государю».

В этот раз Александра спасло самообладание. После первого выстрела террориста он побежал зигзагами к ближайшему подъезду. Именно поэтому ни одна из пуль не достигла цели. Покончить с собой Соловьев не смог. Яд или побои при задержании вызвали рвоту. 6 апреля исполнительный комитет «Земли и воли» разослал по почте следующее заявление:

«Исполнительный Комитет, имея причины предполагать, что арестованного за покушение на жизнь Александра II Соловьева, по примеру его предшественника Каракозова, могут подвергнуть при дознании пытке, считает необходимым заявить, что всякого, кто осмелится прибегнуть к такому роду выпытывания показаний, Исполнительный Комитет будет казнить смертью. Так как профессор фармации Трапп в каракозовском деле уже заявил себя приверженцем подобных приемов, то Исполнительный Комитет предлагает в особенности ему обратить внимание на настоящее заявление. «Настоящее заявление послано по почте на бланках, за печатью Исполнительного Комитета г.г. Траппу, Дрентельну, Кошлакову и Зурову».

Соловьев был приговорен к смерти и повешен.

Ответом на это покушение стала мощная волна репрессий, направленных против революционных организаций. Москва и Петербург были фактически переведены на военное положение. Все это вызвало незамедлительный ответ революционеров. 5 августа 1879 года «Земля и воля» раскололась на две новые организации: «Народная воля» и «Черный передел». Уже 26

августа «Народная воля» приговорила Александра II к смерти: «Царь Александр II, главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств, должен быть казнен». В ноябре 1879 года «Народная воля» стала распространять листовки следующего содержания:

«Александр II — главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств. 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении. Если б Александр II. отказавшись от власти, передал ее всенародному Учредительному собранию. тогда только мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления».

В общей сложности народовольцы организовали семь покушений на жизнь Александра II. Сразу в нескольких местах было заминировано железнодорожное полотно по пути следования Александра II из Крыма в Петербург осенью 1879 года, 18 ноября была осуществлена попытка подрыва императорского поезда. 19 ноября под Курском, видимо, по ошибке, был пущен под откос состав, в котором ехала свита Александра. К счастью, никто из едущих в этом поезде серьезно не пострадал. 5 февраля 1880 года произошло вообще неслыханное по дерзости покушение. Революционер Халтурин смог произвести взрыв в самом Зимнем дворце. После этого Александр признал, что необходимы срочные и серьезные меры. Была учреждена Верховная распорядительная комиссия во главе с генералом Лорис-Меликовым. Лорис-Меликов получил чрезвычайные полномочия: ему были подчинены все учреждения в государстве, включая и жандармский корпус, и Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Желая объединить усилия всех силовых структур для борьбы с революционной деятельностью, он выступал за упразднение Третьего отделения. Верховная распорядительная комиссия вела беспощадное преследование революционеров. Но при этом ее глава отдавал себе отчет, что одних репрессивных мер для искоренения крамольных настроений в народе будет мало. Поэтому он прилагал много усилий для того, чтобы деятельность комиссии как можно меньше задевала интересы мирных обывателей. Также Лорис-Меликов осуществил еще несколько популистских мер: добился более мягкой цензуры для печати, дал больше свободы земствам, добился устранения ненавистного обществу министра просвещения, некоего Дмитрия Толстого, многие лица были возвращены из административной ссылки.

То ли в результате деятельности Лорис-Меликова, то ли по каким-то другим причинам наступило временное затишье. Террористические акты прекратились.

Создалось впечатление, что Верховная распорядительная комиссия сделала свое дело. 6 августа 1880 года она была упразднена, а Лорис-Меликов получил пост министра внутренних дел. В это же время было упразднено и Третье отделение. Отныне оно было заменено Департаментом полиции при министерстве внутренних дел. Опять-таки понимая, что проблема распространения в стране революционных взглядов одними только силовыми мерами не решается, он взял курс на укрепление в обществе доверия к властям. В частности он убедил Александра II провести в ряде губерний сенатские ревизии с целью выяснения нужд регионов и недостатков существующей административной системы. Земства по его настоянию получили задачу заняться вопросами административного устройства крестьян.

Но, кроме того, Лорис-Меликов подготовил проект преобразования, которое, по мнению некоторых исследователей, могло бы спасти императору жизнь. В дальнейшем этот проект получил название «конституции Лорис-Меликова», хотя, по сути, конституцией не являлся. Он предполагал создание «временных подготовительных комиссий» по разным вопросам и дальнейшее рассмотрение результатов работы этих комиссий «общей комиссией», в которую должны были войти депутаты из земств и органов управления столичных городов. 17 февраля 1881 года Лорис-Меликов смог убедить Александра утвердить этот проект. Было решено торжественно объявить о создании подобной комиссии 1 марта особым правительственным сообщением. До этого времени проект оставался в строжайшей тайне. Но в день, на который было объявлено оглашение указа, Александр II погиб в результате террористического акта. Как утверждали позднее многие революционеры, более раннее опубликование проекта Лорис-Меликовской конституции вполне могло бы избавить императора от готовившегося покушения. Но по другим источникам, «Народная воля», узнав о желании императора провести описанную выше реформу, постаралась побыстрее убить его, боясь, что после принятия опубликования проекта либеральные круги не поддержат революционных идей.

Утром в день покушения Александр сказал своей новой жене (весной 1880 года Мария Александровна умерла, и вскоре император женился морганатическим браком на княжне Долгоруковой): «Дело сделано, я только что подписал манифест (речь идет о «проекте извещения о созыве народных депутатов»).

Он будет обнародован в понедельник утром в газетах. Надеюсь, что он произведет хорошее впечатление. Во всяком случае, Россия увидит, что я дал все, что возможно, и узнает, что я это сделал благодаря тебе».

Прекращение активных действий оказалось лишь временной паузой в деятельности «Народной воли». Несмотря на арест некоторых лидеров движения, который состоялся буквально накануне покушения, предотвратить трагедию не удалось. По некоторым сведениям, Лорис-Меликов имел информацию о готовящемся терракте и предупреждал Александра. Но император все равно не отказался от планов на этот день и поехал в манеж, участвовать при торжественном разводе войск. Затем он отправился в Михайловский замок, а оттуда — в Зимний дворец.

Вот как позднее описывал приготовления народовольцев непосредственно в день покушения один из его участников Николай Рысаков:

«Около 9 часов утра я пришел на конспиративную квартиру для получения снаряда и для объяснения плана покушения. В то же время приблизительно пришли Котик (И. Гриневицкий), Михаил (И. Емельянов) и Тимофей Михайлов. После этого пришла и Софья Перовская, принесшая в руках довольно большой узел — это были снаряды. Она принесла их, во всяком случае, не больше двух.

Где она их развязала, я не помню: кажется, в угловой комнате, где мы сидели все. Придя, она сказала: «Вот, братцы, и снаряды, только их немного — не успели еще наготовить, может быть, еще принесут, — нужно довольствоваться малым». Данный мне, заряд был завернут в белый носовой платок, и в таком виде я его носил до момента покушения под левой рукой поверх платья, с платком же и бросил.

Затем она начала объяснять план действия, начертив на конверте приблизительно местность. Предполагалось, по ее словам, следующее: Государь обыкновенно проезжает в манеж так: по Невскому проспекту, заворачивает по Малой Садовой, по Большой Итальянской — в манеж. По Малой Садовой есть уже пункт, где ждут его, а поэтому нужно занять углы Невского, Садовой и Б. Итальянской. По Невскому проспекту должны быть двое: один у памятника Екатерине, другой — на углу Садовой и Невского, на том углу, который ближе к Адмиралтейству. На углу же М. Садовой и Б. Итальянской могут находиться также два лица, но только на одном углу, где позволяют стоять публике, и притом не вместе. Эти места она указывала кружками, причем не дала никакого объяснения относительно пункта на Малой Садовой.

Когда Государь будет въезжать на Малую Садовую, то лица, имеющие снаряды, должны приблизиться к углам Садовой, не входя, однако, в нее. Находящимся у манежа знаком будет служить то, что навстречу Государю поедет жандармский офицер. Затем на Малой Садовой будет слышен звук, т. е. произойдет взрыв, как я думал, от такого же метательного снаряда, который вручен был и мне и устройство которого объясняли ранее. Звук служит сигналом входить в М. Садовую. «Если же Государь, — продолжала она пояснять, — по каким-либо причинам не поедет по Садовой, то, братцы, вы уже действуйте на Екатерининском канале».

Государь из манежа заезжает в Михайловский дворец, пробывает там около 3/4 часа и едет к себе во дворец по Екатерининскому каналу. Значит, если он заедет во дворец, то мы успеем прийти на канал и произвести покушение. Но иногда случалось, что он не заезжал, а проезжал прямо домой, в таком случае нечего ходить на канал и подвергаться опасности быть замеченным. Чтобы узнать, следует ли ходить на канал, нужно условиться о встрече. Она решила, что, если ничего на Малой Садовой не произойдет, то встретиться по Михайловской улице, причем она вынет носовой платок и высморкается, что покажет, что нужно идти на канал.

Затем она сказала, чтобы мы сами распределили места стояния, на что мы не согласились. Тогда она сказала, что более опасный пункт представляет Манежная площадь, поэтому необходимо, чтобы там находились люди, давно знакомые между собой, которые надеялись бы друг на друга, потому что от взрыва на М. Садовой, если он будет почему-либо неудачен, можно думать, что Государь по инерции, желая избежать опасности, поедет к Манежной площади, а стало быть, приблизится к тем, которые заняли этот пункт. Трудно думать, чтобы он вернулся, что возможно было бы, если в такую минуту извозчик кареты способен что-либо соображать; вернее, что он погонит лошадей вперед. Я не мог удовлетворить этому условию, потому что не был знаком до дружбы ни с Котиком, ни с Михаилом, ни с Тимофеем Михайловым. Этот пункт мог занять Котик с Тимофеем, как лица, давно знакомые и уже освоившиеся друг с другом. Поэтому Котик вызвался туда, я взял место у Екатерининского памятника, и Михаил по противоположной стороне Невского, на углу Садовой».

Николай Рысаков и бросил под колеса императорской кареты первый снаряд.

Этот бросок оказался неудачным. Бомба взорвалась не под каретой, а сзади нее, убив и ранив нескольких казаков из охраны

Александра, прохожих и лошадей экипажа, едущего следом. Террорист пытался бежать, но его схватили. Император вышел из кареты, подошел к Рысакову и сказал: «Хорош! Что тебе нужно от меня, безбожник?» ЗатемАлександр выразил желание осмотреть место взрыва и подошел к образовавшейся в результате яме.

Когда император повернулся и сделал несколько шагов обратно к экипажу, в него был брошен второй снаряд. Вот как описывает это один из свидетелей:

«Тут мне, как во сне, как бы в тумане, показалось, будто спешит сойти с тротуара на мостовую навстречуГосударю какой-то молодой человек, небольшого роста, и как будто я видел у него меховой воротник на пальто; затем, что если не от молодого человека, то, во всяком случае, от решетки канала что-то промелькнуло к самой ступне левой ноги Государя, — все это произошло в одно мгновение, после которого раздался оглушительный взрыв. Как только раздался треск, Государь, окружавшие его офицеры, казаки, молодой человек, который мне показался, и народ поблизости — все сразу упали, точно что всех сразу подкосило. За выстрелом на высоте выше человеческого роста образовался большой шар беловатого дыма, который, кружась, стал расходиться и распластываться книзу так, что у земли я его видел только после этого, даитов малом количестве, почему было видно, что происходило передо мною. Я видел, как Государь упал наперед, склонясь на правый бок, а за ним и правее Его, точно в таком же положении, упал офицер с белыми погонами. Этот офицер спешил встать, но, еще чуть приподнявшись, потянулся через спину Государя и стал засматривать в лицо Ему. У этого офицера был сильно порван зад шинели, а шинель на Государе в верхней части сползла на землю, а низ ее казался как бы закинутым вверх к воротнику, и тут, на снегу, виднелась кровь. Когда офицер с белыми погонами старался заглянуть в лицо Государя, то Государь сам как бы желал взглянуть назад и, поворачивая лицо, чуть-чуть приподнял от земли голову, но тотчас же склонил ее на снег, как мне казалось, правою щекою».

В результате взрыва было ранено и убито около двадцати человек. К Александру бросились со всех сторон сопровождающие его люди, те, кто был в состоянии. Император находился в бессознательном состоянии. Но, услышав слова брата

Михаила Николаевича, обращенные к нему: «Ради Бога, Саша, что с тобою?», пришел в себя и произнес: «Как можно скорее домой!» Его погрузили в сани и повезли в Зимний дворец. Взрывом Александру оторвало левую ногу и раздробило правую. Также он был ранен в живот и в голову. Тем не менее во дворец

императора привезли еще в сознании. Некоторые даже утверждали, что если бы Александру еще на месте покушения перевязали раны и он не потерял бы слишком много крови, то были бы шансы спасти жизнь императора. Это, однако, кажется маловероятным, учитывая тяжесть ранений, полученных при взрыве. По некоторым сведениям, император также успел сказать своим сыновьям, Александру и Владимиру: «Я не скрываю, что мы идем по пути конституции». В 15 часов 30 минут император Александр II скончался.

Молодым человеком, бросившим последнюю бомбу, оказался двадцатипятилетний студент Игнатий Гринивецкий. Перед убийством он написал:

«Александр II должен умереть. Дни его сочтены.

Мне или другому кому придется нанести страшный последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее, — это покажет недалекое будущее.

Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы.

Это необходимо для дела свободы, так как тем самым значительно пошатнется то, что хитрые люди зовут правлением — монархическим, неограниченным, а мы — деспотизмом…

Что будет дальше?

Много ли еще жертв потребует наша несчастная, но дорогая родина от своих сынов для своего освобождения? Я боюсь. меня, обреченного, стоящего одной ногой в могиле, пугает мысль, что впереди много еще дорогих жертв унесет борьба, а еще больше последняя смертельная схватка с деспотизмом, которая, я убежден в том, не особенно далека и которая зальет кровью поля и нивы нашей родины, так как — увы! — история показывает, что роскошное дерево свободы требует человеческих жертв.

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, ияне увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может.

Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой, а не повальным избиением лучших людей страны».

Что касается смерти врагов Александра II, в этом молодой революционер оказался прав. Сам он погиб от ранений, полученных при взрыве, лишь на несколько часов пережив свою жертву. Рысаков во время следствия дал предательские показания о своих сообщниках и был казнен. Практически весь

исполнительный комитет «Народной воли» принимал участие в подготовке покушения на императора.

После осуществления террористического акта многие из лидеров движения были арестованы. Софья Перовская, главный организатор цареубийства, после событий 1 марта осталась в Петербурге в надежде найти способ освободить арестованных товарищей. Но ей самой не удалось избежать ареста и смерти на виселице. При этом Перовская стала первой женщиной в России, казненной за политические преступления. Таким образом, «Народная воля» осталась без самых активных своих членов.

Но настоящая трагедия народников состояла не в этом. «Зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох.» не удалось. Наоборот, цареубийство подействовало на либеральные круги того времени не как искра, а, скорее, как ведро холодной воды. Ни просвещенные люди, ни народ не могли признать справедливым убийство разумного, просвещенного и либерального монарха, прозванного в народе Освободителем. Потеряв основную массу своих лидеров и не имея возможности пополнить ряды, движение народовольцев постепенно прекратило свое существование.

ПЛЕВЕ ВЯЧЕСЛАВ КОНСТАНТИНОВИЧ (1846-1904)

Российский государственный деятель. С 1902 г. министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Проводил политику разложения революционного движения изнутри, используя деятельность провокаторов. Организовывал жесткие меры, направленные на подавление стачек и крестьянских восстаний. Убит эсером Е. С. Созоновым.

После того как «Народная воля» фактически прекратила свое существование, революционно-террористическое движение в России несколько лет тлело, не давая ярких вспышек. Существовало несколько относительно независимых группировок, практически не согласовывавших свои действия друг с другом. Но в самом начале двадцатого века на смену народовольцам пришла недавно сформированная организация эсеров. Слово «эсеры» произошло от аббревиатуры полного названия их партии — партии «социалистов-революционеров». В организацию входили представители самых различных слоев общества: интеллигенция, рабочие, крестьяне. В основе программ социалистов-революционеров лежали такие требования, как ликвидация самодержавия, восьмичасовой рабочий день, установление демократической республики, обеспечение прав и свобод и т. д.

Как и их предшественники, эсеры очень скоро выбрали основным способом борьбы с самодержавием терроризм. При партии была создана отдельная «Боевая организация эсеров», главной задачей которой стала подготовка и реализация покушений на людей, которые, по мнению социалистов-революционеров, мешали реализации их программы. Лидером боевой организации становится Григорий Андреевич Гершуни. Под его руководством эсеры осуществляют целый ряд

террористических актов. Так, они организовывают покушения на министра внутренних дел Сипягина, харьковского губернатора Оболенского и уфимского губернатора Богдановича. В 1903 году, по вполне обоснованному подозрению в убийстве Богдановича, Гершуни был арестован. Его приговорили к смертной казни, замененной каторжными работами.

На смену Гершуни пришел некто Евно Фишелевич Азеф — личность крайне интересная и примечательная, поэтому мы расскажем о нем подробней. Еще с 1893 года он, как выяснилось гораздо позднее, был секретным сотрудником департамента полиции. Во второй половине 90-х годов Азеф вошел в состав «Союза русских социалистов-революционеров» — одной из заграничных революционных группировок. В 1899 году он прибыл в Москву и по рекомендации организации вступил в «Северный союз социалистов-революционеров». Эта организация занималась подпольным выпуском газеты «Революционная Россия». Два первых номера были отпечатаны в подпольной типографии в Томске. Типография, не без участия Азефа, как это опять-таки стало известно позже, была арестована. Руководители «Северного союза» передаютАзефу, как новому, якобы еще не «засветившемуся» в правоохранительных структурах члену партии, все связи и полномочия для продолжения работы. В том числе Азеф должен был закончить переговоры об объединении с южными обществами эсеров.

Вместе с Гершуни и другими активными участниками движения Азеф принимает активное участие в слиянии различных групп социалистов-революционеров и создании на этой базе единой партии. Кроме того, он занимается планированием террористической деятельности эсеров. Таким образом, секретный сотрудник Департамента полиции становится членом центрального комитета партии социалистов-революционеров, вторым (после Гершуни) лицом в боевой организации эсеров и одним из активнейших «организаторов» террористических актов, посвященным в самые сокровенные секреты конспиративной организации. Сразу же после того как Гершуни стал во главе боевой организации, об этом, почти наверняка не без участия его главного помощника, стало известно в Департаменте полиции.

Еще в начале 1903 года Азеф был заподозрен некоторыми членами партии в провокаторской деятельности. Но данные им объяснения и «беспорочная» репутация вывели его из-под подозрения. Двойной агент продолжает свою работу и в центральном комитете партии, и в боевой организации социалистов-революционеров. После ареста Гершуни он на

некоторое время покидает Россию. За рубежом он организует транспорт революционной литературы в Россию, и занимается вопросом об использовании взрывчатки в террористической борьбе. Вернувшись в Россию, Азеф возглавляет боевую организацию, основывает тайную динамитную мастерскую и участвует в подготовке террористического акта против шефа отдельного корпуса жандармов Плеве. Мы оставим на время описания деятельности двойного агента Азефа, с этим в высшей степени примечательным человеком мы встретимся еще не раз. Теперь познакомимся поближе с жертвой будущего убийства.

Вячеслав Константинович Плеве родился в 1846 году. Образование он получил в Санкт-Петербургском университете, окончив его со степенью кандидата права. До 1881 года Плеве сменил несколько должностей: товарища прокурора во Владимирском и Тульском областных судах, в судебной палате в Варшаве, прокурора судебной палаты в Петербурге. В 1881 году он получил назначение на должность директора Департамента государственной полиции министерства внутренних дел. Кроме того, занимая эту должность, Плеве руководил целым рядом правительственных комиссий по различным государственным вопросам.

В 1899 году Вячеслав Константинович становится министром, статс-секретарем великого княжества Финляндского. Здесь он проявил себя как ярый сторонник объединения Финляндии с Россией и русификации великого княжества. Он руководил созданием нового устава о воинской повинности на территории Финляндии, издал манифест о переходе на русскоязычное делопроизводство.

После убийства министра внутренних дел России Дмитрия Сергеевича Сипягина Плеве было поручено занять освободившуюся вакансию. Решение эсеров убить Сипягина было связанно с тем, что последний проводил резкую карательную политику против рабочего, крестьянского и студенческого освободительного движения. Став министром внутренних дел, Плеве с еще большей энергией продолжил политическую линию его предшественника. В мае 1902 года были жестоко подавлены крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях. В этом же месяце Плеве подал императору доклад, в результате которого были сильно ограничены полномочия земств. В ноябре 1902 года министр внутренних дел распорядился закрыть Воронежский уездный комитет, так как его члены не проявляли должной лояльности к вышестоящим властям и позволяли себе высказывать резкие суждения. По отношению к некоторым бывшим членам этого комитета были применены

административные репрессии.

Плеве проводил курс централизации власти. Для этого он добивался ослабления полномочий земств и увеличения веса губернаторской власти. В 1903 году под его руководством были проведены ревизии земских учреждений в Московской, Тверской, Вятской и Курской губерниях. В январе 1904 года, по результатам ревизии, император предоставил министру внутренних дел и тверскому губернатору чрезвычайные полномочия.

Добиваясь усиления губернаторской власти, Плеве готовил проект реформы местного самоуправления, согласно которому губернаторам подчинялись бы все органы местного управления и общественные учреждения. Также по инициативе Плеве с 1903 года губернаторам подчинялась фабричная инспекция в регионах. Естественно, что реформы Плеве коснулись и силовых структур. В мае 1903 года сельская полиция была заменена уездной.

Репрессивные меры против революционного движения Плеве вполне обоснованно считал недостаточными. Он активно пользовался еще одним, гораздо более эффективным средством. Стараясь подорвать основы революционных организаций изнутри, он всячески поощрял внедрение в ряды революционеров различного рода агентов-провокаторов. Кроме того, министр был сторонником отвлечения широких народных масс от революционных идей. Из его действий в этом направлении следует назвать негласное поощрение еврейских погромов. «Народ» в очередной раз «увидел» в евреях виновников всех своих бедствий. Евреи же в очередной раз выступили в роли «козла отпущения» и вынуждены были принять на себя накопившуюся агрессию народных масс. Особенно больших масштабов достигли еврейские погромы в Кишиневе.

Негласно санкционированное Плеве бездействие властей во время погромов стало, пожалуй, самым постыдным из его деяний на посту министра внутренних дел. Видя, что в стране, несмотря на принимаемые меры, назревает революционная ситуация, и желая отвлечь внимание общества от внутренних проблем, Плеве стал одним из самых активных сторонников вступления России в войну с Японией.

Теперь мы перейдем к описанию подготовки покушения и непосредственно самого убийства Плеве. Здесь неоценимым источником для историков являются «Воспоминания террориста», написанные эсером Борисом Савинковым. Савинков был одним из самых активных членов боевой организации и непосредственным участником подготовки и осуществления многих террористических актов. Кроме того, Борис Савинков оставил о себе память как писатель и публицист. Помимо документальных

«Воспоминаний террориста» его перу принадлежат повесть «Конь бледный» и роман «То, чего не было».

План подготовки покушения на Плеве был составлен в Женеве, под руководством Азефа. Было принято решение осуществить убийство на улице. Для того чтобы точно установить стандартный маршрут движения Плеве и оценить его охрану, за министром было установлено наблюдение. Наблюдение, под видом извозчика и торговца в разнос табачными изделиями, осуществляли два революционера. За сбор сведений отвечал Савинков. В начале ноября 1903 года он прибыл в Петербург, встретился с наблюдателями и стал получать от них сведения. Азеф, непосредственный руководитель покушения, не появлялся. Через некоторое время Борис обнаружил слежку и был вынужден уехать в Киев, а позже отправился в Женеву, чтобы выяснить причины отсутствия Азефа. За границей Савинков выяснил, что Азеф уже отправился в Россию. Тогда, в сопровождении Каляева, своего товарища, ранее отвергнутого Азефом, Борис отправился в Россию.

В Москве он встретился с Азефом, который выказал крайнее недовольство отъездом Савинкова из Петербурга. Вскоре был собран отряд для будущего покушения. Только трое из его членов отправились в Петербург и продолжили наблюдение за Плеве. Эту троицу составили Савинков, эсеры Созонов и Мацеевский. Им удалось установить, что Плеве ежедневно к 12 часам ездит на доклад к императору, в Зимний дворец. В начале 1904 года в столицу приехал Азеф. Савинков, Созонов и Мацеевский предлагали немедленно приступить к организации самого покушения. Азеф настаивал на том, чтобы повременить, мотивируя это недостаточностью собранных сведений. Но остальные террористы настояли на своем. Подготовка финальной части операции началась. Вскоре в Петербург были переправлены снаряды и прибыли остальные члены отряда. Покушение должно было состояться 18 марта. Метатели уже заняли свои места, но один из них, Боришанский, обнаружил слежку и бежал. Первая попытка окончилась неудачей, но все террористы по-прежнему оставались на свободе.

Члены боевой организации временно покинули столицу. Один из них, Покотилов, отправился в Двинск, где должен был встретиться с Азефом. Встреча не состоялась. Позже Азеф говорил, что уходил от слежки. Потеряв начальника, террористы разделились на две группы. Каляев и Савинков считали, что столь малыми силами осуществить убийство министра внутренних дел им будет не под силу. Поэтому они решили убить киевского генерал-губернатора Клейгельса. Боришанский, Покотилов,

Созонов и Мацеевский отправились в Петербург, с тем чтобы закончить начатое.

Второе покушение на Плеве не состоялось: в день предполагаемого убийства эсеры министра не встретили. Покотилов на несколько дней покинул Петербург. Возвращаясь, в поезде, он, якобы случайно, встретил Азефа. Тот отговаривал Покотилова от попытки малыми силами совершить покушение, но не добился успеха. Тогда Азеф отправился в Киев и вышел на связь с Савинковым. Он потребовал отказаться от покушения на Клейгельса и продолжить дело Плеве. Незадолго до этого Покотилов погиб при случайном взрыве, готовя снаряды для очередного покушения.

Третье покушение было подготовлено гораздо тщательней двух предыдущих. Вот как описывает его подготовку Савинков:

«Наученные опытом 18 марта, мы склонны были преувеличивать трудности убийства Плеве. Мы решили принять все меры, чтобы он, попав однажды в наше кольцо, не мог из него выйти. Всех метальщиков было четверо. Первый, встретив министра, должен был пропустить его мимо себя, заградив ему дорогу обратно на дачу [Плеве тогда жил на даче на Аптекарском острове]. Второй должен был сыграть наиболее видную роль: ему принадлежала честь первого нападения. Третий должен был бросить свою бомбу только в случае неудачи второго, — если бы Плеве был ранен или бомба второго не разорвалась. Четвертый, резервный, метальщик должен был действовать в крайнем случае: если бы Плеве, прорвавшись через бомбы второго и третьего, все-таки проехал вперед, по направлению к вокзалу».

Теперь у эсеров было гораздо больше шансов довести начатое до конца. Закончив составление плана теракта, Азеф покинул Петербург. Покушение было назначено на 8 июля. Но и эта попытка окончилась неудачей. В выбранный день террористы не смогли вовремя осуществить передачу снарядов. Поэтому вовремя и во всеоружии на месте покушения был только Каляев. Несмотря на жгучее желание бросить бомбу, он сдержался, понимая, что неудача надолго лишит его товарищей по партии возможности убить министра. По словам Савинкова, эта попытка не очень разочаровала его товарищей. Они вовремя встретились с выездом министра и увидели, что выполнить задуманное вполне возможно. Путаница с передачей снарядов дала Плеве всего лишь недельную отсрочку.

Отряд, за исключением Савинкова и Швейцера (специалиста по взрывчатке), на неделю покинул Петербург. Так и неиспользованные бомбы Швейцер разрядил и снова зарядил их только в ночь с 14 на 15 июля, накануне следующей попытки.

Утром 15 июля Савинков встретил на Николаевском вокзале Созонова, Каляева, Боришанского и Сикорского (последний — молодой человек из Белостока, участвовавший только в двух последних покушениях). В начале десятого за Мариинским театром, на этот раз без недоразумений, была осуществлена передача снарядов. После террористы собрались у церкви Покрова на Садовой. В 9.20 поочередно, соблюдая дистанцию в сорок шагов, чтобы избежать детонации бомб, они двинулись на Измайловский проспект, где и намечалась встреча с Плеве. Первый метатель, Боришанский, должен был пропустить выезд министра мимо себя, с тем чтобы отрезать ему возможность к отступлению. Первую бомбу поручили бросить Созонову. Каляев и Сикорский шли последними. Они должны были кинуть свои снаряды в том случае, если карета минует Созонова и Плеве останется жив. В случае удачи террористы договорились утопить неиспользованные бомбы в различных местах.

Скорее всего, полиция была предупреждена Азефом о готовившемся покушении. На Измайловском проспекте находилось много филеров. Но агенты полиции не смогли распознать эсеров в толпе. На этот раз террористам повезло. Уже Созонов смог достигнуть цели, поэтому трое остальных метателей остались невредимы.

Вот как описывает момент взрыва и его место Савинков:

«Прошло несколько секунд. Сазонов исчез в толпе, но я знал, что он идет теперь по Измайловскому проспекту параллельно Варшавской гостинице. Эти несколько секунд показались мне бесконечно долгими. Вдруг в однообразный шум улицы ворвался тяжелый и грузный, странный звук. Будто кто-то ударил чугунным молотом по чугунной плите. В ту же секунду задребезжали жалобно разбитые в окнах стекла. Я увидел, как от земли узкой воронкой взвился столб серо-желтого, почти черного по краям дыма. Столб этот, все расширяясь, затопил на высоте пятого этажа всю улицу. Он рассеялся так же быстро, как и поднялся. Мне показалось, что я видел в дыму какие-то черные обломки.

В первую секунду у меня захватило дыхание. Но я ждал взрыва и поэтому скорей других пришел в себя. Я побежал наискось через улицу к Варшавской гостинице. Уже на бегу я слышал чей-то испуганный голос: «Не бегите: будет взрыв еще.»

«Когда я подбежал к месту взрыва, дым уже рассеялся. Пахло гарью. Прямо передо мной, шагах в четырех от тротуара, на запыленной мостовой я увидел Сазонова [так Савинков пишет фамилию своего товарища]. Он полулежал на земле, опираясь левой рукой о камни и склонив голову на правый бок. Фуражка

слетела у него с головы, и его темно-каштановые кудри упали на лоб. Лицо было бледно, кое-где по лбу и щекам текли струйки крови. Глаза были мутны и полузакрыты. Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расползаясь, образовало большую багряную лужу у его ног».

Я наклонился над ним и долго всматривался в его лицо. Вдруг в голове мелькнула мысль, что он убит, и тотчас же сзади себя я услыхал чей-то голос:

— А министр? Министр, говорят, проехал.

Тогда я решил, что Плеве жив, а Сазонов убит».

Но оба этих предположения оказались неверными. Об этом Савинков узнал только днем из газет.

В тот момент, когда Созонов поравнялся с каретой Плеве, Каляев находился на мостучерез обводной канал и сверхувидел взрыв. Мимо него пронеслись, волоча обломки колес, окровавленные лошади. Из увиденного Каляев заключил, что Плеве убит, повернулся и медленно пошел в сторону Сикорского.

Каляев и Боришанский благополучно утопили свои бомбы и покинули Петербург. Сикорский, плохо говоривший по-русски и не знавший Петербург, сделать этого не смог. Он должен был взять лодку без лодочника в Петровском парке, выехать на взморье и там утопить снаряд. Вместо этого он нанял ялик для переправы через Неву и на глазах яличника бросил сверток с бомбой в воду. Владелец ялика спросил, что Сикорский бросил в воду. Молодой террорист молча протянул яличнику 10 рублей, но тот отвел его в полицию.

Причастность Сикорского к убийству Плеве не могли доказать, пока осенью рыбаки случайно не вытащили неводом бомбу. После этого Сикорский вместе с Созоновым предстал перед судом.

Созонов получил при взрыве серьезные увечья, но остался жив. Он ожидал смертной казни, но был приговорен к пожизненной каторге. Сикорский был осужден на 20 лет каторжных работ. С каторги Созонов имел возможность передавать письма своим товарищам. Вот что он написал в одном из них:

«Когда меня арестовали, то лицо представляло сплошной кровоподтек, глаза вышли из орбит, был ранен в правый бок почти смертельно, на левой ноге оторваны два пальца и раздроблена ступня. Агенты, под видом докторов, будили меня, приводили в возбужденное состояние, рассказывали ужасы о взрыве. Всячески клеветали на «еврейчика» Сикорского. Это было для меня пыткой!

Враг бесконечно подл, и опасно отдаваться ему в руки

раненым. Прошу это передать на волю. Прощайте, дорогие товарищи. Привет восходящему солнцу — свободе!

Дорогие братья-товарищи! Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли верно выдержал я свою роль, за доверие которой мне я приношу вам мою величайшую благодарность. Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире не сравнимо. Это удовлетворение заглушало во мне страдания, которые пришлось перенести мне после взрыва. Едва я пришел в себя после операции, я облегченно вздохнул. Наконец-то кончено. Я готов был петь и кричать от восторга. Когда взрыв произошел, я потерял сознание. Придя в себя и не зная, насколько серьезно я ранен, я хотел самоубийством избавиться от плена, но моя рука была не в силах достать револьвер. Я попал в плен. В течение нескольких дней у меня был бред, три недели с моих глаз не снимали повязки, два месяца я не мог двинуться на постели, и меня, как ребенка, кормили из чужих рук. Моим беспомощным состоянием, конечно, воспользовалась полиция. Агенты подслушали мой бред: они под видом докторов и фельдшеров внезапно будили меня, лишь только я засыпал. Начинали рассказывать мне ужасы о событии на Из. пр. (Измайловский проспект), приводили меня в возбужденное состояние. Всячески старались уверить меня, что С. (Сикорский) выдает. Говорили, что он сказал, будто с кем-то (с какою-то бабушкой) виделся в Вильно за несколько дней до 15 июля, говорили, что взят еще еврей в английском пальто, которого будто С. назвал товарищем по Белостоку. К счастью, агентам не удалось попользоваться на счет моей болезни. Я, кажется, все помню, о чем говорил я в бреду, но это неважно, если примете меры. Одну глупость, одно преступление я допустил. Не понимаю, как я мог назвать свою фамилию уже через три недели молчания. Товарищи! Будьте ко мне снисходительны, я без того чувствую себя убитым. Если бы вы знали, какую смертельную муку я испытывал и сейчас испытываю, зная, что я бредил. И я был не в силах помочь себе. Чем? Откусить себе язык, но и для этого нужна была сила, а я ослабел. Уже моим желанием было — или поскорее умереть, или скорее выздороветь.

Приветствую новое течение, которое пробивает себе путь к жизни во взгляде на террор. Пусть мы до конца будем народовольцами. Я совсем не ждал, что со мною не покончат. И моему приговору я не радуюсь: что за радость быть пленником русского правительства? Будем верить, что ненадолго.»

На каторге Созонов провел около шести лет. 27 ноября 1910 года в Зерентуйской каторжной тюрьме шесть заключенных попытались покончить жизнь самоубийством в знак протеста

против жестокого обращения и телесных наказаний. Среди них был и Созонов. Ему удалось покончить с собой и только такой ценой избавиться от безрадостной роли «пленника русского правительства».

В конце главы хочется передать диалог, произошедший между Савинковым и Созоновым, и привести цитату из одного письма. Однажды между товарищами произошел такой разговор:

«— Скажите, — продолжал я (Савинков), — как вы думаете, что будем мы чувствовать после. после убийства?

Он (Созонов), не задумываясь, ответил:

— Гордость и радость.

— Только?

— Конечно, только».

Через время, с каторги Созонов писал: «Сознание греха никогда не покидало меня».

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857-1905)

Сын императора Александра II, великий князь. Московский генерал-губернатор в 1891–1905, с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером Каляевым.

После убийства Плеве оставшиеся на воле члены боевой организации на время покинули Россию и отправились в Женеву. Убийство министра внутренних дел России прибавило партии социалистов-революционеров известности и веса в Европе. В распоряжение эсеров стали поступать денежные средства, и ряды партии пополнялись все новыми и новыми членами. В августе боевая организация принимает новый устав:

«1. Боевая организация ставит себе задачей борьбу с самодержавием путем террористических актов.

2. Боевая организация пользуется полной технической и организационной самостоятельностью, имеет свою отдельную кассу и связана с партией через посредство центрального комитета.

3. Боевая организация имеет обязанность сообразоваться с общими указаниями центрального комитета, касающимися:

a) Круга лиц, против коих должна направляться деятельность боевой организации.

b) Момента полного или временного, по политическим соображениям, прекращения террористической борьбы.

Примечание. В случае объявления центральным комитетом полного или временного, по политическим соображениям, прекращения террористической борьбы боевая организация оставляет за собой право довести до конца свои предприятия, если таковые ею были начаты до означенного объявления центрального комитета, какового права боевая организация может быть лишена лишь специальным постановлением общего

съезда партии.

4. Все сношения между центральным комитетом и боевой организацией ведутся через особого уполномоченного, выбираемого комитетом боевой организации из числа членов последней.

5. Верховным органом боевой организации является комитет, пополняемый через кооптацию из числа ее членов.

6. Все права комитета, кроме нижеперечисленных, передаются им избираемому им же из числа его членов, сменяемому по единогласному соглашению всех членов комитета, члену-распорядителю.

7. Комитет боевой организации сохраняет за собой:

a) Право приема новых и исключения старых членов как комитета, так и организации (во всех случаях с единогласного соглашения всех членов комитета).

b) Право участия в составлении плана действий, причем, в случае разногласия между отдельными членами комитета, решающий голос остается за членом-распорядителем.

c) Право участия в составлении литературных произведений, издаваемых от имени боевой организации.

8. Одновременно с выбором члена-распорядителя комитет боевой организации проводит выбор его заместителя, к каковому заместителю переходят все права и полномочия члена-распорядителя в случае ареста последнего.

9. Число членов комитета боевой организации неограничен, в случае же ареста одного из них все права его переходят к заранее намеченному комитетом кандидату.

10. Члены боевой организации во всех своих действиях подчинены комитету боевой организации.

11. В случае одновременного ареста всех членов комитета боевой организации или всех ее членов, кроме одного (заранее намеченного комитетом кандидата), право кооптации постоянного комитета боевой организации переходит к заграничному ее представителю, а во втором случае — также и к кандидату в члены комитета боевой организации.

12. Настоящий устав может быть изменен лишь с единогласного соглашения всех членов комитета боевой организации и ее заграничного представителя».

Как мы видим, благодаря новому уставу, боевая организация получила относительную свободу действий и независимость от центрального комитета партии. Скорее всего, именно автономность боевой организации помогла ей в дальнейшем обеспечить конспиративность своих действий. Члены боевой организации смогли организовать несколько покушений,

несмотря на наличие в ее рядах такого высокопоставленного провокатора, как Азеф. Последний был назначен членом-распорядителем комитета боевой организации, Савинков стал его заместителем. Кроме них в комитет вошел Швейцер.

Затем боевая организация переместилась в Париж. Здесь находилась динамитная мастерская. В ней Швейцер обучил своих товарищей технике динамитного дела. В Париже комитет принял решение заняться организацией одновременно трех покушений: на петербургского генерал-губернотора Трепова, на киевского генерал-губернатора Клейгельса и на генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Организация разделилась на три группы. Московскую группу возглавил Савинков. В нее вошли Каляев, Дора Бриллиант, эсерка, участвовавшая еще в организации покушения на Плеве, и Моисеенко — новый член организации, привлеченный Савинковым. Кроме того, Савинков получил рекомендацию от Азефа привлечь в дальнейшем к покушению на великого князя одного бывшего народовольца, проживающего в Баку.

Как и при организации покушения на Плеве, эсеры решили установить за генерал-губернатором наблюдение, с тем чтобы выяснить, когда и где можно прогнозировать появление его выезда. Сперва нужно было выяснить, в каком именно из трех своих домов живет Сергей Александрович. Боевая организация приняла решение не вступать в контакт с членами Московского комитета партии эсеров. Моисеенко поднялся на колокольню Ивана Великого. Там он принялся расспрашивать сопровождавшего его сторожа о московских достопримечательностях, и в том числе попросил показать ему генерал-губернаторский дом.

После этого террористы использовали уже опробованную в деле Плеве тактику наблюдения. Каляев и Моисеенко купили две пары саней, лошадей, соответствующую одежду и стали вести наблюдение под видом извозчиков. Оставим на время революционеров за этим требующим терпения делом и познакомимся поближе с объектом их пристального внимания.

Великий князь Сергей Александрович был пятым сыном императора Александра II. Он родился 29 апреля 1857 года. Воспитание было поручено Анне Федоровне Тютчевой, дочери поэта. В 1865 году по совету врачей мальчика отправили в Москву — Петербургский климат плохо сказывался на состоянии легких императорского сына. Сергей Александрович получил всестороннее домашнее образование. С ним занимались прекрасные педагоги и крупные ученые. Достаточно назвать среди них имена Сергея Михайловича Соловьева — одного из

ведущих историков России, и знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони.

Сергей Александрович был воспитан в атмосфере глубокой религиозности. Его мать, императрица Мария Александровна, сама была очень набожна и старалась привить глубокие религиозные чувства своим детям. А Сергей, по словам его старшего брата Александра III, был любимым сыном императрицы. Кроме того, в воспитании великого князя принимали участие многие высокопоставленные православные священники.

Когда Сергею Александровичу исполнилось 18 лет, Анатолий Федорович Кони, для ознакомления своего ученика с реалиями жизни, устроил ему несколько «экскурсий» по тюрьмам Москвы. Эти посещения произвели на молодого великого князя неизгладимое впечатление. Через много лет, уже будучи генерал-губернатором Москвы, Сергей Александрович скажет Кони: «Я много видел тяжелых картин на своем веку, но ничто не произвело на меня такого подавляющего действия, как то, что вы мне показали тогда, — этого нельзя забыть!»

Летом 1877 года великий князь заболел тифом, но болезнь протекала легко, и через месяц он поправился.

В 1877–1878 годах Сергей Александрович принимал участие в русско-турецкой войне. За мужество и храбрость, проявленные во время кампании, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

С детства и до конца жизни религия занимает в жизни Сергея Александровича очень важное место. После смерти в 1880 году матери и убийства в 1881 году отца великий князь отправляется в паломничество по святым местам. Во время этой поездки он познакомился с особенностями быта российских богомольцев и, вернувшись на родину, основал «Православное Палестинское Общество», одной из целей которого было облегчить православным верующим паломничество в Святую землю.

В 1882 году Сергей Александрович стал командиром первого батальона лейб-гвардии Преображенского полка, продолжив тем самым свою военную карьеру.

В 1884 году великий князь вступил в брак с принцессой Гессен-Дармштадтской Елизаветой. Несмотря на обстоятельства, о которых мы расскажем немного позже, брак этот, по крайней мере внешне, выглядел достаточно счастливым.

В 1887 году Сергей Александрович получает звание генерал-майора и становится командиром Преображенского полка. Осенью следующего года супружеская чета совершила совместную поездку по Святой земле. А в 1891 году княгиня

Елизавета, к неописуемой радости своего супруга, приняла православие.

Краткое описание дальнейшей карьеры Сергея Александровича можно изложить в нескольких датах. 26 февраля 1891 года великий князь Сергей был назначен генерал-губернатором Москвы. В 1894 году он становится членом Государственного совета. В 1896 получает звание генерал-лейтенанта и назначение командующим войсками Московского военного округа. В конце 1904 года Сергей Александрович подает императору прошение об отставке с поста генерал-губернатора Москвы. 1 января это прошение было подписано Николаем II. Таким образом, к моменту своей смерти (4 февраля 1905 года) Сергей Александрович уже не занимал пост генерал-губернатора, но являлся командующим Московским военным округом.

Пребывая на посту генерал-губернатора Москвы, Сергей Александрович входил в состав целого ряда благотворительных и просветительских обществ в качестве председателя или попечителя. Вот неполный перечень таких обществ: «Московское общество призрения, воспитания и обучения слепых детей», «Комитет для оказания пособий вдовам и сиротам, пострадавшим на войне», «Московское общество покровительства беспризорных и освобожденных из мест заключения несовершеннолетних»; «Московский Совет детских приютов», «Иверская община сестер милосердия»; «Комиссия по устройству чтений для рабочих».

В своем имении Ильинское Сергей Александрович прослыл добрым и щедрым человеком. Он основал родильный дом для женщин окрестных деревень, строил школы, больницы, щедро помогал крестьянам в случае различных бедствий, организовывал праздники и ярмарки.

Кроме того, с весны 1881 года, после смерти своего отца, Сергей Александрович возглавил управление Российского исторического музея, основанного Александром II.

Вот краткое изложение биографии и деяний великого князя Сергея Александровича. Таким его описывали официальные источники. Так чем же этот щедрый меценат, храбрый защитник отечества и ревнитель православия так насолил партии социалистов-революционеров? Дело в том, что реальный великий князь Сергей Александрович несколько отличался от портрета, составленного официальными биографами после его смерти.

Прежде всего, для того чтобы дать более полное портретное описание Сергея Александровича, следует сказать, что он был одним из самых известных в России гомосексуалистов. Из своих наклонностей великий князь не делал большого секрета и часто появлялся в обществе со своими любовниками. Еще до своего

назначения на пост генерал-губернатора он основал в Москве закрытый клуб гомосексуалистов, который просуществовал до 1891 года. Само по себе это обстоятельство, конечно, не является преступным, но Сергей Александрович, как говорится, «использовал служебное положение» и обеспечивал карьеры своим любовникам. Гомосексуальность великого князя официальные биографы объявляли клеветой, но об этом обстоятельстве знали все. Оно дало обильную почву для всевозможных сплетен и анекдотов. Но, конечно же, не личная жизнь великого князя привела эсеров к решению убить его.

Причины, по которым партия социалистов-революционеров решила убить Сергея Александровича, высказал позже Иван Каляев. Вот отрывок из его речи, произнесенной на суде:

«Великий князь был одним из видных представителей и руководителей реакционной партии, господствующей в России. Партия эта мечтает о возвращении к мрачнейшим временам Александра III, культ имени которого она исповедует. Деятельность, влияние великого князя Сергея тесно связаны со всем царствованием Николая II, от самого начала его. Ужасная ходынская катастрофа и роль в ней Сергея были вступлением в это злосчастное царствование [В 1896 году в Москве на Ходынском поле произошла трагедия. По случаю коронации Николая II, племянника Сергея Александровича, там должны были раздавать подарки: кружки с изображением императора. Из-за плохой организации этого мероприятия началась давка, в которой погибло 1389 человек, около 1300 было изувечено]. Расследовавший еще тогда причины этой катастрофы граф Пален сказал, в виде заключения, что нельзя назначать безответственных лиц на ответственные посты. И вот боевая организация партии социалистов-революционеров должна была безответственного перед законом великого князя сделать ответственным перед народом.

Конечно, чтобы подпасть под революционную кару, великий князь Сергей должен был накопить и накопил бесчисленное количество преступлений перед народом. Деятельность его проявлялась на трех различных поприщах. Как московский генерал-губернатор, он оставил по себе такую память, которая заставляет бледнеть даже воспоминание о пресловутом Закревском [в 1828–1831 гг. — министр внутренних дел, прославился своей жестокостью при подавлении «холерных бунтов»]. Полное пренебрежение к закону и безответственность великого князя сделали из Москвы поистине какое-то особое великокняжество. Преследование всех культурных начинаний, закрытие просветительных обществ, гонения на бедняков-евреев,

опыты политического развращения рабочих, преследование всех протестующих против современного строя, — вот в какого рода деяниях выражалась роль убитого, как маленького самодержца Москвы. Во-вторых, как лицо, занимающее видное место в правительственном механизме, он был главой реакционной партии, вдохновителем всех репрессивных попыток, покровителем всех наиболее ярких и видных деятелей политики насильственного подавления всех народных и общественных движений. Еще Плеве заезжал к великому князю Сергею за советами перед своей знаменитой поездкой в Троицкую лавру, за которой последовала поездка на усмирение полтавских и харьковских крестьян. Его другом был Сипягин [см. предыдущую главу], его ставленником был Боголепов [министр просвещения, ужесточивший преследование студентов за революционные выступления]. Все политическое направление правительства отмечено его влиянием. Он боролся против слабой попытки смягчения железного режима Святополком-Мирским [министр внутренних дел, пришедший на смену Плеве, пытался идти по пути сотрудничества с оппозицией], объявляя, что «это — начало конца». Он провел на место Святополка своих ставленников — Булыгина и Трепова, роль которого в кровавых январских событиях [речь идет о так называемом «кровавом воскресенье», Булыгин — министр внутренних дел, сменивший Святополка-Мирского, Трепов — генерал-губернатор Петербурга] слишком известна. Наконец третье поприще его деятельности, где роль его была наиболее значительна, хотя и наименее известна: это — личное влияние на царя. «Дядя и друг государев» выступает здесь как наиболее беспощадный и неуклонный представитель интересов династии».

Но все это Иван Каляев скажет позже, а сейчас он, одевшись извозчиком, выслеживает маршруты перемещения московского генерал-губернатора. Вскоре ему и Моисеенко удалось установить внешний вид кареты великого князя. Также было выяснено, что два-три раза в неделю Сергей Александрович ездит в Кремль. Предварительный этап подготовки был завершен.

В начале декабря Савинков отправился в Баку, для того чтобы встретиться с рекомендованным Азефом человеком и предложить ему принять участие в покушении. Этого человека найти не удалось, но Бакинский комитет партии рекомендовал вместо него Петра Александровича Куликовского, давно стремившегося принять участие в террористической работе. Савинков встретился с Куликовским и взял его в дело.

Но в Москве тем временем произошли некоторые изменения. 5–6 декабря в городе прошли студенческие демонстрации.

Московский комитет партии эсеров, не зная о деятельности боевой организации, опубликовал следующее заявление: «Московский комитет партии социалистов-революционеров считает нужным предупредить, что если назначенная на 5 и 6 декабря политическая демонстрация будет сопровождаться такой же зверской расправой со стороны властей и полиции, как это было еще на днях в Петербурге, то вся ответственность за зверства падет на головы генерал-губернатора Сергея и полицмейстера Трепова [тогда еще Трепов был московским обер-полицмейстером]. Комитет не остановится перед тем, чтобы казнить их».

То ли напуганный заявлением эсеров, то ли по каким-то другим причинам Сергей Александрович сменил место жительства. Террористам пришлось вновь выяснять, где он обитает и какими маршрутами перемещается по городу. Вскоре стало известно, что генерал-губернатор живет в Нескучном дворце. Наблюдение показало, что он продолжает ездить в Кремль в различные дни и часы, но по одному и тому же маршруту. Во избежание дальнейших недоразумений Савинков встретился с представителем Московского комитета партии и, убедившись, что у комитета нет реальных шансов убить Сергея Александровича, попросил прекратить деятельность в этом направлении.

10 января до Москвы дошли сведения о трагедии, накануне разыгравшейся в Петербурге (подробней в следующей главе). Скорее всего, опасаясь мести со стороны революционеров, Сергей Александрович снова переехал, чем, возможно, несколько отсрочил свою гибель. На этот раз он поселился в Николаевском дворце, расположенном непосредственно на территории Кремля. Моисеенко пошел на очень дерзкий шаг. В то время доступ в Кремль был свободным, и он остановился со своими санями прямо у Царь-пушки, на глазах у многочисленных городовых и филеров. Благодаря этому Моисеенко вскоре смог установить, что генерал-губернатор часто выезжает через Никольские ворота. Дальше было установлено, что он ездит в свою канцелярию на Тверской. Но поездки Сергея Александровича были нерегулярными, и это затрудняло осуществление покушения. Оставалась возможность выяснить маршрут какого-либо торжественного выезда из газет.

Между тем в Москву прибыл из Петербурга некто Рутенберг — участник демонстрации 9 января. Он сообщил Савинкову, что в столице восстание, и предложил переместить боевую организацию туда, чтобы поддержать рабочее движение. Савинков совершил поездку в Петербург, где, правда, убедился в том, что

рабочее движение обессилено потерями и попытки возродить его вряд ли принесут успех.

В конце января 1905 года подготовка покушения перешла в финальную стадию. Каляев, которому на этот раз отводилась роль одного из главных исполнителей, продал сани, лошадей и совершил поездку в Харьков, откуда вернулся с новыми документами (террористы не хотели, чтобы полиции стал известен их способ наблюдения в случае ареста Каляева).

2 февраля в Большом театре должен был состояться спектакль в пользу Красного Креста. Пропустить это представление великий князь не мог. На этот день и было назначено покушение. Савинков съездил в Юрьев, где Дора Бриллиант хранила динамит, и вместе они привезли взрывчатку в Москву.

Было подготовлено две бомбы. Одну получил Каляев, другую — Куликовский. Два метателя были нужны, потому что было непонятно, каким именно маршрутом великий князь поедет в театр. В 8 часов вечера Каляев занял позицию на Воскресенской площади, а Куликовский в проезде Александровского сада. Оба метателя были одеты крестьянами. В начале девятого показалась карета великого князя. Она свернула на Воскресенскую площадь. Каляев уже поднял руку, чтобы бросить бомбу, но в последний момент увидел, что в карете, кроме Сергея Александровича, находится его семья: жена и двое детей. Террорист не бросил бомбу. Впоследствии все товарищи по боевой организации одобрили решение Каляева. Теперь оставалась надежда, что обратно семья поедет раздельно. Но по окончании спектакля великий князь вышел из театра в сопровождении супруги и детей. 2 февраля покушение так и не состоялось.

В полночь Савинков передал Доре Бриллиант так и неиспользованные бомбы. Ночь Савинков, Каляев и Куликовский провели в ресторане, так как больше идти было некуда. На основании прошлых наблюдений боевая организация пришла к выводу, что 3, 4 или 5 февраля великий князь поедет в генерал-губернаторский дом. Осуществить покушение 3-го террористы не посчитали возможным, метальщики были измучены бессонной ночью и переживаниями. Следующая попытка была назначена на 4 февраля. Но утром в назначенный день у Куликовского сдали нервы, и он отказался принимать дальнейшее участие в деле Сергея Александровича. Тем не менее, нельзя не рассказать о дальнейшей судьбе этого человека. Через несколько месяцев он был арестован в Москве, но смог бежать из полицейской части, где содержался. 28 июня 1905 года, находясь в розыске, он явился на прием к московскому градоначальнику, графу Шувалову, и

застрелил его. За это убийство Московским военно-окружным судом он был приговорен к смертной казни. Казнь ему была заменена бессрочной каторгой.

Между тем 4 февраля боевая организация попала в сложную ситуацию: бомбы были заново заряжены (а каждый процесс их зарядки и разрядки был связан с риском), а террористы располагали всего одним метальщиком. По словам Савинкова, сам он не мог сейчас принять участие в покушении, так как тем самым поставить бы под угрозу судьбу англичанина, по документам которого он проживал в Москве, а Моисеенко был пока еще извозчиком, и нужно было определенное время, чтобы выйти из этого амплуа.

Тогда Каляев, несмотря на возражения, убедил Савинкова попытать счастья и осуществить покушение с одним метальщиком. В два часа дня Каляев попрощался с Савинковым и вошел в Кремль через Никольские ворота. Войдя в Кремль, он у здания суда встретил карету великого князя. Вот как описывает дальнейшее сам Каляев: «Против всех моих забот, я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело. Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел. В это время послышалось сзади: «держи, держи.» — на меня чуть не наехали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладели мной.»

Второе описание этих событий было сделано со слов очевидца и опубликовано в «Революционной России». Вот оно:

«Взрыв бомбы произошел приблизительно в 2 часа 45 минут. Он был слышен в отдаленных частях Москвы. Особенно сильный переполох произошел в здании суда. Заседания шли во многих местах, канцелярии все работали, когда произошел взрыв. Многие подумали, что это землетрясение, другие, что рушится старое здание суда. Все окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своих мест. Когда через десять минут пришли в себя и догадались, в чем дело, то многие бросились из здания суда к месту взрыва. На месте казни лежала бесформенная куча, вышиной вершков в десять, состоявшая из мелких частей

кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать, сбежавшихся первыми, осматривала следы разрушения; некоторые пробовали высвободить из под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось, из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги. В это время выскочила Елизавета Федоровна в ротонде, но без шляпы, и бросилась к бесформенной куче. Все стояли в шапках. Княгиня это заметила. Она бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда». Лакей обратился к публике с просьбой снять шапки, но ничто на толпу не действовало, никто шапки не снимал и не уходил. Полиция же это время, минут тридцать, бездействовала, — заметна была полная растерянность. Товарищ прокурора судебной палаты, безучастно и растерянно, крадучись, прошел из здания мимо толпы через площадь, потом раза два на извозчике появлялся и опять исчезал. Уже очень нескоро появились солдаты и оцепили место происшествия, отодвинув публику».

А вот как рассказывает об убийстве официальный источник:

«4 февраля 1905 года в Москве, в то время, когда великий князь Сергей Александрович проезжал в карете из Никольского дворца на Тверскую, на Сенатской площади, в расстоянии 65 шагов от Никольских ворот, неизвестный злоумышленник бросил в карету его высочества бомбу. Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена, с раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплен на мелкие куски, и кроме того были выбиты стекла наружных рам ближайшей к Никольским воротам части зданий судебных установлений и расположенного против этого здания арсенала».

Каляев был заключен в Бутырскую тюрьму. Через несколько дней, 7 февраля, его посетила вдова убитого великого князя. Она вручила убийце собственного мужа иконку и пообещала молиться за него. Напоследок Каляев сказал великой княгине: «Прощайте. Повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я его исполню до конца и вынесу все, что мне предстоит». Впоследствии обстоятельства этого визита были описаны в официальной прессе в искаженном виде: террорист якобы каялся в содеянном.

Суд над Каляевым состоялся 5 апреля 1905 года в Петербурге.

Каляев был приговорен к смертной казни. После оглашения приговора он сказал судьям:

«Я счастлив вашим приговором, надеюсь, что вы решитесь его исполнить надо мной так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социалистов-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции».

Вдова Сергея Александровича, Елизавета Федоровна, отправилась в Петербург с тем, чтобы просить императора о помиловании для террориста, но получила отказ. 9 мая Каляев был переведен из Петропавловской крепости в Шлиссельбург. 10 мая около 10 часов вечера его посетил священник. От его услуг террорист отказался, сказав, что он человек верующий, но обрядов не признает. Во втором часу ночи приговоренного вывели во двор, где была приготовлена виселица. Взойдя на эшафот, Каляев вторично отказался от услуг священника.

Останки великого князя Сергея Александровича были захоронены в Чудовом монастыре в Кремле. На месте его убийства был воздвигнут бронзовый крест по проекту Виктора Михайловича Васнецова. По некоторым сведениям, этот крест был снесен лично Лениным на субботнике. 17 сентября 1995 года останки Сергея Александровича перенесены из Кремля в Ново-Спасский монастырь. Там же был установлен воссозданный по сохранившемуся эскизу великого художника крест.

ГАПОН ГЕОРГИЙ (1870–1906)

Священник, тайный агент охранки. Инициатор народного шествия к Зимнему дворцу 9.1.1905 г., вылившегося в «кровавое воскресенье». Разоблачен эсерами и убит.

Утром 9 января (по старому стилю) 1905 года священник Георгий Гапон отслужил в часовне Путиловского завода в Петербурге молебен о здравии императора Николая II. Затем он повел толпы рабочих, их жен и детей к Зимнему дворцу. Люди несли кресты, иконы, государственные флаги, портреты царя. Со всех концов города к Зимнему дворцу стекались толпы рабочих. Демонстрация была вполне мирной. Целью рабочих масс, возглавляемых Гапоном, было подать императору петицию. Вот ее неполный текст:

«Государь!

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук…

Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны,

чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, — и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба.

Но одна мера все же не может залечить наших ран. Необходимы еще и другие:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных [от] рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производственных и

профессиональных рабочих союзов — немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

6) Нормальная заработная плата — немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих — немедленно.»

Но подать императору петицию рабочие не смогли. В 12 часов одна из групп демонстрантов подошла к Нарвским воротам. Здесь ее атаковала кавалерия.

Пехота сделала несколько залпов. Гапон, возглавлявший эту группу, упал. Его спас эсер Рутенберг, который шел вместе со священником в первых рядах демонстрантов. События, между тем, продолжали развиваться. В час у Троицкого моста армейские подразделения опять открыли огонь по демонстрантам.

Началась паника. Многие пострадали даже не от пуль, а в результате давки. В два часа части Преображенского полка атаковали демонстрантов, находившихся в Александровском саду, у Дворцового моста и у здания главного штаба. По различным подсчетам, во время «кровавого воскресенья» погибло от 120 до 1000 человек. Увечья различной степени тяжести получили от 300 до 2 тысяч (причины такого разброса цифр мы обсудим несколько позднее). Во второй половине дня мирное шествие переросло в восстание. На Васильевском острове появились баррикады. Так началась революция 1905–1907 годов.

Причины, по которым мирная демонстрация 9 января превратилась в «кровавое воскресенье», до сих пор остаются предметом неутихающих дискуссий между историками. К рассмотрению различных точек зрения по этому вопросу мы еще вернемся. Теперь же попытаемся познакомиться с человеком, за которым пошли в этот день рабочие и который, намеренно или случайно, привел тысячи людей к кровавой бойне.

5 февраля 1870 года в семье волостного писаря Гапон-Новых в селе Велик Кобыляцкого уезда Полтавской губернии родился мальчик. Родители решили, что для их сына подойдет карьера священнослужителя. Он окончил духовное училище, а затем семинарию в Полтаве. Еще в семинарии на Георгия произвели большое впечатление идеи Льва Николаевича Толстого. Результатом стало то, что он отказался от стипендии и стал зарабатывать себе на жизнь, давая уроки. По окончании семинарии Гапон некоторое время служил земским статистиком в Полтавской губернии. Затем выбрал карьеру священника. Был дьячком, дьяконом, а в 1896 году был посвящен в сан священника. В этом же году Георгий женился на дочери купца.

Через два года после скоропостижной смерти жены Гапон отправляется в Петербургскую духовную академию. В академии Георгий проучился только год и вынужден был оставить ее из-за болезни. В 1902 году Гапон, тем не менее, сдал экстерном экзамены за 3 и 4 курсы, а в 1903 окончил академию, защитив диссертацию.

Уже во время учебы в академии Гапон начал свою политическую деятельность. Он занимался благотворительностью: был священником «Общества попечения о бедных и больных детях» и преподавал закон Божий в «Детском приюте трудолюбия святой Ольги». Георгий также подал властям несколько проектов: по преобразованию благотворительных заведений, по созданию работных домов и колоний. Это вызвало недовольство Святейшего Синода. Кроме того, Гапон женился гражданским браком (православный священник не мог вступить во второй брак) на одной из бывших воспитанниц детского приюта. В 1902 году Гапон был отстранен от должностей священника и законоучителя за моральную греховность. Но к тому моменту своим ораторским талантом и способностью влиять на различные аудитории он привлек к себе внимание начальника Особого отдела департамента полиции Сергея Васильевича Зубатова (позже Зубатова назвали главным идеологом системы так называемого «полицейского социализма»).

По предложению Зубатова Гапон отправил председателю Комитета министров Витте записку, в которой просил оказать содействие в создании легальных рабочих организаций, находящихся под контролем полиции. Так началась двойная карьера Гапона — одного из лидеров рабочего движения и тайного сотрудника Особого отдела.

В августе 1903 года Гапон на деньги, полученные от департамента полиции, арендовал чайную, в которой проводил встречи с рабочими. Вскоре им была основана организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Основной задачей общества декларировалось посредничество в решении спорных вопросов между рабочими и фабрикантами. Благодаря организаторским способностям Гапона к ноябрю 1904 года организация состояла из 11 отделов и насчитывала около 9 тысяч человек. Интересно, что Георгий в это время фактически работал не на два, а даже на три фронта. За информацию о рабочем движении он получал деньги от Зубатова, а за сведения о деятельности самого Зубатова — от внутриполитического ведомства.

Среди рабочих Гапон пользовался громадной популярностью. При этом он доказывал, что их интересы не входят в

противоречие с монархическим строем, призывал организованными и легальными способами добиваться улучшения положения рабочего класса. Но в конце 1904 года Гапон резко меняет свою политическую линию и прекращает выполнять распоряжения стоящих за ним полицейских чиновников. Вполне возможно, что выход из-под контроля властей был вынужденной мерой для Гапона. Дело в том, что в это время актив «Собрания», вопреки желанию Гапона, принял решение подать петицию правительству с требованиями улучшить условия труда. По другим сведениям, именно Гапон был инициатором составления петиции.

В декабре администрация Путиловского завода уволила четверых активных членов «Собрания». Требование принять рабочих обратно удовлетворено не было. В самом начале 1905 года началась стачка, в которой приняли участие около 150 тысяч петербургских рабочих. 8 января, накануне трагедии, Гапон отправил императору и министру внутренних дел предупреждение о предстоящей демонстрации. Более того, в послании Николаю II он писал:

«Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа. Если ты, колеблясь душою, не покажешься народу и если прольется невинная кровь, то порвется нравственная связь, которая до сих пор существует между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет. Явись же завтра с мужественным сердцем перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смирную петицию».

Теперь мы снова вернулись к событиям 9 января. Долгое время советская идеология признавала только одно мнение по поводу причин трагедии. Гапон — провокатор, работавший на охранку. Он умышленно повел народные массы под пули царских войск, с тем, чтобы запугать рабочих и приостановить развитие революционного движения. План расстрела демонстрантов был составлен 8 января великим князем Владимиром Александровичем в присутствии императора, который, чтобы избежать обвинений в инициативе такого рода, покинул Петербург. Специально для расправы с рабочими в Петербург были стянуты военные силы из близлежащих гарнизонов (общим числом до 40 тысяч человек). Большевики якобы предупреждали рабочих, что в них будут стрелять и что улучшить положение может только вооруженное восстание. Но народ еще верил в императора. Он пошел за провокатором Гапоном на заранее запланированную бойню.

На данный момент подобный взгляд на события 9 января 1905 года представляется достаточно однобоким. Во-первых, по-видимому, было преувеличено число жертв трагедии. Скорее всего, реальное число погибших было ближе к 120, а не к 1000. Во-вторых, абсолютно не доказано участие императора Николая II в решении открыть по демонстрантам огонь. Недавно, принимая решение о причислении Николая II к лику святых, Русская православная церковь провела собственное расследование, в результате которого была установлена непричастность императора к трагедии. В-третьих — далеко непонятна реальная роль Гапона в описанных событиях. Да, он действительно сотрудничал с Особым отделом Департамента полиции, но не стоит забывать, что во время демонстрации Георгий, возглавляя шествие, сам подвергся смертельной опасности. Вполне возможно, что Гапон искренне верил в Николая II и полагал, что мирное обращение народа к императору — единственный путь избежать вооруженного восстания.

В пользу подобного суждения может говорить и поведение Гапона после демонстрации. Когда Рутенберг вытащил священника из-под огня, тот в какой-то подворотне, срывая с себя шубу и рясу, кричал: «Нет больше Бога! Нет больше царя!» Непосредственно после расстрела демонстрации Гапон скрылся на квартире у Максима Горького. Но уже в тот же вечер он коротко постригся и под чужой фамилией произнес в Вольном экономическом обществе обличительную речь. В ночь на 10 февраля Гапон при участии Рутенберга составил листовку «Братья товарищи-рабочие», в которой в частности были следующие слова: «Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем!» Ну и, наконец, вот какими словами отреагировал на слухи о провокаторстве Гапона В. И. Ленин: «Нельзя… безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д., - все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания». Таким образом, можно предположить, что Гапон был не просто провокатором-осведомителем, состоящим на службе у полиции, но искренне старался улучшить положение рабочих.

Что же касается взглядов на причины трагедии, то в данный

момент бытует мнение, что толпа демонстрантов вышла из-под контроля. Согласно некоторым источникам, первые залпы, сделанные войсками, были холостыми. Толпа не подчинилась, и только тогда был открыт настоящий огонь.

Наконец, существует диаметрально противоположная советской историографии точка зрения. Согласно ей, провокация на самом деле была устроена как раз революционными элементами. Якобы еще в начале шествия отдельные группы рабочих под руководством революционеров начали сооружать баррикады. В толпе стали появляться красные флаги и плакаты «Долой самодержавие», «Да здравствует революция» и тому подобные. Из толпы доносились голоса рабочих: «Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются». По некоторым сведениям, толпа спокойно приблизилась к Зимнему и была без насилия встречена войсками, которым дали приказ применять оружие только в крайнем случае. Люди ждали встречи с государем, но тот не появлялся. В конце концов обстановка стала напряженной. Этим воспользовались революционеры-провокаторы, которые стали из толпы стрелять по солдатам. Те открыли ответный огонь.

Согласно этой же точке зрения, Гапон изначально стоял на стороне революционеров. Идя во главе шествия, он старался возбудить толпу, выкрикивая: «Если нам будет отказано, то у нас нет больше царя». Кроме того, один из знакомых Гапона описывал состоявшийся уже после «кровавого воскресенья» между ним и священником диалог. Георгию был задан вопрос: «Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событии 9 января и как часто можно было слышать суждение, что прими Государь депутацию честь честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?» Совершенно неожиданно, но искренним тоном, Гапон якобы ответил: «Убили бы в полминуты, полсекунды!» Однако непонятно, достойно ли это свидетельство доверия. Кроме того, в дальнейшем, пытаясь изобразить себя активным революционером, Гапон врал напропалую, рассказывая небылицы о своей революционной деятельности. Вполне возможно, что диалог такой и имел место, а вот намерения убить императора у демонстрантов не было.

Но попробуем проследить дальнейшую судьбу нашего героя. Вскоре после событий 9 января Гапон бежал за границу. Первое время за границей он пользовался громадной популярностью в либеральных и революционно настроенных кругах. Георгий

встречался и беседовал с видными политиками и революционерами: Жоресом, Клемансо, Кропоткиным, Лениным, Плехановым. В мае-июне 1905 года в Лондоне он надиктовал собственную автобиографию «The story of my life, by Father Gapon», за которую ему обещали крупные деньги. Также им был открыт «Фонд Гапона», в который он собирал пожертвования на организацию революционной деятельности в России.

Гапон действительно пытался вести деятельность, направленную на поддержку российских революционеров. От японского посланника (Япония, состоявшая в войне с Россией, была заинтересована в поддержании российских революционеров) он получил 50 тысяч франков. На эти деньги он закупил оружие и отправил на пароходе в Россию. Около русских берегов пароход сел на мель, и почти все оружие попало в руки полиции.

За рубежом Гапон старался наладить связи с различными партиями революционной направленности. Сперва он вступил в РСДРП, затем перешел к социалистам-революционерам. Из партии эсеров Гапон вскоре был исключен за «политическую безграмотность».

17 октября 1905 года Николаем был подписан манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Манифест объявлял о создании Государственной думы и «даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Гапон получил возможность вернуться в Россию. Он написал Витте письмо, полное раскаяния. Витте пообещал оказать содействие в восстановлении «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Вернувшись на родину, Гапон восстанавливает работу «Собрания» и продолжает вести двойную игру. Но вскоре в прессе появляются сообщения о провокаторской деятельности Гапона и его связях с Японией. Кто был инициатором этих сообщений — до конца неясно. Вполне возможно, что информация исходила от правительства и имела своей целью дискредитировать Гапона в глазах рабочих. Между тем революция продолжалась. В январе 1906 года «Собрание» было закрыто. Тогда то ли под нажимом, то ли по собственной воле Гапон принимает решение выдать заведующему политическим отделом департамента полиции Рачковскому боевую организацию эсеров. Этот шаг Гапона стал для него роковым.

В начале февраля в Москве Гапон пришел к своему бывшему спасителю Рутенбергу и предложил ему поступить на службу в полицию. По его словам, за раскрытие боевой организации

правительство обещало 100 тысяч рублей.

Рутенберг был в растерянности. Нет, у него и в мыслях не было предать своих товарищей по партии, он просто не знал, как ему теперь поступить с предателем. За консультацией он поехал в Хельсинки к Чернову, Азефу и Савинкову. Они высказались за то, что просто так Гапона убить нельзя — слишком популярной фигурой он стал в народных массах.

Было принято такое решение: Рутенберг должен был сделать вид, что согласен на предложение встретиться с Гапоном и Рачковским и убить обоих. Тогда вина предателя будет доказана автоматически. Действуя в рамках этого плана, Рутенберг постепенно «поддавался» увещеваниям Гапона, торговался из-за предлагаемой суммы и. ежедневно подробно записывал разговоры с предателем. В конце концов, на 4 марта была назначена первая встреча с Рачковским. На нее Рутенберг, из-за опасности предварительного обыска, должен был пойти без бомбы. Покушение планировалось совершить только тогда, когда мнимый предатель войдет в доверие к Рачковскому.

Первое свидание было назначено в ресторане. Рутенберг должен был спросить у лакея отдельный кабинет на фамилию Иванова. Но в ресторане сказали, что такого кабинета нет. Рачковский на встречу не пришел. Возможно, он был проинформирован кем-то об опасности или просто почувствовал неладное. Встретив Рутенберга, Гапон сказал, что произошло недоразумение и свидание состоится в ближайшее воскресенье. Тогда Рутенберг, опасаясь обмана, отказался от задуманного плана. Он решил действовать по-своему.

28 марта Рутенберг пригласил Гапона на снятую им дачу в Озерках под Петербургом. В соседней комнате заранее тайно расположились несколько рабочих, членов партии, находящихся под влиянием Гапона. Рутенбергудолго пришлось убеждать этих людей, так как они отказывались верить в предательство Гапона. Один из рабочих под видом извозчика встретил Гапона и Рутенберга на станции Озерки. Сидя на козлах, он слышал беседу своих пассажиров и убедился в предательстве.

На даче разговор продолжился. Оставшиеся рабочие имели возможность слушать его из соседней комнаты через закрытую дверь. По окончании разговора Рутенберг открыл дверь и впустил рабочих. Гапон все понял и попытался разжалобить их: «Братцы, братцы, во имя прошлого простите меня». Один из рабочих ответил на это: «Мы теперь тебе не братцы — Рачковский тебе братец». Предателя скрутили и накинули на шею веревку. Он почти не сопротивлялся и только плакал. Рабочие перекинули свободный конец веревки через крюк вешалки и затянули петлю.

Так описывал обстоятельства смерти Гапона Рутенберг. Несколько иначе интерпретирует эти события Владимир Львович Бурцев, редактор журнала «Былое», состоявший в тесных контактах с эсерами. Он в свое время разоблачил нескольких провокаторов среди революционеров (в том числе и Азефа) и впоследствии опубликовал воспоминания «В погоне за провокаторами». По данным Бурцева, на даче в Озерках Гапона убил некто Дерентaль — товарищ Савинкова.

Тело Гапона нашли только через месяц после убийства.

СТОЛЫПИН ПЕТР АРКАДИЕВИЧ (1862–1911)

Министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи с 1906 г. В 1906 г. провозгласил курс социально-политических реформ. Начал проведение столыпинской аграрной реформы. Инициатор создания военно-полевых судов. В1907 г. добился роспуска 2-й Государственной думы и провел новый избирательный закон, существенно усиливший позиции в Думе представителей правых партий. Убит Богровым — предположительно террористом-одиночкой.

Петр Аркадиевич Столыпин родился в 1862 году. Начальное образование получил в Виленской и Орловской гимназиях. В 1885 году он окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Политическая карьера Петра Аркадиевича началась со службы в министерстве земледелия. Вскоре Столыпин был назначен сначала уездным, а затем губернским предводителем дворянства в Ковно (дореволюционное название Каунаса).

В 1901 году состоялось новое назначение — губернатор Гродно, в 1903 — Саратова. На должности губернатора Саратова Столыпин проявил способность действовать решительно и твердо. Под его руководством были быстро и эффективно подавлены крестьянские волнения во время революции 1905 года. Позже по поводу деятельности Столыпина на посту губернатора Саратова было подано два запроса в Государственной думе. Первый запрос был подписан тридцатью членами «Трудовой группы» — мелкобуржуазной демократической фракции депутатов-крестьян и народнической интеллигенции. Второй запрос также был подан «трудовиками» и просил расследовать факты преследования крестьянского союза администрацией Столыпина. Эти запросы на

карьеру Петра Аркадиевича негативно не повлияли.

Благодаря быстрому и качественному пресечению революционной активности в Саратовской губернии Столыпин обратил на себя внимание высших государственных чиновников и Николая II. Как мы уже писали ранее, октябрьский манифест 1905 года утвердил создание в России Государственной думы. В апреле 1906 года, незадолго до первого созыва Думы, Сергей Юльевич

Витте был сменен на посту председателя Совета министров Иваном Логгиновичем Горемыкиным. В новом правительстве Столыпину была предложена должность министра внутренних дел.

1 июня 1906 года в Белостоке произошел еврейский погром. По этому поводу Государственной думой было проведено расследование, которое показало, что непосредственными организаторами погрома были местные власти. Несмотря на то что участие властей в подготовке погрома было очевидно, Столыпин в разговоре с иностранным корреспондентом старался выгородить виновных. В дальнейшем при Столыпине получили широчайшее распространение так называемые черносотенцы — члены ультраправых, шовинистских и антисемитских организаций: «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», «Союзы русских людей». По некоторым предположениям, именно попустительство антисемитизму стало позже если не основной, то, по крайней мере, одной из причин убийства Столыпина.

Между тем революционные события в стране продолжались. 9 июля 1906 года Государственная дума, состоявшая в основном из либералов и «левых» (из почти 500 мест в ней находилось 170 кадетов и 100 — «трудовиков»), была распущена императором «за уклонение в вопросы, не входящие в компетенцию Думы». В Петербурге ввели чрезвычайное положение, а Горемыкин был отправлен в отставку. Его место было предложено Столыпину. Таким образом, 44-летний Петр Аркадиевич Столыпин стал главою российского правительства. При этом за ним сохранялась должность министра внутренних дел.

Сразу же после вступления в должность Столыпин заявляет о своем намерении дать дорогу различным либеральным реформам. Репрессии же он, по его собственным словам, считает только временными мерами, необходимыми для наведения в государстве порядка. И действительно, создавая новый кабинет министров, Столыпин приглашал туда многих государственных и общественных деятелей, придерживающихся умеренно-либеральных взглядов. Премьер-министр хотел таким образом получить возможность управлять оппозиционными силами. Но

его переговоры с либералами закончились неудачей. По словам Столыпина, они предъявляли невозможные требования. Либералы же утверждали, что отказываются от предложения председателя Совета министров потому, что, войдя в кабинет министров, им пришлось бы придерживаться не собственных взглядов, а политической линии Столыпина, с которой они далеко не во всем были согласны.

Таким образом, в кабинете министров практически не произошло перестановок. В дальнейшем его так и называли: «кабинет разгона Думы».

12 августа 1906 года было произведено первое покушение на Столыпина. Этот террористический акт стал ответом на роспуск Государственной думы. Его организаторами был Союз социалистов-революционеров-максималистов — организация, отколовшаяся в 1906 году от эсеров. Дача Столыпина на Аптекарском острове была забросана бомбами. В результате этого покушения сам Столыпин остался невредим. Но на даче в этот момент находилось большое количество людей. 27 из них были убиты, более 30-ти, в том числе сын и дочь Петра Аркадиевича, получили ранения.

Интересно, что «традиционные» эсеры, в тот момент тоже готовившие покушение на Столыпина, выпустили прокламацию, в которой отмежевались от деятельности максималистов. Прокламация была составлена провокатором Азефом, который, скорее всего, спешил таким образом заверить свое полицейское начальство в личной непричастности к теракту. Но действия максималистов осуждал также и Михаил Гоц, член центрального комитета партии эсеров и один из основных ее идеологов. Он говорил, что, поскольку во время покушения пострадало большое число людей, не имевших к деятельности правительства никакого отношения, это может резко снизить популярность эсеров в либеральных кругах. Кроме того, Гоц считал, что само покушение было организовано плохо. На даче Столыпина часто проходили заседания Совета министров. Если бы взрывы прогремели в один из таких дней, от них было бы гораздо больше «пользы».

В правительственном сообщении от 26 августа объяснялись причины роспуска Государственной думы и намечалась будущая политика нового председателя Совета министров. Также был опубликован закон о военно-полевых судах.

Многие, скорее всего небезосновательно, считали создание последних ответом правительства на покушение 12 августа. Позднее на неоднократные требования Государственной думы отменить военно-полевые суды Столыпин отвечал:

«Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках

палача».

Перед выборами Второй Государственной думы под различными предлогами избирательных прав были лишены значительные массы рабочих и крестьян. Печать, митинги и собрания избирателей, прочие предвыборные мероприятия подвергались тщательному контролю со стороны правительства Столыпина. Более того, власти пошли дальше и объявили вне закона целый ряд партий, включая, в общем-то, относительно лояльные, например партию кадетов и партию демократических реформ. Результаты выборов были частично подтасованы. Но, тем не менее, большинство опять составили либерально настроенные и «левые» силы: 104 «трудовика», 98 кадетов, 65 социал-демократов, 37 эсеров. Основным предметом обсуждения Второй Государственной думы, как, собственно, и Первой, стал аграрный вопрос. Кадеты выступали за отчуждение помещичьих земель, правда, опасаясь роспуска Думы, делали это не так активно, как в прошлый раз. Социал-демократы настаивали на национализации земли.

В конце мая — начале июня 1907 года произошли события, позже получившие название «Третьеиюньского переворота». Деятельность Второй Государственной думы и те решения, которые она могла принять по аграрному вопросу не устраивали правительство Столыпина. В конце весны по инициативе председателя Совета министров было сфабриковано обвинение социал-демократической фракции в подготовке военного заговора. 1 июня Столыпин потребовал от Думы санкции на арест социал-демократов. Николай II, не дожидаясь ответа Думы, выпустил третьего июня указ о ее роспуске. Тем самым он нарушил манифест от 17 октября 1905 года, согласно тексту которого вопрос о роспуске Думы требует согласования с ней. Именно поэтому события 3 июня называют государственным переворотом. Роспуск Думы не вызвал серьезных волнений в обществе, уставшем за два с половиной года от революции. Третьеиюньский переворот считают окончанием революции 1905–1907 года.

Вслед за роспуском Второй Государственной думы по инициативе Столыпина в избирательное законодательство были внесены изменения, целью которых было увеличить представительство правых сил в Думе следующего созыва. 1 ноября 1907 года открыла свою работу Третья Государственная дума. Теперь в ее состав вошли: 136 октябристов, 90 националистов, 53 кадета, 51 монархист, 39 мирнообновленцев и прогрессистов, 26 депутатов от национальных групп, 19 социал-демократов, 15 беспартийных, 13 «трудовиков». Наконец-то

Столыпин добился такого состава Государственной думы, который мог поддержать запланированные им реформы.

Третья Дума продолжала свою роботу пять лет (весь отведенный ей срок), до 9 июня 1912 года. При поддержке ее большинства Столыпин смог провести аграрную реформу, названную позднее его именем. Эта реформа стала, пожалуй, самым известным деянием Петра Аркадиевича. В дальнейшем произведенные премьер-министром изменения получали самые разные оценки, в том числе и диаметрально противоположные. Понимая, что анализ эффективности «столыпинской аграрной реформы» не является предметом данной книги, все-таки считаем необходимым коротко рассказать об основных ее направлениях.

Столыпин считал общинное землевладение неэффективным. Его реформы были направлены на передачу земель в частную собственность крестьянам. Еще в 1906 году был принят закон, разрешавший крестьянам выходить из общины. Крестьяне, решившие покинуть общину, получали в личную собственность участки земли, отруба. В 1882 годув России был создан «Крестьянский Банк». В его задачи входила выдача крестьянам ссуд под залог покупаемых земель. Столыпин смог реорганизовать работу этого учреждения. С 1910 года Крестьянский банк стал скупать земли у помещиков и продавать их крестьянам мелкими участками. В рамках аграрной политики Столыпина проводилось принудительное землеустройство — на каждую крестьянскую семью выделялся определенный участок общинной земли, который переходил в частную собственность. Кроме того, Столыпин поощрял переселение крестьян из центральных районов страны в малонаселенные: Сибирь, Дальний Восток.

Своими репрессивными мерами, направленными против освободительного движения, Столыпин вызывал серьезное недовольство в либеральных кругах и в народе. Введенный по его инициативе военно-полевой суд был скор и немилосерден. В. И. Ленин называл Столыпина «лейб-вешателем». После назначения Столыпина министром внутренних дел очень быстро вошли в употребление идиомы «столыпинский вагон» — вагон для перевозки заключенных и «столыпинский галстук» — петля виселицы.

Естественно, что революционеры считали премьер-министра одним из основных своих врагов. Начиная с 1906 года боевая организация эсеров несколько раз приступала к организации его убийства. Но до покушения дело не дошло ни разу, иногда из-за технических сложностей, иногда — по политическим причинам (например, после начала работы Первой Государственной думы

центральный комитет партии эсеров принял постановление о прекращении террористической деятельности). Кроме того, до своего разоблачения в 1908 году боевой организацией командовал Азеф, а в его планы вряд ли входило реальное покушение на премьер-министра. В 1909–1911 годах за организацию убийства Столыпина взялся Савинков. Особенно активная работа в этом направлении велась зимой 1910 года. Но и в этот раз террористы не смогли найти способ организовать покушение с хорошими шансами на успех.

В конце августа — начале сентября 1911 года в Киеве должно было состоятся открытие памятника Александру II. На празднества, посвященные этому событию, прибыл Николай II и все высшие чины государства. 1 сентября в Киевском городском театре проходила опера «Сказка о царе Салтане». Во время одного из антрактов Петр Аркадиевич Столыпин был застрелен 24-летним террористом Дмитрием Григорьевичем Богровым. Для того чтобы понять, что побудило Богрова убить премьер-министра и как этот молодой человек смог добиться успеха там, где несколько раз спасовала опытная и хорошо подготовленная боевая организация эсеров, надо с ним познакомиться поближе.

Мордехай Гершкович (настоящие имя и фамилия Богрова) родился в 1887 году в семье присяжного поверенного и одновременно богатого землевладельца. Дед его, Г. И. Богров, был достаточно известным еврейским писателем. В 1905 году Дмитрий Богров (для удобства будем сразу называть его этим именем) с отличием окончил гимназию и поступил на юридический факультет Киевского университета. Старший брат Богрова, Сергей, и его жена принадлежали к фракции большевиков социал-демократической рабочей партии. Влияние Сергея на младшего брата привело к тому, что уже к окончанию гимназии Дмитрий считал себя эсером, причем симпатии отдавал максималистам.

Вскоре после начала студенческой жизни Дмитрия родители, опасаясь происходящих в стране революционных событий, отправили его учиться в Мюнхен. Но там юноша увлекся работами Кропоткина и Бакунина — ведущих теоретиков анархизма. Вернувшись в конце 1906 года из-за границы, Богров примкнул к одной из анархистских группировок. Но уже в 1907 году он по собственной инициативе стал сотрудничать с Киевским охранным отделением.

По каким причинам молодой анархист пошел на этот шаг? Этот вопрос до сих пор является предметом горячих дискуссий. Позже на суде он говорил, что разочаровался в деятельности анархических организаций, потому что «они больше

разбойничали, чем проводили в жизнь идеи анархизма», и он посчитал своим долгом предупреждать преступления. Но вполне возможно, что этим заявлением Богров просто хотел произвести хорошее впечатление на суд. В 1907 же году, войдя в контакт с начальником киевской охранки Кулябко, Дмитрий объяснял свое желание сотрудничать чисто корыстными целями. Он якобы проиграл за границей крупную сумму и хочет заработать деньги, чтобы вернуть долг. Учитывая солидное состояние отца Богрова, многие делают вывод, что деньги были только предлогом, а на самом деле молодой человек вел с охранкой двойную игру. Особенно ярым защитником такой точки зрения был Сергей Богров. Но в 1917 году открылся доступ к архивам департамента полиции. Из них стало ясно, что свои обязанности по отношению к охранке агент Аленский («рабочий» псевдоним Богрова) выполнял весьма исправно. Его имя фигурировало в материалах, связанных с арестом 102 человек. Но Сергей Богров, а вслед за ним и многие исследователи, все-таки считают, что Дмитрий старался войти в доверие к полиции, а сведения, передаваемые им охранке, были либо несущественны, либо касались лиц, деятельность которых он осуждал.

В рядах анархистов подозрения в провокаторстве Богрова появились еще в 1907 году, после ареста в Киеве многих членов подпольных организаций. Позже один из анархистов даже пытался его убить. Вполне возможно, как мы увидим позже, что именно давление со стороны анархистов вынудило Богрова пойти на убийство Столыпина.

В начале 1910 года Богров окончил университет. Отец устроил его на должность помощника секретаря в один из петербургских комитетов. Параллельно киевская охранка передала агента Аленского своим столичным коллегам. Но в Петербурге Богров не оказал местным правоохранительным органам какой-либо существенной помощи. В столице Дмитрий прожил около восьми месяцев. Затем он вернулся в Киев, где поступил на работу в адвокатскую контору одного из своих родственников.

К киевским празднованиям полиция готовилась особенно тщательно. Руководил охраной императора товарищ министра внутренних дел Курлов. С ним из столицы прибыли два помощника: вице-директор Департамента полиции Веригин и начальник охранной агентуры полковник Спиридович. На месте им оказывал содействие уже известный нам начальник Киевского охранного отделения Кулябко.

Утром 26 августа произошло событие, связь которого с последующим убийством не установлена, но вполне возможна. В

охранное отделение был доставлен вызвавший подозрение человек, который пресек попытку обыскать себя тем, что выхватил револьвер и застрелился. Позже в этот же день к Кулябко пришел «проверенный и ценный секретный сотрудник Аленский». В присутствии Спиридовича и Веригина он и рассказал следующее: год назад он якобы познакомился в Петербурге с неким Николаем Яковлевичем. Месяц назад этот человек вышел на связь с Богровым и попросил найти в Киеве квартиру для трех человек и моторную лодку. Теперь же, узнав о самоубийстве в охранном отделении, Богров заподозрил, что готовится некий теракт.

Информацию, сообщенную Богровым, передали Курлову. Тот отнесся к ней чрезвычайно серьезно. Был разработан план действий на случай появления «Николая Яковлевича» в Киеве, а за домом Богрова установили наблюдение.

31 августа Богров позвонил Кулябко. Он сказал, что ночью прибыл Николай Яковлевич и остановился у него на квартире. Наблюдение за домом велось только днем, поэтому филеры гостя не видели. Затем Богров сказал, что объектом покушения будет либо Столыпин, либо Касса, министр народного просвещения. Николай Яковлевич якобы просил Богрова достать билет на гулянья в Купеческом саду и уточнить приметы министров. Билет Богров получил и на гулянья ходил.

Ночью Богров принес домой к Кулябко следующее письменное сообщение: «У него в багаже 2 браунинга. Говорит, что приехал не один, а с девицей Ниной Александровной, которая будет у Аленского завтра между 12 и 13 часами дня. Думаю, что у девицы Нины Александровны имеется бомба. Вместе с тем Николай Яковлевич заявил, что благополучный исход их дела несомненен, намекая на таинственных высокопоставленных покровителей».

1 сентября в 10 часов утра Кулябко был с докладом у Курлова. Тот встретился со Столыпиным и попросил его соблюдать осторожность. В 11 часов к Веригину пришел Богров и сообщил, что террористы встречаются вечером на Бибиковском бульваре. Эта точка рандеву находилась недалеко от маршрута проезда в театр. На встречу должен был идти и Богров. Было оговорено, что, если террористы захотят совершить нападение по дороге в театр, Богров подаст филерам сигнал, и те арестуют группу.

Утром этого дня Николай II и сопровождающие его лица ездили на военные маневры. В 16.00 они отправились на ипподром, где до 20.00 проходили потешные маневры и скачки на императорский приз. К 21.00 почетные гости стали съезжаться в театр. Для обеспечения безопасности Столыпина его подвезли на

автомобиле к боковому входу. После того как министр был доставлен в театр, охранники облегченно вздохнули: театр был заранее тщательно обыскан, а зрители допускались только по именным билетам. Каким образом пригласительный билет получил Богров — до конца неизвестно. Сам он утверждал, что Кулябко предложил ему пойти на представление с тем, чтобы опознать террористов, если они покажутся в театре. Кулябко рассказывал, что выдал Богрову билет по его просьбе (Николай Яковлевич опять велел уточнить приметы министра, так как накануне этого не удалось сделать из-за большого наплыва людей) и с ведома генерала Курлова. Курлов же говорил, что ему не было известно о присутствии Богрова в театре.

К началу спектакля Богров, согласно билету № 406, занял свое место в 18 ряду партера. В первом антракте он, по приказу Кулябко, сбегал домой и проверил, на месте ли Николай Яковлевич (весьма странное поручение, учитывая, что дом находился под пристальным наблюдением). После этого охрана не хотела пускать Богрова в театр — его билет был уже использован. Кулябко лично провел своего агента в зал.

В первом антракте второго действия Кулябко, Курлов и его помощники устроили в фойе небольшое совещание. В это время (около 23.00) Богров подошел к Столыпину, который стоял у барьера оркестровой ямы и вел беседу. Выхватив браунинг, убийца дважды выстрелил практически в упор. Вот как описывал сам момент убийства киевский генерал-губернатор Гире:

«Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!»

Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя».

По утверждению некоторых очевидцев, Столыпин успел повернуться к императорской ложе и перекрестить ее.

Услышав выстрелы, жандармы бросились из фойе в зал. Спиридович бежал первым. Он, по его собственным словам, замахнулся на схваченного зрителями Богрова саблей. От расправы на месте Богрова спас один из жандармов: он смог отбить убийцу у разъяренной толпы. Кулябко, вбежав в зал и увидев Богрова, отдал приказ немедленно арестовать всех находящихся в его квартире. Стоит ли говорить, что никаких

террористов там не оказалось.

Одна из пуль достаточно легко ранила Столыпина в руку. Но вторая была нацелена в сердце. От моментальной смерти премьер-министра спас Владимирский крест, который отвел пулю. Но ранение все равно было очень тяжелым: пуля пробила плевру, прошла через диафрагму и попала в печень. Столыпина доставили в больницу. На следующее утро Столыпин якобы попросил принести ему зеркало, посмотрел язык, улыбнулся и сказал: «Ну, кажется, на этот раз выскочу». Но вскоре его состояние резко ухудшилось. Четыре дня врачи боролись за жизнь премьер-министра. Вечером 5 сентября Петр Аркадиевич Столыпин скончался.

Уже 9 сентября военно-окружной суд Киева судил Богрова. Судебное заседание длилось примерно пять с половиной часов. Подсудимого признали виновным в преднамеренном убийстве Столыпина и приговорили к смертной казни. В ночь с 11 на 12 сентября, около трех часов приговор был приведен в исполнение. При казни присутствовали представители черносотенцев, которые хотели убедиться в том, что приговоренного не подменили.

Мнения исследователей о том, кто был инициатором убийства Столыпина, расходятся. На этот счет есть три основные точки зрения. Согласно одной из них — Столыпин был убит по инициативе одной из террористических организаций, предположительно анархистской или эсеровской. В пользу этой точки зрения свидетельствует и самоубийство задержанного 26 августа в охранке, и еще некоторые факты. Например, многие утверждали, что у Богрова были двойник или даже двойники. Человека, похожего на Богрова как две капли воды, видели в день прибытия Николая II в Киев. Он верхом пытался выехать на маршрут императора, но был остановлен (лошади у Богрова не было). 1 сентября «Богрова» видели на ипподроме. Под видом фотографа он пытался пробраться к царской ложе. В это время реальный Богров находился дома. Известно также, что Богров давно искал связи с эсерами, для того чтобы предложить им убийство премьер-министра. Кроме того, ходили слухи о том, что электрик незадолго до убийства отогнал от рубильника подозрительного человека, а Богров будто бы, произведя выстрелы, на время растерялся, якобы ожидая, что погаснет свет.

Согласно второй версии, Богров действительно был террористом-одиночкой. При этом предполагаются различные мотивы убийства. Месть за еврейский погром 1905 года. Убийство по идейным соображениям лидера реакционеров (с тонкой и хорошо продуманной двойной игрой). Попытка красиво уйти из опостылевшей жизни двойного агента. Укоры совести и желание

оправдаться перед преданными ранее товарищами по революционной деятельности. Наконец, прямое давление со стороны бывших соратников, давших провокатору последний шанс исправиться: после смерти Столыпина Богров изменил свои первоначальные показания. Теперь он утверждал, что некий анархист под угрозой убийства даже определил срок, за который он должен доказать свою чистоту, совершив теракт (скорее всего, узнав о смерти премьер-министра, Богров таким образом надеялся добиться если не снисхождения суда, то хотя бы увеличения срока следствия).

Ну и, наконец, некоторые исследователи полагают, что убийство Столыпина было организовано самой охранкой. Нелепые до преступности действия жандармов, скорый суд и казнь Богрова, легкость, с которой он ввел в заблуждение охранку, попытка Спиридовича ударить задержанного преступника саблей, даже сам тот факт, что агент охранки со стажем пошел на убийство, — все это вызывает подозрение. Более того, некоторые считают, что в убийстве был замешан сам император, якобы недовольный реформами Столыпина и опасавшийся увеличения его политического веса за счет связей с Думой. Последнее предположение делается, в частности, на основании того, что Николай II назначил расследование действий должностных лиц, отвечавших за охрану высоких гостей Киева. Сам же Николай через некоторое время распорядился снять обвинения с Курлова, Веригина и Спиридовича. Кулябко был осужден на шестнадцать месяцев тюрьмы, но император лично сократил этот срок до четырех.

РАСПУТИН ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ (?-191б)

Выходец из сибирских крестьян, «прорицатель» и «целитель». Лечил больного гемофилией царевичаАлексея, чем приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. Убит заговорщиками.

«Алексей Николаевич, наследник цесаревич, великий князь, сын царствующего императора Николая Александровича и императрицы Александры Федоровны, родился 30 июля 1904 года. Атаман всех казачьих войск, шеф лейб-гвардии Атаманского полка, лейб-гвардии Московского полка, лейб-гвардии Финляндского полка, 51 пехотного Литовского полка, 12 Сибирского стрелкового полка, Ташкентского кадетского корпуса, 4 батареи лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады, Алексеевскою военного училища, 16 драгунского Тверского полка, 262 пехотного Сальянского полка, 1 Забайкальской казачьей батареи, лейб-гвардии конно-гренадерского полка».

Такую информацию можно почерпнуть из дореволюционных словарей. Здесь не упомянуто одно очень важное обстоятельство: единственный наследник императора Николая II страдал гемофилией — смертельным по тем временам заболеванием. Жизнь царевича находилась в постоянной опасности: любая царапина или кровотечение из носа могли привести к тому, что наследник просто истек бы кровью. Медицина того времени была бессильна. Лейб-медик императорской семьи Евгений Сергеевич Боткин (сын знаменитого врача Сергея Петровича Боткина) был одним из лучших врачей своего времени. Но что он мог противопоставить неизлечимому заболеванию? Много раз ему с большим трудом удавалось спасти наследнику жизнь. Как большинство родственников неизлечимо больных людей, родители Алексея готовы были схватиться за любую возможность,

поверить в любое чудо. И вскоре «носитель» такого чуда появился. Им стал Григорий Ефимович Распутин.

Прошлое этого человека в значительной мере покрыто тайной. Многие сведения туманны, недостоверны и противоречивы. Дело в том, что история жизни Распутина очень скоро обросла всевозможными легендами и небылицами. Поэтому среди имеющейся информации очень сложно отделить правду от вымысла. Усложняет фильтрацию информации и попытка противников Распутина, уже в бытность его императорским фаворитом, найти порочащую его информацию или сфальсифицировать правду.

Место его рождения известно: село Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии. Информация о дате рождения самая разнообразная. Из слов самого Распутина можно сделать вывод, что родился он в 1864 или в 1865 году. Но есть мнение, что Григорий умышленно завышал свой возраст. На основании различных данных предполагаются самые разные даты рождения Распутина: от 1864 до 1872 года. Пожалуй, самым точным свидетельством в этом вопросе может быть перепись жителей села Покровского за 1897 год. В ней напротив имени Григория Распутина указывается дата рождения: 10 января 1869 года. Конечно, в подобной книге могут быть и ошибки, но подтверждает эту информацию еще и то, что 10 января — день святого Григория.

Согласно целому ряду источников, первой фамилией Распутина была Новых. Когда и при каких обстоятельствах Григорий (или его отец) стал Распутиным, достоверно неизвестно. О происхождении этой фамилии тоже существуют различные мнения. Некоторые симпатизирующие Распутину исследователи предполагают, что происходит она от «распутья» или «распутицы». Эдвард Радзинский, автор большого труда «Распутин: жизнь и смерть», считает, что фамилия происходит от слова «распута» — непутевый, беспутный, безнравственный человек.

О юности Распутина и начале его «карьеры» говорили разное. Вот некоторые примеры таких сведений. Уже в детстве в мальчике якобы проснулся пророческий дар, он смог найти деревенского вора. В юности он отличался тем, что производил на окружающих впечатление своим взглядом. Распутина часто заставали с деревенскими девками, которые не могли устоять против его необъяснимого обаяния, и часто били. Повзрослев, он много пил (о своем пристрастии к спиртному в молодости Распутин сам рассказывал позже), пропивал отцовское имущество, был буен во хмелю, дрался с отцом, поворовывал, в

том числе занимался конокрадством. Из села Распутин ушел после того, как сельская община обратилась к властям с ходатайством о его выселении.

Покинув в первый раз родное село, Распутин отправился в паломничество. Он посетил Верхотурский монастырь, но в послушники не поступил. Через год Распутин вернулся в Покровское и женился на крестьянке Прасковье Федоровне.

К 1900 году в семье было уже трое детей. Семейное положение не мешало Распутину продолжать странствия. Позже он рассказывал, что пуститься в новые странствия его заставило «видение». Точные сроки и маршруты этих странствий неизвестны. По некоторым сведениям, он всегда возвращался в село, когда приходили сроки посева и сбора урожая. Согласно другим источникам, Распутин начал с большого, годичного, паломничества к горе Афон.

Многие источники, вполне достоверные, утверждают, что Распутин во время своих странствий посещал многочисленные общины секты «хлыстов» и даже путешествовал с ними. Хлысты учили, что возможно напрямую общаться со Святым Духом и что Бог воплощается в праведных сектантах, которых называли «христами» и «богородицами». Первоначально в народе для обозначения сектантов использовали их самоназвание «христы», но затем из-за практикующегося в секте обряда самобичевания название изменилось. Сами себя хлысты именовали «Божьими людьми» или «христоверцами». От церковных богослужений хлысты отказывались. Во время собственных обрядов «радений», в которых было много языческих элементов, старались войти в состояние религиозного экстаза. Хлысты также исповедовали аскетизм и подавление плотских желаний. С последними многие хлысты боролись весьма оригинально.

Во время радений, в состоянии экстаза, они предавались беспорядочным половым связям. Естественно, что секта эта была запрещенной. Для общения между общинами использовались «серафимы» или «летучие ангелы». Вполне возможно, что Распутин и был одним из таких «серафимов». Странствуя по «кораблям» — так хлысты называли свои общины, Распутин и стал впервые пророчествовать как «божий человек».

Многочисленные странствия сильно изменили Григория. Он перестал есть мясо, сладкое, бросил курить и употреблять спиртное. Через некоторое время о Распутине пошла молва как о «божьем старце». Постепенно уже к нему стали приходить люди, которым он помогал наставлениями. Вскоре открылись способности новоявленного тридцатилетнего «старца» кпророчеству и излечению больных. Вот как описывал обретение

пророческой силы сам

Распутин: «Как посетил меня Господь. накатило на меня. и начал я по морозу в одной рубахе по селу бегать и к покаянию призывать. А после грохнулся у забора, так и пролежал сутки. Очнулся. ко мне со всех сторон идут мужики. «Ты, говорят, Гриша, правду сказал. давно бы нам покаяться, а то сегодня в ночь пол села сгорело».

В Покровском Распутин находит первых приверженцев из числа односельчан, а в основном — односельчанок. Нескольких последовательниц «старец» приводит с собой из странствий. Вскоре формируется небольшая религиозная группа (или секта). Ее члены устраивают под конюшней молельню, в которой поют, читают Евангелие и слушают наставления своего учителя.

Постепенно известность «старца» растет. К немуначинает стекаться народ не только из окрестных сел, но и из крупных городов. Он наставляет, изгоняет бесов, врачует. К 1903 году к Распутину начинают ездить из самого Петербурга, в основном дамы. Тогда же официальная церковь проводит первое расследование его деятельности. Его подозревают, и скорее всего небезосновательно, в хлыстовской ереси. Но следователь, прибывший в Покровское, не нашел прямых доказательств, подтверждающих это обвинение.

В 1905 году «старец» оставляет свое село и отправляется в Петербург. В разное время Распутин по-разному описывал причины, заставившие его направиться в столицу. В своих воспоминаниях «Житие опытного странника» он писал, что пошел в Петербург просить денег на постройку в Покровском храма. Также «старец» утверждал, что у него было видение: к нему явилась Богородица, поведала о болезни царевича и велела идти в Петербург, чтобы помочь ему. Это заявление содержало в себе серьезную мистическую подоплеку: болезнь Алексея сохранялась в тайне. В стране и так было неспокойно. Информация о смертельной болезни единственного наследника престола могла вызвать волнения.

На самом деле Распутин прибыл в Петербург зимой 1905 года. При нем была рекомендация, подписанная одним из высоких религиозных сановников Казани, к епископу Сергию, ректору Петербургской духовной академии. «Старец» был принят Сергием и поселен в Александро-Невской лавре. Сергий был не чужд новым религиозным веяниям, и Распутин вызвал в нем живой интерес.

Слухи о Распутине как о пророке уже давно достигли Петербурга. Здесь он подтвердил свое реноме. Однажды на одном из обедов в присутствии большого числа людей на прямой

вопрос, каковой будет судьба 2-й Тихоокеанской эскадры во главе с вице-адмиралом Рождественским, «старец» сказал: «Чувствую сердцем, утонет» (эскадра погибла в Цусимском сражении). После этого Распутин рассказал нескольким не известным ему молодым людям о них самих: одному указал на болезнь, второму — на особенности характера, третьему предрек стать писателем.

После подобных прорицаний Распутин, с подачи некоего епископа Феофана, стал вхож в дом великого князя Петра Николаевича. «Старец» пришелся ко двору: особенно тепло к нему относились жена великого князя Черногорская принцесса Милица и ее сестра Анастасия. Сестры эти в свою очередь были довольно близки с императрицей Александрой Федоровной. Вскоре Распутин также познакомился и с братом хозяина Николаем Николаевичем.

О петербургском периоде жизни Распутина, естественно, известно гораздо больше, чем о его прошлом. И, тем не менее, обстоятельства, при которых Григорий попал в царскую семью, до конца неясны. Александра Федоровна была глубоко верующим и впечатлительным человеком. Ее доверие к разного рода прорицателям, «божьим людям» и даже оккультистам проявилось давно. Сперва императрицу заботило то, что ей не удается произвести на свет наследника: она рожала только дочерей. При дворе время от времени появлялись вышедшие из народа странники и блаженные. Одним из предшественников Распутина в семье императора стал даже откровенный аферист-француз по имени Филипп. Его нашли и привели ко двору все те же черногорские принцессы Милица и Анастасия. Несмотря на протесты других Романовых, императорская семья несколько лет находилась под влиянием Филиппа и, так же, как впоследствии Распутина, называла его в разговорах «Наш друг».

Естественно, что после появления на свет Алексея жажда чуда только усилилась — больше надеяться было не на что. Насколько доверчиво относился к подобным людям Николай II — трудно сказать. То ли в угоду супруге, то ли из собственных побуждений он часто принимал «божьих людей», участвовал вместе с супругой в беседах с ними. При этих обстоятельствах такому человеку, как Распутин, необходим был только случай.

Бедствия 1905 года и болезнь Алексея подготовили благодатную почву. Знакомство Распутина с императорской семьей организовали Милица и Анастасия. К тому времени Анастасия состояла в близких отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. Последний был одним из самых влиятельных лиц в империи. Многие полагают, что Распутин попал в императорскую семью по его инициативе. Великий князь

понимал, что «брат Георгий» (так часто называли Распутина в Петербурге) имеет все шансы стать новым приближенным Николая II и императрицы. Николай Николаевич собирался посредством Распутина влиять на государя.

Знакомство царской семьи с Григорием Распутиным произошло 1 ноября 1905 года в доме великого князя Петра Николаевича. «Брат Георгий» произвел впечатление на Александру Федоровну. Николай II отнесся к нему прохладнее. Но Распутин не торопил события. Как опытный рыбак осторожно относится к первой поклевке, так и он старался не вспугнуть крупную рыбу, царь-рыбу.

Популярность Распутина в Петербурге росла. Он продолжал пророчествовать и врачевать. В конце 1905 года «старец» предпринял поездку на родину. В 1906 году он отправил Николаю II телеграмму: «Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца. с верой, что Святой Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоем на пользу и радость твоих верноподданных сынов».

16 октября 1906 года Николай II написал Столыпину следующее письмо: «16 октября 1906 года. Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии. который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление. и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе» (дочь Столыпина была ранена во время покушения на Аптекарском острове, см. предыдущую главу). Достоверных сведений о том, что происходило во время этой первой встречи, нет. Из письма Столыпину понятно, что Распутин объявил о своем скором отъезде, то есть сделал вид, что суетный мир столицы его не интересует. Также это письмо позволяет предположить, что в ходе беседы Распутин заговорил о болезни Алексея, а скорее всего (это подтверждали позже великая княгиня Ольга и фрейлина Александры Федоровны) — впервые врачевал царевича. Скорее всего, именно поэтому, впечатленный терапевтическим эффектом Распутина, Николай II рекомендовал его Столыпину.

О Распутине-врачевателе сказано и написано много. Что лежало в основе его метода лечения — наверняка не известно никому. Да и не является этот вопрос предметом нашей книги. Тем не менее перечислить имеющиеся гипотезы нужно. К самым

популярным предположениям относится внушение, гипноз, древние сибирские методы врачевания, божественная сила, колдовство. Нас же будет интересовать только тот факт, что по многочисленным свидетельствам, лечение помогало.

После первой аудиенции царская семья стала приглашать Распутина. Некоторое время он пытался скрывать от своих покровительниц Милицы и Анастасии свои визиты к императору. Он приходил вместе с Феофаном, который к тому времени уже стал ректором Духовной академии. Черногорские принцессы, находясь в неведении, продолжали рекламировать «брата Григория» Александре Федоровне и Николаю II. Когда до них дошли сведения о том, что Распутин уже давно и достаточно регулярно посещает семейство императора, «старец» уже укрепил свои позиции, в посредниках не нуждался и вышел, таким образом, из-под контроля.

Милица решила отомстить. В 1907 году Распутин в сопровождении нескольких последовательниц едет из Петербурга в Покровское. Там он узнает, что снова начато дело об обвинении его в хлыстовской ереси. От опасности Распутина, по всей видимости, спасла одна из его последовательниц, генеральша Лохтина. Она поспешно вернулась в Петербург, а через некоторое время дело таинственным образом было прекращено. Милица и Анастасия поплатились за попытку скомпрометировать Распутина своими близкими отношениями с императрицей и потеряли всякое влияние.

Положение Распутина, между тем, сильно укрепилось. Несколько раз он останавливал кровотечения у царевича, спасая ему тем самым жизнь. В императорской семье его стали называть «Нашим другом», а он обращался к императору и императрице «Мама» и «Папа», имея в виду, что они — отец и мать России. «Старец», подобно многим придворным пророкам до него, убедил Николая II и Александру Федоровну, что наследник будет жить, пока жив он сам. Кроме того, он обещал, что с возрастом болезнь Алексея отступит.

Вскоре Распутин стал вмешиваться не только в духовную сторону придворной жизни, ноив политическую. О почти 10-летней политической деятельности Распутина можно писать очень много, поэтому мы ограничимся только общими словами. Он давал советы Николаю II, и император прислушивался, или, боясь огорчить супругу, вынужден был прислушиваться к ним. По рекомендации Распутина были произведены многие административные перестановки, в том числе и на самом высоком уровне. Вскоре Распутин стал получать от различных чиновников взятки за продвижение их по службе. Советы свои

«старец» обличал в форму предчувствий и пророчеств. Важную роль Распутин якобы сыграл во внешней политике России. По его настоянию Россия не вступила в балканскую войну 1912 года. Это на два года отодвинуло начало Первой мировой войны. Когда же война все-таки началась, «старец» часто рекомендовал императору предпринять те или иные шаги.

Влияние Распутина стало практически неограниченным. Практически все Романовы потеряли политический вес. Великий князь Николай Николаевич, например, занимая должность верховного главнокомандующего, к 1915 году сосредоточил в своих руках большую власть. Но император, не без подстрекательств со стороны Распутина, отстранил Николая Николаевича от командования. Естественно, что этот честолюбивый и властный человек не мог так просто смириться с потерей такой должности.

Первой мерой, направленной против Распутина, была массированная атака в прессе. В большинстве газет появлялись статьи о сектантском прошлом и настоящем Распутина, взяточничестве, пьяных дебошах (в последнее время Григорий вернулся к вредным привычкам молодости), разврате. Осуждалось влияние, которое он оказывал на императора, недопустимость сосредоточения власти в руках безграмотного мужика. Также активно распространялись слухи об излишней близости «старца» к императрице. Слухи эти сильно огорчали Николая II. Император понимал, что они подрывают престиж всей династии. Общество Распутина уже давно начало его тяготить, но пойти против воли супруги он не мог. Обличительная кампания не помогла. Отказаться от общения с «Нашим другом» императрица и любящая мать смертельно больного ребенка не могла.

Тогда был составлен заговор, целью которого стало убийство Распутина. Коротко познакомимся с основными действующими лицами этого убийства:

Князь Феликс Феликсович Юсупов — муж племянницы Николая II, главный организатор убийства. После революции, находясь в эмиграции, много писал в своих мемуарах о Григории Распутине и его убийстве.

Владимир Митрофанович Пуришкевич — один из активнейших лидеров черносотенских организаций «Союза русского народа» и, позже, «Союза Михаила Архангела». Депутат Второй и Четвертой Государственных дум. В своем дневнике также много писал об убийстве Распутина.

Великий князь Дмитрий Павлович — кузен Николая II. Был помолвлен со старшей дочерью императора Ольгой. В случае

смерти Алексея планировалось, что именно Дмитрий Павлович и Ольга унаследуют престол. Распутин был ярым противником этого союза и правдами и неправдами добился его расторжения.

Также к делу были привлечены поручик Сухотин и доктор Лазаверт.

Юсупов, заранее познакомившийся и подружившийся с Распутиным, пригласил его к себе. Встречу назначили в ночь с 16 на 17 декабря. По условию, поставленному Распутиным, Юсупов должен был заехать за ним и забрать его. Главной целью Распутина, по всей видимости, было познакомиться с женой Юсупова, племянницей императора и известной красавицей, поэтому князь не стал говорить своему будущему гостю, что его семейство находится в Крыму. По другим источникам, Юсупов пригласил Распутина как раз для знакомства с женой.

Вечером заговорщики собрались во дворце Юсупова. К 11 часам вечера они закончили все приготовления. В столовой на первом этаже поставили самовар, много сладостей (Распутин к тому времени отказался от идеи не есть сладкого и активно компенсировал длительное воздержание), поднос с вином и рюмками. Среди прочего на стол поставили блюдо с пирожными. Три шоколадных, три миндальных. Шоколадные начинили цианистым калием. Также планировалось перед самым прибытием гостя добавить яд в вино. Комнате придали такой вид, как будто в ней только что пила чай компания из нескольких человек.

Вместе с Лазавертом, переодетым в шофера, Юсупов отправился за Распутиным. В это время остальные участники предприятия отправились наверх и завели там граммофон. Нужно было создать впечатление, что наверху находятся гости.

Войдя в дом и услышав наверху музыку, Распутин спросил: «Что это — кутеж?» Юсупов ответил, что у жены гости, но они скоро уйдут, и предложил спуститься в столовую и выпить чаю. Сперва, к ужасу Юсупова, Распутин от чая и вина отказался. Они сидели и беседовали. Но затем Григорий чаю все-таки захотел. С чаем он начал есть сладкое. В том числе съел все отравленные пирожные. Затем Григорий согласился выпить вина (тоже с цианистым калием). Шло время, но яд не действовал. Распутин только пьянел, но никаких признаков отравления заметно не было. Он заставил князя сыграть ему на гитаре и спеть. Так продолжалось до полтретьего.

Между тем наверху заговорщики стали волноваться. Голоса становились громче. Юсупов сказал, что гости, наверное, расходятся, и пошел наверх. Он рассказал сообщникам, что яд не подействовал. Было решено застрелить Распутина. Князь взял

револьвер и пошел в столовую. Там он еще некоторое время стоя беседовал с Григорием, видимо, не решаясь выстрелить. Вот как Юсупов описывал произошедшее дальше:

«Как не заметил он своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня в руке зажат револьвер, который через мгновение будет направлен против него.

Думая об этом, я почему-то обернулся назад, и взгляд мой упал на хрустальное распятие; я встал и приблизился к нему.

— Чего ты там так долго стоишь? — спросил Распутин.

— Крест этот люблю; очень он красив, — ответил я.

— Да, хорошая вещь, должно быть, дорогая… А много ли ты за него заплатил?

Он подошел ко мне и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— А по мне, так ящик-то занятнее будет. — Ион снова раскрыл шкаф с лабиринтом и стал его рассматривать.

— Григорий Ефимович, вы бы лучше на распятие посмотрели да помолились бы перед ним.

Распутин удивленно, почти испуганно посмотрел на меня. Я прочел в его взоре новое, незнакомое мне выражение: что-то кроткое и покорное светилось в нем. Он близко подошел ко мне, не отводя своих глаз от моих, и казалось, будто он увидел в них то, чего не ожидал. Я понял, что наступил последний момент.

«Господи, дай мне сил покончить с ним!» — подумал я и медленным движением вынул револьвер из-за спины. Распутин по-прежнему стоял передо мною не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на распятие.

«Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове, — в висок или в сердце?»

Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил.

Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру».

На звук выстрела сверху прибежали сообщники. Распутин лежал на спине. Некоторое время его лицо подергивалось, затем он затих.

На случай полицейской слежки Сухотин надел шубу Распутина и Лазаверт вместе с Дмитрием Павловичем повез его в сторону дома Распутина. Затем, поменяв машину Пуришкевича на автомобиль великого князя, они должны были вернуться для того, чтобы отвезти труп к реке и утопить в проруби. Пуришкевич и Юсупов поднялись в кабинет. Через некоторое время Юсупов, согласно его воспоминаниям, почувствовал смутную тревогу. Он спустился вниз, отпер дверь в столовую и подошел к телу. Дальше опять цитата из его мемуаров:

«Тело его было неподвижно, но, прикоснувшись к нему, я убедился, что оно еще теплое.

Тогда, наклонившись над ним, я стал нащупывать пульс, биения его не чувствовалось: несомненно, Распутин был мертв.

Из раны мелкими каплями сочилась кровь, падая на гранитные плиты.

Не зная сам зачем, я вдруг схватил его за обе руки и сильно встряхнул. Тело поднялось, покачнулось в сторону и упало на прежнее место: голова безжизненно свисала набок. Постояв над ним еще некоторое время, я уже хотел уходить, как вдруг мое внимание было привлечено легким дрожанием века на левом глазу Распутина. Тогда я снова к нему приблизился и начал пристально всматриваться в его лицо: оно конвульсивно вздрагивало, все сильнее и сильнее. Вдруг его левый глаз начал приоткрываться. Спустя мгновение правое веко, также задрожав, в свою очередь приподнялось и. оба глаза, оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской злобы впились в меня.

Как в кошмаре, стоял я, прикованный к каменному полу.

И тут случилось невероятное.

Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена.

Он был ужасен. Комната огласилась диким ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы. Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем вылезли из орбит.

Оживший Распутин хриплым шепотом непрестанно повторял мое имя».

Теперь перейдем к воспоминаниям Пуришкевича:

«...вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! он убегает!». Медлить было нельзя ни одно мгновение, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой «соваж», поставил его на «огонь» и бегом спустился по лестнице. То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасной для нас действительностью: Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходившей на улицу.

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу «Феликс, Феликс, все скажу царице.» убедил меня, что это он, что это Григорий

Распутин, что он может уйти благодаря своей феноменальной живучести, что еще несколько мгновений и он очутится за вторыми железными воротами. Я бросился за ним вдогонку и выстрелил. В ночной тиши чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе — промах! Распутин наддал ходу; я выстрелил вторично на бегу — и. опять промахнулся. Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту. Стрелок, более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня неспособным уложить человека в 20 шагах. Мгновения шли. Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательнее прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногой в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами».

Только теперь заговорщикам удалось прикончить своего врага окончательно. Чем же объясняется такая сверхъестественная живучесть Распутина? На этот вопрос тоже нет однозначного ответа. Рассуждают и о заговоренности, и о божественном покровительстве. Но, скорее всего, среди его убийц просто не было профессионалов. По мнению ряда исследователей, отравление не наступило, потому что действие цианистого калия нейтрализуется сахаром (который был не только в пирожных, ноив вине). Контрольный же выстрел в голову, как это принято сейчас, никто не производил. Распутин же, обладавший недюжинной физической силой, от первого огнестрельного ранения не умер.

На звуки выстрелов пришел городовой. Юсупов сказал ему, что один из его гостей спьяну стал стрелять. Городовой ушел, но затем вернулся еще раз по приказу начальства, которое требовало подробностей. Неожиданно в разговор Юсупова и городового вмешался Пуришкевич: «Ты слышал про Распутина? Это тот самый, который губил нашу Родину, нашего царя, твоих братьев-солдат… Он немцам нас продавал. Слышал?» Городовой стоял с удивленным лицом, не понимая, чего от него хотят, и молчал. «А знаешь ли ты, кто с тобой говорит? Я — член Государственной думы Владимир Пуришкевич. Выстрелы, которые ты слыхал, убили этого самого Распутина, и, если ты любишь твою Родину и

твоего царя, ты должен молчать.» Городовой ответил: «Хорошее дело совершили. Я буду молчать; а вот коли к присяге поведут, тут делать нечего — скажу все, что знаю».

Сухотин, Лазаверт и Дмитрий Павлович завернули труп в материю, туго перевязали веревкой, погрузили в автомобиль, отвезли на Петровский остров и с моста бросили в воду. В своем непрофессионализме заговорщики были последовательны до конца. Бросая тело в прорубь, они забыли привязать к нему заранее приготовленные гири и не заметили галошу, оставшуюся на льду.

Выстрелы возле дворца Юсупова и пропажу Распутина все же связали. Городовой сразу все рассказал. Сперва Юсупов смог дать объяснение, что городовой неправильно понял слова пьяного Пуришкевича. Но через три дня по галоше был найден труп Распутина. По некоторым сведениям, в воду Григорий попал еще живым: в легких его была вода, а одну руку он смог освободить.

Вскоре убийцы были установлены. Но ввиду их положения в обществе возмездие было не строгим. Дмитрий Павлович был отправлен в Персию, Юсупов сослан в свое имение в Курской губернии, Пуришкевич вообще не понес никакого наказания.

В конце этой главы необходимо дать некоторые разъяснения. Дело в том, что практически вся дошедшая до нас информация о подробностях убийства Распутина содержится в воспоминаниях самих убийц. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что сведения эти недостоверны и являются следствием предварительного сговора.

УБИЙСТВА В ИСТОРИИ США

ЗА ЧТО УМИРАЮТ ПРЕЗИДЕНТЫ

ЛИНКОЛЬН АВРААМ (1809–1865)

16-й президент США (с 1861 по 1865 г.). Противникрабства. После победы «северян» в гражданской войне был убит фанатичным сторонником южан Бутом.

Герои романа Жюля Верна были заброшены бурей на таинственный остров. Через несколько дней вынужденного пребывания на нем эти мужественные и неунывающие люди стали давать названия бухтам, мысам и рекам случайно открытой ими земли. Сам же остров они назвали именем Авраама Линкольна. По хронологии романа это название было дано 30 марта 1865 года. Через 16 дней Авраама Линкольна не стало, о чем героям Верна суждено было узнать только через несколько лет. Таким образом, персонажи писателя-француза назвали свой остров именем еще живого американца. Чем же заслужил Авраам Линкольн такую честь?

Вот цитата из рассказа Хорхе Луиса Борхеса: «В 1515 г. отцу Бартоломе деЛас Касасу стало очень жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу V то, чему мы обязаны бесчисленными следствиями: отсюда блюзыХэнди, мифологическое величиеАвраама Линкольна, пятьсот тысяч погибших в войне между Севером и Югом, включение глагола «линчевать» в тринадцатое изданиеАкадемического словаря и многое другое». Для того, чтобы проследить путь Линкольна к «мифологическому величию», начнем, как обычно, издалека.

Вся жизнь Линкольна, если не считать ее трагического конца, является воплощением «американской мечты». Авраам Линкольн родился 12 февраля 1809 года в бедной фермерской семье

недалеко от города Ходженвилла, штат Кентукки. В школе Авраам практически не учился — семья часто переезжала, сперва в Индиану, затем — в Иллинойс. Но мальчик с ранних лет полюбил чтение. С детства ему также часто приходилось подрабатывать, чтобы помочь семье как-то выкрутиться из сложного финансового положения.

В двадцать лет Авраам покинул семью. Он совершил длительную поездку на лодке вниз по Миссисипи до Нового Орлеана, зарабатывая себе на жизнь временной работой. Во время путешествия он побывал на невольничьем рынке, впечатления от которого на всю жизнь врезались в память юноши.

В 1831 году Линкольн вернулся в Иллинойс и поселился в городе Нью-Сейлем. Здесь он сменил несколько занятий: клерк, землемер, почтмейстер. Кроме того, Авраам вступает в ополчение, набираемое для ведения войны с индейцами — его бабушка и дедушка в свое время погибли от рук индейцев. Но за время войны подразделение, в котором служил Линкольн, в боевые действия не вступало. В Нью-Сейлеме Линкольн начал свою политическую карьеру, вступив в партию вигов. За период с 1834 по 1842 год Линкольн был четыре раза избран в законодательное собрание Иллинойса от этой партии. Параллельно Линкольн самостоятельно занимается изучением юриспруденции. В 1836 году он, юрист-самоучка, получил допуск в палату адвокатов Иллинойса.

В 1837 году Линкольн переезжает в Спрингфилд, столицу Иллинойса. В 1842 году вступил в брак с Мэри Тодд. Удивительно, но невеста Линкольна, уже в те времена активного противника работорговли, происходила из семьи плантатора с юга.

С 1847 года Линкольн в нижней палате конгресса США представляет свой штат. Здесь он выступал против войны с Мексикой. Но идея этой войны была очень популярна в политических кругах Соединенных Штатов, поэтому точка зрения Линкольна стала препятствием для его карьеры. Кроме того, Линкольн во время президентских предвыборных кампаний активно поддерживал кандидатуру своего товарища по партии Закари Тейлора, который, став президентом, забыл о своем стороннике. В 1849 году Авраам возвращается в Спрингфилд и несколько лет своей жизни посвящает юридической практике. На этом поприще он быстро достиг успеха, став вскоре одним из самых популярных юристов в Иллинойсе.

В 1856 году Линкольн вступает в Республиканскую партию. В 1858 году он баллотируется в сенаторы. Речи Линкольна, которые он произносил в ходе предвыборной кампании, снискали ему

известность в стране, несмотря на то что выборы в сенат он проиграл. Уже через два года (в 1860 году) Линкольн стал президентом Соединенных Штатов Америки.

Победа на выборах Линкольна, противника рабства, послужила причиной выхода

11 южных штатов из состава США и создания ими в начале 1861 года Конфедеративных Штатов Америки. Новое государство избрало своего президента и приняло конституцию. Столицей Конфедеративных Штатов был объявлен Ричмонд. Свою инаугурационную речь Линкольн построил очень осторожно. Попытку отделения южных штатов он назвал анархией, но старался продемонстрировать лояльность. В частности он заверял, впрочем, как и во время предвыборной кампании, что не собирается настаивать на отмене рабства в штатах, где оно уже существует, а собирается лишь препятствовать его проникновению на новые территории.

12 апреля 1861 года начались первые боевые действия будущей Гражданской войны. Поводом к ним был отказ Линкольна уступить требованиям конфедератов и отдать им находящийся на их территории форт Самтер. В ответ на этот отказ войска Конфедерации атаковали форт и захватили его. Вообще южане были лучше подготовлены к войне. Узнав о результатах выборов, они, еще до вступления Линкольна в должность, успели сделать солидные военные запасы на территории своих штатов. Южане располагали хорошо подготовленной регулярной армией, которой руководил талантливый и опытный полководец — генерал Роберт Эдуард Ли. Кроме того, на их сторону переходили многие офицеры федеральной армии.

Первоначально Линкольн не предполагал резких шагов по отношению к рабовладению, понимая, что жесткая позиция в этом вопросе вызовет протест белого населения южных штатов, он собирался в качестве первого шага на пути к освобождению рабов пресечь распространение рабовладения на новых, еще не освоенных территориях. Затем он предполагал произвести освобождение рабов на основании компенсаций, выплачиваемых их владельцам. Но попытка отделения южных штатов привела к резким ответным действиям со стороны президента. В мае 1862 года он подписывает так называемый гомстед-акт (гомстед — от английского homestead — усадьба, участок). Согласно этому документу, каждому гражданину страны предоставлялось право за небольшой сбор получить в свое распоряжение участок земли. За счет этого поощрялся фермерский способ ведения хозяйства, который теперь мог составить серьезную конкуренцию

плантаторству.

Но главной идеей войны, которую вел Линкольн, было не освобождение рабов, а сохранение целостности государства. Вот как он сам высказывался по этому поводу:

«Моей высшей целью в этой борьбе является сохранение союза, а не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я смог спасти союз, не освободив ни одного единственного раба, я бы сделал это, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы сделал это, и если бы мог спасти его, освободив одних рабов, а других не освободив, я бы сделал это. Что я предпринимаю в вопросе рабства и для цветной расы, я делаю потому, что верю: это поможет сохранить союз. Этим я объяснил здесь мое намерение, которое рассматриваю как официальный долг. И не намерен изменять мое часто высказываемое личное желание, что все люди везде должны быть свободны».

Начало войны складывалось для северян крайне неудачно. Их силы не были подготовлены и оснащены должным образом. Но к весне 1862 года положение выровнялось, и военные действия протекали с переменным успехом. 22 сентября 1862 года только после того, как войска южан были вынуждены несколько отступить, Линкольн объявляет, что с начала следующего года все рабы, находящиеся на территории «мятежников», становятся свободными людьми. Такая формулировка должна была обеспечить северянам поддержку среди белого населения пограничных штатов. Эта же формулировка часто вызывала и вызывает осуждение со стороны современников и потомков Линкольна. Но, как видно из его же слов, свои приоритеты Авраам никогда не скрывал. Поэтому обвинение в манипулировании свободой миллионов людей для достижения политических и военных успехов собственно обвинением не является. В любом случае, теперь целью войны провозглашалось не единство государства, а освобождение рабов.

30 декабря 1862 года Линкольн подписал «Прокламацию об освобождении». После этого было принято решение объявить набор освобожденных негров в армию. В 1863 году северяне, для которых до этого времени военные действия складывались не очень удачно, смогли одержать три значительные победы. Первая — в сражении при Геттисберге, вторая при Виксберге, третья (ближе к концу года) — под Чаттанугой. Эти сражения ознаменовали перелом в ходе войны.

В 1863–1864 годах Линкольн начал испытывать сильное давление со стороны оппозиции, которую составляли демократы. Они требовали мирных переговоров с конфедератами. Особое недовольство вызвала введенная в марте 1863 года воинская

обязанность. Во многих городах волнения переходили в уличные беспорядки. Кое-где для их прекращения пришлось прибегнуть к оружию. Популярность президента падала, несмотря на успехи в войне.

В марте 1864 года Линкольн назначил верховным главнокомандующим армии северян генерала Улисса Симпсона Гранта. Грант смог скоординировать действие войск и организовать широкомасштабное наступление.

Между тем 1864 год был годом президентских выборов. Об уверенности в переизбрании Линкольна на второй срок не было и речи. Оппозиция набирала силу. Народ устал от войны. Но позиции президента стали гораздо прочнее после того, как 2 сентября войска северян под командованием генерала Шермана заняли Атланту. Такая серьезная победа привела к новому всплеску патриотизма в рядах северян. Идеи демократов о мирных переговорах, пропагандируемые демократами, утратили популярность. Авраам Линкольн был переизбран на второй срок.

В начале своего второго президентского срока Линкольн представил на рассмотрение конгресса 13-ю поправку к конституции США, которая запрещала рабство на всей территории страны. 31 января конгресс принял эту поправку необходимым большинством в две трети голосов.

3 февраля была осуществлена попытка проведения мирных переговоров, но конфедераты заняли неприемлемую для северян позицию, и переговоры были сорваны. Северяне продолжали уверенно развивать военные успехи. К началу весны 1865 года их победа в войне уже не вызывала сомнений. В своей инаугурационной речи президент говорил о всепрощении и объединении общих усилий граждан северных и южных штатов во благо нации. 2 апреля войска генерала Ли были вынуждены оставить столицу Конфедерации Ричмонд. 9 апреля в Вирджинии остатки войск южан под предводительством генерала Ли капитулировали. Таким образом, Авраам Линкольн достиг своих основных политических целей: отмены рабства и восстановления единства Соединенных Штатов Америки. Жить ему оставалось пять дней.

14 апреля президент, как обычно, приступил к работе. С утра он разбирал почту, затем принимал участие в совещании. На нем присутствовал и Улисс Грант. Линкольн пригласил генерала и его супругу посетить вечером комедию «Наша американская кузина» в театре Форда. Президент и его супруга собирались посмотреть на игру знаменитой в те времена актрисы Лауры Кин. Но на вечер у Гранта была запланирована встреча с сыновьями в Нью-Джерси, поэтому он был вынужден отказаться от посещения театра.

Вполне возможно, что присутствие в театре генерала и его военной охраны спасло бы президента. С другой стороны, сам Грант мог бы стать жертвой покушения.

Актерам театра заранее сообщили, что на представлении будут присутствовать президент и другие высокие гости. Узнал об этом и один из актеров театра Джон Бут. Места в президентской ложе, предназначенные чете Грант, заняли майор Рэтбоун и его невеста Клара Харри.

В половине десятого Бут прибыл в театр. Убийца был одет в черный костюм и загримирован. В карманах его лежало два револьвера, на поясе висел нож. Позже одна из актрис, знавших Бута, говорила, что встретила его в фойе. Ее поразило дикое выражение глаз будущего убийцы.

Охрана президента была организована из рук вон плохо. По некоторым сведениям, Линкольн обращался к военному министерству с просьбой обеспечить охрану, но по каким-то причинам просьба эта выполнена не была. Вход в президентскую ложу охранял всего один полицейский. В определенный момент полицейский оставил свой пост. Многие утверждают, что он пошел в бар с целью выпить. За действиями этого бдительного охранника следил Бут. В начале одиннадцатого, воспользовавшись отсутствием полицейского, Бут вошел в президентскую ложу и, подойдя к Линкольну сзади, выстрелил в упор. Майор Рэтбоун бросился к убийце. Бут бросил пистолет, выхватил нож, ударил им противника и выпрыгнул через барьер ложи на сцену. Падая, он, по одним источникам, зацепился шпорой за флаг, висящий под барьером, по другим — запутался в занавеси. Точно известно, что при падении Бут повредил (сломал или вывихнул) себе ногу. По одним свидетельствам, выстрелив в президента, Бут крикнул: «Смерть тиранам!», по другим — он кричал это уже со сцены.

Тем не менее Бут, воспользовавшись всеобщей растерянностью, вскочил и смог укрыться за кулисами — здание театра он прекрасно знал. Добравшись до запасного выхода, убийца вскочил на заранее приготовленную лошадь и ускакал.

Кем же был этот удачливый преступник? Его полное имя — Джон Уилкс Бут. Родился он в достаточно известной театральной семье. Его старший брат Эдвин достиг широкой известности как популяризатор Шекспира в Соединенных Штатах Америки. Сам Джон Бут тоже пользовался популярностью среди любителей театра. Молодой актер был расистом и сторонником южан. Во время Гражданской войны Бут, пользуясь своей театральной популярностью, пропагандировал их идеи.

Естественно, Бут подготовил и осуществил убийство

президента не сам. По некоторым сведениям, когда военное положение южан было уже безнадежно, Бут с несколькими сообщниками планировал похищение президента Линкольна. Заговорщики собирались доставить президента в Ричмонд, с тем чтобы конфедераты использовали его в качестве заложника при ведении переговоров с северянами. С этой целью даже была организована засада на одной из загородных дорог, по которой должен был проезжать президент. Но Линкольн изменил свои планы на этот день и попытка похищения не состоялась. После того как 9 апреля войска южан капитулировали, заговорщики стали искать возможность отомстить главному виновнику поражения их единомышленников.

Предстоящее посещение президентом театра Форда было очень хорошей возможностью для осуществления их планов. На 14 апреля было намечено не одно, а три убийства. Бут и его сообщники собирались одним ударом покончить с Линкольном и двумя его ближайшими соратниками: вице-президентом Эндрю Джонсоном и госсекретарем Уильямом Сьюардом. Также, по некоторым сведениям, в качестве задачи-максимум Буту было поставлено еще и убийство генерала Гранта, которого от опасности, как мы писали выше, спасли семейные обстоятельства.

Утром 14 апреля Джон Бут и его товарищи Сэм Арнольд, Джордж Ацерот, Дэвид Хэрольд и Льюис Пейн собрались в пансионе некоей Мэри Сарротт. Роли были распределены следующим образом: Бут должен был вечером в театре застрелить президента, Ацерот — вице-президента Джонсона, Хэрольд и Пейн — госсекретаря Сьюарда. В процессе обсуждения Арнольд от участия в покушениях отказался.

Как мы уже знаем, Бут со своей задачей справился. У Ацерота не хватило решительности пойти на убийство. Для того чтобы обеспечить себе алиби, он весь вечер пьянствовал в одном питейном заведении. Льюис Пейн смог проникнуть в дом Сьюарда и нанести госсекретарю ножевое ранение, оказавшееся, впрочем, не смертельным.

Почти благополучно выбравшись из театра, Бут встретился с Хэрольдом, и они вместе отправились в Мэриленд. Там они несколько дней жили у знакомого врача Сэмуэля Мадда, который лечил Буту ногу. Затем Хэрольд и Бут попытались пробраться в Вирджинию, с тем чтобы укрыться там у знакомых конфедератов. На одиннадцатый день после убийства в театре Форда беглецов настигли преследователи. Хэрольд и Бут укрылись на табачной ферме, в амбаре для хранения табака. Сдаться преступники отказались. Тогда солдаты подожгли амбар. Через некоторое время из него, подняв руки, вышел Хэрольд. Бут, согласно одним

источникам, застрелился, а согласно другим — был убит. К обстоятельствам его смерти мы еще вернемся.

Люди, так или иначе связанные с заговорщиками, были привлечены к суду. Многие иследователи и современники убийства считают, что суд был излишне строг и несправедлив. Хэрольд, Пейн, Ацерот и. Мэри Сарротт были приговорены к смертной казни. Что касается Мэри Сарротт — владелицы пансиона, где собирались заговорщики, то многие полагают, что она не только не принимала непосредственного участия в заговоре, но могла даже не знать о нем. Об этом и на суде, и перед казнью говорил Пейн. Арнольд и Мадд были осуждены на пожизненные каторжные работы. О причастности доктора Мадда к заговору тоже до сих пор спорят исследователи. Некоторые считают, что он был просто врачом, исполнявшим свой профессиональный долг. За содействие убийце к шести годам заключения приговорили Эдварда Спенглера, рабочего сцены театра Форда.

По некоторым сведениям, перед покушением Джон Бут поручил одному из своих знакомых передать в редакцию газеты письмо, в котором были изложены высокие мотивы убийства президента. Но знакомый вскрыл письмо и, испугавшись, что его обвинят в соучастии, уничтожил.

Как и во всех политических убийствах, не обошлось без загадок и сенсационных предположений. Помимо «официальной» версии, по которой убийство совершила самостоятельная группа фанатиков, существует еще несколько. Согласно одной из них, за убийство Буту и его сообщникам заплатили финансовые воротилы, которым Линкольн в чем-то перешел дорогу. Согласно другой, гораздо более основательной и разработанной, главным организатором убийства стал государственный секретарь по делам обороны Эдвин Стэнтон. В пользу этого предположения говорят некоторые факты. Во-первых, охрана президента не была обеспечена должным образом. Во-вторых, убийца смог выбраться из театра.

Но, пожалуй, самым большим числом сплетен, слухов и догадок обросли обстоятельства смерти Бута. Задержание преступников осуществлялось под руководством подполковника Конджера и лейтенанта Бейкера. Когда амбар, в котором укрылись беглецы, подожгли, первым, как мы уже писали, вышел Хэрольд. Через некоторое время в просвете двери показалась прихрамывающая фигура Бута. В это время раздался выстрел. Трудно предположить, что, для того чтобы покончить с собой, Бут стал выходить наружу. Гораздо более обоснованным выглядит предположение, что его застрелил кто-то из солдат. Объясняли,

что такой выстрел, возможно, был сделан каким-то солдатом, у которого сдали нервы. Но сторонники причастности к убийству Линкольна Эдвина Стэнтона считают, что Бута намеренно застрелил Конджер. Это суждение частично подтверждается следующим фактом: Эдвин Стэнтон отдал официальное распоряжение захватить Бута живым. Как мы видим, этот приказ выполнен не был. Тем не менее подполковник Конджер и лейтенант Бейкер получили солидные денежные вознаграждения. Возможно, что им был отдан другой, тайный, приказ.

Джона Бута никто не допрашивал, хотя после таинственного выстрела он прожил еще более трех часов и находился в сознании. Кроме того, Джон Бут вел дневник. После событий на ферме, этот дневник попал в руки Конджера. Когда же, по требованию властей, дневник был передан следствию, в нем не хватало 18 страниц. Конечно, возможно, Бут сам уничтожил эти страницы, чтобы не выдать каких-то соучастников.

Наконец есть версия о том, что на ферме в Вирджинии был убит не Джон Бут, а какой-то оставшийся неизвестным его сторонник. В 1903 году в штате Оклахома покончил, собой Дэвид Джорж. Одна из его знакомых утверждала, что на самом деле под именем Дэвида Джоржа скрывался Бут. Но каких-либо доказательств ни у нее, ни у еще одного подтвердившего эту информацию свидетеля не было.

После выстрела Бута смертельно раненного Линкольна перенесли в один из соседних домов. Врачи были бессильны спасти президента. Ближе к утру Авраам Линкольн умер. Похоронен президент в Спрингфилде, городе, где началась его политическая карьера. По дороге похоронная процессия прошла через многие города и штаты США. Американцы хранят память об Аврааме Линкольне. В его честь назван город в штате Небраска. В 1917 году основана «Lincoln Motor Company», выпускающая знаменитые «линкольны» — автомобили класса люкс. В 1922 году в Вашингтоне, на берегу Потомака был открыт мемориал памяти Авраама Линкольна. В нем находится шестиметровая статуя, изображающая сидящего в задумчивости президента. В наше время театр Форда и дом, в котором умер Линкольн, стали музеями. В них восстановлена обстановка 1865 года. Но самым популярным и распространенным «памятником» Аврааму Линкольну является пятидолларовая купюра.

КЕННЕДИ ДЖОН ФИТЦДЖЕРАЛЬД

35-й президент США от Демократической партии. Убит в Далласе. Организаторы покушения не установлены.

Джон Фитцджеральд Кеннеди вступил в должность президента США 20 января 1961 года. Он стал 35-м президентом Соединенных Штатов в 43 года. Его общительность, открытость и улыбчивость буквально покорили американцев. Созданию положительного имиджа президента также в немалой степени способствовала его жена, красавица Жаклин. Поэтому всеобщим шоком для Америки стала та трагедия, которая произошла 22 ноября 1963 года в Далласе.

Необходимость поездки в Даллас была обусловлена тем расколом, который произошел в то время в рядах демократической партии в Техасе. Губернатор штата Джон Коннэли настойчиво убеждал президента срочно прибыть в Техас и способствовать примирению сторон. Коннэли мотивировал это тем, что раскол среди демократов может крайне негативно сказаться на шансах Кеннеди быть переизбранным на второй президентский срок спустя год, осенью 1964-го. Кеннеди в конце концов согласился с необходимостью поездки в Техас, хотя особой радости по этому поводу не испытывал. Дело в том, что техасские нефтяные магнаты были недовольны затеянными Кеннеди реформами в налоговой сфере и поэтому развернули против него в подконтрольных им газетах и на телевидении настоящую травлю. Президентская служба безопасности также рекомендовала президенту отложить этот визит. Известен факт, что один из руководителей демократической партии в Техасе Скелтон в официальном письме на имя министра юстиции США предупреждал о серьезной опасности, которая может угрожать президенту во время предстоящей поездки в Даллас.

В то время Даллас был одним из наиболее криминализованных городов в Соединенных Штатах. Вообще, Техас занимал первое место среди штатов по числу убийств, почти три четверти из которых совершались с использованием

огнестрельного оружия. Кроме того, во время избирательной кампании Кеннеди в Далласе толпа набросилась на кандидата в вице-президенты Линдона Джонсона, а всего за месяц до поездки Кеннеди, 24 октября 1963 года, в Далласе подвергся нападению представитель США при Организации Объединенных Наций Э.Стивенсон.

И все-таки президент Кеннеди принял решение не отменять визит. Возможно, он решил просто не давать поводов для своим оппонентам для упреков в трусости. Да и действительно, вряд ли можно было ожидать покушения на жизнь Кеннеди. Скорее всего, под возможными инцидентами в Далласе все понимали антипрезидентские пикеты и демонстрации или, в крайнем случае, попытки забросать Кеннеди тухлыми яйцами.

За четыре дня до грядущего визита президента в Даллас приехал Уинстон Лоусон, агент секретной службы при Белом доме. Вместе с начальником полиции Далласа Кэрри и главой секретной службы Далласа Соррелзом Лоусон проехал по тому маршруту, по которому спустя несколько дней должен был проехать президент и его кортеж. Однако, несмотря на замеченные пробелы в безопасности маршрута, никаких мер предпринято не было. Возможно, опытные полицейские понадеялись, что ничего серьезного не случится, а возможно, просто осознавали невозможность существенного усиления мер безопасности за оставшиеся дни.

По пути в Даллас президент посетил Сан-Антонио, Хьюстон и Форт-Уорт. Как потом выяснилось, в последнем пункте визита перед Далласом, Форт-Уорте, сразу несколько сотрудников службы охраны президента без ведома своего начальника Роя Коллермана, развлекались всю ночь в городе. Периодически к ним присоединялись еще трое агентов, которые в ту ночь должны были охранять гостиничный номер президентской семьи!

22 ноября 1963 года, в 11.35 президентский самолет приземлился в аэропорту Далласа. Город к тому времени был полон полицейских. Начальник полиции Кэрри отменил все увольнительные и отпуска, и под его началом было собрано более семисот полицейских и сотрудников прочих ведомств по поддержанию законности. Вероятно, это были самые серьезные меры безопасности за всю историю города.

Президентский кортеж следовал по городу в таком порядке: возглавлял его белый «форд», за рулем которого сидел начальник полиции Кэрри. В машине находились агентЛоусон, шериф Декер и Соррелз. За «фордом» следовали трое мотоциклистов, за ними на расстоянии шести автомобильных корпусов двигались остальные машины кортежа.

Следующей шла открытая машина президента. Глава службы охраны Коллерман сидел впереди, рядом с шофером Гриром. Губернатор Коннэли с женой находился на откидных местах, а президентская чета располагалась на заднем сиденье. По два мотоциклиста следовали слева и справа от президентской машины. За ней в лимузине на расстоянии двух с половиной корпусов ехали основные силы охраны. За рулем лимузина — агент Кинни, рядом с ним — Робертс, «командир» лимузина. На левой подножке стояли агенты Хилл и Макинтайр, на правой — Риди и Лэндис. На задних сиденьях сидело еще четверо агентов — Пауэрс, О'Доннелл, Хикки и Беннет.

Таким образом, в одной машине с президентом находился лишь глава его службы охраны. Более того, Кеннеди даже отказался надеть бронежилет, равно как и не допустил, чтобы двое охранников стояли в машине сзади него. Он считал, что все это «отрежет его от народа».

Президентский кортеж стартовал из аэропорта в 11.55. По всему маршруту его движения президента встречали толпы людей, которые радостно приветствовали Кеннеди. Также приветствовали его и из открытых окон домов, расположенных вдоль пути президентского кортежа. В 12.30 кортеж выехал на Элм-стрит, хотя существовал более безопасный путь по Мэйн-стрит. Кортеж направлялся в Торговый центр Далласа, где должен был состояться торжественный обед. Процессия миновала здание Дал-Текса и кирпичный фасад здания склада школьных учебников. В это время прозвучал первый выстрел.

Пуля попала в шею Кеннеди, пробила ее, а затем прошла навылет и через губернатора Коннэли, ранив того в спину, грудь, правую кисть и левое бедро. Президент наклонился вперед и схватился руками за горло. Никто из находившихся рядом с президентом не понял, что произошло. Лишь один из агентов, ехавших в лимузине сзади, Хилл, увидев, как президент дернулся вперед, спрыгнул с подножки и бросился к автомобилю президента. Однако помочь он не успел — через 5 секунд раздался второй выстрел, и пуля пробила голову президента Кеннеди.

Лишь теперь всем стало ясно, что на президента было совершено покушение. Жаклин Кеннеди бросилась к мужу, пытаясь поддержать его голову. Водитель лимузина охраны, увидев, как пуля сносит затылок президента, резко нажал на педаль скорости и едва не задавил агента Хилла, который в это время пытался взобраться в президентский автомобиль. Помогла ему в этом Жаклин Кеннеди, протянув руку. «Линкольн» президента взял курс на Парклендский госпиталь. Однако помочь

президенту было невозможно, ив 13 часов врачи госпиталя констатировали смерть Джона Кеннеди.

Согласно официальной версии, сформулированной в результате расследования убийства, проведенного специально созданной комиссией Уоррена, в Кеннеди стрелял убийца-одиночка Ли Харви Освальд. Он родился в 1939 году в Новом Орлеане. В молодости Освальд увлекся марксизмом и даже пытался вступить в коммунистическую партию США. После службы в армии Освальд выехал в Европу. Конечной целью его поездки была Москва, куда он и попал транзитом через Хельсинки 16 октября 1959 года. В Москве Освальд обращается к советским властям с просьбой о предоставлении ему советского гражданства. Получив отказ, он предпринимает попытку самоубийства, затем заявляет об отказе от американского гражданства, обвинив США в империализме.

Странного американца было решено удалить из столицы, и в 1960 году Освальд переезжает в Минск. Там он устраивается на работу на радиозавод и знакомится с Мариной Прусаковой, на которой вскоре женится. В 1962 году уних рождается дочь, которую они назвали на американский манер — Джун. Уже тогда Освальд начинает пересматривать свое отношение к Советскому Союзу, разочаровываясь в окружающей его действительности. Летом 1962 года семья Освальд возвращается в США. Жизнь там оказалась столь же нелегкой, какой она была и в СССР. Ли и Марина часто ссорились, Марина писала об этом в письмах своему бывшему возлюбленному в Советский Союз. Этот бывший возлюбленный, Анатолий, был внешне похож на президента Джона Кеннеди, и возможно, именно в ревности кроется разгадка совершенного Освальдом преступления.

Для того, чтобы придать себе больший авторитет в глазах жены, Освальд зимой 1963 года купил по поддельным документам карабин с оптическим прицелом. После этого он часто исчезал из дома, прихватывая с собой оружие. В апреле 1963 года в Техасе произошло покушение на лидера местных фашистов генерала Уокера, однако пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от его головы. Стрелявшего не нашли, но позднее многие стали связывать это преступление с личностью Ли Харви Освальда.

В это же время Освальд становится активным сторонником коммунистической Кубы, на собственные деньги печатает и распространяет листовки в поддержку коммунистического режима Фиделя Кастро. ФБР заводит на него дело как на коммуниста.

В сентябре 1963 года Освальд выезжает в Мексику, где

обращается в Советское посольство с просьбой вернуть его с семьей назад в Советский Союз, так как его преследуют американские власти. Вице-консул Нечипоренко, с которым разговаривал Освальд, ответил ему отказом, заявив, что возвращение в Союз нужно заслужить. Освальд устроил истерику, крича, что отказ приведет к огромной трагедии. Там же, в Мексике, Освальд пытался добиться убежища в кубинском посольстве, но и там встретил отказ.

Все эти факты были прекрасно известны американским властям. Однако, несмотря на все это, а так же на то, что Освальд работал на складе школьных учебников, вблизи которого проходил маршрут президентского кортежа, он не был взят под наблюдение накануне визита Кеннеди в Даллас.

22 ноября Освальд, как обычно, пришел утром на работу. С собой он принес пакет, в котором лежала разобранная винтовка. Никакого досмотра сотрудников склада не проводилось, не было в здании, вдоль которого через несколько часов должен был проехать президент, и работников полиции. На шестом этаже склада, где тогда проходил ремонт, южные окна были заставлены ящиками с книгами. Среди этих ящиков и устроился Освальд, поджидая президентский кортеж.

Выстрелив в президента США, Освальд спокойно положил винтовку на пол и вышел из здания склада через главный вход. Через несколько минут он сел в автобус и проехал в нем несколько остановок. Далее Освальд вышел из автобуса и поймал такси. Не доезжая до своего дома, он остановил такси, расплатился, и остаток пути домой прошел пешком. Дома он взял пистолет и снова вышел на улицу. В 13.15 на 10-й авеню возле аптеки Освальда остановил полицейский, которому тот показался подозрительным. Не долго думая, Освальд выстрелил в полицейского, после чего бросился бежать и укрылся в кинотеатре, расположенном неподалеку. Там его и арестовали через несколько минут.

Такова официальная версия событий этого дня.

Уже на следующий день утром Освальду было предъявлено обвинение в убийстве президента США Джона Кеннеди. На первых же допросах выяснилось, что в сентябре 1962 года Освальд был завербован как секретный сотрудник ФБР и ЦРУ.

24 октября в полдень Освальда вывели из камеры, чтобы перевезти в окружную тюрьму. Полицейские вели его по коридору, в котором находились посторонние лица, в том числе и журналисты. Работали телекамеры, ведь вся Америка хотела увидеть убийцу президента страны. Внезапно из толпы выскочил мужчина и с криком «Ты убил нашего президента, крыса!»

выстрелил в Освальда. Пуля попала в живот, были пробиты печень и селезенка, задета аорта. Раненого Освальда тут же унесли в служебное помещение тюрьмы, где ему начали делать искусственное дыхание. Видимо, это его окончательно погубило, т. к. давление на внутренние органы лишь усилило кровотечение. Освальд был доставлен в Парклендский госпиталь, где умер на операционном столе.

Человеком, застрелившим убийцу президента США, был Джек Рубинштейн по прозвищу Руби. ФБР он был давно известен как наркоман и гомосексуалист, а также как человек, связанный с мафией и с кубинскими эмигрантами. На следствии он объяснял свой поступок одним лишь желанием отомстить за убитого президента США.

Весьма примечательным фактом является то, что в декабре 1966 года, отбывая заключение за убийство Освальда, Руби заболел и был помещен в тот же Парклендский госпиталь, где до этого умерли Джон Кеннеди и Ли Харви Освальд. Умер в этом госпитале и Руби, 3 января 1967 года, по заключению врачей, от рака.

Незадолго до смерти Руби с ним в тюрьме встретилась Дороти Колганен, известная телевизионная журналистка. После встречи она заявила, что ей стали известны некие сенсационные данные, о которых она вскоре проинформирует общественность. Однако, не успев сдержать свое обещание, Дороти погибла. Смерть ее странным образом совпала с массовым отключением света в Манхеттэне. Этот факт еще более укрепил в своем мнении тех, кто считал официальную версию убийства Кеннеди несостоятельной и был убежден, что президент пал жертвой невероятного по своим масштабам заговора.

25 ноября в Вашингтоне прошли похороны президента Джона Кеннеди. На них присутствовали 8 глав государств, 10 премьер-министров, а также значительное число коронованных особ мира — по тем временам это было беспрецедентно. Все прилетевшие на похороны захватили с собой усиленную охрану — естественно, о доверии к секретной службе США после того как она позволила убить собственного президента, речи быть не могло. Меры предосторожности были не напрасны — спецслужбы многих стран получили сообщения о готовящихся покушениях в ходе похорон. Среди возможных жертв фигурировали вступивший в должность президента США Линдон Джонсон, бывший при Кеннеди вицепрезидентом, представитель Советского Союза Анастас Микоян, брат убитого президента Роберт Кеннеди, а также президент Франции Шарль де Голль. Об опасности для жизни французского лидера свидетельствовало сразу несколько

сообщений различных спецслужб. Однако, несмотря на тревожные ожидания, похороны прошли без эксцессов, ив 15.34 Джон Кеннеди был похоронен на Арлингтонском национальном кладбище.

Расследованием гибели президента занималась специальная комиссия, возглавленная сенатором Уорреном. Вывод этой комиссии, как уже отмечалось выше, был однозначен — в президента Кеннеди стрелял убийца-одиночка Ли Харви Освальд.

Однако многие противоречия в выводах комиссии, а также дополнительные факты, не учтенные в ее работе, дали основание многочисленным исследователям, журналистам и политикам подвергнуть сомнению результаты ее работы. Большинство скептиков, соглашаясь с непосредственной виной Освальда, утверждали, тем не менее, что действовал он не один, либо выполнял чье-то указание. Были и такие, кто вообще считал Освальда жертвой обстоятельств, абсолютно непричастной к покушению на президента.

В Советском Союзе, в баллистической лаборатории экспертнокриминалистического управления ГУВД Москвы было проведено уникальное исследование, касающееся убийства Джона Кеннеди. Основываясь на фотоснимках винтовки, пуль, гильз, огнестрельных ранений на теле президента, а также повреждениях на его одежде и на одежде губернатора Коннэли, старший эксперт лаборатории сделал однозначный вывод относительно того, откуда был произведен смертельный выстрел. По его утверждению, выстрел был произведен сзади сверху и справа, что полностью соответствовало официальной версии и противоречило утверждениям сторонников «теории заговора». По мнению последних, второй, смертельный для Кеннеди выстрел был произведен спереди, а значит, в убийстве участвовало как минимум двое.

Многие исследователи заявляли, что раны на теле Кеннеди, свидетельствовавшие о том, что выстрел был произведен сзади, были нанесены уже после его смерти. Однако патологоанатомы Хьюмс и Босуэлл, проводившие вскрытие тела Кеннеди, категорически опровергли это. Правда, сделали они это достаточно поздно, а именно в 1992 году.

Комиссия Уоррена заявила, что губернатор Коннэли был ранен первой пулей, той же, что пробила горло президента. Однако, основываясь на анализе кинозаписи покушения, некоторые исследователи утверждали, что Коннэли был ранен спустя 1,6 секунды после Кеннеди. Это не укладывается в версию об убийце-одиночке, так как карабин Освальда мог стрелять лишь с интервалом в 2–3 секунды, а значит, убийц было по меньшей

мере двое.

Огромное множество этих и им подобных неточностей в выводах комиссии Уоррена были причиной созыва новой, независимой комиссии по расследованию убийства Джона Кеннеди. В 1979 году эта комиссия дала достаточно неконкретное заключение, что существует большая вероятность того, что президент Кеннеди погиб в результате заговора. В качестве возможных организаторов заговора была названа мафия и представители кубинских контрреволюционных организаций.

Версия о причастности мафии к устранению Кеннеди выглядит достаточно обоснованной. Семейство Кеннеди, как было установлено, имело тесные связи с мафией еще со времен «сухого закона». Так, отец президента, Джозеф Кеннеди, сделал себе состояние на нелегальной торговле спиртными напитками. Также старший Кеннеди частенько играл в гольф с мафиозными авторитетами, а сам будущий президент проводил отпуск в их компании. Однако самыми прочными были отношения Кеннеди с Сальваторе Джанканой, главой мафиозного клана, контролировавшего огромную территорию на юго-западе США и в Латинской Америке. Одна из бывших любовниц Кеннеди, Джудит Экстер, которая также была знакома и с Джанканой, утверждала, что однажды Кеннеди попросил ее передать для Сальваторе пакет с деньгами. По словам Экстер, эти деньги должны были пойти на предвыборную агитацию в штате Западная Вирджиния, а попросту говоря, на подкуп избирателей.

Но несмотря на столь тесную связь президента с мафиозными лидерами, у них все же была причина устранить Кеннеди. Перед выборами тот якобы пообещал Джанкане вернуть в страну высланного из нее ранее мафиозного главаря Джо Адониса. Однако это обещание так и не было сдержано, более того, назначенный министром юстиции брат президента Роберт Кеннеди объявил мафии настоящую войну. К началу 1962 года все отношения между Кеннеди и Джанканой были разорваны.

В заговоре против Кеннеди мог участвовать как сам Джанкана, так и «обиженный» президентом Джо Адонис, а также главарь мафии во Флориде Сантос Траффиканте. Напомним, что с мафией был связан и «мститель» Джек Руби, убивший Освальда.

Также достаточно серьезными выглядят подозрения, направленные в сторону вице-президента Линдона Джонсона, ставшего президентом после убийства Кеннеди и переизбранного в 1964 году. Ни для кого не было секретом, что Линдон Джонсон был фактически навязан Кеннеди в качестве вице-президента влиятельными лидерами демократической партии, которые опасались сверхпопулярного и молодого президента. В этом им

очень помог директор ФБР Гувер, у которого к тому времени был накоплен обширный компромат на Кеннеди, в первую очередь, связанный с его любовными похождениями. Среди его многочисленных любовниц было немало женщин с весьма сомнительным прошлым, в том числе и связанных с военными преступниками. Огласка подобной информации могла иметь весьма плачевные для Кеннеди последствия на президентских выборах, поэтому он вынужден был согласиться на «соглядатая» в лице Линдона Джонсона.

Сам же Джонсон был весьма властолюбивой натурой. Его раздражала громадная популярность молодого президента. Не было сомнений, что его выдвинут кандидатом от демократической партии на следующих выборах. Ждать и терпеть еще один срок президентства Кеннеди Джонсон, который был значительно старше, не мог и не хотел. Вполне вероятно, что Джонсон вместе с Гувером, который также не испытывал большой симпатии по отношению к Кеннеди, и организовали в конце концов заговор против президента.

Именно ФБР, руководимая Гувером, была причастна к многочисленным искажениям фактов и улик при расследовании убийства. Все факты и доказательства, противоречившие версии об убийце-одиночке, подвергались сомнению, опровергались или же прямо игнорировались при проведении официального расследования.

Наряду с ФБР, другая американская спецслужба, ЦРУ, также подозревается многими в причастности к «преступлению века». Одним из подтверждений этого стала пресс-конференция, проведенная в Далласе в 1990-м году 29-летним Рики Уайтом. Он заявил, что его отец, Роскоу Уайт, был одним из трех участников того самого покушения. И более того, именно Уайт произвел смертельный выстрел. По словам Рики, его отец в сентябре 1963 года в соответствии с полученными от ЦРУ инструкциями поступил на службу в полицию Далласа. 22 ноября Уайт занял отведенную ему позицию на вершине поросшего травой холма, откуда хорошо просматривались площадь и президентский кортеж. Два других участника покушения, в том числе и Освальд, располагались в других зданиях с окнами, выходящими на площадь. Смертельный выстрел произвел Уайт, а Освальд якобы вообще не стрелял. Затем якобы Уайт вместе с полицейским Типпитом принимали участие в задержании Освальда, и именно Уайт, а не Освальд, и застрелил Типпита.

Рики Уайт также заявил, что гибель его отца в 1971 году во время пожара не была случайной. По его словам, у него хранились дневники отца с деталями операции по устранению

Кеннеди, которые в 1988 году бесследно исчезли. Также Уайт предъявил журналистам винтовку с оптическим прицелом, из которой якобы был застрелен Кеннеди, а также документы, свидетельствующие о том, что его отец служил в армии вместе с Освальдом.

Версию Рики Уайта подтвердил и духовник его отца, Джек Шоу. Он утверждал, что супруги Уайт, родители Рики, неоднократно говорили с ним на исповедях о своей причастности к убийству Кеннеди. В частности, жена Роскоу Уайта, Джинива, признавалась, что видела в своем доме Джека Руби, с которым обсуждались подробности убийства Кеннеди и ликвидации ненужного свидетеля Освальда.

Также подозрение пало и на американских нефтепромышленников, в первую очередь техасских. В начале 1963 года Кеннеди предложил конгрессу принять закон, урезающий льготы для нефтяных компаний. Закон должен был отнять у них не меньше трехсот миллионов долларов в год — сумма, вполне достаточная для того, чтобы решиться убить президента. В качестве возможного организатора убийства назывался нефтепромышленник Джордж де Морешильд, по происхождению. белорус. Тут можно вспомнить, что Освальд некоторое время жил в Белоруссии и оттуда родом была его жена Марина. Добавим также, что прямых улик против де Морешильда, естественно, не было. Однако он, как и многие из подозревавшихся в причастности к убийству, сам погиб в 1977 году при загадочных обстоятельствах.

Американские спецслужбы располагали данными о том, что кубинские власти, и прежде всего Фидель Кастро, пытаются организовать покушение на Кеннеди.

Было перехвачено несколько сообщений, в которых речь шла о необходимости устранить Кеннеди как врага кубинской революции. Однако более серьезных фактов о причастности кубинского режима к покушению выявлено не было. Более того, есть подозрение, что таким образом агенты Кастро пытались бросить тень на кубинских эмигрантов, в большом количестве переехавших в США после революции на острове. У них, в свою очередь, также были причины ненавидеть Кеннеди. После мирного разрешения так называемого «Карибского кризиса» в 1962 году Кеннеди пообещал Хрущеву прекратить деятельность против кубинского правительства. Выполняя это обещание, он стал препятствовать деятельности радикальных эмигрантских организаций, пытавшихся организовать вторжение на Кубу.

В 1993 году на Кубе состоялась премьера документального фильма «Винтовка 3-Р», снятого по книге бразильской

журналистки Клаудии Фурцати. В фильме прямо утверждалось, что Кеннеди был убит в результате совместного заговора кубинских эмигрантов и чикагской мафии. В фильме были названы имена двух кубинцев, непосредственно участвовавших в убийстве, — Эладио дель Валье Гутьеррас и Эрминио Диас Гарсиа. Также, по словам авторов фильма, в убийстве участвовали трое киллеров, предоставленных мафией.

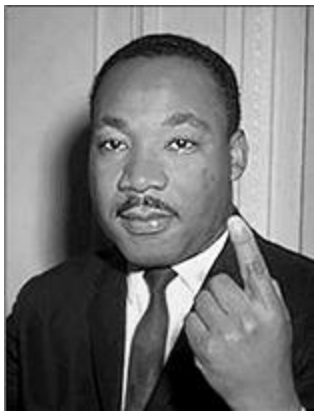
Еще один исследователь, Майкл Эддоус, в своей книге «Хрущев убил Кеннеди» утверждал, что под видом Освальда из СССР вернулся агент КГБ, которому было поручено убить президента США. Якобы настоящий Освальд был на несколько сантиметров ниже своего «двойника» и был расстрелян еще в Советском Союзе. Для проверки этой версии была даже проведена эксгумация тела Освальда, которая однозначно подтвердила личность человека, убитого Джеком Руби, — это был действительно Освальд.

В 1993 году на экраны мира вышел фильм Оливера Стоуна «J.F.K.». В фильме утверждалось, что убийство Кеннеди было организовано военной верхушкой США, т. к. Кеннеди пытался свернуть американское военное присутствие в Индокитае и вывести войска из Южного Вьетнама. Одним из первых действий Линдона Джонсона на посту президента был отказ от этого плана, приведший к затяжной войне во Вьетнаме.

Наконец, существует достаточно интересная версия о том, что Кеннеди был убит. по ошибке. На самом деле целью убийц был губернатор Техаса Коннэли. Якобы Коннэли мешал местным гангстерам проникнуть в нефтяной бизнес. Ему и предназначались пули, причем покушение должно было выглядеть именно как покушение на Кеннеди. Однако президент неожиданно дернулся в момент первого выстрела, в результате чего погиб.

Известный журналист Дмитрий Быков написал о гибели Кеннеди так: «После смерти Кеннеди, навсегда подкосившей его клан, место его занял вице-президент Линдон Джонсон, и шестидесятые годы окончились, едва начавшись. Погибли вместе со своим символом. Надежды на мир были похоронены. Через месяц после смерти Кеннеди Джонсон дал указание готовить войну в Индокитае. Грянул Вьетнам. Без которого, кстати, могло не быть Афганистана. Время сломалось. Надвигался глобальный крах иллюзий, и последние из них — в 1968 году — были раздавлены уже в Праге».

КИНГ МАРТИН ЛЮТЕР (1929-1968)



Баптистский пастор. Один из организаторов ируководителей ненасильственной борьбы за гражданские права негров в США. Нобелевская премия мира 1964 года. Убитрасистами.

Мартин Лютер Кинг — один из самых выдающихся людей современности. Не будучи президентом США, не занимая никакого государственного поста, он сумел добиться радикального изменения положения огромной части жителей Соединенных Штатов. Сегодня уже трудно себе представить, что еще пятьдесят лет назад в США, провозглашающих себя оплотом демократии и проводником идеалов равенства, линчевали чернокожих граждан за то, что те имели «наглость» зайти в общественный транспорт с передней площадки или сесть на одну скамью с белыми. А ведь еще живы люди, которые все это помнят. И живы те, кто помнит противоречивые чувства — от шока до нескрываемой радости, охватившие американское общество в день гибели Мартина Лютера Кинга — темнокожего священника и борца за гражданские права.

Мартин Лютер Кинг родился 15 января 1929 года. Сейчас этот день стал в США государственным праздником. Впрочем, есть люди, уверенные в том, что национальное чествование превращает живую фигуру борца за гражданские права в икону, которую можно использовать в политических или религиозных целях, и что правильнее было бы предоставить гражданам США право самостоятельного решения относительно празднования дня рождения М. Л.Кинга.

Майкл был старшим сыном в семье пастора баптистской церкви в Атланте, столице штата Джорджия. Джорджия — один из Южных штатов, где расизм был традицией, а отношение к «цветным» как к людям второго сорта законсервировалось со

времен рабовладения. Повсюду, как напоминание о тех «благословенных временах», развевались флаги Конфедерации, многие белые жители сочувствовали Ку-клукс-клану и даже принимали участие в его акциях.

Детство Кинга пришлось на годы Великой депрессии, однако рос он в благополучной семье среднего достатка. Когда мальчику было шесть лет, отец изменил свое имя и имя сына — Майкл Лютер стал Мартином Лютером.

Еще в начальной школе Дэвида Т. Говарда и средней школе Букера Т. Уошингтона (разумеется, для цветных) Кинг значительно опередил сверстников, поскольку изучал школьную программу самостоятельно. В 1944 г. он поступил в Атланте в колледж Морхауса (для цветных), окончив который стал бакалавром социологии. В годы учебы в колледже Кинг-младший почувствовал потребность в борьбе против сегрегации и расизма, а потому стал членом Национальной ассоциации прогресса цветного населения.

В 1947 г. Кинг принял сан и начал помогать отцу в церкви, а в 1948 г. поступил в Духовную семинарию Крозера в Честере (штат Пенсильвания) ив 1951 г. стал бакалавром богословия. Во время учебы в семинарии он, под влиянием книги У. Раушенбуша «Христианство и социальный кризис» и идеи о том, что истинный христианин должен думать не только о личном спасении, ноио преодолении социального зла, решил «всерьез заняться поиском способа устранения социального зла». Однако на каждом шагу негритянский студент убеждался в бесплодности самых страстных призывов к евангельской морали и всеобщему братству. Теория была слишком далека от жизненных реалий черного населения, она не говорила, как преобразовать антирасистские настроения в действенное социальное движение.

Кинг все больше убеждался, что «мораль Христа эффективна лишь для личных отношений», а в случае конфликта «между расовыми группами и нациями необходим другой, более реалистический подход». И этот подход был найден в учении Махатмы Ганди: «Ганди был, наверное, первым в истории человечества, кто поднял мораль любви Христа над личными отношениями, до уровня мощной и эффективной силы. Для Ганди любовь была действенным оружием социальных преобразований. Именно в том значении, которое Ганди придавал любви и ненасилию, я увидел способ изменить общество. Я почувствовал, что это единственный достойный и справедливый метод, доступный угнетенным в их борьбе за свободу». Долгий путь самообразования Мартин Лютер Кинг впоследствии назвал «паломничеством к ненасилию».

В 1953 г. Кинг женился на Коретте Скотт, у них родилось двое сыновей и две дочери. Стипендия, которую получал Мартин, позволила поступить в аспирантуру Бостонского университета, где в 1955 г. Кинг защитил диссертацию.

В 1954 г. Кинг стал священником баптистской церкви в г. Монтгомери (штат Алабама). К этому времени для него стало очевидным, что расизм — это система стереотипов, отражающихся в действиях отдельных людей, следующих семейным, религиозным, культурным традициям и превращенных в социальные нормы. На защиту расизма, пишет Кинг, встают все социальные институты: наука, культура, религия. Врагом чернокожего «стал не индивид, который его подавлял, а система, дающая возможность индивиду так поступать».

Переломным в жизни Мартина Лютера Кинга стал 1955 г., когда негритянка Роза Паркер была арестована за отказ уступить место в автобусе белому пассажиру. В декабре Кинг возглавил Ассоциацию совершенствования, объявившую бойкот общественному транспорту Монтгомери под лозунгом — цитатой из Г. Торо «Сотрудничать с порочной системой больше невозможно».

Вечером 5 декабря Кинг произнес самую главную, по его собственному признанию, речь в своей жизни. «Сопротивлению нет альтернативы, — заявил он. — Протест поможет нам отказаться от долготерпения, заставляющего соглашаться на что бы то ни было меньшее, чем свобода и справедливость». Под руководством Кинга негритянская община бойкотировала транспорт Монтгомери 382 дня. Бойкот, во время которого дом Кинга был взорван, а сам пастор арестован, сделал его героем негритянской общины США. А когда в ноябре 1956 г. Верховный суд США признал закон о сегрегации в Алабаме неконституционным, Кинг стал национальной знаменитостью.

Слава Кинга объяснялась, прежде всего, тем, что он не только обосновал, но и успешно применил тактику «прямых ненасильственных действий», которая вскоре стала главной и наиболее успешной формой массового сопротивления десятков тысяч граждан США. «По горькому опыту мы знаем, что угнетатели никогда добровольно не дадут свободу угнетенным, — ее нужно требовать, — подчеркивал священник. — Нам осталось лишь одно — применить метод прямых ненасильственных действий. Суть его состоит в том, чтобы, создавая взрывоопасную социальную ситуацию, вынудить общество вести с нами переговоры, от которых оно раньше отказывалось». Фактически, с одной стороны, есть «прямые» действия, направленные на борьбу против конкретных

проявлений сегрегации и дискриминации. С другой стороны, демонстранты не оказывают сопротивления при аресте, не отвечают ударом на удар. Кинг строго следил за соблюдением этого принципа, стремясь предотвратить любые стычки. Кинг был выдающимся лидером, который не только чутко улавливал настроение масс, но и поднимал их общественное сознание на новую высоту; он искусно сочетал непрерывное давление на власть и готовность с ней сотрудничать.

В январе 1957 г. негритянские лидеры Южных штатов объединились в борьбе за гражданские права и создали «Конференцию руководства христиан Юга». Кинг, ставший признанным защитником прав цветного населения, был избран президентом этой организации. Гражданское движение ширилось — по всей стране проходили марши и демонстрации; Кинг ездил по стране, читал лекции, принимал участие в манифестациях.

20 сентября 1958 года было совершено первое покушение на жизнь священника. Психически больная женщина бросилась на него с ножом во время одного из маршей в Нью-Йорке. Он получил ранение в грудь, однако этот инцидент только укрепил его решимость бороться за права соотечественников. После выздоровления чернокожий пастор организовал массовый поход на Вашингтон в поддержку готовящегося законопроекта о равных гражданских правах.

В 1963 г. Кинг вместе со своими соратниками организовал крупнейшую в истории СШАдемонстрацию за гражданские права. 28 августа около 250 тыс. человек собрались в Вашингтоне на время обсуждения в конгрессе США закона о гражданских правах, а негритянские лидеры встретились с президентом Кеннеди. На ступенях Мемориала Линкольна Кинг произнес свою знаменитую речь «У меня есть мечта», в которой выразил веру в братство людей: «Я мечтаю о том, что когда-нибудь на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за братским столом… Я мечтаю о том, что четверо моих малышей когда-нибудь будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету кожи, а по тому, что они собой представляют».

В 1964 году Кинг издал книгу «Почему мы не можем ждать» («Why We can’t wait»); в том же годуЛиндон Б. Джонсон пригласил священника в Белый дом, и Кинг присутствовал при подписании закона о гражданских правах. Проект, разработанный еще в пятидесятых, стал законом, что вызвало недовольство большой части белого населения, особенно в Южных штатах. Там издавна считалось, что превосходство белых над черными узаконено самим Богом, и это право теперь пытался отменить

какой-то «черномазый» проповедник. Вообще, Кинг имел много врагов — не только на Юге, ноив других частях страны. Самым последовательным и влиятельным из них был директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер, называвший Кинга коммунистом, предателем, глубоко аморальным человеком и самым отъявленным лжецом в стране. ФБР прослушивало телефоны Кинга, собирало обширное досье о личной и общественной жизни Кинга, отправляло подметные письма жене священника, угрожало ему самому.

В конце 1964 года Кинг стал лауреатом Нобелевской премии мира — самым молодым за всю историю присуждения этой премии. Представитель Нобелевского комитета Гуннар Ян сказал: «Мартин Лютер Кинг не занимается международными делами, но его борьба служит делу мира. В западном мире он был первым, кто показал, что борьба не обязательно подразумевает насилие». Узнав о присуждении Кингу Нобелевской премии, Э. Гувер был просто вне себя.

В марте 1965 г. Кинг организовал марш за предоставление избирательных прав чернокожим. После того как демонстранты подверглись нападению дорожной полиции, Кинг призвал к новому походу, в котором участвовало более 3 тыс. демонстрантов и более 25 тыс. присоединилось к ним по дороге. 6 августа 1965 г. президент Джонсон подписал закон об избирательном праве, Кинг был приглашен в Вашингтон и присутствовал на церемонии подписания.

В последние годы жизни внимание Кинга было привлечено не только к проблеме расизма, ноик вопросам борьбы с бедностью в США. Это было вызвано необходимостью сдерживать негритянскую молодежь, которая все чаще устраивала уличные беспорядки, противоречащие принципам ненасилия. Кинг стал сознавать, что расовая дискриминация тесно связана с проблемой бедности, и в ноябре 1967 г. объявил о начале Кампании бедных людей, которая должна была завершиться в апреле 1968 г. сбором бедняков в Вашингтоне.

В апреле 1968 года Мартин Лютер Кинг вместе с женой прибыл в Мемфис (штат Теннесси), чтобы поддержать забастовкурабочих, назначенную на 4-е апреля, и остановился в отеле «Лорейн». Через дорогу, напротив гостиницы находился дешевый мотель, где можно было провести ночь за четыре доллара.

Утром 4 апреля пастор произнес проповедь, в которой говорил и о том, что понимает, какой опасности подвергает свою жизнь: «Когда-нибудь мы все представляем себе свой последний день. Мы все волей-неволей задумываемся о нем, и время от

времени я тоже размышляю о собственной смерти. Но я не думаю о ней как о чем-то ужасном. Время от времени я спрашиваю себя, что бы я хотел сказать, что оставить в память о себе. Ведь денег у меня нет, нет и роскошных вещей. Единственное, что я могу оставить на земле, — это моя жизнь.»

Утром того же дня в мотеле напротив гостинцы «Лорейн» снял номер некий Джон Уиллард. У этого 38-летнего постояльца были и другие фамилии — Эрик Ставро Голт и Харви Лоумайер, но его настоящее имя, которое вскоре стало известно всей Америке, было Джеймс Эрл Рей.

Джеймс Эрл Рей родился в 1928 году в Атланте. Его семья, которая когда-то занимала высокое положение в городе, разорилась, так что с самого начала жизнь Рея не задалась. Его исключили из школы, и он связался с преступным миром. Некоторое время Джеймс служил в армии, откуда его выдворили за неподчинение приказам и склонность к выпивке. Он опять вернулся к преступной деятельности, и следующие двадцать лет, что называется, не вылезал из тюрьмы. Рей никогда не был толерантен кчернокожим, и застарелая ненависть к «ниггерам» усилилась, когда он узнал, что дом его семьи продан черным. Мартин Лютер Кинг стал для этого озлобленного человека символом социальной несправедливости, едва ли не главным виновником всех его злоключений — во всяком случае, так утверждают официальные источники США.

Рей приехал в отель на белом «форде-мустанге», имея при себе сумку, в которой лежала винтовка с телескопическим прицелом. Он снял комнату, закрылся в ванной и зарядил винтовку разрывными пулями, затем выставил прицел, наведя его на одно из окон отеля «Лорейн». Это было окно номера, в котором жили супруги Кинг. Рей стал караулить свою жертву.

Через некоторое время он заметил в окне какую-то фигуру. Однако Рей не был уверен, что это и есть тот, кто ему нужен, да и прицельный огонь сквозь стекло вести было трудно. Через некоторое время Мартин Лютер Кинг вышел на небольшой балкон, и тогда Рей спустил курок. Пуля из винтовки 30,06 калибра попала священнику в правую челюсть, вошла в шею и сильно повредила спинной мозг.

Коретта Кинг услышала подозрительный шум и поспешила на балкон. Увидев окровавленное тело мужа, она подняла тревогу. Полиция и «скорая помощь» прибыли через несколько минут, но было поздно — Мартин Лютер Кинг скончался. Он был похоронен на Арлингтонском кладбище. Эпитафией на могиле стали его собственные слова: «Слава Господу, я наконец свободен».

Установить личность убийцы и задержать его оказалось

непросто. Он поселился в мотеле под именем Уиллард, приобрел винтовку и патроны на имя Лоумайера, а скрылся в автомобиле, зарегистрированном на имя Голта. Выходя из мотеля, он увидел полицейскую машину и выбросил сумку с оружием и некоторыми личными вещами. Это обстоятельство в конце концов позволило установить их владельца — белого мужчину по имени Джеймс Эрл Рей, мелкого мошенника, ранее обвиняемого в краже денежных переводов, ограблении водителя такси и супермаркета. Осужденный за вооруженное ограбление на 20 лет, Рей пытался бежать из тюрьмы в 1960, 1966 и в 1967 году. В апреле 1967 г. ему удалось вырваться на свободу, спрятавшись в машине, развозившей хлеб.

Поиски преступника привели полицию из Мемфиса в Торонто, где Рей некоторое время жил под именем Рамона Джорджа Снейда. Затем на его след вышли детективы Скотленд-Ярда, которые сообщили ФБР, что преступник был в Лондоне, но вылетел в Португалию. Португальской полиции не удалось найти человека, который подходил бы под описание внешности Рея. Дело застопорилось.

Однако 7 июня, через три месяца после убийства доктора Кинга, детектив в лондонском аэропорту Хитроу остановил пассажира из Лиссабона и попросил его предъявить паспорт. В канадском паспорте, недавно выданном в Торонто, стояла фамилия Снейд. Снейда задержали и препроводили в полицейский участок. Отпечатки пальцев были отправлены в ФБР, которое подтвердило, что они принадлежат Джеймсу Эрлу Рею.

В 1969 г. Джеймс Эрл Рей признался в совершении преступления и был приговорен к 99 годам лишения свободы. Правда, после оглашения приговора Рей заявил, что был вынужден признать себя виновным, чтобы избежать электрического стула, и в течение 24 часов пытался обжаловать приговор. Теперь Рей настаивал на своей невиновности. Якобы некий «Рауль» послал его в Мемфис перевезти оружие, снабдив деньгами и инструкциями. Больше он ничего не знает. Он Кинга не убивал, и убийца ему неизвестен.

Однако приговор был оставлен в силе, и Джеймс Эрл Рей умер в тюрьме в 1998 году. Впрочем, на протяжении всего срока заключения он требовал пересмотра дела, но всякий раз его попытки ни к чему не приводили.

Дело Кинга вызывало и вызывает множество вопросов. Официальная версия властей о том, что Джеймс Эрл Рей был убийцей-одиночкой, застрелившим Кинга по причинам личного характера, никогда не принималась всерьез американскими правозащитниками. Прежде всего, Рей неспособен был

спланировать настолько сложное убийство в силу невысоких умственных способностей. Когда за ним охотились, его отец сказал: «Возможно, Джеймс и замешан в этом преступлении, но он не мог совершить его самостоятельно — ему бы не хватило ума».

Да и многие подробности дела указывают на существование заговора против Мартина Лютера Кинга. Наиболее распространенной является версия о том, что в смерти Кинга замешано ФБР, а Рей стал козлом отпущения. Доказательств, разумеется, нет, но несомненно одно: некоторые сотрудники ФБР ничуть не сожалели о кончине священника. Один из них, вышедший в отставку, но работавший в представительстве бюро в Атланте во время совершения покушения, сообщил, что там превалировали антикинговские настроения. Другой буквально прыгал от радости, узнав о смерти лидера движения за гражданские права.

ФБР неохотно призналось, что прослушивало все разговоры Кинга, посылало Коретте Кинг письма, намекающие на связи ее мужа с другими женщинами. Более того, в 1964 г. направило Кингу письмо с намеками о необходимости покончить жизнь самоубийством до вручения Нобелевской премии. В нем говорилось:

«Кинг, тебе остается только одно. Ты знаешь, что в твоем распоряжении всего 34 дня, чтобы сделать это. С тобой все ясно. Остается единственный выход.» Гувер санкционировал слежку за личной жизнью Кинга, разрешил использовать нелегальные средства наблюдения и даже спровоцировал появление информации о возможном нападении. Это заставило Кинга сменить гостиницу, владельцем которой был белый, на «Лорейн», где он и встретил свою смерть.

Когда Комитет по политическим убийствам в 1978 г. проводил очередное слушание дела Кинга, житель Сент-Луиса Рассел Баере сообщил, что ему предлагали 50 тысяч долларов за убийство Кинга. По его словам, некто Джон Коффман и Джон Сазерленд действовали от лица группы бизнесменов, однако оба к тому моменту уже скончались, а их вдовы отрицали участие мужей в заговоре. Баере высказал свои подозрения: на самом деле его хотели использовать в качестве «подсадного», который бы взял на себя вину за убийство, не совершая его. Заявление Баерса дало повод сопоставить полученную информацию с побегом Рея из тюрьмы в 1967 году. Были получены доказательства того, что Рей рассчитывал на сумму в 50 000 долларов.

Интересно, что ФБР знало о заявлении Баерса еще в 1973 г., но информация не дошла до следствия. Представитель Комитета

назвал это «нарушением установленных правил и процедур», но ФБР сочло лишь «административной ошибкой», уволив агента, в чьем ведении находились материалы.

Итак, в 1978 г. стало очевидно, что речь действительно идет о заговоре. Комитет счел непричастными к нему федеральные, государственные и местные правительственные службы, но обвинил разведывательный отдел ФБР в превышении служебных полномочий в ходе наблюдения за Кингом и констатировал, что министерство юстиции «не смогло адекватно контролировать» деятельность ФБР.

Так или иначе, но после всех разбирательств Джеймс Эрл Рей как был, так и остался единственным человеком, признанным виновным в убийстве Кинга. К тому моменту он находился за решеткой уже 9 лет (если не считать неудачного побега в 1977 г.). Рей не мог оправдаться, ибо не было ни единой улики, которая бы доказывала существование Рауля, о котором Джеймс Эрл заявил после оглашения приговора. Так продолжалось до тех пор, пока с разоблачением не выступил бывший агент ФБР Дональд Уилсон.

По его словам, он был одним из тех, кто обнаружил машину Рея через несколько дней после убийства Кинга. В ней Уилсон якобы нашел конверт с несколькими листками бумаги, которые, как ему показалось, представляли собой список, состоявший из имен людей и переведенных на их счета средств. Среди имен было и имя «Рауль», а рядом с ним цифра «450 тысяч». Уилсон решил не показывать эту улику своему руководству в ФБР. Он так и не объяснил причин своего поступка, а его адвокат дал понять журналистам, что Уилсон опасался того, что эта улика бесследно исчезнет, если попадет в руки его начальства. Бывший агент ФБР считал, что руководство Бюро не заинтересовано в том, чтобы найти истинных виновников убийства Кинга и выявить все нити заговора.

В последние годы стало очевидно, что Джеймс Эрл Рей может оказаться совершенно непричастным к убийству Мартина Лютера Кинга. Такой вывод был сделан после рассмотрения результатов экспертизы винтовки, принадлежавшей Рею, из которой, как считалось, он и сделал выстрел. Именно это оружие и признание обвиняемого были главными уликами против него.

Долгие годы осужденный и его адвокаты настаивали на проведении новой баллистической экспертизы, но согласие было получено только тогда, когда эту просьбу поддержали члены семьи Мартина Лютера Кинга. Декстер Кинг, сын покойного, заявил, что не верит в виновность человека, официально осужденного за убийство их отца.

Повторная экспертиза показала, что «характерные следы,

оставленные винтовкой Рея на 12 пулях, не присутствуют на пуле, ставшей причиной смерти». Кроме того, сам Рей утверждал, что избавился от винтовки, которую полицейские обнаружили неподалеку от места преступления вскоре после убийства, задолго до гибели Кинга, сбыв ее заезжему торговцу оружием — Раулю. Подбросили же оружие на место преступления те, кто хотел, чтобы подозрения пали на Рея, а истинные убийцы смогли бы избежать правосудия. Адвокаты Рея обратились с ходатайством в суд о проведении дальнейших экспериментов.

Однако в 1998 году главный обвиняемый умер. Тем не менее ФБР со всей ответственностью заявило, что приложит все усилия к расследованию дела по вновь открывшимся фактам. Возможно, убийство Мартина Лютера Кинга — одно из самых громких политических убийств XX века действительно будет раскрыто.

В АМЕРИКУ НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

ЛЕННОН ДЖОН УИНСТОН (1940–1980)

Английский музыкант, композитор, один из участников легендарной группы «Битлз». Убит фанатичным поклонником.

XX век начался с убийства президента США Уильяма Мак-Кинли 6 сентября 1901 года. Середина века ознаменовалась гибелью Джона Кеннеди, ставшей знаковым событием 60-х. И чем ближе к концу столетия, тем чаще происходили теракты и политические убийства.

Впрочем, XX век показал, что жертвой покушения могут стать не только политики, но и знаменитые спортсмены, актеры, музыканты, писатели, журналисты — личности, которые постоянно находятся на виду и оказывают влияние на сознание многих тысяч людей. Они часто становятся жертвами политических интересов или финансовых интриг — примеров тому множество. Но бывает и так, что знаменитости страдают от психически неустойчивых поклонников, фанатичная преданность и идолопоклонство которых имеют тенденцию трансформироваться в ненависть и презрение.

«Фантазии» фанатов не дают жить уже многим поколениям талантов. Исследуя феномен сумасшедшей привязанности к кумиру, можно обнаружить, что речь идет не о любви, а о психическом отклонении, свойственном людям с заниженной самооценкой и неустойчивой (а часто и не вполне здоровой) психикой. Фанатами становятся люди, которые испытывают потребность в «сильной руке», у которых искажены жизненные ценности.

Анализ психологии фанатов обнаруживает, что им свойственны неистовость поведения, готовность для достижения цели жертвовать всем и использовать любые средства в сочетании с узостью и ограниченностью восприятия мира, в центре которого

находится кумир и, конечно, сам фанат. Среди них есть настоящие экстремисты, считающие своей целью защищать кумира и оберегать его от чуждых влияний. Они оставляют за собой право «исправлять» поведение своего идола, если тот поступает «неправильно», наказывать его за «предательство» — вплотьдо физического уничтожения.

Перечислять преступления маньяков-одиночек, угрожавших «звездам», можно бесконечно, но самым резонансным стало, пожалуй, убийство Джона Леннона в 1980 году. Убийцей Джона Леннона оказался его страстный поклонник Марк Чэпмен.

К тому времени Джон Леннон вместе со своей женой Йоко Оно уже несколько лет жил в Нью-Йорке, на Манхеттэне, в квартире с видом на Центральный парк. Он жил отшельником, тщательно оберегал свое уединение и заботился о собственной безопасности. Джон предпочитал жить, отгородившись от внешнего мира, однако в 80-м году постепенно начал возвращаться в музыкальный мир: выпустил альбом Double Fantasy, готовился к турне по Европе.

Джон, в общем-то, понимал, что у него есть недоброжелатели. Во-первых, у него были серьезные размолвки с бывшими «битлами». Во-вторых, ему постоянно приходили анонимные письма с угрозами и звонили какие-то хулиганы. Первый раз Джонуугрожали в 1964 году, когда «Битлз» выступали во Франции. Тогда ему вручили записку, в которой сообщалось, что ближайшей ночью его ждет смерть. Однако угроза не была приведена в исполнение, так же как и другие, последовавшие за ней. Видимо, певца решили просто напугать.

О событиях 8 декабря певца никто не предупреждал, хотя Йоко все время советовалась с предсказателями и хиромантами. О Марке Дэвиде Чэпмене хироманты не рассказали ей ничего, а он выстрелил в Леннона в 23.30 8 декабря 1980 г., когда музыкант выходил из лимузина у подъезда своего дома. В это время Джон Леннон и Йоко Оно возвращались из студии после работы над альбомом «Walking on Thin Ice».

Буквально за несколько часов до трагедии убийца взял у Леннона автограф, на том же самом месте, где потом застрелил музыканта. По словам Чэпмена, к решению убить Леннона его привело сознание собственной бесполезности: «Я чувствовал, что я — ничто, и если я убью его, я станучем-то». Во время судебного слушания Чэпмен сообщил, что, если бы ему не удалось убить Леннона, у него в запасе было еще несколько возможных жертв. В частности, Элизабет Тэйлор и Жаклин Кеннеди-Онассис.

Сейчас Чэпмен отбывает пожизненное заключение в тюрьме Аттика в США. В 2000 году разбиралось первое ходатайство об

освобождении Чэпмена, но тогда Йоко Оно заявила, что не будет чувствовать себя в безопасности, если убийца ее мужа окажется на свободе. В 2002 г. Чэпмену во второй раз было отказано в досрочном освобождении.

Что же толкнуло Марка Чэпмена на убийство Леннона?

Марк родился в Атланте (штат Джорджия) в октябре 1955 года. Его отец, отставной сержант ВВС, был банковским клерком, а мать — домохозяйкой. Детство Марка было ничем не примечательно, если не считать побега из дома в четырнадцать лет (через неделю мальчик вернулся) и внезапно проснувшейся религиозности в пятнадцать. Он стал «последователем Христа»: отпустил волосы, перепоясал холщовую рубаху веревкой, нацепил на шею большой крест и не расставался с Библией. Марк был болезненно самолюбив, всеми силами стремился самоутвердиться и потому легко бросался в крайности. В частности, он пристрастился к наркотикам — тогда это было модно и давало возможность прослыть «своим» парнем.

Однако в шестнадцать лет он бросил принимать наркотики, поскольку услышал глас Господень, призывающий его к себе. Позднее он сказал: «Господь Бог говорил со мной и дал мне понять, что я должен проявить все лучшее, что заложено во мне». Ответив на призыв, Чэпмен стал помощником директора летнего лагеря Христианского союза молодежи (YMCA). Директор лагеря вспоминал: «Он обладал всеми качествами лидера, был очень внимательным, чутким. Он признался, что в юности употреблял наркотики, но потом к нему прикоснулся Бог и вся его жизнь перевернулась. Я думаю, что годы работы в летнем лагере были лучшими в его жизни. Возможно, здесь он в последний раз испытал счастье».

Дети любили Марка — он знал множество сказок и с удовольствием рассказывал их. В 1974 году Марк прочел книгу Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и сразу же отождествил себя с главным героем — одиноким подростком, которого никто не понимает. Каждому, кто соглашался слушать, Марк цитировал свой любимый отрывок: «.Я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи».

Примерно в это же время Марк увлекся музыкой, которая, впрочем, была далека от идеалов YMCA. Ему нравились Джимми

Хендрикс и Боб Дилан, но они не шли ни в какое сравнение с «The Beatles». Настоящим же кумиром стал Джон Леннон, причем Марк влюбился не столько в музыкуЛеннона, сколько в его философию, откровения о мире, любви и справедливости. Марк старался во всем подражать своему кумиру, хотя и понимал, что ему далеко до Леннона. Он даже нацепил значок «Я — Леннон».

Стремясь не посрамить имя Леннона, Марк сосредоточился на учебе, надеясь впоследствии получить работу в Христианском союзе молодежи. В 1975 году, прослушав курс лекций в колледже, он волонтером уехал в Бейрут. Однако его миссия вскоре завершилась — в Ливане началась гражданская война.

После Ливана Чэпмен направился в Арканзас, в лагерь Христианского союза молодежи для оказания помощи вьетнамским беженцам. И снова он добился популярности, на сей раз среди азиатских иммигрантов, заслужив глубокую благодарность людей, ради которых работал.

В это время произошли изменения и в личной жизни Марка, он познакомился с Джессикой Блэнкеншип. Он нежно любил ее, но в декабре 1975 г. его психическое состояние резко ухудшилось: Марк все чаще стал заговаривать о смерти, о своей миссии, о том, что история рода человеческого — это постоянная борьба. Он впал в депрессию и буквально бредил самоубийством.

Несмотря на явный душевный разлад, Джессика убедила Марка продолжить учебу. Образование было необходимо, чтобы он мог осуществить свою мечту — возглавить Христианский союз молодежи. Однако, проучившись семестр, Чэпмен бросил колледж, а потом и Джессику. Лето 1976 года он еще провел в лагере, но уже осенью устроился охранником. Он научился стрелять и показывал превосходные результаты: согласно квалификационным требованиям нужно было выбивать не менее шестидесяти очков, а Чэпмен легко набирал восемьдесят восемь.

Все складывалось, в общем-то, удачно, пока неожиданно для самого себя Марк не начал быстро полнеть. Собственный внешний вид раздражал его, и с каждым днем он все больше озлоблялся.

В 1977 году после развода родителей Чэпмен улетел на Гавайские острова, где попытался покончить с собой. Взяв напрокат машину, он прикрепил один конец шланга к выхлопной трубе автомобиля, а другой вывел в салон. Его спас прохожий, постучавший в окно. Чэпмен разозлился, что его план самоубийства не удался, но после этого инцидента обратился в психиатрическую клинику, где ему прописали курс лечения. Оказалось, что Марк страдает шизофренией.

На Гавайи прилетела его мать, но и она не смогла облегчить

душевное состояние Марка. А его удручало, что запись в документах о попытке самоубийства перечеркивает все его надежды получить приличную работу в YMCA.

В 1978 году, скопив немного денег, Марк отправился в кругосветное путешествие, а после возвращения в Гонолулуустроился на работу в госпитале. Он решился официально оформить отношения с Глорией Абе, американкой японского происхождения — эта свадьба была подражанием Джону Леннону, женатому на японке. Марк и Глория поженились в июне 1979 года, за восемнадцать месяцев до убийства Джона Леннона.

Из-за сумасбродного поведения Марка брак вскоре дал трещину: он тратил сотни долларов на приобретение дорогостоящих произведений искусства, которые семейный бюджет не выдерживал. Именно в это время Марк завел разговоры о «предательстве» Джона Леннона. Глории приходилось выслушивать его напыщенные монологи, в которых он обвинял певца за богатство и взгляды на жизнь, на мир, на любовь.

23 октября 1980 года Марк Чэпмен прикрепил над своим рабочим местом листок с надписью «Джон Леннон», а четыре дня спустя купил пистолет. Через несколько дней Марк Чэпмен уже был в Нью-Йорке. Потом он навестил свой родной город Атланту, где исповедался, рассказав местному священнику, что в его душе идет борьба между добром и злом, зашел к Джессике. Позднее она скажет, что Марк выглядел весьма удрученным.

Чэпмен вернулся в Нью-Йорк и остановился в Христианском союзе молодежи Нью-Йорка. Целыми днями он околачивался в толпе зевак на Манхеттэне возле дома, в котором жил Леннон.

7 декабря, в воскресенье, Марк перебрался из общежития YMCA в другую гостиницу и весь следующий день снова бродил перед домом Леннона с кассетой песен «Битлз» в руках и с новым альбомом «Double Fantasy» под мышкой. Чэпмен также прихватил с собой пистолет и любимую книгу.

В толпе фанов Марк разговорился с какой-то девушкой, они вместе перекусили в близлежащем кафе, а после обеда к ним присоединился Пол Гореш, фотограф-любитель, также горячий поклонник музыканта. Через несколько минут, в 16.30, на улицу вышли Леннон и Йоко. Они направились к лимузину, и в это время из толпы вышел Чэпмен и протянул Джону альбом. «Автограф, пожалуйста», — попросил он. Джон на мгновение остановился, и в это время Гореш сфотографировал его. Джон надписал пластинку, которую держал в руках Марк Чэпмен. Долгие годы считалось, что это был последний автограф, который

дал в своей жизни Джон Леннон. Однако сейчас известно, что музыкант оставил свою подпись и рисунок на листке из блокнота за несколько минут до выхода со студии Record Plant, где он записывал музыку для своего нового альбома.

Джон Леннон вернулся домой в 11.30 вечера. Марк Чэпмен поджидал его, спрятавшись в тени. «Мистер Леннон!» — позвал он. Джон остановился, обернулся, и Чэпмен выпустил в него пять пуль. Джон упал, Йоко Оно упала на колени и, обхватив руками голову мужа, как бы укачивала его, а швейцар кричал Чэпмену: «Ты знаешь, что наделал?» — «Я только что застрелил Джона Леннона», — спокойно ответил Марк.

Его арестовали тут же, возле дома, а Леннона увезли в больницу. Музыкант был все еще жив, хотя и истекал кровью. Однако спасти его не удалось — он потерял слишком много крови, около восьмидесяти процентов от общего объема.

Новость о смерти Леннона распространилась мгновенно. Примерно за час возле дома, в котором жил Джон Леннон, собрались тысячи людей. Они стояли с зажженными свечами, пели песни Леннона, а телеграфы передавали во все газеты мира подробности убийства. Президент Джимми Картер говорил об иронии судьбы, о том, что «Леннон пал жертвой насилия, хотя сам всегда боролся за мир», а Рональд Рейган назвал это убийство «величайшей трагедией».

Чэпмену предъявили обвинение в убийстве и предписали пройти психиатрическое обследование. Под усиленной охраной его поместили в отдельную палату одной из лечебниц и следили за ним круглосуточно, чтобы не дать ему покончить жизнь самоубийством. Однако существовала угроза, что Чэпмена могут убить поклонники Леннона, и Марка перевели в городскую тюрьму. Адвокат убийцы Джонатан Маркс заявил, что Чэпмен будет оправдан судом как душевнобольной.

Когда в августе 1981 года дело слушалось в суде, адвокат опровергал утверждения, будто Марк выслеживал Леннона и не испытывал раскаяния. Он характеризовал Чэпмена как человека с расстроенной психикой, подчеркивая: «Все отчеты содержат одно и то же заключение: Марк Дэвид Чэпмен психически болен. Это не было обдуманное преступление. Оно было совершено в невменяемом состоянии».

Чэпмен все же признал себя виновным в убийстве, хотя назвать его человеком со здоровой психикой нельзя. Когда ему предоставили последнее слово, он процитировал свой излюбленный отрывок из книги «Над пропастью во ржи».

Кроме того, на суде он никак не объяснил мотивы своего преступления, на все вопросы отвечая цитатами из романа

Сэлинджера.

Мотивы убийства широко обсуждались в США, и наиболее убедительную версию выдвинул психиатр Роберт Марвит: «Марк подписывался именем Леннона. Можно утверждать, что он верил в то, что был Ленноном или превращался в него. В критический момент Чэпмен мог сказать себе: «Господи, Леннон знает, что нас двое. Я должен убрать одного». Но если рассматривать поступок Марка Дэвида Чэпмена в комплексе, я не уверен, что мы когда-либо узнаем, какие демоны управляли им, что привело в движение этот дьявольский механизм».

Прошло десять лет, прежде чем убийца Леннона впервые заговорил о демонах, которые привели его к преступлению и о том, как он вымаливает у Бога прощение. За время пребывания в тюрьме Чэпмен получил больше смертельных угроз, чем любой другой заключенный; поклонники «Битлз» не простили ему убийства Джона Леннона. Даже отец ни разу не навестил его в тюрьме. Однако Чэпмен надеется со временем вымолить прощение у Бога и у людей. Он говорит, что его преследуют ночные кошмары, в которых он приходит в дом Леннона: «Я беседовал с Йоко и их сыновьями как друг семьи. Все мы были опечалены происшедшим. Они понимают, что я очень сожалею о сделанном. Они знают, что на самом деле я не хотел убивать его. Джон Леннон был искателем правды. Он знал, что совершенного мира не будет, но призывал думать о нем. Если человек обладает силой, способной создать этот мир в воображении, значит, он приблизился к нему. Хорошая идея не должна вызывать боль. Сожалею, что я причинил боль всем. Но теперь, возможно, я стану хоть чем-нибудь полезен. Все же очень и очень трудно определить, кто я есть на самом деле. Я часто испытывал сильное смятение чувств и боль от того, что я Марк Дэвид Чэпмен».

Мучимый кошмарами, Марк Чэпмен в 1991 г. впервые согласился рассказать о том, что же на самом деле привело его к роковым выстрелам. Он утверждал, будто слышал зловещий шепот: «Убей его! Сделай это! Сделай это!» Марк поведал также, что несколько дней оттачивал свои действия в гостиничном номере, прежде чем подстеречь Леннона у входа в его нью-йоркскую квартиру.

«Я чувствовал себя совершенно разбитым, — рассказывал Марк. — Меня бесило сознание того, что я являюсь лже-Ленноном. Я рассматривал его фотографии. Поставьте же себя на мое место. Вот он стоит на крыше роскошного здания. Он так молод и прекрасен! Он призывал нас представить себе лучший мир, быть бескорыстными. И я верил ему! Все стены моей комнаты были увешаны фотографиями «битлов». Я верил, что они

делают все бескорыстно. С десяти лет я пропитывался Джоном Ленноном, я принял его всем сердцем.

Но вдруг я обнаружил в своей голове «маленьких человечков», и они убедили меня убить Джона Леннона. Они были перепуганы. Они были шокированы. Они являлись частью моей совести, и когда я действовал не по совести, во мне не оставалось ничего, что управляло бы мной. Я оставался один. И тогда я срывал с себя одежду, ставил записи «Битлз» и молился сатане. Я визжал и пронзительно кричал в магнитофон: «Джон Леннон должен умереть! Джон Леннон обманщик!»

Этот монолог сопровождался зловещей мелодией, которую Марк записал на ленту поверх песни «Земляничные поляны». Колебания между Богом и сатаной длились в 1980 году два месяца, и все закончилось тем, что Чэпмен пошел в оружейный магазин и купил скорострельный пистолет, чтобы убить Джона Леннона.

Он признался, что несколько дней был одержим мыслью об убийстве: «Я молился и после длительной борьбы, с Божьей помощью, одержал победу. Я позвонил своей жене Глории и сказал: «Твоя любовь спасла меня. Я победил. Скоро буду дома». Но тут вернулись демоны, и в декабре я уехал в Нью-Йорк».

8 декабря Чэпмен отправился к дому, в котором жил Леннон, с новым альбомом певца. «Леннон отнесся ко мне очень сердечно, — продолжал Чэпмен. — Я протянул ему альбом, а он вынул черный карандаш и, расписываясь, царапнул им по обложке. Он старался вывести первую букву своего имени, затем царапнул еще пару раз и рассмеялся. Потом написал: «Джон Леннон» и ниже — «1980 год». Протянув мне альбом, он спросил: «И это все, что ты хочешь?» Его жена ждала в автомобиле. Дверца была открыта. И я сказал: «Спасибо, Джон». Теперь я думаю о его словах, которые он произнес тогда: «И это все, что ты хочешь?» Мне кажется, он предчувствовал свою смерть».

«Я был на седьмом небе, когда Джон Леннон дал мне автограф. Я был так счастлив, что хотел взять первое попавшееся такси и умчаться домой, к жене. Но я не мог уйти, так как был полностью подчинен другой силе.

«Убей его!» — твердили мне демоны. И я убил. Убил так, как десятки раз репетировал в номере гостиницы. Когда Леннон прошел мимо, я прицелился ему в спину и нажал на спусковой крючок пять раз. Помню, что его как будто кто-то толкнул вперед, на ступеньки, а потом он стал медленно падать, такими рывками. Швейцар, Хосе его звали, я хорошо помню, вырвал пистолет у меня из рук и закричал: «Посмотри, что ты наделал! Убирайся!» Ая сказал: «Куда мне идти?» Когда приехала полиция, Чэпмен

читал свою любимую книгу «Над пропастью во ржи».

На следующий день радиостанции непрерывно передавали песни в исполнении Джона Леннона. Более четверти миллиона писем пришли вдове музыканта. В последующие два месяца только в Англии было продано два миллиона пластинок «Битлз». Скорбь в связи с этой утратой смешивалась с возмущением и стыдом за то, что опять в Америке убийца сумел легко застрелить всемирно известного человека.

Люди сравнивали это убийство с гибелью президента Кеннеди, потому что Леннон был не просто талантливым музыкантом, а, как и Джон Кеннеди, выразителем надежд и чаяний миллионов своих современников во всем мире. Леннон был музыкантом, поэтом и писателем, активным участником движения за мир. Он выразил свои убеждения во многих песнях, в том числе и в «All You Need Is Love» («Все, что тебе нужно, — это любовь»), которую пели как реквием люди, собравшиеся у дома Джона и Йоко в день его гибели.

С тех пор на протяжении уже почти 25 лет сотни людей собираются вечером 8 декабря в Центральном парке Нью-Йорка на Земляничной поляне, на которой разбита клумба с надписью «Imagine» в центре как напоминание о Ленноне. Целый день на Земляничную поляну приходят ньюйоркцы и туристы, звучат песни Beatles, а около 23.30 в одном из окон дома, выходящего на Центральный парк, загорается свеча. По словам Йоко Оно, в этот день она всегда ставит на подоконник зажженную свечу, чтобы тем самым сказать людям, что «она с ними».

Джанни Версаче (1946-1997)

Знаменитый итальянский модельер-дизайнер. Погиб отруки убийцы в Майами-Бич (штат Флорида, США). Мотивы преступления неизвестны.

Джанни Версаче родился 2 декабря 1946 года в итальянском городе Реджио ди Калабрия. прямо в костюмерной. Его мать Франческа была профессиональной портнихой. О своих детских годах Джанни вспоминал, что его постоянно окружали платья. Также он всегда признавал, что своим мастерством обязан прежде всего матери.

Однако с матерью у Джанни с самого детства складывались сложные отношения. Джанни был третьим ребенком в семье, кроме него, у Франчески была дочь Донателла и сын Санчо. Мать уделяла мало внимания Джанни, отдавая большую часть своей материнской любви Санчо. Джанни рос в одиночестве, испытывая страдания от отчужденности и отдаленности самого родного для себя существа. Возможно, именно тогда в маленьком Джанни появилась эта тоска по женщине, которая вечно стремится от него ускользнуть, тоска, которая впоследствии проявлялась в работах великого маэстро?

Страдавший от нехватки материнской нежности Джанни старался не отходить от Франчески ни на шаг, постоянно наблюдал за ее общением с портнихами и закройщицами, мечтая оказаться на месте любой из них. Ведь тогда бы он смог оказаться нужным для матери! Позже, уже став знаменитым, он признавался, что находил смысл своего творчества и даже всей жизни в попытке добиться материнского внимания и признания. Нужно отметить, что у Джанни это получилось — после того как он добился первых значительных успехов, мать действительно начала значительно чаще с ним общаться и интересоваться его

проблемами.

В возрасте семи лет Джанни, по его словам, испытал первый настоящий эмоциональный шок, увидев, как его мать снимала мерки. Клиенткой была красивая молодая женщина в кружевном белье. Джанни наблюдал, как его мать оборачивала тело женщины в бархат, подкалывала складки, стремясь подчеркнуть каждую линию женского тела. Перед зачарованным невиданным ранее зрелищем Джанни тело прекрасной незнакомки стремительно облачалось в восхитительный наряд, который подчеркивал ее природные достоинства и скрывал недостатки. Увиденное настолько прочно врезалось в память Джанни, что впоследствии он всегда предпочитал работать с «живым» телом, практически не прибегая к бумажным эскизам. Джанни говорил: «Эскизы были для меня как шпаргалки, просто для памяти. Благодаря матери я понял, как важно работать непосредственно с телом, чтобы видеть и чувствовать, как ложится ткань, как она взаимодействует с линиями женщины. Такая работа и является истинным призванием кутюрье». Также Джанни хорошо запомнил, как крестилась его мать, перед тем как делать выкройку и первый отрез ткани ножницами.

Когда Франческа брала Джанни с собой на работу, их путь пролегал мимо городского публичного дома. Каждый раз мать заставляла маленького Джанни отворачиваться, чтобы пороки взрослого мира не будоражили того раньше времени. Впоследствии Джанни приводил этот факт как объяснение своего стремления уйти от пошлости, стремления к невинной женщине как земному идеалу.

Тем не менее в девятилетием возрасте Джанни вызвал гнев школьных учителей тем, что на уроках рисовал, по их словам, «картинки непристойного характера». На самом деле то были эскизы великих киноактрис того времени — Софи Лорен, Джины Лоллобриджиды и других — в разнообразных вечерних платьях, которые маленький Джанни придумывал с целью еще более подчеркнуть их великолепные фигуры. Вопреки подозрениям учителей и директора школы, Джанни не волновали сексуальные секреты мира взрослых. Ему нравилась природная грациозность и красота женских фигур, изящество и пластика линий. Женские тела воспринимались Джанни как модели, которые он мечтал «обнимать» своими нарядами.

После окончания школы перед Джанни встал вопрос выбора профессии. Он к тому времени был безумно влюблен в культуру родной Италии, зачитываясь книгами по истории архитектуры, музыки и живописи. Джанни выбрал для себя профессию архитектора, однако проучился недолго. Мать, видя его стойкий

интерес к одежде, сделала его своим помощником по ателье. Джанни на равных участвовал с Франческой в создании новых моделей, стараясь быть в курсе последних веяний в мире моды. Он регулярно посещал показы мод в Париже, Риме, Лондоне, Флоренции.

Однажды в ателье Франчески раздался звонок, навсегда поменявший жизнь начинающего и подающего большие надежды портного. Один весьма богатый миланский бизнесмен, прослышав об исключительно талантливом юноше, решил вложить в него свой капитал. Джанни без лишних раздумий вылетел в Милан навстречу своей новой судьбе. Это было началом взлета молодого итальянского дизайнера одежды, впоследствии ставшего всемирно известным Джанни Версаче.

В начале своей карьеры в Милане двадцатипятилетний Джанни работал на известнейшие дома моды Complice, Genny и Callaghan. Впоследствии, в 1994 году, он организует в Берлине ретроспективный показ своих ранних коллекций. В годы своего создания ранние работы Версаче оценивались высоко, поэтому, вдохновленный собственными успехами, Джанни создает в 1978 году собственный Дом моды — Gianni Versace. В этом ему активно помогала семья, так, брат Санчо и сестра Донателла стали вице-президентами его предприятия. Годом позже Версаче организует первый персональный показ в Милане. Итальянская публика по достоинству оценила его произведения, моментально приняв и запомнив его неповторимый стиль. Фирменным знаком Дома моды Версаче стала голова Медузы. Это изображение можно увидеть на всех моделях марки Версаче. Этот выбор, по словам Версаче, был сделан совершенно сознательно, так как Медуза символизирует красоту и чары античной классики, красоты, которая в прямом смысле гипнотизирует и даже парализует.

Действительно, одежда от Версаче гипнотизировала публику своей красотой, тончайшим кроем и чистотой линий. Благодаря своему стилю Версаче был общепризнанным королем мировой моды в 80-е годы XX века. Одежду от Версаче полюбили знаменитые киноактеры, музыканты, режиссеры, тем самым невольно лишний раз ее рекламируя. Дошло даже до того, что Сильвестр Сталлоне бесплатно сфотографировался для журнала, «одетый» лишь в эксклюзивную тарелку Версаче.

Годовые доходы Версаче зачастую приближались, по некоторым оценкам, к миллиарду долларов. На него работали 165 именных бутиков и 23 частных магазина «Istante» по всему миру. Фантазия Версаче не ограничивалась лишь модной одеждой. Джанни удавалось создавать театральные костюмы и реквизит, часы, духи, прочие аксессуары, посуду, фарфор, кафель,

даже целые интерьеры «от Версаче».

Версаче смело экспериментировал с разными материалами. Порой он соединял кожу и шелк, кружева и джинсовую ткань. Часто у него получались весьма откровенные и экстравагантные модели, но мировую славу Версаче принесли, как ни странно, простые элегантные черные платья и женственные вечерние туалеты — то, что называется вневременной модой, что ценилось и ценится всегда.

Также утверждению славы торговой марки Gianni Versace способствовало придуманное модельером понятие топ-модели. Версаче заключал долгосрочные контракты с отдельными участницами показов одежды, платил повышенные гонорары. Исключительно элегантные топ- и супермодели становились кумирами целых стран, деталями их личной жизни были переполнены бульварные газеты, миллионы девушек стремились им подражать и быть похожими на них. Все это, пусть и косвенным образом, работало на имидж Джанни Версаче и его торговой марки. Среди созданных Версаче топ-моделей достаточно назвать Наоми Кемпбелл, Клаудию Шиффер, Линду Евангелисту, Синди Кроуфорд.

Как это ни странно звучит, но, постоянно воспевая в своих нарядах и коллекциях женскую красоту, Джанни ею никогда не обладал. Он никогда не скрывал своих гомосексуальных наклонностей. Одиннадцать последних лет своей жизни Джанни Версаче прожил с Антонио д'Амико. Тот был также его профессиональным помощником, управляющим сетью магазинов «Istante».

Можно предположить, что все созданные Версаче возвышенные и прекрасные женские наряды он мысленно посвящал своей матери. Образ Франчески оставался в его памяти чистым и возвышенным идеалом, прекрасным и недосягаемым. По признанию многих моделей, в платьях от Джанни Версаче они ощущали себя настоящими королевами.

Однажды Версаче вместе с Антонио оказались во Флориде. Там они наняли шофера, чтобы тот показал им Майами-Бич. Версаче полюбил этот клочок рая на земле и решил там поселиться. К тому времени у него уже было три дома — замок XVII века в Милане, вилла на озере Комо, также неподалеку от Милана, и большой дом в Нью-Йорке. Однако Джанни купил себе еще один — особняк «Каза Казуарина», в квартале Саус-Бич в Майами. Этот дом был построен в 1930 году как точная копия «Крепости Колумба» в Санта-Доминго, резиденции, построенной сыном великого первооткрывателя Америки и являющейся самым старым из известных жилых строений в Западном полушарии.

Версаче купил «Каза Казуарину» в 1992 году за 2,9 млн долларов. Заручившись согласием местных властей, Версаче выкупил и снес находившийся по соседству мини-отель и соорудил на его месте двухэтажную пристройку.

Свой новый дом Версаче считал для себя этаким раем на земле. В отличие от Италии и Нью-Йорка, где ему приходилось постоянно работать, жизнь во Флориде казалась вечным праздником. Версаче позволял себе ходить по своему району одному, без охраны. Это было для него самой непозволительной роскошью, тем, что нельзя купить ни за какие миллионы долларов и кредитные карточки. Желая подчеркнуть разницу между своей жизнью в Италии — в миланском замке и в 17-комнатной резиденции на озере Комо — ив Саус-Бич, Джанни Версаче говорил так: «В Милане и на озере Комо я читаю Марселя Пруста. Здесь, в Майами-Бич, мне не нужен еще один монастырь. Это место, где я читаю Трумэна Капоте, листаю иллюстрированные журналы, смотрю фильмы по видео». В общем, он жил там, где, по словам почитаемого им писателя-гомосексуалиста Капоте, жизнь — как трын-трава, а точнее трын-травка. Все дома Версаче в Италии были оборудованы огромным количеством камер слежения, а также стальными воротами, у которых постоянно дежурила охрана. В «Каза Казуарине» не было ни ворот, ни охраны, а камеры практически все время были отключены.

В последние дни жизни, проведенные в «Каза Казуарине», Джанни пребывал в приподнятом настроении. К нему приехала любимая сестра Донателла с детьми, навестила Мадонна с маленькой дочкой. Мадонна вспоминала позже, что в тот приезд она пыталась пристрастить Версаче к йоге, уверяя, что, согласно учениям йогов, жизнь людей длится бесконечно. Однако жить Джанни к тому времени оставалось совсем недолго.

Утро 15 июля 1997 года было солнечным и теплым. Улицы Саус-Бич были практически пусты, ведь жизнь там начинает бурлить в основном вечером и ночью. Около половины девятого Версаче по своему обыкновению вышел за газетами. В соседнем «Ньюз кафе» он купил целый ворох журналов — «Нью-Йоркер», «Вог», «Пипл», «Энтертэйментуикли», «Ньюсуик» — заплативчуть более пятнадцати долларов. С журналами в руке Джанни побрел домой по улице Оушн-Драйв. Уже на подходе к ступенькам «Каза Казуарины» его нагнал молодой мужчина в футболке, шортах, бейсболке и теннисных туфлях. В тот момент, когда Версаче вставлял ключ в замочную скважину входной двери, раздался выстрел. Обливаясь кровью, Версаче упал на коралловые ступени виллы. Тут же последовал второй выстрел. На звуки выстрелов из

дома выскочил Антонио, и убийца бросился бежать. Промчавшись вниз по Оушн-Драйв, он сел в красный «шевроле», переоделся в кабине, после чего отогнал машину на автостоянку и ушел пешком. За это время приехала вызванная Антонио «скорая помощь». Она доставила истекающего кровью Версаче в Майамский госпиталь имени Джексона. Однако два огнестрельных ранения в голову оказались несовместимыми с жизнью, и Версаче умер прямо на операционном столе.

Известие о смерти Джанни Версаче быстро распространилось по всему миру. Оно повергло в шок не только представителей общественной элиты, но и простых людей. Так, в Лондоне шикарный магазин Джанни Версаче был закрыт в знак траура. На пороге его лежала гора из цветочных букетов. Аналогичную картину можно было наблюдать и во многих других городах мира — бутики Версаче становились в те дни его мемориалами. Телеграммы соболезнования прислали многие знаменитости из мира высокой моды — Келвин Кляйн, Труссарди и многие другие.

Полиция Майами довольно быстро установила, что в Версаче стрелял некий Эндрю да Силва, 27 лет, известный также как Эндрю Кьюненан, гомосексуалист, и подозреваемый в совершении уже нескольких убийств на территории США. Полиция штата распечатала в огромных количествах самые разные фотографии Кьюненана — с короткой стрижкой и с длинными волосами, в очках и без очков, худого и полного. В поисках Кьюненана участвовало более пятидесяти агентов ФБР, была также объявлена награда в размере 10 тысяч долларов за помощь в обнаружении подозреваемого. В защиту Кьюненана выступил лишь его духовный отец, которого сумели разыскать журналисты. Он повторял в камеру, что Кьюненан не виновен в убийстве и нужно искать другого человека, не располагая, впрочем, никакими доказательствами, кроме своей убежденности.

До начала череды кровавых преступлений, которая прославила и погубила Кьюненана, он был известен в узких кругах гомосексуалистов Сан-Диего (штат Калифорния) как элитный мальчик по вызову. Созданию подобного имиджа в немалой степени способствовали привлекательная внешность Кьюненана, его общительность и тяга к роскоши. Кьюненану удалось завязать немало знакомств в среде богатых геев, у которых он неизменно пользовался большим успехом. Примерно за год до убийства Версаче Кьюненан даже стал героем репортажа в одном из журналов, повествующих о жизни людей с достатком выше среднего. В репортаже, в частности, упоминалось о знакомстве Кьюненана с Версаче, приводился даже факт, что однажды Джанни прилюдно поприветствовал Кьюненана, сказав

тому: «Я вас помню». Этот факт, моментально всплывший на поверхность после убийства Версаче, наводил на Кьюненана дополнительные подозрения.

Вскоре стали известны новые подробности о Кьюненане. В конце апреля 1997 года он уехал из Сан-Диего в Миннеаполис, где жил его любовник архитектор Дэвид Мадсон. Через несколько дней в квартире Мадсона был обнаружен труп отставного офицера Джеффри Трейла. Спустя две недели вблизи Сан-Диего был обнаружен труп Мадсона с пулевым ранением в голове. Выстрел был произведен из пистолета «Смит-Вессон» 40-го калибра.

Еще один бывший любовник Кьюненана был обнаружен спустя несколько недель мертвым, с пулей в голове и без ключей от своего «шевроле». Именно этот «шевроле» и был обнаружен полицией на стоянке вблизи «Каза Казуарины».

Пока основное внимание прессы было сосредоточено на деталях охоты за предполагаемым убийцей, родственникам Версаче удалось тайно вывезти тело Джанни в Италию. Для этого они дезинформировали журналистов относительно места и времени вылета частного самолета, предоставленного, кстати, Сильвио Берлускони, нынешним премьер-министром Италии, а тогда одним из самых богатых и влиятельных людей в стране. Человек, который заставил десятки тысяч людей по всему миру одеваться по-новому, вернулся на родину в черном пластиковом мешке. Из аэропорта Бергамо тело Версаче было доставлено на его виллу на озере Комо. Там состоялась семейная церемония прощания с Джанни. Через несколько дней в кафедральном соборе Милана прошла гражданская панихида, после которой Джанни Версаче был похоронен в фамильном склепе.

Тем временем в Майами некий Дэвид Тодини сообщил в полицию о замеченном им на улице странном молодом человеке. Подозрение вызвал тот факт, что в пасмурную погоду тот повязывал себе голову платком, которым часто пользуются девушки для защиты от солнца. Неизвестный был очень похож на человека, фотографию которого в те дни все газеты во Флориде печатали под заголовком «Разыскивается». Выяснилось, что «человек с платком» обитает в плавучем домике, принадлежавшем Торстену Райнеку, владельцу элитного клуба для гомосексуалистов.

Полиция тут же начала планирование операции по штурму домика. Подготовка заняла около четырех часов. Началось все с обработки домика слезоточивым газом, после чего под прикрытием дымовой завесы группа захвата ворвалась в домик-поплавок. Там было обнаружено тело мужчины без признаков

жизни. Рядом с телом лежал пистолет «Смит-Вессон» 40-го калибра. Документов вблизи трупа обнаружено не было, однако результаты экспертиз однозначно подтвердили, что найдено было именно тело Кьюненана. После этого американская полиция заявила, что убийство знаменитого модельера полностью раскрыто.

Однако у общественности осталось много вопросов по делу Версаче — Кьюненана. Почему Кьюненан, совершив несколько убийств, беспрепятственно перемещался по стране, и лишь когда он убил Версаче, на него началась охота по-настоящему? Сам ли Кьюненан покончил с собой под угрозой неминуемого ареста или же ему помогли это сделать? И, наконец, действительно ли убийство Версаче было результатом нашедшего на Кьюненана помешательства, заставившего его расправляться со своими бывшими любовниками, или же он был лишь орудием в чьих-то руках?

В качестве вероятного ответа на последний вопрос в прессе довольно быстро стала фигурировать н'драгетта — калабрийская мафия. Эта организация — в некотором роде младшая сестра знаменитой сицилийской мафии — считается самой жестокой среди всех итальянских преступных сообществ. Она держит под своим контролем значительные по площади территории на юге Италии, вплоть до зон влияния неаполитанской каморры севернее и сицилийской мафии на юге страны. В настоящее время н'драгетта держит под своим контролем более половины мелких и средних предпринимателей юга Италии, около трех четвертей автоперевозчиков и бензоколонок, более 80 % магазинов. Когда в 90-х годах в ходе операции итальянской полиции «Чистые руки» были арестованы многие главари сицилийской мафии и каморры, н'драгетте удалось сберечь своих лидеров, которые скрывались в Америке и на Лазурном берегу.

Чем же мог Джанни Версаче не угодить этой могущественной организации? Прежде всего тем, что примерно за год до своей смерти Версаче начал борьбу с производителями подделок, использовавшими его товарный знак — голову Медузы. Потери Версаче от деятельности «пиратов» исчислялись сотнями миллионов долларов ежегодно. Да и суммарный оборот таких «фирм-двойников» порой превосходил оборот компаний самого Версаче, причем не менее чем вдвое! Версаче объявил о крупных наградах для тех, кто обнаружит либо выдаст подпольные фабрики, где производится контрафактная продукция под брендом Gianni Versace. Он также активно сотрудничал с итальянской финансовой полицией — так называемым «Желтым пламенем». Всего в 1996 году Версаче потратил на борьбу с

производителями подделок 55 миллионов долларов. И эта борьба приносила свои результаты — были обнаружены целые фабрики, где производился выпуск одежды и парфюмерии «от Версаче». Естественно, это серьезно ударило по интересам н'драгетты, державшей все подпольные производства под своим полным контролем. Вдобавок Версаче публично рассорился с покровителями мафии среди местных калабрийских политиков и отказался продолжать ранее начатые им проекты по строительству в Калабрии. В планах этого строительства значились несколько стадионов, ипподром и бассейн — естественно, все эти объекты должны были приносить н'драгетте постоянный доход.

Весной 1997 года Джанни получил несколько предостережений от н'драгетты. Вначале через забор одного из его особняков перебросили мертвую ворону, затем — подбросили убитую собаку. Но Версаче по-прежнему позволял себе ходить по

Саус-Бич без охраны, словно не веря, что кто-то всерьез может совершить на него нападение в этом раю на земле.

Н'драгетта вполне могла организовать убийство и свалить все подозрения на Кьюненана. Так, человек, опознавший Кьюненана в Майами, был эмигрантом, выходцем из Италии.

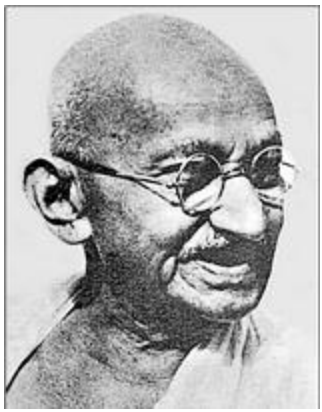
Среди других версий убийства часто упоминалась так называемая «семейная» версия. Согласно ей, убийство Джанни было организовано. его любящей сестрой Донателлой и братом Санчо. Якобы после смерти Джанни их доходы значительно увеличились, ведь прекратились безумные траты денег на роскошь, которые были столь присущи эксцентричному Джанни. Один из бывших охранников Джанни, Френк Монт, даже попытался опубликовать книгу воспоминаний, в которой он прямо обвинял Донателлу в организации убийства и связях с итальянской мафией. Якобы еще при жизни Джанни тот говорил Монту, что имеет серьезные подозрения относительно своих родственников. Однако книга так и не была опубликована — Донателле и Санчо удалось добиться судебного запрета на ее выпуск и распространение.

Существует еще одна версия, которая в наибольшей степени учитывает место убийства — Флориду. Согласно этой версии, Джанни Версаче стоял на пути нелегальной торговли спиртным, табачными изделиями и оружием, которая осуществлялась через Майами под покровительством ATF — американской правительственной организации, призванной бороться. именно с нелегальной контрабандой. Якобы Джанни со своей подругой Мадонной, используя свои связи, наносили ущерб этой торговле, за что Джанни и заплатил своей жизнью.

Уникальный талант Джанни Версаче в сочетании с его южным темпераментом и неотразимым шармом, а также не без значительной помощи фортуны, помогли ему взобраться на вершину славы и добиться высочайших успехов в мире моды и дизайна прошлого столетия. Однако удача — натура переменчивая, и солнечным июльским утром в Саус-Бич она навсегда отвернулась от Джанни Версаче.

ИНДИЯ

ГАНДИ МОХАНДАС КАРАМЧАНД (МАХАТМА) (1869–1948)



Один из лидеров национально-освободительного движения в Индии. Глава партии Индийский Национальный Конгресс. После образование независимых государств Индийский Союз и Пакистан выступал против индо-мусульманских погромов. В1948 году был убит членом одной из индуистских экстремистских организаций.

Начнем с небольшого экскурса в историю. Борьба между несколькими европейскими государствами за право колонизовать Индию началась еще в XVI веке. К середине XIX века Великобритания окончательно победила в этой борьбе и преодолела сопротивление местных жителей. Индия превратилась в английскую колонию. Антиколониальное восстание, охватившее страну в 18551857 годах, тоже было подавлено. В конце XIX века партия Индийский Национальный Конгресс возглавила борьбу за освобождение Индии.

А теперь расскажем непосредственно о жизни нашего героя, о той роли, которую он сыграл в деле освобождения Индии и об обстоятельствах его смерти.

Мохандас Ганди родился 2 октября 1869 года в индийском княжестве Порбандар. Его родители принадлежали к касте торговцев, или «банья». Даже сама фамилия Ганди означает бакалейщик. Но к моменту рождения Мохандаса главы семьи на протяжении уже нескольких поколений занимали различные государственные должности. Его дед был премьер-министром княжества. Затем это место досталось и отцу Мохандаса, который позднее занял аналогичную должность в другом княжестве, Раджкот.

Семья Ганди исповедовала индуизм. Особенно религиозна

была его мать. Он привила сыну целый ряд важных качеств, таких, как религиозная терпимость, честность, неприятие насильственных методов доказательства своей правоты, любовь к скромности в быту. От отца Мохандас унаследовал порядочность, бескорыстие и настойчивость в достижении своих целей.

В возрасте 7 лет Ганди, как это часто происходило в Индии, был обручен, ав 13 его женили. Несмотря на такой ранний и заключенный не по собственной воле брак, в дальнейшем жена Ганди, Кастурбай, стала верной и надежной спутницей его жизни. В 1883 году в их семье уже появился сын.

У многих чиновников-индийцев было принято отправлять детей на учебу в Англию. Так произошло и с Мохандасом. Но тут не обошлось без сложностей. Каста, к которой принадлежала семья Ганди, на своем совете запретила юноше ехать в Англию под угрозой отлучения. Может быть, именно благодаря этому событию юноша впервые задумался о несправедливости и архаичности кастовой системы, против сохранения которой позднее выступал. Ганди пренебрег запретом. В 1884 году, закончив на родине английскую школу, он отправился в Лондон, где получил юридическое образование.

В Англии Мохандас не только изучал юриспруденцию. В Лондоне он интересовался искусством, философией, историей различных религий. Здесь же Ганди посещал лекции Дадобхая Наороджи — индийца, члена парламента Великобритании и сторонника независимости Индии.

Вернувшись в Индию, Ганди занимался адвокатской практикой сначала в Бомбее, а затем — в Раджкоте. В 1893 годуГанди предпринял новую поездку. Он отправился в Дурбан — город в Южной Африке, где к тому моменту уже 25 лет существовала индийская община. Туда молодой адвокат был приглашен представлять интересы одной из индийских торговых фирм.

В Южной Африке Ганди столкнулся с расовой дискриминацией по отношению к индийцам. Как человек, получивший современное европейское образование, притеснения своих соотечественников он воспринял очень болезненно. Поэтому очень скоро он, помимо работы адвоката, занялся и общественной деятельностью. Ганди создал два ашрама (духовные общины, коммуны), один из которых назвал Толстой-фарм. Дело в том, что он был большим поклонником творчества и мировоззрения Льва Николаевича Толстого. Позже он даже вел переписку с великим русским писателем, проповедовавшим идеи о непротивлении злу насилием, которые были так близки нашему герою.

Во время своей поездки на родину в конце 90-х годов Ганди близко сошелся с лидерами партии Индийский Национальный Конгресс (ИНК). По образцу ИНК Ганди создал в Южной Африке Индийский конгресс Наталя (провинции, где он работал). Здесь же он разработал и впервые применил свою систему политического протеста, которую назвал сатьяграха — в дословном переводе с санскрита — «упорство в истине». Сатьяграха заключалась в ненасильственном сопротивлении, несотрудничестве. Ганди предлагал такие формы гражданского неповиновения: отказ от работ, закрытие учреждений, мирные демонстрации и пикеты, в том числе окружение плотной толпой демонстрантов чиновников, чтобы воспрепятствовать их приходу на работу, не причиняя вреда. Через два года после приезда в Африку Ганди перевез туда и семью, решив не возвращаться в Индию, пока не добьется успехов в своей борьбе.

С 1904 года начала выходить основанная Ганди еженедельная газета «Индиан Оппонент». Сам Ганди принял брахмачарию — обет самоограничения, заключавшийся, в том числе, и в отказе от собственности. Во время англо-бурской (1899–1902 гг.) и англо-зулусской (1906 г.) войн симпатии Ганди были не на стороне англичан. Но методы буров и зулусов Ганди, конечно же, не одобрял. Он организовывал санитарные отряды для оказания помощи английским солдатам. Тем самым Ганди старался продемонстрировать лояльность индийцев к Великобритании, что, по его мнению, могло в дальнейшем положительно повлиять на исход мирной борьбы за свободу Индии от британского владычества.

В Африке Ганди дважды организовывал сатьяграхи. Первая 1906–1907 годов формально закончилась неудачей. Она была направлена на отмену закона о введении для индийцев специальных пропусков. Для получения такого пропуска было необходимо пройти унизительную процедуру полицейской регистрации, в том числе — отпечатков пальцев. Закон так и не был отменен, но организованная акция привлекла внимание общественности к расовой дискриминации в Южной Африке.

Во время проведения второй сатьяграхи — в 1913 годуГанди неоднократно подвергался аресту. Тем не менее в этот раз он смог добиться своего. После заключения договоренности с министром обороны Южно-Африканского Союза акция была прекращена, а власти издали закон «Об улучшении положения индийцев».

Выполнив, таким образом, свою миссию, Ганди в 1914 году покинул Южную Африку и вернулся на родину. Здесь, близ города Ахмадабада, он основал новый ашрам. Теперь основной

своей задачей Ганди видел борьбу за независимость Индии от господства Великобритании. Для достижения этой цели он собирался использовать методы борьбы, опробованные в Африке. Поэтому новая община получила название «Сатьяграха ашрам».

После окончательного возвращения на родину Ганди восстановил свои связи с лидерами Индийского Национального Конгресса. Они поспособствовали организации коммуны. Более того, сам ашрам существовал на пожертвования состоятельных индийцев-патриотов, в основном входящих в ИНК.

После окончания Первой мировой войны Англия отказалась выполнять свое обещание о переходе Индии на систему самоуправления. Ганди начал выпуск газеты «Молодая Индия», в которой пропагандировал свою идею сатьяграхи. В это время волны мирных демонстраций и митингов прокатились по Индии. Конечно, не обошлось и без уличных беспорядков. В некоторых городах англичане применили для разгона демонстраций военные силы. Особенно жестоко расправились с митингующими в городе Амритсаре, где толпу расстреляли из пулеметов. В результате погибло 379 человек. Раньше Ганди был сторонником сотрудничества с англичанами. Он считал, что таким путем можно добиться процветания Индии и предоставления ей самоуправления. Но расправа над манифестантами заставила его признать бесперспективность такого подхода. Ганди возглавил комиссию Индийского Национального Конгресса по расследованию трагедии в Амритсаре. Также он стал призывать народ к сатьяграхе. К нему присоединился и ИНК. Индийцы откликнулись на призыв. Во многих городах прошли митинги и демонстрации сторонников освобождения Индии.

В 1920 году Ганди составил программу долгосрочного проведения сатьяграхи. Согласно этой программе, всеиндийскую сатьяграху следовало проводить в два этапа. На первом этапе протест должен выражаться в отказе индийцев от покупки иностранных товаров, участия в выборах, посещения английских учебных заведений, принятия должностей, предоставленных англичанами, участия в официальных мероприятиях. На втором этапе должен был последовать отказ от уплаты налогов. В это же время Ганди трудился над созданием нового устава ИНК. Согласно новому уставу, партия должна была превратиться в массовую всеиндийскую организацию. И программа, и устав были приняты Конгрессом, а Ганди стал его новым лидером.

В 1922 году все индийская сатьяграха была приостановлена. Но Ганди не собирался прекращать свою деятельность. Он занялся воплощением в жизнь нескольких своих идей. Первой из них была пропаганда домашнего ткачества. К производству

тканей в домашних условиях Ганди относился чрезвычайно серьезно. Это занятие должно было решить сразу две проблемы: социальную и политическую. Домашнее ткачество создавало сферу деятельности для громадного уже в те времена населения страны, которое страдало от безработицы. Кроме того, развитие этого проекта могло сделать Индию независимой от иностранных производителей тканей, в первую очередь английских. Недаром одним из символов свободы и процветания Индии Ганди считал ручную прялку — чарку. Он писал: «Я связал мою веру с чаркой. Я глубоко убежден, что от нее зависит спасение нашей страны. Чарка и только чарка может решить, если это вообще возможно, проблему глубокой нищеты Индии». Для воплощения в жизнь программы возрождения домашнего ткачества он создал специальную организацию «Чарка сангх».

Вторая задача, которую ставил перед собой Ганди, — борьбы против кастового строя. Как мы уже писали, он считал кастовый строй одним из самых ярких проявлений социальной несправедливости. Особенно протестовал Ганди против положения, которое занимала в Индии каста неприкасаемых. В этом вопросе его отличал максималистский подход. Ганди не поддерживал различные социальные программы, целью которых было оказать неприкасаемым материальную или духовную помощь. Он считал, что сам факт существования неприкасаемости — позор для современного мира, и эта постыдная практика должна быть уничтожена. Своим личным примером Ганди старался продемонстрировать правильное отношение к неприкасаемым, в общении ничем не отличая их от прочих индийцев. Неприкасаемых Ганди называл словом «хариджан» (дети бога), принимал их ашрам, общался и принимал пищу вместе с ними, перемещаясь по стране, всегда ездил в третьем классе, за что получил полушутливое прозвище «пассажир третьего класса». Кроме того, защищая права неприкасаемых, Ганди объявил голодовку. Для борьбы за уничтожение института неприкасаемости также была создана организация «Хариджан севак сангх».

Третьим из основных направлений деятельности Ганди стал протест против очень распространенного на территории Индии явления — конфликтов на религиозной почве. Второй религией страны, помимо индуизма, и по сей день является ислам. Отношения между мусульманами и индуистами постоянно были напряженными.

Эта проблема давно беспокоила Ганди. Он считал, что нет «неправильных» религий, каждая религия в той или иной форме несет в себе истину. Еще в 1916 году Ганди стал одним из

инициаторов встречи между Индийским Национальным Конгрессом и лидерами Мусульманской Лиги. Результатом этой встречи стало подписание пакта о единстве мусульман и индуистов в борьбе за освобождение Индии. Но в этой области деятельности Ганди ждало разочарование. Уже в 1922 году радикально настроенные мусульмане отошли от сотрудничества с ИНК и стали вести политику создания отдельного мусульманского государства. До конца жизни Ганди считал это безумием, и, возможно, последовавшие позднее войны между Пакистаном и Индией подтверждают его правоту. Защита идеи межрелигиозного единства стала, в конце концов, причиной смерти Ганди. Но не будем торопить события, тем более такие.

В том же 1922 году Ганди был арестован и осужден на шестилетнее тюремное заключение за подстрекательство к мятежу. Через два года он был освобожден, но деятельность свою не прекратил. Особое внимание Ганди продолжал уделять возрождению ручного ткачества. Но при этом не оставлял без внимания и многие другие вопросы: занимался проблемами начального образования, соблюдения прав гигиены, возрождения крестьянских общин, агитировал в пользу принятия «сухого закона», боролся за женское равноправие.

За свою деятельность, идеи и ненасильственные пути их воплощения Ганди получил в народе прозвище Махатма, что в переводе означает «великая душа».

В 1929 году новую силу стало набирать движение за независимость Индии. Махатма организовал вторую всеиндийскую сатьяграху. На этот раз одной из первых точек приложения его усилий стало производство соли. Дело в том, что эта сфера деятельности являлась государственной монополией. В этом году правительство объявило о повышении налога на соль. В рамках акции гражданского неповиновения Ганди возглавил так называемый «Соляной поход». Он и его последователи собрались в приморском городе Данди и занялись производством соли. Конечно же, не собственно производство соли было целью этой акции. С помощью ее Махатма и его сторонники подали пример ненасильственного сопротивления властям. И такой пример возымел действие. Тысячи индийцев стали демонстрировать неповиновение, самостоятельно производя соль. Вскоре протест принял и другие формы. По всей Индии начались демонстрации и митинги сторонников независимости. Иногда, к большому огорчению Ганди, дело доходило до насилия. За время второй всеиндийской сатьяграхи многие члены ИНК попали за решетку.

В 1931 году правительство, в лице вице-короля Индии Ирвина, было вынуждено пойти на уступки. Согласно

договоренности между Ганди и Ирвином, ИНК приостанавливал проведение сатьяграхи, а власти обещали освободить заключенных. Сам Ганди должен был представлять ИНК на конференции «круглого стола» в Лондоне. Однако на «круглом столе» Ганди не смогдобиться от правительства Великобритании никаких уступок. Вернувшись в Индию, он снова возглавил сатьяграху. Но английское правительство заняло жесткую позицию. Снова начались многочисленные аресты. Кянварю 1932 года уже 100 000 членов ИНК, в том числе и сам Ганди, оказались в заключении.

В тюрьме Махатма несколько раз объявлял голодовки. Хорошо характеризует его то, что причинами этих акций было не заключение Ганди и его сторонников. Голодовки были связаны с протестом против политики, проводимой по отношению к касте неприкасаемых. Первая голодовка длилась 6 дней. Вторая — уже 21 день. По стране распространились слухи об ухудшении состояния здоровья Махатмы. Начались народные волнения. В 1934 году Ганди был выпущен на свободу. В это же время он принял решение о прекращении сатьяграхи. Это было связано с тем, что правительство вскоре должно было принять новое решение об управлении Индии. В этом же году Махатма вышел из Индийского Национального Конгресса, хотя все равно оставался его духовным лидером.

Ганди снова сосредоточился на решении внутренних проблем. Опять на первое место вышли идеи объединения индуистов и мусульман, ручного ткачества, равноправия для неприкасаемых. В это время Махатма переводит свою общину в Центральную Индию. На новом месте он продолжает выпуск газеты.

В тридцатых годах в политическую деятельность активно включилась Кастурбай, жена Ганди. За время всеиндийской сатьяграхи она неоднократно подвергалась арестам и тюремному заключению.

Следующий пик освободительного движения пришелся на время Второй мировой войны. В августе 1942 года Конгресс обратился к английским властям с требованием немедленно предоставить Индии независимость. Великобритания отказала. Тогда Ганди начал организацию и проведение третьей всеиндийской сатьяграхи под лозунгом «Вон из Индии!». При этом Махатма вновь настаивал на исключительно мирном характере освободительного движения.

Индийский Национальный Конгресс объявляют вне закона. Вскоре Ганди и Кастурбай снова были арестованы. В феврале 1943 года Ганди опять объявляет голодовку, которая длится 21

день. Через некоторое время в тюрьме умирает Кастурбай. Здоровье Махатмы тоже сильно подорвано. В 1944 году его выпускают на свободу.

В феврале 1946 года состоялось восстание индийских моряков. С одной стороны, восстание прошло под тремя флагами: Индийского Национального Конгресса, Мусульманской Лиги и Коммунистической партии. Это не могло не порадовать Ганди, так желавшего объединения всех индийцев, вне зависимости от вероисповедания, в борьбе за общенациональную свободу. Но Махатма оставался сторонником исключительно мирных путей сопротивления, поэтому восстание моряков осудил. Тем не менее он согласился быть посредником в переговорах между лидерами восстания и английскими властями.

В августе 1946 года англичане предложили Джавахарлалу Неру сформировать правительство Индии. Это вызвало резкое недовольство Мусульманской Лиги. Ее лидер, Мухаммед Али Джинна, объявил «День прямых действий». По всей стране начались столкновения между индуистами, сторонниками единой Индии, и мусульманами, стремящимися к созданию независимой мусульманской страны Пакистана. В это время Ганди находился в Калькутте — центральном городе Западной Бенгалии. Несколько дней в городе не прекращалась резня. Осенью, когда волнение в Калькутте улеглось, 77-летний Ганди предпринял пешее путешествие по Восточной Бенгалии и провинции Бихар, где продолжалось открытое противостояние между индусами и мусульманами. Он убеждал население прекратить вражду. Также Ганди оставался активным противником отделения от Индии мусульманского Пакистана. Но эта акция Ганди приводила только к локальным успехам. Побоища продолжались на территории всей остальной страны.

Вице-королем Индии в это время был лорд Маунтбеттен. Он пригласил Ганди на переговоры о механизмах перехода Индии на самоуправление. В рамках этих переговоров Маунтбеттен предложил план передачи власти двум самостоятельным государствам: Индии и Пакистану. Ганди сперва продолжал возражать, но в конце концов принял такое развитие событий как неизбежное.

15 августа 1947 года состоялась сессия Всеиндийского комитета Национального Конгресса. На ней было принято решение о создании двух независимых государств: Индии и Пакистана. Махатма голосовал за это решение.

Но принятое решение не прекратило межрелигиозных конфликтов, а только подлило масла в огонь. Миллионы людей снялись с обжитых мест и двинулись в ту страну, в которой их

религия должна была стать основной. Индуисты переселялись в Индию, мусульмане — в Пакистан. Общее количество переселенцев достигло 16 миллионов. Естественно, что массовые перемещения людей, объединенных одной религиозной принадлежностью и враждебно настроенных по отношению к религиозным оппонентам, вызывали возникновение новых конфликтов, столкновений и даже кровавых расправ. Особенно сильные волнения продолжались в Калькутте, где в это время находился Ганди. В знак протеста против столкновений Махатма предпринял очередную голодовку. Вскоре он ослаб настолько, что его жизни стала угрожать опасность. Слухи об этом быстро распространялись. Тогда к Ганди явились представители различных религиозных общин Калькутты и поклялись обеспечить прекращение столкновений в городе. Надо заметить, что эти обещания не оказались пустыми.

Подогревало эту вражду и существование спорной территории — княжества Кашмир. Махараджа Кашмира исповедовал индуизм и хотел, чтобы княжество вошло в состав Индии. Но большую часть населения составляли мусульмане, сторонники присоединения к Пакистану. Уже в октябре 1947 года между недавно образовавшимися государствами вспыхнула война.

После восстановления спокойствия в Калькутте Ганди решил отправиться с такой же миротворческой миссией в Пенджаб. Но до него со всех сторон доходят сведения, что межрелигиозные столкновения охватили всю страну. Ганди опять объявляет голодовку. Опять его жизнь в опасности. И опять популярность Махатмы во всей стране дает свои результаты. К постели изможденного миротворца приходят лидеры религиозных общин всех конфессий, новоявленные лидеры Пакистана, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Они клянутся сохранять мир и подписывают договор о прекращении преследования мусульман и возвращении отнятых у них мечетей.

Но на деле конфликты и столкновения продолжаются. Продолжается и вооруженный конфликт из-за Кашмира. 12 января 1948 года Махатма объявляет последнюю в своей жизни пятидневную голодовку. Влияние Ганди на народные массы по-прежнему было очень велико. Это мешало проводить собственную линию радикально настроенным индуистам. 20 января в Дели на него было совершено первое покушение. Махатма произносил речь с веранды своего дома.

Во время речи в него из толпы бросил самодельную бомбу индуист-фанатик. К счастью, взрыв никому не причинил вреда. Соратники Ганди предлагали ему усилить собственную охрану.

Но на это предложение Махатма ответил: «Если мне суждено погибнуть от пули безумца, я сделаю это с улыбкой. Бог должен быть в моем сердце и на устах. И обещайте, что, когда это случится, вы не станете лить обо мне слезы».

30 января 78-летний Ганди провел весь день в работе. Он и его единомышленники трудились над проектом конституции молодого самостоятельного государства. Вечером Махатма вышел на лужайку перед своим домом: каждый день он проводил там для собравшихся почитателей вечернюю молитву. У дома его приветствовала толпа в пятьсот человек. Ганди подошел к своей скамье и поприветствовал собравшихся. В этот момент из толпы к нему сумел пробиться Надхурамом Гадсе, издатель одной из провинциальных газет и член «Раштрия севак сангх» — индуистской шовинистической организации. Он выхватил пистолет и трижды выстрелил в упор. Одна пуля застряла в легких Махатмы, еще две прошли навылет. Перед смертью Ганди только смог произнести «О Боже».

Похороны Ганди собрали более миллиона человек. Церемония проходила недалеко от Дели. Погребальный костер зажег сын Махатмы Рамдас. Затем прах был перенесен в Раджкот. До сих пор 2 октября, в день рождения Махатмы на его мемориале собираются толпы людей. Многие из них держат в руках ручные прялки. Зачастую даже президент страны во время поминальной церемонии занимается ручным ткачеством.

В знак траура по поводу смерти Ганди были приспущены флаги ООН. Руководители практически всех стран присылали свои соболезнования. К ним присоединился Папа Римский, Далай-лама и архиепископ Кентерберийский. Это еще раз подтвердило, что духовные ценности, проповедуемые Ганди, являются общечеловеческими и не связаны с какой-то конкретной религиозной принадлежностью.

Расследование обстоятельств убийства привело к выявлению целой группы экстремистов, участвовавших в заговоре. По делу о покушении на Ганди было осуждено восемь человек, двое из которых приговорены к смертной казни.

Всего за время существования независимой Индии и Пакистана в результате межнациональной резни погибло около миллиона человек. Трудно сказать, сколько тысяч человеческих жизней спас своей миротворческой деятельностью Ганди. Потомкам Махатма оставил очки, пару сандалий, посох и. 80 томов своих сочинений.

Закончить хочется словами Альберта Эйнштейна: «Возможно, грядущие поколения не поверят, что такой человек из обыкновенной плоти и крови ходил по этой земле».

P.S. Недавно известный индийский писатель и историк Прадип Чандракант Дальви подал в Верховный суд штата Махараштра иск о пересмотре обстоятельств убийства Махатмы Ганди. Дальви считает, что расследование 1948 года было проведено не достаточно тщательно, многие факты были скрыты от суда и общественности. В связи с этим, вполне возможно, что за осужденной восьмеркой экстремистов стояли гораздо более влиятельные политические деятели Индии.

ГАНДИ ИНДИРА (1917-1984)

Дочь первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Государственный деятель. Премьер-министр Индии в 1966–1977 и 1980–1984 годах. Была убита собственными охранниками-сикхами.

В лучших традициях индийского кинематографа мы начнем рассказ об Индире Ганди с вопросов родства. Индира не является родственницей Махатмы Ганди. Ганди — фамилия ее мужа. Но с Махатмой она была знакома с детства. Индира была дочерью другого знаменитого политического деятеля Индии — Джавахарлала Неру.

Ее отец происходил из более чем обеспеченной семьи, сдетства привык к богатству и роскоши, получил прекрасное образование в Кембридже. Кроме денег, семья обладала еще и знатным происхождением. Неру принадлежали к браминам — высшей касте. Во время рождения дочери Индиры Джавахарлал работал адвокатом, занимался он также политической и общественной деятельностью.

Несмотря на происхождение, он отличался скромностью, неприхотливостью и любовью к спартанскому быту. Дед Индиры — Мотилал Неру, был одним из лидеров Индийского Национального Конгресса (ИНК). В 1912 году Джавахарлал тоже стал членом этой партии. Женился он в 1916 году. Камала, жена Джавахарлала, вскоре присоединилась к борьбе мужа за свободу и процветание Индии.

Индира появилась на свет 19 ноября 1917 года в Аллахабаде. Родилась и воспитывалась девочка в «Обители радости» — богатом доме ее деда. Это, правда, не соответствовало традициям, согласно которым рожать женщина должна в доме матери.

В доме Неру часто появлялся его соратник и друг Мохандас Ганди. Индира с детства привыкла видеть великого духовного лидера индийского народа. Ганди оказал на девочку большое влияние. Уже в восемь лет она организовала и возглавила детский союз по развитию домашнего ткачества. В доме Неру собирались дети, входившие в этот союз, и в меру своих сил и способностей изготавливали несложные изделия, например носовые платки. Индира часто выступала перед своими сверстниками с речами. Таким образом, можно сказать, что девочка с раннего детства готовилась (или ее готовили) к политической карьере. Брат Индиры умер в младенчестве. Может быть, именно поэтому Джавахарлал столько времени и сил вложил в воспитание дочери, и обеспечил ей нетрадиционное для индийской женщины образование.

В 17 лет Индира поступает в основанный знаменитым индийским поэтом Рабиндранатом Тагором народный университет. Но получить образование на родине девушке не удалось. Камала, ее мать, болела туберкулезом. Вскоре после поступления Индиры в университет началось обострение болезни. Врачи рекомендовали отправиться на лечение в Швейцарию. Девушка была вынуждена сопровождать мать в поездке. С народным университетом пришлось попрощаться. В Швейцарии Индира продолжила учебу в одном из местных университетов.

В Европе девушку постоянно сопровождал ее будущий муж, Фероз Ганди (он также не является родственником Махатмы Ганди, просто эта фамилия очень распространена в Индии). Молодой человек был почитателем и последователем Джавахарлала Неру, другом его семьи. По своему происхождению Фероз был гораздо ниже своей будущей жены. Как мы уже писали, Индира принадлежала к браминам, высшей касте. А Фероз был парсом. С точки зрения кастовости, такой брак был невозможен, но Неру не придерживались в этом отношении консервативных взглядов.

Лечение в Швейцарии не спасло мать Индиры от страшной болезни. В 1936 году Камала Неру умерла. Перед смертью она одобрила и благословила будущий брак дочери.

Печальные известия приходили и с родины. Джавахарлал Неру уже не в первый раз был заключен в тюрьму (в общей сложности с 1921 года и до провозглашения независимости Индии он провел в тюрьме около 10 лет). Его родители умерли. «Обитель радости» сменила хозяев. Возвращаться было некуда. От идеи получения образования на родине пришлось отказаться. Поэтому после смерти матери Индира приняла решение переехать из Швейцарии в Англию и поступить в Оксфорд, где в

это время учился Фероз Ганди.

Получив образование, молодые люди покинули Туманный Альбион и отправились на родину. Но уже шла Вторая мировая война. Ехать через Средиземное море и Суэцкий канал было немыслимо. Пришлось возвращаться через Атлантический океан и Южную Африку. В Кейптауне Индиру Неру, как дочь уже знаменитого тогда Джавахарлала Неру, встречала масса индийцев — жителей местной индийской общины. Здесь перед толпой встречающих Индира произнесла свою первую публичную речь.

В 1941 году молодые люди прибыли в Индию. Следующие несколько лет жизни Индира посвятила домашним заботам. Ее свадьба состоялась в 1942 году, а через четыре года в молодой семье было уже двое сыновей: старший — Раджив и младший — Санджай.

Но 15 августа 1947 года спокойному течению семейной жизни пришел конец.

Была провозглашена независимость Индии. Вскоре Джавахарлал Неру стал премьер-министром и министром иностранных дел Индийской Республики. Несмотря на возражения мужа, Индира отправилась в Дели и стала личным секретарем отца, его неизменным спутником во всех внутренних и внешних поездках, ближайшим помощником и советником.

Времена для Индии были тяжелыми. Внутренние конфликты на религиозной почве, война с Пакистаном за раздел земель после распада страны, массовая нищета, безработица, голод и безграмотность, эпидемии холеры, оспы, малярии; примитивная, а теперь еще и оставшаяся без английских инвестиций экономика — все это далеко не полный перечень проблем, с которыми столкнулся новый глава государства.

Все свое время и силы Джавахарлал Неру отдавал тому, чтобы поставить молодую страну на ноги. Не отставала от него и дочь. Именно в это время впервые проявилась ее фантастическая работоспособность: она работала по 18 часов в день.

Политика Неру прежде всего была направлена на то, чтобы сохранить целостность Индии после провозглашения ее независимости. В этом он преуспел. Находясь под властью англичан, Индия включала в себя более шестисот отдельных княжеств. После разделения страны на два самостоятельных государства (Индия и Пакистан) 555 княжеств отошло к Индии. Некоторые из них стремились к отделению. Правительство во главе с Джавахарлалом Неру провело реформу, в результате которой княжества были объединены в 12 провинций. Это сильно ослабило позиции сепаратистов. Правительство Неру смогло

сохранить страну единой.

Далее Неру занялся второй проблемой — восстановлением, а скорее — строительством экономики. Была проведена земельная реформа, реорганизация промышленности и активное ее развитие. Много внимания при этом уделялось ликвидации безработицы. Во время правления Неру было начато и осуществлено большое количество грандиозных проектов: строительство сталелитейных заводов, возведение плотин. Также не на последнее место Неру ставил вопрос о развитии образования, науки и культуры. Он создавал библиотеки, научные лаборатории, музеи.

Позицию страны в различных международных вопросах Неру определял как исключительно мирную. Он вывел пять принципов мирных отношений между странами: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и ненападение; 5) мирное сосуществование. На этих принципах и строило свою внешнюю политику правительство Неру.

Во многом благодаря миротворческой деятельности Джавахарлала Неру была прекращена война в Корее, а в 1954 году в Женеве между Великобританией, США, Францией, Китаем и СССР было достигнуто соглашение о признании полной независимости стран Индокитая и невмешательстве в дела этого региона.

Во всех этих делах Джавахарлал неизменно полагался на поддержку и помощь Индиры. Но способствовать политической карьере своей дочери считал зазорным и недостойным. Конечно, в ее продвижении по административной лестнице большую роль сыграло имя отца, но открытого содействия дочери Джавахарлал никогда не оказывал. Тем не менее с 1955 года Индира начинает входить в руководящие органы ИНК, а в 1959 году становится его президентом.

Все свое время и силы Индира Ганди отдавала работе. Времени на семейные заботы фактически не оставалось. В 1960 году ее постигла очень тяжелая утрата: умер Фероз Ганди. Вдвойне тяжелее было Индире от осознания того, что последние десять с лишним лет она уделяла семье вообще, и мужу в частности, очень мало внимания. Индира уходит с поста президента Индийского Национального Конгресса и на некоторое время перестает принимать участие в общественной и политической деятельности.

Но период политического бездействия длится недолго. Уже в том же году Индира Ганди становится членом исполнительного

совета ЮНЕСКО, в 1961 — входит в рабочий комитет ИНК, занимается миротворческой деятельностью, ездит по стране, посещает регионы, в которых продолжаются вспышки межрелигиозных и межнациональных конфликтов.

В январе 1964 года прямо на сессии ИНК с Джавахарлалом Неру случился удар. Еще на протяжении четырех месяцев бессменный премьер-министр Индии оставался жив. Все это время Индира Ганди находилась возле отца, передавая его волю коллегам по министерству и лидерам партии. 27 мая 1964 года Джавахарлал Неру скончался. Уже на следующий день состоялась погребальная церемония. Костер зажег младший сын Индиры Ганди — Санджай.

После смерти Джавахарлала Неру премьер-министром Индии и президентом ИНК становится старый соратник НеруЛал Бахадур Шастри. Индира Ганди входит в состав правительства и занимает пост министра информации. Хотя сам Шастри придерживался тех же мирных взглядов, что и Неру, его недолгое правление ознаменовалось новой войной. В августе 1965 года пограничный конфликт в Кашмире перерос в очередное вооруженное противостояние Индии и

Пакистана. В начале января 1966 года на встрече в Ташкенте между представителями обоих государств был заключен мир. А еще через два дня после этого Лал Бахадур Шастри умер от сердечного приступа.

Несмотря на сопротивление оппозиции, во главе которой стоял Морарджи Десаи, 48-летняя Индира Ганди становится премьер-министром Индии и новым лидером ИНК.

В 1967 году состоялись выборы, на которых прозвучал первый тревожный для Конгресса звоночек. Эти выборы партия выиграла с большим трудом. Индира Ганди понимала, что необходимы реформы. В рамках этих реформ было решено национализировать крупные банки, взять под управление государства внутреннюю и внешнюю торговлю, организовать по всей стране сеть кооперативной торговли товарами широкого потребления, установить ограничение на владение землей в пределах городов, осуществить земельную реформу, отменить пенсии и привилегии для князей. Все эти, а также многие другие меры были направлены на ограничение роста монополий и ослабление влияния частного капитала.

Реформы, а особенно национализация 14 крупнейших банков страны вызвали недовольство среди консерваторов, сторонников развития частного капитала. В 1969 годупроизошел раскол Индийского Национального Конгресса на две партии: Правящий конгресс и Оппозиционный конгресс. Оппозиционный конгресс

возглавил Десаи.

Из-за произошедшего раскола правительство утратило большинство в Народной палате. Но Индира Ганди была уверена в популярности своих реформ среди народа. Поэтому она назначила выборы на март 1971 года, на год раньше срока. На выборах правящий конгресс одержал убедительную победу, получив 68 % голосов.

В 1971 году произошла еще одна война. В Восточной Бенгалии, которая вошла в состав Пакистана, начались серьезные народные волнения. Провинция стремилась к независимости. Власти Пакистана применили жесткие меры по подавлению восстания. В результате вооруженных действий за 1971 год было убито около трех миллионов бенгальцев. Десять миллионов беженцев искали убежище на территории Индии. Индия решила поддержать восставших.

3 декабря началась так называемая бенгальская война. Она длилась всего две недели. За это короткое время Пакистан потерпел сокрушительное поражение. Восточная Бенгалия стала Народной Республикой Бангладеш.

Эти события привели к росту и без того немалой популярности Индиры Ганди. Выборы 1972 года она выиграла с грандиозным преимуществом.

Но в 1973–1974 году произошел мировой энергетический кризис. Индия же зависела от импорта нефти на две трети. Затраты на этот импорт выросли во много раз. Кроме того, уже четыре года продолжалась засуха. Сельское хозяйство пришло в упадок. Эти и некоторые другие факторы вызвали серьезные проблемы в и без того сложном экономическом положении страны. Началась инфляция. Рост цен. Падение уровня жизни, которому и падать-то уже было некуда. Индире

Ганди пришлось отказаться от ее же политики самостоятельного развития экономики страны и прибегнуть к иностранным займам. Но и это ненамного улучшило положение населения. Общественное мнение, не без участия оппозиции, склонялось к тому, что действующее правительство и Индира Ганди виноваты в возникшем кризисе. По всей стране начались волнения, постепенно перешедшие в беспорядки и восстания.

Кроме того, в 1975 году Индира Ганди была обвинена судом за нарушение законов о выборах (в 1971 году). 26 августа 1975 года правительство Ганди объявило в стране чрезвычайное положение. С помощью этой меры удалось навести порядок в стране, но не вернуть правительству популярность. Чрезвычайное положение породило всплеск коррупции, связанный с резко возросшей властью чиновников. Также не способствовал

восстановлению популярности Индиры Ганди ее младший и любимый сын Санджай, которого Индира прочила в свои преемники. Принятые им меры по наведению порядка были слишком жесткими. Кроме того, он был сторонником принудительной стерилизации как способа снизить темпы роста населения. К слову сказать, правительство пыталось внедрить так называемую «Программу планирования семьи», в которую также входила принудительная стерилизация.

Несколько оппозиционных партий объединились в одну «Джаната парти» (народная партия) под руководством Морарджи Десаи. Выборы были назначены на середину марта 1977 года. На них уверенно победила «Джаната парти». За всю историю независимой Индии ИНК первый раз выпустил из своих рук бразды правления страной.

В результате поражения на выборах в Индийском Национальном Конгрессе произошел раскол. Из своих сторонников, входящих в конгресс, Индира Ганди создала новую партию — «Индийский Национальный Конгресс (Индиры)» или ИНК(И). Кроме того, Индира Ганди делает еще один очень выгодный политический шаг. Она открывает свой дом для посещения всеми желающими. Это очень быстро приводит к возвращению былой популярности.

Между тем пришедшая к власти оппозиция попыталась провести кардинальные реформы. Главной ее позицией был отказ от централизованной экономики и поощрение развития частного капитала. Но народ интересовало прежде всего решение его проблем. А реформы в короткие сроки не могли ни накормить, ни одеть страну. Справиться с ситуацией новым властям не удалось. В январе 1980 года состоялись внеочередные выборы. ИНК(И) получил на них более двух третей голосов, и к штурвалу страны вновь стала Индира Ганди.

Но вскоре Индиру постиг новый удар. Как мы уже писали выше, у нее было два сына. Старший, Раджив, политической деятельностью не занимался и работал летчиком. Младший же и любимый сын, Санджай, был активным, а иногда — даже слишком активным последователем матери. Индира Ганди надеялась когда-нибудь сделать его своим политическим преемником. 23 июня 1980 года Санджай погиб в авиакатастрофе. Сраженная горем Индира смогла убедить старшего сына заменить его брата в роли сподвижника и будущего преемника матери. Раджив не очень охотно поддался на увещевания матери. Возможно, если бы Индира знала, какая участь ждет ее сына на этом поприще, она не стала бы его уговаривать. Но не будем забегать вперед.

Казалось бы, теперь никто не мог оспорить власть у Индиры Ганди и ее партии.

Но кризис не прошел даром. В стране распространились сепаратистские настроения. Целый ряд национальных, политических и религиозных группировок начали деятельность по отделению от Индии тех или иных территорий. В Западной Бенгалии начались движения в пользу присоединения к Бангладеш. Опять вспыхнули межрелигиозные конфликты в Кашмире. На юге страны действовали боровшиеся за создание на Цейлоне самостоятельного государства тамилов «Тигры освобождения Тамил-Илама». Сикхи боролись за создание на территории Пенджаба самостоятельного государства Халистан. О последней группировке мы расскажем немного подробней.

Сикхи — последователи сикхизма, индуистской религиозной секты. Многое в этой религии заимствовано и от ислама. Основателем этой религии считается гуру Нанак. Это вполне историческая личность, но, как это часто бывает, дошедшие до нас немногочисленные реальные сведения о его жизни щедро приправлены легендами. В XVI–XVII веках сикхизм превратился в самостоятельную религию. Сикхи проживали в основном на территории штатов Пенджаб и Хариана. Все сикхи имеют приставку к имени, «Сингх» (лев), которая часто становится фамилией. Во время колонизации Индии Великобританией именно сикхи дольше всего оказывали сопротивление англичанам. После провозглашения независимости сикхи основали в Пенджабе свою партию. Сперва они действовали исключительно мирным путем, стараясь получить как можно больше мест в правительстве штата. Но к концу семидесятых годов среди сикхов образовалось мощное сепаратистское движение. Идеи сепаратизма были впервые поданы сикхами, проживающими за границей, а их товарищи по вере в Пенджабе быстро подхватили их взгляды. Определить по внешнему виду принадлежность человека к сикхизму несложно. Сикхи всегда носят тюрбан и особый железный браслет, не стригут волосы.

Позиция Индиры Ганди и ее партии в вопросе возможного разделения Индии на части была необычайно твердой. Еще бы, ведь за единую Индию всегда агитировали такие духовные лидеры и наставники, как Джавахарлал Неру и Махатма Ганди.

В 1978 году одним из лидеров сикхов стал Сант Джарнаил Сингх Бхиндранвале.

Не добившись успехов политическим путем, сикхи под руководством Бхиндранвале выбрали своим орудием террор, причем самый разнообразный.

Они организовывали диверсии на железных дорогах,

взрывали самолеты, убивали политических деятелей и просто известных людей, не разделяющих их взглядов.

Попытки решить конфликт путем переговоров правительства и представителей сикхов к успеху не привели, Бхиндранвале занял максималистскую позицию и не собирался довольствоваться уступками со стороны властей.

В пенджабском городе Амритсаре находится знаменитый Золотой храм. По легенде, он был основан самим гуру Нанаком и стал главным храмом сикхов.

Весной 1984 года Бхиндранвале сделал Золотой храм штабом экстремистов. Там хранились оружие и боеприпасы. Бхиндранвале считал, что правительство не посмеет посягнуть на главную святыню сикхов. Но 5 июня Индира Ганди отдала команду о начале операции «Голубая звезда», целью которой была очистка Золотого храма от экстремистов. Дата операции была выбрана крайне неудачно. В этот день проходил один из основных сикхских праздников, и храм был полон паломников. Операция прошла с применением бронетехники и даже танков. В ее результате штаб террористов был обезврежен, а их лидеры, в том числе и Бхиндранвале, убиты. Но кроме них, погибли сотни мирных сикхов-паломников и все служители храма. Сильно пострадало само здание. Сикхи поклялись отомстить. Кроме того, по стране опять прокатились волнения. Затронули они и армию, и полицию. Дело в том, что многие офицеры индийской армии были сикхами. Немало сикхов служило и в полиции. Возникла опасность гражданской войны.

Со дня операции и до самой смерти Индира Ганди не могла чувствовать себя в безопасности. Она сама прекрасно осознавала нависшую над ее жизнью угрозу. Ей принадлежат такие слова: «Все отведенные мне в этой жизни дни будут обращены служению народа. И даже когда я умру, я уверена, что каждая капля моей крови будет питать жизнь Индии, делать ее сильнее».

Многие сторонники Индиры Ганди, особенно после штурма Золотого храма, советовали ей убрать из личной охраны сикхов. Но она отказалась пойти на такой шаг. Во-первых, она доверяла своей охране. Во-вторых, Индира хотела подчеркнуть, что «Голубая звезда» была операцией, направленной исключительно против террористов. Поэтому мести со стороны сикхов она не опасается.

Помощник инспектора Беант Сингх уже десять лет верно служил в личной охране Индиры Ганди. По фамилии нетрудно догадаться о его религиозной принадлежности. Но, как выяснилось позднее, ему не были чужды идеи создания самостоятельного сикхского государства, и он был связан с

террористами. После штурма Золотого храма именно Беант Сингх был выбран орудием мщения. В осуществлении задуманного ему помогал и другой охранник — Сатвант Сингх.

На утро 31 октября 1984 года у Индиры Ганди была назначена встреча с британской съемочной группой и ее руководителем, писателем и актером Питером Устиновым. Лужайка для посетителей была подготовлена к съемкам. К встрече и интервью Индира Ганди готовилась особенно тщательно. Она подкрасилась, надела яркое оранжевое сари. Женское начало взяло свое, и она, не без колебания, сняла пуленепробиваемый жилет, который, со времени штурма Золотого храма, вне дома носила практически все время. Кто знает, если бы не боязнь выглядеть на телеэкране полной, возможно, все обернулось бы иначе и Индира Ганди все еще была бы жива.

Приведя себя в порядок, Индира вышла из дома ив 9 часов 16 минут подошла к калитке, отделявшей ее резиденцию от административного помещения. На посту возле калитки стояли Беант Сингх и Сатвант Сингх. Охранники отдали честь, и Ганди поприветствовала их в ответ. Беант Сингх любезно открыл калитку, а когда

Индира шагнула по направлению к ней, выхватил пистолет и трижды выстрелил практически в упор. Тут же огонь из автомата открыл и Сатвант Сингх. Вот что рассказывал один из представителей съемочной группы, ожидавшей Индиру: «Я услышал три одиночных выстрела, а затем автоматную очередь. Видно, убийцам хотелось выполнить свою задачу на все сто процентов».

На звуки выстрелов прибежали другие охранники. Они открыли по убийцам огонь. Беант Сингх крикнул своим бывшим коллегам: «Я сделал то, что хотел, теперь вы делайте, что хотите». Через несколько мгновений он был убит. Сатвант Сингх получил тяжелое ранение, но выжил.

Индиру Ганди доставили во Всеиндийский институт медицинских наук. Врачи боролись за ее жизнь еще четыре часа. Но все усилия были тщетными. В 14.30 она умерла не приходя в сознание.

В тот же день в Делийское отделение Ассошиэйтед Пресс был сделан анонимный телефонный звонок. Неизвестный сказал: «Мы отомстили. Да здравствует сикхизм!» Несмотря на это, до сих пор остаются сомнения, было ли убийство Индиры Ганди организованным покушением или делом рук «самодеятельных» фанатиков. В любом случае сикхи дорого поплатились за преступление. По всей стране начались массовые погромы,

убийства сикхов, поджоги их домов и храмов. Результатом стали волнения в армии, как мы уже писали, многие офицеры были сикхами. Страна вновь оказалась на грани гражданской войны. В этот тяжелый момент и пришел к власти еще недавно не помышлявший о политике гражданский летчик, а теперь — наследник великой Индиры Ганди, Раджив.

Погребальный костер матери зажег Раджив Ганди. Он же собственноручно развеял ее прах над Гималаями. Сейчас бывшая резиденция Индиры Ганди превратилась в ее дом-музей. Аллея, по которой она сделала свои последние шаги, накрыта стеклом. Каждый год, 19 ноября, в день рождения Индиры, к этому своеобразному мемориалу приходят тысячи индийцев и отдают долг памяти женщине, которая стремилась «каждой каплей своей крови питать жизнь Индии и делать ее сильнее».

ГАНДИ РАДЖИВ (1944–1991)

Сын Индиры Ганди. Индийский государственный деятель. Премьер-министр Индии в 1984–1989 годах. Убит террористами, принадлежащими к организации «Тигры освобождения Тамил-Илама»

Раджив Ратна Ганди родился в Бомбее 20 августа 1944 года. Свое имя мальчик получил в честь предков по материнской линии. Слово «Раджив», так же, как и слово «Камала» (имя матери Индиры Ганди), в переводе означает «лотос». Имя Ратна переводится так же, как и Джавахарлал — «драгоценность». Индира принесла своего первенца к воротам тюрьмы, в которой в это время сидел Джавахарлал. Здесь борец за свободу Индии впервые увидел своего внука. Санджай, младший брат Раджива, появился на свет через два года. В 1947 году Джавахарлал Неру стал первым премьер-министром Республики Индия, а Индира — его личным секретарем и помощником. Несмотря на предельную занятость, дед и мать старались как можно больше внимания уделять Радживу и Санджаю, проводя с ними практически все свободное время.

Мальчики получили прекрасное образование. Закончив на родине привилегированную школу, Раджив отправился для продолжения учебы в Кембриджский университет, где обучался инженерному делу. В свое время Джавахарлал сам закончил Кембридж, и поэтому он хотел, чтобы внук получил образование именно там. Уже в университете Раджив принял решение не заниматься политической деятельностью, а стать летчиком.

В 1965 году юноша познакомился с итальянкой Соней Майно — своей будущей женой. Соня приехала в Кембридж для стажировки на курсах английского языка. По слухам, Раджив вначале скрыл от девушки тот факт, что его дед является

премьер-министром Индии. Более того, рассказывают, что Соня спрашивала своего кавалера, не является ли он родственником знаменитого Мохандаса Ганди. На это Раджив просто ответил «нет». Упомянуть о том, что его дед — ближайший соратник Махатмы и лидер страны, юноша не посчитал нужным.

Индира Ганди не была в восторге от того, что ее сын решил связать свою судьбу с итальянкой. Она писала сыну, что в любом случае одобрит его выбор, но хотела бы, чтобы матерью ее внуков стала индианка. Но категорических возражений со стороны Индиры не последовало. Может быть, потому, что и ее собственный брак в свое время тоже не стал образцом соблюдения индийских традиций.

Свадьба Раджива и Сони состоялась в 1968 году. Во всем, кроме кандидатуры невесты, ритуал соответствовал традициям. Торжественное событие было назначено на тот же день, что и свадьба Фероза и Индиры Ганди. Невеста надела то же сари, в котором выходила замуж ее свекровь. Соня также приняла индийское гражданство.

Индире Ганди не пришлось жалеть о том, что она дала согласие на брак сына.

Соня быстро научилась говорить на хинди, носить национальные индийские одежды. Между свекровью и невесткой установились самые теплые отношения, ставшие еще теплее после появления в семье потомства: девочки — Приянки и мальчика — Рахула.

После возвращения на родину Раджив Ганди стал работать летчиком в национальной компании «Indian Airlines». Заниматься политикой он не хотел. Против возможной государственной деятельности мужа резко возражала и Соня. Но, несмотря на скромность и отказ от участия в политической жизни страны, молодой пилот стал очень популярной личностью. Ярким признаком этой популярности стало, например, то, что перед началом полета стюардессы всегда объявляли: «командир экипажа Раджив», не называя фамилию. 13 лет Раджив наслаждался любимой профессией, спокойной семейной жизнью, воспитанием детей. Эту идиллию в один миг разрушила смерть Санджая, его брата.

23 июня 1980 года Санджай погиб в авиакатастрофе. При невыясненных обстоятельствах разбился спортивный самолет, на котором он совершал тренировочный полет. Несмотря на тяжесть утраты, Индира Ганди запретила расследовать обстоятельства катастрофы. Вполне возможно, что смерть Санджая не была случайной. Мы уже писали в предыдущей статье о том, что за время чрезвычайного положения он очень жесткими способами

наводил порядок в стране. Таким образом, было немудрено нажить себе врагов, способных на убийство. Особенно в стране, где практика политических убийств к тому времени стала почти нормой. Возможно, Индира Ганди понимала, что любимого сына уже не вернешь, а если окажется, что его гибель — не просто несчастный случай, может нарушиться хрупкий мир в стране.

В лице Санджая Индира видела своего верного последователя и преемника. Оставшись без «наследника», она приложила все усилия, чтобы убедить Раджива отказаться от принятой им позиции неучастия в политических делах. Поддавшись на уговоры матери, Раджив дал согласие баллотироваться в парламент, но и после этого он еще год продолжал летать и даже сдал экзамен на вождение самолетов нового типа.

То ли политика оказалась не менее интересным делом, чем вождение самолетов, то ли подействовали увещевания матери, то ли Раджив почувствовал, что продолжить дело Неру и Ганди его долг, но вскоре он занялся политикой всерьез. В 1981 году Раджив был избран в парламент, стал членом комитета Молодежного Конгресса. Так же, как и его предки, Раджив проявил фантастическую работоспособность. Работать по 18 часов в сутки, видимо, было нормой для Джавахарлала Неру и его потомков.

От Санджая Раджив отличался мягкостью и стремлением найти компромисс в каждом вопросе. Много времени он уделял общению с представителями оппозиционных партий, стараясь найти с ними общий язык. Это Раджив удивительным образом совмещал с подкупающей откровенностью. Однажды, когда сторонники Индиры Ганди посетовали на то, что ее сын не умеет обходить скользких вопросов в беседах с журналистами, она ответила: «Что поделаешь. Он с детства говорит только правду».

Известие о смерти матери застало Раджива Ганди на предвыборном митинге в Западной Бенгалии. Он срочно вылетел в Дели на вертолете. Говорят, что в пути он произнес: «Она сильная. Она выдержит». Но надеждам не суждено было сбыться. Старания врачей оказались тщетными. Через сорок минут после того, как средства массовой информации объявили о смерти Индиры Ганди, Раджив принял присягу как премьер-министр страны.

Он оказался у штурвала горящего корабля. По всей стране начались волнения и массовые избиения сикхов. В Пенджабе начались столкновения между сикхами и индуистами. При этом, естественно, страдали в основном мирные люди. Через некоторое время произошел еще один террористический акт. Сикхами был взорван самолет, на борту которого находилось 329 человек.

Страна опять оказалась на грани гражданской войны. Борьба с огнем внутренних конфликтов стала первостепенной задачей молодого премьер-министра. Понс честью справился с этой задачей.

Популярность Раджива Ганди в народе была очень сильна. Его обращения по радио и многочисленные выступления перед толпами индусов, возмущенных убийством Индиры Ганди, возымели свое действие. На большей части территории Индии резню удалось прекратить. Волнения в Пенджабе, правда, продолжались еще долго, до 1987 года. Но благодаря политике Раджива Ганди утихли и они. Кстати, несмотря на обстоятельства смерти матери, Раджив вскоре опять стал брать сикхов в личную охрану, демонстрируя тем самым лояльность и доверие по отношению к ним. Кроме того, для наведения порядка в стране был принят закон о борьбе с терроризмом. Нельзя сказать, что все эти меры привели к полной стабилизации положения в стране, но очаги открытого межрелигиозного противостояния были потушены.

Вскоре Раджив возглавил Индийский Национальный Конгресс. В декабре 1984 года еще раз подтвердилась его огромная популярность в народе. ИНК выиграл выборы с громадным преимуществом. Более того, такой убедительной победы партия не достигала никогда — ни при Джавахарлале Неру, ни при Индире Ганди. Из 508 мест в парламенте ИНК получил более 400.

Конечно, на первых порах большой помехой в работе Раджива была неопытность. Но благодаря относительно недавнему началу политической деятельности он смог взглянуть на государственные проблемы свежим взглядом. Вот что ответил сам Раджив на вопрос: «Помешала или помогла ему неопытность в государственных делах?» «Скорее помогла. Конечно, на первых порах у меня уходила масса времени на то, чтобы разобраться в работе государственного механизма, но зато я понял, какие колесики замедляют его движение».

В период с 1984 по 1989 год Раджив Ганди проводит целый ряд государственных реформ. Изменения эти очень напоминали перестройку, проводимую в Советском Союзе. Целью их была борьба с бюрократией, развитие экономики, в том числе и частного капитала. В 1986 году правительство Индии принимает седьмой пятилетний план развития страны. План этот предусматривал глобальную модернизацию практически во всех областях деятельности. Развитие экономики, повышение эффективности сельского хозяйства, создание новых рабочих мест, развитие высоких технологий, реформа системы

образования. Много внимания уделяет Раджив и экологическим проблемам. По его инициативе создается новая природоохранная структура, так называемая «Зеленая армия».

Широкую известность получила миротворческая деятельность Раджива Ганди. Он возглавил Движение неприсоединившихся стран, активным участником которого был еще Джавахарлал Неру. В это движение вошли страны, занимающие позицию неприсоединения к каким бы то ни было военно-политическим блокам. По инициативе Раджива Ганди в 1985 году состоялась встреча лидеров шести неприсоединившихся стран: Индии, Танзании, Мексики, Греции, Аргентины и Швеции. Целью этой встречи стало привлечение общественного мнения к проблеме «холодной войны». В 1986 году Радживом Ганди и представителями СССР была подписана Делийская декларация, призывающая страны всего мира вступить в борьбу за уничтожение оружия массового поражения и прекращение войн. Надо сказать, что во внешней политике Раджив Ганди уделял много внимания сотрудничеству с Советским Союзом.

Раджив Ганди высказывался за то, что к власти должны прийти люди «нового типа». Ктаковым он относил «деятельную, профессионально подготовленную, свободную от феодальных предрассудков и честную молодежь, которая будет заботиться не о собственном благополучии, а о процветании Индии». Такие люди действительно вошли в различные государственные структуры, и многие из них были друзьями Раджива. Но вскоре выяснилось, что далеко не все «новые люди» способны бескорыстно работать на благо страны. Произошло несколько громких финансовых скандалов, в которых были замешаны сотрудники администрации Раджива Ганди, в том числе и его ставленники. Популярность Раджива и его реформ несколько пошатнулась. Были для этого и другие причины.

Простой народ не всегда мог понять смысл проводимых Ганди перемен. Реформы экономики и производства не могли в короткий срок повысить уровень жизни среднего индуса. Раджива все чаще обвиняли в том, что он не понимает проблем индийского народа, а теории его оторваны от реальности. Вполне понятный протест вызывала поддержка Радживом Ганди идеи о принудительной стерилизации населения как о пути решения демографических проблем.

Кроме того, то тут, то там снова стали вспыхивать различные конфликты. Причина их возникновения ясна. Население страны за последние полвека возросло более чем вдвое. Народ страдал от безработицы. В поисках работы, да и просто лучшей жизни, миллионы людей снимались с насиженных мест и переселялись в

другие районы страны. В новых местах их зачастую встречали не очень приветливо. Если же «чужаки» исповедовали «не ту» религию или принадлежали «не к той» национальности — нередко доходило до столкновений и насилия. На карте страны появлялись новые «горячие точки». Обстановка становилась все более напряженной.

В это время снова встал вопрос о безопасности Раджива Ганди и его семьи. Вновь было предложено убрать сикхов из личной охраны премьер-министра.

Последовав примеру своей матери, Раджив отказался пойти на такой шаг. «Если я выскажу недоверие сикхам, чего будет стоить наш принцип равенства людей всех вер?» — говорил он. О своей личной безопасности Раджив вообще не очень заботился. Он постоянно появлялся в местах возникновения всевозможных конфликтов, выступал перед людьми, призывал к решению спорных вопросов исключительно мирным путем. Но вот детей, Приянку и Рахула, пришлось перевести на домашнее обучение.

Проблемы в стране, возникшее недоверие народа к администрации Раджива Ганди и непонимание многих его реформ привели к поражению Индийского Национального Конгресса на выборах в 1989 году. Раджив Ганди ушел в отставку, но прекращать политическую борьбу не собирался и практически сразу же начал подготовку к следующим выборам. Подобно Индире, он превратил свой дом в открытую резиденцию. В 1990–1991 году, в рамках предвыборной кампании, Раджив Ганди много ездит по стране и выступает перед народом. Во время одного из таких выступлений и разыгралась трагедия. Но прежде чем перейти непосредственно к описанию этих событий, необходимо познакомиться с другими героями, а вернее — антигероями этой трагедии. И знакомство это придется начать издалека.

У южной оконечности острова Индостан находится остров Шри-Ланка, бывший Цейлон. Основным населением этого острова являются сингалы, в основном исповедующие буддизм, и тамилы, большинство которых индуисты, но встречаются и мусульмане, и христиане. До начала XVI века на острове существовало несколько сингальских и тамильских государств. Во времена европейской колонизации остров сменил нескольких хозяев. Сперва им владели португальцы, затем — голландцы и, наконец, англичане. При англичанах Цейлон сначала был частью Британской Индии, а затем стал самостоятельной колонией. За время господства Великобритании на острове не раз происходили антиколониальные восстания, но все они были подавлены. После Второй мировой войны освободительное движение вспыхнуло с

новой силой. В 1948 году Великобритания была вынуждена предоставить Цейлону независимость. Страна стала развиваться самостоятельно. В 1972 году она превратилась в Социалистическую Республику Шри-Ланка.

В семидесятых годах на территории Шри-Ланки начались конфликты между тамилами и сингалами. Сингалы составляли большую часть населения, и тамилы подвергались дискриминации. В связи с этим большой популярностью среди последних стали пользоваться идеи создания отдельного государства тамилов на северо-востоке острова. В 1972 году тамильскими сепаратистами была создана организация «Новые тигры», которую возглавил Велупиллаи Прабхакаран. В 1976 году организация меняет имя. «Тигры освобождения Тамил-Илама» — именно под этим названием она получила свою грозную и печальную известность.

Напряженность на Шри-Ланке растет. Между тем «Тигры освобождения Тамил-Илама», имеющие за рубежом поддержку в виде различных организаций тамилов-эмигрантов, готовятся к военным действиям: закупают оружие, проводят подготовку солдат, формируют партизанские отряды. В 1983 году «Тигры» развязывают вооруженный конфликт против правительственной армии Шри-Ланки. Основой своей тактики они выбирают партизанскую войну, сопровождающуюся многочисленными террористическими актами. Тамилы не жалеют ни чужих, ни своих жизней. Среди их методов организации диверсий большую популярность получило использование террористов-камикадзе. Эти события стали причиной многочисленных тамильских погромов. Сотни тамилов были убиты, тысячи были вынуждены искать спасения в джунглях. Многие из них присоединялись к партизанам. В результате тамилы перестали ограничиваться диверсиями, направленными на борьбу с регулярной армией.

В мае 1985 года в городе Анурадхапур, священном для буддистов месте, они расстреляли 146 паломников. Вскоре произошли первые переговоры между властями Шри-Ланки и лидерам сепаратистов. Переговоры закончились неудачей. «Тигры» были настроены любой ценой добиваться создания независимого государства и не собирались идти на уступки.

21 апреля 1987 года в городе Коломбо прогремел новый взрыв. В его результате погибло более сотни мирных жителей. 29 июля того же года Индия и Шри-Ланка заключают договор о совместной борьбе с сепаратистами. Вскоре на территорию острова входят индийские войска. Именно этот шаг стал через четыре года причиной смерти Раджива Ганди.

Сначала Велупиллаи Прабхакаран приветствовал такую

инициативу. Он заявлял, что миротворческий контингент индийских войск остановит массовые убийства тамилов. Но в октябре война разгорается вновь. Регулярная армия Шри-Ланки и индийские силы предпринимают попытку очистить северную часть острова от войск сепаратистов. Борьба идет с переменным успехом, но мелких побед чаще добиваются «Тигры». В 1990 году была предпринята попытка новых переговоров. Индийские войска покинули территорию Шри-Ланки.

21 мая 1991 года Раджив Ганди должен был участвовать в предвыборном митинге в городе Шриперумбудур, недалеко от Мадраса. Утром он вылетел в Мадрас. Говорят, что в тот день Раджив сам вел самолет. Впрочем, он довольно часто отдавал таким образом дань памяти своей бывшей профессии. В Мадрасе Раджив и его сопровождающие пересели на автомобили. Как мы уже говорили, Раджив мало заботился о собственной безопасности. Так было и в этот раз. Он должен был выступать с открытой трибуны, которая к тому же практически не была отделена от толпы.

Для осуществления задуманного террористы решили снова использовать тактику террористов-камикадзе. Ими стали молодые тамильские девушки Дхану и Шубха. Обвязанные взрывчаткой девушки находились в толпе, встречающей Раджива Ганди.

Когда Раджив уже подходил к трибуне, из толпы к нему пробралась Дхану с гирляндой из цветов сандала. Она, поклонившись, протянула своей жертве цветы и. привела в действие взрывное устройство. От взрыва вместе с Радживом погибло еще несколько человек.

Останки Раджива Ганди были сожжены на священном холме Шакти Стхал, рядом с местом, где семь лет назад он зажег погребальный костер своей матери. На этот раз печальную миссию взял на себя Рахул Ганди, сын убитого.

Вскоре были найдены двое из «Тигров освобождения Тамил-Илама», которые участвовали в организации покушения. Но в руки властей они не дались, предпочтя аресту самоубийство.

Следствие по делу об убийстве Раджива Ганди длилось более шести лет. За это время был выявлен 41 участник заговора. В 1998 году перед судом предстали 29 человек, остальные заговорщики покончили с собой, не дав себя арестовать. В ходе следствия только двое тамилов признали себя виновными в подготовке убийства. Из 29 подследственных 26 было осуждено на смертную казнь. В ходе следствия было выяснено, что организацией покушения и инструктажем девушек-террористок занимался лично Велупиллаи Прабхакаран, лидер «Тигров

освобождения Тамил-Илама». Мотивом убийства была месть за то, что в 1987 году Ганди ввел на территорию Шри-Ланки индийские войска. Несколько слов следует сказать о вдове Раджива, Соне. Долгое время она сопротивлялась стремлению лидеров Индийского Национального Конгресса вовлечь ее в политическую деятельность. ИНК был заинтересован в лидере, являющемся представителем семьи, несколько поколений стоявшей во главе страны. Только так теперь можно было использовать доброе имя, созданное семейством Неру-Ганди.

Переменить свою точку зрения Соню заставила позиция правительства, которое затягивало расследование убийства Раджива. Она возглавила крупную общественную организацию «Фонд имени Раджива Ганди».

В конце 1997 года Соня Ганди согласилась поддержать предвыборную кампанию ИНК. Вскоре итальянка по происхождению Соня Ганди стала лидером Индийского Национального Конгресса. За то время, пока вдова Раджива Ганди активно занимается политикой, было раскрыто несколько заговоров с целью покушения на ее жизнь. В момент написания книги Соня Ганди является одной из самых весомых политических фигур в Индии и, пожалуй, самым вероятным претендентом на пост премьер-министра страны.

АФРИКА

ЛУМУМБА ПАТРИС ЭМЕРИ (1925–1961)

Борец за независимость Бельгийского Конго (современный Заир). Первый премьер-министр независимой Республики Конго. Основатель и руководитель партии Национальное движение Конго. Отстранен от власти и убит.

«Плачь, мой любимый черный брат,
В тысячелетьях скотской ночи!..»
(Из стихотворения Патриса Эмери Лумумбы)

Начнем с риторического вопроса. Что мы знаем о Патрисе Лумумбе? Первая ассоциация, конечно, — человек, в честь которого был назван Московский институт Дружбы народов. Вторая — друг Советского Союза, лидер государства Конго. Правда, если начать уточнять, о каком же именно Конго идет речь, могут возникнуть расхождения в ответах. Итак, резюмируем наши общие представления о Патрисе Лумумбе — коммунистический лидер какого-то Конго, зверски убитый врагами Советского Союза, в честь которого назвали институт в Москве.

Большинство из этих представлений далеки от истины. Конечно, институт Дружбы народов действительно был назван в честь Патриса Лумумбы, и, конечно же, Лумумба был убит. Однако лидером своей страны Патрис не был. Как не был он и коммунистом. Патрис Эмери Лумумба был в первую очередь патриотом. Патриотом своей родины — Бельгийского Конго (оно же Заир, оно же Демократическая Республика Конго) и хотел для своей страны независимости и процветания. Но, к сожалению, идеалистические мечты Лумумбы разделяли далеко не все. А когда романтик-идеалист сталкивается с материалистом-прагматиком, то рано или поздно это столкновение ведет к гибели романтика. Именно это и случилось с Патрисом

Лумумбой.

Однако для того чтобы понять, кто такой Патрис Лумумба и каковы причины его гибели, надо совершить небольшой экскурс, примерно в 1880 год, когда британский журналист и путешественник Генри Стэнли исследовал верховья реки

Конго. Королева Виктория, во владениях которой колоний было предостаточно, не проявила интереса к открытиям Стэнли, зато бельгийского короля Леопольда II территория, в 80 раз больше родной Бельгии, очень даже заинтересовала. И на Берлинской конференции европейских держав 1885 года Леопольд сумел добиться от ее участников передачи в свое личное владение открытой Стэнли территории (площадью примерно в 2345 тыс. кв. км) под названием «Независимое государство Конго». Нельзя сказать, что коренные жители с радостью встретили «просвещенных» европейцев, которые принялись «огнем и мечом» насаждать христианство и использовать аборигенов фактически в качестве рабов, — почти каждый год во владении Леопольда вспыхивали восстания (особенно «старалось» племя батетело). В результате этих восстаний Леопольд решил отказаться от своего личного владения и в 1908 году официально передал «Независимое государство Конго» под управление Бельгии, и личное владение Леопольда стало колонией Бельгии, названной Бельгийским Конго.

Последующие несколько десятков лет страной управляла колониальная администрация, опирающаяся на помощь католической церкви и промышленных (в основном горнодобывающих и сельскохозяйственных) компаний. Однако после окончания Второй мировой войны в Африке начался процесс так называемой деколонизации. Как ни старались колониальные власти Бельгийского Конго, но и во вверенной им колонии, начиная со второй половины 50-х годов XX века, начали создаваться политические партии и организации. Сначала эти партии создавались нелегально (бельгийцы разрешили только создание выборных муниципальных советов в нескольких городах), но после массовых беспорядков в январе 1959 года в столице колонии Леопольдвиле (сейчас Киншаса) пришлось разрешить и политические партии.

Заметим, что в отличие от многих африканских стран, достаточно бедных по природным ресурсам, Бельгийское Конго являлось, если так можно выразиться, Клондайком Центральной Африки. Даже сейчас, в начале XXI века, Демократическая Республика Конго занимает первое место в мире по производству промышленных алмазов (которые добывают в провинции

Восточное Касаи), кобальта и является одним из ведущих мировых производителей меди (которую добывают в провинции Катанга). Разумеется, бельгийское правительство и лично король Бодуэн II не хотели терять столь богатый источник доходов. А одним из главных борцов за независимое Бельгийское Конго и являлся главный герой этой статьи — лидер основанной в октябре 1958 года партии «Национальное движение Конго» (НДК) Патрис Лумумба.

Патрис Эмери Лумумба родился 2 июля 1925 г. в небольшой деревушке Оналуа в провинции Касаи, входившей в состав тогдашнего Бельгийского Конго, в семье крестьянина-бедняка из народности батетела. В 1936 г. Патрис был отдан в католическую миссионерскую школу. Отец мальчика хотел видеть сына церковным служителем, родной дядя, сержант колониальных войск, настаивал на военной карьере. Но юный Патрис с самого детства был человеком гордым и независимым, поэтому сам выбрал себе дорогу, поступив в 13 лет на курсы санитаров.

Патрису повезло — он попал в число «эволюэ» (в переводе с французского — «развитый, приобщившийся к цивилизации») — так бельгийцы называли африканцев, получивших начальное или среднее образование. В 40-е годы колониальные власти поощряли кружки образованных граждан, в которых эволюэ вместе с европейцами могли обсуждать проблемы культуры, международной политики, вопросы дальнейшего развития колонии. Безусловно, участвовавшие в этих кружках европейцы общались с африканцами не на равных, ставя себя на более высокую ступень развития. Позднее Лумумба напишет об обстановке на этих встречах — «на каждой встрече, в ходе каждой дискуссии чувствовался расизм, готовый вот-вот прорваться в выступлениях как европейцев, так и конголезцев».

В 1946 г. Лумумба приехал в столицу колонии Леопольдвиль и поступил в школу почтовых служащих, после окончания которой получил работу в Стэнливиле (современный Кисангани), главном административном центре Восточной провинции Бельгийского Конго. Одновременно с работой Лумумба изучал политэкономию, юриспруденцию и новейшую историю Африки. Спустя несколько месяцев сбылась мечта Патриса — он стал студентом заочного отделения Антверпенского юридического института. В Стэнливиле Лумумба вплотную занялся общественно-политической деятельностью, возглавив Содружество почтовых работников и Ассоциацию конголезского персонала Восточной провинции.

В июне 1955 года молодой журналист и общественный деятель был представлен лично бельгийскому королю Бодуэну,

совершавшему трехнедельную поездку по Конго. Надо сказать, что в тот период Лумумба испытывал глубочайшее уважение к бельгийскому монарху и мечтал о создании «Бельгийско-конголезского сообщества», в котором колонизаторы будут спокойно жить со свободными и равными им аборигенами. В беседе с Бодуэном Лумумба поставил вопрос о необходимости легализации деятельности африканских политических партий в Бельгийском Конго и упомянул об издевательствах и притеснениях, которые его соотечественники терпели и терпят от соотечественников короля. Конечно, король Бодуэн по приезде в Бельгию не спешил разрешать африканские политические партии и строго наказывать виновных в издевательствах над неграми, однако молодой конголезец произвел на монарха впечатление и спустя год был приглашен в Бельгию. В Брюссель Лумумба повез рукопись своей первой книги с характерным названием «Конго: земля будущего под угрозой?», содержавшей анализ социально-экономического и политического положения колонии и критику расовой сегрегации, а по возвращении из Брюсселя сразу же, при таможенном досмотре, Патрис был арестован — по сфабрикованному обвинению в растрате государственных денег.

Осужден Лумумба был всего на два года, и, в целом, непонятно, чего хотели добиться колониальные власти при помощи этого обвинения. Сам Патрис никогда ничего не боялся и уверенно шел к поставленной цели, а для народных масс Лумумба теперь был мучеником, поэтому после выхода из тюрьмы он стал самым популярным политиком в Бельгийском Конго. За время своего заключения Лумумба разуверился в возможности создания государства бельгийцев и конголезцев, поэтому основанная им общенациональная партия — Национальное движение Конго — ставила своей целью добиться немедленного, без всяких условий, предоставления независимости.

Надо отметить, что врагов у Патриса хватало не только среди бельгийских колонизаторов, но и среди соплеменников-конголезцев, рвущихся к власти. Союз народа баконго (один из самых многочисленных народов в стране) (АБАКО) был создан в 1950 г. как культурно-просветительская организация баконго. В 1956–1959 гг. он трансформировался в политическую партию во главе с Жозефом Касавубу. Располагая солидной поддержкой в провинции Нижнее Конго и Леопольдвиле, АБАКО вел политическую работу главным образом среди баконго и неоднократно выступал за создание независимого государства народа баконго в границах средневекового государственного образования Конго. С целью отстаивания интересов провинции

Катанга при поддержке европейских переселенцев в 1958 году была создана Конфедерация ассоциаций Катанги (КОНАКАТ). КОНАКАТ не была массовой партией, ее сторонников объединяли общие интересы африканской элиты Катанги и проживавших там европейцев. Руководили КОНАКАТ Моиз Чомбе и Годфруа Мунонго.

Однако все же самой популярной партией в колонии было НДК. После стэнливильского конгресса НДК, сопровождавшегося массовыми демонстрациями поддержки в окрестных деревнях и завершившегося 30 октября 1959 г., Лумумба был вновь арестован и приговорен к 6 месяцам тюрьмы «за подстрекательство к общественным беспорядкам». Видя, что ситуация в африканской колонии начала выходить из-под контроля, бельгийское правительство решает созвать в январе 1960 года конференцию (так сказать, «круглый стол»), на которой бельгийцы совместно с лидерами основных политических партий и группой традиционных вождей должны были определить будущее Конго. Делегация НДК, к которой присоединилось большинство конголезских представителей, единогласно отказалась от участия в конференции, пока лидер партии находится в тюрьме. Опешившие от такой общенациональной солидарности бельгийцы были вынуждены согласиться. Лумумба был освобожден и доставлен в Брюссель. На этой конференции и было принято решение о предоставлении Конго независимости. Даже была назначена точная дата провозглашения независимости — 30 июня 1960 года.

И в этот, казалось бы, счастливый и долгожданный для всех конголезцев момент в полной степени сказалось различие целей, которых добивались борцы за независимость Бельгийского Конго. Лидер КОНАКАТ Моиз Чомбе, лунда по национальности, при поддержке бельгийцев выступил за федеративное устройство страны, в то время как НДК во главе с Лумумбой отстаивало унитарное устройство государства. Разделение страны на федерацию этнических районов представлялось Лумумбе катастрофой, он считал это «реакционным сепаратизмом». После ожесточенной дискуссии на конференции победила точка зрения Лумумубы — унитарный принцип государственного устройства в сочетании с широкой автономией провинций, но при этом Бельгия оставила за собой право выступать арбитром в конфликтах между центральными и провинциальными органами власти и предоставлять военную помощь Республике Конго. Такая «полунезависимость» не могла не сказаться — фактически под молодую республику была подложена бомба с часовым механизмом, которая не замедлила сработать.

В мае 1960 года в Бельгийском Конго прошли первые (и, как выяснилось, последние на данный момент) демократические парламентские выборы. Так как ни одна из партий не получила парламентского большинства (больше всех депутатских мандатов получило НДК — 33 из 137), было принято решение сформировать коалиционное правительство. Первым президентом Конго стал Жозеф Касавубу — лидер партии АБАКО, министром иностранных дел — «человек Чомбе» Бомбоко, а пост премьер-министра занял Патрис Лумумба. На первом же своем выступлении, в день провозглашения независимости страны, Лумумба, в присутствии короля Бодуэна, заявил, что его страна никогда больше не будет сырьевым придатком Запада: «Судьба нашей родины в руках конголезцев!» По мнению многих историков, это выступление предопределило дальнейшую судьбу молодого премьера.

Но правительство правительством, а основную силу во многих африканских (да и в латиноамериканских) государствах всегда составляла армия, а во главе Конголезской национальной армии стоял бельгийский генерал Янсенс. Поэтому новоявленный премьер сместил главкома, назначив на его пост сержанта из числа конголезцев (офицеров-конголезцев тогда вообще еще не было), которому было присвоено звание генерала; начальником генерального штаба также стал сержант Жозеф Дезире Мобуту (который ранее показал себя горячим сторонником Лумумбы), срочно произведенный в полковники. Было объявлено о присвоении конголезцам — сержантам и солдатам — воинских званий. После этого в армии усилились волнения, вызванные недовольством офицеров-европейцев, не желавших уступать свои места конголезцам. И в ночь с 7 на 8 июля 1960 года расквартированные в Конго бельгийские войсковые подразделения при помощи отрядов белых наемников начали боевые действия против законного правительства страны. 11 июля Чомбе ввел чрезвычайное положение в Катанге и провозгласил провинцию «полностью независимым государством», вскоре о своей независимости объявила еще одна провинция, Восточное Касаи. Терять две богатейшие провинции Касавубу и Лумумба не хотели, поэтому обвинили Бельгию в агрессии против независимого государства и обратились с просьбой о помощи к Совету Безопасности Организации Объединенных Наций. ООН откликнулась на эту просьбу, направив в Конго миротворческие силы под своим флагом, состоявшие в основном из воинских контингентов африканских и азиатских стран. Их задачей было восстановление порядка и создание условий для вывода бельгийских войск.

Впрочем, выполнять поставленную на бумаге задачу войска ООН не спешили, равно как не спешили и подавлять бунт Чомбе против законного правительства Бельгийского Конго. Конголезская сторона настаивала на силовом подавлении сепаратизма, а Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Даг Хаммаршельд утверждал, что ООН не имеет права прибегать к военной силе. В этот момент импульсивный и политически неискушенный Патрис Лумумба совершает главную ошибку в своей недолгой жизни — обращается с просьбой о предоставлении военной помощи к СССР. Правительство СССР, конечно, ухватилось за возможность создания коммунистического государства в Центральной Африке, правда, особой помощи не предоставило — вряд ли можно считать 10 самолетов и 60 советников серьезной военной силой против профессиональных наемников, воевавших в Катанге на стороне Чомбе. Зато бельгийцы использовали обращение Лумумбы к советскому правительству для того, чтобы обвинить Лумумбу в прокоммунистических симпатиях, что привело к падению его престижа как внутри страны, так и за ее пределами. 26 августа 1960 года в своей телеграмме, адресованной американской резидентуре в Леопольдвиле, директор ЦРУ Аллен Даллес сообщал, что в Вашингтоне «сложилось ясное понимание того, что, если Лумумба останется в своей должности, неизбежным результатом будет в лучшем случае хаос, в худшем — коммунистический переворот с катастрофическими последствиями для престижа ООН и интересов свободного мира в целом». В штаб-квартире ООН западные дипломаты открыто называли Лумумбу «маленьким африканским Гитлером». В Леопольдвилле разбрасывались листовки, среди которых была и такая: «Конголезцы, Лумумба продаст ваших женщин в Россию!»

5 сентября 1960 г. президент Касавубу заявил о смещении Лумумбы и назначении на пост премьера «более лояльного по отношению к Западу» Жозефа Илео. В ответ на это Лумумба в парламенте открыто обвинил Касавубу в государственном перевороте. Парламент поддержал Лумумбу, осудил антиконституционные действия президента и предоставил правительству Лумумбы чрезвычайные полномочия. Однако 14 сентября экс-сторонник Лумумбы полковник Жозеф Мобуту заявил, что «нейтрализует» правительство, а страной будет временно управлять «коллегия комиссаров» во главе с бывшим министром иностранных дел Ж. Бомбоко. Когда появились признаки того, что режим Мобуту укрепил свои позиции, сторонники Лумумбы приняли решение переехать из Леопольдвиля в Стэнливиль и сформировать там другое

центральное правительство.

В ночь с 27 на 28 ноября 1960 года Лумумба отправился в путь. По дороге он встречался с населением, вел политическую агитацию, выступал на митингах. Естественно, полковник Мобуту приказывает войскам арестовать Лумумбу. Его выследили с вертолетов неподалеку от города Порт-Франки, где Лумумба выступал на митинге. Под конец митинга на площади появились солдаты. Лумумба и его спутники были вынуждены бежать. Солдаты, погнавшиеся за ними, нагнали беглецов у деревни Лоди, возле переправы через реку Санкуру, Лумумба со своими охранниками уже переправился на другой берег, когда солдаты еще только садились в пирогу. Внезапно в лодку к солдатам прыгнула жена Лумумбы Полин — она не желала разлучаться с мужем. Лумумба еще мог бежать, но заколебался, и момент был упущен. Командир солдат обратился к Лумумбе, сказав, что они не хотят причинять ему неприятности, но, если они вернутся без него, их расстреляют.

Лумумба вновь проявил свойственную ему порядочность (а может, испугался за судьбу жены, которую солдаты вполне могли расстрелять вместо него) и сдался, после чего его переправили в военный лагерь «Арди» в Тисвиле. Здесь его судьба едва не совершила новый поворот. В лагере вспыхнул бунт. Солдаты требовали повысить жалованье и отпустить на свободу Лумумбу. Сообщения о мятеже повергли Леопольдвиль в панику. Разнеслись слухи о том, что Лумумба освобожден и походным маршем во главе восставших солдат идет на столицу. Белое население города спешно эвакуировалось на другой берег реки Конго, в Браззавиль. Слухи оказались ложными, но подействовали эффективно: 13 января в камеру Лумумбы прибыли Касавубу, Мобуту, Жозеф Илео и еще несколько высших должностных лиц. Они предложили пленнику портфель любого министра на выбор в кабинете Илео. Но Лумумба был человеком честолюбивым и гордым. Поэтому, считая себя единственно законным главой правительства, от министерского портфеля отказался.

Утром 14 января Касавубу созвал заседание самопровозглашенного правительства, для того чтобы решить судьбу Лумумбы. Члены правительства ни в коем случае не желали обагрять руки кровью, в связи с чем полковник Марлье (глава бельгийской разведки в Бельгийском Конго) даже назвал полковника Мобуту Понтием Пилатом. Плененного премьера хотели выдать в Катангу, однако Чомбе, дорожа своим международным имиджем, сопротивлялся такой чести изо всех сил. Его упрямство было сломлено телеграммой из Брюсселя от

бельгийского министра по делам Африки графа д'Аспримона Линдена. Тот требовал принять Лумумбу. На следующий день самолет DC-4 авиакомпании Air Congo со смешанным бельгийско-франко-австралийским экипажем взял курс на Элизабетвиль.

Перед отправкой из лагеря Лумумбе удалось передать на волю письмо для жены.

«Моя дорогая жена, пишу тебе эти строки, не зная, получишь ли ты их и буду ли я еще жив, когда ты их будешь читать… Единственное, что мы хотели для своей страны, — это право на достойное человека существование, на достоинство без лицемерия, на независимость без ограничений. Ни жестокости, ни издевательства и пытки не заставят меня молить о пощаде, потому что я предпочитаю умереть с поднятой головой, с несокрушимой верой и твердой надеждой на лучшее будущее нашей страны, чем жить покорным и отрекшимся для священных от меня принципов.

Не плачь обо мне, жена. Я знаю, что моя многострадальная страна способна защитить свою свободу и независимость. Да здравствует Конго! Да здравствует Африка!»

Узников было трое: помимо Лумумбы — бывший министр по делам молодежи и спорта Морис Мполо и бывший вице-президент Сената Жозеф Окито. Конвой состоял из солдат племени балуба. На всем протяжении полета они зверски избивали пленников, подкрепляя силы виски. Пленники дожили до приземления, однако жить им оставалось менее суток. При приземлении в столице Катанги Элизабетвиле (современный Лумумбаши) Лумумба и его спутники увидели надпись на трех языках (французском, английском и суахили) «Добро пожаловать в свободную Катангу!».

Шведский офицер из войск ООН (по соглашению между Чомбе и Хаммаршельдом аэропорт находился под двойным контролем — «голубых касок» (войск ООН) и катангских жандармов), рассматривавший в бинокль происходившее, позже сообщил, что неизвестный самолет подрулил прямо к ангару военно-воздушных сил Катанги. Его окружила цепь бронемашин, грузовиков и джипов. Бронемашина, стоявшая напротив самолета, навела пушку на его трап. Дверь открылась, из нее вытолкнули троих с повязками на глазах и со связанными за спиной руками. У одного из них была бородка. Когда они спускались, их били прикладами, затем посадили в джип, при этом один из заключенных испустил пронзительный крик. Кавалькада машин с моторизованной охраной выехала через заранее проделанную в ограде аэродрома дыру.

13 февраля катангские власти официально заявили, что

Лумумба сбежал из заключения вместе с Мполо и Окито, но был пойман и убит жителями одной из деревень. Однако в 1965 г. в журнале «Жен Африк» была опубликована фотокопия приказа Чомбе от 17 января 1961 г., где говорилось следующее:

«С получением сего приказа капитан Жюльен Гати европейский состав первой роты полиции, находящийся в настоящее время в Колвези, должен немедленно прибыть в Элизабетвиль. Они привезут трех политических заключенных — Лумумбу, Мполо и Окито и без промедления казнят их. Это должно быть сделано в государственных интересах».

Согласно книге бельгийского журналиста Людо де Витте «Убийство Лумумбы», на самом деле произошло следующее. По пути из аэропорта в город охранники остановили машину в чистом поле и велели узникам выходить. Им была предоставлена возможность помолиться, от которой Лумумба отказался. Трупы казненных захоронили в общей могиле, но затем во избежание каких-либо расследований откопали, разрубили на куски и растворили в бочке с серной кислотой. Один из участников этой последней операции, бельгиец, глава национальной полиции республики Катанга Жерар Соэт, после того как его имя стало известно благодаря книге де Витте, рассказал в интервью бельгийскому телевидению, как вырвал из верхней челюсти Лумумбы две золотые коронки, но потом выбросил их в море.

После книги де Витте в Бельгии, в 2002 году было проведено парламентское расследование обстоятельств смерти Патриса Лумумбы. По результатам этого расследования бельгийский вице-премьер Луи Мишель признал: его страна причастна к убийству в 1961 годулидера независимого Конго. Семье погибшего политического деятеля принесены официальные извинения. В Брюсселе также объявлено о создании «Фонда Патриса Лумумбы», в который власти передали 3,75 млн евро «для содействия демократизации и преодоления последствий этнических и политических конфликтов в Демократической Республике Конго».

Президент Касавубу продержался у власти еще 4 года, ав 1964 году даже позвал на должность премьер-министра убийцу Лумумбы Моиза Чомбе. Однако 24 ноября 1965 года Мобуту, уже ставший генерал-лейтенантом, совершил очередной военный переворот, отправил Касавубу в отставку и провозгласил себя президентом Демократической Республики Конго на долгие 32 года. Независимая Катанга просуществовала до 21 января 1963 года, пока в мятежную провинцию не вошли войска ООН. Моиз Чомбе после прихода к власти Мобуту сбежал в Испанию, где и умер в 1969 году. Мобуту Сесо Сека за годы своего диктаторства полностью подавил все зародыши демократии и, казалось,

уничтожил всех своих соперников, но, тем не менее, сам стал жертвой военного переворота, возглавляемого Лоран-Дезире Кабилой (кстати, тоже бывшим сподвижником Лумумбы) в 1997 году и спустя 2 месяца скончался в эмиграции.

Сейчас Демократическая Республика Конго представляет собой типичную африканскую страну в худшем смысле этого слова — гражданская война, нищета, военная диктатура, экономический кризис… Лоран-Дезире Кабила оказался ненамного лучше своего предшественника Мобуту и запомнился в основном репрессиями и пытками. В начале 2001 года он погиб при странных обстоятельствах. Была бы в стране такая ситуация, если бы у власти остался Патрис Лумумба — человек, для которого целью была не личная выгода, а обеспечение благосостояния своего народа? Сложно сказать. История, как известно, сослагательного наклонения не знает. Патриса его современники называли по-разному — помимо уже упоминавшегося «африканского Гитлера» были такие определения — «параноик», «идеалист», «бешеный пес», «мученик свободы», «черный Христос». Аллен Даллес безапелляционно характеризовал Лумумбу как личность «вроде Кастро или даже похуже». Но феномен Кастро заключался в том, что, несмотря на весь свой романтизм, он оставался прагматиком и упрямо шел к намеченной цели, а Патрис до последних своих дней оставался идеалистом, поэтому и погиб в свои неполные 36 лет — человек, которого любили практически все его соплеменники, но при этом в решающие мгновения эти же соплеменники и недавние соратники его и предали. Однако идеалистические идеи Патриса Лумумбы, этого патриота своей родины и пламенного сторонника африканского освобождения, продолжают жить в сердцах и умах народов всего африканского континента, ведь мало кто откажется от «достойного человека существования, достоинства без лицемерия и независимости без ограничений».

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАДЫ

АЛЬ-САДАТ МОХАММЕД АНВАР (1918–1981)

Президент Египта с 1970 года. С 1978 г. председатель Национально-демократической партии. Подписал Кэмп-дэвидские соглашения, заключил мирный договор с Израилем (1979). Нобелевская премия мира (1978). Его мирные инициативы вызывали недовольство и агрессию в арабском мире. Убит во время военного парада.

Выдающийся египетский политический деятель Мохаммед Анвар аль-Садат родился 25 декабря 1918 г. в дельте Нила, в деревне Мит-Абу-эль-Ком. Его отец, Мохаммед аль-Садат, служил в военном госпитале; в семье было, помимо Анвара, еще двенадцать детей. Семья Садата отличалась набожностью, с детства Анвар посещал религиозную школу, где изучал Коран. На лбу у Садата была заметна темная мозоль, которая образовалась от частых поклонов и ударов лбом о пол во время молитв.

В то время Египет находился под контролем англичан, несмотря на формальную независимость, полученную страной в 1882 году. С юности Садат мечтал стать военным и добиться освобождения своей страны от британского господства. По его признанию, четыре человека оказали значительное влияние на его мировоззрение в молодые годы: участник антиколониального бунта в Египте Захран, который был повешен британцами за убийство офицера; Ататюрк, добившийся независимости Турции и начавший в стране широкомасштабные реформы; Махатма Ганди, который проповедовал ненасильственное сопротивление злу в обществе; и. Адольф Гитлер, единственный, по мнению Садата, лидер тогдашнего мира, способный противостоять экспансии англичан.

В 1936 году представителям низов было позволено учиться в военной академии, и Садат с радостью воспользовался этой возможностью. В академии он подружился с Гамалем Абделем Насером.

В 1938 году, после окончания академии, Садат отправился на службу в Южный Египет, в подразделение войск связи. Там он вместе с Насером и десятком других офицеров создали тайную революционную группу, которую Садат позже назовет «тайным революционным обществом во имя освобождения», имея в виду вооруженное восстание против англичан. Впоследствии это тайное общество стало основой для организации «Свободные офицеры».

В ходе начавшейся к тому времени Второй мировой войны Египет формально оставался нейтральным. Однако Садат пытался тайно сотрудничать с немцами, преследуя все ту же цель освобождения страны от господства Великобритании. В частности, он пытался переправить в Ирак генерала, уволенного из египетской армии, с целью организации там борьбы против англичан. Эта операция потерпела неудачу и закончилась арестом Садата с последующим оправданием на суде ввиду недостатка улик. Освободившись из тюрьмы, Садат стал сотрудничать с двумя действовавшими в Египте нацистскими агентами. После их ареста на допросе они выдали Садата. По приговору трибунала Садата уволили из армии и заключили в тюрьму. Спустя два года заключения Садату удалось бежать из тюремной больницы. До конца войны он находился в подполье, постоянно менял внешность, адреса и работу.

После войны Садат был амнистирован, но вскоре снова оказался в тюрьме по обвинению в покушении на министра. Почти три года он просидел в тюрьме в ожидании суда, однако затем был оправдан. Его даже восстановили в армии и отправили служить на Синайский полуостров. Там он продолжал заниматься антиправительственной деятельностью, координируя деятельность различных групп «Свободных офицеров». 22 июля 1952 года комитет, возглавляемый Насером, осуществил практически бескровный переворот и отправил в ссылку короля Фарука. Садат принимал активное участие в этих событиях.

В течение последующих лет Садат занимал различные посты в правительстве, возглавляемом Насером. Семь лет он возглавлял Национальную ассамблею (парламент) Египта, часто совершал визиты в зарубежные страны, выполнял роль посредника от Египта в Йеменском конфликте. Однако роли, выполнявшиеся Сад атом, никогда не были ключевыми, более того, он всегда считался человеком без особых властных претензий. Насер называл его «своим черным осликом», а его соратники — «насеровским пуделем». Однако позже Садат утверждал, что умышленно скрывал свои честолюбивые планы, чтобы не вызывать подозрений в жажде власти.

В 1967 году Египет потерпел унизительное поражение в шестидневной войне с Израилем. 3 тысячи погибших, потерянный Синайский полуостров, присутствие израильских войск на восточном берегу Суэцкого канала — вот неполный список «достижений» Египта в той войне. Поражение вызвало затяжной кризис в стране. Кризис сопровождался серией терактов, совершаемых обосновавшимися в Египте палестинскими беженцами. Насер, чье здоровье в то время резко ухудшилось, в

1969 году назначил Садата вице-президентом. После смерти Насера, последовавшей 28 сентября 1970 года, Садат стал его официальным преемником перед выборами нового президента.

Во время предвыборной кампании Садат обещал вернуть территории, захваченные Израилем в ходе последней войны. Этот лозунг вместе с довольно нетипичным для восточного мира обещанием сотрудничать со своими оппонентами после победы на выборах принесли Садату более 90 % голосов избирателей. В то время Египет находился с Израилем в состоянии довольно шаткого перемирия, которое Насер заключил вопреки мнению Садата.

Ожидалось, что после победы на выборах Садат немедленно начнет новую войну, однако он, напротив, предложил Израилю продлить перемирие. Более того, он предложил заключить полноценное мирное соглашение в обмен на возврат Израилем захваченных земель на Синайском полуострове. Так впервые появилась на свет ставшая впоследствии весьма распространенной формула «мир в обмен на земли». Однако для тогдашнего руководства Израиля она оказалась неприемлемой.

Внутри страны Садат постепенно отходил от проводившейся Насером политики арабского национализма и социализма. После того как последователи политики Насера попытались создать оппозицию новому президенту, в мае 1971 года были произведены аресты среди окружения бывшего президента. Эти события вошли в историю Египта под названием «исправительной революции». Также весьма примечательным шагом Садата стала высылка всех советских военных советников из Египта, последовавшая летом 1972 года. Так Садат пытался добиться поддержки Вашингтона в мирных переговорах с Израилем.

Однако к 1973 году израильско-египетские переговоры окончательно зашли в тупик. Садата стали часто упрекать в неэффективности его политики по отношению к Израилю. Тогда он принял решение вновь атаковать Израиль. «Пришло время снова нанести удар, — заявил Садат. — Возобновление битвы неизбежно». Операция готовилась скрытно, но с ведома одобрившего ее Советского Союза и обещавшей поддержку Сирии. 6 октября 1973 года, в то время, когда Израиль отмечал праздник Иом-кипур, египетские войска начали наступление. Однако вскоре Израилю удалось переломить ситуацию, перейти в контрнаступление. Египтяне были вынуждены отступить за Суэцкий канал.

Спустя 18 дней боев танковые соединения израильских войск оказались в 70 километрах от Каира, египетской столицы.

В этих условиях Садат пошел на заключение очередного

перемирия. Также в эти же сроки были восстановлены дипломатические отношения с Соединенными Штатами, разорванные Насером в ходе прошлой войны с Израилем. При поддержке Соединенных Штатов и лично государственного секретаря Генри Киссинджера ему удалось добиться частичного возврата Израилем захваченных земель на Синайском полуострове. В сентябре 1975 года было заключено соглашение, согласно которому обе стороны отказывались от враждебных действий по отношению друг к другу. Египет соглашался на прохождение по Суэцкому каналу невоенных грузов для Израиля, который, в свою очередь, уступал Египту значительную часть Синайского полуострова.

В марте 1976 года Садат в одностороннем порядке разорвал договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, полностью переориентировав, таким образом, свою внешнюю политику на США. Это привело к значительному усилению американского влияния в Египте.

Параллельно Садат проводил внутри страны политику «открытых дверей». Она заключалась в привлечении иностранных инвестиций, предоставлении инвесторам гарантий сохранности их капиталов, предоставлении им льготного налогообложения. Также правительство Садата предприняло модернизацию транспортной сети и сетей коммуникаций внутри страны. Для финансирования этих проектов Садат был вынужден урезать бюджетные программы социальной защиты населения, что привело к снижению уровня жизни в стране. В 1977 году, после очередного повышения цен на продовольственные товары, в Египте состоялись массовые демонстрации протеста. Положение Садата в Египте резко ухудшалось. К тому же иностранные инвесторы не спешили размещать свои инвестиции в Египте, так как формально страна оставалась в состоянии войны с Израилем и боевые действия могли возобновиться в любой момент.

В этих условиях Садат удивил мировую общественность, заявив в парламенте 9 ноября 1977 года, что готов вести переговоры с руководством Израиля о мире. Спустя неделю он повторил эту мысль в интервью американским журналистам, сказав, что готов лично отправиться в Иерусалим и вести переговоры с недавно избранным премьер-министром Израиля Менахемом Бегином. После этого Садат действительно получил приглашение от Бегина и уже 19 ноября прибыл в Израиль, где присутствовал на заседании парламента. Там Садат выступил с изложением своих мирных инициатив. Они предусматривали возврат Израилем всех захваченных у Египта территорий, а также основание независимого палестинского государства на Западном

берегу реки Иордан и в секторе Газа. При соблюдении этих условий Египет был бы согласен на заключение мира и признание государства Израиль.

Инициированные Садатом переговоры протекали довольно вяло, пока в дело не вмешался президент США Джимми Картер. По его приглашению в августе 1978 года лидеры Египта и Израиля прибыли в резиденцию американского президента в Кэмп-Дэвиде. Этой встрече большинство обозревателей предрекали неминуемый провал, сомневались в ее успехе и сами участники — слишком уж разными были начальные позиции сторон. Однако 17 сентября 1978 года были подписаны «Основы мира на Ближнем Востоке» и «Основы для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». В соответствии с ними, Израиль возвращал Синайский полуостров Египту. Фактически это был первый мирный договор, подписанный Израилем с арабским государством за 30 лет существования этой страны.

За подготовку и заключение этого беспрецедентного мирного договора Анвар Садат и Менахем Бегин были удостоены в 1978 году Нобелевской премии мира. Осе Лионес, представитель Нобелевского комитета, комментируя решение о присуждении премии, заявила: «Кчести президента Садата, он осознал, что решение важных проблем его страны требует немедленного мирного урегулирования с Израилем». Исторический визит Садата в Израиль был назван актом величайшего личного и политического мужества, драматическим разрывом с прошлым и смелым шагом в будущее.

Выступая по случаю получения Нобелевской премии, Садат высказался о своем иерусалимском визите. По его словам, он принял решение об этой поездке, так как был убежден, что перед лицом нынешнего и будущих поколений необходимо было устранить последние препятствия на пути к миру и дать возможность народам подняться над своим печальным прошлым.

Однако в этом соглашении таилась огромная опасность для лидеров, его подписавших. Уход Израиля с Синайского полуострова вызвал бурю недовольства Бегином среди тех, кто все еще подозревал Египет в стремлении уничтожить Израиль. Для Садата опасность оказалась значительно серьезнее. Арабские лидеры были крайне недовольны тем, что Садат предпринял визит в Израиль и переговоры без консультаций с ними. Соглашения в Кэмп-Дэвиде были расценены как позорная капитуляция перед сионистами. Однако главная угроза для Садата заключалась в том, что он был обвинен в предательстве интересов палестинцев. Действительно, требование о независимости Палестины, изначально озвученное Садатом,

впоследствии в ходе переговоров было опущено и никак не фигурировало в подписанных договоренностях. Визит Садата в Израиль вызвал резкий рост численности экстремистских исламских организаций. Так, «Братья-мусульмане», с которыми ранее Садат даже поддерживал дружеские отношения, провозгласили свою открытую оппозицию Кэмп-дэвидским соглашениям, стали способствовать распространению военизированных исламских группировок в Египте. Спокойная жизнь для Садата закончилась, он постоянно вынужден был находиться в сопровождении охраны, не имел возможности совершать «хождения в народ», которые ранее были характерными для него.

26 марта 1979 года в Вашингтоне на лужайке возле Белого дома был подписан исторический мирный договор, подведший черту под тридцатью годами противостояния Египта и Израиля и четырьмя войнами. «Мир настал, — объявил Джимми Картер. — Мы выиграли по крайней мере первый шаг к миру, первый шаг на длинном и трудном пути». Подписание этого договора было весьма непростым делом. Об этом свидетельствуют, например, диаметрально противоположные направленности речей Бегина и Садата, произнесенных ими сразу после того, как под договором появились их подписи. Бегин заявил, что Иерусалим навсегда останется неделимой столицей Израиля, в то время как Садат назвал следующим шагом предоставление автономии Палестине с административным центром в Иерусалиме. Подписание договора проходило под звуковой аккомпанемент демонстраций протеста, организованных в США арабскими экстремистами.

В целом арабский мир воспринял мирный договор Египта с Израилем крайне отрицательно. Лидер палестинцев Ясир Арафат напрямую призвал «убрать предателя», имея в виду именно Анвара Садата. Сирия, Ирак, Иордания и ряд других арабских стран провели конференцию, на которой призвали к бойкоту договора и разрыву дипломатических отношений с Египтом. Уже в марте 1979 года Египет был изгнан из Лиги Арабских Государств, организации, основанной президентом Египта Насером. Штаб-квартира Лиги переехала из Каира в Тунис.

В июне 1979 года израильские войска начали покидать Синайский полуостров. Вскоре между двумя странами произошел обмен послами. Заключение мира благоприятно сказалось на экономических связях Египта с США и странами Европы. Страна получила долгожданные кредиты и инвестиции, и до сегодняшнего дня Египет занимает второе место в мире после Израиля по объемам получаемой безвозмездной американской помощи.

В то время как популярность Садата на Западе была чрезвычайной, у себя в стране он столкнулся со значительными проблемами. Несмотря на приток денежных средств из США и Европы, существенного улучшения уровня жизни не происходило. Это было связано с многими причинами, среди которых следует назвать неконтролируемый рост населения в стране, приверженность населения традиционным ценностям и укладу жизни. Также здесь следует упрекнуть и самого Садата, который куда больше внимания уделял не развитию демократических ценностей в обществе и либерализации экономики, а укреплению личной власти. Кроме неформального титула «глава египетской семьи», Садат занимал такие официальные посты, как президент, премьер-министр, главнокомандующий вооруженными силами, шеф полиции и юстиции, руководитель национально-демократической партии. Имея столь неограниченную власть, Садат не сумел справиться с ростом безработицы в стране. В результате значительная часть молодых людей, имеющих высшее образование, не сумев получить работу, оказалась под влиянием исламских экстремистов, подпольно противостоящих режиму. Наиболее популярной экстремистской организацией в Египте были в то время «Братья-мусульмане». Обвиняя правящую верхушку в отходе от исламских ценностей, они призывали к джихаду и возврату к истинному исламскому правлению в стране.

Энтузиазм в народе, возникший в связи с окончанием войны, начал постепенно угасать. Ощущение того, что страна вернула свои земли не в результате блистательной победы, а в ходе переговоров с врагом, к тому же сопровождаемых предательством братьев-палестинцев, вызывало недовольство и радикальные настроения в египетском обществе. В марте 1981 года в стране вспыхнули волнения, направленные против нормализации отношений с Израилем.

Службы безопасности Садата неутомимо работали в поисках заговорщиков. Арестовывались представители оппозиции, журналисты, священнослужители; в сентябре 1981 года были проведены массовые аресты среди политической элиты страны. Однако эти меры не помогли Анвару Сад ату уберечься от смертельной опасности.

6 октября 1981 года в Каире должен был состояться военный парад. Именно в этот день в 1973 году в ходе войны с Израилем армии Египта удалось пересечь Суэцкий канал и преодолеть линию Бар-Лева, занимаемую израильской армией. Для проведения парада был построен новый стадион, по телевидению осуществлялась прямая трансляция торжеств. Спецслужбы прилагали все усилия, чтобы предотвратить возможное

покушение. В частности, у них была информация о готовящейся атаке с использованием вертолетов. Президенту посоветовали надеть бронежилет, однако он отказался, вероятно из-за того, что новый мундир и так был для него достаточно тесен. Все, кто должен был участвовать в параде, имели специальные пропуска. Все приглашенные на трибуну почетные гости были вынуждены подвергнуться проверке с использованием металлоискателя. Спецслужбы проверили оружие у всех участников парада — ни один пистолет или автомат не должен был быть заряжен.

В 9.45 президент вместе со своими телохранителями сел в бронированный «кадиллак» и отправился на могилу своего старшего брата, который погиб в ходе штурма линии Бар-Лева. Затем, вместе с вице-президентом и министром обороны Садат посетил могилу Неизвестного солдата и мавзолей Насера. В 11 часов Садат прибыл к месту проведения парада. Его появление на стадионе вызвало овации собравшихся. Слышались крики: «Да здравствует Садат — герой войны и мира», «Садат, тебе принадлежат наши души и кровь!»

Парад начался в 11.15 с молитвы. Затем министр обороны отдал командувойскам начать торжественный марш. Через несколько минут появились первые шеренги солдат и офицеров различных родов войск. Мимо центральной трибуны, где располагался президент, проходили курсанты военных училищ, знаменосцы, скакали пограничники на верблюдах. Около часа дня в небе появились американские истребители «фантом», которые совершили над трибуной фигуры высшего пилотажа и скрылись в небе. В это время прямо напротив президента остановился один мотоциклист из проезжавшей колонны мотовойск. У него забарахлил мотор, и солдат был вынужден спешно вытолкать свой мотоцикл со стадиона.

Парад подходил к концу. Вновь появились истребители, на этот раз «миражи». В это же время на стадион въехала колонна грузовиков с прицепленными артиллерийскими орудиями. Однако всеобщее внимание было приковано к «миражам», которые носились в небе, оставляя за собой разноцветные шлейфы дыма. Возможно, поэтому особого внимания не привлекла остановка одного из грузовиков прямо напротив президентской трибуны. Наверное, многие решили, что произошла поломка, как и в случае с мотоциклистом.

Из кабины выпрыгнул офицер, который, видимо, должен был ликвидировать неисправность. Но вместо этого он бросил гранату в президентскую трибуну. Граната ударилась о трибуну и взорвалась. Офицером был старший лейтенант артиллерийской бригады Халед Исламбули, который уже неоднократно участвовал

в парадах. Бросив гранату, он достал из кабины крупнокалиберный пулемет. В это время в трибуну полетела еще одна граната из кузова (ее бросил Ата Таиль), и на землю спрыгнуло трое солдат с автоматами. Они открыли огонь по трибуне. По всей видимости, непосредственным убийцей президента Садата был Хусейн Аббас Али, один из лучших снайперов в египетской армии, который остался в кузове грузовика и стрелял из автомата. После того как он дал первую очередь, он также выпрыгнул из грузовика, нападавшие подбежали прямо к трибуне и продолжили стрелять по Садату. Многие из тех, кто сидел ниже президента, были ранены.

Операция по убийству Садата продолжалась около 40 секунд. Президент, вероятно, погиб еще на 19-й секунде, когда упал ничком и после этого уже не подавал признаков жизни. Охрана президента открыла огонь по нападавшим, уже когда те выпустили значительную часть имевшегося боезапаса.

В ходе атаки был легко ранен вице-президент Хосни Мубаррак, военный министр спасся лишь чудом, так как прямо возле его ног упала неразорвавшаяся граната. Были убиты семь человек на трибуне и очень многие ранены, в частности послы Кубы, Бельгии и Австралии, а также несколько американских военных советников.

Первым о смерти Садата сообщило радио Ливии. Египетские средства массовой информации несколько часов распространяли сообщения, что президент находится в безопасном месте и что он пребывает под постоянным наблюдением врачей. Это было отчасти правдой, так как несколько часов лучшие египетские реаниматологи пытались вернуть Анвара Садата к жизни. Однако сделать это не удалось, да и вряд ли было возможно с учетом огромного количества выпущенных в Садата пуль. Прямая телетрансляция прервалась в самом начале покушения.

Трое из покушавшихся на президента — Халед Исламбули, Ата Таиль и Абдель Хамид — были арестованы сразу же, еще одного — Хусейна Аббаса — арестовали лишь спустя несколько дней.

Вечером в стране было объявлено о гибели президента и о введении режима чрезвычайного положения. Некоторые страны, в частности Ирак, Ливия, Сирия, а также Организация освобождения Палестины, открыто приветствовали расправу над Сад атом. Следствие вскоре установило, что убийцы принадлежали к группировке «Новый джихад», являвшейся одним из ответвлений организации «Братья-мусульмане». Был выявлен заговор в армии и связь убийц с исламскими фундаменталистами, многие из которых были арестованы и

преданы суду вместе с непосредственными убийцами. Суд приговорил четверых непосредственных исполнителей и одного из организаторов покушения к смертной казни, остальных — к длительным срокам тюремного заключения.

Гибель Садата не вызвала резких волнений в стране. Возможно, это произошло из-за введения режима чрезвычайного положения. Власть в Египте перешла к вице-президенту Хосни Мубарраку, который остается во главе страны и по сей день. Мубаррак в целом продолжил курс Садата, в частности, близкие отношения с США и странами Европы и мирное сосуществование с Израилем. Похороны Садата состоялись 10 октября, на них присутствовали многие лидеры западных государств, «заклятый друг» Садата Менахем Бегин, сразу четверо американских президентов разных лет и лишь один лидер, представлявший страны арабского мира.

В апреле 1982 года последние израильские части покинули Синайский полуостров. Таким образом, Кэмп-дэвидские соглашения, подписанные Сад атом, оказались выполненными. В 1989 году Египет восстановил свое членство в Лиге Арабских Государств, ее штаб-квартира снова переехала в Каир.

На протяжении уже многих лет Египет остается гарантом стабильности на Ближнем Востоке. Кэмп-дэвидские соглашения — главная заслуга Садата — дали надежду на возможность мирного решения проблем этого региона. В автобиографической книге «В поисках своего я» Анвар Садат утверждал, что сделал то, что считал необходимым для своей страны, и лишь истории дано окончательно рассудить его.

РАБИН ИЦХАК

Премьер-министр Израиля. Председатель партии «АВОДА». Нобелевская премия мира 1994 года. Убит экстремистами.

Ицхак Рабин родился 1 марта 1922 года в Иерусалиме. Его отец, Нехимия Рабин, был выходцем из Украины. В 1905 году он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. Пять лет Нехимия Рабин проработал портным в Чикаго, после чего переехал в Палестину. Там он устроился техником в электрическую компанию и принимал активное участие в профсоюзной деятельности. Мать Ицхака, Роза Коген, тоже родилась на территории Российской империи, в Могилеве. Она состояла во «Всеобщем еврейском рабочем союзе в Литве, Польше и России» (Бунде). Принимала активное участие в революционной деятельности. Через некоторое время после революции из-за политических расхождений с большевиками вынуждена была покинуть Россию и эмигрировала в Палестину, где в скором времени стала одним из лидеров рабочего движения в Тель-Авиве. Когда Ицхаку было пятнадцать лет, Роза умерла.

В детстве мальчик много общался с арабскими сверстниками. Возможно, именно в этом следует искать причины его будущей миротворческой деятельности. В 1940 году Ицхак с отличием окончил школу и получил стипендию для обучения в США. Но Вторая мировая война помешала ему воспользоваться этой возможностью. После начала войны Рабин вступил добровольцем в отряды еврейского ополчения. Он служил под командованием легендарного Моше Даяна. Во время Второй мировой войны Ицхак Рабин участвовал в боях против войск коллаборационистского правительства Франции.

После войны Палестина осталась территорией, управляемой Великобританией. Рабин участвовал в деятельности,

направленной против английского господства, был арестован и шесть месяцев провел в тюрьме.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании на территории Палестины двух независимых государств: арабского и еврейского. Арабское население Палестины не поддержало этого начинания. 14 мая 1948 года было провозглашено создание государства Израиль. В ту же ночь египетские самолеты бомбардировали Тель-Авив. Так началась первая арабо-израильская война. В ней против Израиля выступило несколько арабских государств: Египет, Иордания, Ирак, Ливан, Сирия, Саудовская Аравия, Йемен. Несмотря на такое неравенство в силах, израильские войска вели войну достаточно успешно. В начале 1949 года ООН инициировала мирные переговоры между воюющими сторонами. 17 июля был подписан мирный договор, прекративший войну, но отнюдь не положивший конец арабо-израильским конфликтам.

В созданной в 1948 году армии Израиля Ицхак Рабин получил должность командира бригады «Харэль», участвовал в сражениях за Иерусалим и лично разработал план действий, позволивших израильским войскам овладеть городом.

После заключения мирного договора 1949 года Рабин решил продолжить военную карьеру, получив соответствующее образование. В частности он учился в штабном колледже в Англии. В 1954 году он уже стал генералом, в 1956 — командующим Северным военным округом, в 1959 — начальником Главного оперативного управления Генерального штаба, а в 1964 году — начальником Генерального штаба Израиля (высшая должность в израильской армии).

К 1967 году в очередной раз обострились отношения между Израилем и соседними арабскими странами. У границ Израиля была собрана 100-тысячная армия, состоящая в основном из египетских подразделений. Опасаясь дальнейшего накопления сил у своих границ, правительство Израиля приняло решение напасть на противника. 5 июня израильская армия атаковала египетские силы. Нападение было в равной степени неожиданным и стремительным. В короткий срок израильтяне нанесли противнику сокрушительное поражение. Например, в первые три часа боевых действий было уничтожено около 500 самолетов, и при этом порядка 90 % из них даже не успели подняться в воздух. Эта кампания получила название «шестидневной войны». Израильская армия потеряла порядка 800 человек, арабские силы — около 15 тысяч. В результате войны Израиль аннексировал значительные территории, увеличив свою территорию более чем в пять раз. Кроме того, к Израилю отошла восточная часть

Иерусалима, которая по мирному договору 1949 года принадлежала арабам. Большую роль в этих победах сыграл стратегический гений Ицхака Рабина и проведенная им реорганизация военных сил Израиля.

1 января 1968 года 46-летний генерал-лейтенант Ицхак Рабин вышел в отставку и был назначен послом в Соединенных Штатах Америки. На этом посту Рабин находился 5 лет. Можно сказать, что именно его деятельность положила начало плодотворным американо-израильским отношениям и стала залогом будущего расцвета сотрудничества между этими странами. Но самостоятельность Рабина в принимаемых решениях привела к тому, что начальство министерства иностранных дел Израиля стало проявлять недовольство деятельностью посла. В 1973 году Ицхак Рабин вернулся в Израиль.

Еще до его возвращения произошла очередная арабо-израильская война, получившая название войны Судного дня. 6 октября 1973 года евреи отмечали один из самых больших праздников Йом-кипур (Судный день). Этот день Сирия и Египет посчитали удачным для того, чтобы взять реванш за поражение в шестидневной войне. Египтяне атаковали Синайский полуостров, а сирийцы — Голанские высоты. В начале кампании арабским силам удалось добиться определенных успехов, но вскоре израильские войска смогли мобилизоваться, отбить наступление и перейти в контратаку. 22 октября боевые действия были прекращены.

Кроме арабских стран, Египет и Сирию поддерживал Советский Союз. Израиль получал поддержку от США и некоторых других западных стран. В ответ арабские страны наложили эмбарго на поставку нефти. Это привело к энергетическому кризису 1973–1974 годов.

Вернувшись на родину, Ицхак Рабин вступил в партию АВОДА (Партия Труда). АВОДА была образована в 1968 году слиянием партий МАПАЙ — одной из самых старых партий Израиля и РАФИ — достаточно новой группировкой, отделившейся от МАПАЙ в 1963 году. МАПАЙ, а затемАВОДАдо 1977 года бессменно были правящими партиями Израиля.

В 1974 году произошло сразу несколько событий в политической жизни Израиля. В апреле Рабин стал министром труда. Вскоре последовала отставка Голды Меир с поста премьер-министра страны. И на эту должность был избран Ицхак Рабин.

На посту премьер-министра Израиля Рабин успел добиться некоторых успехов. Страна достаточно легко перенесла мировой энергетический кризис 1973–1974 годов. Были достигнуты предварительные мирные соглашения с Египтом и Сирией.

Провел еще одну реорганизацию армии. Во внешней политике Рабин оставался проамериканцем и в 1975 году подписал новое соглашение о сотрудничестве с США. В 1976 году Рабин лично руководил операцией по освобождению израильских заложников, захваченных на борту самолета и находящихся в Уганде.

Но первое пребывание в должности премьер-министра оказалось, мягко говоря, не безоблачным и закончилось досрочно. К тому времени укрепила свои позиции оппозиция. В самой же Партии Труда назрел кризис. Ее членов все чаще обвиняли, и в общем-то справедливо, в коррупции и семейственном принципе при распределении государственных должностей. В США Рабин продемонстрировал себя мудрым и дальновидным политиком. Но разобраться в сложных политических взаимоотношениях внутри своей страны и даже внутри партии он не успел. Последней каплей в неудачном начале политической карьеры Рабина на родине стал скандал, связанный с его супругой Леей. В одной из израильских газет была опубликована информация, что на счетууЛеи лежит две тысячи долларов в американском банке. По израильским законам, ни государственные деятели, ни их родственники не могли иметь счета в иностранных банках. Предполагается, что публикация была инициирована политическим противником премьер-министра Шимоном Пересом, лидером Партии Труда. После появления этого сообщения Ицхак Рабин подал в отставку.

В 1977 году победу на выборах впервые в истории Израиля одержала оппозиционная партия ЛИКУД, сформированная в 1973 году из нескольких партий и движений правого толка. С тех пор ЛИКУД и АВОДА являются двумя основными конкурирующими силами на политической арене Израиля.

В 1979 году Израиль подписал мирный договор с Египтом и вывел свои войска с Синайского полуострова, ставшего самым крупным «приобретением» войны 1948–1949 годов. Через три года полуостров был возвращен Египту.

В 1982 году произошел еще один вооруженный конфликт, получивший название «Мир для Галилеи». На этот раз противниками Израиля стала Организация освобождения Палестины (ООП), возглавляемая Ясиром Арафатом. Галилея (историческая область на севере Палестины) постоянно подвергалась нападениям со стороны террористов, базирующихся в Ливане. Для того чтобы уничтожить лидеров ООП, Израиль предпринял военную операцию. В ее результате израильской армией был занят Бейрут, но Ясир Арафат и другие крупные деятели ООП смогли скрыться. В самом Израиле эта военная кампания популярностью не пользовалась.

Выборы 1984 года не принесли победы ни одной из партий. Первые два года премьер-министром страны был Перес — представитель Партии Труда, вторые два — Ицхак Шамир — лидер ЛИКУД. С 1984 по 1990 год портфель министра обороны принадлежал Рабину. Им же был осуществлен вывод войск из Ливана.

В декабре 1987 года на оккупированных Израилем арабских территориях вспыхнуло восстание палестинцев. Сразу же после начала восстания Рабин призвал армию пресекать беспорядки самыми решительными действиями. Но уже в феврале 1988 года он сказал своим товарищам по партии такие слова: «Я кое-что усвоил за два с половиной месяца. И среди прочего то, что нельзя с помощью силы управлять двумя миллионами палестинцев». Можно сказать, что именно в это время мнение Рабина о возможных способах прекращения арабоизраильских конфликтов сильно переменилось. Министр обороны Израиля стал склоняться к мирному разрешению этой крайне сложной проблемы. Рабин стал приходить к мысли о том, что оккупированные Израилем территории не принесут его стране ничего, кроме новых волнений, войн и террористических актов. В 1989 году он предложил правительству план мирного урегулирования арабоизраильских конфликтов.

Тем временем популярность Шимона Переса среди членов Партии Труда падала.

В феврале 1992 года Ицхак Рабин сменил его на посту генерального секретаря партии. Через четыре месяца АВОДА одержала победу на выборах, и Рабин стал премьер-министром страны. Теперь он смог сам вплотную заняться реализацией своего проекта мирного выхода из противостояния с арабами.

При этом Рабин не забывал и о безопасности страны. В 1993 году его правительство санкционировало и провело в южном Ливане операцию против экстремистской организации «Хезболлах». Свою позицию Ицхак Рабин сформулировал следующими словами: «Мы будем вести борьбу с террором так, как будто мирных переговоров нет. И будем вести переговоры так, как будто не существует террора».

Далеко не все население страны поддерживало идею о сотрудничестве с Организацией освобождения Палестины. Многие радикально настроенные организации открыто обвиняли нового премьер-министра в предательстве. Невзирая на это, Рабин первым из крупных политических деятелей Израиля признает ООП. Переговоры между Ицхаком Рабином и Ясиром Арафатом состоялись в сентябре 1993 года в Вашингтоне. Стороны подписали договоренность о создании Временной

палестинской автономии в секторе Газа и в районе Иерихона. После этого с указанных территорий были выведены израильские военные силы. В мае 1993 года в Каире прошли новые переговоры между премьер-министром Израиля и главой ООП, а на следующий год создана Временная палестинская автономия.

После этого Ицхак Рабин сделал еще один шаг, целью которого было мирное урегулирование арабо-израильских конфликтов. В октябре 1994 года он и король Иордании Хусейн подписали договор о мире и установлении дипломатических отношений между Израилем и Иорданией. В том же году Ицхак Рабин совместно с Шимоном Пересом и Ясиром Арафатом стал лауреатом Нобелевской премии мира.

В конце сентября 1995 года Рабин принял участие в еще одних, последних, переговорах с Арафатом. На этот раз речь шла о вхождении в состав Временной палестинской автономии новых земель.

4 ноября 1995 года Ицхак Рабин принимал участие в митинге сторонников мирного разрешения арабо-израильского конфликта. Митинг проходил в Тель-Авиве на площади Царей Израиля. По его окончании Рабин спустился с трибуны и в сопровождении большой группы телохранителей пошел по направлению к своему автомобилю. Недалеко от автомобиля его поджидал некий молодой человек. Как он там оказался — до сих пор остается загадкой. Согласно некоторым показаниям, убийца говорил по мобильному телефону: «Да, сэр, я понял, сэр», и охрана приняла его за шофера одной из правительственных машин. Когда премьер-министр уже собирался сесть в машину, убийца подошел к нему сзади, выхватил пистолет и трижды выстрелил практически в упор. Ицхак Рабин был доставлен в расположенную рядом больницу «Ихилов», где от полученных ранений скончался.

Убийство было совершено в присутствии громадного количества людей. Более того, сам его момент сохранился на любительской видеозаписи. Но, тем не менее, по своей запутанности убийство Ицхака Рабина, пожалуй, не уступает ни одному из политических убийств, совершенных за всю историю человечества. Поистине рекордное количество противоречий в показаниях самых различных людей, имевших отношение к убийству, позволяет предположить, что достоверные сведения о смерти премьер-министра Израиля умышленно сдабриваются ложными, с целью скрыть не только истинных инициаторов преступления, но и, возможно, его убийцу. Нет, конечно же, молодой человек, стрелявший в премьер-министра, был задержан на месте. Более того, он сам признался в содеянном. Но. впрочем, давайте начнем по порядку и сначала изложим достоверные

факты и официальную версию убийства.

Молодым человеком, стрелявшим в Ицхака Рабина, оказался 26-летний студент Игаль Амир. Он состоял в ультраправой группировке ЭЯЛ — ивритская аббревиатура полного названия «Еврейская боевая организация». Ее члены считали, что деятельность Рабина является предательством по отношению к израильскому народу. Помимо Игаля Амира были осуждены еще три человека: его брат Хагай (16 лет тюремного заключения), Дрор Адани (7 лет) и подруга Игаля Амира — Маргалит Хар-Шефи (9 месяцев). Сам Игаль Амир был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Кроме следствия по делу об убийстве, специальной комиссией было проведено расследование действий ШАБАКа — Общей Службы Безопасности. Эту комиссию возглавил судья Верховного суда Израиля Меир Шамгар. Комиссия подтвердила выводы, сделанные следствием. Но добросовестность следствия и комиссии Шамгара вызывает серьезные сомнения. Вот только некоторые факты, заставляющие задуматься.

Целый ряд свидетельских показаний не соответствует кадрам 15-минутного любительского фильма, якобы случайно снятого на месте убийства. При этом сам фильм, использовавшийся комиссией, имеет несколько особенностей, позволяющих предположить, что он был подвергнут киномонтажу. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что широкой публике видеозапись была продемонстрирована только через два месяца после покушения.

Сразу после задержания Игаль Амир заявил, что покушение было не более чем инсценировкой. Впоследствии он от этих слов отказался. Вполне возможно, что его просто запугали и заставили изменить первоначальные показания.

Во главе организации ЭЯЛ стоял некто Авишай Равив — сотрудник ШАБАКа. Его задачей было провоцировать противников мирного урегулирования арабоизраильских конфликтов на противоправные действия с тем, чтобы впоследствии их можно было арестовать. Гораздо позднее, в 2003 году, Авишай Равив предстал перед судом по обвинению в том, что ему было известно о готовившемся покушении на Ицхака Рабина, но он не предупредил правоохранительные органы.

Суд вынес оправдательный приговор, несмотря на то что во время следствия в 1995–1996 годах Авишай Равив скрыл свою принадлежность к службе безопасности. Более того, до 4 ноября 1995 года ИгальАмир совершил еще несколько попыток подобраться к Ицхаку Рабину. Трудно поверить, что его старший товарищ по движению Равив ничего об этих попытках не знал.

Сразу же после того как прогремели выстрелы, многие свидетели слышали чьи-то крики (предположительно охранников или Амира) о том, что это всего лишь выстрелы холостыми патронами. Впоследствии «кричавших» найти не удалось.

Эти и другие несоответствия позволяют Барри Хашиму, автору сенсационной книги «Кто убил Ицхака Рабина?», предположить, что выстрелы, сделанные Игалем Амиром, были холостыми, а премьер-министра убили уже в автомобиле. Вот какие подтверждения этой версии он приводит:

«Любительская видеопленка с записью убийства, показывающая, как задняя дверь «пустого» [согласно данным следствия и комиссии Шамгара] рабинского лимузина захлопывается перед тем, как Рабин оказывается в машине. Та же пленка показывает, что телохранители позволили Амиру беспрепятственно выстрелить в Рабина и что Рабин от этих выстрелов не пострадал.

Приведем показания свидетелей (включая жену Рабина), находившихся в нескольких метрах от Рабина. Они видели, что после выстрелов он продолжал идти как ни в чем не бывало. Через 10 минут после «покушения» одна из свидетельниц, Мириам Орен, сказала по национальному телевидению: «Рабин не пострадал. Я видела, как он шел к машине».

Показания многочисленных охранников и полицейских тоже говорят о том, что они не могли поверить, что Рабин ранен, поскольку он не упал, не закричал от боли и не начал истекать кровью.

Заключения криминалистов говорят, что Рабин был убит выстрелом в упор, буквально с нулевого расстояния. Однако правительственная комиссия постановила, что Амир стрелял с дистанции по крайней мере полметра.

Необъяснимым образом пули, предположительно изъятые из тела Рабина, исчезли на целых 11 часов. Это является грубейшим нарушением процедурных норм судопроизводства, но, тем не менее, судьи приняли их как полноценное вещественное доказательство [автор предполагает, что Рабин был убит пулями, которые не подходили к пистолету Амира].

Медицинское заключение, подписанное д-ром Мордехаем Гутманом — одним из хирургов, оперировавших Рабина. В заключении говорится, что Рабин был ранен выстрелом в грудь и что его позвоночник был раздроблен — эта информация была подтверждена в течение суток после операции медсестрой, работавшей в операционной, министром здравоохранения, директором больницы «Ихилов», а также пациентом больницы [при таком ранении Рабин не смог бы ни обернуться, ни, тем

более, дойти до автомобиля]. Официальная же версия утверждает, что Амир стрелял Рабину в спину и что никакого вреда позвоночнику нанесено не было».

Есть еще несколько вопросов, оставшихся при официальном расследовании без ответа: почему, если премьер-министр был ранен, его повезли в больницу в лимузине, а не в машине «скорой помощи», находившейся неподалеку? Более того, если показания доктора Гутмана верны и у Рабина был поврежден позвоночник, поездка в лимузине, да еще, скорее всего, в сидячем положении, могла оказаться губительной. С детства нам известно, что в случае травм позвоночника следует транспортировать пострадавшего на какой-то твердой поверхности. Согласно показаниям целого ряда свидетелей, среди которых были и охранники, Рабин сам сел в автомобиль. Следовательно, ранения в позвоночник он получить не мог, по крайней мере на площади. Но тогда откуда взялись показания доктора Гутмана? Можно предположить, что он умышленно описал ранение как более тяжелое, чем на самом деле, дабы избавить себя от подозрения в фатальной медицинской ошибке. Но не меньшее право на существование имеет другое предположение. Возможно, получив признание Амира, кто-то просто постарался подогнать факты под версию о его виновности.

Многие представители правых сил утверждают, что Игаль Амир был завербован ШАБАКом. Планировалось, что он осуществит имитацию покушения с целью дискредитировать правых и повысить, таким образом, шансы Партии Труда на грядущих выборах. О том, как фальшивое убийство превратилось в настоящее, существует несколько версий. Согласно одной из них, Игаль Амир, двойной агент, все-таки был искренним приверженцем ультраправых идей и воспользовался готовящейся театральной сценой для реального покушения. Согласно другим — непосредственным исполнителем мог быть охранник премьер-министра Йорам Рубин, единственный человек, который согласно видеозаписи находился в непосредственной близости от премьер-министра и мог выстрелить в упор. Согласно этой версии, пули, извлеченные из тела Рабина, были заменены на другие, такие, которые мог бы выпустить из своего пистолета Амир. Кто в этом случае стоял за этим убийством? «Правые» утверждают, что организатором мог быть все тот же Шимон Перес — товарищ Рабина по партии и его давнишний конкурент, потесненный Ицхаком с должности генерального секретаря в 1992 году. Для описания взаимоотношений Переса и Рабина газетчики давно подобрали довольно точные эпитеты: «заклятые друзья» и «неразлучные враги». Возможно, что Шимон Перес возглавил

заговор, или двойной (учитывая имитацию покушения) заговор, целями которого было укрепить позиции партии на выборах и убрать конкурента. Если подобный заговор и имел место, то успеха он не достиг. Последовавшие через год выборы партия ЛИКУД, правда с преимуществом всего в один процент, выиграла.

Со времени убийства Ицхака Рабина не прошло и девяти лет. Поэтому надежды на то, что правда станет достоянием общественности, более оправданны, чем, например, в случае с убийством Кеннеди. На данный момент живы большинство непосредственных участников событий. Возможно, что кто-то из них или некий новый свидетель когда-нибудь и прольет хоть немного света на это крайне запутанное и загадочное дело. Игаль Амир отбывает тюремное заключение в одиночной камере, под постоянным наблюдением видеокамер. Таким образом его, возможно, пытаются избавить от участи Ли Харви Освальда, обвиняемого в убийстве Кеннеди и не надолго пережившего свою жертву. Может быть, Игаль Амир когда-нибудь заговорит… если ему есть что сказать. А пока не утихают споры, высказываются в той или иной мере сенсационные версии, всплывают секретные документы различной степени достоверности. Интерес к обстоятельствам смерти отставного генерала и «солдата мира» не ослабевает.

CCCP

УБИЙСТВО КАК ПРОПАГАНДА. СОЗДАНИЕ КУЛЬТА
МОРОЗОВ ПАВЕЛ ТРОФИМОВИЧ (1918–1932)

Согласно официальной версии — председатель пионерского отряда села Герасимовка Свердловской области. Его убийство было использовано для создания образа пионера — борца с кулаками.

> …от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачонком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «боженьке»! Не стоит, потомучто слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их?. Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены.
>
> И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены.
>
> Иван Карамазов.

(Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»)

Пожалуй, большинству жителей бывшего СССР нужно приложить некоторые усилия для того, чтобы сообразить, кто такой Павел Трофимович Морозов. А вот имя пионера Павлика Морозова ни у кого вопросов не вызывает (за исключением, пожалуй, его нынешних ровесников). Непримиримый борец с единоличниками, отстаивающий социалистические идеалы, организатор пионерского отряда и идеолог колхозного движения в глухой уральской деревне Герасимовке, павший от рук собственного деда, главаря кулацкой банды, — это Павлик Морозов. Доносчик, «сдавший» своего отца, оклеветавший множество безвинных односельчан, вызвавший ненависть местного населения и зарезанный в лесу, — это тоже Павлик

Морозов.

Не правда ли, описания отличаются разительно? Это неудивительно — между ними пролегают пятьдесят лет, отделяющие эпоху коллективизации от эпохи капитализации. Впрочем, при всей несхожести этих описаний у них есть одна общая черта — оба они являются продуктом идеологических установок государства и относятся к области мифов и легенд, а не исторических фактов, ибо Павлик Морозов давно стал символической фигурой. Но если два-три десятка лет назад он воплощал в себе качества настоящего пионера, для которого интересы общества выше личных интересов и родственных чувств, то сегодня его имя чаще всего произносится с иронией и презрением.

Вот хвалебная статья о Морозове в «Пионерской правде» 30-х годов: «Павлик не щадит никого… Попался отец — Павлик выдал его. Попался дед — Павлик выдал его. Укрыл кулак Шатраков оружие — Павлик разоблачил его. Павлика вырастила и воспитала пионерская организация. Из него рос недюжинный большевик». А вот что пишет Юрий Дружников в конце 80-х годов в книге «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова»: «.Павлик Морозов донес в ОГПУ, что его отец против советской власти. Этим он помог строительству коммунизма. Отец его был арестован и исчез в лагерях. Враги партии убили мальчика. После этого народ провозгласил его своим героем. С тех пор все дети Советского Союза стали изучать на уроках его биографию, чтобы в жизни поступать, как Павлик. Итак, юный доносчик, предатель собственного отца, сделан национальным героем огромной страны с тысячелетним прошлым.»

Чем мальчик заслужил сначала всенародное поклонение и вознесение чуть ли не в ранг святого, а затем всеобщее же презрение? И самый важный вопрос — кем и за какие грехи он был зверски убит? Ведь убийство ребенка во все времена было самым тяжким преступлением, которое нельзя ничем оправдать.

Сегодня существуют две версии происшедшего. Первая, официальная, была провозглашена сразу после смерти Павлика и продержалась более пятидесяти лет. Согласно ей, мальчик пал жертвой классовой борьбы — кулацкая родня Павлика, боясь дальнейших разоблачений, решила избавиться от пионера (надо подчеркнуть, что главным мотивом была не месть за доносительство, а именно борьба с советской властью, которую олицетворял Павлик). У этой версии и сегодня находятся почитатели — вот что пишет Алексей Данко в книге «Бессмертие», изданной в 1997 (!) году: «.То, что Павлик Морозов стал жертвой мести за разоблачение преступлений своего отца, не

только не соответствует многим фактам, но и объективно полностью отрицается всем содержанием жизни Павлика и обострением классового противостояния в деревне в тот период. Эта версия выгодна классовым врагам и одновременно упрощенно понятна на уровне крестьянского сознания. Она сводит все сложности классовой борьбы до уровня семейной драмы. Скрытые местные кулаки и подкулачники, спасая собственную шкуру, были заинтересованы перевести дело. из разряда классового преступления в разряд семейных разборок».

Вторая версия, высказанная Юрием Дружниковым, состоит в том, что ребенка убили по идеологическому, «партийному» заказу сотрудники НКВД с целью развязать репрессии против крестьян, не желавших вступать в колхозы, и повысить сбор продовольственного налога. Возможно, эта идея покажется фантастической — слишком уж незначительной представляется фигура Павлика на общем фоне тогдашней внутренней политики СССР. Однако внимательное рассмотрение дела позволяет предположить, что эта версия близка к реальности, хотя, конечно, неопровержимых доказательств ее правильности нет.

Впрочем, доказать что бы то ни было сегодня очень сложно — документы по делу Павлика Морозова содержат очень много противоречий, а свидетелей уже нет в живых. Но факт остается фактом: Павлик Морозов был убит в сентябре 1932 года, после чего получил официальное звание «Герой-пионер Советского Союза № 1» — так он был записан в Книге почета ЦК ВЛКСМ. Все дети страны стали изучать на уроках его биографию, чтобы в жизни поступать, как Павлик.

Однако реальный Пашка Морозов не имеет ничего общего с виртуальным персонажем Павликом Морозовым, кроме даты гибели. Даже имя Павлик кажется не вполне естественным — трудно представить, чтобы так называли деревенского пацана; это было имя «городское», имевшее хождение в семьях образованных, но никак не среди неграмотных крестьян. Собственно, имя пионеру-мифу дала «Пионерская правда», которая сначала ласково называла героя Павлушей, а потом пришла к ставшему легендарным сочетанию «Павлик Морозов».

Пашка Морозов происходил из семьи белорусских переселенцев, отправившихся искать лучшей жизни за Урал в начале XX века. В тот период царским правительством создавались условия для заселения Сибири — желающим отправиться на освоение новых территорий давали «подъемные» и обеспечивали семенным материалом. В Сибирь стремились, в основном, самые бедные и неимущие крестьяне, которых в родном краю ждала полная нищета. Туда же направлялись и те, у

кого были какие-то неприятности с властями, помещиками, бывшие каторжники, желающие начать новую жизнь. Среди переселенцев было много белорусов. В 1906 году жители Витебской и Минской губерний приехали в Кошукскую волость Туринского уезда Тобольской губернии и расположились у озера Сатоково, прямо в тайге (степная часть Зауралья была уже давно освоена, и новым сибирякам оставалось отвоевывать свои наделыулеса). Так появилась деревня Герасимовка, получившая свое название по имени первого поселенца Герасима Сакова. Герасимовка была деревней тихой, работящей и непьющей. Самогон здесь не гнали — зерна едва хватало на новый посев и на прокорм. Жили натуральным хозяйством, вырубали все новые участки леса, прикупали скот.

Географически Герасимовка находится в центре России, однако была и остается глухой окраиной. Места эти именуют Зауральем или Северным Уралом, хотя они относятся к Западной Сибири. Весь этот район заселяли белорусы, переезд которых в Сибирь был частью царской политики русификации. В результате основная масса поселенцев оставалась неграмотной — люди говорили на чудовищной смеси русского и белорусского языков, а читать и писать не умели вовсе. Тотальная неграмотность сохранялась в этом краю до 40-х годов XX века.

Вместе с волной переселенцев-белорусов в Сибирь приехали и Морозовы — Сергей Сергеевич с женой Аксиньей (по другим источникам — Ксенией) и детьми Трофимом и Иваном. Назвать Морозовых крестьянами можно с большой натяжкой — Сергей долгие годы был тюремным надзирателем в Витебске, а жена его — конокрадкой. Собственно, они и познакомились-то на этапе, где Морозов конвоировал заключенных. Аксинья была дважды судима, причем второй раз незадолго до свадьбы, и жениху пришлось дать большую взятку, чтобы замять дело. Морозовы прибыли в Герасимовку 26 октября 1910 года, о чем осталась запись в книге регистрации.

Морозовы, как и другие герасимовцы, пахали, сеяли, корчевали лес, постепенно приобретая большое уважение односельчан (после установления советской власти Трофима Морозова трижды избирали председателем сельсовета). Советская пресса, впрочем, утверждала, что их авторитет был основан на страхе — Морозовых боялись, особенно Ксению-Аксинью: «.когда приехали они с дедом Морозом за Урал, брови у нее были длиннющие, дети в Герасимовке ее все боялись, да и от деда прятались» (зловещий дед Мороз — это Сергей Морозов).

Жизнь в Герасимовке шла своим чередом, и главным событием 1917 года для деревни стали не Февральская и

Октябрьская революции (о них в деревне узнали с большим опозданием), а женитьба Трофима Сергеевича Морозова на Татьяне Байдаковой. Молодые поставили избу на краю деревни, улеса, а 14 ноября 1918 годауТатьяны и Трофима родился сын Павел.

Итак, сын родителей-белоруссов, белорус Павел Трофимович Морозов появился на свет в ноябре 1918 года. На этом можно было бы не акцентировать внимание, если бы Павлик Морозов чудесным образом не оказался, во-первых, русским, представителем «старшего брата», подающим пример детям народов СССР. Во-вторых, Павлик родился вовсе не 14 ноября и, возможно, даже не в 1918 году. «Согласно обелиску, установленному на месте дома, в котором он родился,

Павлик появился на свет 2 декабря. В 1932 году, в момент смерти, Павлику было 11, 12, 13, 14 и 15 лет. Картотека Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге называет годом его рождения 1921-й (т. е. 11 лет), 12 лет — в учебнике «История СССР», 13, 14 и 15 лет в «Пионерской правде» от 15 октября, 2 ноября и 5 декабря 1932 года.» (Юрий Дружников).

Вообще, в Герасимовке происходили занятные вещи, достойные пера фантастов, описывающих «петлю времени». Так, по одним данным, уже в 1917 г. там избрали сельский совет. В других источниках называется совсем иная дата: «В среде бедняков переселенческих деревень были активисты, хотя большевистской партийной организации не было. Судьба этих активистов оказалась трагичной, все они погибли во время Гражданской войны или кулацких мятежей. В 1923 году в Герасимовке был создан сельский Совет». А старожилы утверждали, что сельсовет организовался в деревне только в 1932 году.

Странная ситуация сложилась в семье Трофима и Татьяны Морозовых, у которых родилось пятеро детей (один умер вскоре после рождения). Павел был первенцем, кроме него было еще трое сыновей — Алексей, Федор и Роман. Примерно через десять лет супружеской жизни Трофим бросил жену с четырьмя детьми и ушел к другой женщине — случай небывалый в крестьянской общине. Его почти не осуждали. Татьяна была как бы не в себе — хозяйство пребывало в запустении, детьми она не занималась, могла их сутками не кормить, не говоря уже о том, чтобы следить за их физическим и психическим здоровьем. Позднее появились неподтвержденные данные о ее психической болезни.

Какое-то время Трофим продолжал подкармливать семью, но этого было недостаточно — крестьянский быт требовал мужской

силы: надо было пахать, заготовлять дрова, пасти и кормить скот. Все это легло на Павла, которому к тому времени исполнилось десять лет. Остальные братья были слишком малы, а Татьяне, в общем-то, было безразлично, что происходит с детьми.

Мальчик, выросший не в самых благоприятных условиях, сильно отставал в развитии; сейчас таких детей называют социально и педагогически запущенными. Он был маленького роста, плохо говорил, отличался примитивностью интересов, низким уровнем интеллектуального развития, склонностью к детским играм и бессмысленному времяпрепровождению. Пашка проявлял поразительную жестокость, особенно в отношении мелких зверушек. Ровесники избегали его — мальчик был неопрятен, от него плохо пахло, он отличался мстительностью, его поступки были непредсказуемы и агрессивны. Павел трижды поступал в школу (последний раз он пошел в первый класс за год до гибели, в тринадцать лет), пытался научиться читать и писать, но в итоге лишь с большим трудом освоил алфавит. Наконец, Пашка никогда не был ни пионером, ни тем более пионерским вожаком — пионерский отряд появился в Герасимовке уже после его смерти.

А вот Павлик Морозов глазами «официальных» источников: «Старшим в доме остался восьмилетний Павлик, мальчик редкой красоты, очень миниатюрный по сравнению с ровесниками. Кожа смуглая, волосы черные. Под высоким лбом — большущие глаза, широко открытые, глубоко посаженные, темно-карие, почти черные.

Рука у него была верная, в 10 лет стрелял Павлик очень метко. В семье осталась старая берданка, с которой приходилось охотиться на глухарей. Именно приходилось, — убивать живое существо мальчику было ужасно жалко, но дома младшие братишки и мать жили впроголодь.

Павлик эмоционально воспринимал мир. Даже отправляясь в лес за ягодами или грибами, он старался насладиться красотой окружающего мира. Характер его был незлобивый, отходчивый. Много внимания Павликуделял братишкам.

Когда младшему братуАлеше исполнилось семь лет, он тоже стал пахать. Павлик смог пойти в школу. Учеба сразу пошла легко. Без сомнения, его умственные способности и память были обусловлены тем, что он с раннего возраста познавал премудрости крестьянского труда: когда и почему пахать, когда и что сеять, каковы сроки и признаки созревания тех или иных культур. Переработка этого обильного объема информации сильно развивает мозг.

Павлик был бойким, находчивым и упорным. С первых же

дней поступления в школу он был прилежным учеником и хорошим товарищем. По учебе, поведению в школе, выполнению домашних заданий и общественной работе он всегда был первым. Часть свободного времени Павлик использовал, чтобы помочь товарищам в учебе. Всем Павлик был как брат: кому старший, кому младший…Его уважали не только ровесники, но и взрослые».

Мать не могла смириться с уходом мужа, строила козни его новой жене, устраивала сцены и скандалы, а когда стало очевидно, что Трофим не вернется, начала мстить. Она, по-видимому, решила припугнуть бывшего супруга и заставить его вернуться в семью, а если это не удастся, то хотя бы извлечь материальную выгоду из его ухода. Татьяна стала, наверное, одной из первых советских жен, решивших привлечь партийные органы к решению своих супружеских проблем, но далеко не последней — угрозы обращения в партком были в СССР одним из популярных методов восстановления семейного счастья.

Каким образом старший сын Татьяны и Трофима оказался замешан в материнскую месть, можно только гадать. Толион сам решил наказать отца за свое полуголодное существование, то ли мать подучила его донести. Соседи считали, что именно Татьяна толкнула сына на донос, того же мнения держались и Морозовы (Трофим недвусмысленно заявил об этом на суде). Татьяна, однако, отрицала свое участие: «Павлик надумал, я не знала, он со мной не советовался». Но, зная уровень развития Павла, трудно представить, что он был способен на такую инициативу.

О чем же донес Павлик? Согласно приговору суда, Трофим, «…будучи председателем сельсовета, дружил с кулаками, укрывал их хозяйства от обложения, а по выходе из состава сельсовета способствовал бегству спецпереселенцев путем продажи документов». Иными словами, Трофим Морозов снабжал раскулаченных и сосланных крестьян справками, с которыми они могли покинуть спецпоселения и уехать из Сибири, а Павлик его разоблачил. Интересно, правда, что последние из справок с подписью Трофима Морозова датированы 27 июля 1932 г., хотя к этому времени он уже отбывал срок в лагере (к концу того же года Трофим был расстрелян). Позднее выяснилось, что справки изготавливали в сельсовете, подделывая подпись Трофима.

Как же мальчик узнал о деятельности отца? Например, так: как-то он заглянул в горницу, где сидел отец, и увидел, как тот считал деньги. Павлик быстро догадался, что деньги — от классовых врагов, и выкрал у отца одну справку, чтобы предъявить соответствующим органам. По версии журнала «Пионер», Павлик вытащил у спящего отца из-под подушки

портфель с документами. Проснувшись, отец взмолился: «Не губи, родимый!», но сын был непреклонен. Однако красть нехорошо, поэтому есть и третий вариант: Трофим разорвал и выбросил бракованную справку, а Павлик собрал обрывки, восстановил текст и передал его компетентным органам. А вот свидетельства очевидцев: «За сельсоветом следили, но не могли доказать вины Трофима, и тогда сын заявил, что видел, как отец этим занимался. Павлик врал, так как в это время отец с ними уже не жил и мальчик не мог видеть, как тот подделывал справки. Могла знать его мать Татьяна, да и то из сплетен».

Перечень «органов», в которые якобы заявил Павлик, довольно велик. В него попали: милиция (в том числе участковый инспектор Титов), сельсовет, райком партии (для чего Павлику пришлось без остановки пробежать около 120 километров — до райцентра и обратно), уполномоченный ОГПУ, директор школы (который передал сведения уполномоченному по хлебозаготовкам), следователь ЧК (хотя ЧК в то время уже не существовало). Есть и облагороженная в соответствии с духом времени версия от 1997 года, согласно которой Павлик не доносил вообще: «Кулачье попыталось нанести основной удар по пионерскому вожаку, Павлику Морозову. Его вызвали в сельсовет, где незнакомые люди грубо закричали на него: «Ты что же, активист, других агитируешь, а о своем отце скрываешь!» Дело в том, что Трофим не только снабжал банды бланками советских справок, но и приторговывал ими. Видимо, он с кем-то не сошелся в цене и кто-то доложил куда следует. Трофима осудили и отправили в тюрьму. Этим фактом воспользовались местные кулаки против Павлика Морозова, хотя Павлик жил без отца и о его «художествах» знать не мог».

Что касается роли Павла в судьбе отца, то арест назревал и без Павлика. Трофим, будучи председателем сельсовета, требовал от односельчан выполнения поставок государству. Одновременно он хитрил, приуменьшал сведения о запасах хлеба, научился давать туманные обещания государственным органам. Положение его было шатким: от него требовали сведения о том, сколько у кого земли, кто применяет наемный труд, «спускали» списки на раскулачивание. Крестьяне, недовольные поборами государства, грозили донести на Сергея Морозова, что тот, будучи надзирателем в тюрьмах, издевался над большевиками, и тогда, мол, Трофима снимут с должности. Донос висел в воздухе, и, по всей видимости, Павлик был не единственным, кто «заявил».

Павлик Морозов подал заявление следственным органам 25 ноября 1931 г., а через несколько дней отца арестовали. В марте 1932 г. состоялся суд, на котором Павлик «.обрисовал все

подробности на своего отца, его проделки» (из дела № 374 об убийстве Павла Морозова) — это единственное документальное упоминание о показаниях Павла. Однако пламенная речь Павлика Морозова на суде существует в двенадцати вариантах, причем ни в одном из них нет указаний ни на фальшивые справки, ни на полученные за них деньги, а только требования наказать отца за контрреволюционную деятельность. Татьяна также давала на суде показания против Трофима, что лишний раз подтверждает версию о доносе как способе мести.

Особым пафосом отличается финал судилища. Отец, сломленный гневными речами Павлика, закричал: «Это же я. Я! Твой батька!» Но Павлик заявил судье: «Он был моим отцом, но больше я его отцом не считаю». Отречение Павлика было самым известным поступком такого рода, но далеко не единственным. В годы сталинских репрессий миллионы людей отказывались от своих ближайших родственников, стремясь сохранить свою жизнь и жизнь детей, или веря в предъявленные обвинения, или надеясь избежать ареста и высылки как «члена семьи изменника Родины».

Надо сказать, что ожидания Татьяны относительно результатов суда не оправдались. Трофима арестовали и сослали, а его отец после суда перестал не только помогать Татьяне, но даже пускать невестку и внука к себе во двор. По приговору суда было конфисковано имущество Трофима Морозова, и Татьяна с детьми осталась без малейших средств к существованию. Но если раньше ее бедственное положение вызывало у сельчан хоть какое-то сочувствие, то сейчас она не могла рассчитывать на чью-либо помощь. Павла и до того не любили в селе, а после суда над ним стали откровенно издеваться — швырять камнями, поджигать одежду, портить пищу и т. д. Позднее эти жестокие шутки были названы попытками покушения на жизнь пионера и активиста Павлика Морозова, от которого кулачье стремилось избавиться во что бы то ни стало.

Мальчику оставалось жить полгода, когда он — если верить советским источникам — развернул кампанию по выявлению случаев укрывательства хлеба, пропаганде колхозного движения, организации всеобщего участия в государственном займе и т. д. Павлик первым появлялся на обысках, приводил уполномоченных по хлебозаготовкам в подозрительные дома, сообщал о хранении оружия. Он привлек к этой деятельности всех сельских пионеров, которые стали активно разоблачать противников коллективизации.

Вообще, привлечение детей к разоблачению взрослых было типичной практикой тех лет. Героизация Павлика Морозова была призвана уничтожить у нового поколения сомнения по поводу

того, можно ли доносить на родителей (вопрос о доносительстве как таковом уже не поднимался — советский гражданин был обязан проявлять бдительность). Однако Павел не имел отношения к раскулачиваниям в Герасимовке в марте — сентябре 1932 года: он в силу отставания в развитии был просто не в состоянии заниматься ничем подобным. Односельчане подтверждали, что Пашка хотя и был хулиганом и пакостником, но разоблачением кулаков не занимался — он просто не понимал, что нужно делать. Такчто донос на отца был «взлетом» его осведомительской карьеры. Правда, не исключено, что мать, обиженная на родню, подговорила Пашку «заявить» и на деда: «.когда дед Паши укрыл кулацкое имущество, — писала газета «Уральский рабочий», — Паша побежал в сельсовет и разоблачил деда». Однако никаких свидетельств и доказательств этого нет.

3 сентября 1932 года стало роковым днем для Павла Морозова и началом героической биографии пионера Павлика. В этот день Пашка вместе с братом отправился в лес за клюквой. Дети не вернулись. В тот же вечер из леса с воем выскочила собака Морозовых, но детей не искали несколько дней — мать Татьяна уехала на три дня в райцентр Тавду. Тела детей случайно обнаружил крестьянин Дмитрий Шатраков — Павел и Федор были зарезаны.

«Протокол подъема трупов», составленный участковым милиционером 6 сентября, сообщал: о Павле: «В левой руке разрезана мякоть и нанесен смертельный удар ножом в брюхо, в правую половину, куда вышли кишки, второй удар нанесен ножом в грудь около сердца»; о Федоре: «Нанесен удар в левый висок палкой, и правая щека покрыта испекшей кровью, раны не заметно. Ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупа, куда вышли кишки, и разрезана правая рука ножом до кости». В приговоре суда отмечалось, что на голову Павлика был надет мешок. Однако свидетели утверждали, что на самом деле на Паше была задрана рубашка, которая приобрела красный цвет от сока клюквы, рассыпанной и растоптанной убийцами.

«Протокол» указывал, что Павлика ударили ножом два раза, хотя раны на теле три. Позже, после похорон, газета «На смену!» уточнила, что Павлу были нанесены не три, а четыре ножевые раны. Журналист Смирнов, обвинитель на суде, писал: «После пятого удара ножом в грудь Павлик лежал мертвым». А через тридцать лет всплыли некие показания о том, что на теле Павлика было обнаружено 16 ножевых ран.

Следствия как такового не было. Братья Морозовы ушли в лес за клюквой, но когда, куда и кто знал об этом, следствие не выясняло. Остался без ответа вопрос, почему трое суток никто не

искал пропавших детей? Почему не обратили внимания на вернувшуюся из лесу с воем собаку Морозовых? Кто и зачем позвонил из Тавды и велел похоронить детей до приезда следователя?

Неизвестно, когда именно было совершено преступление. На месте убийства не было сделано ни единого фотоснимка — следователи там вообще не побывали, они даже не описали места убийства. Деревенский фельдшер отказался помочь в составлении «Протокола подъема трупов», побоявшись заменять патологоанатома.

Следствие не задалось и вопросом о том, почему преступление было совершено так близко от деревни, а убийца даже не пытался замести следы? Никого не удивило, что подозреваемые и не пытались прятаться от ареста, хотя легко могли бы уйти в другую деревню или скрыться в тайге.

В ходе следствия число арестованных постоянно увеличивалось. Первым был взят Дмитрий Шатраков, который обнаружил тела детей. Затем арестовали его братьев и отца (их отпустили, поскольку Дмитрий предоставил справку, что был в райвоенкомате в Тавде, а его отец и братья нашли свидетелей, подтвердивших, что они весь день провели в поле далеко от места убийства). Следом арестовали Сергея Морозова, на которого донес двоюродный брат Павла Иван Потупчик. Он сообщил, что «.между дедом и Пашкой контры были давно», и даже вызвался арестовать деда (так что Павлик был далеко не единственным в Герасимовке доносителем). Потом забрали зятьев Сергея Морозова — Арсения Силина и Арсения Кулуканова, жену Ксению, внука Данилу (двоюродного брата Павлика). Даже на суде появлялись новые обвиняемые, в частности Иван Морозов, дядя Павлика, которого обвинили в покушении на жизнь уполномоченного по хлебозаготовкам, подстрекательстве к убийству племянника и попытке уничтожить общественный скот.

В распоряжении следствия имелось две улики причастности Сергея и Данилы Морозова к убийству Павла: окровавленные штаны с рубахой и нож с пятнами крови, найденный при обыске за иконой. Его-то и назвали орудием убийства, хотя Данила в тот день резал этим ножом теленка, а исследование крови не проводилось. Не вызвало удивления и то, что «улики» остались на виду, их даже не пытались уничтожить.

25 ноября 1932 г. в 6 часов вечера в Тавде, в клубе имени Сталина начался показательный судебный процесс над убийцами пионера Морозова. Готовились к нему серьезно (речь не идет о следственных действиях). Клуб имени Сталина к этой дате спешно отстроили после пожара, для трансляции процесса было

установлено 500 репродукторов. В день процесса в городе прошли организованные митинги трудящихся, которые несли транспаранты с требованиями смерти убийцам Павлика Морозова. На митинг перед клубом привели около тысячи детей из всех школ района. По деревням рассылались директивы: «Провестимитинг», «Выслатьна процесс делегатов», «Организовать красный обоз с хлебом в дар государству».

Вход на процесс был объявлен свободным, но на деле охрана впускала людей в соответствии с утвержденными заранее списками. В рассчитанный на шестьсот мест зал клуба набилось не менее тысячи человек; в зале было много детей. Суд над «убийцами Павлика Морозова» был, фактически, клубным представлением с распределенными ролями, антрактами и буфетом. Спектакль длился четыре дня.

Когда зрители собрались, на сцене медленно пополз занавес, открывая лозунги.

На заднике висел портрет Павлика, нарисованный местным художником. Слева от портрета призыв: «Требуем приговорить убийц к расстрелу», справа — «Построим самолет «Пионер Павлик Морозов». Под плакатами скамья для подсудимых, на ней пятеро: дядя Павлика Арсений Кулуканов, бабушка Павлика Ксения Морозова, дед Сергей Морозов, двоюродный брат Данила Морозов и второй дядя Арсений Силин. Их охраняет вооруженный винтовками конвой.

Под портретом Павлика — судьи Свердловского облсуда: председатель Загревский, народные заседатели Клименкова и Бороздина. В качестве общественных обвинителей выступают представитель Центрального бюро юных пионеров и газеты «Пионерская правда» Смирнов, член Уральского обкома комсомолаУрин, прокурор Зябкин. Ход суда протоколирует секретарь Макаридина. Есть и адвокат — Уласенко, который, впрочем, через некоторое время объявил, что убежден в вине подсудимых, отказался их защищать и удалился из зала суда.

Сопоставляя обвинительное заключение и приговор суда, можно получить следующую картину случившегося (по версии Свердловского суда, которая стала официальной). Пионер Павел Морозов активно боролся с классовым врагом, кулаками и подкулачниками, постоянно разоблачал их. В Герасимовке, где при наличии ста хозяйств не было ни партийной, ни комсомольской ячейки, ни колхоза, его деятельность вызывала дикую злобу и страх у кулацкой родни.

Кулаки, боясь дальнейших доносов со стороны Павла после истории с Трофимом, стали угрожать ему расправой. Кулуканов и Силин говорили: «Этот сопливый коммунист житья нам не дает,

его надо сжить со света». Таким образом, убийство подготавливалось заранее.

3 сентября Кулуканов Арсений, узнав, что Павлик Морозов вместе с братом ушел в лес по ягоды, подбил Данилу Морозова на убийство и заплатил ему 30 рублей (эта цифра была призвана напомнить о тридцати сребрениках, символе продажности и предательства). Он сказал, чтобы Данила позвал с собой Сергея Морозова, с которым Кулуканов имел сговор раньше.

Данила передал деду Сергею разговор с Кулукановым. Тот, видя, что Данила берет нож, вышел из дому и отправился с ним на дорогу, по которой должны возвращаться братья Морозовы. Встретив Павла, Данила Морозов молча вынул нож и нанес мальчику удар в живот. Девятилетний Федя, заплакав, кинулся бежать, но его остановил Сергей Морозов, а подбежавший Данила зарезал ребенка. Убедившись, что Федя мертв, Данила вернулся к Павлу и еще несколько раз ударил его ножом.

Морозов Сергей вытряс из мешка ягоды, набранные Павлом и Федором, и они с Данилой надели этот мешок на голову Павлу Морозову. Затем они оттащили трупы Павла и Федора в лес, в сторону от дороги. Вернувшись из леса и обнаружив у себя на одежде пятна крови, они переоделись, заставив Морозову Ксению выстирать окровавленную одежду. Ксения, узнав о преступлении, замочила штаны и рубаху, но отстирать не успела, т. к. при обыске одежда была изъята. При обыске за иконами был обнаружен нож — орудие убийства.

В общем, обвинение было построено на бездоказательных домыслах. Больше того, вместо реальных доказательств некоторые улики перекочевали в судебное заседание из прессы. Например, идея денежного вознаграждения впервые появилась в газете «Пионерская правда», а оттуда уже перекочевала в приговор. Свидетели обвинения тоже не приводили фактов, но требовали смертной казни для обвиняемых; смерти для бабушки и деда требовал и десятилетний Алексей Морозов, которого заранее научили, что говорить.

Приговор гласил: «Кулуканова Арсения, Морозова Сергея, МорозоваДанилу, Морозову Ксению — признать виновными в убийстве на почве классовой мести пионера Морозова Павла и его брата Федора и на основании статьи 58 пункт 8 Уголовного кодекса СССР всех четверых подвергнуть высшей мере социальной защиты — расстрелять». Арсения Силина оправдали.

Без доказанной вины были расстреляны трое глубоких стариков: дед в возрасте 81 года, его жена 80 лет, зять 70 лет. С ними убили девятнадцатилетнего внука. Расстрел невиновных в ноябре 1932 года был сигналом к массовой расправе над

крестьянами по всей стране, именно это стало поводом считать, что убийство Павлика Морозова было совершено представителями ГПУ.

Кому нужно было зверское убийство подростка? Сверху поступила команда: повсеместно расстреливать кулаков и любой ценой организовывать колхозы. На террор кулаков готовился ответ — чекистский террор. А поскольку крестьяне вели себя мирно, то террор кулаков надо было «организовать». «В ответ на убийство» чекисты загоняли крестьян в избу и держали под винтовочным дулом, пока те не записывались в колхозники. Об этом пишет Ю. Дружников в своем расследовании истории Павлика Морозова. Он называет даже имена предполагаемых убийц, однако сразу оговаривается, что документальных подтверждений ее правильности нет.

Так или иначе, Павлик Морозов начал свое победное шествие после смерти Павла Трофимовича Морозова. Сперва он был использован для войны с кулаками. Через два года — как положительный герой литературы, модель для подражания, о чем заявил М. Горький на I съезде советских писателей в 1934-м. Пошли книги о нем, С. Эйзенштейн начал снимать фильм «Бежин луг». Были созданы сотни произведений в разных жанрах — от поэм до оперы. Павлику ставили памятники.

Свои «Павлики Морозовы» создавались во всех областях и республиках — Ю. Дружников собрал сведения о сорока восьми юных героях, убитых за доносы. По разным источникам, в Советском Союзе было до 18 миллионов добровольных осведомителей; число детей-доносителей не подсчитывалось, но их награждали путевками в «Артек», велосипедами и новыми ботинками.

Сегодня очевидно одно — Павел Морозов стал одной из первых жертв идеологического и политического заказа, в угоду которому были загублены многие жизни.

КИРОВ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ (1886-1934)

Настоящая фамилия Костриков. Советский политический деятель. Член Политбюро ЦК с 1930 г. С1934 года секретарь ЦК ВКП(б). Убит террористом.

Эх, огурчики мои — помидорчики.
Сталин Кирова убил в коридорчике.

Народный фольклор

«1 декабря 1934 года в Ленинграде в Смольном выстрелом из револьвера был злодейски убит С. М. Киров. Задержанный на месте преступления убийца оказался членом контрреволюционной подпольной группы, которая организовалась из числа участников антисоветской зиновьевской группы в Ленинграде.

Убийство С. М. Кирова, любимца партии, любимца рабочего класса, вызвало величайший гнев и глубокую скорбь трудящихся нашей страны. Следствие установило, что в 1933-34 году в Ленинграде образовалась из числа бывших участников зиновьевской оппозиции подпольная контрреволюционная террористическая группа во главе с так называемым «Ленинградским центром». Эта группа ставила себе целью убийство руководителей коммунистической партии. Первой жертвой был намечен С. М. Киров. Из показаний участников этой контрреволюционной группы выяснилось, что они были связаны с представителями иностранных капиталистических государств, получали от них деньги. Разоблаченные участники этой организации были приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу.

Двурушничество и подлость этих людей дошли до того, что Зиновьев — один из организаторов и вдохновителей убийства С.

М. Кирова, торопивший убийцу поскорее выполнить это злодеяние, — написал хвалебный некролог на смерть Кирова, требуя его напечатания. Убийство тов. Кирова, как выяснилось позднее, было совершено этой объединенной троцкистско-бухаринской бандой.

Уже тогда, в 1935 году, стало ясно, что зиновьевская группа является замаскированной белогвардейской организацией, которая вполне заслуживает того, чтобы с ее членами обращались как с белогвардейцами. Через год стало известно, что подлинными, прямыми и действительными организаторами убийства Кирова и организаторами подготовительных шагов к убийству других членов ЦК были Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сообщники. Пойманные с поличным преступники должны были признать публично, на суде, что они организовали не только убийство Кирова, но подготовляли убийство и всех остальных руководителей партии и правительства. Следствие установило в дальнейшем, что эти злодеи стали на путь организации диверсионных актов, на путь шпионажа. Самое чудовищное нравственное и политическое падение этих людей, самая низкопробная подлость и предательство, прикрывавшиеся двурушническими заявлениями о преданности партии, были вскрыты на судебном процессе, который происходил в Москве в 1936 году.

Основной урок, который должны были извлечь парторганизации из прошедших судебных процессов по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова, состоял в том, чтобы ликвидировать свою собственную политическую слепоту, ликвидировать свою политическую беспечность и повысить свою бдительность, бдительность всех членов партии.

Огромное значение в этот период имела чистка партийных рядов от примазавшихся и чуждых элементов, начатая в 1933 году, в особенности же — тщательная проверка партийных документов и обмен старых партийных документов на новые.

Очищая свои ряды и укрепляя их, уничтожая врагов партии и беспощадно борясь против извращений линии партии, большевистская партия сплачивалась еще теснее вокруг ЦК партии, под руководством которого партия и страна Советов переходили к новому этапу — к завершению строительства бесклассового, социалистического общества.»

Источник, из которого взят приведенный выше текст, — «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий Курс», изданная в 1945 году. Именно такой была официальная версия относительно причин и главных виновников убийства Сергея Мироновича Кирова на протяжении многих

десятков лет. Впервые эта «стройная система доказательств» пошатнулась после XX съезда ЦК КПСС, когда Н. С. Хрущев организовал дополнительное следствие по делу об убийстве Кирова (впрочем, результаты этого расследования не опубликованы и по сей день). Она окончательно рухнула в 1990 году, когда состоялась полная реабилитация всех партийных и государственных деятелей, которым приписывалась организация убийства Кирова, кроме непосредственного убийцы.

Итак, Сергей Миронович Киров, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), был убит выстрелом в затылок 1 декабря 1934 года в 16 часов 30 минут у своего кабинета в Смольном.

Настоящая фамилия С. М. Кирова — Костриков. Он родился 15 марта 1886 года в г. Уржуме Вятской губернии. Отец Сергея — Мирон Иванович, мещанин — уехал в Вятку на заработки, бросил семью и спился, мать — Екатерина Кузьминична Казанцева, из крестьян, вскоре после того умерла от чахотки. Бабушка Сережи, у которого было две сестры и брат, отдала 8-летнего внука в приют, поскольку семья голодала, а он единственный подходил по возрасту. Сергей Костриков окончил Казанское механико-техническое училище, работал чертежником в Томской городской управе. В 1904 г. он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) и стал большевиком, а с июля 1905 г. — членом Томского комитета РСДРП, заведовал нелегальной типографией. Сергея несколько раз арестовывали, а в 1907 г. приговорили к году и 7 месяцам тюрьмы; он сам вспоминал это время как великолепную возможность для самообразования, поскольку тюремная библиотека была достаточно богатой. После освобождения, в июне 1908 г., Сергей Миронович руководил созданием Иркутской организации большевиков.

Скрываясь от полиции, в 1909 г. Киров приехал во Владикавказ, где до 1918 г. работал в редакции газеты «Терек» и одновременно занимался революционной пропагандой, организовывал рабочие стачки, митинги, манифестации. С. М.Киров возглавлял городскую партийную организацию, а после Октябрьской революции стал одним из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе. Он участвовал в организации и создании Терской Советской республики, был полномочным представителем РСФСР в Грузии, членом Кавказского бюро ЦК РКП(б), способствовал созданию Закавказской социалистической федеративной республики. Киров был прекрасным оратором и пользовался большой популярностью в партии и среди народа.

Звезда Кирова взошла в середине 1920-х годов, когда Сталин приступил к формированию «своей» команды, которая помогла бы емуустановить личную диктатуру сначала в партии, затем в стране. В 1926 г. Киров был поставлен во главе Ленинградского губкома (обкома) партии после смещения Зиновьева. В это время он, по словам Ю. Г. Фельштинского, «.заслужил доверие вождя своей поддержкой политики «выкорчевывания» тех товарищей по партии, которые недостаточно усердно разоблачали «враждебные теории», благодаря чему попал в ареопаг «верных соратников товарища Сталина». Киров провел в Ленинграде после разгрома «зиновьевской оппозиции» большую работу, иЛенинградская парторганизация стала опорой и проводником решений ЦК. Все это Сталин ставил в личную заслугу Кирову.

В отличие от Зиновьева, Киров не был сторонником жестких мер, полагая, что с оппозицией нужно сражаться политическими методами. Подобные взгляды привлекали к Кирову многих людей, однако он не был «идеальным» руководителем — многие его действия вполне укладывались в рамки репрессивной государственной политики.

Так, с ведома Кирова состоялся разгром Академии наук, находившейся тогда в Ленинграде (в 1934 г. АН была переведена в Москву). Ленинградские газеты открыли «крестовый поход» против специалистов и людей науки, обвиняя их в попытках организации вооруженного восстания против Советской власти. По данным историка В. С. Брачева, жертвами «академического дела» стали 525 сотрудников АН СССР.

Действуя «в интересах пролетариев», Киров для решения жилищных проблем прибывающих на стройки Ленинграда рабочих приказал выселить из города остатки «недобитых классово чуждых элементов непролетарского происхождения». Бывшая столица уже неоднократно чистилась от «сановников, чиновников и других представителей прежней власти», поэтому данная акция сказалась в основном на «бесполезных» интеллигентах-гуманитариях. Десятки тысяч горожан «непролетарского происхождения» были отправлены на спецпоселения в отдаленные районы страны, а их квартиры отданы партийным работникам и рабочим «строек социализма».

И тем не менее, на общем фоне Киров выглядел как толерантный руководитель, опирающийся на здравый смысл и ленинские принципы, поэтому реакцией на его гибель был всеобщий шок. Н. С. Хрущев вспоминал: «Как-то вечером в начале декабря раздался телефонный звонок: «…В Ленинграде убили Кирова…Туда намечается делегация: поедут Сталин, Ворошилов, Молотов, от Московской парторганизации и еще от московских

рабочих человек шестьдесят.» Ленинград (хотя, может быть, это мои личные переживания и я переношу их на всех других) находился в глубоком трауре. Все просто разводили руками и толком не знали, что произошло». Надо заметить, что с тех пор ясности в вопросе об обстоятельствах убийства С. М. Кирова не прибавилось.

Убийца был задержан на месте преступления и сразу же попытался застрелиться, но это ему не удалось. Обращал на себя внимание тот факт, что в момент преступления рядом с Кировым не было охраны, даже его главного телохранителя, Борисова, который должен был всегда находиться рядом с первым секретарем обкома.

Преступником оказался Леонид Николаев — бывший работник Института истории партии, откуда его уволили в 1934 году, одновременно исключив из партии за нарушение партийной дисциплины (шла мобилизация коммунистов на железнодорожный транспорт, а он отказался ехать в командировку, сославшись на то, что у него маленькие дети и слабое здоровье). В 1931 г. жену Николаева, Мильду Драуле, взяли на работу в Смольный, она была официанткой в секретариате Кирова, и охрана могла пропускать Николаева в Смольный. Кстати, после увольнения Николаев через жену обратился к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком.

Выяснилось, что Л. Николаев владел пистолетом на законных основаниях — наган полагался ему как партработнику. Он получил оружие в 1924 г., перерегистрировал в 1930-м, а затем перерегистрацию не проходил, но оружие оставил себе — на всякий случай. Случай выдался 1 декабря 1934 года.

На звук выстрелов из кабинетов выскочили работники Смольного. Они видели всю картину преступления и могли бы дать полноценные свидетельские показания, но всех их сначала уволили, а потом посадили. Мильду Драуле арестовали через 15 минут после выстрела мужа. Через несколько месяцев вся семья Николаева, Мильда и ее мать, были расстреляны.

Следствие по делу проводилось, по меньшей мере, странно. Неизвестно, проводилась ли баллистическая экспертиза и изучали ли ее результаты следственные органы. Не было сделано эскиза места преступления, карты возможного местонахождения соучастников, плана передвижения Кирова по Смольному 1 декабря. Без ответа остался вопрос, почему Киров оказался один, а убийца не попал в поле зрения телохранителя Борисова?

Ответы на эти вопросы так и не были получены, потому что 2 декабря Борисов погиб в автокатастрофе по дороге на допрос. По

факту его гибели следствие не проводилось и дело не возбуждалось (несмотря на подозрительные обстоятельства гибели). Однако вот что показали результаты расследования тех событий специальной комиссией, созданной по инициативе Н. С. Хрущева.

Во время пребывания в Ленинграде для личного контроля за следствием по делу об убийстве Кирова Сталин потребовал привести к нему человека, который охранял Кирова 1 декабря. Через некоторое время пришло сообщение, что Борисов погиб, когда грузовик, в кузове которого его везли, врезался в угол дома. Выяснилось, что Борисова везли три человека: двое охраняли его в открытом кузове грузовой машины, а третий находился в кабине с шофером. Позже все трое были расстреляны по подложным обвинениям, однако шофер остался в живых и рассказал следующее: «Ехали мы. Рядом со мной сидел чекист и все время понукал меня, чтобы ехать быстрее и скорее доставить арестованного. При одном повороте он вдруг схватил руль и направил машину на угол дома. Но я был крепкий человек, молодой и перехватил руль. Машина вывернулась и только помяла крыло. Никакой аварии не произошло, однако я слышал, как при нашем столкновении раздался наверху какой-то сильный стук. А потом объявили, что «при аварии» тот комиссар погиб».

Показания шофера вкупе с исчезновением всех свидетелей по делу об убийстве Кирова, по мнению Н. С. Хрущева, свидетельствуют о существовании реального заговора, направленного против Сергея Мироновича. В то же время, он не имел в виду воображаемую «зиновьево-троцкистскую группу», которой было приписано это преступление. Хрущев прямо обвинял Сталина в причастности к подготовке убийства Кирова как повода расправиться с политическими оппонентами и развязать массовые репрессии.

Сначала немного официальной хроники. Информация по делу об убийстве Кирова не оглашалась в течение нескольких недель. В газетах лишь было сообщено о расстреле нескольких десятков террористов-белоэмигрантов, проникших в РСФСР через Польшу, Румынию и Болгарию. Таким образом, создавалось впечатление, будто убийца Кирова принадлежал к той же контрреволюционной организации.

17 декабря 1934 г. появились новые данные. Было объявлено, что Николаев принадлежал ранее к ленинградской оппозиционной группе А. Зиновьева. Само по себе это сообщение говорило очень мало, поскольку вся ленинградская организация партии, за единичными исключениями, состояла в 1926 годув зиновьевской оппозиции. С того времени все они «раскаялись» и

вернулись в состав партийного советского аппарата. Указание на то, что Леонид Николаев входил в зиновьевскую группу, означало лишь то, что онв 1926 г. был членом Ленинградской парторганизации.

Однако указание на «группу Зиновьева» не было случайностью: оно знаменовало собой начало подготовки судебного процесса, основанного на заведомо ложном «пристегивании» к убийству Кирова людей, которые не имели к нему никакого отношения. Уже 22 декабря 1934 г. ТАСС сообщил сенсационные подробности: оказалось, что кроме неназванных лиц, уже привлеченных к судебной ответственности по делу террориста Николаева в Ленинграде, в Москве были арестованы еще 15 членов «антисоветской» группы Зиновьева. Позднее к пятнадцати арестованным «зиновьевцам» были добавлены еще несколько человек. Соответственно, версия о том, что Николаев был связан с белыми эмигрантскими организациями, отпала. Л. Николаев оказался агентом внутрипартийной оппозиции, во главе которой стояли бывший председатель Коминтерна Зиновьев и бывший председатель Политбюро Каменев.

28 декабря 1934 года в Ленинграде началось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, которая приговорила к расстрелу четырнадцать человек. Тринадцать из них были комсомольскими функционерами, а четырнадцатым — собственно убийца Кирова Леонид Николаев. Их расстреляли как участников «подпольной террористической организации «Ленинградский центр», спланировавшей убийство Кирова. Людей обвинили в терроризме и назвали членами преступной организации «Ленинградский центр», основываясь на именах в записной книжке Николаева (это были его прежние коллеги по работе). Произошла фальсификация — никто не занимался расследованием реального уголовного дела. Процесс сразу пошел по политическим рельсам, а финал был заранее предопределен. Версия о «Ленинградском центре» продержалась до 1990 года, когда состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, решением которого 13 фигурантов дела о «Ленинградском центре» были реабилитированы за отсутствием состава преступления (приговор Николаеву как убийце, разумеется, оставлен в силе).

Чем же в действительности руководствовался убийца Кирова, Леонид Николаев? Самая романтическая версия — ревность. Якобы Киров благоволил к его жене, и Леонид решил избавиться от соперника. Есть свидетельства, что у Сергея Мироновича было довольно много любовных связей, и Мильда Драуле, которая прислуживала на некоторых кировских вечеринках, была одной

из его «подружек». Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил «соперника». Высшие чины НКВД якобы знали, что причина убийства — ревность обманутого мужа. Но никто из них не осмеливался даже заговорить об этом, так как версию о заговоре против партии выдвинул сам Сталин и оспаривать ее было крайне опасно.

В результате из материалов дела следовало, что Николаев действовал и по собственному умыслу, и по наущению «зиновьевско-троцкистской» группировки. Впрочем возможно, он выполнял приказ Сталина — эту мысль выдвинул в свое время Н. С. Хрущев, и она имеет много косвенных подтверждений (разумеется, никаких неопровержимых документальных доказательств не существует). Ниже приведены выдержки из воспоминаний Н. С. Хрущева о расследовании убийства Кирова: «Когда приступили к изучению дела, то оказалось, что Николаев незадолго до убийства Кирова был задержан около здания Смольного. Николаев вызвал какие-то подозрения у охраны, был задержан и обыскан. У него обнаружили револьвер. Несмотря на эту улику и на то, что он был задержан в районе, который особо охранялся, потому что там ходили и ездили член Политбюро и все руководство Ленинградского обкома и горкома партии,

Николаев был освобожден. А спустя какое-то время он убивает Кирова. Все эти обстоятельства настораживали комиссию.

Ведь Николаев стрелял в Кирова не на площади, а проник в Смольный, вошел в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его на лестничной клетке.

Это сразу породило подозрения, что Николаев был подослан для совершения террористического акта какими-то людьми. До этого своим поведением Николаев показался подозрительным, и его задержали, однако он был отпущен по указанию сверху. Более того, Николаев получил затем доступ в Смольный, находился на лестничной клетке обкома партии, где работал Киров, там встретил и убил его.

Без помощи лиц, обладавших властью, сделать это вообще было невозможно, потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно подъезд, которым пользовался Киров. Организовать это могли лишь те, кому был туда доступен вход.

Кое-что знали, несомненно, Молотов и Ворошилов, которые ездили в Ленинград со Сталиным. Комиссия доложила, что она получила сведения о допросе Николаева лично Сталиным. Об этом рассказал кто-то из старых большевиков, но никаких документальных данных на этот счет быть не могло. Якобы дело обстояло так: когда к Сталину привели Николаева, тот бросился на колени и стал говорить, что он сделал это «по поручению», от

имени партии. Следует отметить, что до разговора со Сталиным Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей, он утверждал, что ни в чем не виноват, а почему он так поступил, в Москве знают. Было ли дано ему «поручение» или не было, трудно судить. Если да, то он выполнил поручение. Но чье оно могло быть?

Конечно, не лично Сталин поручал дело Николаеву. Для этого Николаев был слишком мал. Но нет сомнений, что по поручению Сталина кто-то его подготовил. Если принять именно такую схему рассуждений, то Николаев, наверное, надеялся на какое-то снисхождение, хотя рассчитывать на это было слишком наивно. Не такой уж большой человек этот Николаев: он выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Просто глупец. Как раз после исполнения такого поручения для сохранения тайны требовалось уничтожить исполнителя. И Николаев был уничтожен».

Но зачем Сталину понадобилось избавляться от Кирова? Дело в том, что в январе 1934 года состоялся XVII съезд ВКП(б) (т. н. «съезд победителей»). На него собрались прежде всего партийные деятели, пришедшие к власти при непосредственном участии Сталина, разгромившего оппозицию в 1926–1927 гг. Присутствовавшие на съезде бывшие оппозиционеры — старые большевики — каялись и славили вождя, тем самым признавая свое окончательное поражение. Тем не менее во время съезда была предпринята попытка во исполнение завещания В. И. Ленина сместить Сталина с поста руководителя партии, инициированная старыми большевиками, которые предполагали заменить его на С. М. Кирова. Когда Киров узнал об инициативе товарищей по партии, то счел своим долгом немедленно известить Сталина, а тот принял решительные меры.

По большому счету, попытка была изначально обречена на провал — сколько бы голосов, поданных против Сталина на тайных выборах в руководящие органы партии, ни приводилось, их число оказалось бы меньшим по сравнению со всей массой делегатов. Тем не менее по директиве Сталина были сфальсифицированы результаты голосования депутатов съезда — никто не должен был знать истинного положения вещей. Как пишет Н. С. Хрущев, оставшиеся в живых члены счетной комиссии XVII партсъезда «.доложили о том, что количество голосов, поданных тогда против Сталина, было не то 260, не то 160. На съезде же было объявлено, что против кандидатуры Сталина проголосовали шесть человек.»

И далее: «Сталин — умный человек, и он понимал, что если против него проголосовали 260 или 160 человек, то это означает,

что в партии зреет недовольство. Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые выдвинулись при Сталине, боготворили Сталина и смотрели ему в рот, могут проголосовать против него. Этого никак не могло быть…Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве. И вот Киров был убит, а затем началась массовая резня.

Если поднять сейчас фамилии тех, кто был тогда арестован, то прежде всего это коснулось старых большевиков. Сталин правильно определил, кто голосовал против него. И вот полетели головы старых большевиков. Они объявлялись врагами народа, и все наши граждане одобряли это. Вот, собственно говоря, истоки той мясорубки, которую затеял Сталин. Но уничтожались не только партийные кадры: косили всех. Если кто-нибудь «под настроение» что-то ляпнул, то и этого было достаточно, чтобы попасть в соответствующие списки и потом быть высланным или уничтоженным».

Таким образом, убийство Кирова стало сигналом к началу массовых репрессий. Были утверждены положения, ужесточающие советское законодательство и вносящие изменения в судебную процедуру рассмотрения политических дел. Непосредственно в день убийства С. М. Кирова, 1 декабря 1934 года вышло Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершению террористических актов», которое предполагало, что следствие по таким делам должно завершаться в десятидневный срок, а обвинительное заключение вручаться обвиняемому не более чем за сутки до рассмотрения дела в суде. Дела могли слушаться без участия сторон. Не допускалось кассационное обжалование приговоров и подача ходатайств о помиловании. Приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Затем были введены законы, касающиеся не только «врагов народа», но и членов их семей. 30 марта 1935 г. был принят Закон «О наказании членов семей изменников Родины», согласно которому все ближайшие родственники «изменников Родины» высылались в отдаленные районы страны вне зависимости от причастности к совершенному преступлению. 7 апреля 1935 года вышел указ, согласно которому привлекать к уголовной ответственности можно было детей, начиная с 12 лет, причем на них могли распространяться все виды наказания вплоть до

смертной казни.

27 мая 1935 года по приказу в НКВД республик, краев и областей Союза Советских Социалистических Республик были образованы «особые тройки», в состав которых входили: начальник управления НКВД, начальник отдела милиции и прокурор области. В полномочия тройки входило рассмотрение дела и вынесение приговора во внесудебном порядке. 30 июня 1937 г. были дополнительно созданы республиканские, краевые и областные тройки, в состав которых входили: секретарь обкома ВКП(б), прокурор области и начальник управления НКВД.

4 августа 1937 года были введены двойки в составе Генерального прокурора СССР и Наркома внутренних дел СССР. Двойки и тройки отвечали всем требованиям по ведению судебных дел «врагов народа». Все следственные действия заканчивались в течение десяти дней, а многие даже и не начинались — большое количество приговоров просто «спускалось сверху».

Начавшиеся после смерти Сергея Мироновича Кирова массовые репрессии получили название «Кировского потока». «Кировский поток» — это первая волна массовых арестов, прокатившихся по стране зимой и весной 1935 года. Самыми первыми были арестованы те, кто работал в окружении С. М. Кирова или был как-либо связан с ним. Гонениям подвергались в первую очередь жителиЛенинграда и области. Одновременно началась замена командования военно-морских сил страны, продолжалась и «чистка» партии. Всех партийных работников сурово наказывали по пустяковым, а часто вымышленным причинам, среди которых наиболее распространенными были «связь с враждебными элементами», «недостаток бдительности» и «недоносительство».

19 августа 1936 года в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов начался так называемый «открытый процесс» над лидерами оппозиции. На скамье подсудимых сидели Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. Н. Смирнов и другие. Всего было шестнадцать человек, их в обвинительном заключении назвали «троцкистско-зиновьевским террористическим центром». «Суд» длился до 24 августа, и к его концу обвиняемые признались во всем. Все обвиняемые «охотно» рассказывали о своей роли в убийстве Сергея Кирова и о планах убийства Сталина, Молотова, Кагановича и других видных политических деятелей. Все показания были однообразны: перечисление различных преступлений или планов преступлений, которые подготавливали «центр» и его «филиалы».

Хотя процесс считался открытым, в зале присутствовало лишь

несколько десятков заранее отобранных «представителей общественности», а остальными «зрителями» были сотрудники НКВД. Были нарушены элементарные нормы судопроизводства: не было представлено никаких вещественных доказательств и все строилось на показаниях и признаниях самих обвиняемых. На суде не было адвокатов, а предложения некоторых зарубежных юристов встать на защиту обвиняемых были отвергнуты.

«Первый открытый процесс» вынес смертный приговор всем шестнадцати обвиняемым и вызвал очередную волну репрессий. Газеты были полны статьями о «разоблачении» скрытых троцкистов, которые приложили свою руку к гибели С. М. Кирова и планировали новые страшные злодеяния.

Второй политический процесс начался зимой 1937 года. На этот раз перед Военной коллегией Верховного суда СССР предстали семнадцать человек, среди которых К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и другие. Подсудимые были известными деятелями партии, активными участниками революции и Гражданской войны. Почти все они в 1924–1928 годах принадлежали к «объединенной» оппозиции, но затем публично объявили о разрыве с Троцким и были восстановлены в партии. Теперь их обвиняли в принадлежности к некоему «параллельному центру», подготовке террористических актов, шпионаже, разработке планов раздела СССР и восстановлении капитализма. Никаких документальных и вещественных доказательств снова предъявлено не было, а все основывалось на признаниях и показаниях самих обвиняемых.

На этот раз обвиняемым выделили адвокатов, которые, правда, и не собирались защищать их от необоснованных обвинений. Сталин разрешил пригласить на процесс иностранных корреспондентов и некоторых дипломатов.

Процесс закончился 30 января 1937 глда. Тринадцать человек были приговорены к расстрелу, а остальные получили 8-10 лет лишения свободы. Присутствующие в зале «представители общественности» встретили приговор криками одобрения, как и москвичи, стоявшие возле Дома Союзов, где шел суд.

По окончании судебного процесса было намечено провести пленум ЦК ВКП(б), в повестке дня которого стояли два главных вопроса: 1. О Бухарине и Рыкове. 2. О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР. Пленум открылся 25 февраля 1937 года и, по сути, стал продолжением процесса «параллельного центра». Обсуждалось сообщение о «преступной деятельности» Бухарина и Рыкова и о «шпионско-вредительской деятельности» очередного «контрреволюционного» центра.

Описанные выше события открыли дорогу «Большому террору» 1937-38 гг. или, как его еще называли, «ежовщине» (по фамилии наркома внутренних дел Ежова). К 1937 году 60 тыс. человек уже находилось в заключении, а многие из них были расстреляны, но поток репрессий неуклонно продолжал расти, принимая все более массовый и зловещий характер. Апогеем «ежовщины» стал последний из крупнейших процессов по делу «антисоветского правотроцкистского блока», открывшийся 2 марта 1938 года.

Этот суд «разоблачал» наиболее тайный и разветвленный из всех «антисоветских центров», возглавляемый Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым (бывшим руководителем Совнаркома СССР). Теперь они находились на скамье подсудимых вместе с Г. Ягодой, который всего два года назад был главой НКВД.

Все обвинения, предъявленные на предыдущих процессах, полностью повторялись (убийство Кирова, подготовка убийства Сталина и др.), но к ним добавились обвинения: в убийстве Горького и Куйбышева; в покушении на В. И. Ленина в 1918 году; в стремлении отдать империалистам Украину, Белоруссию, Дальний Восток, Закавказье и Среднюю Азию. Так же, как и ранее, большинство подсудимых признали себя виновными. Судилище закончилось 13 марта 1938 года. Большую часть подсудимых приговорили к расстрелу, некоторые получили длительные сроки заключения (от 15 до 25 лет).

Вообще, к началу 1938 г. по ложным обвинениям были арестованы, а потом и физически уничтожены более двух третей членов ЦК ВКП(б). Одновременно был разгромлен аппарат Комиссии партийного контроля, Президиум ЦИК СССР и ВЦИК, аппарат Госплана СССР, до 90 % всех обкомов партии и облисполкомов, а также большинство городских, окружных и районных партийных организаций.

Арестам подверглись высшие командные кадры Наркомата обороны. С мая 1935 по сентябрь 1938 года в армии были репрессированы более 36 000 человек, а на флоте — более 3 тысяч.

Была уничтожена большая часть интеллигенции. Наряду с ней репрессиям подвергались рабочие и крестьяне, против которых были сфабрикованы доносы об их враждебности Советской власти. В 1936–1939 гг. из партии были исключены более 1 млн человек, что почти всегда сопровождалось арестом. Арестам подвергались и родственники арестованных коммунистов, их друзья и сослуживцы.

Важной частью массовых репрессий было физическое уничтожение многих тысяч работников НКВД, суда и

прокуратуры. Безжалостная чистка карательных органов началась уже в 1936 году, поскольку именно они принимали участие во всех репрессивных кампаниях конца 20-х — начала 30-х годов, готовили первый крупный процесс против бывших лидеров оппозиции.

В 1936–1938 гг. Сталин перекрыл все «рекорды» политического террора, известные истории. В 1936 году к расстрелу приговорили 1116 человек, а в 1937 г. было вынесено уже 350 680 смертных приговоров (данные за 1938 год неизвестны).

Таким образом, убийство Кирова послужило катализатором тотального террора, направленного первоначально против неугодных соратников по партии, а потом охватившего все слои советского общества. «Убийство Кирова, — писал журнал «Социалистический вестник», — могло быть и чисто случайным, индивидуальным актом, продиктованным личными мотивами. Убийство могло быть случайным.

Но не случайно, а планомерно задумана и проведена была реакция на это убийство».

С. М. Киров похоронен у Кремлевской стены. Его гражданская жена Мария Львовна Маркус похоронена в Ленинграде на Волковом кладбище. Детей у них не было. В 1934 г. в целях увековечения памяти С. М. Кирова на карте Советского Союза появилось большое число населенных пунктов, названных его именем. Среди них города: Киров (Вятка), Кировск (Хибиногорск), Кировабад (Пяндж), Кировакан (Караклис) и др.

Результаты официального расследования убийства С. М. Кирова комиссией, созданной по инициативе Н. С. Хрущева, так и не были опубликованы.

У НАС ДЛИННЫЕ РУКИ. ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ ДАВИДОВИЧ (1879-1940)

Российский политический деятель. Принимал активное участие в революционной деятельности. В1927 году, проиграв борьбу за власть Сталину, был выслан сперва вАлма-Ату, а затем за границу. Резко критиковал сталинскийрежим. Был убит в Мексике по заданию НКВД.

Лев Бронштейн появился на свет 25 октября (по старому стилю) 1879 г. «.Год моего рождения был годом первых динамитных ударов по царизму, — писал Л. Троцкий в автобиографической книге «Моя жизнь». — Террористическая партия «Народная воля» вынесла. за два месяца до моего появления на свет смертный приговор Александру II. Начиналась грозная борьба, которая привела 1 марта 1881 г. к убийству Александра II, но в то же время и к гибели самой «Народной воли».

Как и многие выдающиеся политики, Лев Бронштейн не был столичным жителем; его родина — село Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии (ныне — Бобринецкий район Кировоградской области). Его отец был «.земледельцем, сперва мелким, затем более крупным. Мальчиком он покинул со своей семьей еврейское местечко в Полтавской губернии, чтоб искать счастья на вольных степях Юга. Неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх. Мать вышла из городской мещанской семьи, которая сверху вниз смотрела на хлебороба с потрескавшимися руками. Молодая женщина не сразу вошла в суровые условия сельского хозяйства,

но зато вошла полностью и с той поры не выходила из трудовой упряжки почти 45 лет. Из восьми рожденных от этого брака детей выжило четверо. Я был пятым.»

Когда мальчик подрос, было решено отправить его учиться в Одессу, в реальное училище, однако в 1888 г. поступление в школу было сложной задачей: «...Десятипроцентная норма для евреев в казенных учебных заведениях введена была в 1887 г. «Норма» распространялась на реальные училища. и вела к строжайшему отбору, осложнявшемуся, разумеется, взяточничеством. Решено было поместить меня в приготовительный класс. откуда евреев переводили в первый класс хоть и по «норме», но с преимуществом над экстернами».

Мальчик вскоре стал первым учеником в классе; он рисовал, писал стихи и статьи в школьный рукописный журнал, переводил басни Крылова с русского на украинский язык. По позднейшему признанию, в то время его не занимали обычные для одесских мальчишек развлечения: купание в море, ловля рыбы, плавание на лодках. Однако отличник Лев не отличался примерным поведением. Он даже был временно исключен из училища за то, что подговорил соучеников сыграть шутку над учителем французского языка. Сам Бронштейн позже называл ту выходку своей первой политической акцией и говорил, что уже тогда увидал, как люди делятся на три группы: предатели, верные друзья и аморфная масса, которая следит за тем, как повернется дело, и ни во что не вмешивается.

В 1896 г. Лев уехал учиться в Николаев — в Одесском реальном училище не было последнего, седьмого класса. Он писал: «.Город был провинциальнее, училище стояло на более низком уровне. Но год учения в Николаеве, 1896-й, стал переломным, ибо поставил передо мною вопрос о моем месте в человеческом обществе. На первых порах я давал в разговоре решительный отпор «социалистическим утопиям». Я пытался избежать личного влияния на меня тех молодых социалистов, с которыми меня столкнула судьба». В итоге Лев вошел в кружок, члены которого изучали и обсуждали научно-популярную литературу, а потом перешли к запрещенным изданиям. Поначалу он сочувствовал идеям народников и отвергал марксизм, считая его чуждым человеку учением. В этот период многие черты его личности — острый ум, полемический дар, энергичность, самоуверенность, честолюбие, склонность к лидерству — наконец нашли свое применение.

Окончив училище, Лев поступил в Одесский университет на математический факультет, но вскоре бросил учебу, посвятив себя целиком политической пропаганде и работе в

революционном подполье. Он основал подпольный «Союз рабочих юга России», но в январе 1898 г. был арестован, и организация распалась. Лев Бронштейн был приговорен к четырехлетней ссылке в Восточную Сибирь. Еще находясь под следствием, он сошелся с Александрой Соколовской, соратницей по революционной деятельности, с которой в 1900 г. и отправился в ссылку, в Иркутскую губернию. Там ссыльный Бронштейн работал приказчиком, писал в местную газету «Восточное обозрение». В 1902 г. Лев и Александра разошлись, и он бежал за границу, вписав в фальшивый паспорт фамилию Троцкий, позаимствованную у надзирателя одесской тюрьмы.

В 1902 г. Троцкий познакомился с Лениным и вошел в состав редакции газеты «Искра». В 1903 г. в Париже он женился на Наталье Седовой, которая стала его спутницей на всю оставшуюся жизнь. В это время начался период затяжных конфликтов между Троцким и Лениным по политическим вопросам.

В октябре 1905 г. Троцкий стал заместителем председателя, потом председателем Петербургского Совета рабочих депутатов, а в декабре его арестовали. В 1907 г. Троцкий был приговорен к вечному поселению в Сибирь с лишением всех гражданских прав, но по пути к месту ссылки вновь бежал за границу, в Вену. В 1912 г. Троцкий стал военным корреспондентом на Балканах, потом во Франции, откуда был выслан в 1916 году. Троцкий отплыл в США, где продолжал выступать в печати.

Узнав о Февральской революции, Троцкий вернулся на родину, вступил в партию большевиков и вскоре был в очередной раз арестован (на этот раз всего на несколько недель). Осенью того же года стал председателем Петроградского Совета и председателем военно-революционного комитета. Троцкий, фактически, возглавил октябрьское вооруженное восстание (оно, кстати, началось как раз в день рождения Льва Давидовича).

После прихода большевиков к власти Троцкий принял назначение на пост народного комиссара иностранных дел, но после подписания Лениным Брестского мира сложил с себя полномочия из-за полного несогласия с таким шагом. Весной 1918 г. Троцкий стал наркомом по военным и морским делам и председателем революционного военного совета республики. Для создания боеспособной армии он шел на жесточайшие меры: брал заложников, расстреливал и отправлял за решетку противников, дезертиров и нарушителей воинской дисциплины, не делая никаких поблажек и исключений. В то же время Троцкий активно привлекал в Красную Армию бывших царских офицеров («военспецов»), защищая их от нападок большевиков.

К началу 20-х годов популярность и влияние Троцкого

достигли апогея, и в результате после смерти Ленина ему противостояло большинство руководства страны. Спекулируя прежними разногласиями Троцкого с Лениным, его сместили со всех занимаемых постов. Сторонники Троцкого были вытеснены из руководства партии и государства, а его взгляды («троцкизм») были объявлены враждебным мелкобуржуазным течением.

В 1927 г. Л. Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК, исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату, а в 1929 г. выслан из СССР. С женой и старшим сыном Троцкий оказался на о-ве Принкипо (Турция), откуда в 1933 г. перебрался во Францию, а в 1935 — в Норвегию. Троцкий неустанно критиковал политику советского руководства, опровергал утверждения официальной пропаганды и советскую статистику. В конце 1936 г. Троцкий, у которого агентами ГПУ-НКВД была похищена большая часть архива, покинул Европу, найдя убежище в Мексике, где поселился сначала в доме художника Диего Риверы, а затем на укрепленной и тщательно охраняемой вилле в небольшом городке Койокан.

Необходимость усиленной охраны обнаружилась уже в январе 1938 г., когда была совершена первая попытка покушения на Троцкого; неизвестный человек попытался проникнуть в его дом с фальшивыми рекомендациями от одного политического деятеля. После этого была установлена автоматическая сигнализация, введены круглосуточные дежурства охранников и т. д. Дом Троцкого превратился в крепость, охраняемую снаружи постоянным отрядом из десяти полицейских, и личной охраной изнутри. Жена Троцкого, Наталья Ивановна, считала, что нужен дополнительный пост у окна его кабинета. Троцкий отказался, сославшись на то, что в таком случае пришлось бы расширить внутреннюю охрану, а «это не по средствам ни в отношении затрат, ни в отношении человеческого материала».

Ответственность за безопасность Л.Троцкого взяла на себя Социалистическая рабочая партия США. «Охрана всегда состояла из молодых товарищей, связанных со мной единством политических взглядов и отбиравшихся моими старыми друзьями из числа добровольцев, — писал Троцкий. — Мы живем — моя семья и охрана — маленькой замкнутой коммуной, отделенные четырьмя высокими стенами от внешнего мира».

Одновременно с обеспечением безопасности Троцкий прилагал большие усилия, чтобы получить визу для въезда в США, где было безопасней и он мог бы поддерживать более тесный контакт с единомышленниками. Однако правительство США раз за разом отклоняло просьбы Троцкого о предоставлении политического убежища. В отличие от Мексики, не имевшей тогда

дипломатических отношений с СССР, США подвергались непрерывному давлению со стороны Советского правительства. Характеризуя свое положение в конце 30-х годов, Троцкий писал: «Мексика оказала мне гостеприимство. потому, что ее правительство оказалось. достаточно независимым от внешних давлений, чтобы руководствоваться собственными принципами. Я. живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения».

Тем не менее Троцкий не отказывался от попыток сплотить своих сторонников. В 1938 г. был провозглашен IV Интернационал, в который вошли малочисленные и разрозненные группы из различных стран, но он оказался нежизнеспособным и распался вскоре после смерти своего основателя.

Советские спецслужбы держали Троцкого под пристальным наблюдением. В 1938 г. при загадочных обстоятельствах в Париже в больнице после операции умер его старший сын. Из Советского Союза шли известия о жесточайших репрессиях против «троцкистов», были расстреляны его первая жена и младший сын.

Собственно, еще до прибытия в Мексику Троцкий знал о том, что ГПУ готовит на него покушение. После московских процессов Троцкий постоянно ощущал нависшую над ним угрозу убийства и даже предполагал, кем оно будет осуществлено. В первой половине 1940 года мексиканская пресса была полна слухов о сосредоточении в Мексике агентов НКВД. «Я получал немало писем…о тех агентах ГПУ, которые направлялись в Мексику из Франции и Соединенных Штатов. Имена и фотографии некоторых из этих господ были мною своевременно переданы мексиканской полиции».

Предчувствуя скорую гибель, в начале 1940 г. Троцкий составил документ, названный им «Завещание» и носящий преимущественно личный и мировоззренческий характер. В этом документе нет политических выводов и оценок, советов сторонникам и т. д. Он написан тогда, когда Троцкий уже ожидал покушения, но в нем говорится не о возможном теракте, а об ожидании смерти от кровоизлияния в мозг («это самый лучший конец, какого я могу желать») и о готовности к самоубийству, если склероз приведет к инвалидности.

Еще в 1939 г. Сталин дал указание Берии подготовить план осуществления прямого теракта против «койоканского затворника». Через несколько месяцев Сталиным была одобрена операция под кодовым названием «Утка», согласно которой одновременно готовились два нападения. Первое — штурм дома Троцкого группой налетчиков под руководством мексиканского художника Давида Альваро Сикейроса. Второе — убийство, выполнение которого было возложено на испанца Рамона

Меркадера, убежденного сталиниста, услуги которого предложила его мать, давняя «знакомая» НКВД Каридад Меркадер. Подготовка к проведению операции «Утка» шла одновременно в Париже и в Нью-Йорке.

Руководителем группы исполнителей операции «Утка» по предложению Л. Берии был утвержден П. Судоплатов. Сам Судоплатов так описывал события того времени: «В конце 1938 года. мне грозил арест. В подвешенном состоянии я находился до марта-апреля 1939 г. К этому [времени] подоспело. новое боевое поручение ЦК ВКП(б); все утихомирилось, и мы начали активно готовиться к проведению операции в Мексике». После мексиканских событий карьера Судоплатова резко пошла вверх, и в июле 1945 г. ему присвоили звание генерал-лейтенанта. Однако после смерти Сталина в 1953 г. он был арестован как приспешник Берии и приговорен к 15 годам тюремного заключения. Судоплатов вышел на свободу в 1968 году.

Второй участник «группы» — Н. И. Эйтингон — был одним из немногих чекистов-евреев, пережившим чистки 30-х годов. Н. Эйтингон давно показал себя надежным исполнителем: в 1929 г. он обеспечивал возвращение в Москву резидента НКВД, работавшего в секретариате Троцкого, а во время гражданской войны в Испании руководил террором против троцкистов.

В июле 1945 г. Н. И. Эйтингон стал генерал-майором, но в начале 1950-х годов был арестован «по указанию главы Советского правительства» в разгар антисемитской кампании и расправы над «группойАбакумова». Сразупосле смерти Сталина Эйтингон был освобожден, реабилитирован, ему возвратили правительственные награды и вернули на работу. Однако в июне 1953 г. он был арестован вновь — как соучастник преступлений Берии — и приговорен к 12 годам тюремного заключения. Эйтингон вышел на свободу в 1963 г., после чего работал редактором в издательстве «Международная книга».

Третьим членом группы стал И. Григулевич, зарекомендовавший себя во время гражданской войны в Испании. Он прибыл в Мексику в январе 1940 г. по фальшивому паспорту, устроился официантом в баре, принял непосредственное участие в налете на виллу Троцкого, после чего бежал в Калифорнию. С 1946 г. Григулевич жил в Коста-Рике и продолжал свою агентурную деятельность. Ему удалось не только обзавестись паспортом этой страны, но и получить назначение на пост посланника Коста-Рики в Ватикане и в Югославии.

Весной 1953 г. Григулевич был отозван Берией в Москву и в конце 50-х годов работал в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами, где продолжал выполнять агентурные

задания. Позже Григулевич ушел в науку, в 1979 г. стал членом-корреспондентом АН СССР, под фамилией Лаврецкий писал книги и статьи по истории Латинской Америки и Ватикана. Умер Григулевич в 1988 году.

Непосредственным организатором покушения на Троцкого стал знаменитый художник и убежденный сталинист Давид Альваро Сикейрос. За это его приговорили к длительному тюремному заключению, но год спустя освободили под денежный залог. Такое решение было принято президентом Мексики, который к тому же санкционировал отъезд Сикейроса из Мексики (причем не в виде высылки, а в виде предложения работать за границей по контракту). Когда Сикейрос в 1944 г. вернулся в Мексику, судебные органы сообщили, что дело против него не может быть возобновлено, так как досье «таинственно исчезло». Сикейрос оставался «другом СССР» до самой смерти. В 1966 г. ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Каридад Меркадер, мать убийцы Троцкого — одна из ключевых фигур операции «Утка» — была дочерью богатого испанского помещика, жившего на Кубе. Она развелась с мужем и вместе с детьми переселилась в Париж, активно участвовала в гражданской войне в Испании, стала добровольным агентом НКВД.

Во время покушения на Троцкого Каридад с Эйтингоном находилась в машине возле дома Троцкого, чтобы сразу же после убийства переправить Меркадера в США, потом пароходом во Владивосток и в Москву. Когда стало ясно, что Рамона задержали, Эйтингон и Каридад скрылись, бежали на Кубу, а затем перебрались в США. Оттуда они координировали адвокатскую поддержку Р. Меркадера и наладили с ним связь агентов, находившихся в Мехико. Незадолго до начала войны Каридад и Эйтингон были приглашены в Кремль, где Калинин вручил им орден Ленина. Каридад осталась в СССР и первые годы войны жила в Уфе.

Однако вскоре она начала жаловаться: «Я им больше не нужна. Я больше не та женщина, какой была прежде. Каридад Меркадер — это... худшая из убийц. Я не только ездила по всей Европе, разыскивая чекистов, покинувших рай, чтобы безжалостно убивать их…Я превратила в убийцу моего сына Рамона, сына, которого я однажды увидела выходящим из дома Троцкого, связанного и окровавленного, не имеющего возможности подойти ко мне». В 1944 году К. Меркадер добилась разрешения переехать во Францию, где и умерла в 1975 году.

Главным действующим лицом трагедии, чье имя теперь

известно не менее, чем имя самого Л. Д. Троцкого, стал Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес (известен также как Жак Морнар, Леон Жак, Тони Бабич и Фрэнк Джексон).

Рамон Меркадер родился в Барселоне. Под влиянием матери Каридад он рано включился в революционное движение, стал членом компартии, за что неоднократно подвергался арестам. Меркадер в совершенстве владел французским и испанским языками, хорошо объяснялся на английском, позже освоил русский язык. С июля 1936 г. участвовал в гражданской войне в Испании, был комиссаром на Арагонском фронте. В феврале 1937 г. его завербовал советский резидент. До 1938 г. Меркадер находился в Москве, где проходил подготовку к спецзаданию в рамках операции «Утка» (по другим данным, он попал в Москву только в 1960 г.).

Для осуществления теракта Рамону было нужно проникнуть на виллу Троцкого. Участниками операции «Утка» была разработана схема, в результате которой в июне 1938 г. Рамону Меркадеру удалось сблизиться с девушкой, которая должна была стать секретаршей Троцкого — Сильвией Агелофф. Она вместе с подругой (которая была одним из тайных агентов советской разведки) приехала в Париж, где та познакомила Сильвию с Меркадером. Рамон представился как Фрэнк Джексон, бизнесмен из Канады — и действительно, у него был канадский паспорт на это имя, который принадлежал человеку, погибшему в испанской войне.

В октябре 1939 г. в Нью-Йорк прибыл Эйтингон, основавший в Бруклине импортно-экспортную фирму, которая использовалась как центр связи и как «крыша» для Меркадера-Джексона.

В январе 1940 г. Сильвия Агелофф, которая уже два месяцев работала секретарем уТроцкого, приехала в Мехико. «Джексон» каждый день подвозил ее к дому Троцкого, а вечерами ожидал ее у ворот виллы, беседуя с охранниками. В марте 1940 года Агелофф вернулась в Нью-Йорк, так что с внедрением Меркадера в окружение Троцкого пока что ничего не получалось.

Тогда было решено совершить на дом Троцкого запланированный вооруженный налет, который возглавил мексиканский художник Сикейрос. Он сколотил банду, в распоряжение которой были переданы материалы для обеспечения четкой ориентации налетчиков на территории виллы: снимки, сделанные в саду и в доме, изображения заборов, фотографии охранников, Троцкого, его жены и т. д. Эти снимки были сделаны агентами НКВД, в разное время внедренными в окружение Троцкого.

Покушению предшествовала интенсивная идеологическая

кампания. Компартия Мексики провозгласила курс на истребление троцкизма, и 1 Мая 1940 г. по улицам Мехико прошла демонстрация с лозунгами «Троцкого — вон!». В тот же день был опубликован манифест Компартии: «Иностранные шпионы и провокаторы должны быть изгнаны из страны, и в первую очередь их самый злостный и опасный главарь: Лев Троцкий». Однако, как писал сам Лев Давидович, «первоначальный план: добиться массового движения за изгнание Троцкого из Мексики, потерпел полное крушение. ГПУ пришлось встать на путь теракта». Кампания достигла особого остервенения в дни, непосредственно предшествовавшие налету. Примерно за десять дней до покушения Троцкий собрал охранников и сказал, что истерическая кампания по его дискредитации достигла апогея и что она нужна, чтобы оправдать его предстоящее убийство в глазах общественного мнения.

24 мая 1940 г. около 4 часов утра примерно 20 человек в полицейской и военной форме напали на виллу Троцкого. Они бесшумно разоружили и связали полицейских наружной охраны и вызвали звонком дежурившего в это время внутреннего охранника Роберта Шелдона Харта. Харт по условному знаку Григулевича открыл калитку и впустил налетчиков во двор. Они отключили сигнализацию, изолировали нескольких охранников, а других членов охраны отрезали от дома пулеметным огнем. Группа нападавших устремилась к дому, заняла с двух сторон позиции напротив спальни Троцкого и открыла перекрестный огонь. Налет продолжался 10–15 минут, и за это время нападавшие выпустили более трехсот пуль. После этого бандиты захватили две машины охраны Троцкого и, уезжая, бросили в дом зажигательные снаряды, вызвавшие пожар, который Троцкому и его жене удалось потушить. Кроме того, к дверям спальни была подложена бомба, начиненная полутора килограммами динамита, — этого было достаточно, чтобы снести дом до основания. Взрывное устройство не сработало из-за технической неисправности.

Описывая действия нападавших, Троцкий обращал внимание на исключительно высокую технику покушения: «Убийство не удалось вследствие одной из тех случайностей, которые входят неизбежным элементом во всякую войну. Но подготовка и выполнение покушения поражают своей широтой, обдуманностью и тщательностью. Террористы прекрасно знают расположение дома и его внутреннюю жизнь. Они достают полицейское обмундирование, оружие, электрическую пилу, морские лестницы и пр. Они с полным успехом связывают внешнюю полицейскую охрану, парализуют внутреннюю стражу правильной стратегией

огня, проникают в помещение жертвы, стреляют безнаказанно в течение трех-пяти минут, бросают зажигательные бомбы и покидают арену нападения без следов. Такое предприятие не под силу частной группе. Здесь видна традиция, школа, большие средства, широкий выбор исполнителей. Это работа ГПУ».

Руку НКВД Троцкий видел и в том, что нападавшие имели несколько зажигательных снарядов: «Участники покушения преследовали, таким образом, не только убийство, но и поджог. Единственной целью их могло быть при этом уничтожение моих архивов. В этом заинтересован только Сталин, так как архивы имеют для меня исключительную ценность в борьбе против московской олигархии. Зажигательные снаряды представляют собою, таким образом, нечто вроде визитной карточки Сталина».

Троцкий и его жена сумели спастись потому, что Наталья Ивановна увлекла мужа в дальний угол спальни и заставила его лечь на пол. Троцкий считал, что они «помогли счастливому случаю тем, что не потеряли голову, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было бы безнадежно, не стреляли, когда это было бы безрассудно, а молча лежали на полу, притворяясь мертвыми».

Судоплатов объяснял неудачу покушения тем, что «группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов».

Одним из самых загадочных аспектов налета была роль Роберта Шелдона Харта, двадцатитрехлетнего охранника из США, находившегося в Койокане всего полтора месяца. Харт охранял ворота, которые он не должен был открывать никому без разрешения начальника охраны, но он нарушил этот приказ и покинул виллу после налета.

Через некоторое время в Мехико прибыл отец Харта, который сообщил, что его сын был сторонником Сталина; кроме того, в его комнате обнаружили испаноанглийский словарь с подписью Сикейроса. Однако, несмотря на очевидные улики, Троцкий упорно отказывался верить в то, что Харт был в сговоре с бандитами: «Если бы Шелдон был агентом ГПУ, то имел бы возможность убить меня ночью без всякого шума и скрыться, не приводя в движение 20 человек, которые все подвергались большому риску.»

25 июня тело Харта было найдено во дворе дома, который арендовали участники покушения, родственники и друзья Сикейроса. Харт был убит соучастниками из опасения, что он может рассказать лишнее, попав в руки полиции. Во время следствия арестованные участники покушения подтвердили, что

Харт был подкуплен. Судоплатов в своих воспоминаниях писал: «Харт был ликвидирован, посколькуузнал Григулевича и мог нас выдать».

В то же время, хотя Харт и был завербован НКВД, он, по-видимому, не предполагал, что планируется убийство Троцкого. Открыв ворота и увидев банду налетчиков, он сделал все, чтобы помешать им. Это следует из слов Эйтингона: «Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знал все. то никогда не согласился бы участвовать. Такое поведение послужило основанием для решения о его ликвидации».

Троцкий принимал активное участие в следствии по делу о покушении. Однако до конца мая полиции не удавалось напасть на след преступников, и постепенно в газетах появилась версия о том, что «события, имевшие место недавно в Мексике, были ловко подстроены ничтожным Троцким и его бандой». В этой версии Троцкий усматривал «несомненный элемент сумасшедшего дома: наглость и безнаказанность легко доходят до грани безумия. Но в этом безумии есть система, неразрывно связанная с ГПУ».

Через неделю после покушения возмущенный Троцкий, вынужденный опровергать ложную и нелепую версию, обратился с письмом к президенту Карденасу: «если даже допустить невозможное, именно, что. я решил организовать «автопокушение». то остается еще вопрос: где и как я достал 20 исполнителей? Какими путями обмундировал их в полицейскую форму?

Вооружил их? Снабдил всем необходимым? И пр. и пр. Иначе сказать, каким образом человек, живущий почти совсем изолированно от внешнего мира, умудрился выполнить предприятие, которое под силу только могущественному аппарату?»

Получив письмо Троцкого, президент Карденас распорядился направить следствие на разработку более правдоподобных версий. Вскоре удалось выявить почти всех участников налета. Более 20 человек были арестованы. Они назвали руководителя операции — Сикейроса, раздававшего полицейскую форму и оружие и возглавлявшего налет. 25 июня второстепенные участники налета были освобождены. Девять человек были приговорены к тюремному заключению. Но Сикейросу удалось скрыться, и лишь в октябре 1940 г. полиция узнала о его местонахождении. На следствии он не отрицал, что руководил налетом, но утверждал, что целью нападения было не убийство

Троцкого, а уничтожение его архивов. Он заявил, что акция была направлена на то, чтобы добиться изгнания Троцкого из Мексики. Сикейрос утверждал, что решение об «уничтожении штаб-квартиры Троцкого» было принято группой мексиканцев, выступавших на стороне республики; «естественно, левые политические партии, в частности Компартия Мексики, ничего не могли и не должны были знать о наших планах». Так или иначе, Сикейрос был приговорен к тюремному заключению и опасность покушения на некоторое время отступила.

Постоянное ожидание нового покушения не ввергло Троцкого в депрессию. «Открывая утром или закрывая вечером массивные железные ставни, устроенные нашими друзьями в нашей спальне. Лев Давидович иногда говорил: «Ну, теперь до нас не доберутся никакие Сикейросы», — вспоминала Н. И. Седова. — А просыпаясь, он приветствовал меня и себя: «Вот нас с вами этой ночью и не убили, а вы все недовольны».

Сразу же после покушения Троцкий занялся вопросом о хранении своих архивов. После 7 ноября 1936 года, когда ГПУ похитило в Париже 65 кг его архивов, различные научные учреждения США обратились к нему с просьбой передать наиболее ценную в историческом смысле часть архивов в их библиотеки и хранилища. Адвокат Троцкого вел длительные переговоры с библиотекой Гувера, с Чикагским и Гарвардским университетами. Договор на передачу архивов был заключен с Гарвардским университетом.

После покушения 24 мая директор библиотеки Гарвардского университета прислал Троцкому письмо, в котором настаивал на скорейшем получении архивов. Сообщая об этом секретарю внутренних дел Мексики, Троцкий уточнял, что «дело идет об архивах советского периода моей деятельности и о моей переписке, кончающейся декабрем 1936 г., т. е. до моего въезда в Мексику. Что касается писем, рукописей и документов за время моего пребывания в Мексике, то они полностью останутся со мной до тех пор, пока я буду пользоваться гостеприимством этой страны».

Пока Троцкий вел неустанную борьбу за свои архивы и установление правды о налете банды Сикейроса, его будущий убийца «Фрэнк Джексон» продолжал работу по внедрению в его дом. Через Сильвию Агелофф он познакомился с близкими друзьями жены Троцкого, что не могло не вызвать доверия к нему со стороны Седовой и, следовательно, Троцкого.

Вообще же, по приезде в Мексику с «Джексоном» произошла разительная перемена. До этого представлял себя перед Сильвией Агелофф и ее друзьями аполитичным человеком и, объясняя

причины своего пребывания в Мексике, говорил, что состоит на службе у крупного торгового босса из США и занимается экспортом бананов и сигар. Теперь же «Джексон» не только часто говорил о своем интересе к политике и троцкистскому движению, о своем знакомстве с европейскими троцкистами, но даже упоминал о пожертвованиях, которые он якобы делал французской секции IV Интернационала.

28 мая «муж Сильвии», как его называли в доме, был приглашен на завтрак, и с тех пор охранники свободно пропускали «Джексона» на виллу. Его не обыскивали, так как Троцкий запретил применять подобные меры к людям, постоянно посещавшим виллу, чтобы не унижать их человеческого достоинства. По той же причине Троцкий запретил охранникам находиться в его кабинете и даже за его дверью, когда он встречался с посетителями.

Согласно записям в книге посетителей, «Джексон» побывал там до покушения двенадцать раз и провел на ней, в общей сложности, около четырех с половиной часов. За это время Троцкий оставался с «Джексоном» наедине всего один раз — в течение 10 минут 17 августа. На протяжении нескольких недель, которые «Джексон» посещал виллу, он не вызывал подозрений уТроцкого.

В июне Сильвия поехала в Нью-Йорк. Вслед за ней отправился в Нью-Йорк и «Джексон». Спустя три недели они вернулись в Мексику, а за ними выехала Каридад.

После возвращения из Нью-Йорка «Джексон» продолжал время от времени посещать виллу Троцкого, а в июле вновь отправился в Нью-Йорк, где пробыл три недели. После возвращения он выглядел крайне нервным и истощенным, его лицо стало бледным и серым. В конце июля Эйтингон сообщил, что у них «все в порядке».

В августе «Джексон» появился на вилле без предварительного приглашения, с букетом цветов и огромной коробкой конфет, присланной, по его словам, Сильвией. В этот день он впервые заговорил с секретарями Троцкого о развитии мирового троцкистского движения, упомянул некоторые имена его руководителей в различных странах и намекнул, что мог бы содействовать движению материально.

Девятого августа Сильвия вернулась в Мехико. После ее приезда состоялось еще несколько визитов «Джексона» в Койокан. Во время первого из них он заговорил с Троцким о желании оказать материальную поддержку троцкистскому движению. Этот короткий разговор вызвал раздражение у Троцкого и Седовой, но, тем не менее, спустя несколько дней «Джексон» и Сильвия были

приглашены в дом на чашку чая.

17 августа «Джексон» неожиданно появился вновь; он был в шляпе, которую не снял даже в помещении, на руке у него висел плащ. Он сказал Троцкому, что просит прочитать набросок его статьи против раскольников в троцкистском движении США. Троцкий предложил ему пройти в кабинет, где они впервые оказались наедине на несколько минут. Троцкий в этот день сказал жене: «Мне он не нравится. Какого сорта этот парень? Мы должны провести небольшое расследование о нем. Я не хочу его больше видеть».

Однако Троцкий не смог проверить свои подозрения, в частности, потому, что в его окружении не было людей, прибывших из Испании. Если бы прошло еще несколько дней, Меркадер мог быть раскрыт прибывшим в Мексику сторонником Троцкого. Есть, кстати, версия о том, что после встречи с «Джексоном» 17 августа Троцкий обратился к своему секретарю с настойчивой просьбой выяснить, «кто такой этот Джексон». Никаких справок наведено не было, и, когда 20 августа он вновь появился в саду виллы, Троцкий не выгнал его, а пригласил в свой кабинет.

В эти дни происходили последние встречи Меркадера с Эйтингоном и Каридад, в ходе которых отрабатывались детали теракта. Предполагалось, что Меркадер нанесет Троцкому бесшумный смертельный удар, быстро покинет виллу, не возбуждая подозрений охраны, и сядет в автомобиль, в котором у ворот его будут поджидать Эйтингон и Каридад.

Судоплатов рассказывал, что существовал еще один план, который сводился к тому, что во время нахождения Меркадера на вилле Троцкого Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков попытаются ворваться на виллу и завязать перестрелку с охранниками, во время которой Меркадер убьет Троцкого и покинет виллу. Однако Рамон убедил Эйтингона в том, что он «один приведет смертный приговор в исполнение», используя навыки, полученные им во время партизанской войны в Испании.

Выбирая орудие убийства, «тройка» остановилась на малом ледорубе альпиниста, поскольку его легче скрыть от охранников и им можно нанести бесшумный удар. Надеясь на свою физическую силу, Меркадер думал убить Троцкого одним ударом, но на всякий случай взял с собой нож и пистолет. Решимости Меркадеру, несомненно, прибавляло и то обстоятельство, что в законах Мексики отсутствовала смертная казнь — высшей мерой наказания было двадцатилетнее тюремное заключение.

20 августа Троцкий встал в семь утра и сказал жене: «Знаешь, я сегодня с утра, по крайней мере, совсем хорошо себя чувствую,

давно так не было». Хорошее физическое состояние окрыляло его надеждой поработать в этот день «как следует». После завтрака Троцкий начал диктовку статьи о военной мобилизации в Соединенных Штатах. В час дня пришел адвокат для обсуждения деталей передачи архивов в Гарвардский университет и работу над статьей пришлось прервать.

В 17.30 без приглашения явился «Джексон», одетый так же, как и 17 августа, — в шляпе и с плащом, висящим на левой руке, прижатой к телу. Между тем он всегда хвастался, что не носит ни шляпы, ни плаща — даже в самую скверную погоду, а этот день был ясным и солнечным.

«Джексон» заметно нервничал. Встретившая его Наталья Ивановна подумала про себя: «Почему он стал приходить так часто?» «Почему вы в шляпе и с плащом? — спросила она его. — Погода такая солнечная». «Да, но вы знаете, может пойти дождь», — ответил «Джексон». Затем он направился кТроцкому. Сопровождавшая его Седова спросила: «А статья ваша готова?» — «Да, готова». «Он вынул стесненным движением руки, продолжая не отрывать ее от корпуса и прижимая плащ, в котором были зашиты, как потом стало известно, топор и кинжал, и показал мне несколько листиков, напечатанных на машинке».

Троцкий пригласил «Джексона» в свой кабинет, и через несколько минут Меркадер нанес альпенштоком по его голове страшный удар, который должен был убить Троцкого. Однако Троцкий издал пронзительный крик, повернулся, напал на убийцу и схватился за альпеншток. В 1969 году Меркадер рассказал Судоплатову, что такая реакция жертвы вызвала у него подобие ступора, и он не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож: «Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту. но крик Троцкого меня буквально парализовал».

Вспоминая об этих минутах, Седова рассказывала: «Я услышала ужасный, потрясающий крик. Не отдавая себе отчета, чей это крик, я бросилась на него. Между столовой и балконом, на пороге, у косяка двери, опираясь на него. стоял Лев Давидович. с окровавленным лицом. Мы отошли на несколько шагов, и Л. Д. с моей помощью опустился на дорожку.

— Знаешь, там, — он глазами указал на дверь своей комнаты. — Я почувствовал. понял, что он хочет сделать… он хотел меня. еще раз. но я ему не дал, — говорил спокойно, тихо, прерывающимся голосом».

Тем временем в кабинет ворвались охранники и стали жестоко избивать «Джексона». В этот момент покушавшийся — в первый и последний раз — потерял контроль над собой, однако

не забыв о том, что не должен говорить по-испански. Он кричал на французском языке: «Они заставили меня сделать это. Они держат в тюрьме мою мать. Они собираются убить ее. Пожалуйста, убейте меня! Я хочу умереть!»

Услышав крики «Джексона», Седова спросила Троцкого: «Что делать с этим? Они его убьют». «Нет. убивать нельзя, надо его заставить говорить», — все так же с трудом, медленно произнося слова, ответил мне Л. Д.». Охранники стали добиваться от убийцы признаний в том, что он действовал по приказу ГПУ, но «Джексон» ответил, что его послало не ГПУ, а какой-то человек.

Вскоре приехал доктор, который, осмотрев рану, сказал Троцкому, что она «не опасна». Затем прибыла полиция, отправившая жертву и убийцу под усиленной охраной в больницу. Там Троцкий подозвал секретаря и продиктовал ему: «Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я уверен в победе Четвертого Интернационала. Идите вперед!»

Вскоре Троцкий впал в бессознательное состояние, из которого уже не вышел. «Не спуская глаз, всю ночь я сидела над ним, ждала «пробуждения», — рассказывала Седова. — Глаза были закрыты, но дыхание, то тяжелое, то ровно-спокойное подавало надежду. Так прошел и наступивший день. К середине его, по определению врачей, наступило улучшение. Но к концу дня внезапно произошла резкая перемена в дыхании больного: оно стало быстрым, быстрым, внушающим смертельную тревогу. Черты лица его сохранили свою чистотуигордость. Казалось, вот он выпрямится и самраспорядится собой. Но глубина пораженного мозга была слишком велика. Пробуждения. не свершилось».

В 7 часов 25 минут вечера 21 августа 1940 г. Троцкий скончался.

На протяжении пяти дней тело Троцкого находилось в помещении городской ратуши Мехико. С ним пришли попрощаться не менее сотни тысяч человек, а вслед за этим в Мехико состоялась многотысячная похоронная процессия, превратившаяся в грандиозную антисталинскую манифестацию. Мексиканское правительство взяло на себя расходы и ответственность за проведение траурных мероприятий.

Дальнейшая судьба Рамона Меркадера, назвавшегося на следствии Жаком Морнаром, складывалась благоприятно. Он рассказал историю, что якобы хотел жениться на Сильвии Агелофф, но Троцкий запретил этот брак. Вспыхнула ссора, в которой оказалась замешана девушка. «Я решил принести себя в жертву ради нее», — сказал Джексон.

СССР не жалел средств для защиты «Морнара»: адвокаты

должны были доказать, что убийство совершено на почве склок и интриг в троцкистском движении. В этом им активно помогал сам обвиняемый, который отрицал свою причастность к НКВД. В мае 1944 г. суд Федерального округа Мехико вынес приговор: 20 лет тюремного заключения, т. е. высшая мера наказания. Меркадер получал большие суммы денег, на которые «снимал» в тюрьме отдельный «номер» со всеми удобствами и даже телевизором (что по тем временам было верхом роскоши). Вообще, за время тюремного заключения на «Морнара» было израсходовано около 5 миллионов долларов. Средства шли на оплату лучших адвокатов, улучшение условий тюремного заключения, содержание связных в Мехико.

Кроме того, разрабатывались различные планы его побега из тюрьмы и выезда за пределы Мексики. Их реализация была более чем возможна: Меркадер выезжал к зубному врачу, имел возможность гулять по городу (часто без сопровождения), ходить в гости к друзьям. Планы побега были раскрыты, но это не изменило условий пребывания Меркадера в тюрьме. Более того, начиная с 1946 г. его стала навещать индианка Ракелия Мендоса, снабжавшая его медикаментами и ежедневно приносившая домашние обеды. Еще во время его пребывания в тюрьме она вступила с Рамоном в брак. Через Ракелию Меркадер пересылал письма родным в Москву.

Многие годы власти Мексики настойчиво доискивались подлинного имени «Жака Морнара». Уже в начале следствия суд обратился за помощью к профессору криминологии Альфонсо Куарону. Тот дал много ценных данных о личностных особенностях «Морнара», но сказать, кто он на самом деле, не смог.

Полиция установила, что убийца не является ни бельгийцем, ни французом, ни канадцем. Выйти на «испанский след» мешало то, что заключенный упорно скрывал свое знание испанского языка. Поиски продолжались до тех пор, пока несколько бывших членов интербригад не опознали Меркадера по фотографиям и не сообщили об особой примете — ране на предплечье. Ее следы были обнаружены и на теле убийцы. Окончательную ясность внес Куарон, который во время своей поездки в Испанию в 1950 году раздобыл в полицейских архивах досье Меркадера с фотографией и отпечатками пальцев.

Когда в Мексику было доставлено полицейское досье Меркадера, дальнейшее запирательство стало бессмысленным. Перед лицом неопровержимых улик Меркадер назвал свое настоящее имя, но по-прежнему отказывался признать, что убил Троцкого по приказу из Москвы, подчеркивая личные мотивы

убийства.

Документально доказать участие органов НКВД в убийстве Троцкого так и не удалось. Однако оно стало очевидным после освобождения Меркадера 6 мая 1964 г.: незадолго до выхода из тюрьмы он получил чехословацкий паспорт, с которым вылетел в Гавану, а затем направился в Москву. Еще через две недели в Москву прилетела Ракелия. В Москве Меркадер получил советские документы на имя Рамона Ивановича Лопеса.

Председатель КГБ направил Хрущеву докладную записку с предложениями о награждении Меркадера, предоставлении ему советского гражданства и решении вопросов его материально-финансового обеспечения. 31 мая был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: «За выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В печати этот указ, разумеется, не был опубликован. 8 июня Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил Меркадеру высшую правительственную награду.

По личному ходатайству Долорес Ибаррури Меркадер был зачислен на должность старшего научного сотрудника в Институт марксизма-ленинизма, где занимался историей гражданской войны в Испании. Кроме оклада, он получил пенсию от КГБ, четырехкомнатную квартиру в Москве и подмосковную государственную дачу.

В начале 70-х годов Меркадер заявил, что он и его жена тяжело переносят местный климат, и в 1974 г. выехал на Кубу, где ему предложили работу консультанта по вопросам трудового воспитания в системе МВД. Он скончался от саркомы 18 ноября 1978 года. Согласно последней воле Рамона Меркадера, урна с его прахом была захоронена на кладбище в Москве. В 1987 году на могиле появилась гранитная плита с выгравированной на ней золотыми буквами надписью «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза».

Троцкий был похоронен во дворе своего дома в Койокане, где сейчас находится его музей.

БАНДЕРА СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ (1909–1959)

Активный член ОУН (Организации украинских националистов), позже — ее лидер. Вел борьбу за независимость Украины. С 1945 г. проживал в Германии. Убит в 1959 г. агентом КГБ Богданом Сташинским.

В наше время личность Степана Андреевича Бандеры вызывает большой интерес в Украине. При этом очень сложно найти беспристрастно изложенные сведения о жизни и смерти этого человека. Для одних — Бандера герой и отважный борец за независимость Украины, убитый агентом КГБ. Для других — безжалостный преступник и террорист, сотрудничавший с фашистской Германией, участвовавший в убийствах тысяч ни в чем не повинных людей и казненный по заочному приговору советских властей. Сейчас именем Степана Бандеры называют организации, клубы, улицы и площади. В советские времена, благодаря централизованной пропаганде слово «бандеровец» можно было услышать из уст детей, которые вкладывали в него примерно тот же смысл, что и в ругательное «фашист». Мы попытаемся взглянуть на личность Степана Бандеры и обстоятельства его смерти с обеих сторон баррикад, не пытаясь склонить читателя к той или иной точке зрения.

В качестве биографического источника нам на первых порах будет полезна автобиография Бандеры, описывающая его жизнь до 1940 года.

Степан родился 1 января 1909 года в селе Урынив Старый, Калушского уезда в Галичине, принадлежавшей тогда Австро-Венгрии. Его отец был грекокатолическим священником, мать также происходила из семьи священника. Кроме Степана (второго ребенка), в семье было еще шестеро детей.

С раннего детства Степан страдал от ревматизма. Временами

его суставы воспалялись так, что он терял возможность ходить.

Родители Степана, особенно отец, были политически активными людьми. Сам Банд ера пишет, что рос «в атмосфере украинского патриотизма и живой национально-культурной, политической и социальной заинтересованности». В доме часто собирались активные участники украинской национальной жизни Галичины.

В детстве Степан стал свидетелем событий Первой мировой войны — фронт дважды проходил через его родное село. В октябре-ноябре 1918 года мальчик пережил «волнующие события возрождения и строительства украинского государства». Его отец принимал участие в уездном перевороте, формировании украинского ополчения и стал послом в Украинскую Национальную Раду, парламент Западно-Украинской Народной Республики. Но в мае 1919 года войска Украинской Галицкой армии были вынуждены отступить под давлением польских сил.

До десятилетнего возраста Степан получал домашнее образование. Осенью 1919 года он был отправлен в Стрый к деду по отцовской линии. Там Степан поступил в украинскую гимназию. В свободное от обучения время он работал в хозяйстве деда, на каникулах — в Угрыниве Старом. В Стрые функционировало несколько официальных, полуофициальных и тайных молодежных организаций украинско-националистического толка. В третьем классе Степан вступил в «Пласт» — детскую организацию, подобную скаутской. А уже в четвертом вошел в состав молодежной подпольной организации, идеологически связанной с Украинской войсковой организацией (УВО). В 1922 году от туберкулеза умерла мать Степана.

В 1927 году, окончив гимназию, Бандера собирался отправиться для продолжения обучения в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах. Но ему помешало отсутствие паспорта, позволяющего выехать за границу. Следующий год Бандера провел в родном селе, где совмещал хозяйственную работу с просветительской и пропагандистской. В частности он основал несколько подпольных организаций «по линии» УВО в окрестных селах.

В 1928 году Степан поступил в Львовскую высшую политехническую школу, на агрономическое отделение. Но скоро получение образования отошло на второй план и началась активная политическая деятельность Бандеры. Он становится членом сразу нескольких открытых и тайных организаций. В том же году он вступает в УВО, а в 1929 году — в только что сформированную Организацию украинских националистов (ОУН) и принимает участие в первой конференции ОУН Стрыйского

округа.

Вот некоторые даты, демонстрирующие быстрый карьерный рост Бандеры в рядах ОУН: 1929 год — общеорганизационная работы в Калушском уезде. 1930 год — организация и руководство издания и транспорта подпольной литературы, печатавшейся за пределами Польши. 1931 год — управление референтурой Краевой Экзекутивы (исполнительного органа) ОУН. 1932–1933 год — заместитель краевого проводника ОУН в Западной Украине. 1933 год — краевой проводник ОУН в Западной Украине. Бандера также являлся краевым комендантом УВО, которое в 1932 году окончательно вошло в ОУН.

Помимо пропагандистской деятельности, ОУН занималась так называемыми экспроприационными акциями — грабила польские банки и другие учреждения для обеспечения нужд движения. Во время этих акций зачастую гибли мирные граждане (советская пропаганда утверждала, что ОУН не брезговала и грабежом частных лиц).

ОУН имела широкое представительство за границей. Более того, идеологи общества также находились там. В 1932–1933 годах Бандера принимает участие в конференциях ОУН в Праге, Берлине, Данциге. Во время этих конференций Бандера встречался и беседовал с Проводником ОУН Евгением Коновальцем. Заграничные деятели ОУН сотрудничали с немецкими фашистами. По некоторым данным, в Данциге Бандера якобы не только участвовал в конференции, но и прошел подготовку в разведшколе.

В ходе конференций были сформулированы задачи ОУН в Западной Украине:

а) Привлечение новых членов в организацию и создание сети ОУН на украинской территории, находящейся под управлением Польши.

б) Организация кадрового воспитания в трех направлениях: идеологически-политическом, военно-боевом и воспитание подпольной практики (конспирация, разведка, связь).

в) Организация массовых акций: бойкот государственных табачных и алкогольных продуктов, школьные акции против польской антиукраинской политики и в поддержку национального воспитания.

г) Кроме революционной активности, направленной против польского господства, начать антибольшевистскую деятельность. Считалось необходимым провозглашение солидарности западноукраинских националистов с деятелями Средней и Восточной Украины в противобольшевистской борьбе и искоренение на Западной Украине деятелей коммунистической и

советофильской пропаганды.

д) Перемещение акцента с экспроприационных акций против польских государственных учреждений на боевые акции против национальнополитического давления и полицейского террора польских властей.

В 1933–1934 годах Бандера организует несколько политических убийств. В октябре 1933 года в здании консульства СССР был убит сотрудник КГБ Майлов. Убийца, 18-летний студент Мыкола Лемик, сдался полиции и на суде рассказал, что убийство стало актом возмездия за искусственный голодомор на Украине. В начале 1934 года был убит секретарь советского консульства Андрей Михайлов.

Но самым резонансным стало убийство министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. После того как в 1920 году в состав Польши вошла Западная Украина, большая часть ее украинского населения отказалась признавать польские власти. К концу 20-х годов обстановка не без влияния УВО и ОУН обострилась. Националистами организовывались многочисленные акции неповиновения. В ответ на это польские власти в 1930 году провели широкомасштабную операцию по «пацификации» Восточной Галичины. В рамках операции выявляли и нейтрализовывали подпольные организации националистического толка. Во время «пацификации» был казнен (или зверски убит — источники расходятся) председатель Краевой Экзекутивы ОУН Юлиан Головинский. Страдали и мирные жители. Руководил «пацификацией» вицеминистр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий. На Берлинской конференции ОУН было принято решение убить Перацкого (к тому моменту уже министра внутренних дел) в качестве мести за проведение «пацификации».

Согласно советским источникам, это убийство было заказано тогда уже фашистской Германией, так как Перацкий резко осуждал намерения правительства Германии присоединить к ее территории вольный город Данциг.

14 июня 1934 года, за два дня до уже подготовленного покушения, Степан Бандера с одним из своих сообщников был арестован. Это был уже не первый его арест, но раньше до суда дело не доходило из-за отсутствия доказательств. После того как 16 июня Перацкий был убит, следствие смогло доказать ключевую роль Бандеры в подготовке убийства. Расследование велось больше полутора лет и закончилось громким судебным процессом. Бандера был приговорен к смертной казни, впоследствии (по некоторым сведениям, не без давления со стороны все той же Германии) замененной на пожизненное

тюремное заключение. В аресте и судебном процессе было и нечто позитивное для Степана Бандеры. Суд он смог превратить в политическую акцию. Теперь его имя стало известно в самых широких кругах и необычайно популярно среди националистически настроенных украинцев.

Пять с лишним лет Степан Андреевич провел в различных польских тюрьмах. Согласно его автобиографии, за это время он провел три голодовки. Тем временем оставшиеся на воле члены ОУН подготовили несколько планов побега своего лидера. Но ни один из них не удалось реализовать. Более того, пытаясь вызволить Бандеру, несколько националистов сами лишились свободы.

Освобождение Степану Бандере принесла война. В середине сентября 1939 года охрана тюрьмы в Берестье, где содержался Бандера, поспешно эвакуировалась, и он вместе с другими заключенными оказался на воле.

В это время стало понятно, что СССР и Германия произвели раздел Польши и Западная Украина отойдет к Советскому Союзу. Бандера отправился во Львов. Прибыл он туда через несколько дней после ввода советских войск. За две недели пребывания во Львове Бандера встретился со своими соратниками и вместе с ними сформулировал дальнейшие направления работы организации. Теперь основной задачей ОУН стала организация борьбы против советских властей на всей территории Украины. Затем Бандера в сопровождении нескольких товарищей отправился в Краков.

Пока Бандера находился в заключении, среди националистов произошел раскол. Наметился он после убийства в 1938 году агентами СССР (в ответ на убийства советских политических деятелей) Евгения Коновальца, основателя и Проводника ОУН. «Революционеры», которых возглавил после освобождения Бандера, считали, что организация должна действовать более или менее независимо и отстаивать исключительно интересы Украины. Сменивший Коновальца на должности Проводника ОУН Андрей Мельник считал, что лучшей стратегией для националистов является продолжение сотрудничества с фашистской Германией. Пакт Молотова — Риббентропа продемонстрировал принципиальность подобного расхождения во взглядах. В 1940 году Бандера совершает поездку в Италию, где пытается в очной встрече разрешить с Мельником возникшие противоречия. Эта попытка заканчивается неудачей. По некоторым сведениям, разногласия между двумя возникшими группировками вскоре дошли до открытого противостояния, выразившегося даже в убийствах «революционерами» некоторых

их идейных противников из ОУН.

Между тем «революционеры» также не собирались отказываться от германской помощи (их больше интересовала независимость в собственных действиях). При немецкой армии было создано несколько украинских учебных групп и сформировано два легиона: северный — «Нахтигаль» и южный — «Роланд». Легионы не являлись частями немецкой армии, но предназначались для борьбы с большевиками.

В 1939–1941 годах на территориях, отошедших согласно пакту Молотова — Риббентропа к СССР, начались массовые репрессии, направленные против националистических организаций. ОУН отвечала террористической деятельностью. Незадолго до начала Великой Отечественной войны был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян отец Банд еры. Двух сестер Степана Андреевича сослали в Красноярский край.

Практически сразу после начала Великой Отечественной войны советские войска оставили Львов. Вместе с немецкими войсками во Львов вошли два украинских легиона. 30 июня 1941 года Национальное собрание провозгласило «Акт восстановленияУкраинской Государственности». Председатель Национального собрания Ярослав Стецько должен был сформировать временное правительство. Естественно, что это событие прошло если и не под руководством Банд еры, то при активной инициативе с его стороны. По некоторым сведениям, провозглашение «Акта» сопровождалось массовой расправой над коммунистами и еврейскими погромами во Львове.

Но Германию не устраивало создание самостоятельного украинского государства. Немецкое руководство распорядилось разогнать и в случае сопротивления — арестовать временное правительство, распустить украинские легионы и арестовать Степана Банд еру, находившегося в Кракове.

Осенью 1942 года разрозненные партизанские отряды украинских националистов объединились в Украинскую повстанческую армию (УПА). По одним данным — УПА вела борьбу и с красными партизанами, и с немецкими войсками, по другим — сотрудничала с оккупационными войсками и. истребляла польское население Западной Украины. Интересно, что еще в конце 1942 года УПА вошла в контакт с красными партизанами. Была сделана попытка провести переговоры о сотрудничестве, но позитивного результата достичь не удалось.

С середины 1941 до конца 1944 года Бандера находился в концлагере. По некоторым данным, он содержался на особых условиях. Кроме того, даже из концлагеря Бандера имел

возможность связываться с оставшимися на воле националистами и координировать их деятельность. В декабре 1944 года заключенные деятели ОУН были освобождены и немецкое начальство предложило им сотрудничество. Требования Бандеры и его сторонников о восстановлении самостоятельного украинского государства были отвергнуты (да и какие требования могли выдвигать вчерашние заключенные). Тем не менее УПА продолжила свою антисоветскую деятельность и проводила ее достаточно жестокими методами. Все люди, заподозренные в симпатиях к Советам, физически уничтожались, зачастую вместе с семьями. В оправдание националистов следует сказать, что большевики действовали таким же образом. Активная вооруженная борьба ОУН с советскими властями продолжалась до весны 1950 года, подполье продолжало существовать до середины 50-х.

После войны Бандера обосновался в Мюнхене. Только в конце сороковых годов он смог переправить в Германию свою семью (женился Бандера в 1940 году в Кракове). За границей Степан Андреевич продолжал свою деятельность, руководя действиями оставшихся на Украине националистов. В 1947 году Бандера стал Проводником ОУН. После того как подполье ОУН на Украине было уничтожено, деятельность Бандеры сводилась в основном к теоретическим изысканиям и помощи беженцам из числа националистов. Он же занимался проверкой их благонадежности.

За время пребывания в Германии на Банд еру не раз готовились покушения. Но до октября 1959 года Проводнику ОУН удавалось счастливо избегать опасности.

15 октября 1959 года примерно в 12.55 Степан Бандера без охраны вошел в запирающийся на ключ подъезд своего дома. В 13.05 его еще живого нашли на лестничной площадке первого этажа. Лицо Бандеры было покрыто черными и синими пятнами. По дороге в больницу он умер. Врач, осматривая труп, обнаружил под правой подмышкой (Бандера был левшой) кобуру с револьвером и позвонил в полицию. Было установлено, что причиной смерти стало отравление цианистым калием. Более никаких сведений полиции установить не удалось. Пользуясь современной отечественной терминологией, убийство стало стопроцентным «глухарем».

12 августа 1961 года в полицию Западного Берлина обратились Богдан Сташинский и его жена Инге Поль. Сташинский сообщил, что он является сотрудником КГБ и совершил два политических убийства украинских националистов: Льва Ребета и Степана Бандеры. Все подробности убийства этих двух человек сейчас известны в изложении этого перебежчика.

Богдан Сташинский — выходец из небольшого западно-украинского села. Однажды, еще будучи старшеклассником, он был задержан милицией за безбилетный проезд в поезде. Им почему-то заинтересовалось КГБ. На допросе он признался в том, что члены его семьи занимаются в подпольной националистической деятельности. Вскоре он уже сотрудничал с КГБ, помогая выявлять и арестовывать остатки националистического подполья.

В 1952 году Сташинского начали готовить к работе за границей. Он изучал языки и разведдело. Через два года он был отправлен в Польшу, а затем под псевдонимом Йозефа Лемана — в Восточную Германию. Первое время Сташинский был связным. Вскоре произошло событие, впоследствии перевернувшее всю жизнь агента КГБ. Он встретил немецкую девушку Инге Поль и влюбился. Это не помешало ему доложить о своей подруге начальству, которое проверило прошлое девушки и не нашло ничего подозрительного.

Между тем советские власти продолжали испытывать некоторое волнение по поводу деятельности украинских националистов, руководимой из Германии. Сташинскому поручили ликвидировать двух лидеров украинских националистов: Льва Ребета и Степана Бандеру. Лев Ребет — идеолог национализма, публицист и писатель — оказался более легкой целью.

Сташинский сменил псевдоним и стал Зигфридом Дрегером. Под этим именем он приехал в Мюнхен и поселился в гостинице, неподалеку от эмигрантского учреждения, в котором, как было известно, работал Ребет. Несколько дней Сташинский-Дрегер выслеживал свою жертву и выбирал место предстоящего убийства. Вскоре подходящее место было найдено. Им стало здание редакции, с которой сотрудничал Ребет.

Утром 12 октября 1957 года Лев Ребет вышел из трамвая и отправился к зданию редакции. Сташинский обогнал его, поднялся по винтовой лестнице на второй этаж и затем, услышав внизу шаги, стал спускаться. Встретившись с Ребетом лицом к лицу, Сташинский выстрелил ему в голову из специального оружия. Это был небольшой однозарядный цилиндр, стреляющий легколетучим жидким ядом. Пары яда вызывали образование тромбов в кровеносных сосудах мозга. Выстрелив, Сташинский, не останавливаясь, продолжил спускаться по лестнице. Экспертиза установила, что причиной смерти Льва Ребета стал сердечный приступ.

Начальство поздравило Сташинского с успехом и вручило ему в подарок фотоаппарат. После чего агент начал готовить

второе покушение.

Сташинский получил сведения о том, что Проводник ОУН будет выступать в Роттердаме, на церемонии памяти Евгения Коновальца. Агент под новым псевдонимом (Ганс-Иоахим Будайт) отправился в Голландию. Церемония проходила на могиле Коновальца. Возле ворот кладбища Сташинский увидел автомобиль «опель», на котором, по имеющимся сведениям, ездил Бандера. Когда Проводник ОУН произносил речь, Сташинский стоял недалеко от могилы и хорошо рассмотрел его. Но сфотографировать Банд еру охрана не дала.

Выследить Банд еру оказалось непросто. Сташинский совершил с этой целью четыре поездки в Мюнхен (по легенде Будайта, он проживал в Дортмунде), но все усилия оказывались тщетными. Тогда ему пришла в голову до смешного простая мысль. Он решил поискать в телефонном справочнике человека по фамилии Поппель — КГБ было известно, что Бандера проживает в Мюнхене под этим псевдонимом. Неожиданно такая наивная попытка дала результат: Поппель проживал по адресу Крейтмайр-штрассе, 7.

Оставалось получить орудие убийства и решить одну проблему: дверь на подъезде дома закрывалась на ключ. В этот раз Сташинскому выдали новое оружие. По принципу действия оно не сильно отличалось от того, которым был убит Ребет, но было двуствольным. Кроме того, агент привез с собой в Мюнхен набор отмычек.

Отмычки не подошли к замку. Наконечник одной из них отломался и упал в механизм замка. Через два года этот обломок стал подтверждением слов Сташинского. По следам на одной из отмычек специалисты в Карлхорсте (где находилась явочная квартира советской разведки) изготовили несколько ключей. В следующий раз Сташинский без оружия отправился в Мюнхен, только для того, чтобы проверить, подойдут ли ключи. Одним из них агент смог частично провернуть механизм замка и сам доделал ключ напильником. Получив доступ в подъезд, Сташинский побывал там и увидел табличку «Поппель» на двери одной из квартир четвертого этажа. Теперь все было готово.

В начале октября 1959 года Сташинский вновь прибыл в Мюнхен. На этот раз он привез оружие. 15 октября, в час дня агент увидел, что «опель» Бандеры заезжает в гараж. Сташинский открыл дверь подъезда и пошел наверх пешком, рассчитывая, что Бандера тоже лифтом не воспользуется. Но тут он услышал наверхуженские голоса и вынужден был пойти обратно. На втором этаже Сташинский вызвал лифт. В тот момент, когда кабина подъехала, мимо агента прошла женщина, а Бандера

открыл дверь в подъезд. Сташинский начал спускаться. Когда он вышел в вестибюль, оказалось, что Бандера все еще стоит в дверях, видимо, он пропускал даму. В правой руке у него была тяжелая сумка с продуктами, левой он доставал из кармана ключ. Сташинский подошел к двери и спросил у своей жертвы на немецком языке: «Что, не работает?», «Нет, все в порядке», — ответил Бандера, взглянув на Сташинского. Оказавшись, таким образом, лицом к лицу со своей жертвой, Сташинский поднял завернутое в газету оружие и выстрелил из обоих стволов. Выходя за дверь, он краем глаза увидел, как Бандера стал оседать набок.

Добравшись до Восточного Берлина, Сташинский встретился с руководством и дал подробный отчет о проведенном деле. Затем ему приказали отправляться в Москву за наградой. «За выполнение важного государственного задания в исключительно трудных условиях» Сташинский получил орден Красного Знамени. Казалось, что теперь карьера его обеспечена. Почему же уже через два года он бежал на Запад и сам обрек себя на длительное заключение, сознавшись в двух убийствах? Дело в том, что, воспользовавшись теплым приемом начальства, агент сообщил, что собирается жениться на Инге Поль. Вначале ему цинично предложили откупиться от невесты деньгами. Но не все последователи «железного Феликса» могли легко отказаться от своих чувств. Сташинский стал настаивать. Воспользовавшись тем, что орден ему вручал лично председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин, агент лично обратился к нему за разрешением на брак.

Сташинскому позволили вернуться в Восточный Берлин и, не вдаваясь в подробности, сообщить Инге, что он работает на советскую разведку. Невеста сразупредложила бежать на Запад. Сташинский отказался. Тогда Инге согласилась помогать жениху в его профессиональной деятельности.

Весной 1960 года они поженились в Восточном Берлине и отправились в СССР для переподготовки. Но здесь опытный агент Сташинский заметил, что их квартира прослушивается. Он обратился за разъяснениями к начальству и получил невразумительный ответ о том, что аппаратура осталась со времен прежних жильцов, за которыми требовалось следить (квартира принадлежала КГБ). Но больше всего Сташинского насторожило даже не это. Он сообщил начальству о беременности жены. В ответ поступило предложение сделать аборт. Инге категорически отказалась.

В конце 1960 года Сташинского вызвало начальство и сообщило, что он «засветился» в следствии по делу об убийстве Бандеры. Скорее всего, это был предлог, чтобы прекратить

сотрудничество со ставшим ненадежным агентом. Сташинскому было запрещено покидать страну. Между тем Инге не хотела жить в СССР. В январе 1961 года она получила разрешение съездить на родину: супруги хотели, чтобы ребенок родился гражданином Восточной Германии. В начале августа 1961 года Инге уже собиралась возвращаться в Москву. Но тут произошло несчастье: ее новорожденный сын, оставленный под присмотром соседки, захлебнулся во время кормления и погиб. Для того чтобы убитая горем Инге не наделала глупостей, КГБ разрешило Сташинскому поехать в Германию. Естественно, что за ним внимательно следили.

12 августа специальная машина отвезла Сташинского с женой в Дальгов. Там в доме отца Инге должны были пройти последние приготовления к похоронам. В четыре часа дня Сташинский и Инге незаметно вышли из дома через черный ход. Пешком они прошли пять километров до соседнего города, где взяли такси и отправились в Восточный Берлин. Здесь беглецы сели на поезд. Кроме профессиональных навыков Сташинского, им помогло везение. Проверка документов в поезде так и не дошла до их вагона. Уже вечером того же дня Сташинский обратился в полицию. Время для бегства было выбрано как нельзя лучше: 13 августа Восточный и Западный Берлин были почти на 30 лет разделены стеной.

МЕНЬ АЛЕКСАНДР (1935-1990)

Русский православный священник, богослов. Автор книг по основам христианского вероучения, историирелигии, православному богослужению. Убит. Убийца не установлен.

Отец Александр родился в Москве 22 января 1935 года. Его предки по материнской линии (Василевские) жили в России с начала XIX века. Анна Осиповна, прабабушка Александра Меня, рано овдовев, одна воспитала семерых детей. В молодости Анна Осиповна жила в Харькове и когда она тяжело заболела, то ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский, причисленный Церковью к лику святых.

Бабушка и дед отца Александра окончили химический факультет университета в Берне (Швейцария). В роду отца Александра по материнской линии кроме инженеров и военных были также два писателя. Предки по отцовской линии известны плохо.

Отец священника, Владимир Григорьевич, был человеком нерелигиозным. Он родился в 1902 году, жил в Киеве, работал главным инженером на текстильной фабрике в Орехово-Зуеве. Мать, Елена Семеновна, родилась в 1908 году. Живя в Харькове, в 1917 году Елена поступила в частную гимназию, в которой с увлечением ходила на уроки Закона Божьего. Окончив школу, Елена осталась в Москве, работала чертежницей, а в 1934 году вышла замуж. Владимир Григорьевич очень терпимо относился к ее религиозным чувствам, хотя по тем временам это было небезопасно. Религиозное становление Елены происходило в окружении известных московских священников — отца Алексея Мечева, его сына и настоятеля храма св. Кирра и Иоанна на Солянке архимандрита Серафима. В начале 30-х годов отец Серафим перешел в юрисдикцию Катакомбной церкви.

Александр Владимирович Мень родился 22 января 1935 года в Москве. 3 сентября 1935 года отец Серафим тайно крестил маленького Александра (одновременно с сыном крещение приняла его мать) в одном из подпольных женских монастырей на квартире в Сергиевом Посаде (тогда — Загорске). Отец Серафим, ставший на несколько лет духовником маленького Александра и его матери жил в подполье и чудом избежал ареста. Он был подлинным продолжателем традиции старчества — лично беседовал с каждым человеком, давая глубоко продуманные и индивидуальные советы (то же потом можно было сказать с полным правом и о самом отце Александре, хотя «старцем» он никогда не был). Главное свое призвание отец Серафим видел в том, чтобы быть пастырем, кормчим душ, и «оберегать чистоту православия». Незадолго до своей смерти в 1942 году он предсказал матери маленького Александра, что ее сын станет великим человеком в Православной церкви.

После кончины отца Серафима наибольшее влияние на духовное развитие будущего священника оказывала настоятельница подпольного монастыря схимонахиня Мария. Позже отец Александр писал о ней: «Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима Саровского или Франциска Ассизского».

В 1943–1953 годах Александр учился в Московской мужской школе № 554, о которой сохранил самые мрачные воспоминания, хотя среди учеников этой школы были такие выдающиеся личности, как поэт Андрей Вознесенский и режиссер Андрей Тарковский. У Александра были широкие интересы, он любил литературу, поэзию, музыку, живопись, писал иконы. Был страстно увлечен изучением природы, астрономией, биологией. Он посещал кружок рисования в Зоологическом музее (когда Александр учился в 9-м классе, в одном из московских Домов культуры состоялась выставка его работ), биологический кружок при Педагогическом институте. С 8 лет он писал стихи и художественные эссе, очерки о природе и истории. Позже отец Александр часто повторял: «Бог дал нам две книги: Библию и природу».

После возрождения Православной церкви в 40-х годах оставшиеся в живых духовные дети отцов Мечевых организовали в Москве подпольный кружок, который собирался, в основном, на квартире Бориса Васильева. Тайный священник, палеонтолог,

этнограф и историк, он прошел через тюрьмы, лагеря и ссылку. Вместе с женой отец Борис устраивал лекции по культуре и религии, совместные чтения и обсуждения Священного Писания. Именно он поощрял Александра изучать библейскую историю, Древний Восток, и всегда призывал согласовывать современные научные знания с верой.

В возрасте двенадцати лет Александр понял свое призвание быть священником, а в пятнадцать начал прислуживать в алтаре церкви Рождества Иоанна Предтечи на Красной Пресне, читал на клиросе и пел в хоре. Тогда же он познакомился с инспектором Московской духовной академии А. В. Ведерниковым, который был одним из наиболее деятельных мирян в Русской православной церкви советского периода. В 20-е годы он окончил Институт Слова, основанный Н. А. Бердяевым, после войны стал инспектором Московской духовной академии, а в 50-60-х гг. — ответственным секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии». Позже он был референтом митрополита Таллиннского Алексия, нынешнего Патриарха.

К окончанию школы в 1953 году Александр самостоятельно освоил программу Духовной семинарии, однако не стал поступать в Духовную академию, а решил получить светское образование. Он собирался поступать на биологический факультет Московского государственного университета, но из-за своего происхождения не смог. В результате в 1953 годуАлександр Мень был принят в Московский пушно-меховой институт на охотоведческий факультет. В 1955 институт закрыли, а факультет перевели в Иркутск.

Там Александр самостоятельно прошел почти весь курс Духовной академии, а параллельно с учебой работал в епархиальном управлении, числясь истопником.

В первый год своей жизни в Иркутске Александр делил маленькую квартиру с Глебом Якуниным, который стал крупным деятелем в борьбе за религиозную свободу. Александру постоянно приходилось бегать из института в церковь, которая находилась как раз напротив, но однокурсники Александра, зная, что он глубоко религиозен, относились к его вере терпимо. Сам отец Александр позже писал: «Вообразите себе, что произошло бы, если бы я в первый день после поступления в институт стал демонстративно креститься! Надо было их подвести к пониманию того, что один из них может быть верующим». Когда о церковной деятельности Александра стало известно институтскому начальству, его отчислили. Это произошло в мае 1958 года, когда первый госэкзамен был уже сдан (в то время начался очередной виток антирелигиозной пропаганды).

В 50-е годы Александр Мень задумал очерк общей истории Церкви (первую часть «Древняя Церковь» он закончил в 1956 году, вторую «Средние века» — в 1957 году). В процессе изучения истории Церкви он перешел на экуменические позиции единства христианских церквей и сблизился с Н. Е. Пестовым, который помог Александру узнать западное христианство. Впоследствии отец Александр всегда следовал экуменическим принципам, хотя оставался истинно православным священником.

Тогда же будущий отец Александр сблизился с отцом Николаем Голубцовым. Это был человек образованный, дипломированный биолог, которого называли тогда пастырем московской интеллигенции. Отец Николай до самой своей смерти (1963 г.) был духовником Александра Меня. Пастырское служение интеллигенции отец Александр наследовал от него.

После отчисления из института Александр вернулся в Москву и был представлен митрополиту Николаю, который, несмотря на молодость Александра и отсутствие у него духовного образования, благословил рукоположение. 1 июня 1958 года, на Троицу, Александр был посвящен в дьяконы и направлен в приход подмосковного села Акулово, где прослужил два года.

Тогда же он поступил на заочное отделение Ленинградской духовной семинарии, которую закончил в 1960 году. В том же году Голубцов благословил Александра подать прошение о принятии сана священника. Он был рукоположен 1 сентября в Донском монастыре и направлен вторым священником в храм Покрова Пресвятой Богородицы в село Алабино.

Первая публикация отца Александра появилась в марте 1959 года в «Журнале Московской Патриархии» (с тех пор он напечатал около 40 статей). В том же году отец Александр закончил первый набросок книги о Христе «Сын Человеческий», а в 1960 году начал писать шеститомную «Историю религий». Через год после начала служения в Алабино он был назначен настоятелем храма. Жил с семьей при приходе (женился отец Александр еще в студенческие годы, в 1956 году).

В 1964 году отец Александр был переведен в церковь близ станции Тарасовка, где проработал вторым священником 6 лет. Жить в Тарасовке было нельзя, и отец Александр с семьей перебрался в дом родителей жены рядом со станцией Семхоз, где жил до конца жизни.

Число людей, приезжавших послушать проповеди отца Александра и поговорить с ним, неуклонно возрастало, молва о нем ширилась. В ту пору государство запрещало верующим организовывать собрания, особенно молитвенные или для изучения Библии. Однако многие друзья отца Александра на лето

снимали дачи вокруг Новой деревни, создавая своеобразную общину. На них-то отец Александр и опирался, чтобы помочь новообращенным. К концу шестидесятых годов этот кружок уже не мог отвечать на запросы всех, кто проходил через него. Тогда стали создаваться маленькие группы с тем, чтобы они собирались регулярно, как правило, раз в неделю. Все группы были ориентированы на общую молитву и взаимопомощь, но каждая имела свое лицо. Одна специально предназначалась для поучения готовящихся к таинству крещения, в другой занимались богословием и историей Церкви и так далее.

В Алабино отец Александр написал «Истоки Религии», «Магизм и единобожие», «У врат молчания», новый вариант «Сына Человеческого». В тарасовский период — «Дионис, Логос, судьба» и полностью переработал первые три тома шеститомника. Все эти книги выходили в разные годы в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом», а после гибели отца Александра — в издательстве «Слово» в Москве. Тогда же им была написана книга о православном богослужении «Небо на земле» (после значительной переработки она получила название «Таинство, Слово и Образ») и книга для детей «Откуда произошло все это», изданная в Италии.

В 1964–1968 гг. Александр Мень учился в Московской духовной академии. Его кандидатская диссертация была посвящена монотеизму и дохристианским религиям.

А летом 1970 года отец Александр был переведен в храм «Сретения Господня» в Новой деревне в г. Пушкино. Там он служил вторым священником до 1989 года, когда был назначен настоятелем. В Новой деревне отец Александр завершил пятую книгу из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни» — «Вестники Царства Божия» и шестой том «На пороге Нового завета», также создал новые варианты «Сына Человеческого», который вышел в 90-е годы в качестве 7-го тома в серии «В поисках Пути, Истины и Жизни».

Отец Александр считал, что между данными науки и Священным Писанием нет противоречий. Противоречия видят те, кто не знает истории и литературных жанров Древнего Востока, не умеет читать Библию. В своих литературных работах отец Александр ставил себе задачи «проводить синтез Библии и науки, в том числе исторической, рассказывать о церковной истории и жизни в Церкви в свете Евангелия». Он приложил много усилий к тому, чтобы научить современников вникать в Библию и понимать ее. Его знания библеиста получили международное признание уже в 70-е годы, когда он был приглашен принять участие в издании брюссельской Библии, где ему принадлежат

комментарии к Пятикнижию Моисея и книгам Пророков.

Важнейшей задачей современного пастыря, по мнению отца Александра, должны быть проповедь и миссионерство, а самая большая опасность для христиан — замыкаться в «благополучном» церковном «гетто». В Новой деревне количество его прихожан часто превышало несколько сотен, а число его духовных детей, скорее всего, насчитывает несколько тысяч. Книги отца Александра, распространяемые нелегально, приводили к вере тысячи людей, а чтобы послушать его проповеди, люди приезжали из других городов.

Всем, кто к нему обращался, он оказывал помощь, одновременно духовную, моральную и материальную. Если он кого-нибудь крестил, то в дальнейшем регулярно исповедовал этого человека, причащал, крестил его детей, освящал квартиру, давал советы, помогал в научных занятиях, а при случае — и материально. «Если бы меня спросили, как чувствует себя душа, попавшая в рай, я ответил бы: точно, как в доме отца Александра, — рассказывал один из его друзей. — Ничего особенного, просто хорошо. Как никогда и нигде. Свободно. Светло. Тепло. Ничего лишнего. Волшебная гармония исходила из каждого уголка и предмета».

Такая бурная деятельность священника в атеистическом государстве не могла остаться незамеченной. Ему не давали спокойно работать, а несколько раз отец Александр чудом избежал ареста. Когда уже казалось, что отстранение и арест неизбежны, началась перестройка, и иерархи Церкви предоставили ему широкие полномочия для миссионерской работы. Кроме того, в 1988 году праздновалось тысячелетие крещения Руси, что значительно облегчило отношения церкви и государства.

В последние годы у него не было ни секунды отдыха. Но он считал, что не имеет права отказываться от возможности нести людям живое слово о Христе. Он продолжал активную литературную деятельность, написав учебник для духовных академий и начав работу над уникальным «Словарем по библиологии» — многотомном труде о людях, которые посвятили свою жизнь изучению и объяснению Священного Писания.

Широкая миссионерская работа отца Александра началась 11 мая 1988 года, когда он впервые в истории СССР выступил с публичной лекцией в Московском институте стали и сплавов. Осенью того же года он проповедовал в московской школе, и это было настолько неслыханным событием, что об этом даже писали в «Известиях». В следующие два года он прочел более двухсот лекций на самые различные темы — «История религий», «Жизнь и

смерть», «Библия в литературе», «Обряды и таинства», «Культура и христианство» и многие другие. Отец Александр стал первым священником, который начал регулярно выступать по радио и телевидению.

Он принял участие в создании Библейского общества, совместно с другими православными, католиками и протестантами. А в 1990 году его прихожане взяли опеку над тяжелобольными детьми из Детской республиканской клинической больницы в Москве. Отец Александр неоднократно сам бывал в этой больнице, 9 сентября 1990 года по дороге на воскресную службу Александр Мень был убит.

В массовом сознании укрепилось мнение, что при раскрытии громких преступлений нити ведут так высоко, что только полное изменение режима позволит раскрыть эти дела. Дескать, «высоким чинам» и так все хорошо известно, а остальным гражданам знать подробности не обязательно, да и нежелательно. А взятие дела «на контроль» как раз и означает гарантию того, что истина так и не всплывет на поверхность. Так ли это, судить трудно, но история Александра Меня наталкивает именно на такие мысли.

Вот рассказ одного из очевидцев тогдашних событий, журналиста В. Лебедева: «.10 сентября 1990 года поехал на машине в Новую деревню (там находился храм, в котором служил отец Александр). Почти еще никто не знал о трагедии, и около храма было пусто. Через минут десять приехал районный прокурор со следователем. Я поинтересовался, что известно о мотивах преступления и преступнике. «Да ничего пока, — ответил прокурор. — Заурядный случай, какого-то попа убили, наверное, из-за денег. Попы у нас все богатые». «Поп» — это выдающийся философ, культуролог и теолог, проповедник, всемирно известный библеист Александр Мень.

Все, что происходило в последующие годы, оставляет четкое впечатление, будто областная, а потом и Генеральная прокуратура, следственные органы проводили всю работу, исходя из того, что «убили какого-то попа, невелика беда». И это несмотря на патронаж Горбачева, а потом Ельцина.

Вскоре после убийства отца Александра был арестован некто Игорь Бушнев, житель Сергиева Посада, который якобы в припадке ярости убил Меня. Вскоре его освободили из-под стражи, поскольку концы не сходились с концами, и никаких доказательств причастности Бушнева к совершенному преступлению не было. Однако это не помешало через некоторое время снова его арестовать — по тому же делу, и снова освободить за недостаточностью улик.

Очевидно, на следственные органы шло сильное давление: дело было громким, а в 1990 году отсутствие виновных еще казалось невозможным (во всяком случае, неправильным). Это сейчас уже стало привычным, что когда дело касается громких преступлений, виновные почему-то не находятся. И первым кирпичиком в этой стене всеобщего умолчания стала гибель Александра Меня: да, преступление осталось нераскрытым, но ничего страшного ни для исполнителей, ни для заказчиков, ни для следователей не произошло. С тех пор и повелось.

Как бы то ни было, кроме Игоря Бушнева все равно никаких других подозреваемых не было, и ему в третий раз предъявили обвинение в убийстве Александра Меня. Все сроки следствия давно прошли, и было решено «поработать» с ним, получить чистосердечное признание, да и судить.

Суд состоялся в июне 1996 года. И тут, при всем честном народе материалы следствия стали разваливаться на куски, и чем дальше, тем очевиднее становилось, что многие показания и улики просто сфальсифицированы (в лучшем случае «притянуты за уши»).

Картина преступления была такой: в начале седьмого утра 9 сентября 1990 года Александр Мень вышел из своего дома в поселке Семхоз, где жил с семьей в последние годы (Семхоз — поселение Сергиево-Посадского района, расположенное в трех километрах на юг от Троице-Сергиевой лавры и возникшее в 1929 году на землях семенного хозяйства). Как всегда, отец Александр нес в руке туго набитый портфель. Впереди отца Александра, как обычно, ждал долгий день, — литургия, исповедь, крестины, отпевание, а во второй половине дня — публичная лекция в Москве.

Он шел на железнодорожную станцию, чтобы электричкой ехать в Новую деревню, в храм, где отцу Александру предстояло служить литургию. Именно об этом храме А. Галич (духовником которого был отец Александр) пел: «Где с куполом синим // Не властно соперничать небо». На тропинке, ведшей к платформе, Александра Меня уже поджидали двое (этот факт был установлен по деталям убийства).

Один из нападавших ударил Меня по затылку тяжелым предметом, вероятно, топором (орудие убийства так и не было найдено, поэтому до сих пор достоверно неизвестно, чем был зарублен отец Александр). Второй вырвал из рук Александра Меня портфель, в котором якобы лежали документы, изобличающие многих высших иерархов церкви в тесном сотрудничестве с КГБ. Портфель пропал бесследно, и именно поэтому возникла версия, что в нем были какие-то обличительные

бумаги: если бы нападающим были нужны деньги, то они, скорее всего, бросили бы портфель невдалеке от места преступления. А так сразу поползли слухи о «руке КГБ» и противостоянии отца Александра церковным иерархам, о том, что его продолжали преследовать.

После страшного удара по затылку отец Александр упал, но умудрился подняться и направиться к своему дому. По дороге ему встретилась жительница Семхоза, спросившая, что с ним случилось и не нужна ли ее помощь. Он ответил, что ничего страшного, дойдет сам. И дошел! Второй раз он упал только у собственной калитки дома. Его жена, Наталья Федоровна, остававшаяся в доме, услышала странные звуки. Решив, что это кошка, она вышла на крыльцо и увидела за калиткой лежащего в кровавой луже мужчину. Она вернулась в дом, вызвала «скорую помощь», милицию. Когда Наталья Федоровна вышла вновь, машина «скорой» уже приехала, но кровопотеря была слишком велика — врачи не могли спасти жизнь отца Александра.

У умирающего священника пытались узнать, кто же совершил злодейство, задавали вопросы. Александр Мень не ответил, но позже его жена вспоминала, что он прошептал: «Не важно». Он знал, что их неизбежно ждет высшая мера наказания, а отец Александр был убежденным противником смертной казни. Он, истинный христианин, простил своих убийц и, возможно, молился за них в последние минуты своей жизни.

Впрочем, работа правоохранительных органов далека от христианских идеалов всепрощения. Поэтому, разумеется, было возбуждено уголовное дело, которое — увы — оказалось бесперспективным. Когда это стало очевидным, вину решили «повесить» на первого попавшегося фигуранта — Игоря Бушнева (надо же как-то отчитываться перед вышестоящими инстанциями). Почему же был выбран именно Бушнев?

Дело в том, что за день до убийства отца Александра, около восьми часов вечера Игорь Бушнев с подругой сели в электричку, шедшую из Москвы в сторону Сергиева Посада (Загорска). По пути к ним пристала какая-то шпана; хулиганы избили Бушнева и на одной из остановок выкинули его из поезда. Он решил найти обидчиков и отомстить им, вернулся домой, взял топор и отправился на их поиски. Разумеется, он никого не нашел, но все это время бродил с топором.

Потом Бушнев поехал в Москву, чтобы найти девушку, но она, как позже выяснилось, в ту же ночь попала под поезд и погибла.

Вот этих-то, маловероятных и трагических совпадений оказалось достаточным, чтобы обвинить Бушнева в убийстве

Александра Меня. Игорь якобы принял священника за одного из хулиганов и в ярости зарубил его. Однако, по объективным материалам следствия, Бушнев слыхом не слыхивал о существовании поселка Семхоз. Более того, он даже не знал точного места, где совершил свое преступление.

Во время следственного эксперимента Бушнев, опираясь на подсказки следователей, ошибся метров на сто и неверно указал место злодеяния. Собственно говоря, это вполне объяснимо — следователи тоже не знали точно, где было совершено убийство. Уже потом, на суде, Бушнев рассказал, что руководитель следственной бригады, следователь по особо важным делам В. Колесников пригрозил, что если он не подтвердит версию следствия, то будет отвечать еще и за убийство погибшей под колесами поезда подруги. Согласно показаниям Бушнева, следователь предложил ему сделку: получить смертный приговор за двойное убийство или подписать признание и получить относительно мягкий приговор за убийство в состоянии аффекта. В последнем случае следователь обещал Бушневу условный срок, денежное пособие и путевку в санаторий МВД в Крым.

Бушнев, в отличие от первых двух арестов (когда никто не предлагал ему никаких благ), согласился с условиями, поставленными Колесниковым, и подписал «признательные показания».

И все было бы прекрасно, если бы не суд. Суд почему-то выразил сомнение в том, что Бушнев написал «чистосердечное признание» сам и по доброй воле. Дело в том, что в «признательных показаниях» все время мелькала фраза «я совершил по ошибке непреднамеренное убийство», а также разного рода графоманские обороты, типа «мой разум помутился, в ушах стоял гул, меня как будто захлестнуло волной, и я, ничего не соображая, кинулся с топором на хорошего человека, думая, что он плохой». Все эти изыски должны были подвести Бушнева под обещанную ему мягкую статью Уголовного кодекса «убийство в состоянии сильного душевного волнения», но...

Разговаривая с Бушневым, судья (и даже прокурор!) все больше убеждались, что он просто не мог написать ничего подобного. Бушнев был парнем простым, что называется «от сохи», давно забывший школьные уроки родного языка и литературы. Он не мог не то что написать про «сильное душевное волнение» или «непреднамеренное убийство», но даже объяснить, что это такое, — они слов-то таких не знал, а показания подмахнул не читая.

Развязка этого феноменального действа поразила всех. 5 июня 1996 г. прокурор (!) Феликс Садыков произнес на суде:

«Подсудимый Игорь Алексеевич Бушнев не виновен в совершении убийства священника Александра Меня. Прошу вынести подсудимому оправдательный приговор». Наверное, это был первый случай за всю историю российского суда, когда адвокат не спорил с прокурором, а полностью согласился с ним (показательные процессы сталинских времен, разумеется, не в счет). Адвокат попросил суд не только поддержать требование прокурора о полном оправдании Бушнева, но и вынести частное определение в адрес Московской областной прокуратуры, где расследовалось преступление. Он также выразил надежду, что Генеральная прокуратура РФ возбудит уголовное дело против тех, «благодаря» кому Игорь Бушнев оказался на скамье подсудимых.

Оправдательный приговор был оглашен 10 июня 1996 года. Суд, однако, не вынес частного определения в адрес Московской областной прокуратуры, расследовавшей убийство, и не стал ходатайствовать о возбуждении уголовного дела против тех, кто выбил показания из невиновного. Судья Сысоева, правда, разъяснила Бушневу его право подать на следователей в суд в частном порядке и потребовать от областной прокуратуры возмещения морального ущерба, а также вернула материалы дела об убийстве Александра Меня для доследования.

В. Колесников стал заместителем министра МВД. Вскоре после убийства отца Александра убили еще двух, на этот раз московских, священников.

Во внутреннем дворике Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (в этой библиотеке Александр Мень читал лекции и был с ней тесно связан) был открыт скульптурный портрет отца Александра работы итальянского скульптора Джанпьетро Кудины. По словам автора памятника, он стремился воссоздать духовный облик философа: «Я изобразил фигуру проповедника, который не ставил себя выше других, а был с другими».

Итак, вопрос остается открытым: кто и почему убил Александра Меня? Самих исполнителей злодеяния, наверняка, нет в живых. А заказчики. Мы уже привыкли к тому, что они остаются неизвестными и безнаказанными. Но в случае с отцом Александром единственной «местью» за него может быть лишь восполнение той любви, веры и знания, которые ушли с ним. Апостол Павел назвал христиан «храмами Святого Духа». Гибель отца Александра оказалась ужаснее сноса храма, ибо был уничтожен не просто храм Духа Святого, но целый город вокруг него, один из духовных центров России. Для сотен людей отец Александр был духовным руководителем, тысячи людей слушали его проповеди и лекции, он написал около двадцати богословских

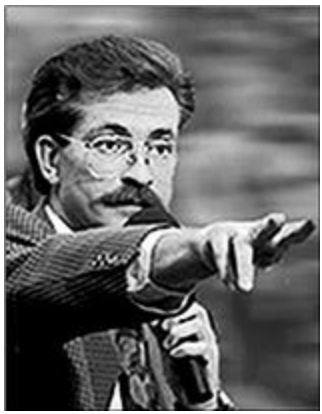
книг. Через своих наставников он был прямо связан с традицией деятельного, обращенного к людям христианства.

Жизнь Александра Меня оборвалась 9 сентября 1990 года, однако зерна, посеянные им в душах прихожан и своих духовных детей, продолжают давать свои всходы. Каждый год 9 сентября люди приезжают в Новодеревенский храм почтить память своего духовного наставника.

21 ноября 1994 года состоялась церемония открытия часовни на месте гибели выдающегося деятеля Русской православной церкви священника Александра Меня. В 1994 году Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил место закладки Патриаршего храма великомученика Георгия Победоносца. Храм-памятник по проекту В. Журавлева в поселке Семхоз был воздвигнут и передан 9 сентября 1998 года Московской епархии Православной церкви.

В 2000 году, к десятилетней годовщине трагедии, Генеральная прокуратура России приостановила следствие по делу об убийстве отца Александра Меня «в связи с полной исчерпанностью всех возможных следственных действий». Однако по заверению представителей Генпрокуратуры, дело не снято с контроля: работники органов внутренних дел, исполняя поручения руководителя следственной бригады, продолжают проводить оперативно-розыскные мероприятия. Дело так и осталось нераскрытым, несмотря на то что оно находилось под личным контролем Президента СССР М. С. Горбачева, Президента России Б. Н. Ельцина, министров внутренних дел.

ПОСЛЕ РАСПАДА. ЛИСТЬЕВ ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ (1957-1995)



Владислав Николаевич Листьев родился в Москве 10 мая 1956 года в семье рабочих. Роды оказались трудными, пришлось прибегнуть к специальным щипцам, и на висках Владислава долгое время оставались отметины. Первые полгода после рождения сына семья прожила в полуподвальном помещении, и лишь потом удалось получить квартиру. Когда Влад уже стал известным, соседи вспоминали, что с детства он был серьезным и культурным мальчиком, чем выгодно отличался от многих сверстников — соседей по двору. Несмотря на такие лестные отзывы, в школе Владислав учился ни шатко ни валко, а наивысших оценок удостаивался на уроках физкультуры. Именно поэтому родители решили перевести его в специализированную легкоатлетическую школу-интернат имени братьев Знаменских. Там Листьев занимался под руководством заслуженного тренера СССР Николая Голованова.

К этому времени в семье Листьевых начался разлад. Мать Владислава Зоя пристрастилась к спиртному. А вскоре случилось несчастье с отцом. Он отравился в заводской столовой и умер.

Вскоре после смерти мужа Зоя Листьева познакомилась с человеком, который был старше Владислава всего на десять лет. Небольшой зарплаты обоих хватало на приобретение спиртного, но не на воспитание Владислава. Тот должен был начать самостоятельную жизнь. По окончании спортинтерната Владислав принял решение не продолжать спортивную карьеру, а попробовать себя в профессиональной журналистике. Чтобы поступить на журфак, Влад изучал иностранные языки, много читал, писал статьи для заводских многотиражек. Еще в интернате он познакомился с Еленой Есиной, которая

впоследствии стала его первой женой. Однако характер у Елены был тяжелым. Так, на свадьбе не было никого из друзей жениха и невесты, поскольку Елена успела перессориться с бывшими соученицами по интернату. Первое время после свадьбы молодые жили вместе с матерью Елены. Владислав подрабатывал тренером в спортивной школе, однако его зарплаты на жизнь не хватало, и ему приходилось постоянно брать деньги у тещи. Все это не вносило положительных эмоций в жизнь молодой семьи, однако ожидание первенца позволило на некоторое время избежать неприятностей. И Влад, и Лена очень ждали появления малыша, однако мальчик родился слабым и умер вскоре после появления на свет. Естественно, это произвело очень тяжелое впечатление на обоих, у Елены начались нервные срывы, а Влад даже пытался покончить с собой, к счастью, у него это не получилось. Они стали часто ссориться, и, когда Лена забеременела во второй раз, Влад, заявив, что этот ребенок не от него, ушел из семьи. К тому времени Влад уже был студентом журфака. В университете дела у него складывались неплохо, он был на хорошем счету, и ему даже предложили зарубежную поездку в Южную Америку. Узнав об этом, Елена написала в университет письмо, в котором обвинила Листьева в уходе от жены, ждущей ребенка. Это закончилось для Влада большими неприятностями — его не только не взяли на зарубежную стажировку, но и исключили из комсомола, а вслед за этим уволили с работы. Несколько лет после этого Влад вынужден был жить на стипендию и небольшие гонорары за спортивные заметки в газетах.

Во время московской Олимпиады в 1980 годуЛистьев познакомился с Татьяной, которая была студенткой Московского университета. Официально Влад не был к тому времени разведен с Еленой, и та, узнав о стремлении Влада вторично жениться, сознательно затягивала процесс развода. Когда в 1982 годуТатьяна родила сына, его назвали в честь отца, Владиславом. Однако и на этот раз семейная жизнь недолго была счастливой. В возрасте трех месяцев маленький Владик заболел гриппом и в результате осложнения практически полностью потерял зрение и слух. Листьев-старший обращался ко многим врачам, светилам советской медицины, пытался добиться возможности вывезти сына на лечение за границу, однако реального прогресса в лечении сына ему добиться не удалось. Владислав Листьев-младший умер во сне в возрасте шести лет. После этой трагедии что-то словно надломилось во взаимоотношениях Владислава-старшего и Татьяны, несмотря на то что у них к тому времени родился второй, вполне здоровый сын Саша. Влад был близок к помешательству от горя, снова пытался покончить с собой, вскрыв

себе вены. Однако перед чуть было не ставшим роковым поступком Влад позвонил своей крестной, чтобы проститься с ней. Вызванная той «скорая» поспела как раз вовремя, чтобы предотвратить трагедию. После уже второй по счету неудачной попытки самоубийства Влад сильно запил. Его непрекращающееся пьянство поставило окончательный крест на отношениях с Татьяной. Та пыталась вытащить Влада из алкогольного омута, уговаривала лечиться от алкоголизма, однако результатов это не принесло. Влад перестал появляться дома, семья распалась.

В 1987 году Владислав стал одним из создателей и ведущих новой телевизионной передачи «Взгляд». «Взгляд» был словно глотком свежего воздуха на советском телевидении, программа быстро завоевала огромную популярность, его ведущие стали настоящими телезвездами. Однако успешная работа на телевидении никак не сказалась на пристрастии Влада к алкоголю. Бывали случаи, когда прямо перед эфиром коллеги приводили Листьева в чувство с помощью сильнодействующих препаратов, случалось, что Влад срывал заранее продуманные программы, а однажды он даже пропустил прямой эфир «Взгляда». Ему уже реально угрожало увольнение с телевидения. И тут он познакомился с Альбиной Назимовой. Альбина была на шесть лет младше Влада, работала художником-реставратором. Они познакомились в ее мастерской, куда Листьев случайно заглянул в компании знакомых. Сама Альбина позже вспоминала, что при первой встрече они не произвели друг на друга никакого впечатления. Однако Владу понравилась царившая в мастерской атмосфера, он стал часто туда заходить. В ходе разговоров Влада и Альбины для них выяснилась общность в их судьбах, и довольно скоро между ними вспыхнули чувства. Альбине удалось убедить Влада покончить с пьянством, для этого пришлось прибегнуть к кодированию от алкогольной зависимости. Затем Альбина оставила работу и стала постоянно помогать Владу в его делах. Она участвовала в подготовке съемок телевизионных передач, стараясь не оставлять Листьева без присмотра, чтобы не дать тому шанса вернуться к своей вредной привычке.

История создания программы «Взгляд» уходит еще в 70-е годы. По словам Анатолия Лысенко, который в 80-е годы был одним из руководителей Молодежной редакции программ Центрального телевидения, в середине 70-х годов он вместе с Кирой Прошутинской предложил телевизионному начальству концепцию передачи «У нас на кухне после одиннадцати». Однако в застойные семидесятые весьма смелая по тем временам идея поддержки не получила. Ее удалось реализовать лишь после

начала перестройки, в 1987 году. Идею такой передачи, снова предложенную молодежной редакцией ЦТ (Анатолий Лысенко, Эдуард Сагалаев, Кира Прошутинская, Анатолий Малкин), поддержал Александр Яковлев, секретарь ЦК КПСС по идеологии. Название передачи придумал Эдуард Сагалаев, а первых ведущих было трое — Александр Любимов, Дмитрий Захаров и Владислав Листьев. Несколько позже в число ведущих вошли Сергей Ломакин и Владимир Мукусев. Основной причиной, по которой «Взгляд» моментально приобрел популярность, стало неуклонное стремление программы и ее ведущих к утолению информационного голода телезрителей, умноженное на новые, зачастую революционные формы работы.

По воспоминаниям Эдуарда Сагалаева, при создании «Взгляда» его авторы пытались в какой-то степени повторить феномен «Битлз» — группы, ставшей символом и рупором своего поколения. Листьева же Сагалаев про себя называл гусаром за роскошные усы, нескольких жен и казавшуюся всем некоторую легкость в поступках и мыслях Влада.

Журналисты «Взгляда» очень умело находили в своих репортажах болевые точки общества, открывали настоящие сенсации. Так, Политковский в одном из репортажей продавал на улице одежду, чтобы вжиться в образ кооператоров, о которых шла речь в сюжете; Любимов поражал зрителей своим темпом речи, скороговоркой, совершенно невозможной в то время на советском телевидении. Владислав Листьев же умел развеселить телезрителей и героев своих репортажей.

Естественно, что такая острая, живая телепередача многим не нравилась. После резкой критики в адрес «Взгляда», прозвучавшей на пленуме Союза кинематографистов в марте 1988 года, телепрограмма исчезла из эфира на два месяца. Самый же громкий скандал разразился в конце 1990 года, когда председатель Гостелерадио СССР Леонид Кравченко лично распорядился снять с эфира новогодний выпуск «Взгляда». По его словам, накануне праздника было совершенно нежелательно обсуждать подробности отставки министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. А вскоре после Нового года Гостелерадио издало приказ о прекращении производства и выхода в эфир программы «Взгляд». После запрета на эфир «Взгляд» почти полгода выходил подпольно, распространяясь по стране на видеокассетах. Вернуться в эфир «Взгляду» удалось после августовского путча 1991 года, но ненадолго. Тогда всем казалось, что цель, к которой стремились авторы программы, достигнута. Любимов, Политковский и другие «взглядовцы» занялись собственными телевизионными проектами.

Владислав Листьев покинул «Взгляд» в середине 1990 года. Он занял пост генерального продюсера создававшейся в то время телекомпании «Вид». Интересно, что автором известной эмблемы телекомпании — китайского монаха с жабой на голове, или, как его называли в народе, окаменевшего мужика, — была Альбина Листьева. Влад активно продвигал свой новый телевизионный проект — игру-викторину «Поле чудес». По мнению многих, эта передача была калькой популярного американского шоу «Колесо фортуны». Премьера передачи состоялась 25 октября 1990 года. «Поле чудес» сразу стало суперпопулярным, а Листьев — главной звездой отечественного телеэкрана. Ведущим «Поля чудес» Листьев пробыл до ноября 1991 года, после чего передал программуЛеониду Якубовичу, а сам начал новый телепроект — ток-шоу «Тема». И снова многие говорили, что идея передачи была скопирована с американского «ШоуФила Донахью», но Листьев, как и в случае с «Полем чудес», был категорически не согласен с такими мнениями.

Несмотря на огромную популярность, Листьев еще долгое время оставался не слишком обеспеченным человеком. Достаточно сказать, что собственную квартиру Влад и Альбина смогли приобрести лить в середине 1993 года. До этого им приходилось жить то в мастерской у Альбины, то у ее родителей, а иногда даже снимать гостиничный номер.

Однако не все было гладко и в этой, казалось бы, идеальной паре. Спустя пять лет после начала отношений Влада и Альбины, Листьева начали часто видеть в обществе молодой девушки-медсестры. Впоследствии ее видели и на похоронах Влада. Возможно, на чувствах Листьева сказалась его нереализованная мечта иметь восьмерых детей, ведь в их браке с Альбиной детей не было.

Проработав полтора года в «Теме», Листьев покинул и эту программу (оставшись, впрочем, ее художественным руководителем), передав микрофон ведущего Лидии Ивановой. Его новый телевизионный проект — «Час пик» — представлял собой двадцатиминутное интервью с популярным человеком. Как правило, гостями Влада в студии становились популярные политики и артисты. Задумывал Листьев и другие телевизионные проекты. Наибольшую популярность из них приобрела, пожалуй, телевизионная игра «Угадай мелодию», премьера которой состоялась вскоре после смерти Влада.

Убийство Владислава Листьева, по всеобщему мнению, мало связано с его работой телеведущего и следующими из этого славой и богатством (тем более, как уже знает читатель, Листьев не был таким уж богатым человеком). Большинство из

выдвинутых версий убийства Влада исходят из того, что основной причиной гибели Листьева послужила его деятельность как телевизионного функционера и бизнесмена. Ведь карьера Листьева как телевизионного чиновника продвигалась столь же быстро, как в свое время его карьера успешного телеведущего. В сентябре 1994 года Листьев стал вице-президентом Академии российского телевидения, а спустя менее чем полгода — генеральным исполнительным директором АО «Общественное российское телевидение» (ОРТ). ОРТ было создано в октябре 1994 году на базе государственного телеканала «Останкино» (бывший Первый канал Центрального телевидения СССР). Слово «общественный» в названии канала не должно вводить в заблуждение — ОРТ имеет мало общего с той концепцией общественного телевидения, которая используется во многих странах мира. По-видимому, использование термина «общественный» было необходимо новым владельцам канала для того, чтобы убедить президента России Бориса Ельцина в том, что внедряемая модель реформирования канала является вполне прогрессивной и будет поддержана обществом. Также слово «общественный» не должно было вызвать возражений в демократической печати и государственном аппарате России того времени — ведь речь фактически шла о передаче государственной собственности представителям крупного бизнеса. В качестве «расплаты» новые владельцы канала должны были обеспечить поднятие рейтинга (к тому времени каналы РТР и НТВ уже начали вполне успешно конкурировать с Первым каналом) и обеспечить поддержку президенту Ельцину на выборах в 1996 году. Согласно некоторым источникам, первоначально идею приватизировать Первый канал выдвинул именно Владислав Листьев. Однако по мере приближения приватизации на ведущие роли в этом процессе стал выходить Борис Березовский, в то время уже известный широкой публике как глава «ЛогоВАЗа». Советник и личный охранник президента Ельцина Александр Коржаков позже вспоминал, что приватизация Первого канала прошла достаточно незаметно для широкой общественности зимой 1995 года. Не было никаких тендеров среди возможных инвесторов — ни открытых, ни закрытых. Фактически все решал единолично Борис Березовский.

Общий уставной капитал компании составлял 2 миллиона долларов. В результате компании Березовского получили 16 % акций ОРТ. Лично Борис Абрамович контролировал еще 20 %. Фактически, вложив примерно 350 тысяч долларов, он приобрел контроль над крупнейшим телеканалом страны. При этом он вовсе не был обязан финансировать работу канала из своего

кармана, т. к. крупнейшим акционером, владеющим 51 % акций, оставалось государство.

На посту одного из руководителей ОРТ Листьев затеял коренные преобразования. Наиболее значимым из них, пожалуй, была попытка передела рекламного рынка. Листьев заявил, что намерен передать всю рекламу, идущую на канале, под контроль ограниченного числа компаний, которые он выберет лично. Это решение должно было ударить по огромному числу телевизионщиков. Ведь реклама на телевидении — это живые деньги — доходы телекомпаний, рекламных агентств и личные доходы. Причем зачастую эти доходы являются нелегальными. Так, например, на телевидении была широко распространена так называемая «джинса» — передача, полностью выпускающаяся на «рекламные» деньги и имеющая целью лишь прорекламировать определенную фирму либо товар. Оплата за такую передачу шла обычно мимо официальной кассы прямо в руки участникам передачи. По подсчетам Листьева, такой вот поток «левых» денег ежемесячно уводил из кассы канала не меньше 30 миллиардов рублей. Естественно, подобные планы Листьева вызвали непонимание и неприятие среди тех, против кого они были направлены. Но Влад, словно не чувствуя опасности, не останавливался.

20 февраля Листьев объявил мораторий на выход всей рекламы на ОРТ. Официально — для очищения телевидения от коммерциализации. Это решение должно было ударить по конкретному человеку — Сергею Лисовскому, который был в то время главным распорядителем рекламного времени, имел на руках уже заключенные контракты на показ рекламы на ОРТ и обязательства перед рекламодателями. Однако Листьев утверждал, что официального права заниматься распределением рекламного времени на ОРТ у Лисовского нет.

1 марта 1995 года Владислав Листьев приехал в «Останкино» после полудня. Это был 34-й день его пребывания на посту гендиректора ОРТ. В течение дня у Влада был целый ряд встреч, он напряженно работал и чуть было не забыл о собственной программе «Час пик», которую он должен был вести в 19.10 в прямом эфире. Когда ему о ней напомнили, он тут же схватил папку с бумагами и побежал в студию. После окончания программы, завершив остаток дел, Листьев позвонил жене и сказал, что выезжает. Это было примерно в 20.30. В последнее время Листьев всегда звонил домой перед выездом с работы, так как возвращался довольно поздно. В тот день столь ранний звонок стал приятной неожиданностью для Альбины. Однако увидеть мужа живым ей было не суждено.

Листьев подъехал к своему дому, расположенному по адресу Новокузнецкая ул., 30, на личном автомобиле «мазда» около девяти вечера. Он припарковался около подъезда и вошел в дом. Влад с Альбиной жили в двухкомнатной квартире на третьем этаже, и, хотя в доме был лифт, Влад практически всегда поднимался домой пешком. Видимо, это было известно преступнику. Предполагается, что он ждал появления Листьева в автомобиле, припаркованном неподалеку, а когда узнал (очевидно, по телефону), что Влад уже выехал из телецентра, — перешел в подъезд.

Когда Влад вошел в дом, убийца спустился ему навстречу со второго этажа и дважды выстрелил. От первого выстрела, судя по всему, Листьев успел инстинктивно загородиться рукой — пуля прошла через предплечье. Однако вторая пуля попала в голову. Киллер спокойно вышел из подъезда. Предполагается, что неподалеку его ждал автомобиль, на котором тот и скрылся. Выстрелов никто из жильцов дома не слышал, видимо, убийца воспользовался глушителем. Все имевшиеся при Листьеве деньги — примерно полторы тысячи долларов и два миллиона рублей — остались нетронутыми в карманах убитого, не взял убийца и портфель с документами.

Листьев никогда не пользовался услугами телохранителей, а из оружия имел лишь газовый пистолет, который, впрочем, в тот день не захватил с собой.

Тело убитого Владислава Листьева было обнаружено спустя четверть часа соседями. Сначала тем показалось, что Владу просто стало плохо в подъезде, ему вынесли подушку иподложили под голову, вызвали «скорую помощь». Врачи приехали быстро, однако помочь Владу они были не в силах. Рядом с телом были обнаружены две гильзы иностранного производства от пистолета калибром 7,65 мм. Оружие обнаружить не удалось.

Убийство Листьева стало шоком для его близких, коллег и для всей страны. О гибели Листьева сообщили ночные новости, на следующий день запланированные программы ОРТ не вышли в эфир, а вместо них на экране зрители могли видеть портрет Листьева в траурной рамке и текст «Владислав Листьев убит». Передавали также фотороботы предполагаемых убийц, которых якобы видели соседи. Однако впоследствии оказалось, что изображенные на фотороботах люди не имеют к убийству никакого отношения. Ими оказались строители, которые пришли договариваться о ремонте в квартире Листьева.

Попрощаться с Листьевым 3 марта пришло огромное количество людей. Гроб с телом Влада был выставлен в

помещении телецентра в «Останкино», и очередь людей, желавших проститься с любимым телеведущим, растянулась более чем на два километра. Распорядители церемонии были вынуждены даже продлить ее на несколько часов. Отпевание Листьева состоялось 4 марта в церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке; в час того же дня он был похоронен на Ваганьковском кладбище, прямо возле входа, неподалеку от могилы Владимира Высоцкого.

Основной версией убийства Листьева стала рекламная. Как уже было сказано выше, Листьев своими действиями на посту одного из руководителей ОРТ серьезно ущемил интересы основных игроков на рекламном рынке. В числе основных подозреваемых на роль «заказчика» в прессе открыто назывались Борис Березовский и Сергей Лисовский. Так, в газете «Совершенно секретно» за март 2000 года утверждалось, что Лисовский незадолго до убийства Листьева предлагал тому 100 миллионов долларов за восстановление своей рекламной монополии на Первом канале, однако Листьев отказался, назвав в ответ сумму в 170 миллионов долларов. Объясняя свои действия, Листьев якобы сообщил Лисовскому, что готовится продать права на рекламу западному инвестору за 200 миллионов долларов. Перспектива получить западных совладельцев на канале, который Березовский считал, не без оснований, своим, вывела из себя Бориса Березовского, как только он узнал об этом от Лисовского. Газета приводит сведения, что в начале 1995 года один из московских воров в законе признался на допросе, что Березовский через своего помощника Бадри Патаркацешвили предлагал ему 100 тысяч долларов за убийство Листьева. Однако совершить задуманное тому не удалось, так как он был арестован милицией в ходе масштабной операции. Позже появились сведения, что 28 февраля, т. е. за день до убийства Влада, Березовский встречался с вором в законе по имени Николай и передал тому те же самые сто тысяч «зеленых». Сам Березовский, кстати, впоследствии не отрицал этой встречи, но утверждал, что деньги были переданы за помощь «авторитета» в. поиске покушавшихся на самого Березовского летом 1994 года. Более того, данная встреча была специально по указанию Березовского записана на видеопленку.

Тем не менее, в первые дни после убийства Листьева Березовскому пришлось пережить немало неприятных минут. За день до убийства Борис Абрамович отправился в Лондон, сопровождая туда премьер-министра Виктора Черномырдина. (Кстати, отсутствие Березовского в Москве в момент убийства расценивалось многими как весьма красноречивый факт.) Узнав об убийстве, Березовский на личном самолете сразу же

возвращается в Москву и принимает участие в панихиде и похоронах. Вернувшись с похорон в офис «ЛогоВАЗа», Березовский встретил там ОМОН и РУБОП (Региональное управление по борьбе с организованной преступностью). Те предъявили ордер на обыск в здании «ЛогоВАЗа» и допрос Березовского в связи с убийством. От ареста в тот день Березовского спас лишь прямой звонок тогдашнему Генеральному прокурору России Алексею Ильюшенко. Однако, чтобы полностью обезопасить себя, Березовский совместно с Ireной Лесневской, одним из главных продюсеров Первого канала, записали специальное телеобращение лично к президенту Ельцину. В этом телеобращении в убийстве Листьева были обвинены «противники президента», которые тем самым стремились показать слабость и бессилие его власти и окончательно скомпрометировать Ельцина в глазах народа.

Нельзя утверждать категорично, что убийство Листьева было делом рук тогдашних владельцев ОРТ и рекламных контрактов на канале, но то, что это убийство явно пошло им на пользу, можно сказать определенно. Через несколько месяцев мораторий на рекламу был снят, и эксклюзивным поставщиком рекламы для ОРТ стала вновь образованная компания «ОРТ-Реклама». Ее возглавил Сергей Лисовский.

Среди других версий убийства Листьева чаще всего звучит «семейно-бытовая». В соответствии с ней, Влада погубила одна из его жен. Про первую жену было известно, что она регулярно требовала от Влада алименты, причем ее аппетиты становились все больше и больше. Хотя, казалось бы, в такой ситуации убивать бывшего мужа нет никакого смысла, трудно предположить, что могло прийти в голову озлобленной и завистливой женщине. У Альбины был такой повод к убийству Влада, как ревность, — все-таки история с медсестрой, видимо, перестала быть секретом для нее. К тому же она, вместе с детьми Листьева, оказалась главной наследницей, к ней, в частности, отошли активы Влада в телевизионных компаниях. Кстати, с именем Альбины связана еще одна примечательная история. Не прошло и года со дня убийства, а она уже снова вышла замуж, причем за Андрея Разбаша, человека, который занял место Листьева в роли ведущего программы «Час пик».

Убийство Владислава Листьева вот уже около десяти лет является одним из самых громких нераскрытых преступлений в России. И оснований надеяться, что преступление будет раскрыто в ближайшее время, немного. За прошедшие годы в убийстве Листьева признались десятки человек, но это всегда оказывались либо жертвы милицейского произвола, подписывавшие признание

под угрозами физической расправы, либо просто психически больные люди.

В памяти своих поклонников Владислав Листьев навсегда остался жизнерадостным улыбающимся молодым человеком, который любил и умел приносить людям хорошее настроение.

А БЫЛО ЛИ УБИЙСТВО?

МОЦАРТ ВОЛЬФГАНГ АМАДЕЙ (1756–1791)

...Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?
Сальери
Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.
Моцарт
Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?
Сальери
Ты думаешь?
(Бросает яд в стакан Моцарта.)
Ну, пей же.
Моцарт
За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.
(Пьет.)
Сальери
Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?
Моцарт
(бросает салфетку на стол)
Довольно, сыт я.
(Идет к фортепиано.)
Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.

(Играет.)
Ты плачешь?
Сальери
Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу.
Моцарт
Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело: пойду засну.
Прощай же!
Сальери
До свиданья.
(Один.)
Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?
А.С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»

Для большинства наших соотечественников, да и просто для людей, знакомых с русской литературой, вопрос о том, как умер Моцарт, собственно вопросом не является. Его отравил друг-предатель и тайный завистник Сальери. Роли распределены, акценты расставлены: Моцарт — светлый и доверчивый гений, Сальери — доведенная завистью к более талантливому коллеге посредственность, ведь «гений и злодейство — две вещи несовместные». Менее известно, что Сальери не был такой уж посредственностью. Он автор большого числа талантливых и популярных в его время опер. Кроме того, Сальери смог реализовать свой талант в учениках. Среди них следует назвать

Шуберта, Листа и Бетховена. Вот один небольшой отрывок из «разговорной» тетради последнего (в силу глухоты Бетховена с ним приходилось общаться письменно):

«Собеседник:

— В конце концов, Сальери сознался в том, что отравил Моцарта. В припадке раскаяния он пытался перерезать себе горло, но пока еще жив.

Бетховен:

— Я по-прежнему не отказываюсь именовать себя учеником Сальери».

Неужели же великий Бетховен не разделял мысль о том, что гений и злодейство несовместимы? Проще предположить, что он не верил в сам факт убийства. С этим мнением согласно и большинство современных исследователей. Скорее всего, смерть Моцарта от руки завистливого коллеги, как выразился поэт, «сказка тупой бессмысленной толпы». И, тем не менее, не включить в нашу книгу сведений об «убийстве» Моцарта мы не могли. Хотя бы потому, что эта «сказка», невзирая на то, была ли она близка к реальности, наверняка входит даже не в полсотни, а, скорее, в десятку самых знаменитых убийств.

Заранее хочется сказать, что мы не претендуем на то, чтобы пролить свет на «тайну» гибели великого Моцарта. В нашу задачу входит лишь осветить факты и перечислить существующие предположения. И теперь, после короткого вступления, мы можем приступить к выполнению этой задачи.

Начнем с краткого жизнеописания Моцарта и Сальери, «двух сыновей гармонии».

Антонио Сальери родился в 1750 году в небольшом городке Леньяго, близ Вероны. Вундеркиндом Антонио не был, но талант его открылся достаточно рано, поэтому родственники обеспечили мальчику хорошее музыкальное образование. Первым учителем музыки стал старший брат. Затем Антонио учился игре на клавесине у соборного органиста. С 1765 года Сальери пел в Венеции в хоре собора Святого Марка. Одновременно он продолжал учиться музыке у известных педагогов.

Затем юноша обратил на себя внимание Флориана Леопольда Гассмана — достаточно известного в то время композитора. Гассман отвез Сальери в Австрию и продолжил заниматься с ним музыкой. С 1766 года Сальери выступал в Вене. Через три года он уже был клавесинистом-концертмейстером оперного театра при дворе Иосифа II Габсбурга. А еще через пять лет молодой музыкант, к тому времени уже автор немалого числа опер (первая была поставлена в 1770 году), становится императорским композитором. Очень быстро его известность выходит за пределы

Австрии и достигает всех европейских столиц.

В 1778 году Сальери отправляется в Италию, а оттуда в Париж. Здесь он знакомится с уже пожилым композитором Кристофом Глюком. Глюк был реформатором в музыке. Он внес немало новшеств в оперное искусство. Вскоре Сальери становится ярым последователем идей немецкого композитора. Специалисты считают, что влияние Глюка чувствуется практически во всех последующих произведениях Сальери. Со своей стороны немецкий композитор принял участие в судьбе своего горячего поклонника. Он рекомендовал Сальери Парижской опере, выдал его оперу «Данаиды» за их совместный труд. Только после успеха этого произведения в театре Глюк опубликовал известие о том, что «Данаиды» — целиком принадлежат Сальери.

В 1787 году на сцену выходит опера Сальери «Тарар». Автором ее либретто стал великий Бомарше. Вот что он писал своему соавтору: «Если наш труд будет иметь успех, я буду обязан почти исключительно Вам. И хотя Ваша скромность заставляет Вас всюду говорить, что Вы только мой композитор, я горжусь тем, что я Ваш поэт. Ваш слуга и Ваш друг». Уже одно это признание должно развеять миф о посредственности Сальери. Французская публика была завоевана так же быстро, как до этого австрийская.

В 1787 году, после невиданного успеха «Тарара», Сальери вернулся в Вену. Через год он стал придворным капельмейстером Иосифа II. Дальнейшая биография Сальери очень проста. Он писал музыку, играл ее и учил этому ремеслу других. Как педагог Сальери принял участие в становлении более чем 60 реализовавшихся композиторов. Известность некоторых из них, пожалуй, превзошла известность учителя. И почему-то Сальери не испытывал преступной зависти ни к Бетховену, ни к Шуберту (Лист в бытность свою учеником Сальери был еще слишком мал).

С 1788 года Сальери руководил основанным его учителем Гассманом венским Обществом музыкантов и пенсионным фондом вдов и сирот венских музыкантов. В 1813 году возглавил хоровое училище венского Общества друзей музыки и в 1817 году стал директором основанной этим обществом консерватории. Умер Антонио Сальери в Вене в 1825 году.

Теперь перейдем к его «жертве».

27 января 1756 года в семье Леопольда Моцарта, придворного композитора князя-архиепископа Зальцбургского, родился мальчик. При крещении он получил сложное имя Иоганн Кризотом Вольфганг Теофил (Амадей — латинская «калька» или дословный перевод греческого имени Теофил). Помимо должности в придворной капелле, Леопольд Моцарт был

педагогом. Он обучал детей игре на скрипке и на этой ниве прославился далеко за пределами Зальцбурга. Его перу, помимо музыкальных произведений, принадлежит труд «Опыт фундаментальной школы игры на скрипке». Вполне возможно, что даже если бы не Вольфганг, фамилия Моцарт не канула бы в Лету. Но в 1760 году Леопольд прекратил занятие композицией и целиком посвятил себя обучению собственных детей.

Если рассматривать Сальери и Моцарта как будущих конкурентов, можно сказать, что шестилетнее преимущество первого в возрасте не дало ему реальной временной форы. В отличие от Антонио, Вольфганг был ярко выраженным вундеркиндом. В пять лет он уже сам писал менуэты, в шесть — выступал, играя на клавире. Его сестра Мария Анна была старше брата на пять лет. С 1763 года отец стал возить дуэт вундеркиндов по Германии и Голландии. Выступали они также в Париже и Лондоне. Во время этих поездок маленький Вольфганг писал симфонии и сонаты, которые, несмотря на более чем юный возраст их автора, вошли в творческое наследие композитора. В 1766 году «гастролеры» вернулись в Зальцбург. В том же году в Зальцбургском университете была поставлена музыкальная пьеса Моцарта-младшего. В 1767 году отец отвез Амадея в Вену, где мальчик написал оперу-буфф «Мнимая простушка». Ее постановка не состоялась из-за интриг некоторых венских музыкантов, уже тогда побоявшихся конкуренции со стороны 11-летнего вундеркинда.

С 1770 по 1772 год Моцарты трижды выезжали в Италию. Там Амадей учился композиции у известнейшего педагога, был принят в Болонскую филармоническую академию и написал оперу-сериа «Митридат, царь Понта».

В 1773 году Моцарт совершил поездку в Вену, но найти там достойное место не удалось. С 1774 по 1777 год Вольфганг живет в Зальцбурге и занимает должность концертмейстера придворной капеллы. В это время он пишет многие произведения, ставшие впоследствии знаменитыми. В 1777 году Моцарт вместе с матерью совершает поездку в Мангейм — один из центров музыкальной культуры того времени. Но и там он не смог найти подходящее место. Мать и сын едут в Париж. Здесь происходит два события: с восторгом принимают 31-ю «Парижскую» симфонию Моцарта, и. умирает его мать.

Моцарт возвращается в Зальцбург и в 1779 году снова поступает на службу к князю-архиепископу. В 1781 году в Вене проходят торжества, посвященные вступлению на престол Иосифа II. Зальцбургский двор выезжает на празднования, но. князь-архиепископ даже не дает Моцарту сыграть в присутствии

императора. Видимо, из боязни, что молодому музыканту предложат место при дворе Иосифа, он хотел утаить его талант.

В мае 1781 года Моцарт оставляет службу в Зальцбурге (по другим версиям, его изгнали из-за конфликтов с князем-архиепископом). Теперь он живет в Вене и зарабатывает на жизнь, выступая на концертах, публикуя свои произведения, давая уроки. В 1782 году он женится на певице Констанце Вебер. В этом же году в Вене поставлена его опера «Похищение из сераля». В 1786 году в Вене состоялась премьера «Свадьбы Фигаро». Интересно, что первоначальный вариант оперы был запрещен императором как бунтарский. Вена не слишком восторженно приняла знаменитую в будущем оперу, но в Праге она была встречена овациями. По заказу Пражского театра в 1787 году Моцарт пишет не менее знаменитую оперу «Дон Жуан».

Только в 1787 году Моцарт получает должность, да и то не совсем достойную его гения. Теперь он занимает место «камерного музыканта» — пишет танцевальную музыку для придворных балов. Несмотря на довольно высокое жалование, Вольфганг Амадей часто испытывает финансовые трудности. Виной этому его собственное расточительство и беспомощность в денежных вопросах, а также политические проблемы страны: они отвлекали внимание аристократии от искусства.

В 1789 году Моцарт совершает поездку в Берлин с целью найти себе лучшую должность. Попытка эта, как, впрочем, и предыдущие, не увенчалась успехом. До конца его недолгой жизни гениальному композитору так и не удалось найти себе достойного места.

В 1791 году Моцарт в очередной раз находился в тяжелом финансовом положении. Его жена ждала ребенка, и беременность проходила тяжело. Врачи советовали ей совершить оздоровительную поездку в Баден. Незадолго до ее отъезда к Моцарту от имени лица, пожелавшего остаться неизвестным, пришел незнакомец. Посланник сообщил, что поручение ему дал некий человек, занимающий высокое положение в обществе. Он захотел сделать композитору заказ на сочинение реквиема для ежегодной церковной службы в память о смерти очень близкого человека. Моцарт согласился. Но сроки написания назвать не смог — в это время он работал над оперой «Волшебная флейта» — своей последней оперой. 30 сентября опера была поставлена. Теперь Моцарт смог вплотную перейти к выполнению таинственного заказа. Над Реквиемом он работал очень серьезно. По некоторым сведениям, композитора мучили тяжелые предчувствия. Якобы он не раз заявлял жене и друзьям о том, что пишет Реквием для себя.

Если такие предчувствия действительно посещали Моцарта, они его не обманули. Из задуманных семи частей Реквиема он успел написать только шесть. При этом доработку кульминационной части, «Lacrimosa» (слезная), он оставил на потом.

20 ноября Моцарт заболел. Его конечности распухли, воспалились суставы. Лечение, которому он подвергся (рвотное, холодные компрессы, многочисленные кровопускания), было обычным для того времени и универсальным для большинства болезней. И, как обычно, оно не помогло. По некоторым источникам, 4 декабря навестить больного пришли друзья-коллеги. Раздав им партии Реквиема, он попросил их исполнить его. Во время исполнения композитор пришел в волнение, а затем впал в забытье. Вечером он очнулся и принял своего любимого ученика Зюсмайера. Моцарт отдал ему последние распоряжения по поводу окончания Реквиема. Насколько близко к истине это драматическое описание — неизвестно. Известно, что Зюсмайер действительно получал от больного учителя поручение закончить Реквием. Поручение это он выполнил, дописав седьмую часть «Lacrimosa».

В ночь с 4 на 5 декабря 1791 года, в возрасте 35 лет композитор скончался, оставив после себя более 600 музыкальных произведений.

Загадка Реквиема скоро объяснилась. Его заказал после смерти своей жены граф Вальзегг-Штуппах. По некоторым предположениям, он собирался не просто использовать Реквием в службах, посвященных памяти жены, но даже думал выдать творение Моцарта за свое. Граф якобы поступал раньше подобным образом с произведениями других композиторов.

В литературе и прессе до сих пор активно муссируются обстоятельства похорон Моцарта. Много говорится о том, что не нашлось денег достойно похоронить гения. Поэтому он был погребен в общей могиле, и теперь его осанки не могут быть найдены. Обвиняли и обвиняют в скупости некоего ван Свитена — друга Моцарта, мецената и покровителя музыкантов. Вряд ли это обвинение справедливо. Ван Свитен принял самое деятельное участие в судьбе вдовы музыканта и его детей. Правила похоронных церемоний в Австрии регламентировал император Иосиф II в присущей его стране тоталитарной манере. Обряд похорон, по мнению императора, не должен был вводить семью усопшего в большие расходы. В частности он распорядился, чтобы похороны проходили как можно скромнее. За редким исключением, умерших хоронили в могилах на пять-шесть человек в целях экономии места, надгробия не устанавливали.

Каждые 7 лет могилы перекапывали и территорию использовали заново. Такой участи удостаивались все простые смертные, отдавшие Богу душу. Но почему гениальный композитор был похоронен как простой смертный? Иосиф II был большим поклонником искусства. Вполне возможно, что, если бы он дожил до дня смерти Моцарта, композитор и удостоился бы чести быть похороненным в отдельной могиле и с надлежащими почестями. Но в 1790 году Иосиф умер, а на смену ему пришел Леопольд II, равнодушный к искусству вообще и к музыке в частности. Ему было невдомек, что Вольфганг Амадей Моцарт отнюдь не простой смертный.

От чего же умер великий мастер? Современные медики по описанию болезни Моцарта делают различные предположения о ее характере. Вот некоторые из этих предположений:

1. Ревматическая лихорадка, сопровождающаяся острой сердечной недостаточностью, или ревмокардит. Моцарт с детства страдал ревматизмом, к тому же у него в процессе болезни воспалились суставы.

2. Острая почечная недостаточность. В пользу этой версии говорят отеки.

3. Врожденный порок сердца. У Моцарта был характерный дефект левой ушной раковины. Согласно современным наблюдениям, такой дефект часто наследуется вместе с пороком сердца и выделительной системы.

4. Какое-то инфекционное заболевание. В пользу последнего предположения говорят сыпь и наличие описания еще нескольких похожих смертей, относящихся к тому времени.

Но в силу специфики этой книги нас больше будут интересовать не медицинские, а криминальные версии. По словам Констанцы, вдовы, Моцарт, пророчествуя о своей близкой смерти, говорил, что он отравлен. Кроме того, симптомы болезни напоминали симптомы отравления соединениями ртути. Слухи об отравлении появились практически сразу же после смерти композитора. Скорее всего, они были вызваны скоропостижной смертью хоть и бедствующего, но известного и популярного музыканта. Но в рамках нашей книги интересней предположить, что слухи эти имели под собой реальную основу, тем более, что часть исследователей и сейчас такого варианта не отвергают. Но если Моцарт был отравлен, то кем?

Для начала рассмотрим «пушкинскую» версию. Есть ли основания подозревать в преступлении Антонио Сальери? Против Сальери существует единственный реальный обвинитель. он сам. В 1823 году, в возрасте 73 лет Сальери якобы признался, что отравил Моцарта. Имело ли место это признание на самом деле

— наверняка неизвестно. Согласно целому ряду сведений, такого признания не было. Вот описание разговора с Сальери, сделанное одним из его учеников (диалог происходил в госпитале): «Это была печальная встреча. Он выглядел призраком и говорил незаконченными фразами о своей быстро приближающейся смерти. В конце он сказал: «Хотя я смертельно болен, я хочу заверить Вас честным словом, что нет совершенно никаких оснований для этих абсурдных слухов. Вы знаете, о чем я: Моцарт, что я якобы отравил его. Но нет. Это — злобная клевета, одна только злобная клевета. Скажите миру, дорогой Мошелес, что старый Сальери на краю смерти сам Вам это сказал». О том, что Сальери не делал никаких признаний, свидетельствуют и санитары, которые, по их же свидетельствам, неотступно находились возле композитора.

Но откуда же сведения о признании, если его не было? Это вряд ли удастся установить. В пользу же того, что Сальери все-таки обвинял себя в убийстве Моцарта, говорит цитата из его некролога: «его мысли становились все более путаными; он все более погружался в свои мрачные сны наяву, до такой степени, что однажды в забытье, оставшись один, ранил самого себя почти до смерти. В другие моменты он обвинял себя в таких преступлениях, которые не пришли бы в голову и его врагам». Возможно, показания ученика и санитаров — попытка избавить от подозрений доброе имя покойного. Из этого документа можно предположить, что Сальери все-таки обвинял себя в преступлении. Но значит ли это, что он его действительно совершал? Скорей всего, нет. Признание могло быть плодом затуманившегося сознания старика, возбужденного слухами об отравлении Моцарта и его (Сальери) участии в этом преступлении.

Еще одним существенным доводом в защиту Сальери становится противоречие принципу «ищи, комувыгодно» (конечно, в переносе на высокий уровень мира искусства, речь идет не об обыкновенных корыстных мотивах). В действительности между Антонио и Амадеем не было близких дружеских отношений, описанных Пушкиным. Не было и вражды. Были ли у Сальери причины завидовать Моцарту? Скорей всего, нет. В обществе Сальери занимал более высокое положение, чем его младший коллега. Что же касается зависти по отношению к таланту Моцарта — достаточно спорный вопрос, мог ли Сальери считать себя менее талантливым. Оперы его пользовались среди современников не меньшей, а скорее большей популярностью, чем оперы Моцарта. А сочинением инструментальной музыки Сальери практически не занимался. Итак, Сальери практически

наверняка не виновен.

Что же все это значит? Убийства не было, и Моцарт «незаслуженно» стал героем этой книги? Нет. В запасе у исследователей есть еще несколько шансов оправдать его присутствие на наших страницах. Дело в том, что помимо Сальери существуют еще несколько подозреваемых.

Один из них — ученик Моцарта Зюсмайер, тот самый, который закончил работу над Реквиемом. Второй — некто Хофдемель. По некоторым предположениям, Зюсмайер был любовником Констанцы и на этой почве отравил ее мужа и своего учителя. Серьезных подтверждений этой версии нет. Обвинения против Хофдемеля гораздо более обоснованны. Этот предполагаемый убийца пережил Моцарта всего на два дня. Его жена, Магдалена, была ученицей и, скорее всего, любовницей Моцарта. К моменту смерти композитора она была беременна. Когда 6 декабря Магдалена вернулась с панихиды по своему учителю, муж набросился на нее с бритвой, нанес ей несколько ранений, а затем закрылся в соседней комнате и перерезал себе горло. Это дает некоторым исследователям основание предполагать, что Хофдемель из ревности убил Моцарта.

В 1983 году на музыкальном фестивале в Брайтоне импровизированный «суд» признал Хофдемеля виновным в убийстве. Кстати, похожий суд, но на более высоком уровне прошел в Миланском дворце юстиции в 1997 году. Подсудимый Антонио Сальери был оправдан.

Из совсем маловероятных версий следует также назвать и убийство Моцарта его товарищами по масонской ложе, членом которой композитор стал в 1784 году. Опера «Волшебная флейта» содержит много масонских мотивов. Товарищам по ложе, среди которых был и ван Свитен, якобы не понравилось, как они были изображены в опере. Кроме того, по свидетельствам вдовы, Моцарт собирался уйти от масонов и основать свое тайное общество. За это он и был убит. Несмотря на свою явную фантастичность, такую версию смерти композитора активно пропагандировали в нацистской Германии.

И, наконец, существует еще одна, не криминальная версия. Согласно ей, Моцарт действительно умер от яда, но отравился сам, в результате злоупотребления лекарственными препаратами, содержащими ртуть и сурьму. По разным сведениям, Моцарт лечился то ли от лихорадки, то ли от сифилиса.

СКОБЕЛЕВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (1843–1882)

Героями не рождаются, ими становятся. Эту старую как мир аксиому всей своей жизнью доказал Михаил Дмитриевич Скобелев. Его нельзя измерить общей меркой, этот человек смог стать не просто популярным, он заслонил собой всех, и даже в какой-то мере самого императора. Может быть, именно это обстоятельство и сыграло роковую роль в его судьбе?

Белый Генерал стал жертвой «тайной организации»?

Героями не рождаются, ими становятся. Эту старую как мир аксиому всей своей жизнью доказал Михаил Дмитриевич Скобелев. Его нельзя измерить общей меркой, этот человек смог стать не просто популярным, он заслонил собой всех, и даже в какой-то мере самого императора. Может быть, именно это обстоятельство и сыграло роковую роль в его судьбе?

Легендарный генерал больше половины своей жизни провел в боях. Он участвовал в 70 сражениях и из всех вышел победителем. Офицеры и солдаты, знавшие Скобелева по его делам, считали генерала отцом-командиром, который рисковал своей жизнью наравне с подчиненными. Воины, вышедшие в отставку, вспоминая о былых сражениях, непременно упоминали о нем, рассказывая легенды о храбрости и мужестве любимого командира. Крестьяне, вызволенные Скобелевым из помещичьей кабалы или долговой ямы, молились на его портрет как на икону.

Многие светила российской науки считали его человеком энциклопедических знаний, оригинально мыслящим, творческим. А юноши, которые только начинали взрослеть, находили в Скобелеве образец героя, олицетворявшего преданность отечеству и верность слову. Для всех, кто был искренне заинтересован в процветании России, Скобелев был надеждой на осуществление

политических реформ. В их глазах он стал лидером, достойным вести за собой народ.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 года в селе Спасское-Заборово в 35 км от станции Ряжск. Маленький Миша был первенцем в семье поручика кавалергардского полка, который впоследствии участвовал в Крымской войне, получив звание кавалера Почетной золотой шпаги. Дедушка Михаила Скобелева — Иван Никитич в войну 1812 года был ординарцем у самого М. И. Кутузова и сражался в Бородинской битве. Он смог дослужиться до чина генерала от инфантерии, был комендантом Петропавловской крепости. К тому же Иван Никитич Скобелев обладал литературным талантом. В день рождения внука он позволил себе необычайную вольность. В Санкт-Петербурге в неурочный час прогремел залп из всех имеющихся в Петропавловской крепости пушек. Так дед ознаменовал рождение своего внука.

Именно Иван Никитич занимался его воспитанием. После смерти деда Мишу отправили во Францию, где он обучался в пансионе. Мальчик получил всестороннее образование и свободно владел восемью иностранными языками.

Он мог читать наизусть отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Спенсера, очень любил Лермонтова. Михаил прекрасно играл на фортепиано и пел. Словом, он был настоящим романтиком в мундире офицера.

Вернувшись на родину, Михаил Скобелев в 1861 году поступил в Петербургский университет. Но семейные традиции взяли верх, и он подал прошение о зачислении его юнкером в кавалергардский полк. Многие сослуживцы говорили о нем: «Чудак. Отличный малый, лихой рубака, берет сумасшедшие барьеры». В 1862 году Михаил отправился в отпуск к отцу, который в то время жил в Польше.

В сентябре 1866 года Скобелева зачислили в академию Генерального штаба, а после ее окончания направили в Туркестанский военный округ.

В походе против Кокандского ханства Михаил Дмитриевич выходил победителем из самых сложных ситуаций, проявляя не просто чудеса героизма, но и удивительное понимание тактики боя. Его сослуживцы вспоминали, что особое удовольствие Скобелеву доставляло выходить рано утром умываться на линию огня между нашей и турецкой траншеей. За ним следовал адъютант, и турки тут же начинали их обстреливать. А возвращаясь в траншею, генерал вновь поднимался на бруствер, и неприятель вновь открывал по нему прицельный огонь. Скобелев не просто бравировал. Такое показное пренебрежение к смерти

было умышленным: по интенсивности огня он старался определить, какими силами располагал неприятель. Во время боя во всей полноте проявлялись его способность к быстрому, оперативному мышлению и умение принимать мгновенные, неожиданные и порой жизненно важные решения. Сам Скобелев очень часто любил повторять: «Мало быть храбрым, нужно быть умным и находчивым». Это были не просто слова. Продумывая стратегию предстоящей битвы, Михаил Дмитриевич использовал свои глубочайшие знания и передовой опыт. В. И. Немирович-Данченко вспоминал: «Учился и читал он (Скобелев) постоянно, при самых иногда невозможных условиях: на биваках, в походе, в Бухаресте на валах батарей, под огнем, в перерывах между жаркими боями. Он не расставался с книгой — и знаниями делился со всеми».

В характере Скобелева удивительно сочетались страстность и расчет, пыл и воля, исключительное внимание ко всем деталям сражения при полном пренебрежении к собственной жизни.

После завершения Кокандской кампании он был награжден орденами Святого Георгия и Святого Владимира III степени, золотой шпагой с бриллиантами и золотой саблей «За храбрость».

В 1877 году началась русско-турецкая война, в которой Скобелев принял активное участие. Он лично возглавил атаку Шипкинского перевала. Далее были Плевна и Балканы. Вессель-паша сдался Скобелеву вместе со всей 20-тысячной армией. За эти сражения отважного генерала наградили третьей золотой саблей с надписью «За переход через Балканы».

Взятие Ловчи, третий штурм Плевны, переход Балкан через Имитлийский перевал, сражение при Шипке-Шейново стали ключевыми событиями русско-турецкой войны. Каждая из этих побед принадлежит Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. В бою он всегда был впереди войска в белом кителе на белом коне. Не удивительно, что враги прозвали его Ак-Пашой (Белым Генералом). Многими современниками было отмечено удивительное пристрастие Скобелева к белому цвету. Выдающийся художник В. В. Верещагин объяснял это так: «Он верил, что будет более невредим на белой, чем на лошади другой масти, хотя в то же время верил, что от судьбы не уйдешь».

Выбор белого цвета для Михаила Скобелева не был случайным. Еще будучи слушателем военной академии, он был послан за тридцать верст от Петербурга на берег Финского залива произвести съемку местности. Возвращаясь из леса, он увяз в болоте. Старая белая лошадь спасла жизнь Михаилу Дмитриевичу: «Я ее налево забираю, она меня направо тянет. Если где придется мне на лошади ездить, так, чтобы эту сивку

помнить, всегда буду белую выбирать».

Можно предположить, что после этого случая у Михаила Дмитриевича возникло мистическое пристрастие к лошадям белой масти. А белый мундир был продолжением белизны его коня. Сам Скобелев постепенно внушил себе и другим, что в белом он заговорен от пуль и не может быть убит неприятелем. Очень часто от смерти его спасало только умелое обращение с конем и саблей. На самом деле он был семь раз ранен в боях.

Каждая победа добавляла популярности Михаилу Дмитриевичу Скобелеву и давала еще один повод для сплетен его врагам. Ему приписывали и чрезмерное честолюбие, и невоздержанный образ жизни, и даже присвоение казенных денег. К тому же молодой и популярный генерал давал повод думать о том, что он когда-нибудь может возглавить российский престол. Постоянно в столичных гостиницах перешептывались о том, что государь-император очень боится Скобелева и хочет от него избавиться. Хотя это гнусная клевета. Александр II с глубоким уважением относился к Михаилу Дмитриевичу и часто ругал его за излишнюю лихость и неосмотрительность.

В 1881 году 38-летний Скобелев был произведен в генералы от инфантерии и награжден орденом Святого Георгия II степени. Но враги и завистники не могли смириться с его славой. Они жестоко расправились с родителями Михаила Дмитриевича. Вначале внезапно умер его отец при невыясненных обстоятельствах, а вскоре в Болгарии была убита мать. По странному стечению обстоятельств ее убийцей стал бывший ординарец Скобелева — Николай Узатис, который унес тайну этого убийства с собой в могилу.

Еще один смертный грех не могли простить Скобелеву — увлечение славянофильским движением. Выдающийся полководец был дружен с Иваном Сергеевичем Аксаковым — теоретиком этого движения. Вскоре у Михаила Дмитриевича появилось еще одно прозвище — Славянский Гарибальди.

После того как Александр II был убит, на трон взошел Александр III, который тоже был увлечен славянофильством. Во время одного из торжественных и многолюдных банкетов Скобелев выступил с речью, которая очень возмутила всех западников, преклоняющихся перед «прогрессивной Европой». После этого выступления появилось четверостишье: «И вот — один не раб из всех вверху стоящих, один наш Скобелев смел правду вслух сказать. О язвах, издавна жизнь русскую мертвящих! О том, где корень зла — ив чем лекарств искать».

Над Славянским Гарибальди сгущались тучи. Михаил Дмитриевич сам предвидел свою близкую смерть. В последние

месяцы жизни он стал очень раздражительным. В его разговоре нередко слышались пессимистические нотки. Необычно часто Михаил Дмитриевич заводил разговоры о недолговечности жизни. И неожиданно для всех стал продавать ценные бумаги, золотые украшения и недвижимость. Тогда же им было составлено завещание, по которому родовое имение Спасское должно было перейти в распоряжение инвалидов войн. В это же время среди писем, что приходили прославленному генералу, все чаще и чаще стали попадаться анонимки с угрозами. Кто и почему их написал, неизвестно до сих пор. К несчастью, дома он тоже не находил поддержки. Его брак оказался на редкость несчастливым. Детей, о которых он так мечтал, у него не было. А девушка, которую он полюбил незадолго до смерти, не ответила ему взаимностью.

По окончании маневров 22 июня 1882 года Михаил Дмитриевич Скобелев выехал в Москву. О цели своей поездки он доложил начальнику штаба Духонину: «Собираюсь навестить могилы родителей и проверить ход строительства школы и больницы в своем имении». Разговор их закончился тревожно. «Все на свете — ложь! Даже слава.» — сказал Скобелев.

В последний день своей жизни Михаил Дмитриевич чувствовал себя очень одиноким. 24 июня он побывал в гостях у своего лучшего друга Аксакова, оставил у него целый ворох бумаг, сказав: «Последнее время я стал подозрительным». А уходя в 11 часов вечера, произнес с тоской: «Я всюду вижу грозу». Затем, остановившись в гостинице «Дюссо», написал приглашение на обед 26 июня В. И. Немировичу-Данченко.

В полдень 25 июня Михаил Дмитриевич находился в ресторане «Эрмитаж». Он одиноко сидел за столом в полной задумчивости, ни с кем не общался. К вечеру одиночество стало невыносимым. Поэтому Михаил Дмитриевич направился в Столешников переулок, где находилась ресторация «Англия». Он надеялся, что веселое застолье и хороший ужин в приятной компании развеселят его, отвлекут от мрачных мыслей. Пир был в самом разгаре, когда из соседнего кабинета вышел мужчина и предложил выпить бокал шампанского. Михаил Дмитриевич не отказался, потому что услышал, как из кабинета доносились здравицы в его честь. Хандра не проходила. Даже очарование известной всей Москве кокотки Ванды (настоящее имя Шарлотта Альтенроз) не смогло его развеселить. Эта женщина имела в своем распоряжении шикарный номер на нижнем этаже «Англии». Именно туда удалился Скобелев вечером. Через некоторое время из номера послышался страшный крик, а еще через несколько минут к дворнику прибежала испуганная и заплаканная Ванда.

Она с трудом смогла выдавить из себя слова: «У меня в номере умер офицер». Дворник тотчас послал за полицией. Конечно же, известного всей России генерала сразу же опознали. Его тело было перевезено в гостиницу «Дюссо». Полиция опровергла версию об участии или соучастии Ванды в смерти Скобелева. Но за ней навсегда закрепилось прозвище Могила Скобелева.

Смерть Скобелева потрясла всю Москву. Даже Александр III направил его сестре Надежде Дмитриевне письмо со словами: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии труднозаменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей».

Через некоторое время были оглашены результаты вскрытия тела Скобелева, которое производил прозектор Московского университета Нейдинг. Он констатировал смерть от паралича сердца и легких. В связи с этим Андрей Шолохов писал в своей статье: «Никогда раньше Скобелев не жаловался на сердце». Хотя его врач О. Ф. Гейфейдер во время туркестанского похода находил признаки сердечной недостаточности, отмечая в то же время совершенно необыкновенную выносливость и энергию генерала.

Причина смерти Скобелева так и осталась невыясненной. Позднее она обросла огромным количеством версий, легенд, домыслов и даже абсурдными идеями о самоубийстве.

Существуют две основные версии насильственной и ненасильственной смерти. Версий ненасильственной смерти ходило несколько, но наиболее правдоподобными из них являются две. Первая версия была официальная: смерть наступила от паралича легких и сердца. А вторая заключалась в том, что Скобелев скончался в результате кровотечения от разорвавшегося венозного расширения в паху, которым издавна страдал.

Версий о том, что Белый Генерал был убит, существовало множество. Три из них кажутся наиболее правдоподобными и наиболее известными. Первая версия свидетельствует о том, что Михаил Дмитриевич был убит из-за происков врагов России — немцев. Это предположение косвенно подтверждало то, что генерал умер в номере немки — Ванды. Многие представители официальных кругов не только поддерживали эту версию, но и считали ее единственно правильной. Князь Н. Мещерский в 1887 году писал Победоносцеву: «Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее, но вдруг, благодаря смелому шагу Скобелева, сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу для Бисмарка.

Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы, Скобелев пал жертвой своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются». По слухам, германским агентам удалось выкрасть план войны, который разработал Михаил Дмитриевич. Насколько это правда, в то время не знал никто. Немецкая пресса тогда ликовала: «Ну, и этот теперь нам не опасен — генерала Скобелева нет более в живых. что касается нас, немцев, то мы честно в этом сознаемся, мы довольны тем, что смерть похитила рьяного врага.»

По другой версии, Михаил Дмитриевич был отравлен бокалом шампанского, который ему прислали из соседнего номера от пирующей компании, где якобы выпивали за его здоровье. Говорили о том, что Александр III был уверен в желании Скобелева свергнуть династию Романовых и занять престол под именем Михаила III. Некий Ф. Бюбок, со слов председателя Первой Государственной думы С. А. Муромцева, рассказывал, что будто бы в связи с антиправительственной деятельностью Скобелева над ним, под председательством великого князя Владимира Александровича, был учрежден особый тайный суд. Этот суд большинством голосов (33 из 40) приговорил Белого Генерала к смертной казни. Привести приговор в исполнение было поручено одному из полицейских чиновников. Убийца блестяще справился с поставленной задачей. За это он получил не только большое денежное вознаграждение, но и следующий чин. «Тайная дружина», осуществившая убийство Скобелева, совмещала в себе черты Третьего отделения, масонских лож и подпольных организаций. В ее состав входил не только великий князь, но и сам император. С этой «тайной дружиной» у М. Д. Скобелева сложились весьма натянутые отношения. В свое время он наотрез отказался вступать в их ряды, презрительно отзывался о членах организации.

Ж. Адам задал вопрос: «Какая держава имела интерес в исчезновении героя Плевны и Геок-Тепе?» — прозрачно намекая, что к смерти Скобелева имеет отношение всемирное масонство. Было известно о связях Скобелева с масонами французской ложи «Великий Восток». Находясь в Париже, Белый Генерал подружился с Леоном Гамбеттой, премьер-министром Франции и одним из руководителей «Великого Востока». Вполне возможно, что масоны хотели убрать опального генерала. Скорее всего, именно масоны способствовали распространению разнообразных, порой противоречивых версий его гибели.

Смерть Скобелева потрясла не только Москву, без преувеличения можно сказать, что она изменила историю России на многие годы вперед. Если бы Михаил Дмитриевич остался жив, политическая ситуация в России была бы совсем другой. И

можно было предположить, что страна развивалась бы более удачно, без революций 1905 и 1917 годов.

Прощаться со Скобелевым пришло пол-Москвы. Из отеля «Дюссо» гроб с телом Скобелева был перенесен в церковь Трех Святителей у Красных ворот. Панихида должна была состояться на следующий день, но люди шли прощаться с любимым генералом весь вечер и всю ночь. Церковь утопала в цветах, венках и траурных лентах. Двадцать верст от станции Раненбург до Спасского гроб несли на руках крестьяне. Впереди траурной процессии возвышался венок от академии Генерального штаба с надписью: «Герою МихаилуДмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Многие из простых людей даже после похорон продолжали верить, что Белый Генерал жив. Говорили, что его видели то в Болгарии, где он собирал войско в защиту братьев славян, то в Вятской губернии, то в Ужгороде.

Михаил Скобелев был настолько популярен в народе, что в память о нем выпускались лубочные картинки, посвященные его подвигам. Даже был изготовлен особый сорт водки «Горькая Скобелевская», хотя сам Михаил Дмитриевич при жизни слыл противником пьянства и строго наказывал за это своих солдат. Всенародная любовь к Михаилу Скобелеву отразилась в лихих казацких и задиристых солдатских песнях, которые сочинял сам народ, прославляя Белого Генерала и его военные подвиги: «А если бы ты родился снова, воин на белом коне, и взял под свои бы покровы победы в грядущей войне.»

В 1912 году на площади перед гостиницей «Дюссо» был открыт памятник М. Д. Скобелеву. А в 1918 году он был демонтирован в связи с постановлением Советского правительства, согласно декрету «О снятии памятников царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».

В наше время воскрешаются из небытия имена многих выдающихся людей. Пора отдать дань памяти знаменитому русскому полководцу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. К 900-летию Рязани имение Скобелевых было восстановлено, а одну из площадей древнего города украсил бронзовый бюст Славянского Гарибальди.

ЩОРС НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895-1919)

Бернард Шоу в своей пьесе «Ученик дьявола» задал, как оказалось, извечный вопрос: «Что же скажет в конечном счете история?» И ответ у него прозвучал однозначный: «А она, как всегда, солжет». Но лжет не история, а те, кто стремится ее переписать, чтобы скрыть содеянное преступление. Именно так произошло с национальным героем Украины Николаем Щорсом.

Бернард Шоу в своей пьесе «Ученик дьявола» задал, как оказалось, извечный вопрос: «Что же скажет в конечном счете история?» И ответ у него прозвучал однозначный: «А она, как всегда, солжет». Но лжет не история, а те, кто стремится ее переписать, чтобы скрыть содеянное преступление. Именно так произошло с национальным героем Украины Николаем Щорсом.

Практически в каждой энциклопедии, изданной в СССР после 1935 года, можно прочесть следующую статью: «Щорс Николай Александрович (1895–1919), участник Гражданской войны. Член КПСС с 1918 г. В 1918–1919 гг. командир отряда в боях с немецкими интервентами, Богунского полка, 1-й Украинской советской и 44-й стрелковой дивизий в боях против петлюровцев и польских войск. Погиб в бою». Сколько их — комдивов, комбригов — полегло в жестокой послереволюционной мясорубке! Но имя Щорса стало легендарным. О нем написаны стихи, песни и создана огромная историография, снят художественный фильм. Памятники Щорсу стоят в Киеве, который он мужественно оборонял, Самаре, где организовывал красное партизанское движение, Житомире, Клинцах, где громил врагов Советской власти, и под Коростенем, где оборвалась его жизнь. Там же открыты и музеи, посвященные красному комдиву. И в них много архивных документов. Но, как оказывается, не всем

им можно доверять.

Каким Щорс был полководцем, сейчас судить трудно, но он стал одним из первых офицеров царской армии, появившимся в казацкой красной вольнице. Николай Александрович не собирался быть военным. Сын машиниста-железнодорожника из поселка Сновска Черниговской губернии, окончив церковно-приходскую школу, хотел пойти по духовной части и поступить в семинарию, но с началом Первой мировой войны был призван в армию. Грамотного юношу сразу определили в Киевскую школувоенных фельдшеров. Затем был Юго-Западный фронт. За проявленную в боях храбрость командир направил его в Полтавское военное училище, которое готовило младших офицеров-прапорщиков для действующей армии по ускоренному четырехмесячному курсу, — и вновь в гущу сражения. К моменту Февральской революции Щорс уже был подпоручиком, но, когда после событий «Великого Октября» фронт развалился, Николай, подлечившись в Крыму от заработанного на войне туберкулеза, вернулся в родной город.

Как боевой офицер, Щорс не мог остаться в стороне, когда Украине после Брестского мира угрожала немецкая оккупация. Он создал в родном Сновске небольшой партизанский отряд, постепенно переросший в более крупный, с громким названием «Первая революционная армия». Предводитель партизан вступил в РКП(б) и успешно справлялся с военными задачами, которые ставила ему партия. В октябре 1918 года он уже командовал 2-й бригадой Украинской советской дивизии, состоящей из верных богунцев и Таращанского полка. Проверенные в боях партизаны, ведомые Щорсом, буквально за несколько месяцев разгромили гайдамаков и части польской армии на направлении Чернигов — Киев — Фастов. 5 февраля Николая Александровича назначили комендантом Киева, и Временное рабоче-крестьянское правительство Украины наградило его почетным оружием. Бойцы любили своего командира, несмотря на строгий нрав (нарушителей расстреливал собственноручно). Он умел организовать ход боя, сочетая при этом навыки и опыт офицера с партизанскими методами борьбы. Поэтому не удивительно, что вскоре под его командованием была вся дивизия. А затем при реорганизации Красной Армии в нее влились другие украинские части, и Щорс возглавил 44-ю стрелковую дивизию РККА.

Обстановка в Украине к лету 1919 года сложилась для Советской власти крайне тяжелая. Деникинцы и петлюровцы пытались овладеть Киевом, но пробиться к нему можно было лишь захватив стратегический железнодорожный узел в Коростене. Именно его и защищала дивизия Щорса. Когда после

рейда конного корпуса генерала Мамонтова побежала 14-я армия и падение Киева было предрешено, на вверенные Щорсу части легла трудная задача — выиграть время, чтобы эвакуировать советские учреждения и организовать отступление 12-й армии Южного фронта. Комдив и его бойцы стояли стеной, но 30 августа 1919 года у небольшой деревеньки под Коростенем во время очередной контратаки на передовой линии противника пуля из вражеского пулемета, попав чуть выше левого глаза и выйдя в области затылка справа, оборвала жизнь Щорса. Равноценной замены ему не нашлось. В тот же день в Киев вошли петлюровцы, а на следующий — их выбили белогвардейцы.

Красноармейцы простились со своим любимым командиром. Рана Щорса была тщательно скрыта бинтами. Затем тело в цинковом гробу (!) погрузили в товарный вагон поезда и похоронили в Самаре. Никто из щорсовцев не сопровождал траурный поезд.

Прошли годы. О герое Гражданской войны практически забыли, хотя в специальной и мемуарной литературе его имя вспоминалось довольно часто. Так, в одном из самых фундаментальных трудов по истории Гражданской войны, многотомных «Записках о Гражданской войне» (1932–1933 гг.), бывший командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко писал: «В Броварах производился смотр частей первого полка. Познакомились с командным составом дивизии. Щорс — командир 1-го полка (бывший штабс-капитан), суховатый, подобранный, с твердым взглядом, резкими четкими движениями. Красноармейцы любили его за заботливость и храбрость, командиры уважали за толковость, ясность и находчивость».

Постепенно выяснилось, что не так уж много людей стали свидетелями трагической гибели комдива. Даже генерал С. И. Петриковский (Петренко), командовавший в то время кавалерийской бригадой 44-й дивизии, хотя и располагался неподалеку, подоспел к командиру, когда он был уже мертв, а голова забинтована. Оказывается, в этот момент рядом со Щорсом находились помощник комдива Иван Дубовой и политинспектор из штаба 12-й армии некто Танхиль-Танхилевич. Сам Сергей Иванович о смерти Щорса знал только со слов Дубового, который лично перевязал командира и не разрешил сменить повязку медсестре Богунского полка Анне Розенблюм. Сам же Дубовой в своих воспоминаниях, вышедших в 1935 году, продолжал утверждать, что Щорса убил вражеский пулеметчик, насытив свой рассказ множеством деталей: «Противник открыл сильный пулеметный огонь, и особенно, помню, проявлял

«лихость» один пулемет ужелезнодорожной будки. Щорс взял бинокль и начал смотреть туда, откуда шел пулеметный огонь. Но прошло мгновение, и бинокль из рук Щорса упал на землю, голова Щорса тоже.» И о политинструкторе ни одного слова.

Как оказалось, имя героя Гражданской войны не затерялось во времени. Задолго до того, как о нем вспомнил Сталин и дал указание А. Довженко создать фильм об «украинском Чапаеве», существовало щорсовское движение, которое к началу 30х годов объединяло около 20 тысяч бойцов из 44-й дивизии. Они регулярно собирались и даже издали книгу документов и воспоминаний («44-я Киевская дивизия», 1923 г.). Правда, в 1931 году в Киеве с подачи ОГПУ было раскручено так называемое дело «Весна», по которому репрессировали несколько десятков командиров дивизии Щорса. По лагерям прошла и жена комдива, Фрума Ефимовна Хайкина-Ростова, а его младший брат Григорий, один из заместителей наркома ВМФ по строительству, был отравлен в Ревеле в конце 30-х годов. Но в Украине о герое помнили, ив 1935 году поселок Сновск стал городом Щорсом. Но только после выхода в прокат в 1939 году довженковского фильма Николай Александрович вошел в когорту наиболее знаменитых героев борьбы за Советскую власть и создателей Красной Армии в Украине. Заодно ему приписали множество подвигов, вплоть до создания Богунского полка, ведь к тому времени одна часть командного состава уже была выкошена, а другая числилась врагами народа. Щорс же погиб «вовремя» и угрозы для вождя народов не представлял.

Но теперь возникла ситуация, когда герой есть, а вот могилы его нет. И для официальной канонизации срочно потребовали разыскать захоронение, чтобы отдать надлежащие почести. Неустанные поиски накануне выхода на экраны фильма оказались безрезультатными, несмотря на то что все понимали, чем такая «халатность» может закончиться. Только в 1949 году нашли единственного очевидца довольно необычных похорон. Им оказался приемыш кладбищенского сторожа — Ферапонтов. Он рассказал, как поздним осенним вечером в Самару прибыл товарный поезд, из него выгрузили запаянный цинковый гроб — редкость по тем временам необыкновенную — и под покровом темноты и в строжайшей секретности перевезли на кладбище. На «траурном митинге» выступили несколько приезжих, они же произвели и троекратный револьверный салют. Наспех забросали могилу землей и установили привезенное с собой деревянное надгробье. А так как городские власти не знали об этом событии, то и ухода за могилой не было. Теперь же, 30 лет спустя, Ферапонтов безошибочно вывел комиссию к месту захоронения

на территорию Куйбышевского кабельного завода. Могилу Щорса обнаружили под полуметровым слоем щебенки. Еще б немного — и памятником герою Гражданской войны был бы корпус электроцеха.

Герметически запаянный гроб был вскрыт. Оказалось, что без доступа кислорода тело сохранилось почти идеально, тем более что оно к тому же было хоть и наспех, но забальзамировано. Зачем понадобились в грозные военные годы такие «излишества», что хотели скрыть? На этот вопрос сразу же был дан ответ. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила то, о чем все эти годы глухо шептались щорсовцы. «Входным отверстием является отверстие в области затылка справа, а выходное — в области левой теменной кости. Следовательно, направление полета пули — сзади наперед и справа налево. Можно предположить, что пуля по своемудиаметру была револьверной. Выстрел был произведен с близкого расстояния, предположительно 5-10 метров». Конечно, эти материалы долгое время хранились под грифом «Секретно». Их обнаружил в архивах и обнародовал журналист Ю. Сафонов уже после распада СССР. А тогда прах Николая Щорса после тщательного исследования перезахоронили на другом кладбище и наконец-то поставили памятник.

То, что комдива убили свои, теперь уже ясно, но остался вопрос: кому он так помешал? Оказывается, Щорса хотя и приняли в партию, но скорее относили к так называемым попутчикам. У него была собственная позиция по любому вопросу. Мало он считался и с военным командованием, и, если штабное решение его не устраивало, Щорс упрямо отстаивал свою точку зрения. Начальство, подозревая Николая в непокорстве и склонности к партизанщине, очень не любило его, особенно коробил большевистских «стратегов» никогда не опускавшийся долу жгучий щорсовский взгляд. Но все же не это стало поводом для устранения умело руководившего войсками командира, в котором на тот момент очень нуждалась Советская власть.

Поначалу историки заподозрили матроса-балтийца Павла Ефимовича Дыбенко, занимавшего во время Октябрьской революции важнейший пост председателя Центробалта, а затем выдвигаемого на самые ответственные государственные и партийные посты, а также военные должности. Но «братишка» со своими умственными способностями неизменно проваливал все поручения. Упустил Краснова и других генералов, которые, уйдя на Дон, подняли казаков и создали Белую армию. Затем, командуя матросским отрядом, сдал немцам Нарву, за что его даже выгнали из партии, правда, на время. «Прославился» Дыбенко и на должности командующего Крымской армией,

наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Крымской республики — сдал полуостров белым. И он же, бездарно провалив оборону Киева, бежал вместе с 14-й армией, оставив Щорса и его бойцов на произвол судьбы. Все эти неудачи ему сходили с рук благодаря супруге, знаменитой Александре Коллонтай. К тому же Ленин всегда помнил роль, которую Дыбенко сыграл в октябре 1917 года. Но если бы Щорс сумел устранить его «оплошности», возможно, «братишка» не дожил бы до обвинения в покушении на Сталина и расстрела в 1938 году. Но, как оказалось, не он «помешал» комдиву успешно отстоять Киев.

У Н. Щорса были более амбициозные и хитрые противники. Как оказалось, своим несговорчивым характером он очень досаждал С. И. Аралову, занимающему на тот момент должности члена реввоенсовета 12-й и 14-й армий, а также начальника разведуправления Полевого штаба Реввоенсовета республики и временно должность командира 14-й армии. И если командование фронтом и армией считало дивизию Щорса одним из лучших и наиболее боеспособных соединений, то комиссар С. Аралов придерживался иной точки зрения. Он был убежден, что щорсовцами должен заняться военный трибунал. Отношения с комдивом у него сложились отвратительные. В своих письмах в ЦК Аралов разоблачал Щорса как антисоветчика, указывал на его неуправляемость, а руководимую им дивизию, и особенно Богунский полк, характеризовал почти как бандитскую вольницу, представлявшую опасность для Советской власти. По его мнению, в «разложившейся» дивизии срочно была необходима чистка «не заслуживающих доверия» командиров. И его сигналы, что «со здешними украинцами работать невозможно» и что в первую очередь необходим новый командир дивизии взамен Щорса, были услышаны. Являясь непосредственным ставленником наркомвоенмора Л. Троцкого, Аралов был облачен большими полномочиями. В ответ на его доносы пришла телеграмма Троцкого с требованием навести строжайший порядок и прочистить командный состав.

Сам Аралов уже дважды пытался отстранить Щорса от командования дивизией, но это ему не удалось, ведь авторитет и популярность комдива среди подчиненных были несказанно велики, и это могло вызвать скандал с самыми непредсказуемыми последствиями. И поэтому Аралов сумел найти «достойных» исполнителей. 19 августа 1919 года приказом командующего 12-й армии произошло слияние 1-й Украинской дивизии Щорса и 44-й стрелковой дивизии Дубового. Причем командиром 44-й дивизии стал Щорс, а его заместителем — Дубовой, и это при том, что еще

до недавнего времени он был начальником штаба армии, командармом. Но чтобы отвести малейшие подозрения от Дубового, в дивизию по распоряжению С. И. Аралова прибыл молодой человек с повадками уголовника со стажем. Его появление не прошло незамеченным, потому что уполномоченный реввоенсовета 12-й армии Павел Танхиль-Танхилевич абсолютно не был похож на военного. Он приехал в дивизию одетый с иголочки и напомаженный как франт, а после гибели Щорса — исчез, как и не было. А сам Иван Дубовой в своих воспоминаниях ничего не сообщил об этой загадочной личности. Но зато когда историки и журналисты стали «рыть» эту версию, они в мемуарной литературе наткнулись на некоторые факты, явно пропущенные цензурой.

Оказалось, что еще в марте 1935 года в украинской газете «Коммунист» проскочил небольшой материал за подписью бывшего командира Богунского полка К. Квятека, который сообщал, что «30 августа на рассвете. прибыл начдив тов. Щорс, его заместитель тов. Дубовой и уполномоченный реввоенсовета 12-й армии тов. Танхиль-Танхилевич. Через некоторое время тов. Щорс и сопровождавшие его подъехали к нам на передовую. Мы залегли. Тов. Щорс поднял голову, взял бинокль, чтобы посмотреть. В этот момент в него попала вражеская пуля». Но в этой версии нет ни слова о «лихом» пулеметчике. А в книге бывшего бойца щорсовской дивизии Дмитрия Петровского «Повесть о полках Богунском и Таращанском», изданной в 1947 году, автор утверждал, что пуля сразила Щорса, когда. пулемет уже заглох. Эту же версию подтвердил и бывший командир отдельной кавбригады 44-й дивизии, впоследствии генерал-майор С. Петриковский (Петренко) в своих воспоминаниях, написанных в 1962 году, но частично опубликованных только более чем через четверть века. Он же показал, что политинспектор был вооружен браунингом, и рассказал, что провел свое расследование по свежим следам. Оказывается, возле Щорса с одной стороны залег Дубовой, а с другой — Танхиль-Танхилевич. Генерал приводит слова Дубового, что во время перестрелки политинспектор вопреки здравому смыслу стрелял в находящегося далеко противника из браунинга. И вот тут-то генерал делает совершенно неожиданный вывод о причине гибели Щорса. «Я все-таки думаю, что стрелял политинспектор, а не Дубовой. Но без содействия Дубового убийства не могло быть. Только опираясь на содействие власти в лице заместителя Щорса — Дубового, на поддержку РВС 12-й армии, уголовник совершил этот террористический акт. Я знал Дубового не только по Гражданской войне. Он мне казался человеком честным. Но он мне казался и

слабовольным, без особых талантов. Его выдвигали, и он хотел выдвигаемым быть. Вот почему я думаю, что его сделали соучастником. А у него не хватило мужества не допустить убийства». А сам С. И. Аралов в рукописи своих мемуаров о Гражданской войне «На Украине 40 лет назад (1919)» вроде бы невзначай обмолвился весьма примечательной фразой: «К сожалению, упорство в личном поведении привело его [Щорса] к преждевременной гибели».

Наконец остается добавить, что 23 октября 1919 года, почти через два месяца после гибели Щорса и проведенного на скорую руку расследования, именно И. Дубовой возглавил командование 44-й дивизией, а внезапно исчезнувший из Украины Танхиль-Танхилевич объявился в реввоенсовете 10-й армии Южного фронта. И убийца, и пособник, и заказчик весьма преуспели в своем грязном деле и считали, что надежно спрятали все улики. Их не волновало, что, оставшись без настоящего командира, дивизия потеряла большую часть своей боеспособности. Щорс мешал им, и этого было достаточно. Как сказал бывший член реввоенсовета Украинского фронта и герой Гражданской войны Е. Щаденко: «Оторвать Щорса от дивизии, в сознание которой он врос корнями, могли только враги. И они его оторвали».